

НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА

И СУДИТ МИР
ПРОЩАЮЩИЙ ХРИСТОС...

* * *

Дрожит росой небесный белый крин,
Где с милосердьем слита чистота,
Когда монашка с лилией кувшин
Несёт к ногам тишайшего Христа.

И каждый раз — как молния, как стон:
— О, Кто распят был и зачем распят? —
И лилией белеет Твой хитон
В алтарной мгле вселенных и лампад.

Христос мой тихий! Лилия Небес!
По Галилее среди рощ и скал
Ты шёл земной судьбе наперерез
И лилии тяжёлые срывал.

Так мы, беспечно споря о своём, —
Смешная озорная детвора! —
Ромашки и гвоздики вольно рвём
В изрытых поймах старого Днепра.

ЕГОРОВА Наталья Николаевна родилась в Смоленске, закончила Смоленский педагогический институт. Работала в библиотеке, в издательстве и газетах. Автор книг “Золотые шары”, “Птицы в городе” и подборок в периодической печати. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

И вдруг нас настигает, словно гром,
Открытый голос правды и вины.
Мы поднимаем головы — и ждём
Ответа напряжённой вышины.

Над храмом разорённым — облака,
И город — в новостройках и в пыли.
И душит сердце смертная тоска,
Как будто мимо главного прошли.

И навсегда душа потрясена
Незнамо чем — невнятным сном? лучом? —
И дышит напряжённо глубина,
Где всё на свете знает обо всём.

И снятся нам цветы в накрапах рос —
В них с милосердьем слит поющий прах.
И судит мир прощающий Христос —
И лилия сияет на устах*.

РУССКИЙ ДУБ

1

У Мамврийского дуба в поющем дупле
Блещут царства, и звёзды текут по стволам.
Тыщи лет он стоял на иссохшей земле
Там, где Бога однажды узрел Авраам.

Вспыхнул огненный Свет, порождающий свет,
Заструилось течение любви и тепла.
И хватило на долгие тысячи лет
Жизни той, что от ангелов трёх изошла.

Вырван вечною силой из тока времён —
Ни старенья, ни смерти ему не узнать.
Льётся Небо по листьям играющих крон,
И течёт по корявым корням благодать.

Крестоносец кичливый давал здесь обет,
Чтил законы раввин, голосил муэдзин.
Византии засохла священная ветвь.
Пал разрушенный Иерусалим.

Но в молитвах, звучавших под кроной сквозной,
Не услышал он жаркой прохлады лучей:
— Пусто, Господи, дубу в глуши мировой
Пить безвкусный настой иссушающих дней!

Вот тогда, жаждой Бога великой томим,
Среди жара пустынь не ища своего,
Из России безвестный пришёл пилигрим,
И три ангела пели в молитве его.

---

* В мировой символике лилия, исходящая из уст Христа во время Страшного суда, является символом милосердия.

Богоносная Русь! Духоносная Русь!
Над крестами — бездонных небес снеговой,
Под санями — сугробов таинственный хруст —
Потрясла исполина от крон до корней.

Как летит куполами над реками скит!
Что за пламя молитвы вдали ото всех!
Как Господь над лесами лучами блеснит!
Как поёт благодатью божественный снег!

И за сродство молитвы с единственной — той —
Стал он Русским среди палестинских равнин,
И пригрел монастырь под своею листвою,
И тянулся к России за Богом своим.

Ибо видевший Бога и чующий Дух
Будет Духа искать, не польстившись на прах.
И Россия легла под ветвями его —
Вся в горящих свечах и поющих снегах.

2

Но века пронеслись, как сметающий вал.
Новый русский явился из шума молвы.
Ветви дуба сломал и кору ободрал,
И продал на крикливых толкучках Москвы.

И настолько он был бездуховен и груб,
Так проникся идеями лжи мировой,
Что засох потрясённый безверием дуб
И ветвями скрипел в пожирающей зной:

— Богоносная Русь! Духоносная Русь!
Над тайгой и снегами — Христа тишина!
Дай же я за тебя посильней помолюсь
В нарастающей бездне последнего сна!

И в видении, чьё толкованье мудрё,
Вдруг увидел мальчишку. Москвы воробей,
Тот просил подаюнья в снегу у метро
И молился в слезах о России своей.

И летел в его шапку сияющий снег.
И о Боге Миров он не знал ничего.
Гнал и гнал беззащитного русского век,
Но три ангела пели в молитве его!

Те же ангелы пели — сквозь грохот и грязь,
Так же пели — в нахлынувшей мерзости лет.
И ожил, долгожданному чуду дивясь,
Русский дуб — и росток появился на свет.

Херувимы поют в его шумных ветвях.
Стаи ангелов гнёзда в листве его вьют.
Нерушимо Престолы таятся в корнях.
Светоносные Силы по жилам текут.

И среди запустенья — Любви торжество,
Ради вечного Духа отвергшая прах, —
Вновь Россия лежит под ветвями его
Вся в горящих свечах и поющих снегах.

Русский мир! Снизошла на тебя благодать —
Суховей ли шумит или падает снег, —
Ибо каждый, кто Бога стремится узнать,
Будет жив и уже не погибнет вовек.

* * *

И опять упаду я в кислицу и мхи,
И вдохну этот запах, понятный до слёз,
Будто плакал ребёнок, слагая стихи,
Да слова потрясённые ветер унёс.

И пойду я туда, где мурашек следы,
Где погладит черёмуха по голове,
И дурманом фиалки пахнёт от воды,
И пронзительно ландыш запахнет в траве.

Этой речью без слов в трепетанье лучей,
И с Творцом, и с творением соединены,
Пахнут Богу леса на исходе ночей,
Пахнут Богу цветы на исходе весны.

И открыты миры этим духам лесов,
Этой речи без слов, этой вечной любви.
О, как множится в чаще число голосов!
Как свободны в таинственной жизни они!

Брать легко им лучи и легко отдавать
Этот хвоей и прелью дрожащий эфир.
И зачем познавать им и что познавать,
Если в льющемся духе содержится мир?

Если в сторону облака тянутся сны
В переводе со света на запах и цвет,
И всё гуще над бором покров тишины,
Ибо тайн у Творца от творения нет.

ПОХВАЛА АЛЕКСАНДРУ НЕВСКОМУ

На свет он явился под утро, как Божие диво.
И храбрый, и кроткий, и мудрый душой отродясь.
И лик не опишешь — уж больно собою красивый! —
Каким с колыбели и должен быть воин и князь.

Но я воспою не в хоругвях летящих Победу,
Не меч беспощадный, не плавающий доблестью взгляд,
Не то, как он шёл за тевтонцем и шведом по следу,
Не плащ его алый, как в льдинах Чудского закат, —

Нет, я воспою, что на княжьем столе над Россией
Он церкви украсил смарагдами и кумачом,
Что твёрдой душою он правду поставил над силой,
И кротость — над гневом, и милость — над острым мечом.

И был он смиренным — со свечкой таких не отыщешь
На древних просторах, где рыщет разруха, ярьась.
Любил он крестьян. Раздавал свои житницы нищим.
И хлебушек сеял — как истинный воин и князь.

А дальше явилось крапивное подлое семя
Князей и князьков, растащивших на части страну.
И каждый приبلуда возносит себя надо всеми
И в жирное брюхо швыряет миры, как в мошну.

А если с экранов признаться обманутым тыщам,
Что вы поблудили и кровушки попили власть?
А если раздать всё, что вы понаграбили, нищим?
А если достойным отдать, как положено, власть?

Но если не можете правду поставить над силой —
Смотрите: из ночи гнилых иноземных свобод
Огромное солнце встаёт над замерзшей Россией,
И в рать на Чудском собирается нищий народ.

И огненный плащ развевая над пеплом пожаращ,
Летит над страной и коня поднимает, ярься,
И меч вынимает святой Александр Ярославич
На правое дело — как истинный воин и князь.

* * *

*Бессловесная наша словесность
Не такие забыла стихи!*
Светлана Кузнецова

*Этот русский анапест,
что плачет во имя любви...*
Татьяна Глушкова

Опять взойдут, сметая тьму обмана,
Готовя мысли резкий поворот,
Две музыки — Светлана и Татьяна —
Среди навек закрывшихся широт.

Ещё мы пьём, поём и лиц не хмурим,
Как в детстве, беззаботны и легки.
И всё вокруг — затишье перед бурей.
И всё вокруг — звенящие стихи.

Ещё светлей сибирских льдов окраины
Глаза Светланы с правдой о другом.
Ещё черны, как чернозём Украины,
Глаза Татьяны под высоким лбом.

И в их союзе обоюдоостром
Есть что-то свыше — как ни назови.
Две русских музы — в отчем слове сестры —
Два света, две печали, две любви.

Но нет в холодном воздухе спасенья
От тьмы рвачей и ханжества невежд,
И слышен голос близкого крушенья
В трагедиях поломанных надежд.

Они уже так скоро станут солью
Земной России, обращённой в прах,
И без торгов заплатят смертной болью
За родину в руинах и слезах.

Но и тогда, сметая мрак обмана,
Споют святые строки на крови
Две музыки — Татьяна и Светлана, —
Два русских сна о вере и любви.

ПРОЩАНИЕ С МАТЁРОЙ

...Река сомкнула медленные воды
Над островом с забытой деревушкой,
Над лиственем, над кладбищем, над жизнью
Простых людей, не нужных никому.

Ты помнишь, как мы плакали, читая
Скупую повесть нового потопа,
И ни секунды не подозревали,
Что повторится вечный сон Земли?

...Опять сомкнулись медленные воды,
И, как когда-то тихая Матёра,
Ушла под воду целая эпоха.
А в рукотворных времени морях
Мелькают до сих пор, светя в глубинах,
То Китеж-град, то новая Матёра — Эссэсэсэр,
И Богородице-на-водах —
Заступнице — Россию сторожить*.

И знаем мы: нерукотворно время,
Но рукотворны дамбы и плотины,
Что перекрыли медленное русло
Природного течения времён.

Так обернулась малая Матёра
Пророчеством скупым о нашей жизни,
О всех, за миг оставшихся без крова,
Без родины, без детства, без корней.

Прощай, Матёра, Бог тебя храни!

Давно сомкнулись медленные воды
Над Родиной, над правдой, над Победой,
И только тихий Валентин Распутин
Горит свечой на дальнем берегу.

И помним мы: когда входил Распутин,
Досужие смолкали разговоры,
И раскрывалось медленное сердце,
Ведь что-то было в нём всегда такое,
Чего не передать бессильным словом,
Но передать стоустой тишиной.

Прощай же, удивительное чудо!
Рассказ о том, как жить, чтобы остаться
Среди светил — во времени огромном,
Среди святых — на дальнем берегу.

---

* Леушинская икона Божьей Матери имеет несколько названий — “Аз есмь с вами и никтоже на вы”, “Защитница России”, “Богородица-на-водах”. Леушинский Иоанно-Предтеченский монастырь, в котором был написан образ, затоплен Рыбинским водохранилищем.

В коричневых платьицах выше колена
Застыли у школы в сиренях и сини
Морозкина Оля, Крещенская Лена,
Садковская Лена и я вместе с ними.

— Что будет? — спросила Крещенская Лена.
— Всё будет! — Морозкина Оля сказала.
А мне показалась судьба сокровенной,
И я, засмутившись, в ответ промолчала.

Провинции полдни в проулках таились,
Бросая нам звёзды и взгляды косые.
А впрочем, не слишком ли мы опустились,
Провинцией называя Россию?

И мы, как могли, полюбили округу,
Сложили окрестность, и землю, и воду,
В заботах насущных промчались по кругу,
Повсюду ища бытие и свободу.

Любовью побило, бедою побило,
Судьбой по другим городам разбросало.
Да сколько всего ещё разного было!
А я подглядела и вскользь записала.

Цвели нам сирени, маячили грозы,
Рабочие дни завершала усталость.
Душили проблемы, туманили слёзы,
Но много любилось и много прощалось.

А трудно ли было всё это осилить?
На этот вопрос мы ответим едва ли.
Но жизнь мы прошли и сложили Россию,
Какую мы знали и понимали.

Простую Россию — с недолей и долей,
Охажкой сирени, крестом небосвода,
Со всем, чему вряд ли научишься в школе,
Но это и есть бытие и свобода.

ЕГОРИЙ ХОРОБРЫЙ

Пусто, Господи, поле, и солнце мертво.
Заблудился в безбрежном бурьяне закат.
Лишь Егорий Хоробрый коня своего
Погоняет вдоль в землю врастающих хат.

Сельсовет, как корабль, потонул средь травы.
В средней школе навеки закончен урок.
Пусты, Господи, реки, и пашни мертвы.
Все давно опочили, отживши свой срок.

Вот оно — поражение великой земли.
Той землицы, что мы не сумели сберечь.
Пали, Господи, воины, кресты заросли.
О какой же победе заводим мы речь?

Лишь черёмухи вымокшей брызжет покров,
Да на губы летит одуванчиков пух,
И Егорий Хоробрый пасёт соловьёв,
Соловьиного войска небесный пастух!

Там, где тризна-жнея завершила свой труд,
Где осот и крапива взошли на крови,
Там выходят поэты и песни поют
О священной Победе и вечной Любви.

Ведь известно давно — кто посеет печаль,
Тот великою жатвою песни пожнёт.
Что за птицы мы все, коль себя нам не жаль,
Если отчая тризна нам — песенный мёд!

Разве падальщик ты, разве плакальщик ты,
Что поёшь о любви на пиру воронья?
Но огнём самогоночка в кружке дрожит,
И о павших гармошечка плачет твоя.

Ведь вмещает в себя нашей песни печаль
Всю кручину и кровь, все века и поля...
И клокочет, как колокол, древняя даль
В сердце мокрых черёмух, в груди соловья.

Подседай же, Егорий, в редующий круг,
Подпевай, как враги наши хаты сожгли,
И скажи неутешную правду, сам-друг,
Где хранится Победа великой земли?

За лесами? За звёздами горних миров?
У Творца-Саваофа в мозольной горсти?
Или, можа, у глотках святых соловьёв,
Что ты вышел в черемушных тучах пасти?

Мы пропели на весь межпланетный эфир
Про войну-да-разруху, а снова поём!
Если в Слове творящем запахан весь мир,
Значит, наша Победа посеяна в нём.

Но гниют разорённые сёлы без слов,
И без слов потрясённое сердце болит.
Да и ты, расплескав самогоночку вдов,
С партизанкой столетнею плачешь навзрыд.

ЕКАТЕРИНА КОЗЫРЕВА

“ТЕРПЕЛИВАЯ МУЗА”

О стихах Натальи Егоровой

“Русской провинции свет” – название книги Натальи Егоровой удивительно соответствует смыслу и содержанию этого прекрасного издания. В нём не только поэзия слова, но поэзия жизни русского народа и русского искусства. Сколько бы перестроек, революций, бедствий ни происходило в истории России, в ней неизбежным остаётся *русской провинции свет*:

*...Свет золотится на лицах,
Сближенных в счастье родства.
Жалует, милует, длится
Праздничный миг торжества.*

*Кто же назвал тебя сонной,
Нищей, убогой, больной?
Светел покой, осенённый
Древней лесной тишиной.*

В. И. Вернадский, говоря об истории нашего народа, подчёркивал удивительные, небывалые его черты: в них “открывается великое творчество, как и русская литература, совершенно забытое, восстанавливаемое и оживляющееся, как в эпоху Возрождения из земли возвращалось в своих остатках античное зодчество и культура”. Творчество Натальи Егоровой и представляется мне вот таким культурным слоем почвы, где лежит её “берестяная грамота”. Писать стихи, как древнюю грамоту, – редкость, открытие: вдруг предстаёт перед глазами изумлённого читателя деревня Волоковая, где “тысячу лет простояла над озером весь”. Русское тысячелетие – сказание о тысячелетней войне. Литовцы, французы, немцы шли через Волоковую. И тысячу лет сидела у вечного огня, горящего в вечной печи, небывалая древняя старуха, Вечная Матерь, вечная и современная русская крестьянка:

*И сколько жила ты — войной полыхала равнина,
И вечные всходы болезнью жигала роса.
А ты все ждала в партизаны сбежавшего сына
И Бога молила, чтоб дочку хранили леса.*

Тысячелетие русской истории встаёт и в стихотворении о современных дорогобужских мешанах, которые торгуют луком на базаре и “гоняют бешеных собак”. Когда-то здесь жил разбойник, который “грабил всех, плывущих в греки, по вольным пастбищам Днепра”, а сейчас в захолустном городке такая тишина, что даже воздух засеян “мятой и укропом”. Но неожиданное воспоминание о прошлом разверзает трагические глубины бытия, и провинциальный городок с его тихими жителями предстаёт совсем в другом свете: “Он грабил с пользой: вслед хоромы настырный выстроил купчина. // Здесь было сто церквей со звоном! — Да вот нагрнула война. // И дядя Митя с дядей Пашей дошли до самого Берлина, // И тётя Таня с тётей Машей на хлеб сменяли ордена”... А в, казалось бы, сугубо личном лирическом стихотворении “Пойдёт снегопад. С колокольни зимы позабытой...” вдруг неожиданно и ясно предстаёт русский характер: “Я свечку зажгу и себя позабуду, и стану // В снегу у церквушки молиться за всех и за вся”. Вот именно, русский человек способен себя позабыть за всех и за вся! И это в данном случае не вселенская отзывчивость, это наконец-то осознание своего, русского мира, за который пришла пора постоять. Такое небывалое состояние русского духа в наше постсоветское время родилось не вдруг, оно долго копилось, отстоялось и вот — проявилось. В стихотворении “Девяносто третий” небывалость эта в сравнении: “Тихо спит Москва убитая, // Обмотав бинтами ширь, // Как во поле после битвы // Васнецовский богатырь”. Недолго будет спать богатырская сила народа, алый крест уже горит в небе, напоминая о смерти и воскрешении. Небывалая же нищая и голодная старуха — ну, кто их не видел в наше время! Научились уже и не замечать их, и отбирать последнее, и натравливать полицию на их незащищённую и забывчивую старость. В стихотворении глаз старухи “смотрит косо // Не в мир, не в ночь, а в глубь себя самой...” Но “цветут под мокрым снегом розы // На вдовьем поле чёрного платка”, и случайный прохожий шепчет:

*— Слезами вдов дорог скрепляя глину,
Под шелест вьюг, под грохот батарей
Она дошла до самого Берлина.
...Подайте ж милостыню ей!*

Это творение останется в русской поэзии навсегда, оно существует как живой свидетель времени и нравов. Оно должно быть в школьной программе. Тесная связь исторического и религиозного звучит эпически значимо и ясно в стихотворениях “Всенощная”, “Одигитрия Смоленская”, “Нищенка с голубями”. Вместе с преданьями древних времён весомо и зримо утверждается русское самосознание в стихах “Сини очи бабушки моей”, “Русская тройка с разбегом”.

Наталья Егорова знает в поэзии толк, она умеет соединить прошлое и настоящее и каким-то неведомым чутьём предугадать будущее “с любовью к истокам”. Пушкин в работе “Юрий Милославский, или Русские в 1612 году” заметил: “Добрый наш народ — бояре, казаки, монахи, буйные шиши — всё это угадано, всё это действует, как должно было действовать в смутные времена”. У Егоровой действующими лицами нашего времени становятся самые простые люди. Например, школьная уборщица, гоняющая ребятшек, из стихотворения, написанного в 1986 году: “Самовольно добытою призрачной властью // Упивалась всерьёз ты и власть — // Стороной обходило обычное счастье, // Но хоть в этом-то жизнь удалась”. К концу стихотворения самоуправство тёти Фени приобретает вселенские масштабы: “Сотни звёзд слюдяных разбивая в лепешки, // Заметалась по небу метла”. Поистине верно угаданная картинка из наших дней с их бесконечными самоуправством и жадой власти. В стихотворении “Лампа Гагарина” мальчик Юра Гагарин под немецким обстрелом играет в землянке с крестьянской керосиновой лампой. Как напоминает это судьбу детей на юго-востоке современной Украины! Но Гагарин у поэтессы сродни былинным русским героям: он, как Святогор, обладает сверхъестественной силой и даже ребёнком “в мир выводит из творческой тьмы // Звёздный космос, плывущий лавиной // Над фонтаном военной зимы”. Звёздный космос, по желанию крестьянского мальчика с особой силой вспыхнувший над Россией в военное лихолетье, горит над нашими головами и сейчас: “Всё больше созвездий. Всё больше неведомых снов. //

Всё больше над миром горящих огнями миров”. Над миром – миры, а не жерла грозящих орудий! Героями русской жизни становятся Ефрем и Исаак Сирины, из вещей сиринов превращающиеся в русских снегирей: “Два снегира за белою горой // В сирийском сне над Русью вековой”. Говоря о древних святых, поэт думает о нашем времени: “И в драме мировой из года в год // Совсем другой сюжета поворот”. И хотя о современных событиях в Сирии поэтесса не упоминает, стихотворение о духовных поисках и вере неожиданно оказывается остро злободневным. Вместе с тем становится ясно: в наши смутные времена вместе с весной появляются смелые души, которые хотят воскреснуть и думают о бессмертии. И не только в поэзии, но и в жизни. В этом – тоже предугаданное у Натальи Егоровой.

Но видит поэт и современность. Современный мегаполис властно входит в поэтическую ткань. В чём-то он противостоит свету русской провинции. Это область разрушения традиции, генов, самих основ бытия, область отчуждения. В стихах появляются и путана, и алкаш, и бомжи, и гаишники, и ворон, кричащий над городской свалкой, скрывающей убитых неизвестно кем жениха и невесту, и русалочка-мутант, живущая в грязных каналах столицы, которой даже матросы бросают крошки с баржи и кричат, боясь задеть её... Но живо и действенно имя Божье и в смуте, и в отчаянье, и в просьбе о любви. Роковое признание поэтессы: “Я пропала с тобой, не кори меня зря. // Я хотела с тобою пропасть”, – рвёт струны сердца. И становится жаль, что “мужской покоряющей воле // Неподвластны простые слова”. Но человек не знает, что просит у Бога. Потому на просьбу о любви и поэтическом даре следует на первый взгляд неожиданный, в глубине же смысла – единственно возможный ответ Неба: “Белый дом запылал посреди тишины. // И узнавши, что люди – не братья, // Я пошла по руинам великой страны, // имя Бога твердя, как заклятье”. Всё так: дар слова и любви надо заслужить.

Трагедия одиночества человека в современном городе у Егоровой написана запредельно жёстко, и вместе с тем – в стихах правда жизни, они отражают реальные судьбы тысяч людей. Но и запредельная жёсткость перерастает в такое всепрощение – мощное подкрепление любви и счастья, – что нельзя не привести одно из её стихотворений целиком:

*Никто не позвонит, пока никто не умер.
От старых похорон до новых похорон
Гудит из тьмы времён отбой мой старый зуммер.
Молчит во тьму времён мой старый телефон.*

*Мне не с кем разделить судьбы обман и горе —
О брэнном пошутить, о вечном порыдать.
Тревожит только смерть людской надежды море —
А жизнь её давно устала волновать.*

*Я трубку положу. Я не отвечу миру.
Забывший обо мне — зачем мне нужен он?
Я плакать научу свою шальную лиру.
Я помнить научу свой старый телефон.*

*Я попрошу: “Звени отбой сильнее, зуммер!
Будь песней бытия в тоске земных орбит!
Ведь это хорошо, что вновь никто не умер,
И хорошо, что мне никто не позвонит!*

Такие же запредельные чувства в стихах: “Гулки, гулки улицы пустые...”, “Дай мне руку твою, мне уже не помочь!”, “Брошу плащ на диван полусонный...”, “Всё меньше их, детей русоволосых...”, “Где твои дети?” Мир современного города – предапокалиптический. И современная, увы, мысль о том, что “в новом пространстве свободы // Прежней не будет любви”, заставляет поэта задать жёсткий вопрос новому поколению: “Сам ты проснёшься ли прежней // Тварью – с единой душой?”

Современна и беспощадна поэтесса в горском сказании “Ночь”, напоминающем пушкинское романсовое и драматическое стихотворение “Чёрная

шаль”. Но у Егоровой красивая чеченка “выпьет кубок – под двуликой, // Смерть несущую звездой” не за любовь, не за трагедию ревности, а “за кривду сечи злой”. Героиня этой баллады в чём-то – полная противоположность дошедшей до Берлина старухи, как противоположна священной народной войне жестокая бойня, ведущаяся современными ваххабитами. Красота и сила этого стихотворения-предупреждения делает его классическим. Но опять, задавая справедливые вопросы сегодняшнему времени, поэт с укоризной напоминает будущим поколениям о нашей славной истории: “Будто с первопрородцем апостол Андрей // На собачьей упряжке не шёл сквозь тайгу, / Не водили мы в космос своих кораблей, // Не построили царство на вечном снегу”. Здесь и гордость, и горечь, и пророчество в свете освоения Россией Северного полюса в окружении “кривды сечи злой”.

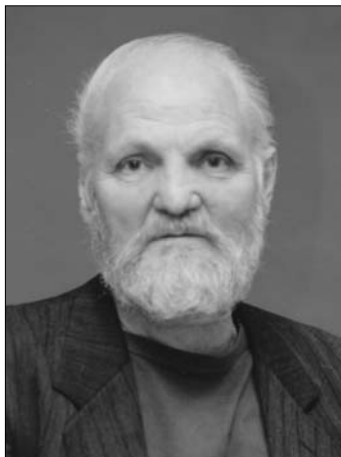
В “Отзывах о поэтах” Александр Блок размышлял: “В стихах каждого поэта девять десятых, может быть, принадлежит не ему, а среде, эпохе, ветру, но одна десятая – всё-таки от личности”. Читая книгу Егоровой, можно сказать, что народное самосознание плавно перетекает в личное и обратно. В её “Царевне-лягушке” не просто фольклорный образ, а две величины – мужик и царевна, – кажется, несовместимы. Но вот спросит он: “Как звать тебя, царевна?” – и услышит: “Сказочная Русь”. А сказка-быль всё продолжается и длится в стихах “Этим летом я богом была для лягушки, живущей в колодеце...”, “Сирень”, “Гжатск”, “Белый бант, коричневое платье...”. Всё общее, всё личное и всё – поэзия! Поистине – Бог дышит, где хочет. О правде жизни в поэзии Натальи Егоровой нельзя сказать сухим и беспощадным словом реализм. Её писания, изображения, её зрение, в котором даже звёзды – “древнерусские”, прошли через призму истории. Чутьё поэта преломляется во всём богатстве и силе русской жизни, и я назвала бы это состояние более зримым словом, чем реальность, – это ЯВЬ, где “солнца глаз – горящий мухомор – // Диктует явь разрушенным просторам”, где поэтесса сама задаёт вопросы земле и небесам и сама отвечает: “Встану на тёмном крыльце посредине скорбей...”. Это разговор с живым небом, Мировой Душой, в безбрежной огромности повторяющей человеческую душу. Лирический накал строк предельно силён: “Вся я раскрылась и молча стою пред тобой”. Такое одиночество женщины перед космической бездной явлено в русской поэзии, пожалуй, впервые. Это гениальная песнь одиночеству. И всё-таки всё возвращается на круги своя: “Снова ты думаешь, сильное Небо, за нас, // Быть иль не быть нам? – и властно диктуешь своё”. Но и на этот апокалиптический вопрос есть у поэтессы твёрдый и уверенный ответ. Мировоззрение поэта не останавливается на внешнем. Недаром же в мирозданье главное для неё – “космос лиц, очерченных страданьем, // Сожжённых светом, ослеплённых тьмой”.

“Терпеливая Муза” Натальи Егоровой исполнена тайны, она хранит “свой ребячий секрет”, как Божий дар. Поэтесса сама, как в стихотворении, посвящённом Юрию Кузнецову, – пролетающий “над судьбой и сияющим мраком // Мирозданья неузнанный гость”. Когда-то Татьяна Глушкова в критическом запале предрекала Юрию Кузнецову “разом и неординарность зрения поэта, и неизбежный тупик. Тупик философский, тупик духовный, омертвление души, холостой ход мрачного стиха, повторяющегося, не движущегося в однообразно-безвыходном пространстве”. Но можно ли назвать тупиком осознание одиночества поэта, в таком же запале сказавшего: “Звать меня Кузнецов. Я – один. // Остальные – обман и подделка”. Поэт, да и не поэт – всегда один в мирозданье, и не одиноким он оказывается, только “согревая просторы Отчизны // Несдающейся песней любви”. Это прекрасно осознают и сама Наталья Егорова, и её поэтические предшественники – герои стихотворений: и Светлана Кузнецова, и “одинокий пророк” Николай Тряпкин пришли в поэзию, “чтоб Песней стать однажды и всерьёз”. Потому-то и очевидно Егоровой, что “сбережённая память откроет” таланты всех помянутых поэтов, и каждый из них “сверкнёт как самородок”. Каждый настоящий Поэт всю свою жизнь, все свои духовные и физические силы отдаёт Поэзии. Не потому ли в одном из стихотворений возникает образ поэта, распятого на лире земных страстей: “Руки прикованы к звёздам, // Ноги прибиты к земле”. Это земное, грешное распятие, но и грешный поэт у Натальи Егоровой обладает поистине космическими силой и мощью.

Наталья Егорова с напряжённым постоянством вслушивается в пространство, время и вечные заветы предков: “Пространство – слушай, времени – внемли, // Лишь кротких ждёт наследие земли”. И в берёзовой роще на холме, мимо которой всё ещё пытит старый трактор, вновь за всех поёт душа поэта: “А что до смерти – да кто ж подскажет? // Вишь – Русь стоит на холме пологом...” “Русь – древнее, но всецело живое и сегодня название нашей страны. Его происхождение... до сих пор не разгадано до конца (согласно строке Александра Блока: “И в тайне ты почиешь, Русь”). В течение XVI-XVII веков “Русь” постепенно заменяется названием “Россия”, которое исходит из *византийского* (курсив мой. – Е. К.) варианта произнесения (“рос” вместо “рус”). В этой замене выразилось, по-видимому, стремление утвердить статус страны на *всемирной* сцене. Слово же “Русь”... – *поэтическое* имя Отчизны” (В. Кожин “История Руси и русского слова”). Поэтесса как бы подтверждает слова мыслителя: “Это – глубже меня, это – дольше земли, // Это знание древнее, чем свет. // Мы пришли из России и канули в Русь, // След оставив и песнь на земле”. Такие стихи хочется расписать на каноны и петь под гусли. Очень скоро стих Натальи Егоровой наполняется силой и мощью Руси уже в *мировом* плане: “Эту нищую землю никто не спасёт...”, “Вселенская церковь”, где над заброшенной, нищей догнивающей деревенской церквушкой “восходят Царства – вечные, святые, // Не знающие тлена перемен. // И сам Христос, продрогший в ветхой раме, // Сквозь дождь и мрак несёт Благоую Весть, // Чтоб знали все в забытом этом храме, // Что центр мира – пребывает здесь”. Не оставляет поэта и живое, органическое начало русской природы, отчего “часто-часто бьётся сердце, // Близко-близко дышит Бог”. А ещё есть здесь поэтические народные легенды: “Богородица и листопад”, “Трапеза”, “Угодники”, где образы Богородицы и Христа по-есенински сливаются с природой и дышат истинной народностью: “В рощах вётел и берёз // Весь в цветах и юной зелени – // Мой Возлюбленный Христос”. Природа естественно перетекает в Слово, Мысль, Любовь, Доверие. Сюда же, в природу, врывается древнерусский “Днепр-Словутич” (автор не случайно предлагает древнерусское написание через “о” – ведь так это слово пишется в “Слове о полку Игореве”) – повествование лиро-эпическое, я бы сказала, поэма.

В книге Натальи Егоровой “Русской провинции свет”, совсем недавно удостоенной Всероссийской православной литературной премии имени святого благоверного великого князя Александра Невского Санкт-Петербургской Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, столько глубинного смысла истории и современности, старины и новизны, что вместе с поэтом любишь и веришь в духовное воскрешение и величие Руси-России.

ВЛАДИМИР КРУПИН

НЕДЕЛЯ В РАЮ

РАССКАЗ

Великорецкие крестоходцы

Опять год прошёл, опять мы вместе

Доехали по асфальту только до поворота. Свернули на просёлок, сразу сели. Машину еле вытащили. Ещё одну на трассе тормознули, перегрузили вещи и... тоже сели. Опять вытаскивали. Больше на колёса не надеялись, всё навьючили на себя: еду и питьё, лопаты, топоры и поплелись знакомой дорогой. Двенадцать километров. Грязища. Идём опять мы, как и ходили все эти годы: бригадир наш крановщик Анатолий и Толя, поэт, идут работяги, два Александра, один с бородой, другой без, идёт, опять же поэт, Лёша, а с ним впервые идёт сыночек-семилеток Ваня, инженер Володя, писатель и поэт Николай, молчаливый Леонид, он заикается, иду и я, аз многогрешный. Год не виделись. Год, а как его и не было, этого года. Ибо главное в нашей жизни — Великорецкий Крестный ход.

Уже и годы смешались в нашей памяти. Что в том году было, что в позатом, путаем. Да и не важно. Важно, что возрождается место, бывшее село Горохово, где Крестный ход останавливается на длительное время — три часа. Тут и молебны, и погружение в купель, и набирание воды в дорогу из чудотворных источников.

КРУПИН Владимир Николаевич родился в 1941 году в Вятской земле. Служил в армии, окончил Московский областной пединститут. Автор многих повестей и рассказов, романа "Спасение погибших", путевых заметок о Ближнем и Среднем Востоке, о Константинополе. Автор "Православной азбуки", "Детского церковного календаря", книги "Русские святые". Лауреат Патриаршей литературной премии имени Кирилла и Мефодия. Печатается в нашем журнале с 1972 года. Живет в Москве.

Идём, идём. Тянет поклажа плечи, но душа ликует и сердце поёт. А какой лес по сторонам, какие просторы. Но надо же отметить радость встречи. Как без этого? Русские же люди!

— Бригадир! — взываем мы. — Год не виделись! Ведь мы же фактически ещё и не встретились! Ведь пока не грешно: Крестный же ход ещё из Вятки не вышел.

— А где присесть? — резонно отвечает он. — Мокрота же. Не отмечать же на ходу.

— А что особенного, — говорит Толя-поэт, — Хемингуэй работал стоя и никогда не знал простоя. Вон лесок впереди. Под ёлочкой-то как хорошо.

Анатолий назидает, уводя в сторону:

— Маргаритушка прошла семьдесят раз, у меня посоха для зарубок не хватит. — У Анатолия на посохе зарубки, обозначающие количество Крестных ходов. — Вот Ванечка сможет пройти много раз. Хорошо, что ты с этих лет пошёл. Да, Иван?

Ваня пока стесняется говорить, жмётся к отцу. Тот называет его мурено:

— Дружище, отвечай: к тебе глаголот. Мы входили в веру через терния и потери, через сомнения, а ты можешь войти органически, через радость.

— Лёша, от сына отстань, — советует Толя и говорит Ване: — Скажи папаше резко, Вань: “В такую грязь, в такую рань меня, папаша, не болвань”. Ведь верно, Вань?

— Ой, ребёнки, — смеётся Анатолий.

— Толя! — вскрикивает Саша. Подскакивает к Толе и достаёт у него из-под ног пёстрого шмеля. — Шмелик какой хорошенький красивый, мирное какое животное. Лапками умывается. Полетел!

На возвышенном месте посуше, идти полегче. Анатолий назидает:

— Кто без покаяния умирает, а паче того — без отпевания, двадцать мытарств проходит. Весь мир будет их проходить. Что видим в мире? Безпредел, ужас! Что видим: воровство, пьянка, разврат! — Он останавливается. — Ребёнки, мы так не дойдём. Надо Акафист святителю Николаю читать. Крестный-то ход Никольский.

Передышка

Останавливаемся, снимаем с плеч груз. Читаем Акафист святителю Николаю. Пытаемся даже петь, но иногда не очень согласно.

— Ничего. В прошлом году так же, не сразу спелись. А вы, ребёнки, за зиму сколько хоть раз Акафист читали?

— Чего с интеллигентов спрашивать? — вопрошает Толя. — Пойду солону поджигать.

Толя вообще поджигатель и разжигатель костров. Вскоре от оставленных груд соломы начинает идти густой серо-белый дым. Его ветром несёт на нас. Задыхаемся, сердимся на поэта, он хладнокровно объясняет:

— Это дымовая завеса, я вас маскирую, скрываю. С самолёта, чтоб не видно.

— От Бога ты нигде не скроешься, — наставляет Анатолий.

— Смотрите! — Толя весь озаряется. — Впервые такое вижу! Целое поле аютиных глазок. Да-а. Где бодрый серп гулял и красовался колос, теперь... — запинаясь.

— Теперь простор везде, и российские поля уже не рождают *быстрых разумом Платонов*, — привычно поддевает Лёша.

— Вот у этого затона я прочёл всего Платона, — отбивается Толя.

Оба Александра и Ваня рвут цветы. К иконе Казанской Божией Матери. Образ Её сохранился в Горохове на стене колокольни.

Саша оцарапал палец. Толя — он врач — перевязывает:

— Тут операция нужна, тут надо обработать спиртом. Ты понял, бригадир? Тебе нужны здоровые работники или как? Я хирург. А хирург — это

взбесившийся терапевт. — И снова подговаривается к выпивке: — “Сжѐг я средь поля сырые снопы и только за стопку сойду со стопы”. Нам не для пьянки, а чтоб форму не потерять.

— Лучше сойди со стопы и сядь, в ногах правды нет, — уклоняется Анатолий, — вся правда в Евангелии. Отдохнём и дальше пойдѐм. Молча. Каждый читай про себя молитву Иисусову.

Идѐм дальше

И в самом деле, много раз замечаешь на Крестном ходу, что, когда идѐшь и отвлекаешься на разговоры, то ноги тяжелеют, а когда идѐшь и молишься, идти сразу легче.

Шагаем. Дождя уже нет. Ветерок обдувает, сушит. Ещѐ и то хорошо при ветерке, что он отгоняет от нас всяких крылатых насекомых. А когда ветерка нет, то и жарко, и комары, оводы всякие нападают, впиваются, пьют кровь. Место укуса долго потом зудит и чешется. Даже и лучше, когда бывает холодно. Тогда этих тварей нет.

Всякая погода бывала в эти годы, ведь уже скоро двадцать лет как ходим. И жарница египетская бывала, и холод. Да такой, что трава покрывалась инеем, а закрайки у реки Великой обледеневали. Всегда бывали и дожди, и град обрушивался. Но всегда и радуга выгибалась небо. Иногда даже тройная. И всегда бывала радость. Этого не понять не верящим и не ходившим на Великую. Лупит град, крестоходцы голову закрывают, сами ликут: так нам и надо, так нас, Господи! Накажи и прости!

И вот уже увиделась вдали гороховская колокольня. Плечи расправились, пошли повеселее. Радостно запели “Царю Небесный”. Сил прибавилось. Знакомый приговор, низина, кладбище, снова вверх. Дошли.

Пришли

В Горохово “обходим владенья свои”. Купели, конечно, исчезли, смыты водополицей. Ничего, наладим, на то и посланы. У родника сделаны три трубы. Из двух льются хорошие струйки, из крайней к лесу — чуть-чуть. С радостью пьѐм, умываемся — благодать! Вершинки леса осветились — это солнышко пробивается к нам сквозь тучи. У Саши прямо сияющее лицо.

— Толя, помнишь в прошлый год, ты не хотел погружаться в источник?

Саша напоминает случай из нашей жизни в прошлый Крестный ход. Мы оборудовали купели и погружались по очереди. А Толя потерял образок святителя Николая и сказал, что это ему знак — запрещение. “Без него не пойду”. Мы всё осмотрели, обыскали — нет образочка. А вечером вернулись — глядим — да вот же он, над источником! Чудо!

— Да, — кричит Толя, — не очень-то я был рад этому чуду, боялся холода. Но! Пришлось! Зато доселе жив! Перезимовал.

Соображаем, чем займѐмся в первую очередь. Потом во вторую и третью. Много надо успеть до прихода паломников.

Конечно, и работаем, и жизни радуемся, и о многом успеваем наговориться у костра.

Как начиналось

Нашу бригаду или артель, как угодно, сдружил и сплотил Великоорецкий Крестный ход — это главное чудо вятской земли. Да разве только вятской! Уже идѐт этим ходом вся Россия, всё Зарубежье. Ходу свыше шестисот лет. Наши предки дали обет каждый год носить чудотворную икону святителя Николая из Вятки на реку Великую, туда, где она была обретена.

Выполняя этот обет, мы вместе с другими ходим с иконой много лет. Помним, как шло нас человек двести, все друг друга знали, а сейчас идѐт по пятьдесят тысяч и больше. Кто откуда. Вятских, в сравнении с другими, мало. Но вятские выполнили главное дело — сохранили Крестный ход. Вот и наша

бригада вся вятская. Все по происхождению сельские, то есть умеющие всё делать: и копать, и пилить, и стены класть, и круглое катить, и плоское таскать. И на земле спать, и клещей не бояться.

Нашу бригаду уже давно батюшки благословили уходить заранее вперёд, готовить встречу Крестного хода в Горохове. Там, на третий день пути, большая остановка с Акафистом святителю Николаю, с двумя молебнами, с погружением в купели, с общим обедом. Но ведь и купели, и обед надо кому-то приготовить. В церкви, пусть она ещё без куполов, тоже прибратся.

Горохово было огромным селом: сельсовет, средняя школа, больница, но большевики и сменившие их коммунисты, ненавидя Православие, уничтожили его. В прямом смысле. Как фашисты. Жители были насильно изгнаны, переселены, а все избы, все постройки сожгли. Сгребли бульдозерами в одно место и подожгли. Дым, как крик о помощи, восходил к небесам. И услышал Господь. Увидел наши малые труды и дал сил на дальнейшие. Диву сами даёмся, что было и что постепенно становится. В прошлом году разбирали фундамент школы, поражаясь его размерам. Разбирали, потому что нужен кирпич для возрождения церкви. Её тоже взрывали, но взорвать до конца не смогли.

Трудовые будни

Возвращаемся к костру. Закат перемещается к востоку встречать восход. Щедрый к ночи бригадир разливает, говорит Толе: “Пей первым, ты больше видел горя”.

Ночью изжога, бессонница. Выходил. Так хорошо дышится. Светлая прохлада. Комары молчат. Скрипит коростель. Из домика выскакивает бригадир, хватает полешко и с криком: “Получай, фашист, гранату”, — швыряет её в кусты. Коростель рад такому вниманию, усиливает звук.

Под утро оживил костёр, поставил чайник. Захожу в избушку с романсом: “Утро туманное, утро холодное, вставай, бригада, вставай, голодная”. Толя, просыпаясь: “Меня осканяйте, чтоб не думать о Канте. Я храпел?” — “Храпели все, кроме тебя”.

Идём к роднику. Роса, холод. Шли только умыться. Но пришли, стали работать. И вот интересно: то ли так рады встрече, то ли труд наш очень нужен для участников Крестного хода, но здесь любая работа — в радость, а не в тягость. “Нам денег не надо, работу давай”, — это бравый бригадир. Меня гонит делать завтрак.

— Чай будешь заваривать, — наставляет он, — воду не прокарауль. До кипения не доводи. Слушай шум. Зашумит, как пчелиный улей, — заваривай. Смородины добавь.

Иду через густо-зелёный дуг с полянками золотых купавок, с ароматной белизной черёмух. Поднимешь глаза — лес, ели — как остроконечные шлемы древнего воинства. О, как весь год рвалось сюда сердце, и так хочется вновь надыхаться ещё на год.

Завтрак тороплив — некогда чаи распивать, хоть и смородиновые: работы много.

За год купель истратилась, приходится заново восстанавливать. В неё лезут те, кто в сапогах, — Лёша и Сапа. Мы на подхвате. Ваня оказывается незаменимым. Бегаёт то за тем, то за этим к домику, помогает и мне. Моет посуду, да так, что за ним перемывать не надо.

У купели делаем бревенчатый настил на тонком месте, ступени на склоне, перила к ним. Изготовили и устанавливаем арку при подходе к источнику. Над ней — Крест. Кто ходил на Крестный ход, обрадуется новым свершениям, кто пойдёт впервые, будет думать, что так оно и было. А пойдёт неисчислимое море людей, и все будут погружаться в купель, набирать воду после водосвятного молебна.

Горбатимся, копаем, идёт синяя глина, целебная, лечебная, но такая тяжёлая. Ещё ходим за осинами, спиливаем, притаскиваем, разделяем по размеру. Не рассчитали, приходится опиливать. Но опиливши, чурбачки идут в дело — выкладываем ими подходы к источнику.

Дерево осина чем хороша? Не гниёт. И вообще дерево замечательное, она же не виновата, что на ней Иуда повесился. И когда осина трепещет листочками, даже в ясную погоду, без малейшего ветерка, почему говорят, что она трясётся от ужаса, — она жизни радуется. Осина неженка: осенью первая желтеет, краснеет, оранжевеет и так оживляет лес, опушки, что даже не страшно думать о близкой зиме.

Дно купели выстилаем ровными, тонкими осинками. Прижимаем их сверху срубом. Другая часть бригады прочищает дорогу к роднику. И в прошлых годах вначале прорубали, потом расширяли тропу, но людей идёт всё больше, нужна уже не тропа, дорога, улица в лесу. Ваня полюбил топор: очищает стволы осинок от сучьев.

— Дружище, — говорит отец Лёша, — ты осторожней.

— Давайте все усыновим Ваню, все будем наставниками, — предлагает бородатый Саша.

Ваня уже освоился и смеётся громче всех:

— Дядя Толя, вы правда сегодня не храпели?

— Нет, дружище, как глаголил бы твой папаша, это не я храпел, это просто ты крепко спал, — отвечает Толя.

— А кто меня ночью потащил? — спрашивает Ваня.

Тут мы все начинаем смеяться. Ночью именно я, проснувшись, захотел что-то под голову подложить. Пощупал: у стены телогрейка. Потянул её к себе, а телогрейка как закричит! Это Лёша укутал сына в телогрейку, уложил его за общим изголовьем.

— Ваня, — советует Толя, — будешь писать сочинение: “Как я провёл лето”, обязательно в конце припиши: “Марья Ивановна, всё было хорошо, вот только работать подушкой больше не хочу”.

Ой, до чего же здесь хорошо!

Да, как радостно, что мы здесь, тут мы молодеем, освежаемся телом и духом. И, как говорили древние, возгреваем православные чувства.

Готовлю обед, но решаю, чтоб сэкономить своё время для работ на источнике, заодно приготовить ужин. Кастрюль хватает, нанесли их за эти годы. Разошёлся, начистил ведро картошки. И спохватился: кончилась картошечка, много на себе не притащишь. А ведро за обед и ужин скушаем. Ещё бы, при такой-то работе на свежем воздухе какой у всех аппетит! Ничего, завтра перейдём на кашу. Я уж знаю, кто какую любит. Крупы много.

Раскопегарили с Ваней печурку, крышки кастрюлек дребезжат. В самой большой закипает вода. Завариваем, как велено, смородиновым листом. И, конечно, ещё и пачку листового.

— Ваня, ты и костровым был, и посудомойщиком, а теперь, ноги в руки — будешь посыльным. Алпор три креста за работниками!

— То есть быстро бежать?

— Нет, надо ещё быстро стоять и долго спрашивать.

Ваня помчался. А я тарелки, кружки, ложки на артельном столе приготовил. Хлеб нарезал. Идут мои братики. Саша сияет:

— Всё цветёт, всё благоухает! А птицы! Рай! Рай! Ванечка, запомни!

— Продолжаю диктовать сочинение “Как я провёл лето”, в нём напишешь: “Я был в раю, там меня жрали комары и клещи, а в речке плавали лещи”, — советует Толя.

— Стоп! — восклицает бригадир. — Раздеваемся! Немедленно! Надо это было сделать перед сном.

Бригадир совершенно прав, ибо клещи похожи на радиацию: их не видно, не слышно, но они есть. И вот — у Саши на шее, под бородой клещ. Хорошо — рано хватились. Смазываем укус растительным маслом. Бригадир ниточкой обвязывает клеща и начинает потихоньку как бы выкручивать его из тела против часовой стрелки. Не дай Бог, оборвётся. Но всё, слава Богу, обошлось.

— Надо в баночку и на экспертизу, — говорит Саша без бороды.

— Много клещу чести. Экспертиза! Клещ и слова такого не знает, — говорит Толя. — Он уже не жилец, развяжите и отпустите.

Я стучу ложкой по кастрюле и возглашаю: “Отче наш...”.

После обеда, перед новыми трудами читаем Акафист святителю Николаю. Поём всё лучше. Умилительны наши молитвы. Саша всегда плачет и оправдывается: “У меня слёзы сами текут и текут”. Он старается всегда выбрать время, чтобы прибраться в храме, выносить мусор, подмести пол. Пол, которого пока нет, — утоптанная земля. А что было-то! Всё было завалено мусором, горами удобрений. Голыми руками выгребали. А запах какой шёл от удобрений! Молодым женщинам становилось плохо — аммиак. Но вятские старухи и тут не сдавались. Помню, меня поразило то, что я собирал кучи битого стекла, ссыпал в старое ведро, и тоже голыми руками, и ни одной даже царапинки.

Молимся всем миром, а будет так, что и места в храме не будет. Говорим о том, что Крестный ход двинулся из Вятки. Знаем даже по часам, где они теперь.

— К Бобино подходят.

— Нет, ещё часа через два. У нас, в Горохово будут послезавтра, часам к девяти утра. Выйдут из Монастырщины в три часа ночи.

Ставим Крест между источником и купелью. Делали его из молодой соsenки. Снимали нежную подкорку, вспоминая это лакомство детства. И сейчас тоже в самый раз. Всё в нас оживает. Особенно от воды источника. Её хочется пить всё время.

Чуть больше суток здесь, а кажется, живём тут давно.

Работаем, и комаров замечать некогда. А их тучи.

— Ещё, Ваня, — советует Толя, — напиши в сочинении: “На Крестном ходу меня удивляло то, что комары совсем не кусали старух, а кусали меня и девочек. Дядя Толя объяснил: старухи железные, а девочки живые, а это разная степень вкусности”. И сообщи граду и миру, что одна девочка тащила с собой целый пакет всяких антикомаринов, дезодорантов, и её всё равно жрали круглосуточно. Запомнишь?

— Запоминай, дружище, — советует Ване Лёша.

Бригадир, как всегда авторитетно, просвещает:

— Комаров создал Бог для питания птиц и для обновления крови. Убавляется крови, начинают работать кроветворные органы.

— Комарихи любят пьяных мужичков, — в тон ему продолжает Толя. — Я же сам таков. Алкоголь входит в кровь, которую комары пьют. Балдеют, сами становятся алкоголиками, начинают на всех нападать, кусают даже машины и трактора. Ваня, запиши.

Опять мы промерились с длиной жердей для настила. Переделываем.

— Ничего, — утешает бригадир, — трудов напрасных нет.

— Есть бесполезная работа, сказал поэт, трудясь до пота. — Это Лёша.

— Может, когда сюда и Патриарх приедет, — мечтает Саша.

— Вначале архиерей, — решает Анатолий. — А я, братья, видел архиерея. Лично. Возил документы от храма на подпись. Батюшка говорит: меня могут не пустить, ты пройдёшь. Прошёл. Попросил благословения, подал прошение. И не забыть подпись его: одна треть страницы — это прошение, а две трети его подпись. А вот вы, умники, скажите, почему — меня спросили в приходе — у Патриарха охрана, он ведь человек Божий, его Бог охраняет? Почему?

— Да если б не было охраны, я бы первый стал его охранять, — заявляет Саша. — Столько сейчас психов, ненормальных, сектантов.

— Это не ответ. Его же Бог бережёт.

— Так вот, Бог и поставил охрану.

— Да, — восклицает Анатолий, — так мне и надо было ответить.

Ваня неожиданно спрашивает:

— А почему кружки после чая не надо мыть?

— Как так?

— Да, не надо, это я распорядился, — говорит вождь. — В немойтой кружке вкус нарастает. И вообще, в закопчённой сверху и чёрной внутри кружке есть что-то партизанское, фронтовое.

Приходится соглашаться.

— Не мыть — так не мыть, — говорит повар. — И в самом деле,

есть же великая вятская поговорка: “С грязного не треснешь, с чистого не воскреснешь”.

— Это от Писания, — сообщает бригадир. — Фарисеи чаши очищают, а сами полны нечистот.

Скоро снова в дорогу

Когда заканчивается Крестный ход, то уже думаешь о следующем. Прикидываешь, чего надо взять, а что нынче не пригодилось, зря носил, то не надо. Становишься потихоньку опытным, незаметно меняешься. Но не меняешь тяга к собратьям, к нашей бригаде.

Год на год не походит, так же и Крестный ход. Каждый раз разный.

— А помните, составляли инструкцию для крестоходцев, но не записали, жаль, — говорит Саша. — Меня спрашивают, что взять, во что одеться.

— Тут главное — во что обуться. Пластыря взять против мозолей. И зелёнки, она сушит. Носки запасные, шерстяные. И чтоб синтетики ноль целых ноль десятых. Свитер. Голову чем прикрыть, — перечисляет бригадир. — Из еды, что полегче, меньше всяких банок. Изюм, он лёгкий и питательный. Горький шоколад. Сухари! Обязательно ржаные. Мелкие. Идешь, сухарик во рту как конфетка.

— Какие там инструкции — раз пройти и всему сам научишься, — заявляет Толя. — Главное — взять благословение. Взял и иди, иди, иди.

Нас всегда веселит воспоминание, как на одном из наших первых ходов пошла женщина в годах, а её батюшка не благословлял. И она сильно занемогла. Упала. Что делать? Тогда никаких врачей с нами не шло. Бросать нельзя. Надо тащить. Сделали носилки. А чтоб её нести, нужно восемь мужчин. Несут по четверо, меняются. И вот её уложили на носилки, пошагали. Она кричала на весь лес: “Ой, простите меня, дуру старую! Ой, бросьте меня! Ой, закопайте!”

— Кайся, кайся, — говорил батюшка. — Не ухаживали за тобой враз восемь кавалеров, вот на старости лет порадуйся. Им-то во спасение, тебе за непослушание во грех.

И когда мы вспоминаем этот случай, то вспоминаем и то, что на Великой она исповедалась, причастилась, и обратно шла со всеми своими ногами. Но уже взяв благословение.

В распутицу

Под холодным дождём пришлось идти и в этот раз. Думали, машина доведёт. И опять же, забуксовала. Вытаскивали. Ещё попытались ехать, вообще сели. Снова вытаскивали. Все в глине. Дождь хлещет. Вещи разобрали, надо идти.

— Господь труды любит, — говорит вождь. — А вы комфорта хотели. Как Маргаритушка говорила: грешить-то погоду не выбирали!

Никто иначе и не думает. Не идём, а ползём. Не до разговоров. Усталость полезна. Молитва усиливается. Отдых под деревом. Знаем, в вещах не только продовольствие, топоры, лопаты, пила и гвозди, но и лекарство от простуды. Вождь, выдержав мхатовскую паузу, отмеряет по полпорции. Читаем “Отче наш”. Малостью подношения не оскорбляемся. Это только начать.

— Между первой и второй перерывчик небольшой, — сообщает вождь. — Это научно доказано, потому что процесс гидролиза начинается в организме в первые минуты принятия дозы, и надо ему помогать.

— А чтоб между второй и третьей пуля не пролетела, — это, конечно, поэт.

Как в дом родной пришли

В Горохово, как всегда, доползли измученные. Сразу видно, что после и этой зимы снова всё заилилось, ступени к источникам размыты, подходы к купели заросли. И это за один год. А когда пятнадцать лет назад, после

пятидесятилетнего запустения, тут прорубались, пропиливались, каково было? Нет, нынче всё фруктово. Хотя пришли, конечно, уставшие. Может, ради первого дня посидим у костра? Да где там с нашим вождём!..

Костёр, конечно, запылал — моя работа, они пошли начинать что-то делать к источнику. Праздничный обед — салат, картофель с тушёнкой, гречка, чай-чаёк-чаище с мёдом — обеспечу за два часа. Тушёнку надо съесть сегодня, так как завтра начинаем поститься перед причастием.

Завтра вдобавок будет парадная гороховица в Горохово. Лёня каждый год приносит мешочек отборного крупного гороха. Замачиваю в котелке.

Всё! Кастрюли, большая и маленькая, в горячей золе, огромный чайник закипел и чай заварен, тарелки, ложки, вилки разложены, кружки расставлены. Где народ? Иду за народом. А народ разработался. Включаюсь и я. Но мне же хочется, чтобы братья горяченького поели. “Отец Анатолий, благослови на сегодня шабашить”.

Разгибается: “Запиши: тот зря прожил жизнь, кто не был на Великокрестном ходе”.

Идём к костру. Радуга над храмом, он под ней — как картина на выставке в полукруглой раме. И вдруг — глаголы небесные! — долгий тихий гром.

Да, все мы, все будем с тоской и радостью вспоминать праздник Великокрестного Крестного хода. Да, праздник. Он, как и Пасхальная Светлая Седмица, недельный.

— Братья! Мы знаем, что такое рай: мы каждый год неделю живём в раю.

Передай по цепи кирпич

Каждый год много надо делать. Особенно нынче: перетаскать штабеля старых кирпичей. Мы же в прошлые годы их выкапывали из фундаментов бывших зданий, село же было. Сложили, погордились, а вот, оказывается, штабеля не на том месте. Записка от реставратора Андрея: “Перетаскать ближе к колокольне”. Кирпичи старинные, большие, сырые. Друг друга осаживаем: “Не бери враз больше четырёх”. Идешь — руки оттягивает. Тогда умная чья-то голова: “Давайте в цепочку встанем”. Встали. Передаём из рук в руки. Дело пошло! Да ещё молитвы запели. И ожили. И когда меня стали гнать, чтоб я шёл еду готовить, мне из цепочки уходить не хотелось.

О рюкзаках

Самый устрашающий по размерам и по весу рюкзак — у Володи. Рюкзак он называет “смерть туриста” и “счастье паломника”. Спросите, чего у него нет, если даже есть походная складная плита, пассатижи (?), набор приправ, всякие тяжеленные банки консервов. Мы свои банки стараемся поскорее выложить на общий стол при каждом привале, а Володя не успевает освободиться от тяжестей, ему же надо распрячься от своей поклажи, расстегнуть всякие пряжки на всяких ремнях. Так что тащит бедняга свой груз дальше. Прямо как добровольные вериги. Жалея его, забираем у него по паре банок. На следующем привале я стараюсь их поскорее высунуть на общий стол. И свои прибавляю. Вроде того, что я очень такой добрый и хороший. Но на самом деле это эгоизм: без груза легче идти.

Конечно, было эффектно, когда Володя в первый раз на привале в пять минут на своей плите согрел чай в литровой кружке. Кружка из тонкой стали с припаянной ручкой, которая совсем не греется. Это же такая роскошь — сидеть на поляне среди леса и подставить под струйку кипятка свою кружку, и сыпануть в неё щепотку опять же Володиного целебного чая.

Ой, чего только не было

У костра часто вспоминаем начальные наши хождения на Великую и труды в Горохово.

— А Крест поднимали, помните?

— О-о-о! — произносят все. И все крестятся.

Да, это незабываемо. Крест устанавливал Борис. Он и верхолаз, и альпинист, и опять же — как без этого! — поэт. В епархии он знаменит тем, что ремонтирует, красит купола, стены. Полжизни между небом и землёй.

С утра он всё готовил к подъёму креста. Поднялся на купол, установил блок, перекинул через него тонкую прочную верёвку, сбросил её концы к нам. Мы привязали к одному концу крест и взялись за другой. Погода была спокойная. Но что такое сатанинская злоба к орудию нашего спасения: как только Борис сверху дал команду, и мы стали поднимать крест, рванул ветер. Крест мотало в воздухе.

— Молимся, братья, молимся!

Запели: “Кресту Твоему поклоняемся, Владыко”. И много-много раз пели. Крест достиг вершины. Его принял Борис. Теперь уже вся надежда была на Бориса. Надо было укрепить крест в приготовленной для него гнездовине. Ветер превратился в штормовой. Мы кричали:

— Может, в другой раз?

— Молитесь! — кричал Борис.

И снова, и снова: “Кресту Твоему поклоняемся, Владыко”, — и Борю снизу вверх крестили. Вот-вот уже вроде вставил крест, а ударом ветра его сшибает. И опять молимся, и опять Борис старается укрепить крест.

— А не помните, за сколько установили?

Кто говорит — час, кто — полтора, кто — два. Не помним. А сколько раз молитву спели? Сто, двести, триста? Тоже не помним. Но вот он, крест, плывёт в облаках. А когда долго глядишь, то и сам начинаешь плыть, как на плоту.

Приснилась Маруся

Приснилась Маруся Распутина. Весёлая, красивая: “Говорю папе: “Я стихи сочинила, вот какие, — и читает: — Мы вышли из леса на поле пшеницы...”

Вспомнил, так как идём Крестным ходом и как раз вышли из леса на бывшее поле, но только не пшеницы, не ржи, не гречихи, не овса — сурепки. Оно вроде и красиво, так ведь и татарник красив.

Да ведь ещё же и сам Распутин приснился. Сидит вполоборота. Его кто-то спрашивает: “Валентин Григорьевич, а вы причащались?” Он не отвечает, но понятно, что причащался.

А ещё при его жизни был сон, который ему рассказал: будто мы встречаемся с царём Николаем, будущим страстотерпцем, и с наследником престола отроком Алексеем. Валентин идёт впереди с царём, я — с царевичем. Рассказал, спросил: “И о чём ты с императором говорил? — Пусть он тебе ещё приснится и сам расскажет”.

Женщина идёт рядом: “В городе живёшь, в городе воздух в горле стоит, а здесь так вольно, так грудь наполнена. Но так тяжело: идёшь — идёшь, так грустно, так пусто, нет деревень, а раньше-то как! Столы выносили, ведёрные самовары, квасу наварят, плюшки-ватрушки. И их отсюда выжимали, налогами душили, сажали, на целину угоняли со своей целины”.

Поле кончается, снова входим в лес.

Изгнание беса

— Вылечил я своего соседа от беса, — говорит на привале во время Крестного хода Анатолий. — Как? Он мне всё время: бесы, бесы, всё они ему карзились, казались. Видимо, пьянка догоняла, пил раньше крепко. А когда отстал от пьянки, то бесам-то, конечно, в досаду. Опять тянут. Везде у него бесы. И жена уже не смогла с ним жить, ушла к матери. Звал его в церковь — ни за что не идёт, не затащишь. Одежда я тогда, прости, Господи, самочиние, в беса. Вечером, попоздней вывернул шубу, лицо сажей вымазал и к нему. В коридоре грозно зарычал, потопал сапогами, дверь рванул, вламываюсь. Боже мой! Он в окно выпрыгнул. Я скорей домой, умылся. Рубашка, курточка. К нему. Он во дворе, еле жив, в дом идти боится.

И мне, главное, ничего не рассказывает. В дом зашли вместе. Я у него в первую ночь ночевал. А потом в церкви батюшке повинулся. “Ну, Анатолий, — батюшка говорит, — ну, Анатолий! А если б он умер от страха?” — Говорю: “От страха бес из него выскочил” — “Мог вместе с ним выскочить”. А я каюсь и скорей голову под епитрахиль сую. И что? И не являлись ему больше никакие бесы. Я к жене его сходил, уговорил вернуться.

Разговоры разговариваем

Когда на Крестном ходе идёшь, то надо одно — молиться. Зачем же и шёл, если не молиться? Молишься и идти легче. А увлёкся каким разговором или пристал кто, уже ноги тяжелеют, плечи от лямок рюкзака немеют. Опомнись: “Прости, Господи”, — и опять за молитву. И, глядишь, вскоре пошagal, и дышится легко, и люди все какие хорошие, и природа вокруг какая свежая, и комары вроде не жрут.

Но на привале почему не поговорить? Тем более обязательно разговоры — как обмен опытом.

— Меня, — рассказывает Саша, — поставили прямить гвозди. Их много надёргали из старых досок, когда разбирали пристрой к церкви. Гвозди большие, прямятся плохо. Я день промучался, а на завтра пошёл в хозяйственный магазин, купил на свои деньги новых гвоздей, принёс настоятельно. Думал, похвалит. А настоятель вздохнул и говорит: “Саша, конечно, и эти гвозди понадобятся. Спасибо. Но дорожке мне старые гвозди, которые ещё послужат. Ты не гвозди прямил, ты себя выпрямлял”.

— А хоть и ругают батюшки за праздные разговоры, да только и сам много не поболтаешь, всё равно пешие труды прошибают. Не зря же говорят про Крестные ходы: молитва ногами. Солдаты на марше. Идёшь когда каждый день часов по шестнадцать, то усталость очень полезна.

— А вот, братья, я ходил на Царский Крестный ход в Екатеринбурге, так то совсем иначе, чем на Великорецком. У нас неделя, там один день. Как и Курский Коренной. А на Урале — никогда не забыть! — пошёл первый раз, говорят, что идти около двадцати километров. Ну, я опытный крестоходец, так считаю, думаю: значит, это три привала, дойдём часов за пять. С вечера служба, потом Литургия, причастились, чаш, наверное, десять выносили — море же людей. Пошли. Идём. Владыка Викентий впереди. Идём, идём. А там же не как в Вятке, там вся дорога — это асфальт. А я ещё именно в тот год шёл, когда огромная эстакада над железной дорогой, железобетонная, зашаталась. В резонанс вошла. Это да. Под ногами ходят тысячи тонн бетона. Страшно. Если б не Крестный ход, что бы тут было? Крики, визги, истерики, паника. А тут молитвы зазвучали, и всё громче и громче. Все были уверены, что Господь и Царственные страстотерпцы беды не попустят. И успокоилась эстакада. А она метров пятьсот. Да, но что надо сказать. По сравнению с нашими там женщины идут нарядные, они же свои сарафаны в болоте, в луже не запачкают, в лесу не изорвут. Модницы там прямо исключительные. Но наши лучше. Да, так я же о чём. Идём и идём. Ну, думаю, наверное, только две остановки. Опять идём и идём. Иисусову молитву поочередно поём. Вначале братья, потом сёстры. И опять братья, и опять сёстры. Идти легко. Архиерей впереди. Думаю: ну, уральцы! Значит, только один привал. И вот, когда уже вышли к железной дороге, увидел указатель “К Ганиной яме, к монастырю Царственных страстотерпцев”, понял, что вообще не будет отдыха. Вот Владыка!

— Так многие с того хода и на наш приезжают.

— Да. Стальными становятся. Это гвардия православная куётся в таких походах.

“Мне голос был”

Как-то мелькнул в Горохово, но запомнился такой Виктор. Капитально бородатый, идёт один. Вождь сурово допрашивает:

— Ты взял благословение идти одному?

— Мне так Бог сказал: иди один.
— А еда есть у тебя?
— Я Святым Духом питаюсь. Главное у меня — борьба с плотью, с самим собой. Есть надо то, что не разжигает плоть.
— А семья у тебя есть?
— Семья мне мешала спасаться.
— И ты решил её загубить?
— Как?
— Кормить же детей надо.
— Большие уже.
— То есть, как у цыгана: маленькие были — грудь сосали, подросли — воровать научились? Садись давай с нами, окрошкой плоть не разожжёшь.
Виктор садится к столу, перекрестясь перед тем на храм. Сел на пенёк.
— Я из смирения на скамью не сяду.
Поел окрошки.
— Вот тебе ещё каша овсянка. Тоже не разжигает.
Поели, попили, прочитали молитвы. После вечернего правила вождь называет Виктору:
— С утра вымоешь хотя бы один котёл. Вон крайний.
Размеры котла, видимо, ужаснули Виктора.
— Я на северях на океанских судах ходил. Там движки в пятьдесят тысяч лошадок. В цилиндр, как в этот котёл, можно было залезть.
— Вот и залезай.
Но утром, ещё до нашего пробуждения, Виктор ушёл. Спасаться пошёл, бороться с плотью или не захотел котёл мыть, не знаем.

Мальчик Володя

В конце первого дня Крестного хода подошёл ко мне мальчик, сказал, что он Володя, и попросился идти вместе со мной. Он остался один. Они шли с товарищем, а родители товарища догнали их и увезли сына обратно. А Володя с ними не поехал. “Я дальше пойду, я хочу весь ход пройти”.

Да, нагрузочка, думал я, намучаюсь. А оказался Володя таким славным, был он не только не в тягость, а в радость. Всегда молчал, шёл рядом, на остановках приносил или травы кисленки, или травы, корни которой мы называли репой и ели. Также ели мы с ним сосновую и еловую кашку, молодые побеги — будущие шишечки.

Никогда Володя не заговаривал первым. Только всего и было, когда открылся с горы далёкий зелёный горизонт: “Лес-то какой большой. — Потом, подумав: — На запад идём. Ой, нет! На юг: солнце недавно взошло”. И ещё: “Чайкам-то, видно, негде на реке жить, обмелела, сюда прилетели. Будут, как вороны”.

Володя всегда шёл рядышком. Прямо как любимый внучек шёл. Никогда ничего не просил, не жаловался, всегда старался в чём-то услужить. Ноги натёр в резиновых сапогах — даже не сказал. “А тебя не будут искать? — Нет, я с бабушкой живу, она отпустила. Она раньше и сама на Великую ходила. Говорит: принеси мне травы батюшки Серафима. — Сныти? — Да. Сейчас не буду собирать, завянет. Уж ближе к концу”.

Именно к Володе привязался большой рыжий пёс. Бежал с нами от Великорецкого. Его любили, и он не голодал. Но всегда возвращался к Володе. Володя ему очень радовался, дал имя Пират и считал своим. “Бабушка ругать не будет, он хороший”.

Но покинул нас Пират. Видно, не хотелось ему возвращаться, но что делать — служба. Подпрыгнул перед Володей, положил лапы на плечи и помчался обратно. Ночевали в Мурьино. Постелили нам на полу. Я лёг с краю, быстро уснул. Сильно я беспокойно, одеяло всегда сползает, и я слышал, как Володя всё время поправляет его.

А назавтра Володечка ушёл. Уже начались окраины Вятки. Он увидел автобус: “Ой, мой номер. — И жалобно добавил: — Я ведь поехал, дядя Вова”. — И убежал.

Очень мне стало без него грустно. Ничего не знаю о нём, неловко было расспрашивать. С бабушкой живёт, траву-снеть батюшки Серафима ей понёс. Рада будет.

Резиновый сапог

Резиновый сапог на что годится? Недалеко от переправы через Грядовицу есть родник. Старухам к нему не подобраться. Молодой парень говорит: “Сейчас Медянский бор, большой будет переход, пить захочется, пойду, воды наберу. Кому принести?” Старухи обрадовались, тянут ему бутылочки. По литру, по полтора. Он покрутил головой: “Ладно, чего-нибудь придумаем”. Ушёл с другом. Минут через двадцать возвращаются, тащат в руках каждый по резиновому сапогу. Видно, что тащат с усилием, ещё бы, в каждом сапоге литров по десять родниковой воды. “С песком промыли, ополоснули пять раз. Подходи, получай фронтные сто грамм”.

Разливают воду в бутылочки. К каждому очередь.

Снова привал, снова разговоры

Женщина показывает фотографии:

— Вот с какими бесами работаю, специально взяла показать.

— Дальше не неси, закопай. Или сожги, или утопи. Конечно, и за них молись.

Другая:

— А у меня! Соседка читает мне про секту, специально приходит. От церкви отговаривает. Мол, у них лучше. Лечат болезни. Делают испускание ключей на восток. Я прямо плюнула: всегда на запад надо делать испускание.

Старик:

— На фронте, на марше, сколь пить захотел, увидел огромную лужу, выскочил из строя, упал к краю лужи и внападку стал пить. Вдруг на меня гуси. Испугался сколь. А как пить не захочешь, когда на голове — рама пулемёта, на плечах — колёса. Да я ещё катки потерял, пришлось вернуться. Нашёл. Присел, лучше б не сидеть, а то сразу кинуло в сон. Очнулся от пальбы. Догонять! Догнал. Там не поймёшь, что было, кто стрелял. Темно уже. Окопались, пристреливаемся. Они кричат: “Не стреляйте, сдаёмся!” — Выходят, сдаются. Я так курить хотел — уши пухнут. — “Раухен”, — немцу говорю. Он угощает. И сам курит. Я и автомат забыл — курю... Да-а. Меня два раза в звании повышали, два раза разжаловали. Раз опять послали с термосом за ужином. Навьючился на кухне, возвращаюсь — заблудился. Пришёл... к немцам. Слышу: гыр-гыр-гыр. Под самый нос пришёл. Потихоньку, потихоньку — в сторону. Тут наши как хватили по этому месту, ударили. Думаю — всё! Сел на землю, достал ложку из сапога, хоть перед смертью поем. Каша не больно горяча, съел с котелок. Поел и обстрел перестал. Пришёл.

— Так это мы по тебе стреляли? Да как ты жив? — Мне бы признаться, что кашу ел, а стыдно, вроде как украдкой поел. Говорю: “В воронке пролежал”. Тут возчик капусту гнилую везёт, вся расплзается, а пленные у него хватают с воза и в штаны прячут, штаны мокрые. Их кормили. Один дорвался, ведро киселя выпил, живот схватило. После ранений я фронты менял: Третий Белорусский, Первый Прибалтийский, Второй Прибалтийский. В хуторах подземелья, из домов подземные ходы. Когда успели нарыть? Значит, знали, что придёт Красная армия.

С нами идёт бледная, красивая Катя. Не ест ничего совершенно. И ни с кем ни слова. Зоя ей говорит:

— У тебя сапожки рваные, а у меня запасные есть, возьми, пожалуйста.

Катя надменно:

— Вы всё сказали? Я могу уйти? — И ушла.

— Да она блаженная!

— Не блаженная — блажная. Если даже батюшку не слушает. Она же “святая”, где нам до неё!

— Ой, не осуждай!

— Прости, не буду.

— Летом с ребяташками одни тревоги. Иду на работу, знаю, что всё равно на речку убегут. Прошу: вернитесь хоть пораньше, чтоб я видела, что вы не утонули. На работе всё сердце изорвётся.

— А вот, вроде как шутят, когда наказывают: утонешь — домой не приходи. А ведь утопленники чаще всех других покойников приходят. И у Пушкина то же, у Гоголя.

— Старик плёл лапти. Да какие! Воду не пропускали. Двадцать шесть пар наплёл, конфисковали, увезли в передовой колхоз “Красный Октябрь”. А старик какой был знаменитый: и гончар, и печник. Горшки у него были, сейчас они вообще на вес золота. А печи клал! Уже изба вся разрушилась, сгнила, а его печь стоит под всеми дождями-снегами — подходи, затапливай! Когда лапти отобрали, он сказал: “Всё, больше на дядю не работаю”. И слёг. И не встал.

— А я ещё ходила, когда нас гоняли. Уже у Великорецкого спалили и в машину покидали, в кузов. У меня сумочку из рук вырвали. Там туфлёмки да кофточка. И ведь отобрали. Завезли в лес: “Вылезайте”. Мы вылезли, уже темно. “А куда идти, где дорога? — Пусть вам Бог дорогу укажет”. — И уехали. А так и вышло: мы несколько не заблудились, а у них машина заглохла. Их комары всю ночь шпиговали, они ж городские, непривычные.

Нам же и жаловались. Говорят: нас заставляли. А сами? Да. Вот я заметила по жизни: кто строил дома на месте кладбищ, в тюрьмы пошли, а кто безвинных сажал, те спивались и с ума сходили. На хлыновском кладбище постройки. Священник из собора Александра Невского сколь был против строительства. Посадили. Татьяну, дочь его, я старухой помню, рассказывала мне, что её носили на руках на свидание. Он ей все пальчики перещеловал. Больше не видела.

— Ой, для смеху расскажу. Одного запугали, что в Медянском бору медведи, да они и были раньше, он поверил, взял с собой, ведь всю дорогу с собой тащил, какой-то шокер, им, говорит, демонстрации разгоняют. И ещё газовый пистолет. Тяжело же. А не выбросишь.

— Какие там пистолеты, одну молитву надо с собой брать.

— А вот расскажу: у мамы был сарафан из ненашего шёлка, подарил ухаждёр. А её-то мать, моя бабушка, спряла сама и выткала льняное полотно и из него сарафан сшила. И по нему вышила розы, голубые и алые. Все ахнули, вот какой сарафан. “Носи, дочка”. Так мама больше разу не надела тот, иностранный.

— Ухаждёру вернула?

— Не знаю, врать не хочу.

— Ты говоришь, милиция гоняла. Так она какая ни есть, а своя. А вот иностранные фотографии — эти страшней. Чем? Идём через лес, много валежника было, тогда ещё не расчищали. Еле прокарабкаемся. И вот эти бесы, прости, Господи, с фотоаппаратами заходят вперёд и подстерегают, когда женщина или там девушка будет через дерево перешагивать. Когда ногу поднимет, тут старается щёлкнуть. До какого сраму эта Европа дошла! Или вот идём через кочки. Какая старуха и упадёт. Другой бы мужчина подбежал поднять, а этим одно надо: кадр.

— Ну да — русские в болоте. Им только это и интересно. Или вот в Горохове погружались, они снимали, в кустах прятались. Хорошо, теперь сделали ограждения.

— Да и архиерей распорядился: без разрешения не фотографировать.

— Они русских, как туземцев, снимают. У них и Пасхи-то нет, что с них взять, несчастные. Надо читать за них акафист “Умягчение злых сердец”.

— Жадных.

— Новый акафист написать: “О просвещении глупых европейских умов”.

— Да и свой-то просветить не худо.

— Неверующему говорит батюшка: “У тебя пять детей, один слепой. Кого больше всего жалко? Слепого? Конечно! Так и тебя больше всего жалко. Скажи, как без Бога жить, как тыкаться в потёмках и умереть в обидах? Говоришь: пробовала молиться, и ничего в жизни лучше не становится? Да ты молись, чтоб хотя бы хуже не было!”

— Осипов, знаете? Алексей Ильич говорит, что жизнь земная не курорт, а больница. Я вот тоже думаю, что грехи надо не грехами называть, а болезнями. Только вот он зря вроде как успокаивает, что ада нет. Есть. Я за одно объядение попаду. Удержаться не могу, ем многовато. Вроде и постное, а всё же еда. Конечно, болезнь. Думаю, какие бы таблетки.

— Голод придёт, быстро вылечишься.

— Без храма не спастись. Тело моют в бане, душу моют в храме. И молиться всегда. Стол без молитвы — это стойло для скота. И работать без молитвы — это в работа превращаться.

За столом с батюшкой

В Медянах позвали за стол. С нами батюшка — отец Анатолий. Торопится поесть и встать. Зоя:

— Ты чего, батюшка, из-за стола рвёшься? Ты сиди, разъедайся, солидность наращивай. С нами поговори. Вот почему свечки такие дорогие?

Батюшка отвечает:

— Может, это восковые. Конечно, они дороже. Горят аккуратно, неслышно, тихо, запах медовый, а химические трещат, воздух травят. Свиной жир в них добавляют. Нет, я поросятину в церкви жечь не дам.

— А вот, батюшка, у нас отец благочинный, прости, Господи, всё всем разрешает: и самоубийцу отпевать разрешает, и давленных, и травленных, и топлёных.

— Этого я не знаю, не видел, не слышал и обсуждать это не буду и вам не советую. Нравится священник — молись за него, не нравится — тем более молись.

— Эдак, эдак, — поддерживают старухи.

— А вот, батюшка, говорят: для глаз очень полезно при вставании солнца на него смотреть.

— Пойдём завтра до солнышка и проверим. — Подходит к окну: — Луна ещё — видите? — в ореоле. Жарища будет, а если зимой так — к морозу. На природу мы обращаем внимание, и от этого к Богу приближаемся, мы же ею, Божиим творением, дивимся.

— Да, да, идём по природе, молимся, а от этого и в церквях легче молиться.

— А вот чего это, батюшка, нынче чересчур очень много говорят о деньгах. Нам-то что говорить, при наших-то капиталах.

— Чего вы бедности стесняетесь? — говорит отец Анатолий. — Всё вашими жертвами только и держитесь. Какой богатый для показухи отстегнёт и чванится. Так это разово. А прихожане — копеечки, пусть маленькие, но на каждой службе. Это надёжнее.

— А вот, батюшка, скажу: хорошо, что вы по улице в облачении ходите. А то встретила отца, имя не буду говорить, встретила, а как благословение просить, он в пиджаке, вроде чиновник.

— Не осуждать! — сурово говорит отец Анатолий. — Идёшь в рясе — больше искушений. Ко мне тут парень подскокил: “А у вас борода не бутафорская? Можно подёргать?” — “Дёргай!” — говорю. Всё-таки постеснялся.

Мужчина (до того молчавший):

— Менты гонят на “Вольво”, прут на красный. Гляжу — ни за кем не гонятся, а прут. Я их машину перекрестил, и машина у них заглохла.

Банный час

Спасибо Андрею: нынче уже и баня. Сан Саныч натопил. Радуемся, ибо намёрзлись, да и ночь впереди трудная: матрасы после холодной весны влажные. Негде было просушить. Хвалим Сан Саныча. Он:

— Я люблю, когда меня хвалят.

Плохо видит. Толя его подковыривает:

— А как же ты женщин различаешь?

Отшучивается:

— Я наощупь!..

— Это что такое, такие разговорчики! — кричит вождь.

Баня крохотная, но троих вмещает. Первая партия пошла. Толя садится на чурбак: “Я в кресле, даже под дождём, себя почувствовал вождём”.

Оба они, Толя и Саша, прыгали с парашотом, есть что вспомнить. Саша: — Не спал я всю ночь, перенервничал. Прыгнул. Вслед кричат: “Красная строка!” Я всё забыл. Учили говорить: “Пятьсот один — два — пятьсот три”. Дёргать кольцо. А страшно: вдруг не раскроется. А земля на меня несётся, дёрнул от страха — парашот раскрылся. До этого прыгали на пятки. Со стола. Стол на стол и ещё стул.

— Парашют сам собираешь, — рассказывает Толя. — Пишешь расписку: за мою безопасность никто не отвечает. Ничего себе, думаю, — неминуемая приходит. Расписку написал, насторожился. И всё кажется, что парашют не так собрал. Нам говорят: бросят против ветра, это красиво. А прыжки уже идут, одного уже закрутило, хлопнуло. И уже кричат нас. Говорю другу: “Юр, мы же неправильно собрали”. Кричат ещё раз: “Гребнев, Сафронов!” Пошли. А Сафронов тяжелее меня на пятнадцать килограмм, первый должен прыгать, чтоб меня потом не погасил. Самолёт АН-2. Лётчица — баба, курит “Беломор”, глядит презрительно. Мгновенно заволочла в высоту. Юра сел у локка, спустил ноги, глядит жалобно. Баба папиросу сплёвывает, кричит: “Прыгай!” Он молчит. А самолёт крохотный, лок — рядом с лётчицей. Она Юрку ногой выпихивает. Рассердилась на него: надо же делать ещё круг, керосин тратить. Юра нырнул. Теперь я. Ноги свесил, их ветром так гибоет, кажется, что в колене сломит. Боюсь. Но ведь всё равно выпинает. Полетел, стропы дёргаю, ничего не запомнил, велили ноги вытягивать, я вроде вытянул, но сел не на две точки, а на одну, сидячую. Язык до крови прокусил. Подбегают: “Как?” Мычу, встать не могу, кровью плююся.

Пора и нашей смене в баню.

Баня ах как хороша! Вот это русское “оно”, оно из “Василия Тёркина” — не по зубам для переводчиков. То есть достигнуто искомое температурное состояние, когда тело в истоме, когда кожа стонет от счастья и просит веника. А веники у нас двухсоставные: пихта и берёза.

Одеваемся. Саша:

— Меня бабушка учила: “Ходи баско, говори бастенько, не оммыляйся”. Другой Саша:

— А у меня бабушка ни копейки за так не давала. Прошу пять копеек на кино. Она: вот возьми поленья в сених и принеси к печке. И пятак даёт уже как заработанный.

Как хорошо после бани в мокром лесу! У избушки разводим костёр. Вождь у нас Анатолий. Несмотря на Андрея, по-прежнему зовём вождём Анатолия.

— Дуйте, дуйте! — кричит вождь, падая на колени перед костром.

— Уроды, — кричит, пробегая, Андрей-диктатор. — До сих пор котлы не вымыты! Рахиты!

— Ад себе готовит, — говорит вождь. — Молитесь за него. Нельзя же, грех, называть человека уродом. Слабо знает Писание. Не знает, что ему грозит.

Рассуждения у котла

— Вот вам наглядная иллюстрация к теории Джона Локка о чувствах. Они обманчивы, — это повар философствует. — Лёне кажется — много соли, мне — вроде в самый раз, Лёше соли не хватает. А кто управляет чувствами? Разум? Это Кант. Да и разум может врать. А им кто управляет? Правильно, дети, воля, тут Ницше и Шопенгауэр. А рядом уже фашизм. Ибо появился племянник английской королевы Дарвин. Он спрыгнул с дерева, он развился от инфузории-туфельки, встал на ноги, избобрёл станок Гутен-

берга, и что? Надо же дальше, надо же от человека идти к сверхчеловеку. А это, дети, как мог бы сказать Заратустра, фашизм.

— И как это женщины всю жизнь у плиты, с ума сойти, я бы повесился, — рассуждает Саша. — А вообще вот что скажу. Все говорят: жёны декабристов, жёны декабристов. Да любая русская женщина, которая с алкоголиком живёт и не бросает, и вытягивает его, выше любой декабристки. Если б не русская женщина, полстраны бы умерло под забором.

— А как эта пословица: какие девушки хорошие, откуда же злые жёны берутся? — спрашивает Лёша.

Толя прекращает разговоры частушками:

— Ой, подружка дорогая, до чего ты хороша: ведь природные румяна и открытая душа. И — хором! Наша Вятка серебриста, на песочке камешки. Наши девушки гуляют, не ругайте, мамушки. — И вполголоса, от имени противоположного пола: — Хороши, хороши в нашей реченьке ерши. Парни любят понарошку, ну, и мы не от души.

— Вот ещё, пока не начали работать, случай расскажу, — говорит Саша. — Едут русский, чукча, грузин, хохол. Скучно ехать. Давай играть. А как? Карт нет. “Давай так, — говорит грузин и ставит бутылку коньяку: — Дама”. Хохол плёкает шмат сала: “Король!” Чукча хлопает балык: “Туз!”. Русский говорит: “Мне крыть нечем. Снимаю”. И всё сгрёб.

— Что это? — вопрошает Лёша. — Москальская шутка или великодержавный шовинизм?

— Какой там шовинизм, — возмущается повар. — Вспомни пословицу: не вспоивши, не вскормивши, врага не наживёшь. “Москаль зылл твоё сало”. Много ты его у них съел? Мне вообще больше белорусское нравится. А лучше всего вятское.

— А на Крестный ход много приезжает с Украины и из Беларуси, — говорит Саша. — Из Риги целый вагон.

Скоро придут. Пришли!

Много уже прибежало помощников из Крестного хода. Вряд ли их благословили обгонять Крестный ход. Покаются. Говорят, что нынче идти тяжело. Ещё бы — глина, грязь внизу, дождь сверху. Но это всегда так. Испытывает Господь. Не бывает Крестных ходов курортных. Дождь, град, снег бывал в эти годы. А уж дожди всегда. А то и жара-жарища. Холод, кстати, лучше, чем жара: комаров меньше. И вообще, Крестный ход — это трудности. А мы всё удобства всякие изобретаем. Помним, Маргаритушка назидала: “Санаторию захотели? Грешить-то погоду не выбирали!”

Пришли! Колокола! Море людей, море дождя. Море горящих свечей. Акафист в храме. Люди радостные, хотя и приморённые, шатаются даже от усталости, мокрые.

Горы записок на столах, которые мы утром поставили, протёрли. Толя знакомой женщине, Наташе: “Услышав колокола звуки и не во сне, а наяву, я вытер трудовые руки о восходящую траву”. Её, что совершенно понятно ценителям поэзии, восхищают слова “о восходящую траву”: тут и рост травы, и весна, и стремление ввысь, и чистота: трава мокрая, моет руки.

У источника — полчища людей. Нашей бригаде немного грустно — уходим отсюда. Выслушиваем слова благодарности за оборудованные купели, за ступени к источнику. Вождь вещает:

— Нам благодарность в погибель. Вся слава Богу. Мы много живой природы загубили, проход прорубали.

— Зато как стало хорошо-то проходить, — благодарят те, кто помнит прежние годы. Ведь с чего начинали!

Мы поминаем, нас помнят

Пригодились наши длинные столы для молебна, они завалены записками-памятками. Прочитанные батюшками паломники опять берут себе, чтобы и на следующем молебне положить для нового прочтения. Поминание

родных и близких — это одно из главных на Крестном ходу. О, сколько же имён! Если идёт пятьдесят тысяч, и хотя бы половина пишет памятки, то ведь пишет не по два-три имени, десятки родных поминает! Это сколько?

И нами расставленные тяжёлые железные корыта на ножках тоже всю работу. Они заполнены песком. Это подсвечники. Вдоль стен. Целая лента пылает. А свечи всё добавляются.

И мы уверены, и это много раз подтверждалось, что, когда мы кого поминаем в молитвах, то те, кого поминаем, вспоминают нас.

Задуманное коллективное погружение не состоится: много работы. Ещё приготовить место для стоянки знакомых паломников, натаскать дров для костра и, опять же, побольше воды. Бегу к источнику, придумав уважительную причину — набрать воды для последнего здесь в этом году чаепития. И торопливо ахаю в купель. Троекратно. Чувствительно. Освежающе. Укрепляюще. Ободряюще. Заряжающе. Воскрешающе!

А вот староверы уже прошли. Никак не хотят ходить с нами.

Разговор о них. Выстоят, если в Православие обратятся. А они считают, что мы должны вернуться в их веру. Но какая вера? Считают, что только они правы. Но так и любые сектанты считают. Поговори поди с баптистами, адвентистами, всяким свидетелями Иеговы — так только они и правы. Но староверы — наши! Наши братья.

Арсенька и другие. Снова привал

Вождь учит:

— Ловить рыбу надо на нитьё. Как? Червяка насадить на крючок, закинуть и начинать нить: “Вчера ты, рыба, не клевала, с утра не клевала, скоро обед, а ты всё не клюёшь”. И всё равно клонет.

Разговор на привале.

— У нас Арсенька так-то ловит на нитьё, — замечает паломница.

Да, уж этот Арсенька. Видно, и он послан нам для терпения. Он именно ноет: как ему тяжело жить, как на работе над ним издеваются, не платят, нечем за свет заплатить, еды нет, только картошку ест да кильку. Конечно, куда денешься от русской жалости, подают ему. Всё равно ноет. Когда кто-то не выдерживает, особенно мужчины, бывшие военные, и внушают ему, что недостойно мужчины побираться, Арсенька тут же обороняется: “Все вы тут Чапаевы да Будённые, один я рядовой. Не учите жить, помогите деньгами”.

— У матери деточки ушли за ягодами. День прошёл — нет и нет. И вечер уже. Побежала в церковь — закрыто. Тогда и на паперти, и у алтаря молилась. Пришли, рассказывают, что заблудились, а встретили старичка, дедушка такой седенький, он им дорогу показал. Святитель Николай, некому больше.

— Град-то в прошлом годе был, помните, конечно? Перед Великорецким. Как лупило, о-о! И целлофан на всех теплицах изорвало. А мы шли с соседкой Наташей. Идём мокрые, голову прикрываем. Ну, думаем, пропали наши теплицы. Вернулись. Так — поверите? — наши только теплицы и уцелели. А Дуся, тоже участок рядом, говорит:

— Да как же это, этакое чудо: будто кто заморозил ваши участки! У всех все грядки выбило, у вас уже у огурцов по два цветка. Пойду, говорит, с вами на будущий год. Дак чего-то не вижу, пошла или нет.

— Из Макарья женщина пошла, забыла дом закрыть. Спихватилась к концу дня. А, не буду возвращаться, как Бог даст. Вернулась, в доме парень небритый, кидается к ней в ноги: “Всё верну, что поел из холодильника, только выпусти. — Иди, кто тебя держит? — Старичок держит. Я иду к дверям, он встанет на пороге, я боюсь”. Всё батюшка наш!

— Самоубийцы прямой наводкой идут в ад. А солдаты убитые — в рай. Идут в рай без мытарств.

— А вот, женщины, как рассудить? Сменщик у меня был. В церковь ходил. Не часто, но ходил. Правда, пил. А как началась эта горбачёвщина, стало всё горбатиться, как стали народ спаивать, убивать этими спиртами, “роялями” всякими, мужиков ещё “роялистами” обзывали. И я ему говорю:

“Не бери в киоске, это гибель”. А он взял, налил сто, выпил и сидит с открытыми глазами. Я чего-то говорю, он молчит. “Ты что молчишь?” Взял за плечо, он и повалился. Готов. Так это самоубийство или его убили?

— Европа убила. Её и судить.

— А вот я бы американского президента спросила: “Зачем тебе везде надо свою власть? Деточка, ты же лопнешь”.

— Все обвалы, хоть у отдельного человека, хоть у народа, начинаются с гордыни. Заносишься? Значит, мордой в грязь всё равно сунешься.

— Говорят, трудно ли рыбачить? А что там трудного? Наливай да пей. И трудно ли в Крестный ход идти? А чего там трудного — бери с собой ложку и иди, и ешь. Кормят же везде. И в Великорецком, и в Медянах, и в Мурьгино, и в Гирсово.

— Шутка шуткой, а сколько идёт очень бедных людей, они рады хотя бы неделю поесть.

Победила комаров

“Марьяна — юбка портяна”. Так в шутку называли совсем юную студентку Марию. Красавица. Тряслась над своей красотой, боялась комаров до смешного. Тащила полсумки всяких препаратов от кровососущих насекомых. На привалах намазывалась. Но ведь жарница, от этих мазей тем более лицо потеет. Становилась некрасивой, страдала. На привале салфетками снимала остатки препаратов, заново оштукатуривалась. Клавдия всё подшучивала. “Ох, Марьяна — юбка портяна”. И вот — исцеление. Сама, сама! Мария вышвырнула всю косметику в кусты, и сообщила, что дарит её лисе-моднице. И пошагала! Да ещё так похорошела! И никакие комары не смели к такой красоте подступиться.

Вятские улыбаются

— А как же вятским не улыбаться! Обязаны москвичи, — поддерживают повар. — Спасские ворота Кремля названы по обретенной в Вятке иконе Всемилоостивого Спаса. До того они были Константино-Еленинскими. А в соборе Василия Блаженного есть церковь Святителя нашего, Николая Великорецкого. И вообще собор восемьдесят лет назывался Никольским.

— И вообще Москва стоит на земле вятичей. Однозначно! То есть, если кто её начинает наводнять без приглашения, то вятичи имеют право сказать ему: “Куда прёшь, холоп?”

— Ну-ну-ну! — осаживает вождь.

— А что ну-ну? Вот ты нукаешь, вот все мы такие скромняшки, а часовня деревянная в Слободском на сто лет старше знаменитых Кижей, и она же — самое древнее русское крепостное сооружение. Вот и “ну-ну”! “Гордиться славой предков не только нужно, но и должно”, товарищ вождь!

Бояться только Бога

— Бояться ничего не надо, даже Страшного Суда, — заявляет повар. — Как? Конечно, он Страшный, но можно обезопасить себя от страха, воздвигнуть вокруг себя “стены иерусалимские”. Страшный Суд — это же встреча с Господом. Мы же всю жизнь чаем встречи с Ним. Пусть страшатся те, кто вносил в мир мерзость грехов: насильники, педерасты, лесбиянки, развратники, обжоры, процентчики, лгуны массовой информации, убийцы стариков и детей, пьяницы, завистники, матершинники, воруны, лентяи, непочётники родителей, все, кто знал, что Бог есть, но не верил в Него и от этого жил, не боясь Страшного, неизбежного Суда. Вот они-то будут “издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную, ибо силы небесные поколеблются, и тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаке с силою и славою мною”. Это у апостола Матфея. Так что увидим Господа, для встречи с которым единственно живём.

— Может, куращих пожалеет, — мечтает Толя.

Погружение

Женщин тут нет в округе самое малое двенадцати километров, так что самый подходящий костюм для омовения — костюм Адамов. Даже забыли, что тащили жребий очерёдности погружения. Прочли “Символ веры”, “Отче наш”, “Богородице, Дево”, тропарь святителю Николаю и — с Богом! Троекратно, паки и паки заново крестясь, во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Совсем не зябко, а радостно ощутить светлую холодную воду.

Прощай, милый источник, прощай, животворящая купель, прощай, по крайней мере, на год. А уж потом — как Бог даст.

Тихонько идём обратно. Конечно, все наши разговоры о единственной нашей, любимой России. Опять повар:

— Когда на литургии слышу Блаженства, особенно вот это: “Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как безчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах”, — то я всегда не только себя к этим словам примеряю, а вообще Россию. Смотрите, сколько злобы, напраслины льётся на нашу Родину. Великая награда ждёт нас. Есть и ещё одно изречение: “Не оклеветанные не спасутся”, — а уж кого более оклеветали, чем Россию? Так что спасёмся.

— Да, братья, быть русским — сейчас самое трудное. Но ничего. У всех менталитет, у русских душа.

— А ещё мне нравится о русских: русские умные, а их считают за дураков, а остальные дураки, а притворяются умными.

— Один такой умный, когда мы уходили, говорит: “Зачем же пешком почти двести километров? Ведь можно же на машине”. Говорю ему: “На машине едешь — грехи с собой везёшь, а идёшь пешком, они от тебя отцепляются”.

Они идут, а я тут, в Москве

Нынче не пошёл на Великоорецкий Крестный ход. “Отходили мои ноженьки, отпел мой голосок, а теперь тёмной ноченькой не сплю на волосок”. Да, в общем-то и прошёл бы. Но больны мои родные, а дети в отъезде. Но ещё причина — в людях, в тех, что идут впервые или недавно. Им надо со мной поговорить. Отошёл один, подошёл другой, стережёт третий. Когда молиться? И уклониться нехорошо. “А помните, мы с вами..?” Но неужели я вспомню сотни и сотни встреч?! Хорошо бы, но голова не держит уже. Неужели это такая искомая многими известность? Я знаю сто человек, а меня знает тысяча. Вот и всё измерение известности. А как в детстве, отрочестве, юности мечтал, о! “Желаю славы я, чтоб именем моим...” Но это всё *жалобы турка*. Лекарство — молитва и уединение.

Не пошёл, но всю неделю “шёл” с ними. Знаю же каждый поворот, все дороги, изучил за двадцать лет. Особенно Горохово и Великоорецкое. Без конца то им звонил, то они мне, братья во Христе, наша славная бригада: Саша Чирков, Саша Блинов, Лёня Ермолин — это костяк, гвардия, а уже как много было за эти годы новых крестоходцев в нашей бригаде! Николай Пересторонин, Александр Громов, Алексей Смоленцев, Борис Борисов, Роман — фамилию не знаю. А и что знать, мы же по именам поминаем друг друга... А вот вождь наш Анатолий — уже не вождь, диакон — и вот что-то приболел.

И всегда в Москве, молясь за них, обращаюсь к востоку. С востока свет!

Был на каком-то выступлении. Выступил, побежал домой. На улице ливень. Московские улицы, машины — как торпедные катера. Ещё и они окатывали. Всего исхлестало, даже майка мокрая. Но радовался: хоть немного получил ощущения Крестного хода, особенно третьего дня, когда перед Великоорецким омывает водичкой с небес. Потом всегда бывает радуга.

Последний день. Сейчас они подходят к церкви Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

У меня питание в телефоне ослабло, и зарядника нет. Но всё ясно так вижу, знаю, как дальше пойдут, как будут в последний раз читать Акафист святителю Николаю.

И как будут жалеть, что Крестный ход закончился. Да, все искусанные, измученные, ноги в мозолях, а такие счастливые!

И вся дальнейшая жизнь наша — ожидание следующего Великокорецкого Крестного хода.

Настоящее и будущее — они как коромысло на плечах. Несём. Не сами торопимся — будто кто подталкивает. И дорога — настоящее — из-под ног уходит. Какое настоящее: чай пил пять минут назад, и чай в прошлом уже.

Шагаем.левой! — в прошлое. Правой! — в будущее. То в одном застрянешь, то в другом. То прошлое перевесит, то будущее. В детстве мы рвали в будущее, в старости греемся прошлым. А будет ли будущее после конца света? Конечно, да для кого только? Ощущение конца света есть уничтожение прошлого. Листья желтеют, умирают, осыпаются. Но они же остаются листьями.

Надо просто жить. Уравновесить в себе два времени. И всё.

А Крестный ход этому учит, в нём соединение времён.

— Солдаты в походе — вот что такое Крестный ход. А молитвы в церкви — солдаты в казарме, готовящиеся к боям за свою душу, за Отечество. Мы идём — ад трепещет, — в который раз говорит отец Матфей. — И никаких таких знаков не надо искать. Мироточения эти. Да, знак. Но знак чего? Почему вы думаете, что к радости? Может, это предупреждение об испытаниях. Или пришли женщины: “Батюшка, мы на горелой сосне видели образ Божией Матери”. На горелой! Да, если взглядеться, то везде можно любое увидеть. Образ им явился! Да кто мы такие, чтоб нам Образ явился?

Солнце встало — вот нам образ! Скворцы прилетели! Картошка взошла, что ещё? Дождя долго нет — наказание, дождь пошёл — награда за молитвы, за добрые дела. В детстве в мороз увидел кольцо вокруг солнца, прибежал в избу: “Мама, мама, мама, посмотри!” Она: “Сыночек, солнышку сегодня тоже холодно, и ему Боженька рукавичку послал”. И всю жизнь помню. Вот какое чудо мама открыла. Чудес хотят. Вот чудо — черёмуха цветёт! Благодарить надо за всё это, благодарить! А мы просим и просим, клянчим и клянчим. А благодарить — один из десяти. Своими ногами идёшь — слава Богу! С костылями идёшь — слава Богу! На четвереньках ползёшь — лишь бы к Богу ползти. И не думать, что Бог не простит, не примет. Разбойнику на Кресте, а он за дело был приговорён, два часа хватило первому в рай войти. Но это же надо великую глубину покаяния и сокрушения. Учитесь сейчас и каждый день жить в мире и умирать для мира. Всё время себя проверять: как жил, как живу, как надо жить.

Жить, как жили до нас крестоходцы. Помните же старух, которые уже не ходят. Упали, как солдаты в бою. Нам эстафету передали. Никто за нас не пойдёт, надо самим. Идти и за собой тащить. Сим победиши!

ВИКТОР ТИХОМИРОВ-ТИХВИНСКИЙ

Я ВИЖУ ХРАМ НА СКЛОНЕ ЭТОЙ НОЧИ...

СМЯТЕНИЕ ЧУВСТВ

Не стихи — маета. Муза спит во дворе:
Тесно женщине пьяной в моей конуре.
На столе — кавардак, он прекрасен.
(У поэта всегда на столе кавардак.)
Кто-то скажет: “Дурак”. Ну, а я не дурак.
Я рассержен и очень опасен.
В подкидного со мною играет сентябрь
(Мне не надо побед, вдохновенья хотя б...
Пусть оно нынче ночью приснится).
Вновь влюбиться хочу — я такой же, как все:
Убегаю в закат по вечерней росе,
Чтобы утром с рассвета свалиться.
Отцветает любовь. (Расцветает душа.)
Наплевать, что в карманах теперь ни гроша...
Но смогу ли, оставшись без денег,
Людям всем угодить — и своим, и чужим,

Виктор ТИХОМИРОВ-ТИХВИНСКИЙ — участник Совецания молодых писателей России весной 1996 года, которое проходило в г. Владимире (семинар В. В. Кожина и Ю. П. Кузнецова), член Монреальского отделения Международной ассоциации писателей-публицистов. Работал в региональных литературно-художественных изданиях — от члена редколлегии до главного редактора. Публиковался в журналах “Наш современник”, “Дон”, “Новая Немига литературная” (Белоруссия), “Бег”, “Уральский следопыт”, “Литературный Иерусалим” (Иерусалим), “Русский писатель”, “Плавучий мост” (Германия), московской газете “Слово” и других изданиях. Автор 11 поэтических книг и книги прозы.

Уезжая из общего в строгий режим
Чередой смертей и рождений?
Пахнет рыком овчарок мой утренний сон,
Он от лая людей лаем псов обнесён...
Разве в жизни такое бывает?
Не хочу под откос! Вздрогну, дёрну стоп-кран!
Смерть потащит во гроб, жизнь метнёт на диван,
Но похоже, что жизнь побеждает...
Белый голубь, как флаг на тюремном окне.
За решёткою зэк улыбается мне,
Произносит какие-то фразы...
Никого не боюсь, ничего не боюсь,
Я душой чистойшею тыкаюсь в грязь —
Все мы, смертные, вышли из грязи.

ПЕТЕРБУРГ. СЕНТЯБРЬ

Петербург. Сентябрь. Ненастье.
В ЖКХ весь день аврал.
Я опять “ненастье-счастье”
На беду зарифмовал.

За окном — проспект Московский.
Здесь мой дом. Здесь смерти жду.
Кум приходит — Глеб Горбовский —
И дудит весь день в дуду.

А потом кричит: “Позволь-ка
Мне залезть на пьедестал...”
Вот бы денег было столько,
Как стихов, что он читал!

УСТАЮ ОТ СЛОВ ТВОИХ

Устаю от слов твоих, от взгляда,
От стихов, что бьют меня, как плеть.
Я родился возле Ленинграда,
Чтоб под Петербургом умереть.
Не по благу жив на этом свете
Среди прочих русских горемык.
Я с Рубцовым жил в одном столетье
И к простым стихам его привык.
Память из былого не отпустит,
Душу будоража... Ну, и пусть!
Если нынче не умру от грусти,
То умрёт сама от грусти грусть.
Я печаль от глаз чужих не скрою...
Не в аду и даже не в раю,
А в селе за Вологодой-рекою
Эти строки людям допою!

НА СЕННОЙ ПЛОЩАДИ

На старой площади темно и — ни души...
Как одинока в эту ночь Сенная.
А в небе месяц светит, хоть пляши,
Спеша в рассвет, дорог не выбирая.

Здесь по ночам пустынно и мертво,
Как будто вечность в сеть времён попала.
И крепко спит закрытое метро
На месте церкви той, что здесь стояла.

Тревожит душу вечный непокой,
И, небо петербургское вздымая,
Явилась церковь Спаса-на-Сенной,
В земную твердь родимую вращая.

И снова у Вселенной на руках
Я вижу храм на склоне этой ночи,
А белый ангел о шести крылах
Судьбу народу новую пророчит.

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

ХРИСТОС ТАНЦУЕТ

РАССКАЗЫ

ПРЕСТАРЕЛЫЙ ДОМ

В последние годы бабушкиной жизни мы жили с ней вдвоём в Измайлове, в двухкомнатной квартире, из которой в 1972 году ушёл на Николо-Архангельское кладбище мой дед Тимофей Степанович, а в 1983-м — моя мама Нина Тимофеевна. Смерть дочери так придавила бабушку, что мне казалось, она задыхается от горя. Серебряная цепочка, на которой она носила крестик, в те дни оказалась чёрной, и её пришлось долго отчищать. Я боялся, что бабушка недолго протянет, но, русская деревенская женщина, она выбралась из завалов страданий, чтобы ещё пожить, походить по лесу, хотя бы по такому бестолковому, как Измайловский.

В русском языке есть слова “бездетный”, “бессердечный”, “безголовый”, “безденежный” — эти понятия знакомы. А про лес не говорят: “безгрибный”, “беззайный”, “безлисий”, “бесчерничный”. Русский человек не может себе представить, чтобы в лесу не было грибов, зайцев, лис, черники, земляники.

— Об одном мечтаю, — говорила бабушка, — пособирать бы грибов напоследок.

Но ехать в родные смоленские леса наотрез отказывалась:

— Помирать со дня на день, а я разъезжать стану. Не приведи Бог, в дороге копыта откину.

СЕГЕНЬ Александр Юрьевич родился в 1959 году в Москве. Доцент Литературного института им. А. М. Горького. Прозаик и кинодраматург. Автор книг “Похоронный марш”, “Страшный пассажир”, “Державный”, “Русский ураган”, “Поп”, “Господа и товарищи”, “Митрополит Филарет” и “Алексий II” (серия ЖЗЛ) и многих других. Живет во Внуково.

И тут начиналась игра в смертушку.

Бабка у меня была игручая. Ляжет эдак, руки на груди — померла. Я веду беседу с похоронным агентом:

— Гробик, пожалуйста, самый хороший. Но не самый дорогой, покойница бы этого не одобрила. Венок один, пожалуйста, на ленте напишите: “Дорогой бабушке от любящего внука”. Нет, нет, не внука, а именно унука. Она слово “внук” только так выговаривала. Так... Что ещё? Машина. Грузовик с откинутыми бортами. Я в кузове сяду, и чтоб видно было — Клавдия Фёдоровна на Николо-Архангельское едет. Оркестр. Пять человек, не больше. Труба, кларнет, гобой, геликон обязательно, большой барабан обязательно.

Потом приходили соседи, и я им говорил:

— Отмучилась. Тихонько отошла в мир иной. Вечером покушала селёдки с картошечкой, попила чайку с подушечками, дочитала “Робинзона Крузо”, уснула, а утром не проснулась. Вот так.

А соседи моим голосом:

— Ой, всем бы такую смерть! Как же ты теперь, Саша, без бабушки будешь? Скучно тебе без неё станет. Она у тебя весёлая была, заводная. Все её любили. Отпевание-то будешь заказывать?

— А как же! Чай, она была верующая, православная христианка.

— Что приготовить, мы поможем, говори, не стесняйся. Чтоб ни в чём не было недостатка. Блины там, мёд, кутья...

— Да я сам всё приготовлю, вы только приходите обязательно на поминки.

Приносили последнюю пенсию.

— Вот, распишитесь, тут в тройном размере. Бабушке вашей, как заслуженному работнику страны, напоследок троекратную пенсию от государства выплачивают. Уж такая у нас страна. Своих героев ценит.

Приезжал Горбачёв:

— Я на одну минуточку, так сказать, оказать почать. Вот и Раиса Максимовна тут... Да, жаль, не дождала старушка до плодов нашей перестройки.

Тут бабушке надоедало быть мёртвой, она оживала и приступала к разбору полётов:

— Ну, какой тебе Горбачёв приедет? Думай хотя бы головёнкой-то своей. Да ещё с Раисой. Да и больно он мне нужен, трепло едакое. И про пенсию, что в троекратном размере, это уж ты, унучек, загнул. Хотя б какую напоследок выдали, и на том спасибо. Ты на мою пенсию всё и устрой, и поминки, и похорона. И нечего разбрасываться! Всё он сам приготовить! Ишь ты, богач какой! Пусть приносят, если кто хочет принести. Ты, что ли, блинов напекёшь? Холодец умеешь варить? То-то же. Теперича дальше: гроб. Самый дешёвый бери.

— Здравсьте!

— Не здрасьте. В дорогой не лягу.

— Это как это ты не ляжешь?

— Руки растопырю.

— Не растопыришь, не бойся. Дед говорил, что встанет, когда отпевать его принесёшь, так не встал же.

— И венок. Ну, зачем он нужен? Просто цветочков нарви где-нибудь, да и ладно. Люди всё равно цветов принесут. Про отпевание — молодец. Только много попам тоже нечего баловать. Они и без тебя хорошо живут. На “Чайках” ездют. Не все, конечно, есть и честные. К отцу Виктору меня определи, пусть он отпевает. Я ему однажды пятьдесят копеек сунула, так он мне двугривенный назад отдал. Хороший поп. У нас такой в Сережани был. Гундосый. Хоть и гундосый, а хороший. Понимал людей. Теперича про оркестру. Ну, какая тебе оркестра! Я что тебе, полковник? Подумай хорошо, прежде чем делать.

— Ладно, оркестр не буду заказывать. А хороший гроб и красивый веночек — извините, Клавдия Фёдоровна, это вы мне не запретите!

Тронутая хорошим гробом и красивым венком, бабушка сменяла ироничный тон на сентиментальный:

— Ты же ж мой унучек дорогой! Дай же ж я тебя поцелую!

Другая любимая игра была в престарелый дом. Начиналась она с очередного бабушкиного косяка. Допустим, вернувшись домой с работы, я окупался в зловонный быт погорельца:

— Ну, бабушка! Опять ты сковородку сожгла!

— Хотела картошечки пожарить к твоему приходу, да и забыла, молодость села вспоминать и...

— Не надо ничего к моему приходу. Я сам всё готовлю и тебя кормлю. Ну, как теперь весь вечер этой гарью дышать?

Тогда бабушка садилась на свой диванчик и, тяжело вздохнув, заявляла с полной ответственностью:

— Ну что же, сдай меня в престарелый дом. Узнай, как там и чего охормляется. И не думай, что я шучу. Сдай, и всё тут.

— В престарелый дом? Ладно. Только завтра, ладно?

— Завтра? Я согласна.

Утром я будил её в семь утра:

— Вставай, бабка, чего разлеглась! Тут тебе не дома. Тут тебе престарелый дом.

— Ой, — вскакивала Клавдия Фёдоровна. — А сколько время?

— Сколько время ей! Твоё время давно уж кончилось. Небо только коптишь, да и только! Садись чай пить, ископаемое! Где твоя кружка?

— Стойтя, а умыться-то можно хотя бы?

— Умыться ей! Её обмывать давно пора, а она — умыться. Ладно уж, иди умывайся. Да долго там не плескаться, ты тут в престарелом доме не одна. Целая поляна божьих одуванчиков.

Видно было, как же ей такая игра нравится! Она робко шла умываться, из ванной возвращалась покорная, опустив глаза долу, брала свою кружку, чайную ложку, садилась за стол завтракать. Я наливал ей кипятка, в который падали две-три капли заварки, выдавал одну печенинку.

— Щевой-то щаёк у вас в престарелом доме жидковат, — поднимала она робкий бунт.

— Щаёк ей жидковат! — возмущался сатрап. — Ты что, дома у себя? Жила бы в своём доме, да и пила бы крепкий. У нас, знаете ли, в престарелом доме не разгуляешься.

— А сахару?..

— Один кусочек полагается, не больше.

— А печенье тоже одно только?

— А сколько же тебе, два?

— А конхветку?

— Чего? Конфетку? Может, тебе ещё торт вафельный?

— Неплохо бы.

— Сиди уж, пей свой чай, а то и это отберём.

Довольная игрой, Клавдия Фёдоровна растягивала удовольствие, медленно съедала печенье, запивая пустым чаем. Со вздохом перемещалась на свой диванчик, а если по пути включала телевизор, тотчас слышалось грозное:

— Кто разрешил? Что за самоуправство?

— Так, кинцо бы посмотреть...

— Кинцо? На вас что, государство должно электроэнергию тратить? Пусть вам родственники на батарейках телек покупают, смотри, сколько влезет.

Погулять на улице и то из престарелого дома её с трудом отпускали и ненадолго. На обед подавали суп, в котором, кроме риса, лука и моркови, ничего не водилось.

— Щевой-то у вас суп — одна вода?

— А как вы хотели? Вода, вода, кругом вода.

— Мясца бы кусочек.

— Мясца? Не выросла овца!

— А на второе что?

— Картошка. Радуйся, бабуся, сегодня шоре.

— Туда бы селедочки кусочек...

— Может, ещё осетринки? Извините, не наловили.
Вечером в престарелом доме назревал бунт:
— Везде хоть сколько-то, а разрешают телевизор показывать.
— А мы вас тут и не держим, ваше величество. Ступайте на все четыре стороны.

— Куда же ж я пойду, коли меня в престарелый дом сдали?
— Уж не знаю. Многие старики в чистом поле живут, на помойках.
А она тут в тепле, в сытости и недовольна.

— Хоть бы на ужин селёдки дали, а то опять картошка голая.
— Опиет двадцать пять! Селёдка у нас за отдельную плату.
— Сколько?
— Три рубля порция.
— Жулики вы тут в етом престарелом доме.
— Жизнь такая, бабуля. Детей чем-то кормить надо. Вот и крутишься.

Ладно уж, включу тебе на полчаса телевизор, я добрый сегодня.
— Яблочка бы ещё...
— Яблочка? Может, ананасов? Яблочки пусть тебе родственники привозят. У тебя родственники остались хотя бы?

— Унук есть. Саша.
— Ну, и где он?
— А вот скоро приедет и заберёт меня отсюда.
— А чего ж он тебя сюда-то сбаврил?
— Я сковородки жгла, потоп в ванной делала, селёдочными руками ступля пачкала...

— Вот как тебе твоя селёдка-то боком вышла.
— Это уж точно.
— Может, всё же простит тебя внук, заберёт отсюда?
— Хорошо бы. А то уж больно у вас тут в престарелом доме говённо.
На следующее утро я будил её с радостной вестью:
— Вставай, бабка, внук за тобой приехал. Домой забирает. Очень уж он у тебя добрый.

— Унучек мой! Сашенька! Приехал! Прости меня за усё!
— Да ладно тебе, бабушка. Поехали уж домой.
Она весело шагала умываться, возвращалась из ванной радостная.
— Ну, вот я и дома. Нельзя ли чайку хорошего? А то там, в престарелом доме, поили какими-то ополосками.

— Ага, знаешь теперь, каково в престарелом доме!
— Знаю, унучек. Не приведи Бог там дни свои доживать.
И на столе перед ней появлялись бутерброды с докторской колбасой, чай душистый, печенья целая ваза, варенье, мёд. Позавтракав, она шла гулять, сколько захочет. На обед — курица, на ужин — желанная селёдка. Телевизор — пожалуйста, включай, смотри.

— Ну что, в престарелом-то доме лучше тебе было?
— Какой там! Страшно вспомнить! Не то, что телевизор, книжку не дадут почитать. Где там мой “Робинзон Крузо”?

Шедевр Даниэля Дефо она читала целый год. Однажды сказала:
— Щевой-то я читать умею, а до сих пор ни одной книги не прочитала. Дай-ка мне какую получше.

И стала читать. Медленно, по странице в день. Прочтёт и обдумывает прочитанное, вздыхает, сопереживает.

— Вот как у людей жизнь складывается...
Когда одолела, я предложил:
— Ну, какую тебе теперь книгу посоветовать?
— Не надо. Хватить.
— Как? Всё?!
— Теперича я знаю, что книги — это не дурь какая.
— Ну, так и бери другую.
— А вдруг она плохая?

Так и не стала другие книги брать, и все её литературное образование ограничилось “Робинзоном Крузо”. Было у неё собственное Евангелие,

но его она не читала, а держала при себе рядом, как некий прибор, который действует благотворно, если находится под боком. В церковь ходила постоянно, подавала записки о здравии и упокоении, которые я ей писал заранее во многих экземплярах, а она мне диктовала имена, кого надобно помянуть. К христианским понятиям она относилась с уважением, но и с некоторыми примечаниями и сносками.

— Говорят, Дева Мария родила от Святого Духа. Как это?

— Ну так, — пожимал плечами я. — Божественное чудо. Ведь у Иисуса Христа Отец — Бог.

— Вот в это я щевой-то не верю. Сколько живу, нигде такого не видывала и не слыхала.

— Ну, потому что это и не должно быть широко распространено. Ясное дело — чудо. А в то, что Христос воскрес, веришь?

— Верю.

— Почему же в непорочное зачатие Богородицы не веришь, а в Христово воскресение веришь?

— Потому что в церкви всегда кричат: “Христос воскрес!”

— Железная логика!

Думаю, что она, как многие, принимала христианство не умом, а сердцем, что гораздо важнее и сильнее, нежели умом без сердца, хотя в полном должны быть и сердце, и ум вместе.

Бабушка жила больше не по Евангелию, а по церковному календарю. На Крещение рисовала на двери мелом крест, который потом через несколько дней смывала. На Благовещение выпекала жаворонков — печенье в виде птичек, у которых вместо глаз изюминки. На Пасху пекла кулич и красила яйца луковой шелухой и кусочками материи — синие, красные, желтые, зеленые. Хотя я больше всего любил и всегда люблю луковые, особенно когда они с трещинкой и вкус луковой шелухи ощущается сильнее. Ни один из праздников она не пропускала, зная, что в какой надо сделать или сказать.

— Петр-Павел час убавил. Илья-пророк два уволок.

— Сегодня Сретенье. Кого на улице встретишь, всем добра пожелай.

— Нонче Никола Угодник. Положено всем людям угождать.

— И сволочам?

— Нонче сволочей не бывает.

— Как это не бывает? Очень даже бывает!

— Сам не будь сволочью, и вокруг тебя сволочей не будеть.

Во многом Клавдия Фёдоровна проявляла настоящий крестьянский прагматизм. Иногда у неё ни с того, ни с сего начинала идти носом кровь. Тогда она вставала над раковиной в кухне и капала туда кровью, пока той не надоедало литься.

— Это у меня избыток крови.

Меня удивляло её постоянное стремление всё делать самой — подметать, мыть пол, посуду, готовить, чинить, шить, стелить кровать.

— Кто сам всё делает, дольше проживёт. А кто за других всё делает, и вовсе дольше всех проживёт.

Бабушка прожила восемьдесят шесть лет. Однажды утром не смогла встать, руки и ноги почти не слушались. Затем началась сильнейшая диарея, и пришлось вызвать “скорую”, которая увезла бабушку в больницу. Там я дежурил при ней два дня. Она была почти без сознания. Когда я в очередной раз подмывал её, она очнулась и весело сказала:

— Вот здорово! Когда-то я унуку попу мыла, теперь он мне.

Через пару дней диареею как-то победили, бабушка впала в забытьё, и врачи разрешили мне поехать домой. Утром я снова приехал в больницу, и мне сказали, что за час до моего приезда она скончалась. Очень душевная медсестра поведала мне, как это было.

Клавдия Фёдоровна всегда просыпалась на рассвете:

— Кто рано встаёт, тому Бог даёт, — говорила она.

Вот и перед своей кончиной она проснулась с первыми лучами солнца. В глазах у неё сверкала радость. Медсестра подошла к ней, спросила:

— Как вы себя чувствуете, Клавдия Фёдоровна?

— Хорошо, — ответила моя бабушка. И добавила: — Скоро за мной унук приедет. И заберёт меня отсюда. Из престарелого дома.

И с этими словами душа её радостно полетела домой. Но не в московскую квартиру, а совсем домой, домой-предомой — туда, откуда она прилетела восемьдесят шесть лет назад, чтобы поселиться в маленькой девочке Клаве, родившейся в селе Высоцком Вяземского уезда Смоленской области.

Я не знаю, как она выглядела в детстве и юности. Самая ранняя из её сохранившихся фотографий относится к 1931 году. Лето, она уже беременна моей мамой, на коленях держит моего дядьку и крёстного, Александра Тимофеевича, а справа от неё — мой дед Тимофей Степанович, моя прабабушка Анастасия Васильевна, мой дядя Фёдор Тимофеевич и какая-то неизвестная девочка. Дяде Саше здесь три года, дяде Феде — восемь, бабушке — двадцать восемь, дедушке — тридцать шесть. Благополучное для всей их семьи лето. Зимой 22 декабря родилась Нина, моя мама. 27 января 1932 года её крестили в честь равноапостольной Нины, просветительницы Грузии. Тимофей Степанович и Клавдия Фёдоровна вели своё добротное крестьянское хозяйство, про которое уже говорили, что оно кулацкое, хотя батраков они никогда не имели — всю работу исполняли сами.

Через несколько лет им пришлось бежать от раскулачивания в Москву, бросить своё хозяйство, долгое время жить без своего угла, ютиться, где придётся. И лишь когда дед устроился в Метрострой, они получили комнатёнку в бараке. Дедов брат, милиционер Павел Степанович, устроил бабушку уборщицей в отделение милиции. В 1939 году произошло страшное событие с участковым милиционером из этого отделения. Вскрылось, что он и его жена по ночам грабили и убивали пьяных и проституток. На их счету скопилось множество убийств. Они бежали в свою деревню и там долго отстреливались, пока и его, и её не пристрелили. На летней жаре тела быстро стали разлагаться. В доме у них был накрыт богатый стол и лежала записка: “Помяните нас!” Односельчане собрались поминать — выпить и закусить всем хотелось, немногие были богаты. Но как только подняли первую рюмку, вдруг под потолком взорвалась лампочка, и осколки разлетелись по всему столу. Люди так и бросились врассыпную — кто в дверь, кто в окно. Эту историю бабушка потом любила часто рассказывать как весьма назидательную. И один из моих первых рассказов был написан именно на этот сюжет.

Наступил страшный 1941 год. Мой дядя Фёдор Тимофеевич за свой высокий рост имел прозвище Фёдь-достань-воробышка. В первые дни войны он ушёл на фронт воевал в мотоциклетных войсках. В августе и сентябре отступал вместе с нашими войсками, всё больше приближаясь к своим родным местам. В конце сентября линия фронта встала между Ярцевым и Сафоновым, а 2 октября началась Вяземская оборонительная операция, целью которой было как можно дольше сдерживать врага, рвущегося на Москву. В ходе битвы немцам удалось прорвать оборону советских войск, 7 октября танковые группировки противника соединились под Вязьмой, совершив окружение наших. Образовался котёл окружения от Сафонова до ближних подступов к Вязме. В этом котле оказались и родные места Кондрашовых, где рождались и росли мои предки. А моему дяде Фёдору Тимофеевичу суждено было погибнуть там, где он родился. Незадолго до этого он побывал в родном селе и сказал, что все горят решимостью драться насмерть. Так что вернее всего полагать, что он погиб в этом страшном вяземском котле, хотя в скорбной повестке, полученной дедом и бабкой значилось, что их сын Фёдор пропал без вести. Бабушка конечно же надеялась что он попал в плен и выжил, и лишь в старости она стала говорить:

— Нет, наверное, погиб мой Федечка тогда же, у сорок первом.

Вяземская операция стала первым сражением на дальних подступах к Москве, враг продолжал рваться к сердцу России, немецкие самолеты бомбили Москву. Бомбили и Измайлово. Во время одной из бомбардировок в начале ноября погиб мой прадед Степан Семёнович Кондрашов. Он отказывался идти в бомбоубежище, говоря: “Я на своей земле и никуда не хочу прятаться”. Он сидел у самовара и пил чай, когда осколок бомбы пробил две стены

дома и попал ему в голову. Похороны состоялись 9 ноября на Измайловском Рождественском кладбище.

Моя бабушка Клавдия Фёдоровна тоже участвовала в битве за Москву — всю осень она доблестно трудилась на создании оборонительных рубежей. В январе 1942 года битва за Москву была выиграна окончательно. Враг получил первое сокрушительное поражение.

— Я тоже в битве за Москву участвовала, — с гордостью говаривала моя бабушка.

Москва, конечно, не блокадный Ленинград, но и в ней нечего было есть. Чтобы как-то ещё подкормиться, люди выбирались из города и ездили по полям, подбирали недоубранную картошку, морковь, свёклу. Набрать несколько килограммов считалось огромной удачей. Однажды милиционер задержал мою бабушку с добычей.

— Дай Бог ему здоровья! — искренне желала здравия этому милиционеру Клавдия Фёдоровна, рассказывая мне впоследствии. — Такой хороший оказался! Картошку забрал, а меня не стал арестовывать, отпустил.

И всё же кое-как жизнь налаживалась. Дети вновь ходили в школу, помогали родителям раздобыть пропитание. С этого года в Москве стали отмечать артиллерийским салютом все крупные победы наших войск над незваными гостями.

В 1944 году Клавдия Фёдоровна была награждена медалью “За оборону Москвы”. Так оценили её самоотверженный труд на строительстве оборонительных сооружений. О ценности награды свидетельствует то, что всех награждённых ею было немногим более тысячи человек.

И вот наступил 1945 год, долгожданная Победа!

В 1946 году моя бабушка Клавдия Фёдоровна получила ещё одну награду — медаль “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов”. В отличие от первой эта медаль — самая распространённая награда, за эту войну ею было награждено 16 миллионов человек.

Кондрашovy по-прежнему жили в бараке — на всех одна большая комната, где, кроме дедушки, бабушки, мамы и дяди Саши, постоянно обитали какие-нибудь бабушкины или дедушкины родственники. Тимофей Степанович наконец тоже получил советскую награду — медаль “800-летие Москвы”. Ею, кстати, было награждено не так уж много москвичей — всего полторы тысячи человек.

Барак, где жили Кондрашovy, располагался на Измайловской площади напротив Дома культуры строителей. Площадь стала называться Измайловской в 1949 году, а Дом культуры построили в 1951-м. В том бараке на Измайловской площади я провёл первые два года своей жизни, которые совершенно не помню.

Счастливейший 1961 год! В день моего рождения полетел Гагарин, а летом в нашей семье произошло радостное событие. Мы расстались с баракom на Измайловской площади, который был обречён на слом, и переехали в блочную пятиэтажку на Третьей Прядильной улице. В двухкомнатной квартире поселились мои бабушка, дедушка, мама и я. Мой отец к этому времени окончательно исчез. Они с мамой развелись. Мой крёстный дядя Саша с женой Светланой и сыном Андрюшей получили в нашем же доме однокомнатную квартиру в соседнем подъезде на третьем этаже. Тридцатая — так мы её называли: “Пошли в тридцатую!”, “Завтра в тридцатой гости”...

Когда мы поселились на Третьей Прядильной, там ещё оставались деревянные дома, деревенские, ведь некогда тут была деревня Измайлово. Точнее — село, потому что имелся храм. Церковь так и называется — храм Рождества Христова в селе Измайлово. В эту церковь бабушка ходила постоянно, в ней и меня крестили совсем ещё маленького. По настоянию бабушки, которая по своим крестьянским понятиям считала, что крестить младенчика надо как можно быстрее, дабы не умер некрещёным. В деревнях же смертность была высокая.

Бабушка Клава оставалась в моей семье единственной хранительницей крохотного огонька Православия. Всю жизнь она ходила в церковь по пра-

здникам, подавала записки о здравии и о упокоении. Дед и мама время от времени спорили с ней, будучи неверующими.

— Ну, ты что, всерьёз веришь, что Дева Мария могла родить от Духа Святого?

— В это я не верю, — вздыхала бабушка. — А в Бога верю!

— Ну, где Он, твой Бог? — возмущался дед. — Космонавты уж сколько летают, а до сих пор никакого Бога на небе не встречали.

— Так Он прямо там сидит и ваших космонавтов ждёт, — сердилась бабушка. — У него делу без йих хватает.

— Ну да, записки твои читать!

— Не хочу и слушать вашу щепуху!

Странное дело — если мой дед, Тимофей Степанович, вполне освоил московскую нормативную речь, то моя бабушка, Клавдия Фёдоровна, ни единым звуком не поступилась, и прожив в Москве всю вторую половину жизни, даже больше — пятьдесят один год из восьмидесяти шести, отпущенных ей Господом, — она до последних минут своей жизни говорила на исконном смоленском наречии, представляющем собой нечто среднее между московским и белорусским произношением. В словаре Даля оно подробно описано, но со времён, когда словарь писался, смоленское наречие претерпело значительные изменения, утратив многие белоруссизмы. Исчезло дзеканье, предлог “с” перестал произноситься как “з”, аканье перестало быть столь приторным, как о нём писал Даль, исчезла замена мягкого “ль” твердым “л” в таких словах, как “пальцы”, “кольцо”. Но многие черты, обозначенные Владимиром Ивановичем, сохранялись. Буква “г” перед гласными осталась придыхательной, осталось сильным яканье, дожила до двадцатого века “ў” — “у” краткая, как в белорусском языке.

Вот краткий словарь моей бабушки: петух — пятах, не хочу — ня хочу, меня — мяне, вторник — аўторник, озеро — ўозеро, Петров — Пятроў, Великий пост — Вяликий пос, он — йон, его жена — явоная жана, чай — шай, испеку блинков — спяку блинкоў, четверг — четверьх, умный — ўмный, утро — ўтро, лежит — ляжить, Фёдор — Хвёдор, Тимофей — Тимохвей, всегда — ўсягда, Клавдия — Клаўдя, идиот — йедиот, свиньей — свиннёй, с тещей — с тещуй, еврей — яўрей, в Вязме — у Вязме, внук — унук, ночью — ночуй, её муж — яёный муж, их дети — йихние дети, Одигитриевская церковь — Йигитриўская церква, с Витей — с Витуй, чепуха — щепуха, девка — деўка, встреча — аўстреца, шесть — шесь, семь — сем, восемь — ўосем, завтракать — заўтрикать, вишня — вишенье, ножницы — ножни, сейчас — щипас, плакать, хныкать — брюнзы складывать. Мама очень сердилась, когда бабушка говорила “тиятр” или “сиямская кошка”, заставляла бабушку учиться произносить правильно, и бабушка ходила по квартире, громко и нарочито повторяя: “те—Атр”, “си—Амская”!

В детстве она любила рассказывать мне “Бременских музыкантов”, но только в своём, вяземско-смоленском варианте. Ещё я любил слушать одну её песню, которую потом использовал в “Страшном пассажира”, но здесь хочу воспроизвести в бабушкином произношении:

*Пошла Уоля в лес гулять-лять-лять,
Да цветочки собирать-рать-рать,
Тихо всё в лесу молицить-щити-щити.
Лишь кукушуцка крицицить-щити-щити.
“Ты, кукушуцка, скажи-жи-жи,
Усю прауду доложи-жи-жи.
Сколько лет еще вясной-ной-ной
Поўстрецаемся с тобой-бой-бой?”
Стала птицка кукувать-вать-вать.
Стала девушка считать-тать-тать:
“Двадцать, тридцать, сорок, сто-сто-сто,
Ай, спасибо и за то-то-то!”
Во дворе слуцилась драка-драка-драка,
Гусь поссорился с свиней-нёй-нёй.*

*Куры ў драку уступили-пили-пили,
И пошёл кровавый бой-бой-бой.
Аўдруг откуда ни возьмися-мися-мися
Щернобурая лиса-са-са.
Куры с гордостю спросили-сили-сили:
“Вы откуда, господа-да-да?”
“Мы — сестрицки-молодицки-дицки-дицки
Стару гусю молодцу-цу-цу,
У няво была пярुшка-рушка-рушка
И поминки по отцу-цу-цу...”*

Такая странная песня, особенно в своей второй половине, где про драку во дворе. Вероятно, бабушка просто не помнила некоторых связующих смысл куплетов и пела лишь то, что сохранялось в памяти.

Потом, когда я учился в Литинституте, нам было дано задание на лето: отправиться в какую-нибудь глухомань и там собрать особенности языка местных жителей. Я и отправился — сел напротив бабушки Клавды и заставил её говорить, рассказывать, петь, вспоминать всякие прибаутки. В итоге, когда я осенью сдал свою работу, преподавательница языкознания Людмила Александровна Качаева особенно выделила мой труд:

— Большинство из вас отнеслись к заданию халатно. А вот Александр Сегень, видно, что объездил всю Смоленскую область и собрал, в итоге, богатейший материал!

Ещё было одно очень смешное слово, которым она меня называла, — “кындрик”. Этимология такова — от немецкого Kinder.

Есть такая песня:

*В селах Рязанщины, в селах Смоленщины
Слово “люблю” непривычно для женщины.
Здесь, беззаветно и сильно любя,
Женщина скажет: “Жалею тебя!”*

Это верно. Моя бабушка Клавдия Фёдоровна всегда говорила мне:

— Как же я тебя жалею. Сашулечка, унучек! Жалкий ты мой!

И “жалкий” означало “любимый”, а отнюдь не “вызывающий жалость”.

На Смоленщине и впрямь все так и говорили. А на Смоленщину мы ездили в моём детстве каждое лето. Там жил бабушкин любимейший племянник Михаил Михайлович Петров. Он служил егерем в охотхозяйстве. Замечательный, можно даже сказать — выдающийся человек. В детстве он подорвался на mine, ему оторвало правую руку и страшно сожгло грудь и лицо. При первой встрече с ним любой испытывал естественное отвращение, но стоило пообщаться с дядей Мишей, как в первые же пять минут уродство куда-то улетучивалось. Не имея правой руки, Михаил Михайлович Петров был весьма ловким и умелым человеком, он здорово пользовался коротенькой култышкой, оставшейся от руки, всё, что можно, зажимал ею под мышкой — патроны или спичечный коробок, к примеру, а левой рукой орудовал так, как мало кто орудует обеими верхними конечностями. Он великоленно стрелял, работал всеми инструментами, водил плуг, плавал быстрее всех, лихо водил машину. Очень смешно бывало, когда кто-либо спрашивал его:

— Михалыч, а в какую сторону ехать, чтобы попасть туда-то?

А у него и рука занята и подмышка под култышкой. И он, нисколько не смущаясь, мог указать босою ногой, используя большой палец ноги в качестве указательного:

— Во-о-он у ту сторону.

В жёны дядя Миша взял женщину с двумя сыновьями, Геной и Славой, и тётя Таня родила ему ещё двоих — Валеру и Юру. Валера был на год меня старше, а Юра — на год моложе. Они стали моими деревенскими друзьями. Валера был черномазенький, за что носил кличку Цыган. Поговаривали, что, когда дядя Миша женился на тёте Тане, она уже была беременна от

какого-то залётного цыгана. И дядя Миша, когда гневался на Валеру, обзывал его цыганом с обидной интонацией в голосе. Юрка был ему ближе и похож на него. За излишнюю плаксивость и капризность Юрку прозвали Гуней.

Деревня очень много давала мне, моему здоровью. Здесь я забывал про обувь и целыми днями бегал босиком. Взрослые брали нас в ночное, где мы сживали и спали у костра. В Вязьме-речке водилась рыба, которую мы ловили самодельными удочками, в основном это были окуньки, плотвички, карасики, гораздо реже — щучки и подлещики. Не помню, чтобы кто-нибудь из нас хоть однажды поймал крупную рыбу, — всё мелочовка.

Из Якушкина я возвращался, полный запахов сельской жизни. Что это была за жизнь! Бесконечная череда событий и всяческих наиважнейших предприятий. Сенокос, грибы, рыбалка, земляника, черника, малина, путешествия к родственникам...

Питались мы простой и грубой, но необыкновенно вкусной едой, приготовленной Клавдией Фёдоровной. Самым любимым блюдом являлась картош- ня. Закрываю глаза и сейчас остро чувствую её дивный аромат! Делалась она так: варёная картошка разминалась со сливочным маслом и яйцами и вы- кладывалась в большую сковороду, сверху ещё обмазывалась яйцом и стави- лась в печь. Через некоторое время из печи выходила она — её величество Картошня, дымная и ароматная. Как торт, её нарезали на доли и расклады- вали по тарелкам. Кусок картошни и кружка парного молока — вот вам за- втрак и обед. На ужин обычно были макароны с домашней или магазинной тушёнкой — это тоже очень вкусно. Да, ну и, конечно, щи да каши. здоро- вая деревенская пища. По воскресеньям резали курицу и делали наваристый куриный суп. В хозяйстве у дяди Миши водились овцы. Овцу или барана ре- зали на Петров день 12 июля и в праздник Смоленской Божьей Матери 10 августа.

В семействе Петровых особо почитали день Петра и Павла, хотя в Пе- тровский пост совсем и не постились. Но рано утром ехали на погост укра- шать могилки и поминать предков. Ехали на телеге. У Петровых было два коня: один — молодой и сильный, для работы, классический гнедой конь Ор- лик, а второй — старый, унылый, для медленной езды на телеге. Этот был белый в серых яблоках и звали его красиво — Альбом. Бывало, едешь, а он то и дело оттопыривает хвост и пускает ветры. А бабушка, по грубости сво- ей, непременно скажет деду:

— У тощности как ты, Тимох. Такой же старый пярдун!

И смеётся. А дед сердится, но тоже улыбается.

Погост располагался километрах в пяти от Якушкина, на высоком хол- ме, под которым течёт Вязьма-река. От храма остались лишь два нижних яруса колокольни. В 1941 году немцы, ликвидируя Вяземский котёл, бомби- ли засевших на колокольне пулемётчиков Красной армии. Кто знает, может, среди этих пулемётчиков был и мой родной дядя Федя.

Это место, где погост и остатки храма, когда-то называлось Сerezань. Там располагалось село, полностью уничтоженное гитлеровцами. В Сerezан- ни стоял храм Рождества Пресвятой Богородицы, построенный ещё в 1780 году. Бабушка Клава рассказывала мне, что в храме служили два свя- щенника, один — высокий и красивый, другой — некрасивый и гудосый, по прозвищу Гундяй. И большинство прихожан по праздникам стремились попасть на исповедь и причастие к красивому, и лишь немногие — к отцу Николаю. Однажды во время Пасхальной службы к отцу Николаю прибежа- ли с дурной новостью — горит его дом.

— Бегите скорее тушить!

Но он ответил:

— Сейчас мой дом здесь, и он не горит, а радуется Христову Воскре- шению.

Под утро он вернулся из храма к пепелищу, а на Светлой седмице попро- сил у людей коня и телегу, объехал все окрестные деревни и сёла, и всюду ему щедро подавали милостыню. Насобирав так много, что заново отстроил- ся лучше прежнего. И все ему помогали возрождать жильё. После этого слу- чая его стали так крепко уважать, что говорили:

— Чего это раньше нам казалось, что он гундосый! Не гундосый он никакой, хорошо служит, чисто поёт.

И почитателей у отца Николая стало с тех пор больше, чем у красивого священника. И даже Гундяем его перестали за глаза называть, а лишь с превеликим почтением: “Батюшка отец Николай”.

Про Серезань бабушка Клава пела, когда долго шёл дождь:

*Дождик, дождик, перестань!
Я поеду в Серезань.
Богу помолюся,
Христу поклонюся,
Свечечку поставлю,
Грехов поубавлю.*

— А когда ходили у Серезань, — рассказывала она мне, — то дед, бывало, сапоги — за спину и идёть босиком, а только когда у храм входить, тогда надеваеть. Оттого у него сапоги подолгу держались.

Стало быть, в молодости дедушка Тимоша всё-таки в церковь хаживал по праздникам и лишь потом, под влиянием старших братьев, стал безбожником. Креста не носил ни в какую. Так же и мама. Хотя бабушка время от времени страшала их.

12 июля 1967 года мы вернулись из Серезани, и я стал свидетелем убийства барана. Помню это так живо, будто видел вчера. Зрелище было жуткое, но больше всего меня поразило то, с какой покорностью баран шёл на смерть. Он почти не сопротивлялся, не противился, не возмущался. Возможно, если бы он рвался и кричал, я бы потом месяц не мог бы уснуть ночью. А так, при всём ужасе картины, я не пережил эту смерть как трагедию. Даже обезглавленные и куролесающие по двору окровавленные куры производили более жуткое впечатление.

Потом, когда уже сели есть этого барана, я услышал из уст бабушки Клавы историю про её деда. Он в молодости сильно страдал от болей в печени. И вот однажды стал резать барана, перепилил ему ножом горло, а баран вдруг вырвался и побежал прочь. Добежал до колодца и прыгнул туда, в колодец. И тогда бабушкин дед почему-то решил:

— Отныне больше не буду есть баранину.

Перестал её есть, и вскоре у него исчезли печёночные муки. Так всю жизнь не ел бараньего мяса и дожил до девяноста лет.

А в Якушкине из барана бабушка Клава приготавливала волшебные лакомства! Прежде всего, на сковородку, смазанную маслом, резала много репчатого лука, его заливала свежей бараньей кровью и ставила в печь. Получалась вкуснейшая кровавая запеканка с луком. Потом — кишки. Их тщательно очищала, резала на трубочки длиной с палец, клала в большой горшок или котел, заливала молоком и долго томила в печке. Вспоминаю — и слюни рекой текут! Ну, а уж потом из остальной требухи и мяса приготавливала всякую всячину — густой бараний суп, шашлык, фаршированный желудок, тушёнку и запечённую в печи печень. Отдельно что-то делала из головы, но я этого не пробовал — брезговал, как ни странно, хотя не брезговал ни кровью, ни кишками.

Вторым праздником, когда резали овцу или барана, было 10 августа, праздник Смоленской иконы Божией Матери, именуемой “Одигитрия” — “Путеводительница”. На Смоленщине этому дню придают наиважнейшее значение. “Одигитрия” здесь, пожалуй, третий праздник после Пасхи и Рождества, а в сельской местности и вовсе, наверное, самый главный день в году. Деревенские жители называют праздник “Одигитрии” на свой лад — “Игитрия” или “Йигитрия”. И всем им это слово кажется красивым, величественным, неземным. Во всяком случае, во второй половине XX века это было именно так. А ведь тогда религиозные праздники отмечать не вполне разрешалось. И даже казалось, вот-вот и их снова запретят, как бывало в тридцатые и пятидесятые годы.

Сенокос запомнился из детства как нечто одновременно и радостное, и тягостное. Запах свежескошенного сена восхищал до умопомрачения, на-

дышавшись им в детские годы, я мог хоть как-то компенсировать ущерб от городских ядов в будущем. Радостно было, что все участвуют в общем труде-празднике, что все трудятся весело, будто пляшут. Косить мы, конечно, только пробовали, а кидать и ворошить скошенное нас заставляли по полной программе, без скидок. Мы уставали, особенно младшие, но поблажек не получали, работали до мозолей и дальше. Когда сено высыхало, его начинали копнить. Тут уж для нас особенное развлечение — по новеньким копнам ползать. Потом копы начинали стоговать — ещё лучше. Наконец, готовое сено свозили домой и забивали в сарай. Получался свежий сеновал, на котором мы спали. Особенно помнится, как весело работал Слава, — он всё время смеялся и неустанно двигался, будто стараясь наработать больше всех, махая косой или вилами. Самый старший, Гена, в это время служил в армии, и Слава будто хотел и за него отработать. Он всегда был золотой парень — со всеми добрый, весёлый и ласковый.

После окончания сенокоса мы ездили в гости к родственникам. Больше всего запомнилось путешествие в Алфёрово, где жила с мужем и дочерьми бабушкина племянница тётя Нюра. В 1942 году её увезли в Германию, в рабство. По пути она пыталась бежать с поезда, и немец-конвоир прикладом ружья выбил ей все передние зубы. Потом, в Германии, хозяйка, у которой тётя Нюра была рабыней, за хорошее поведение вставила ей железные зубы. “Хорошая она была, добрая”, — вспоминала тётя Нюра о своей рабовладелец-немке. После победы она вернулась домой, и не сказать, чтобы её особо преследовали за то, что она работала в Германии. В Алфёрове тётя Нюра работала заведующей столовой. Треугольные мясные котлетки, которыми она меня потчевала, были такие вкусные, что я мог поглощать их без счёта.

Вообще немцы оставили о себе скверное впечатление на Смоленщине — грабили, зверствовали, издевались. Никто не поминал их добрым словом. Мы, играя в лесу, купаясь в реке, часто находили немецкие каски, в большинстве своём ржавые, но однажды я нашёл в Китайке — притоке Вязьмы — особенную каску. На ней сохранилась серебристо-голубая краска и белый щиток с двумя черными эссовскими молниями. Возможно, она сохранилась благодаря особой щелочной глине, которой славилась Китайка. Из этой глины можно было делать мыло, оно мылилось и пузырилось почти как настоящее. Странно, что советские каски мы находили раз в десять реже, чем гитлеровские. Пойдём, бывало, по ягоды или по грибы — обязательно кто-нибудь с каской возвратится. Немецкие каски мы ставили на палки и расстреливали камнями или из рогаток.

Однажды около Якушкина, расположенного на автострате Москва—Минск, притормозил автобус, из которого по всей деревне рассыпались наглые немецкие туристы. Они принялись щёлкать фотоаппаратами, выбирая самые неказистые строения. Особенно много фотографировали Юрку, потому что он был тощим, как скелет, и его можно было выдать за голодающего советского ребёнка. Гуня не замедлил отомстить — одна из наиболее жирных туристок принялась живописать небогатое Якушкино на холсте, и Юрка, подкравшись к ней из-за спины, ляпнул на холст огромный кусок грязи. Валера тоже привлёк внимание туристов, они сунули ему в руку жвачку, он развернул её, положил в рот, пожевал, нарочито скривился и сплюнул с самым гадливым выражением лица. Напоследок, когда немчура садилась в автобус, мы забросали незваных гостей шишками. Знай наших!

Старый и тощий конь Альбом тоже был многожды сфотографирован интуристами. В другой раз он спас меня и Гуньку от неизбежного наказания за куренье. Однажды Гунька стащил у отца папиросу, мы отправились с ним на Китайку и там выкурили её без какого-либо удовольствия, но старательно делал вид друг перед другом, какое это счастье. Потом мы долго полоскали рты, наивно полагая, что так отобьём запах. Когда вернулись домой, моя мама тотчас всё учуяла и разразился скандал. Никто не собирался за нас заступаться.

— Ах вы, гадины негодные! — возмущалась бабушка Клава. — Ну уж щипца Нина вас выжарит!

Но когда моя мама появилась с ремнем, случилось происшествие с Альбомом. Старика так сильно ужалил слепень, что конь, запряжённый для какой-то надобности в телегу, взвился и понёс. Об пеньки телегу расхрипало вдребезги, мы долго ловили Альбома по лесу, а когда поймали, успокоили и привели домой, про наш грех все позабыли.

— Помнишь, бабушка, Альбома? — спрашивал я много лет спустя, когда мы с ней жили вдвоём в её последние годы.

— Коня-то якушкинского? Помню, а как же ж. На твоего деда Тимоху был чем-то похож.

— Скажешь тоже! А помнишь, как мы с тобой сено косили, коров пасли?

— Кто ж такое забудет... Эх, хорошо бы коровок напоследок попастить... А помнишь, как меня Ночка лягнула?

— Конечно. Ты ей всегда перед дойкой кусок хлеба давала, смоченный в молоке. А один раз забыла.

— И она меня ка-а-ак лягнула! — со смехом вспоминала бабушка.

И так мы, бывало, сидели с ней и смеялись, вспоминая счастливые мгновения жизни, большинство из которых было связано с деревней.

— Щевой-то мы с тобой смеемся много, не пришлось бы плакать, — наконец говорила бабушка. И ей становилось грустно:

— Ну вот, их теперь уже нет на свете. Ни доченьки моей Ниночки, ни племянничка Мишеньки, ни деда Тимохи. Сёстры мои все уже там... Одна я задержалась, никак не помру. Ты, молодой, живёшь тута со старухой. Сдал бы ты меня в престарелый дом.

— Опять?

— Я не шучу.

— Завтра?

— А хоть бы и завтра. — Она стряхивала с себя грусть, предвкушая, как завтра начнётся игра в престарелый дом.

— Ладно. Завтра так завтра...

ХРИСТОС ТАНЦУЕТ

Мама с детства причала меня быть галантным мужчиной. Когда мы с ней куда-то ходили вдвоём, я учился подавать ей руку, выходя из автобуса или вагона метро. Иногда днём шли с ней в ресторан, чтобы я осваивал искусство ухаживания — придвигал маме стул, подавал меню, наливал напитки, накладывал в тарелку салат и закуски, сам расплачивался. Разумеется, деньгами, которые заблаговременно она мне выдавала, и сдачу по возвращении домой я ей возвращал.

А вот что делать, если возникнет конфликтная ситуация и надо будет заступить за честь женщины, мама в точности не знала. Просто говорила:

— Ты должен идти грудью на врага, невзирая ни на что. Честь важнее всего.

Когда я окончил четвёртый класс, мы с мамой вдвоём поехали на три недели в Одессу. Там жила одна её знакомая, она помогла нам снять за небольшую плату комнату в большом богатом доме на Китобойной улице. Мне очень нравилось название — Китобойная. Хотя по здравом размышлении смешно. Одесский юмор. Ну, какие в Чёрном море киты? Какие в Одессе китобойи?

Ещё когда мы отправлялись из Москвы, случилось чудо. Я впервые летел на самолёте. Это уже возбуждало меня. А тут ещё такое! Появился какой-то пассажир, которому крайне срочно надо было лететь. И маму попросили, чтобы я уступил ему место. А меня — о Боже! — взяли в кабину пилотов. И мало того — посадили в стеклянный нос Ту-104. Я сидел впереди всех, в клюве самолёта! Разве что дети лётчиков могут похвастаться таким, да и то, полагаю, что далеко не все. Я был как замороженный, не обращал внимания на то, что заложено уши. Правое отлегло через неделю, а левое оставалось заложённым целый месяц и стало нормально слышать только в Москве.

Итак, мы прибыли в Одессу. Рано поутру мы шли на пляж. Накупавшись, отправлялись завтракать. Приходилось минут двадцать выстаивать

в очереди в столовку, отчего аппетит повышался, и запах сосисок дразнил слюну. Потом снова пляж, а днём — обед, обязательно в одном облюбованном нами ресторане у моря, где нам очень нравились котлеты по-киевски по пятьдесят копеек порция. После обеда — посещение достопримечательностей. Вечером — опять пляж, с которого мы возвращались усталые. Ужинали дома. Бутерброд с колбасой, мои любимые кабачковая икра или консервы “Частик в томате”, чай. Мы ходили в Одесский театр на “Сказку о царе Салтане”. В археологическом музее меня ужаснула египетская мумия. Чёрная, в серебряном гробу. До такой степени, что я ещё полгода потом видел её перед закрытыми глазами, ворочаясь перед сном.

Однажды мы стояли на лесенке в очереди в ресторан. За нами оказался южного вида красавец, он стал приставать к маме, причём как-то нагло, без сомнения в своей привлекательности. Мама не выдержала и сказала ему:

— Да отстань ты от меня, что привязался!

Он опешил и некоторое время стоял обиженно, молчал. Но через минуту злобно прошипел:

— Эсли нэ пайдешь со мной — заррррежу!

Не знаю, как мама, но я сильно испугался. Так сильно, что едва не писнул в штаны. И в следующий миг, сам того от себя не ожидая, выпалил:

— Да я тебя сам зарежу!

От собственной смелости мне стало ещё страшнее. Но тут нашего агрессора кто-то окликнул, и он оставил нас в покое.

Потом я несколько дней постоянно озирался, не появится ли этот монстр. И он появился. Мы шли по набережной около белых шаров Ланжерона. И вдруг он. Нам навстречу в обнимку с какой-то девицей. Я затаил дыхание. Но при виде нас он не разозлился и не бросился меня бить, а вдруг усмехнулся и задорно подмигнул мне. А маме сказал:

— Здравствуйте.

Возможно, вспышка той трусливой смелости явилась моим первым мужским поступком в жизни. Гораздо позже, бывая в местах, где шла война, я спрашивал парней, насколько им страшно. И оказалось, что всем страшно, но в минуты боя изнутри, из самых глубин страха, рождается смелость, которая ведёт человека сражаться.

В Одессе мне очень нравились фруктовое мороженое в шоколадной глазури, мелкие креветки, которых там называли рачками и щелкали вместо семечек, покуная в кульках по пятаку, нравились стройные прямые улицы с красивыми европейскими фасадами домов, бульвары, фонтаны, запах множества цветов. Нравилось героическое прошлое этого города. Мы с мамой ходили на экскурсию в катакомбы, и я восхищался тем, как люди могли жить там и продолжать сражаться с врагами.

В детстве моя мама росла очень боевитой девочкой. Родилась в деревне, в Москву семья, состоявшая из моей бабушки Клавдии Фёдоровны, деда Тимофея Степановича и троих детей — Феди, Саши и Нины, — переехала перед войной. Когда, бывало, кто-то дерзнёт дразнить мою маму: “Дярэвня! дярэвня!” — она бросалась с кулаками и побивала любого. И за ней закрепилось прозвище — Нинка-ой-ёй-ёй. А дядю Сашу за его страстную любовь к халве прозвали Халва.

Когда моего деда взяли на работу в Метрострой, семья стала жить в Измайлово. Самое яркое воспоминание мамы о войне — как она бежит по улице, а за нею рвутся бомбы. Измайлово бомбили, поскольку там располагались подземные ангары с танками. И бункер Сталина, о существовании которого немцы, возможно, знали.

Но самое-самое яркое — Победа, которую мама пережила в тринадцатилетнем возрасте и всю жизнь несла в своём сердце радостный огонь этого великого дня.

В пятнадцать лет она уже работала монтажницей, доучиваясь в вечерней школе. С детства любила литературу, знала наизусть много стихов, в год 150-летия Пушкина заняла призовое место в конкурсе чтецов. В восемнадцать лет в её жизнь навсегда вошла пишущая машинка. Знать машинопись тогда для девушки, желающей найти хорошую должность, было столь же

необходимо, как сейчас владеть компьютером. В аттестате об окончании курсов машинописи у неё стоят оценки: машинопись — 5, биография И. В. Сталина — 5, русский язык — 5. И это не пустые оценки. На машинке она печатала с рекордной скоростью, не заглядывая в клавиши. Грамотность у неё была стопроцентная, острейшее чутье на правописание и пунктуацию. Биографию Сталина она и впрямь знала назубок, хотя любила вождя не так горячо и безумно, как мой отец, который лез его целовать в гробу. К Иосифу Виссарионовичу мама относилась сдержаннее остальных членов моей семьи, и неспроста. День рождения у неё приходился на 22 декабря, а у Сталина — накануне. Все собирались 21 декабря, поднимали тосты за него, за нашу несокрушимую Родину, за полководцев, с помощью которых Сталин разгромил врагов... И где-то под занавес торжеств вспоминали:

— Да, у нас же ещё у Нинки завтра день рождения! Давайте за Нинку выпьем! Ниночка, за тебя!

И как таковой её собственный день рождения на завтра уже не праздновали, он съедался и вышивался вприкуску к Сталину на самый десерт.

— Вечно этот Иосиф Виссарионович передо мной влезал! — ворчала потом мама.

В июле 1951 года мама из рабочего класса перешла в разряд интеллигенции — стала работать картотетчиком отдела по регистрации и учёту награждённых канцелярии Президиума Верховного Совета СССР. И, разумеется, с лёгкостью всем говорила:

— Где работаю? В Президиуме Верховного Совета.

Через год Нина Тимофеевна Кондрашова — уже не картотетчик, а делопроизводитель.

Она была очень весёлая, обожала танцевать до упаду, на всех молодых фотографиях — на лице улыбка, в глазах задор и даже некая шалость. Бабушка рассказывала, как однажды мама вернулась домой пьяненькая, она хотела её побить, но мама так смешно пела про Трансвааль, что рука не поднялась.

*Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Ты вся горишь в огне...*

Сразу же оговорюсь, что я в своей жизни видел маму пьяненькой, но никогда пьяной.

Верховный Совет, Верховный Совет, а платили немного, и мама всегда подрабатывала. Одно время по вечерам продавала билеты на карусель в Измайловском парке.

— А что, здорово! Всегда видишь радостные лица людей в предвкушении катания. Особенно дети. Они так и трепещут, как птички. Глазки горят, от нетерпения подпрыгивают...

На эту карусель занесло и моего отца. Он тогда крутился с двумя сестрами-близняшками Ниной и Людой, не мог выбрать, которая ему больше нравится. Пришёл с ними кататься на карусели и вдруг увидел красивую шатенку с лучистым взглядом серых глаз. И влюбился. А сестры-близняшки отвалились, как два крыла, которые принесли его к моей маме и теперь стали ненужными.

Нина и Люда впоследствии станут знаменитыми. Нина Ерёмкина — баскетболистка, чемпионка мира, затем спортивный комментатор. А Люда — известный хирург-онколог. По иронии судьбы, когда через много лет моя мама заболела, то окажется в центре Блохина в отделении, которым руководила Людмила Ерёмкина.

— Я Юра, а ты? — спросил мой отец.

— Нина.

Он отлучился и принёс ей мороженое с выбитым на вафле именем “Нина”. Так они познакомились. В те годы всех завораживала красота актрисы, сыгравшей Любаву в “Садко”, Анну в “Анне на шее”, Оливию в “Двенадцатой ночи”. Алла Ларионова родилась в том же 1931 году, как и моя мама. И была на неё похожа всеми чертами лица. Нос, губы, уши, очертания

скул, подбородка. Только волосы у моей мамы темнее, лоб более утончённый и глаза совсем другие. Вроде бы такие же, но, как бы помягче сказать... Честнее.

И отец мой был неплох собой, считал себя “мастрянистым”, пробовался на “Мосфильме”, даже играл в эпизодах. Ему бы очень подошла роль прожигателя жизни, повесы, сумасброда. Но таковых не подвернулось, и актерские дарования Юрия Лукича Сегеня канули в безвестности.

Итак, они сошлись. Смесь получилась гремучая — пиво с шампанским.

— Познакомились на карусели, так карусель у нас и получилась, — вздыхала потом мама.

Отец поступил на курсы судовых операторов при Московском учебно-курсовом комбинате Министерства рыбной промышленности СССР. Здесь уж он учился хорошо — ему хотелось жениться на Нине Кондрашовой, и надо было проявить себя.

Маму зачислили на должность делопроизводителя канцелярии Главной военной прокуратуры при Канцелярии Президиума Верховного Совета СССР. Отец страшно ревновал её, потому что вокруг умной и хорошо образованной красавицы всегда вертелись другие претенденты. Но летом он все-таки добился её согласия, и они поженились. Маме было двадцать три года, отцу — двадцать два. Отец неплохо закончил курсы, получив тройки лишь по английскому языку, радиомонтажной практике и морскому делу, четвёрки — по географии, электротехнике, радиотехнике и электровакуумным приборам, передающим устройствам и электропитанию, приёмникам, типовой приёмно-передающей аппаратуре, приему на слух, уставу рыбопромыслового флота и правилам радиосвязи и даже две пятёрки — по истории КПСС и по передаче на ключе.

Всю осень и зиму он проходил практику в Новороссийске и в будущем намеревался плавать “по морям — по волнам, нынче здесь — завтра там...” А потом — возвращение домой, к истосковавшейся жене...

Весной 1956 года отец вернулся в Москву. Очень счастливый год в их жизни с мамой. Все именно так, как видел свою жизнь Юрий Лукич. Он уезжал в длительные командировки, потом возвращался домой к любимой и любящей жене. Впрочем, он её страшно ревновал, изводил ревностью, подозревал в неверности.

Мама по-прежнему работала в Главной военной прокуратуре. В её трудовой книжке есть любопытная запись: “Клятвенное обязательство дано 26 мая 1956 года”. Вероятно ей были поручены какие-то секретные дела. Вот бы увидеть, как она давала это *клятвенное обязательство*. И какое.

Потом отношения между моими родителями резко ухудшились. Нередко бывало так, что она ночевала в бараке у своих, а он — в “трамвае” на Петровке. Трамваями тогда назывались узкие и длинные комнаты в коммунальных домах. Петровка дом 20 квартира 42 — такой был адрес Сегеней. Барак, где жили Кондрашовой, располагался на Измайловской площади напротив Дома культуры строителей. В дни примирений мои родители жили то у Кондрашовых, то у Сегеней. Конечно, они мечтали о собственном жилье, а оно всё не светило им и не светило.

В июле 1957 года маму уволили из Прокуратуры по сокращению штатов, и ей пришлось устроиться продавщицей в магазин головных уборов и меха. Какой удар по самолюбию! Осенью между моими родителями произошёл разрыв. Они даже договорились о разводе, только ни он, ни она пока не брали на себя разводные хлопоты. Лукич опять отбыл в Новороссийск.

Однажды в магазин заглянул командировочный латыш молодой инженер из Риги по имени Бруно. Он так влюбился в красавицу продавщицу, что сразу сделал маме предложение. И она поехала с ним встречать Новый год на Рижском взморье. Они много гуляли по Риге и Юрмале, он фотографировал её, и ей нравилось, как он ведёт себя, — и с обожанием и вежливо. По сравнению с Сегенем Бруно казался положительным героем, будущим надёжным мужем, интеллигентным европейцем.

Вернувшись в Москву, мама всю весну переписывалась с Бруно, но всё оттягивала с ответом на его брачное предложение. Латыш писал, что летом приедет и повезёт её на юг в предсвадебное путешествие, умолял развестись

с мужем. Но в мае мой отец примчался к моей маме, и она поняла, что всё-таки любит этого непугёвого и взбалмошного человека, по сравнению с которым Бруно уже выглядел излишне правильным, без искры, попросту — скучным. И она отправила ему письмо, в котором просила прощения и сообщила, что снова сошлась с мужем.

Трудно даже представить, что я мог родиться в Риге. Латышом! И потом, как дурак, носился бы со своим национальным самоопределением, обвинял “русских оккупантов” во всех бедах янтарной Прибалтики... Мурашки по коже!.. Нет, это никак не должно было произойти.

А для моей мамы лето 1958 года стало счастливейшим в её жизни с моим отцом. Она уже работала инспектором по кадрам и машинисткой в комбинате питания. В начале июля они отправились все вместе на Смоленщину в деревню Якушкино — отец, мама, бабушка Клава и дедушка Тимоша. В Якушкине жили бабушкины и дедушкины родственники — Кондрашovy, Петровы, Карпушovy. Там на сеновале в середине июля 1958 года я был зачат моими незабвенными и дорогими мамой и папой.

Отец дал слово больше не уезжать, расстаться с морем, найти другую работу. Осенью он поступил на водительские курсы при Центральной телеграфо-станции. Некоторое время жили на Петровке, но бабушка Софья, отцова мать, была очень недовольна возвращением своего сына к Нине, потому что перед этим она пыталась свести его с другой женщиной, казавшейся ей куда более подходящей, чем моя мама. Новый год мои родители праздновали в бараке на Измайловской площади.

Год от Рождества Христова 1959-й я встречал в животе у мамы. Мне плоду шёл шестой месяц. Как там было, я, сколько ни силюсь, припомнить не могу. Незадолго до Нового года по совету врачей моя мама перестала работать машинисткой и в декабре, январе, феврале и марте работала поваром на фабрике-кухне № 11 Сталинского района. Возможно, поэтому мне так нравится готовить еду, ведь в период внутриутробного развития я вместе с мамой большую часть времени пребывал в атмосфере приготовления пищи.

Сталинским районом тогда называлось Измайлово. И это при том, что культ личности был уже вовсю разоблачён и развенчан. У меня и в свидетельстве о рождении сказано, что я родился в Сталинском районе. И даже улица сбоку от Измайловской площади называлась улицей Сталина.

В отличие от первых последние месяцы беременности мама переносила тяжело — у неё начались неприятности с почками и щитовидной железой. Вплоть до того, как я появился на свет, врачи опасались за жизнь моей мамы. Но всё, слава Богу, обошлось благополучно. И я родился, и мама осталась жива-здоровая.

Отец в эти дни в очередной раз помирился с мамой. Настолько, что она даже хотела меня назвать Юрой в его честь. Был бы Юрий Юрьевич! Нечто уж очень юркое. Но когда мама меня впервые увидела, она по каким-то ей одной известным признакам распознала во мне Сашу:

— Да нет, какой же он Юра? Он Саша.

Из роддома на Благуше нас выписали на Страстной неделе, и потому мама впоследствии уверяла меня, будто я родился в Светлое Христово Воскресенье. И в этом заблуждении я прожил до сорока лет, говоря всем, что родился в Пасху. И лишь в 1995 году с помощью формулы Гаусса я высчитал пасхалию 1959 года, подарив себе разочарование. Ведь до чего же лестно было тешить себя сознанием, что ты родился в главный православный праздник.

Вскоре меня окрестили в Измайловском храме Рождества Христова. Верная деревенским обычаям бабушка настояла на том чтобы совершить обряд как можно быстрее, и меня крестили двухнедельного.

Ровно через два года после рождения я разделил судьбу мамы в отношении дней рождения. 12 апреля 1961 года день моего рождения стал Днём космонавтики, и с этих пор, когда собирались друзья и родственники, они поднимали бокалы за Гагарина (за Юру!), за всех наших космонавтов, за всю нашу космонавтику, за Циолковского, за дальнейшее освоение космических пространств и так далее, а уж потом:

— Давайте не забывать, что у нас ещё сегодня у Сашки день рождения. А вот о Сталине с каждым годом вспоминали всё реже и реже, 21 декабря перестали собираться, отныне собирались 22-го, и мама была довольна: — Наконец-то он прекратил мне день рождения своим заслонять!

Эх, с отцом они вскоре после моего появления на свет развелись. Он теперь работал дальнбойщиком, возил грузы аж до Дальнего Востока и обратно, в Хабаровске познакомился с некой Ларисой и, разведясь с мамой, женился на ней.

— Нашёл себе хабалку из Хабаровска, — естественно, говорила мама.

А как раз в это время условия жизни всей нашей семьи улучшились. Дед, бабушка, мама и я получили двухкомнатную квартиру в хрущёвке, а мой крёстный дядя Саша с женой Светой и сыном Андрюшей — однокомнатную в том же доме, только в соседнем подъезде. Теперь мои мама и папа могли бы иметь свою комнату, а я жил бы с бабушкой и дедушкой, но — увы...

Когда мы поселились на Третьей Прядильной, там ещё оставались деревянные дома, деревенские, ведь некогда тут была деревня Измайлово. Точнее — село, потому что имелся храм. Церковь так и называется — храм Рождества Христова в селе Измайлово.

Вселение в новую квартиру, обживание её было таким счастьем, что этим летом мы никуда не уезжали из Москвы. Ещё от той весны осталось в воспоминании, как мама нарядила меня в новый костюмчик и красный в белую крапинку берет, похожий на мухомор, и в этих обновках меня вывели во двор фотографировать, а потом я, играя во дворе, так угваздал новый костюмчик, что мама меня отлупила. Вообще, когда я шалил, мама и бабушка били меня по жопе, спрашивая: “Мало попало?” И я потом, крихтя, почёсывал жопень: “Мало попало!” У бабушки Клавды ладонь была, как разделочная доска.

Телевизора у нас не было, и по вечерам мы с мамой ходили на пятый этаж к тётке Вере Феоктистовой смотреть “Спокойной ночи, малыши”. Возвращаясь, я пел на весь подъезд: “Спят усталые игрушки...” Вообще я с детства любил петь и в три года знал много песен. Любимыми были “Заправлены планшеты в космические карты...” и “Подмосковный городок”, причём в последней я, к неизменному хохоту взрослых, пел: “Незамужние ткачихи составляют большинство” вместо “составляют”. Вместо “Куба — любовь моя!” Это поют барбудос...” — “...Это поёт заблуда”. Меня всегда хотели видеть в маминых компаниях, потому что я обязательно веселил всех своей детской чепухой. Я выучивал все песни с пластинок и исполнял их перед гостями, когда кто-то приходил к нам или когда мы с мамой ходили куда-то. Все бывали в восторге, особенно от того, как ловко я изображал мимику разных исполнителей, которых показывали тогда по телевизору. Я даже по-иностранному выучивал песни, например, популярнейшую тогда “Марину”. Разумеется, приблизительно. И получалось примерно так: “Марина, Марина, Марина, ивольо кумпресто сеза. Дунья беломоре ноно ми лашари, номиренто ло-минаре, о но-но-но-но-но!”

Меня ставили на табуретку и просили спеть. Я пел про ткачих, про Марину, про заблуду и так далее, пока всем не надоело. Меня снимали с табуретки, которую уносили на кухню, но не тут-то было, я возвращался, ставил табуретку, залезал на неё и снова пел. Наконец, уже кто-нибудь возмущался:

— Да уберите же его! Ни поговорить, ни анекдот рассказать.

В декабре того счастливого года я едва не умер от воспаления лёгких, пережил кризис, когда врач сказал, что к утру я либо начну поправляться, либо надо ждать худшего. Мама, бабушка и дедушка сидели всю ночь у моей кровати. Удивительно, но я очень ясно помню, как бредил, как всю ночь метался, как под утро мне стало лучше, и я сказал: “Хочу чаю”, — а потом добавил: “И бегемота”. У меня тогда был любимейший резиновый бегемот, сделанный, как настоящий, тяжеленький такой, величиной с ладонь. Помню, как мама заливалась счастливыми слезами, а я с наслаждением пил чай и вокруг меня лежали мои любимые игрушки.

Летом 1963 года мы ездили на Чёрное море. В таком составе: я с мамой, мамина подруга тётя Лена с сыном Колей лет пятнадцати и моя крёст-

ная Тамара. Снимали домик в Очамчире у старой аджарки, которую все дружно называли ведьмой. Помню, я страшно полюбил сыр сулугуни, особенно поджаренный на сковородке. И ещё инжир, которым я однажды так объелся, что меня долго рвало. Море произвело на меня огромное впечатление. Я из него не вылезал. Поскольку Коля был значительно меня старше, я подружился со своими сверстниками. Один был турок, другой — аджарец. Каждый из нас разговаривал по-своему, но никакого отсутствия взаимопонимания не было.

Коля однажды совершил во имя меня подвиг. Я лепил что-то из пластилина, у меня плохо получалось, и я капризничал. Мама рассердилась, собрала пластилин в коробку и как зашвырнет её в море! А Коля пожалел меня, поплыл, стал нырять и принёс мне мой пластилин. Очень был хороший, этот Коля. Одно ухо у него было с рождения недоразвитым — только мочка, а раковина отсутствовала.

Вообще моя мама была скорая на расправу, и я ей за это очень благодарен. Однажды я видел, как какой-то мальчик, не получив желаемое мороженое, упал на спину и стал колотить об землю ногами и руками. Тотчас ему было куплено и принесено мороженое. “Ага, — смекнул я, — надо будет этим воспользоваться”. И при случае повторил приём капризного мальчика. Мама спокойно принесла дедушкин ремень и так меня выжарила, что пару дней было больно присаживаться. Зато я навсегда усвоил, как отвратительны подобные фортели. В другой раз я был бит за то, что долго не шёл со двора по зову мамы, а когда, наконец, соизволил подойти, спросил нагло: “Ну, чего тебе?”

Забавный случай произошёл однажды, когда мама взяла меня в гости к какому-то дяде Лёше. Покуда поднимались по лестнице к нему домой, взрослые говорили о нём: “Этот Лёша такой проходимец!” И вот открывается дверь, и я объявляю:

— Здравствуйте, дядя Лёша-проходимец!

Разумеется, вечеринка была безнадежно испорчена. Меня отругали, но потом любили вспоминать про этот случай и, щекоча, говаривали мне: “Здравствуйте-здравствуйте, дядя Лёша-проходимец!” А я-то был уверен, что проходимец — это что-то очень героическое, человек, который через всё проходит, первопроходец. К тому же, у дяди Лёши была изумительная фамилия — Ягодкин.

Однажды у меня чуть было не появился отчим. Причём такой, какого я очень хотел. У мамы завязался роман с дядей Колей Голавлёвым. Дядя Коля был очень красивый, мужественного вида человек с перебитым боксёрским носом. Он и впрямь когда-то был боксёром. Впоследствии я вспоминал Голавлёва, когда видел в американских фильмах актёра Кевина Кэстнера, очень похожего на него.

Голавлёв меня любил, много уделял мне внимания, играл, возился со мной, и я обожал его добрые светлые глаза, весёлую улыбку, сильные мускулистые руки. Он учил меня драться, бегать, прыгать, стрелять в тире, учил ничего не бояться.

Вдруг оказалось, что он женат, у него есть дети, развестись он не может. Помню, перед самым Новым годом я сидел у мамы на работе, пришёл Голавлёв, и они с мамой долго, очень долго о чём-то тягостно говорили, и я время от времени возмущался:

— Ну, хватит вам!

А когда Голавлёв ушёл, мама заплакала и сказала:

— Больше у нас не будет дяди Коли.

И впрямь, больше я никогда его не видел.

Исчезновение Голавлёва я переживал, быть может, не меньше, чем мама. Однажды никого не было дома, кроме меня, когда появился мой отец. Он позвонил в дверь, я подошёл и спросил:

— Кто там?

— Это я, твой отец, — сказал он. — Открывай, Сашок.

— Я не могу открыть, — сказал я. — Никого нет дома, и мне не веле-но никому открывать.

— Не валяй дурака, открывай, это я, твой папа.

— У меня нет папы, — горестно ответил я и ушёл в комнату.

Когда маму спрашивали, куда делся Голавлёв, видится ли она с ним, где он и что он, маму аж передёргивало:

— Не спрашивайте меня о нём! — И добавляла со злостью: — Иудушка Голавлёв!

Хотя, конечно, на персонажа Салтыкова-Щедрина дядя Коля не был похож нисколечко.

Когда я пошёл в школу, мама устроилась на новую работу — в трест “Мосремстроймонтаж” старшим инспектором по кадрам. Она купила себе чёрную шубу, которую я очень любил нюхать, когда мама приходила домой с морозца.

Вскоре у неё появился новый жених — Соколов. Почему-то я не помню, как его звали. Он был высокий и красивый; правда, не такой мужественно-красивый, как Голавлёв. Он появился у нас в доме в Первомай. Мы пошли с ним и мамой гулять в Измайловский парк, и он носил меня на плечах, высоко-высоко. Потом он спросил меня, хочу ли я быть его сыном, и я сразу ответил:

— Хочу.

— Договорились, — сказал он таким тоном, что отныне не должно уже было оставаться никаких сомнений.

Отныне я стал называть себя Сашей Соколовым. К тому же и этот подлец Соколов раззадоривал меня:

— Красиво звучит: Александр Соколов. Почти как “Шампанское”!

Он, как и Голавлёв, оказался женатиком, у него была дочь Юля, и он спрашивал:

— Хочешь, чтобы у тебя была сестрёнка Юля?

Я хотел. И когда в школе мы учились писать заглавную букву Ю, я с какой-то особой сладостью в сердце красиво выписывал: “Юля”. Однако тогда же мечты и рухнули. Когда мама поставила вопрос ребром, Соколов с трагическим видом вернулся в свою семью.

Снова я стал для неё не только сыном, но и спутником по кинотеатрам, театрам, выставкам, музеям и паркам. Чаще всего мы, конечно, ходили в кино. Тогда появились “Операция Ы” и “Кавказская пленница”, на которые мы ходили раз по двадцать, и всякий раз обхохатывались до колик в животах. В театр ходили реже, но тоже довольно часто. Несмотря на это, театралом я не стал. В ТЮЗе и Детском театре меня раздражали тётки, игравшие мальчиков. В особенности на всю жизнь я возненавидел Лию Ахеджакову, в те годы как раз имевшую амплуа трагестки. В шестидесятые годы она играла советских пионеров, в девяностых она же будет с кровавым оскалом требовать от Ельцина, чтобы тот убивал советских людей, а при Путине — чтобы украинские фашисты убивали русских в Новороссии.

С 1968 года мама работала на должности инженера труда и заработной платы в производственном объединении “Тракторремстроймонтаж”. Здесь она проработает почти до конца своей жизни.

В тот год погиб Гагарин. В это не хотелось верить. Все кругом плакали. Я впервые в жизни ощутил, что погибла какая-то часть меня. Я долго ещё потом всё ждал и ждал, что обнаружится ошибка, что погиб не Гагарин, а кто-то другой. И мне не хотелось, чтобы своим Днём космонавтики он не заслонял мой день рождения. Пусть заслоняет сколько угодно!

Мне кажется, именно с этого дня началось медленное разрушение СССР. Юрий Алексеевич унёс с собой в могилу всю эпоху наших великих побед.

В Одессу мы с мамой ездили в 1970 году, и вскоре у мамы появился новый “человек”. Именно так она мне, помнится, сказала:

— У меня новый человек появился.

Мне это жутко не понравилось. И тоже женатый. Куприянов. Мама почему-то считала, что это изумительно красивая фамилия. Может быть, потому, что тогда зачитывалась Куприным, которого мы получали по подписке. Бунин и особенно Куприн стали её любимцами. Куприянов был кудрявый, за что я про себя прозвал его Кудрияновым. Он со мной почти не общался.

И как-то заведомо уж было понятно, что от своей семьи, чтобы жениться на моей маме, он не уйдёт. Мама тайно и безнадежно встречалась с ним года два. Это было грустно.

В те времена я стал увлекаться живописью. Началось всё с посещения Третьяковки, после которой я распотрошил все залежи журнала “Огонёк”, вырезав из них репродукции картин, они там печатались из номера в номер. Репродукции я развешивал и расставлял, где только можно, превращая наше жильё в картинную галерею.

В Третьяковку мы ходили много раз. Однажды мама надолго остановилась перед картиной Крамского “Христос в пустыне”. Потом сказала:

— Как же ему больно!

Я внимательно взгляделся и действительно увидел, что Ему больно. Об-раз Христа впервые вонзился в моё сердце.

А потом мы стали ходить в Музей изобразительных искусств имени Пушкина, и там случилось моё второе познание Христа. Однажды мама замерла перед копией “Преображения” Рафаэля. Смотрела, смотрела, вдруг улыбнулась и промолвила:

— Смотри, а Христос танцует!

Меня это почему-то покорило, хотя я был пионер и атеист, ещё не так давно выбросивший свой крестильный крест, потому что боялся, как бы кто не увидел его, ведь тогда меня могут, чего доброго, и не принять в пионеры! Но тут что-то кольнуло во мне. Ещё сильнее, чем перед картиной Крамского. Там Ему было больно, а тут Он танцует... Можно ли вообще сказать о Христе: “танцует”? Танец и боль соединились в моей душе, и получился зародыш веры.

А мама сказала:

— Вообще-то я верю, что Что-то есть. И в Христа верю. Но не в то, что Он Сын Божий, а что это был самый лучший Человек.

Мама всю жизнь искала Человека!

Обнаружив во мне ещё один талант — к рисованию, она напряглась и купила мне отличный набор масляных красок, не дожидаясь моего дня рождения. Но если акварелью у меня ещё что-то получалось, то с маслом я ничего не мог поделаться. Акварель — другое дело. Помню, моя акварель “Лето в Якушкине” заняла одно из первых мест на конкурсе детского рисунка в “Тракторремстроймонтаже”, и мне достался какой-то зелёный железный паровоз. Это была моя первая в жизни премия! Да и в школе преподаватель рисования, Николай Николаевич Заболоцкий, в первое время был мною очень доволен, но, когда мы стали изучать перспективу, тут выяснилось, что мой талант к живописи весьма ограничен. И Ник-Ник разочаровался.

Моё третье постижение Христа оказалось ещё более странным. В старших классах я увлёкся всевозможной рок-музыкой, среди которой затесалась и рок-опера Эндрю Ллойд Вебера на либретто Тима Райса “Jesus Christ Superstar”.

— Что тебе может в этом нравиться? — удивлялась мама.

— Вот послушай, — пытался я привлечь её на свою сторону. — Вот это Христос поёт.

И включал ей арию “Poor Jerusalem”, где Ян Гиллан красиво сокрушался о судьбе Иерусалима.

— Это, по-твоему, Христос поёт? — с иронией спрашивала мама.

А я только пожимал плечами. Почему Он танцевать на картине Рафаэля может, а петь в рок-опере — нет?..

За пару лет до этого у меня произошло полное разочарование в Ленине. Как бы это ни было смешно. До тринадцати лет я был убежденнейшим коммунистом, верил, что идеи Ленина рано или поздно восторжествуют, что в СССР, наконец, будет построено идеальное коммунистическое общество. На столе у меня стоял глиняный белоснежный бюстик Ленина. И вот я стал требовать от Ленина, чтоб он помогал мне с математикой. Уходя утром в школу, я угрожал ему:

— Если окажется, что опять за контрольную двойка, я тебя разобью об батарею!

Однажды, вернувшись из школы с очередной, пятой или шестой подряд, двойкой по математике, я восстал против вождя пролетариата, схватил его и с криком “Добился своего, лысый!” кокнул бюстик об батарею центрального отопления. Он рассыпался вдребезги, а вместе с ним и моя вера в идеалы коммунизма. Хотя, конечно, это слишком красиво. Я ещё долго верил в незыблемость идей построения совершенного общества на основе ленинского учения. Ведь через год я добьюсь того, что стану одним из первых комсомольцев в классе. Но как в божка с тех пор я в Ленина уже не верил.

И вот, после Крамского, Рафаэля и Вебера, появился Спаситель. Я взял свои масляные краски и на доске собственноручно изобразил Голгофу и три креста на ней на фоне лазурного неба. Икону своего производства я повесил над своей кроватью.

— Теперь молись ей, — сказала мама.

Но молиться я не умел, и Голгофа висела рядом с фотографиями рок-музыкантов — “Deer Purple”, “Pink Floyd” и так далее.

Потом я окончил школу, и началась моя самостоятельная жизнь, без мамы. То есть мама оставалась, но я уже не был её кавалером, её галантным ухажёром, с которым она могла бы пойти в ресторан, кино, картинную галерею. Я и дома-то редко жил, всё больше где-то, с кем-то... Маму и бабушку навещал, иногда на неделю-другую оставался с ними и снова исчезал из дома.

На пятидесятилетие я впервые подарил ей настоящие французские духи. А вскоре после этого она заболела. У мамы на внутренней стороне предплечья, возле локтевого сгиба, много лет была доброкачественная опухоль. Однажды она её нечаянно сковырнула, опухоль стала расти, а мама никому об этом не говорила, пока не стало ясно, что надо срочно обследоваться. Врачи сказали, что опухоль требует хирургического вмешательства, необходимо устроиться в институт онкологии на Каширке. Но там заявили, что мест нет и не предвидится до самого лета. Онкологический центр, созданный академиком Блохиным, считался самым привилегированным институтом для больных раком. Мало кто получал из него путёвку в жизнь, большинство пациентов лишь ненадолго оживали, но потом всё равно уходили в мир иной, и в народе сие медицинское учреждение прозвали Блохинвальдом. Однако там были хорошие условия, а главное — прекрасные врачи, которые постепенно двигали науку и в итоге добились того, что в XXI веке рак перестал быть таким безнадежно страшным, как в предыдущие столетия.

Лечащим врачом в том отделении, где мама лежала, являлась одна из сестёр Ерёмных, за которыми когда-то давно ухлёстывал мой непутёвый отец. А непосредственным врачом мамы был какой-то неприятный молодой парень, весь в прыщах. Он смотрел на меня насмешливо и постоянно намекал на подарки. Я возил ему грузинский и армянский коньяк, который он брезгливо ставил в шкафик, где можно было увидеть бутылки с более престижными французскими коньяками. В конце февраля он провёл операцию по удалению опухоли, но это не дало положительного результата. Маму ненадолго выписали, но в начале марта положили снова, стали готовить к повторной операции.

Мне никогда не забыть эту жуткую дорогу от метро к центральному входу в Блохинвальд. В феврале и марте она насквозь продувалась ледяным ветром. Врач требовал, чтобы я привозил маме всякие дефицитные продукты — грецкие орехи, натуральные соки, чёрную икру. Однажды, отхватив где-то три банки греческого грейпфрутового сока, я нёс их по дороге сквозь ветер и не смог удержаться от соблазна откупорить одну банку и выпить ее. Я пил, и слёзы катились из глаз от стыда за то, что я, такая сволочь, ворую у мамы одну из трёх банок с вкуснейшим соком... Очень живое страшное воспоминание!

Ещё хорошо помнится, как я, получив стипендию, пришёл в ресторан “Якорь” и спросил, нельзя ли мне купить полкило красной икры. На меня посмотрели с отвращением, велели сесть за столик и заказать икру порционно, да не только икру, а что-нибудь ещё. И мне пришлось заказать несколько порций икры и суп. Икру я сгрёб в заготовленную банку, суп съел, рас-

платился и ушёл под презрительные взгляды официантов. Этот трофей я довёз в целости, не украв ни икринки.

В марте моей маме сделали вторую операцию, ампутировали руку по локоть. Она тяжело приходила в себя, я утешал её, что теперь зато опасность миновала. В начале апреля маме стало вновь хуже, врачи начали готовить её к третьей операции. Она очень боялась признаться себе, что у неё рак, хотя это уже было очевидно. Бедная мама! Если случалось так, что я в какой-то день не мог приехать в Блохинвальд, она обижалась на меня, не хотела разговаривать, говорила обидное:

— Можешь вообще не приезжать!

Вскоре ей сделали третью операцию, отрезали руку теперь уже полностью. Затем провели сеансы облучения и в конце апреля выписали домой умирать, потому что метастазы поразили внутренние органы. В мае она ещё кое-как вставала, ходила, даже иной раз силы позволяли ей выйти погулять. Но к концу мая начались такие сильные боли, что она стала кричать на весь дом. Я с тех пор, как её привезли домой, поселился в Измайлове, ухаживал за ней. Когда боли сделались невыносимыми, стала приходиться медсестра и колоть маме омнопон — сильнодействующий успокаивающий боль наркотик. Медсестра показала мне, как делать инъекции, и я сам стал их делать. Сначала четверть часть ампулы, к концу июня — половину, а потом уже и по целой ампуле. Мама засыпала и стонала тихо во сне. Проснувшись, могла некоторое время разговаривать, но потом боль возвращалась, она начинала стонать, потом кричать, и нужно было вновь делать инъекцию.

Последний месяц был самым невыносимым. Мама спала под наркозом, а когда просыпалась, начинала кричать от боли уже через две-три минуты. Уколы приходилось делать всё чаще.

Когда я сидел у смертного одра матери и вглядывался в лицо умирающей, мне начинало казаться, что лицо смерти прекрасно, и что после ухода мамы я тоже должен уйти в мир иной. Мир этот стал казаться мне совершенно пустым. Я решил, что если останется омнопон, то через некоторое время после смерти мамы вколю его себе и покончу счёты с жизнью. За несколько дней до ожидаемой развязки я нарисовал мамино лицо, и оно, искажённое мукой и дыханием смерти, казалось мне прекрасным.

Мама умерла 2 августа 1983 года. Утром я сделал ей укол, но прежде, чем уйти в забытё, мама посмотрела на меня ясным взором и сказала:

— Вот теперь я всё поняла! Дай мне... — И она указала на свою шкатулочку, в которой у неё хранились все без исключения драгоценности — золотой перстень с александритом, серебряное колечко да золотая цепочка с эмалевым медальончиком, на котором была изображена Богородица с младенцем. Маленькая такая шкатулка, покрытая чёрным лаком, внутри — красным, а на крышке — скачущая тройка, в ней гармонист, лихие парни и румяные смеющиеся девушки. Мама открыла шкатулку и вынула из неё цепочку с медальоном, а я помог ей её надеть на шею. Потом она долго-долго смотрела на тройку, гармониста, парней и девушек, прощаясь с ними навсегда. Они примчатся куда-то, выскочат из саночек и будут танцевать, танцевать... Без неё.

Она уснула, а через час я сказал бабушке:

— Бабушка, ну, что ты сидишь тут, иди погуляй.

Бабушка послушалась меня. Уходя, сказала:

— Ну, я пойду чуть-чуть погуляю.

И вдруг из забытё раздался мамин голос:

— И я гулять!

При этом она оставалась без сознания. Эти слова “И я гулять!” оказались в её жизни последними. В полдень она очнулась, стала кричать, я сделал укол, она успокоилась. И вскоре ушла от меня навсегда.

Мне хотелось, чтобы было отпевание, но почему-то я не собирался везти маму в церковь, а сам встал при гробе и вслух читал Псалтирь. При этом надел на себя костюм и галстук. Я читал и читал Библию почти до самого утра, в каком-то полубезумном состоянии. И это был ещё один мой шаг ко Христу.

Похороны состоялись прямо в день рождения отца, который приехал и всё вздыхал:

— Эх, братцы, если бы вы знали, какая у нас с ней была любовь!

В первые две недели после похорон я сочинял скорбные элегии на смерть матери и вдруг вспомнил про омнопон. Посмотрел на мамин портрет, сделанный мною карандашом за несколько дней до её смерти, и теперь увидел ужас смерти, отшатнулся, устрасился его. Оставшиеся ампулы я не мог сдать обратно в поликлинику, потому что уже оставил расписку, что медикамент полностью израсходован, и меня могли привлечь за укрытие наркотика. Я просто закопал ампулы в Измайловском лесу глубоко в землю. Смерть стала отходить от меня.

На мамином надгробии я заказал вырезать ветку кленовых листьев. Она очень любила по осени набрать охапку и поставить в вазу. Говорила, что нет ничего красивее осенней листвы, особенно кленовой. Я любил приезжать на её могилу один, подолгу стоял и ждал знака — исчезла ли мама или она есть где-то в другом мире теперь. Однажды стояла снежная зима, и я сказал маме:

— Дай мне знак!

И вдруг почувствовал, что она стоит у меня за спиной. Резко оглянулся. В то же мгновение птица вспорхнула, с ветки обрушился ворох снега, и в этом снеге я на секунду увидел прозрачный силуэт.

Спустя годы я тоже сказал себе:

— Вот теперь я всё понял! Дай мне...

Купил крестик, серебряную цепочку, и стал носить символ заклания Спасителя во имя всех нас. На родные могилы поставил памятники с крестами. Стал соблюдать церковные установления. Сложным путём — через живопись и музыку, страдания и радости, обретения и утраты — я пришёл из тьмы неверия к свету и увидел, что если во тьме не заметно тёмное, то на свету оно обнаруживается. Без света нет тени.

Мама учила меня видеть прекрасное, понимать мир как нечто неповторимо величественное и великолепное. Она никогда не проходила мимо и всегда замирала:

— Саша, посмотри, как красиво!

— Какое бесподобное облако!

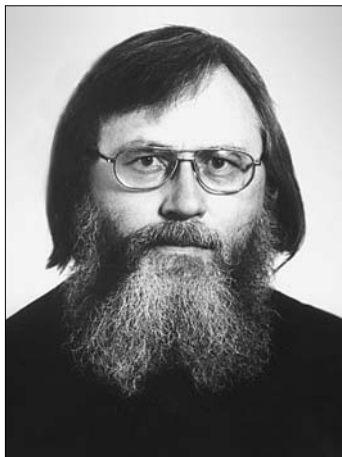
— Какое море сегодня необыкновенное!

— Ах, как это хорошо!

Несмотря ни на что, она никогда не унывала, всегда хотела гулять, танцевать, радоваться жизни, которая не слишком-то её баловала. И я верю, что ей все простилось, что, отчитавшись перед Всевышним, она обрела сладость утоления жажды прекрасного. И ей позволено увидеть, как...

...Христос танцует...

ВЛАДИМИР НЕЖДАНОВ

ЗОЛОТАЯ
ПАСХАЛЬНАЯ ЗВОННИЦА

ЗЕРНО

Казалось бы, дело простое —
Упавшее ради ростка,
Прозябло зерно золотое,
Прозревшее ради цветка.

Казалось — оно ещё дремлет,
Забывшись в домашнем тепле.
Но вот уже землю объемлет.
И солнце в распаханной мгле.

Дорогу на ошупь приемлет, —
Такого не видеть нельзя! —
Как тянется к небу, подъемлет
Тяжёлые капли дождя.

Погибло за дело святое,
В земле, как в темнице, темно...
Прозябло зерно золотое,
Как солнце восходит оно.

НЕЖДАНОВ Владимир Васильевич родился в 1950 году в подмосковной деревне Кривцово Солнечногорского района. Служил в армии. Работал редактором в издательстве "Современник". В настоящее время служит священником в храме Рождества Пресвятой Богородицы в селе Льялове Московской области. Автор пяти стихотворных сборников. Член Союза писателей России. Живёт в подмосковном посёлке Менделеево.

ЗВОННИЦА

Дрогнул колокол за околицей,
Звон пошёл, а за ним звон другой.
И сама она, будто звонница,
Всех зовёт и зовёт за собой!

Как легко же друг друга находят
Эти звоны окрестных церквей.
Величаво по облаку ходит
Тот, что старей других, но живей!

И на каждом возгорке я вижу,
Как на звонницах солнце горит,
Как само оно — кажется, слышу,
Оглашая округу — звонит!

Не смолкает тот звон за околицей,
Весь уходит в простор голубой,
Золотая пасхальная звонница
И небесного времени бой!

УХОДИЛО СОЛНЦЕ...

Уходило солнце медленно по травам,
По орешнику, по листьям, по дубравам.

По текущей по течению воде,
По холмистой, в дымке призрачной гряде.

По полям и по лесам, и по долинам —
И по всем просторам, всё ещё былинным.

По рассеянным по небу облакам,
Уходило тайно в вечность — по векам...

На закате тихо уходило солнце
Через двор соседа и его оконце.

Ветерок закатный тянет — зябко-зыбкий,
Вот скользнуло, медля, по твоей улыбке...

По тому, где прежде проходило мимо,
По всему, что в мире всё ещё любимо...

СЛУЖБА

Облачаюсь. Стою у Престола.
Звон воскресный в раскрытом окне.
Запах сена доносится с поля —
Запах ладана слышится мне.
Пенье клира церковного хора
С голосами родного простора.
Вот запел соловей в тишине!..

НИКОЛАЙ АГАФОНОВ

СТОЯНИЕ

ПОВЕСТЬ*

*Светлой памяти моей дорогой мамы
Чащиной Любови Николаевны
посвящается*

Застолье в доме начальника Ленинского райотдела милиции Михаила Фёдоровича Тарасова по случаю присвоения ему очередного звания подполковника завершилось за полночь. Гости расходились шумно, даже с криками “ура”. Проводив всех, Тарасов не спешил возвратиться домой. Он прислонился к дверному косяку плечом и с наслаждением вдыхал свежий морозный воздух. Зябко передёрнув плечами, он подумал: “Ещё пяток годков потяну ляжку, получу полковника и на пенсию. А тогда даже дня в городе не останусь. Как там говорил классик: “В деревню, к тётке, в глушь, в Саратов!..” Буду рыбачить, охотиться, книжки почитать”. Тарасов мечтательно вздохнул и пошёл в дом.

Телефон, словно дожидаясь возвращения хозяина, разразился продолжительной трелью. Поморщившись, подполковник всё же снял трубку и сердито буркнул:

— Тарасов у аппарата.

В трубке раздался взволнованный голос лейтенанта Мельникова:

---

* Печатается в сокращении. Полностью выходит в издательстве Московского Сретенского монастыря.

Протоиерей Николай АГАФОНОВ родился в 1955 году на Урале. Окончил Московскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию. За миссионерскую деятельность награждён Патриархом Алексием II орденом Святителя Иннокентия 3-й степени. Лауреат Патриаршей литературной премии имени Кирилла и Мефодия.

— Товарищ майор, ой! Простите, товарищ подполковник, у нас на участке ЧП.

— Докладывай, — сохраняя недовольный тон, сказал Тарасов, хотя и понимал, что в столь поздний час его по пустякам тревожить не станут. Неурочный звонок мог означать и такое, что случилось убийство, да не простая бытовуха, а что-нибудь этакое, о чём ещё придётся докладывать выше...

— На улице Чкалова в доме 84 застыла девушка с иконой в руках... Проще сказать, окаменела.

— Слушай, Тарасов, а ты сам, часом, не того?..

— Михаил Фёдорович! — в голосе Мельникова зазвучали нотки обиды. — Вы же меня знаете, я не пью, а на дежурстве — тем более...

— Я не об этом, а о том, не тронулся ли ты умом, лейтенант?

— Да от того, что увидел, пожалуй, можно и тронуться...

— Ладно, а чего мне-то звонишь? Ну, окаменела баба, с кем не бывает. Протрезвится и помягчает. А если кому-то плохо, тогда “скорую” вызывай, а не баламуть начальство.

— Товарищ подполковник, вам лучше самому посмотреть. “Скорая” уже была, да от этого толку мало. Считаю, что обстановка может выйти из-под контроля. Уже сейчас здесь народ кой-какой ошивается, в дом пытаются проникнуть. А с утра, когда слухи разнесутся по городу, я и сам не знаю, что тут будет... Словом, необходимы ваши личные указания.

— А... — досадливо махнул рукой Тарасов, — всё равно в толк не возьму, чего ты там городишь. Жди, разберёмся на месте.

Через полчаса он входил в райотдел милиции. Его встретил дежурный по отделу лейтенант Пётр Мельников. Вид у него был до того потерянным, что Тарасов вместо пожатия руки просто похлопал парня по плечу:

— Ладно, пойдём в кабинет, там всё и расскажешь.

В небольшой комнате, уставленной шкафами с папками, Тарасов, не снимая шинели, сел к письменному столу на шаткий стул и бросил на стол свою шапку. Затем достал портсигар, закурил папиросу и посмотрел на лейтенанта. Тот нервно теребил портупею.

— Чего стоишь? Садись.

Мельников присел напротив и тоже снял свою шапку, но на стол не положил, а мял в руках.

— Закуривай, — Тарасов пододвинул Мельникову портсигар.

Мельников машинально взял портсигар, но тут же положил обратно.

— Спасибо, товарищ подполковник, не курю.

— Молодец, значит, здоровеньким помрёшь, — мрачно пошутил Тарасов и вздохнул, — мне бы тоже бросить, да фронтовая привычка... Ну, давай всё по порядку, только кратко, воды, сам знаешь, не люблю.

Выпустив папиросный дым в сторону от лейтенанта, он вновь глянул на него и в удивлении присвистнул:

— Ого! Ты чего это с волосами сделал?

Мельников машинально провёл по голове рукой и непонимающе уставился на начальника.

Тот протянул к нему руку. Мельников смутился, но головы не отдернул. Перебирая пальцами седую прядь волос двадцатипятилетнего лейтенанта, Тарасов покачал головой:

— Доводилось такое видеть, но то было на войне... Да что у вас тут творится?..

— Значит, так, — начал Мельников, массируя себе виски. — В двадцать три часа восемнадцать минут минувших суток к нам поступил сигнал со станции “скорой помощи”. Сообщили, что в доме № 84 по улице Чкаловской, где проживает гражданка Болонкина Клавдия Петровна, находится восемнадцатилетняя девушка в непонятном состоянии. То ли мертва, то ли жива, они установить затрудняются. Я взял с собою сержанта Котина, и мы направились по указанному адресу. То, что мы увидели в доме... Короче, лучше бы этого совсем не видеть.

— Так всё же, что вы там увидели? — прервал Мельникова Тарасов, закуривая новую папиросу.

— Разрешите? — Мельников взял со стола графин с водой и, наполнив стакан, залпом выпил.

— Там, товарищ подполковник, посреди комнаты стоит девушка с иконой в руках. Вначале я подумал, что это статуя. Ну, одели в платье и поставили. Дотронулся до неё рукой, а она живая. Вы представляете, живая статуя. Уж поверьте мне, зрелище жуткое. Сержант Котин, так тот, как глянул, так и вовсе из дома убежал. Потом мне заявил: “Пусть меня из органов увольняют, но в комнату с каменной бабой не пойду”.

— С чего же ты решил, что она живая, может, действительно кто-то статую в дом принёс, — усмехнулся Тарасов. — Какой-нибудь умник решил подшутить над родной милицией.

Мельников посмотрел на своего начальника удивлённым взглядом.

— Что же я, живого человека не распознаю?

— Если живая, так чего же она стоит?

— Так она же окаменела, товарищ подполковник!

— Ну, ты брось мне сказки рассказывать! Как это можно окаменеть? Ты сам-то что выяснил? Откуда эта каменная девка взялась?

— Если коротко, товарищ подполковник, то из опроса свидетелей можно понять, что дело обстояло следующим образом. В квартире гражданки Болонкиной собралась компания отметить Старый Новый год. Самой хозяйки дома не было, она ушла к подруге в гости, а дом предоставила для молодёжи. Гостей принимал её сын Вадим Сергеевич Болонкин.

— Постой, постой, а не тот ли это Болонкин, что проходил у нас по делу о карманных кражах?

— Тот самый, Михаил Фёдорович. Недавно вернулся из мест заключения. Это его вторая ходка, первая ещё по малолетке была. Среди блатных кличка Умник.

— Шибко умный что ли? — полюбопытствовал Тарасов.

— Книги любит читать, вот и прослыл умником.

— Ладно, чего там дальше?

— Собрались у этого Умника парни и девчата. Посидели, выпили, включили патефон и стали танцевать. У одной из девушек, Зои Карнауховой, нормировщицы с трубного завода, не пришёл её парень. Вот она от обиды и взяла с божицы икону Николая Угодника, вроде парня её тоже звали Николай, да и пошла с этой иконой танцевать. Во время танца, как утверждают свидетели, произошло что-то невероятное. Некоторые вроде гром слышали. Кто-то видел свет, как от молнии, а в квартире так, наоборот, свет погас. Впоследствии выяснилось, что это выбило пробки. Когда же свет включили, то увидели, как эта самая Зоя стоит, словно окаменевшая, посреди комнаты с иконой в руках. Ну, они, естественно, испугались и выскочили из дому на улицу. Потом всё же сообразили в “скорую помощь” позвонить. Медики приехали и тоже впали буквально в шок от увиденного. Стоит эта девушка, как мёртвая, а сердце послушали — бьётся, значит, выходит, жива, да и дыханье есть. Попытались сделать уколы, но мышцы тела до того сжаты, что иголка гнётся или ломается, но в тело не проходит.

— Погоди, лейтенант, а чего же они тогда её в больницу не увезли?

— Пытались, так от пола не смогли оторвать. Она словно к нему приросла.

— Да это же бред! Цирк, да и только! Ну, прямо “шапито”! Фокусы! Я тебе, лейтенант, вот что скажу: головы вам заморочили. — Тарасов решительно встал. — Пойдём разбираться на месте. Надо выяснить, кто всё это подстроил. Тут, как я посмотрю, не только милицию, но и даже нашу советскую медицину ввели в заблуждение.

Напротив дома 84 по улице Чкалова стоял автомобиль “скорой помощи” с включённым двигателем. В кабине “скорой” мирно дремал шофёр. Возле самого дома стояла небольшая группа людей, что-то бойко обсуждая между собой. Завидев подходившего лейтенанта с начальником районной милиции, они наперебой стали просить:

— Дайте нам взглянуть на каменную бабу. Почему нас не пускают?

— Не положено. Идите на своих каменных баб любуйтесь, — зло пошутил Тарасов, — а здесь смотреть нечего.

Люди зароптали, но расходиться не стали. У дверей дома стоял сержант Котин. Отдав честь Тарасову, он успел шепнуть Мельникову:

— Товарищ лейтенант, подмога требуется. Народ прямо с ума сходит, уже через окно пробовали забраться.

На кухне сидела уже не молодая, слегка полноватая женщина — хозяйка дома Клавдия Петровна Болонкина. Врач мерила ей давление. Увидев вошедшего подполковника, Болонкина испуганно глянула на него припухшими от слёз глазами и сразу отвернулась. Врач, закончив измерять давление, вопросительно поглядела на начальника милиции.

Ещё с войны Тарасов трепетно относился ко всем медицинским работникам, а потому сразу же поспешил вежливо представиться:

— Начальник Ленинского райотдела милиции подполковник Тарасов.

— Калашникова Анна Павловна, врач “скорой помощи”, — вставая с табурета, представилась женщина и указала рукой в сторону двери в горницу, — пойдёмте, я вас провожу.

Она вошла в комнату первой, а за ней прошёл Тарасов. В одной половине горницы стоял сдвинутый к стене стол с остатками праздничного ужина и початыми бутылками водки и вина. В другой половине спиной к ним стояла девушка в крепдешинном платье голубого цвета. Её густые светлорусые волосы волнами спадали на плечи, и Тарасов, ещё не видя лица девушки, подумал: “Наверное, красавица”. Он обошёл её кругом. Девушка действительно оказалась красивой, но Тарасова больше всего поразил её взгляд. Широко открытые глаза были устремлены на икону, которую она держала в руках. Во взгляде читались одновременно и испуг, и удивление.

Тарасову захотелось тут же выйти, как будто в комнате не хватало воздуха, но он, пересилив себя, спросил:

— Что с ней? — Голос его был хриплым и прозвучал глухо.

— Сами понять не можем, — тут же отозвалась врач и тоже негромко, как обычно стараются говорить при покойниках, — такой общей спазмы мышц в медицинской практике никогда не наблюдалось.

— А почему не вынули из рук икону? — Тарасов и сам не заметил, как тоже перешёл на шёпот, словно боясь, что его услышит застывшая девушка.

— Пробовали. Не получилось. Хотели в больницу увезти, но не смогли оторвать от пола, словно она к нему приросла.

— Каким образом?

Врач развела руками:

— Один Бог ведает, каким.

— А вы что, в Бога верите?

Врач ничего не ответила.

— Может быть, каким-то клеем ноги и туфли намазаны? — не то спрашивая, не то размышляя вслух произнёс Тарасов. Врач молча пожала плечами.

Простояв с минуту, словно что-то обдумывая, Тарасов вышел из горницы. Проходя мимо кухни, он поманил Мельникова рукой, чтобы тот следовал за ним.

— Вот что, лейтенант, — сказал Тарасов, когда они вышли в сени, — ты оставайся пока здесь, утром пришлю замену. В дом никого не пускать. Хозяйке скажи, чтобы пожила временно у родственников, а я буду звонить начальству, пусть сами кумекают, что со всей этой мистикой делать.

Анастасия Егоровна Карнаухова всю ночь так и не сомкнула глаз — ждала, когда вернётся дочь. Расстались они со скандалом. Мать была категорически против таких поздних вечеринок, но дочь вспылела:

— Мама, ну, сколько можно меня “пасти”? Я, между прочим, уже взрослый человек. Что же мне, всю жизнь подле тебя сидеть прикажешь? Имею я, в конце концов, право погулять в свой выходной или нет?

— Имеешь, доченька, имеешь, да только почему так поздно? Рано тебе по ночам гулять, — пробовала возразить Анастасия Егоровна. Но дочь, ничего не ответив, хлопнула дверью и ушла.

Присев к столу, Анастасия Егоровна поплакала немного, утёрла слёзы уголками повязанного на голове платка и, подперев правой рукою щеку, горестно задумалась.

Дочь родилась 19 декабря 1938 года, через два месяца после проводов мужа Павла в Красную армию. Уже перед самым расставанием на сборном пункте он попросил: “Коли у нас родится сын, назови его в честь моего отца — Афанасием”. “А если девочка?”, — сквозь слёзы улыбнулась Анастасия. “Тогда пусть будет Зоей”, — ответил Павел. “Почему Зоя? — удивилась она. — У нас никого в родне нет с таким именем...” — “Потому что это имя означает жизнь, пусть наша девочка живёт счастливо”.

Когда Зое исполнилось полгода, из Саратова приехала свекровь. Узнав, что её внучка до сих пор некрещёная, она деятельно принялась разыскивать хоть какого-нибудь попа. Дело в том, что в единственном православном храме города в честь святых апостолов Петра и Павла служба не совершалась уже в течение года из-за отсутствия духовенства. В 1937 году епископа, всех священников и церковный актив арестовали, а вскоре и расстреляли. Не избежало мученической смерти даже обновленческое духовенство Покровского собора. Теперь в Куйбышев не осталось ни одного действующего храма.

Священник вскоре отыскался. Отбыв срок на строительстве Беломорканала, отец Василий приехал в Куйбышев и устроился работать в горхозе истопником общественной бани. Просьбы о крещении или отпевании совершал с опаской и только через проверенных людей.

Сговорились о крещении на квартире одной из духовных дочерей отца Василия, но в тот день батюшку так и не дождались. На следующий день узнали, что священника арестовали вновь.

Анастасия страшно испугалась, подумав, что могут арестовать и её. Она проплакала весь день, а к вечеру вернулась свекровь. Она молча прошла к столу, села и, скинув с головы платок, обхватила седую голову руками. Какое-то время сидела, словно в забытьи, а затем стала ритмично раскачиваться со стороны в сторону и вдруг заголосила:

— Сыночек мой родненький! Да на кого же ты меня, старую, оставил?..

У Анастасии потемнело в глазах, а в ногах появилась слабость. Она кое-как добрела до постели, на которой поверх покрывала лежала спелёнутая дочь, и легла, прижав малышку к себе. Крепко зажмурив глаза, она молча слушала жалостливые подвывания свекрови, а из её глаз даже сквозь сомкнутые ресницы сочились крупные слёзы.

Несколько слезинок упало на лицо маленькой Зои, и та, недовольно морщась, завертела головой, а потом, проснувшись, задала такого рёву, что сразу же перекрыла им причитания своей бабушки.

Гибель мужа на финской войне словно изменила весь мир вокруг Анастасии. Ей казалось несуразным и даже обидным, что люди продолжают куда-то спешить, что-то делать, о чём-то разговаривают, спорят, ссорятся, смеются. “К чему это всё, — думала она, — если нет Паши”.

Свекровь, видя такое состояние невестки, испугалась за неё.

— Ты, Настя, по мужу-то плачь, но и не забывай, что у тебя ребёнок. О дочери подумай.

Но она и о дочери не думала.

Словно от забытья очнулась Анастасия, когда заболела малышка. Девочка угасала с каждым днём и даже плакать от слабости не могла. Врач, осматривая её в больнице, вздыхал и на расспросы матери отвечал односложно: “Пока ничем обнадёжить не могу. У ребёнка двухстороннее воспаление лёгких. Мы сделали всё, что могли, но организм слабый. Вот наступит кризис, тогда всё и решится”.

В этот же вечер Анастасия схватила дочь, накинула телогрейку прямо поверх больничного халата и побежала к Петропавловскому храму. Почему именно туда, она этого объяснить не могла. Ноги сами несли её, и остановилась она только на пороге церкви, где на двери висел большой амбарный замок.

В спускавшихся на землю сумерках ещё была различима икона Божией Матери, висевшая над входом в храм.

Прижимая к себе укутанную в одеяльце малышку, Анастасия опустила на колени и стала горячо молиться. Ещё в детстве со своей мамой она выучила две молитвы “Отче наш” и “Богородице Дево, радуйся”. Теперь она их и шептала, добавляя к ним свои просьбы о даровании дочери выздоровления от хвори. При этом в голове крутилась неотвязчивая мысль: разве могут помочь молитвы за некрещёную?

Как подошла незнакомая пожилая женщина и встала с нею рядом на колени, Анастасия не заметила, а заметив, испуганно замолчала. Незнакомка осенила себя крестным знаменем и неожиданно запела приятным грудным голосом: “Царице моя преблагая, надеждо моя Богородице, приятелище сирых и странных предстательнице, скорбящих радости, обидимых покровительнице! Зриши мою беду, зриши мою скорбь, помози ми яко немощну...”

Невольно прислушивалась к словам молитвы, Анастасия думала: “А ведь это всё обо мне. Это я скорбящая, это я обидимая...”

“Обиду мою веси, разреши ту, яко волиши; яко не имам иныя помощи разве Тебе...” — пела между тем женщина, и Анастасия тихо заплакала. Это были уже не горькие слёзы, а какие-то благодатные, успокоительные.

Закончив петь, женщина встала с колен и протянула руки. Анастасия, не колеблясь и минуты, передала в её руки дочь и встала сама. Женщина направилась к церковной сторожке, а Анастасия последовала за ней. В сторожке женщина молча положила малышку на широкую лавку и ловко распеленала ее.

— У твоей девочки сильный жар, надо сбить температуру, — это были первые слова, произнесённые женщиной.

— Как сбить? — почти простонала Анастасия. — Я убежала из больницы. Я теперь только на Бога надеюсь, только на него.

— Это хорошо, что на Бога. Больше сейчас не на кого надеяться, — при этих словах женщина взяла из шкафа бутылку уксуса.

Она развела уксус водой и, помочив в нём тряпку, стала протирать тело малышки.

— Ребёнок некрещённый? — спросила женщина, продолжая отирать девочку уксусом.

— Мы не смогли найти батюшку, чтобы окрестить, — робко ответила Анастасия.

— Найти трудно, но теперь надо самим крестить.

— Как это самим?

— Меня зовут Вера, — вместо ответа представилась женщина, — для тебя тётя Вера буду. Я здесь при церкви и за сторожа, и за просвирню была. А когда милиция пришла священников и церковников забирать, я как раз в больнице лежала. Вот меня одну и не взяли. Почему так получилась, сама не знаю, видно, воля Божия о том. А ребёнка, коли опасность смертная, а священника нет, может крестить любой христианин. Это я точно знаю. А коли выживет дитя, то потом батюшка всё по правилам церковным dokonчит. А уж коли не выживет, то христианином помрёт, и за его душу ангельскую можно быть спокойной.

— Тётя Вера, помогите, Христа ради, окрестите доченьку, раз это можно.

— Можно, родимая, вот только сейчас водички святой достану. Каким именем крестить будем?

— Зоей назвали.

— Хорошо назвали. Зоя — это жизнь. Милостив Господь, может, и будет жить ваша доченька. Надо молиться.

Капитан Сергей Анатольевич Плетнёв, сотрудник Четвёртого Управления КГБ по Куйбышевской области, внимательно выслушал по телефону распоряжение своего начальника, подполковника Панина, и коротко сказал: “Есть, товарищ подполковник. Приму меры и доложу”.

Положив трубку, Плетнёв глянул на наручные часы и задумался. Было четверть второго ночи. Уж если начальство не поленилось позвонить ему в такой час, то надо срочно выезжать на объект. Он позвонил в ведомственный

гараж дежурному водителю и распорядился насчёт автомобиля. Затем обзвонил сотрудников своего отдела. Надо обязательно иметь трёх-четырёх помощников. Подняв ребят с постели, приказал им тут же выдвигаться к восьмидесяти четвёртому дому по улице Чкалова. Младшему лейтенанту Козыреву велел пройти прямо в дом, а двоим скрытно наблюдать за обстановкой на прилегающей территории и ждать его прибытия.

Служебную машину Плетнёв остановил, не доезжая квартала до объекта, и пошёл пешком. Шёл специально по нечётной стороне улицы, внимательно оглядывая дома напротив. Вот и интересующий его дом. Своих топтунов Плетнёв срисовал сразу. Стояли грамотно. Сделал им незаметно знак, чтобы оставались на месте.

Возле калитки дома № 84 торчали трое субъектов в явном подшитоии. Плетнёв приблизился к ним, стараясь не обнаружить себя. Этому он научился, ещё когда сержантом служил в наружке*. Да, собственно, близко и не надо было подходить, мужики разговаривали во весь голос.

— Да я сам видел, сам лично, — буквально кричал один из них.

— Чего ты мог видеть, тебя, что, в дом пропустили?

— Я видел ещё до того, как милиция пришла, ты понял?

— А и чего ты там видел?

— Бабу окаменевшую видел, вот чего видел.

— Прямо окаменевшую?

— Вот именно. Стоит вся белая, как мрамор, и не шелохнётся. Окаменела, короче.

— А чего окаменела-то?

— Так я же толкую: она с иконой танцевала, вот её Бог и наказал.

— Да брось ты заливать, никакого Бога нет, выдумки это.

— А ты откуда знаешь, что Его нет? А может, и есть.

— Вот деревня! Да каждый школьник знает, что нет. Наука давно всё доказала.

— А раз доказала, так иди и потанцуй с иконой. Сам и проверишь, нет Бога или есть Он.

— Нашёл дурака, чтобы на себе проверять! Что-то там всё же есть, — и сомневающийся мужик направил указательный палец в сереющее зимним рассветом небо, — только не нашего ума это дело.

В разговор вмешался третий:

— Нашли о чём спорить! Вы бы лучше мозгами раскинули, где нам бухла раздобыть.

Дальше Плетнёв уже не слушал. Для него было ясно: сплетен не останавливать, а с очевидцами события надо работать, чтобы эти сплетни не подогревались. Уже не таясь, он направился к группе мужчин.

— Товарищи, а что здесь случилось? — с самым невинным видом задал вопрос Плетнёв.

Услышав такое обращение, мужики с удивлением уставились на него, но разглядев в Плетнёве человека интеллигентного, при галстукке, снисходительно ответили, кивая в сторону дома:

— Там девка с иконой танцевала и окаменела.

— Прямо сейчас придумали? — издевательски хмыкнул Плетнёв, наблюдая, как у мужиков, которые сами ещё недавно сомневались, от возмущения вытянулись физиономии.

— Вали-ка ты отсюда, коли честным людям не веришь.

Плетнёв, ожидая подобной реакции, не оскорбился, а, улыбнувшись, спросил:

— А разве кто-нибудь видел?

— Ну, я видел, доволен? — Очевидец, отделившись от друзей, угрожающе приблизился к Плетнёву.

Но тот не стусевался:

— Это вам просто показалось, дорогой товарищ.

---

* Служба наружного наблюдения.

Опешив от такой наглости, мужик уставился на Плетнёва, не зная, как на это реагировать.

— А если по мусалам, за оскорбление недоверием? — наконец, нашёлся он.

Капитана это предложение несколько не смутило. Ему надо было этого человека как-то отделить от компании и поговорить по душам, пока тот не успел смыться, — ищи потом ветра в поле!

— По мусалам можно, но лучше давай спорить на бутылку, что там никакой окаменевшей бабы нет, — предложил неожиданно Плетнёв.

Все уже с интересом и даже с уважением посмотрели на интеллигента, повернувшегося к ним неожиданной стороной, такой понятной и близкой, и дружно загалдели:

— Давай, Семён, спорь! Видишь, вышивка к нам сама подкатила.

Один из друзей разнял руки спорщиков.

— Ну, пошли, — кивнул в сторону дома Плетнёв.

— А мусора?

— А я знаю волшебное слово.

— Во как, — засмеялся мужик, — тогда пошли.

Перегородившему дорогу сержанту Плетнёв сунул под нос удостоверение в раскрытом виде и вошёл в дом, пропуская впереди себя спорщика.

Вышли они минут через пятнадцать уже втроём, вместе с Козыревым. Плетнёв дружески хлопнул мужика по плечу:

— Иди, Захаров, да повинись перед своими друзьями, что разыграл их. И помни: будешь болтать — поедешь так далеко, что туда даже письма не доходят.

— Да понял я, — буркнул мужик и поплёлся к своим товарищам.

Плетнёв в задумчивости почесал переносицу и весело посмотрел на Козырева:

— Ну, что младший лейтенант, впечатлила тебя картина?

— Да уж, — глубокомысленно произнёс Козырев, — но как такое может быть?

— Что и говорить, мир полон загадок. Но ты не ломай себе голову, у нас с тобой сейчас задача банальная: законопатить дыры.

— Какие дыры? — не понял Козырев.

— Чтобы корабль течь не давал, — хохотнул Плетнёв. — Поехали к смежникам, а нашим передай моё распоряжение: пока пусть здесь потопчутся.

То, что случилось в эту ночь, Вадима Болонкина не просто потрясло, а буквально перевернуло ему всю душу. Жизнь человеческая теперь представлялась ему такой космической карточной игрой. Карты человеку раздаёт сам сатана. Играть с ним бесполезно, потому как сатана играет нечестно, передёргивает. Как ни старайся, а у тебя обязательно будет или недобор, или перебор. А это означает только одно: смерть. И смерть не только тела, но и души. То, что душа у человека есть, Вадим не сомневался. Болеть может только то, что есть на самом деле. А душа, она ведь и болит, и радуется, и тоскует. Разве может болеть, например, идея или выдумка?

Вот сегодня в его доме и случился перебор. Взять с божницы икону и пойти с нею танцевать — это явный перебор. Для Вадима было непонятным не то, что Зоя застыла с иконой, окаменела, а то, что при этом она осталась жива. Потусторонние силы не испелили девушку. Они пожалели её. Вот это и потрясло Вадима до глубины души. Что же это выходит? Значит, Бог не хочет погибели даже грешников, а хочет, чтобы они вразумились. А вот дьявол-то, наверняка, желает одного — погибели человека.

Такие мысли бродили в голове Вадима Болонкина по кличке Умник, когда они с Ларисой шли домой к матери Зои, чтобы поведать ей о случившемся. Полтора часа их продержали в отделении милиции. Снимали показания и составляли подробные протоколы всего происшествия. Потом отпустили, но предупредили, что они могут ещё понадобиться для уточнения каких-нибудь деталей.

Вадим Болонкин хоть и слыл среди уголовников Куйбышева козырным пацаном, но как-то не очень вписывался в их блатную компанию. Кака-то

“неправильность” в нём замечалась. Дело даже не в том, что Болонкин любил читать книги, за что и получил кличку Умник. Странности у любого блатного могут быть. Так, например, Филин, знатный домушник*, был просто помешан на музыке. Да только не на блатных песенках, а классику любил. На этом один раз и погорел. Залез в квартиру директора театра Оперы и балета, а там патефон с пластинками. Филин не удержался, поставил рекевием Моцарта, да так заслушался, что взяли его, голубчика, тёпленьким, прямо возле патефона.

У Умника была другая странность. Карманником он был классным. Просто мастер своего дела. Лопатник** у лоха стырит на раз, а на два сунет назад в тот же карман, но уже очищенный от купюр. Вот только очищал он исключительно солидных клиентов, а старушек-пенсионерок не трогал. Такая избирательность воров была непонятна. Щипать жирных гусей и сложнее, и опаснее, чем старух. С ними всё просто: бритвой по сумке чиркнул, и кошель сам тебе в руки валится.

Вторая же странность, замечаемая за ним, состояла в том, что он совсем не ругался матом. По фене Умник ботал***, как заправский уркач****, но матерщины не любил. Вот до чего доводит чтение умных книг!..

Вадим шёл молча, а Лариска всё причитала:

— Ну, зачем, зачем она это сделала? Я же ей говорила: “Зойка, что ты творишь? Бог ведь накажет!” А она: “Вот пусть и накажет, если Он есть!” Да разве нам дано знать, что там есть, а чего нет? Разве можно с такими вещами шутить? Ой, глупая девка, глупая! Ну, подумаешь, парень не пришёл! Да при её-то красоте таких можно хоть сотню закадрить! Что мы теперь Анастасии Егоровне скажем? Она ведь с ума сойдёт от такого. Вадим, да что ты всё молчишь, мне страшно, а он молчит!

Болонкин остановился и задумчиво посмотрел на подругу.

— Слушай, Лариска, а ты молнию видела?

— Не помню. Я от страха чуть сама не умерла. А что?

— А я видел, сверкнуло что-то, а потом вроде гром. У меня тогда мысль промелькнула, что Зойка твоя сгорит, а вместе с нею и все мы.

— Да Бог с тобою, — испуганно проговорила Лариска, — мы-то за что? Мы с иконой не танцевали.

— Тоже мне, святоша нашлась. У тебя хотя бы крестик на груди есть?

— Нет, — испуганно схватила Лариска за грудь.

— Не тшуйся. У меня крестик есть, да грехов не счесть. Это, Лариска, нам предупреждение.

— Вадик, ты меня опять пугаешь. Какое предупреждение?

— А такое, что надо бы в церковь сходить.

В окнах дома, где жила Зоя Карнаухова, горел свет.

— Видишь, — прошептала Лариска, — не спит Анастасия Егоровна, ждёт. И что мы ей скажем?

— А что есть, то и скажем, — Вадим решительно направился к двери.

Стучать долго не пришлось. Дверь тут же распахнулась. Анастасия Егоровна увидела Ларису с незнакомым молодым человеком и в испуге прижала обе руки к груди:

— А Зоя где? Что с ней?

— Она в его доме стоит, — растерянно ответила Лариска, показывая на Вадима.

— Стоит? — удивлённо переспросила Анастасия и перевела взгляд на Вадима.

Тот, решительно отстранив Ларису, шагнул к двери.

— Да вы не волнуйтесь, мамаша. Ваша дочь жива. А почему стоит, мы вам сейчас расскажем.

---

* Домушник — квартирный вор.

** Лопатник — бумажник, кошелёк.

*** Ботать по фене — разговаривать на воровском жаргоне.

**** Уркач (урка, уркаган, уркан) — опытный уголовник.

— Ой! Да что это я? Проходите, пожалуйста, — спохватилась Анастасия Егоровна.

Они прошли и, не раздеваясь, присели к столу. После того как Вадим заверил Анастасию Егоровну, что они ей всё расскажут, Ларису буквально распирало от нетерпения рассказать всё самой. Боясь, чтобы Вадим не опередил её, она торопливо начала:

— Так вот, Анастасия Егоровна, собрались мы, значит, отмечать Старый Новый год у него в дому, — она указала на Вадима, — а Зоин ухажёр, мастер-практикант из нашего цеха, не пришёл. Хотя до этого обещал, я сама слышала. Ну, мы, как полагается, посидели за столом, а потом и танцевать стали. Мы танцуем, а Зоя одна сидит. Вижу, переживает девка. Ну, я Вадима и попросила, чтобы он Зою тоже танцевать пригласил. У меня-то что, убудет разве? А подругу жалко. Вадим к ней и так, и этак, а она ни в какую. Николая, говорит, своего буду ждать. Ну, и сидела так весь вечер, ждала. А потом вдруг вскочила, подбегает к божнице, хватает икону и говорит: “Если ко мне тот Николай не пришёл, так я с этим Николаем танцевать буду”. Только один круг с иконой и прошла, а потом как громыхнет что-то и свет погас. Мы чуть со страху не померли. Друг Вадима, Олег, тот сразу сообразил, что пробки выбило. Так оно и оказалось. А когда свет включили, смотрим, стоит наша Зойка с иконой и не шелохнётся. Мы к ней, а она, ну, вот как есть, каменная.

Прибыв в Ленинский райотдел милиции, Плетнёв с Козыревым первым делом изучили протоколы опроса участников злополучной вечеринки. Картина сразу прояснилась. Вместе с Зоей было всего пять человек. Болонкин Вадим и его подруга Крапивина Лариса, упаковщица 8-го цеха трубного завода. Вторая пара: Буланов Олег, электрик из РСУ-7 и его подружка Пряжкина Галина, формовщица хлебулочного комбината. Шестым, как следует из опроса Крапивиной, должен был быть Николай Трошкин, мастер 8-го цеха трубного завода. Интересно, почему же он не пришёл? Надо бы выяснить.

Плетнёв выиспал в блокнотик домашние адреса всех участников вечеринки и тут же отправил Козырева по адресам Буланова и Пряжкиной. Затем попросил лейтенанта Мельникова снять копии со всех протоколов и поспешил к месту проживания Ларисы Крапивиной. Там он рассчитывал встретить и Вадима Болонкина.

К его разочарованию, Ларисы дома не оказалось, а значит, непонятно, где разыскивать Болонкина. Поразмыслив над этой задачей, Плетнёв пришёл к выводу, что эта парочка могла пойти к матери Карнауховой Зои. Коли Лариса подруга Зои, то постарается навестить мать, чтобы сообщить о случившемся с её дочерью несчастье.

Подоспел он вовремя. Анастасия Егоровна с Вадимом и Ларисой как раз выходили из дома. Обрадованный такой удачей, капитан, не таясь, пошёл им на встречу.

— Здравствуйте! Вы мама Зои Карнауховой? — и, не дожидаясь ответа, тут же добавил: — Я вас подвезу к дочери, если не возражаете.

Вся троица в недоумении воззрилась на Плетнёва и, хотя Вадим уже догадывался, из какого ведомства нарисовался этот улыбчивый субъект, всё же спросил:

— А, собственно, кто вы такой будете?

У Плетнёва было хорошее настроение, и он продолжил в том же духе:

— Умный вопрос, гражданин Умник, то есть простите, гражданин Болонкин. Вот прибудем на место, вам всё и разъяснят.

— Чего разъяснять? Мы всё рассказали в милиции, под протокол.

— Протоколы я читал, но надо бы кое-что уточнить.

— Никуда я не пойду, я спать хочу, — насутился Вадим.

— Я к вам, Вадим Сергеевич, по-доброму, а вы сразу в отказ, нехорошо, — Плетнёв осуждающе покачал головой, — я же и по-другому могу, только зачем это вам?

По дороге к дому на Чкалова Плетнёв всё обдумывал, как же ему поступить с матерью Зои. С Болонкиным всё ясно, урка — он и есть урка. Такого

можно, не церемонясь, упрятать, коли будет на то необходимость. Да и с его подругой, Лариской, сложностей нет. А вот как быть с матерью? В своём материнском горе разве будет она молчать? Нет, не будет. Обязательно станет искать, чем дочери помочь, и первым делом к попам пойдёт.

Проблема, над которой ломал голову Плетнёв, неожиданно разрешилась сама собой. Увидев Зою, стоящую с иконой, Анастасия Егоровна тут же лишилась чувств.

Плетнёв такой удобный случай не упустил. Он вызвал “скорую” и отправил Анастасию Егоровну в больницу, да не простую, а в такую, где она будет под постоянным надзором.

В это раннее воскресное утро секретарь Куйбышевского епархиального управления, Андрей Андреевич Савин, бодро шагал по улице Чкалова, направляясь на службу в храм. Свою секретарскую должность он неизменно сочетал с иподиакономским служением при Куйбышевском епископе Иерониме. Сегодня владыка должен был служить в Петропавловской церкви, вот Андрей Андреевич и спешил в храм, чтобы загодя подготовить всё к встрече архиерея.

Обычно улица Чкалова в семь утра, да ещё и в воскресный день была малоллюдна, а потому толпа людей у дома напротив зеркального цеха весьма удивила епархиального секретаря. Он пригляделся внимательно, не горит ли дом. Но пожара не наблюдалось. Может быть, похороны? Так и для них вроде бы время раннее. Как ни торопился Андрей Андреевич, но любопытство взяло вверх, и он остановился, чтобы выяснить, по какому случаю собрались люди.

Прислушиваясь к разговорам в толпе, Андрей Андреевич пытался понять, что же здесь произошло. Тут он заметил Пелагию Петровну, певчую левого клироса Петропавловской церкви. Подойдя к ней сзади, он наклонился к уху женщины и вполголоса проговорил:

— Доброе утро, Пелагия Петровна. Вы меня не просветите, что здесь происходит?

Женщина вздрогнула от неожиданности и обернулась. Увидев секретаря епархии, просветлела лицом.

— Ах, батюшки, Андрей Андреевич, это вы. Тут такая страсть происходит, что у меня аж мурашки по коже.

— И что же это за страсть?

— Да самая что ни на есть натуральная страсть, — Пелагия Петровна понизила голос чуть не до шёпота. — Вот в этом доме святотатство приключилось. Но, слава Тебе, Господи, святой Никола Угодник чудо явил... —

При этих словах Пелагия Петровна перекрестилась, боязливо оглядываясь по сторонам. Затем певчая, хоть и сбивчиво, поведала о том, что сама слышала от людей.

Рассказ Пелагии Петровны на Андрея Андреевича произвёл двойное впечатление. Хотелось бы верить в произошедшее чудо, да в то же время одолевали сомнения: может, люди что-то напутали или изрядно приукрасили, а на самом деле всё обстоит гораздо проще, если не сказать банально. Ну, вышла молодёжь лишку и стала куролесить. Могли и икону взять, а в это время кому-то плохо стало, вот и пошли разговоры.

В конце концов, Андрей Андреевич решил, что дыма без огня не бывает, и раз охраняют дом с милицией, то действительно произошло что-то из ряда вон выходящее. С этими тревожными думами он и направился в храм.

О случае на Чкаловской секретарь поведал владыке только после причастия. Епископ воспринял услышанное с нескрываемой тревогой.

— Я тебя, Андрюша, вот о чём попрошу. Ты поговори, пожалуйста, с каждым священником отдельно. Бог весть, что там произошло, может, и ничего, а может, ещё того хуже — провокация какая. Словом, чтобы ни один священник и близко к тому дому не подходил. Да ещё накажи, пусть языком лишнего чего... Ну, ты меня понял.

— Благословите, владыка, поговорю с каждым. У нас, слава Богу, духовенство понятливое, — заверил архиерея Андрей Андреевич.

Архиерей проводил Савина тёплым взглядом. Своего тридцатипятилетнего секретаря епископ Иероним любил, как сына, и полностью доверял ему. Об Андрее Андреевиче он знал всё: и что тот воспитался и вырос в благочестивой православной семье, и что он уже с семилетнего возраста прислуживал в храме. А в четырнадцать лет стал иподьяконом в единственном оставшемся православном храме Оренбурга. Когда же в 1937 году арестовали Оренбургского епископа Алексия (Кононова) и всё духовенство, бесстрашный юноша поехал в Москву выпрашивать для Оренбурга священника.

В 1938 году Оренбург переименовали в Чкалов и закрыли последний действующий храм в городе. Андрей Андреевич успел вынести из храма и спрятать икону Божией Матери “Семистрельная”, шесть ковчежцев с мощами, антиминос, два серебряных креста, Евангелие, кадило, серебряные архиерейские трикирий и дикирий, посох и облачения.

В 1940 году Андрей Савин окончил Чкаловский трехгодичный учительский институт и был призван в армию. Началась война, и он оказался на Ленинградском фронте. Прошёл всю войну. В каких только переделках не побывал, но остался жив, получив лишь лёгкую контузию. Спасала молитва. В гимнастёрку Андрей зашил нательный крестик, а под обложку англо-русского словаря спрятал образок Иверской иконы Божией Матери.

В мае 1945 года Андрей Андреевич возвратился домой с орденом Красной Звезды, орденом Славы III степени и медалью “За отвагу”. Ни минуты он не колебался, какой ему выбрать жизненный путь, — только служение Богу.

Работу со свидетелями необычного происшествия Плетнёв закончил лишь к восьми утра. Устал страшно, но был крайне доволен, что справился. Расписки о неразглашении взял со всех, даже с врачей “скорой помощи”. Вот только с работниками милиции вышла осечка. Подполковник Тарасов заартачился.

— У тебя, капитан, своё начальство, у меня — своё. Решат между собою, тогда и будем бумажки писать. А пока я всех своих и так предупредил о служебной ответственности. Если сотрудникам милиции не доверять, то тогда кому ещё? Мы своё дело знаем, нам и самим тут лишний шум не нужен.

Хотел уже Плетнёв ехать докладывать начальству о проделанной работе, да тут вспомнилось ему, что на вопрос, откуда Болонкин звонил в “скорую”, тот ответил, что звонил со служебного телефона зеркального цеха, что напротив их дома.

“Надо бы и сторожа поспрашивать”, — устало подумал Плетнёв и, тронув шофёра за плечо, сказал:

— Давай, Петя, снова на Чкаловскую.

В двери зеркального цеха пришлось стучать долго. “Спит, небось, ханырик”, — сердито подумал Плетнёв и вновь забарабанил кулаком. За дверью раздался сердитый голос:

— Ну, чего стучишь? Слышу. Хромой, но не глухой, только вот всё думал, когда же надоест тебе о двери кулаки чесать.

— Открывайте, Комитет государственной безопасности.

— А по мне — так хоть министерство путей сообщения. Написано же на двери — “Воскресенье — выходной день”. Завтра будет начальство, вот и приходите. А я всего лишь сторож, понятно?

Плетнёв несколько обиделся, что его ведомство сравнивают с каким-то министерством путей сообщения. Обычно при упоминании комитета безопасности люди испытывают если не страх, то, по крайней мере, уважительное внимание. А тут на тебе — никакого пиетета!

— Вот вы мне как раз и нужны.

Наступила пауза, затем щёлкнула задвижка, и дверь слегка приоткрылась. На капитана в щель смотрел строгий взгляд усатой физиономии.

— Покажите удостоверение, — сказал усач, продолжая сверлить взглядом капитана.

Плетнёв достал удостоверение, раскрыл его на мгновение и снова убрал в карман.

— Не так быстро, — спокойно сказал сторож, — я читаю вдумчиво. У вас служба, и у меня служба, а может, вы налётчик какой, зеркала хотите умыкнуть или ещё чего.

Плетнёв досадливо крикнул и снова полез за удостоверением.

— И пальчик уберите, а то фамилию прочесть не могу.

“Да он просто издевается надо мной”, — возмутился про себя Плетнёв, но волю чувствам давать не стал, а как можно мягче сказал:

— Ну, теперь вы меня впустите?

— Не имею право на охраняемый объект впускать посторонних, — с лёгким смехом ответил сторож.

— Что, и даже из министерства путей сообщения? — в тон ему парировал Плетнёв.

Усагая физиономия сторожа при этом расплылась в улыбке.

— А ты шутник, капитан, уважаю. Заходи, — и Кузьма Петрович раскрыл дверь.

В зеркальном цеху Плетнёв просидел двадцать минут. За это время он успел составить протокол опроса свидетеля, который Кузьма Петрович, не обинуясь, подписал. А вот давать расписку о неразглашении сторож наотрез отказался.

— Я, товарищ капитан, такой бумаги подписывать не буду. Опрос — это одно дело, это законно. Давать же расписку о неразглашении не вижу причины. Какая тут может быть государственная тайна? Я и так вам могу обещать, что болтать лишнего не буду. Служил в полковой разведке, молчать умеем.

— Вот ты бывший разведчик, герой войны, так сказать, а человек несознательный. Да пойми ты, Кузьма Петрович, та война закончилась. Сейчас другая идёт — за души людей, ты это хоть понимаешь?

— Трудно тебя понять, товарищ капитан, — с иронией ответил Кузьма Петрович, — ты же в душу не веришь, а говоришь, что за души война идёт?

— Да это так, выражение такое. Ну, не за души, так за умы людей. Подумай сам, как этот случай могут использовать церковники и прочие несознательные элементы? Скольких неокрепших соблазнят на путь религиозного дурмана.

— Эх, капитан, капитан, молод ты ещё! Я лично — человек, далёкий от религии, хотя мама моя в этом, как ты изволил выразиться, “религиозном дурмане” пребывала всю свою сознательную жизнь и при этом была добрым и честным человеком. Все её уважали: и соседи, и на производстве.

— Так это же от неграмотности! Тут вины твоей мамы нет. Но мы-то с тобой люди грамотные, думать должны.

— А маршал Жуков как, по-твоему — человек грамотный?

— Без сомнения, — ответил капитан, удивлённо посмотрев на сторожа.

— А знаешь ли ты, что, когда мы Киев у немцев взяли, а кровушки там много русской пролилось, так маршал Жуков первым делом повелел попом молебен по случаю освобождения Киева служить. Сам лично в храме стоял со всем своим штабом.

— Ну, это же для политики, — поморщился Плетнёв, — чтобы людей, замученных в оккупации, поддержать морально. Да и к чему ты эту речь ведёшь?

— А к тому, капитан, что по мне так религия никому не мешает.

— Нет, Кузьма Петрович, мешает. Религия уводит нашего советского человека от деятельной жизни, от борьбы за светлое будущее всего человечества. Ну, давай не будем дебаты устраивать. Ты должен понять, что это я не сам придумал. С меня тоже начальство спросит, почему я расписку о неразглашении с тебя не взял.

— Да так и скажи начальству, что я отказался.

— И не боишься неприятностей?

— Эх, капитан, я уже своё отбоился.

— Ну, смотри, тебе виднее, — Плетнёв встал со стула и направился к вешалке за пальто.

— Капитан, — обратился ему в спину Кузьма Петрович, — помоги девушке.

— Чем я ей помогу? — удивлённо спросил Плетнёв, оборачиваясь к сторожу.

— Не знаю, чем. Может быть, какого-нибудь медицинского светила позвать, ну, раз наши врачи не справляются. В конце концов, что-то же можно сделать, она ведь страдает.

Плетнёв внимательно смотрел в глаза Кузьмы Петровича. “А ведь этот одноногий переживает так, словно его родная дочь там стоит. Странно. Постой, а ведь он наверняка был в доме и видел девушку, однако для протокола скрыл этот факт. А вот мы сейчас этот вопрос и проясним”.

— Так чего же ты, Кузьма Петрович, не сказал мне, что побывал уже в доме?

— Так ты и не спрашивал о том, — с невинным видом пожал плечами Сапожников.

— Так говоришь, в полковой разведке служил? Верю. А кем тебе эта девушка приходится?

— А что, если не приходится, так и пожалеть нельзя?

— Пожалеть можно. И мысль твоя про светило науки верная. Надо же как-то всё это непонятное явление объяснить с научной точки зрения, а иначе бред какой-то получается.

После ухода Плетнёва Кузьма Петрович сидел ещё некоторое время в глубокой задумчивости. Этой ночью он действительно побывал в доме Болонкина ещё до прибытия “скорой помощи”. Долго вглядывался в неподвижное лицо девушки, пока не понял, что она не только жива, но и видит, и слышит, и очень мучается. Очень! При этой догадке сердце старого солдата сжалось от сострадания, и он, протянув руку, дотронулся до её головы. Волосы были мягкими. Кузьма Петрович погладил их своей шершавой ладонью и с состраданием произнёс:

— Бедная девочка, что же ты наделала над собою?

У него самого детей никогда не было. Да и жены, собственно, тоже. До армии жениться не успел. Затем финская, потом Великая Отечественная. Несмотря на то, что вернулся с фронта калеккой, находилось немало женщин, которым он нравился. Но семьи так и не сложилось.

Написав отчёт, Плетнёв позвонил полковнику Панину домой. Тот выслушал доклад и коротко бросил:

— Ко мне с отчётом в понедельник, а пока держи обстановку под своим контролем. Отвечаешь за всё головой. Продолжай работать, а выходные дам тебе после закрытия дела по “Стоянию”.

“Вот так, — подумал Плетнёв, положив трубку, — уже и название делу определили”. Он придвинул к себе папку с протоколами и отчётом и крупно написал на её обложке “СТОЯНИЕ”, взяв это слово в кавычки. Затем набрал по телефону номер уполномоченного по делам Русской Православной Церкви при Куйбышевском облисполкоме Никифорова Ильи Прокопьевича.

— Я слушаю, — раздался в трубке солидный голос.

— Здравствуйте, Илья Прокопьевич, это Плетнёв. Извините, что беспокою в выходной день, но надо бы встретиться, обсудить одно обстоятельство.

— Это по случаю на Чкаловской?

— Вы уже в курсе? — удивился Плетнёв.

— А ты как думал? Тебе ли не знать, Сергей! Ладно, давай подгребай ко мне на работу, минут этак через пятнадцать.

Никифоров когда-то был непосредственным начальником Плетнёва, а потому даже теперь, выйдя в отставку в звании полковника КГБ, к своему бывшему подчинённому относился начальственно-покровительственно, по-отцовски обращаясь к нему на “ты”.

Плетнёв прошёл по ворсистому ковру до середины кабинета и только тогда Никифоров, до этого барственно сидевший в кресле с резными подлокотниками, как бы нехотя встал и сделал два шага навстречу капитану, чтобы позвать тому руку.

Просторный и светлый кабинет уполномоченного, с большим письменным столом и старинным книжным шкафом, всегда приводил Плетнёва в чувство мечтательной зависти. “Хорошее местечко к пенсии выбил себе Илья Прокопьевич, — думал Плетнёв, пожимая руку хозяина кабинета, — попов строить — дело нехитрое”.

— Давай, Сергей, присаживайся к столику на диван, потолкуем.

Поскольку день был не рабочий, то в отсутствие секретарши Никифоров сам демократично стал накрывать на стол нехитрые закуски в виде порезанной кружочками копчёной колбасы и ломтиков сыра. Подойдя к сейфу, он вынул из его железного нутра бутылку армянского коньяка.

— С этим напитком лучше думается, — щёлкнул Никифоров пальцем по этикетке с пятью звёздочками, — а подумать, Серёжа, есть над чем.

Никифоров присел к столу и, открыв бутылку, разлил коньяк. Взяв свою рюмочку, он отвалился на спинку дивана и пригубил немного коньяку.

— Чувствую, вся эта история осложнит нам жизнь. Тут к бабке не ходи.

Он выпил свой коньяк, не чокаясь, и, как бы спохватившись, предложил, указывая на стол:

— Ты давай не стесняйся, выпивай, закусывай.

Плетнёв, не чинясь, выпил и стал закусывать, а Никифоров, как бы между прочим, спросил:

— Сам-то ты что обо всём этом думаешь?

Пережёвывая закуску, Плетнёв сделал вид, что задумался, хотя ответ у него уже был готов заранее:

— По моему мнению, произошло непонятное для науки явление, которое может быть использовано религиозными фанатиками для своей пропаганды.

— Правильно мыслишь, товарищ Плетнёв, — усмехнулся Никифоров, вновь разливая коньяк, — но не это меня сейчас беспокоит. Непонятное, да и Бог с ним. Только больно неудачное время выбрала эта Карнаухова для того, чтобы окаменеть. Областная партийная конференция через три дня, а тут словно диверсия, понимаешь ли. Самое гнусное во всём этом деле то, что застывшую девку невозможно увезти из дома. Хотя я твоему Панину подкинул идейку: со всех очевидцев взять подписки о неразглашении, да вряд ли это сильно поможет. Слухи по городу всё равно разползутся. А значит, нездоровый ажиотаж среди населения нам обеспечен.

Уполномоченный посмотрел на свою рюмку с коньком, а затем перевёл взгляд на Плетнёва.

— Слушай, Сергей, может, в вино этой девице что-нибудь подсыпали, а? Ты проверял? — белесые глаза уполномоченного смотрели на капитана, не мигая.

— Вино и закуски уже на экспертизу отправили, результаты завтра будут. Но у меня вот ещё какая мысль, Илья Прокопьевич. Надо бы вызвать какого-нибудь крупного учёного, чтобы он мог с научной точки зрения объяснить, что же произошло на самом деле.

— Об этом я уже думал. Учёного мы найдём и всё объясним. Только вот невежественным массам, обуянным жаждой видеть чудо, эти объяснения учёного, что мёртвому припарка. Им, Серёжа, вообще никаких объяснений не надо. Им вынь да подай каменную девку, а уж объяснение они сами найдут. Кстати, сколько там сейчас народу кучкуется?

— Человек тридцать-сорок. В основном жители близлежащих домов, — ответил, не задумываясь, Плетнёв.

— Ясно. “Сарафанное радио” начало свою работу, но диапазон ещё не велик. А почему?

— Так ведь сегодня воскресенье.

— Правильно мыслишь, товарищ капитан. А вот завтра, когда эти люди придут к себе на работу, оно и начнётся. Руку даю на отсечение, что к вечеру этот случай на Чкаловской станет достоянием всей Безымянки*, а во

---

* Безымянка — народное название промышленных районов Куйбышева, где в ВОВ был построен эвакуированный из Воронежа авиационный и другие заводы.

вторник об этом уже будет судачить весь город. Вот тогда-то и наступят для нас весёленькие деньки. Соберутся у того дома такие толпы народа, что мама не горюй. И что тогда прикажешь первому докладывать? Что мы ему скажем? Извините, мол, товарищ Ефремов, но произошло незапланированное чудо, которое, по авторитетному мнению учёных, вовсе и не чудо. И куда он нас с тобою пошлёт с этими объяснениями?

— Тогда, Илья Прокопьевич, надо как можно быстрее найти способ увезти подальше эту Зою Карнухову, а до того держать дом под усиленной охраной и принять все меры против скопления народа.

— Под охраной дом можно держать сколько угодно, но вот насчёт народа я сильно сомневаюсь. Логика-то простая: охраняют, значит, там действительно есть что скрывать.

— А что мы можем ещё сделать? — устало сказал Плетнёв, отваливаясь на спинку дивана.

— Работать, Серёжа, работать. Ты устрой контрпропаганду, ну, что мне тебя учить! Зашли в толпу своих людей, пусть говорят, что всё это выдумки, что, мол, они сами видели, что нет там никакой каменной девки. Ну, и всё в этом ключе. А насчёт научного объяснения учёного я уж сам позабочусь. Есть у меня в Москве один очень хороший знакомый — профессор Нижегородский. Это тебе не хухры-мухры, а настоящий учёный, материалист до мозга костей. Вот мы ему командировочку через общество распространения научного знания и выдадим. Пусть здесь, на месте и кумекает, как всё это объяснить согласно науке. Главное же, как нам эту девку из дома убрать. В крайнем случае, можно будет епископу позвонить. Чтобы он с амвона объявил народу, будто всё это выдумки, а на самом деле там никто не стоит. Это будет, пожалуй, самый продуктивный контраргумент.

— А епископ согласится? Ведь этот случай церковникам на руку.

— Иероним-то? А чего ему возражать? Не в его интересах. В своё время наш почтенный архиерей четыре года на Беломорканале киркой махал. Надеюсь, это весьма способствует здравомыслию.

В этот раз, перед тем как выпить, они чокнулись. Никифоров пососал дольку лимона и вдруг неожиданно рассмеялся. На вопросительный взгляд Плетнёва махнул рукой.

— Да так, вспомнил, как мы пару лет назад с этим профессором Нижегородским в Москве поспорили. Он мне говорит: “Для меня, Илья Прокопьевич, не существует никакого явления, которого я не смогу обнаружить с помощью современных приборов. Значит, и Бога для меня не существует”. А я ему говорю: “Так выходит, для тебя, Константин Фёдорович, и любви не существует, ведь её тоже никакими приборами нельзя обнаружить”. А он мне, знаешь, что отвечает?

— Что? — заинтересованно переспросил Плетнёв, пережёвывая бутерброд с сыром.

— И любви, говорит, тоже не существует, это просто физиологическое влечение полов. Вот уж рассмешил меня профессор, — самодовольно рассмеялся Никифоров. — Я-то хорошо помню, как он сам, ещё будучи студентом, страдал от неразделённой любви. Да, кстати, его студенческая пассия ныне в нашем мединституте преподает.

Сказав это, он вдруг озорно подмигнул Плетнёву:

— А вот возьму я, Серёжа, да и устройю им встречу здесь. Пусть меж собою и поговорят о том, что любви не существует.

Какое-то время Никифоров сидел молча. Плетнёв тоже молчал.

— Впрочем, всё это лирика, — сказал Никифоров, вставая из-за стола, — расслабляться нам не след. Давай, капитан, работай и держи меня в курсе. Одно дело с тобой делаем.

Весь оставшийся воскресный день 15 января для сторожа зеркального цеха Сапожникова Кузьмы Петровича прошёл спокойно. Он несколько раз выходил покурить на улицу и видел, как на противоположной стороне улицы собираются группами люди и что-то горячо между собою обсуждают. Однако никаких особых эксцессов не наблюдалось, хотя к вечеру народ запрудил

почти всю улицу. Да и самому Кузьме Петровичу было не до этих людей. Он всё вспоминал девушку, застывшую с иконой в руках.

Как ей помочь? Что может он, коли врачи ничего не смогли сделать? А может, не смогли потому, что от медицины здесь ничего не зависит? Но если это так, то от кого тогда зависит?

Ответ напрашивался сам собой: зависит от Того, Кто чудесным образом остановил этот безумный танец с иконой. Но Кузьме Петровичу трудно было принять такой ответ. Безбожником он себя не считал, да и верующим тоже. Верующий в его понятии был не тот, кто просто верит в существование Бога, а тот, кто ходит в храм, молится, постится. Ничего этого Кузьма Петрович не делал. Существование Бога он вполне допускал, но как-то отстранённо. Бог для него был где-то очень далеко. Так далеко, что Ему нет никакого дела до человека с его мелкими земными заботами. Теперь же это непостижимое происшествие с девушкой словно устранило расстояние между Богом и человеком.

Кузьма вспомнил, как в детские годы мама водила его в церковь на причастие. Сердце сладостно защемило от этих далёких воспоминаний. Утомлённый бессонной ночью и тревожными дневными раздумьями, Кузьма Петрович не заметил, как задремал.

Во сне он продолжал идти с мамой за руку в церковь. При этом он был уже взрослым мужиком сорока пяти лет, а радовался, как ребёнок, что идёт с матерью. Он понимал, что это сон, и боялся только одного: как бы ему не проснуться. Хотелось как можно дольше побыть с мамой. Они шли молча. Мама поглядывала на его протез и улыбалась, а Кузьма Петрович почему-то стеснялся своего вида. Вот такой сон...

В церкви Петра и Павла вечернее богослужение уже подходило к концу. Вначале Кузьма Петрович долго не решался войти и в какой-то момент даже собирался развернуться назад, но в это время двери храма раскрылись. Вышла женщина. Пока она выходила, он успел увидеть в дверном проеме мерцающие перед иконами лампы. Это почему-то придало ему решимости, и он вошёл в церковь.

Почти весь храм был заполнен людьми. Заметив прилавок свечного ящика, Кузьма Петрович протиснулся к нему и взял три свечи. Шёпотом спросил у свечницы, где икона Николая Угодника. Она ему указала рукой. Кузьма Петрович стал протискиваться между прихожанами в нужном направлении. На него недовольно оборачивались, но, замечая протез, тут же с готовностью отступали, давая дорогу.

Пробравшись к иконе святителя Николая, Кузьма Петрович с огорчением увидел, что весь подсвечник уже занят горящими свечами. Он повертел свои свечи в руке, не зная, как поступить. Пожилая женщина в тёмном платке заметила его и тут же сняла с подсвечника несколько почти догоревших свечек.

Кузьма Петрович стал поджигать свои от других свечей. Делал он это немело. Свеча не загоралась, да ещё и тушила те свечи, от которых он пытался её зажечь. Женщина у подсвечника сердито наблюдала за ним. Потом, не выдержав, взяла у него свечи, ловко зажгла и поставила на подсвечник. Он облегчённо вздохнул.

Вечерняя служба закончилась, народ выходил из храма, а Кузьма Петрович всё стоял перед иконой. Молитв он никаких не знал, а потому просто стоял, решив, что пусть его стояние и будет молитвой. Та женщина, что поставила ему свечи, теперь чистила подсвечник, смазывая его лампадным маслом. Она косилась на него, но уже не сердитым, а сочувственным взглядом. Наконец спросила:

— Умер у тебя кто али заболел?

— Заболел, — вздохнув, ответил Кузьма Петрович и заковылял к выходу.

— А как имя-то?

— Моё? — остановился Кузьма Петрович, повернувшись к женщине.

— Зачем твоё? Того, кто заболел.

— Не знаю, — растерянно ответил он.

— Вот чудак-человек! За кого же ты молился, коли имени не знаешь?

— Он знает, за кого, — указал Кузьма Петрович на икону святителя Николая.

Женщина растерянно посмотрела на икону, потом на Сапожникова и, перекрестившись, осуждающе покачала головой.

В понедельник Лариса на работу не пошла. Ещё ночью в воскресенье Плетнёв заставил её написать заявление о предоставлении трёх выходных дней в счёт отгулов. Взяв у неё заявление, Плетнёв настоятельно потребовал у Ларисы не ходить на завод, а сидеть дома, пообещав при этом, что выходные он сам утрясёт с её начальством.

Трубный завод имени Масленникова выполнял военные заказы, потому капитану КГБ было нетрудно устроить выходные Ларисе через особый отдел. Однако в понедельник уже с самого утра слухи о необычайном ночном происшествии ходили по трубному и без участия Лариски.

В обед Хазин разыскал Николая Трошкина. Комсорг был явно не в себе. На его бледном лице выступали капли пота, которые он то и дело смахивал носовым платком.

— Ну что, Трошкин, — начал он с ходу, даже не поздоровавшись, — как я понял, ты моё товарищеское предупреждение проигнорировал. Тогда извини, будем разбирать твоё персональное дело на бюро, со всей пролетарской строгостью...

— Постой, — опешил Трошкин, — что я проигнорировал?

— Не притворяйся, тебе это не поможет. Я же тебя предупреждал, чтобы ты не ходил на посиделки в этот воровской притон. А ты...

— Ты о чём это? — возмутился Трошкин. — Если насчёт приглашения отпраздновать этот, как его, Старый Новый год, так я не ходил.

— Точно? — с подозрением посмотрел на него Хазин.

— Честное комсомольское...

— Только вот не надо сюда комсомол приплетать...

— Слушай, Хазин, — озлился Трошкин, — что ты тень на плетень наводишь? Раз говорю — не ходил, значит — не ходил. Что случилось-то, в конце концов?

— Я думал, ты мне это объяснишь, — озадачился Хазин. — Тут человек из КГБ пришёл и потребовал у меня комсомольские характеристики на тебя, твою Зою и эту её подругу Лариску. Ну, я и подумал: всё, кранты Трошкину, влип парень. Кстати, тебя этот комитетчик в моём кабинете ждёт. Да смотри, лишнего чего не наговори. Я тут, сам понимаешь, с боку припёку. Тебя, между прочим, отговаривал идти, бдительность, так сказать, проявил. А этих девок я, собственно, мало знаю. Комсомольские взносы вроде платили вовремя, — Хазин с беспокойством посмотрел на Трошкина. — Впрочем, — как бы спохватившись, добавил он, — в этой Лариске какая-то мелкобуржуазность всё же просматривалась. Вечно хи-хи да ха-ха. Твоя Зоя Карнаухова, так она, между прочим, у нас недавно работает.

— Почему моя, — встрепенулся Трошкин, — мы с ней тоже недавно стали встречаться.

— Вот и хорошо, — похлопал его по плечу Хазин, обрадованный тем, что не один он трусит. — Иди и скажи об этом товарищу из органов. Я так, например, давно уже чувствую, что пора нам ряды комсомола чистить, ох, как пора...

В небольшой кабинет комсорга Трошкин входил с замиранием сердца. За столом сидел мужчина в строгом тёмно-сером костюме, белой рубашке и галстуке.

— Проходите, товарищ Трошкин, — сказал он приветливо и широким жестом указал на стул возле стола.

Доброжелательный тон, а ещё больше обращение “товарищ”, а не “гражданин” несколько успокоили Трошкина. Правда, комитетчик не подал для приветствия руки, но это ничего. Может это у них и не положено.

Плетнёв, а это был он, некоторое время молча разглядывал Трошкина, от чего тот снова стал нервничать и, наконец, не выдержав, спросил:

— Вызывали?

— Нет, зачем же, — улыбнулся комитетчик, — не вызывал, а пригласил. Побеседовать надо.

Он достал из внутреннего кармана удостоверение и на мгновение развернул его перед лицом Трошкина:

— Капитан Комитета государственной безопасности Плетнёв Сергей Анатольевич, — представился он. — Вам представляться не надо, мы и так о вас всё знаем.

“А что, собственно, они могут знать? — панически подумал Трошкин. — Ведь ничего противозаконного я, кажется, не делал”. И тут же мелькнула несуразная мысль, что *они* о нём знают всё, и даже то, чего он сам о себе не знает. Мысль была до того абсурдна, что Трошкин, несмотря на страх, охвативший его, невольно улыбнулся. Улыбка не получилась, а вот горькую усмешку на его лице капитан Плетнёв про себя отметил и поспешил успокоить:

— Мы не только о вас, мы обо всех всё знаем. Такая уж у нас работа — беречь государство от внутренних и внешних тайных врагов. Дело очень даже простое, и нам бы с ним никогда не справиться, если бы не помощь сознательных граждан, а особенно таких комсомольцев, как вы. А потому...

— А что нужно? Я готов. — Обрадованный неприкрытой лестью капитана, Трошкин даже не заметил, что не дал тому договорить.

Плетнёв неприятно поморщился.

— Об этом мы ещё поговорим. Давайте для начала проясним окончательно вопрос, почему вы всё же не пошли в гости к Болонкиным?

— Да, собственно, я до этого и не знал, кто такие Болонкины. Меня о них товарищ Хазин предупредил, вот я и решил не компрометировать себя общением с такими социально-опасными элементами.

— Правильно решили, — одобрил Плетнёв, а про себя зло подумал: “Вот ведь сучий потрох нашёлся. Ему социально-опасные элементы, а нам теперь расхлёбывай эту кашу”.

— Хорошо, давайте поступим так. Сейчас вы, товарищ Трошкин, подробно напишете всё о своём знакомстве с Зоей Карнауховой.

— А что с ней? — не удержавшись, спросил Трошкин.

— С вашей подругой редчайший в медицине случай. Общая судорога мышечных тканей, ну, что-то вроде столбняка. Транспортировать в больницу пока противопоказано медициной, вот народ разную чушь и мелет. Находятся и такие, что используют любые предлоги для клеветы и распространения самых невероятных слухов. Вы пока пишите, только постарайтесь не упустить каких-либо деталей. А потом я вам расскажу подробнее.

Трошкин старательно скрипел пером и исписал аж целых три листа. Плетнёв тем временем терпеливо ждал, изучая какие-то свои записи в блокноте. Когда Трошкин закончил, Плетнёв подал ему другой лист бумаги.

— А вот здесь напишите заявление о добровольном сотрудничестве с Комитетом государственной безопасности. Сейчас я вам его продиктую. Да, кстати, заявление надо подписать каким-нибудь псевдонимом, которым вы в дальнейшем будете подписывать все ваши сообщения. Выбирайте сами.

Трошкин задумался. Он уже мнил себя разведчиком, засланным в тыл врага, а потому псевдоним должен быть каким-нибудь необыкновенным. Но Плетнёв опустил его на грешную землю.

— Чего долго думать! Ну, хотя бы, к примеру, какая девичья фамилия вашей бабушки?

— Сахарова.

— Вот и не ломайте голову, будете подписываться Сахаровым. Кстати, не вздумайте поделиться с кем-нибудь информацией о нашем с вами разговоре, даже с вашим товарищем Хазиним.

Уходя с трубного завода, Плетнёв брезгливо подумал: “Однако эти, Хазин с Трошкиным, ребяташки с гнильцой. Только вот выбирать не приходится... С кем тогда прикажете работать?”

Во вторник 17 января утром, едва Плетнёв вошёл в свой кабинет, зазвонил телефон.

— Привет, Серёжа! Как ты там, ещё не устал бороться с мракобесием? — раздался в трубке чуть ироничный голос Никифорова, уполномоченного по делам Русской Православной Церкви.

— Спросите, Илья Прокопьевич, что-нибудь полегче. Народу, как вы и предполагали, существенно прибавилось. Вчера вечером уже стояло без малого семь-восемь сотен человек, а сегодня, несмотря на раннее утро, не менее трехсот пятидесяти стоит. Что-то ещё к вечеру будет?

Никифоров грязно выругался, помолчал.

— Правильно мыслишь. Это ещё цветочки, а ягодки впереди будут. Я тебя хочу попросить, как говорится, не в службу, а в дружбу встретить на вокзале профессора Нижегородского. Сам понимаешь, в этом деле лишних людей привлекать нежелательно.

— Хорошо, Илья Прокопьевич, встречу.

— Вначале отвези его в гостиницу “Советская”, там забронирован номер. Пусть с дороги пёрышки почистит и сразу ко мне. Пообедаем вместе в обкомовской столовке и на Чкаловскую.

Нижегородский оказался высоким, дородным мужчиной сорока пяти лет. “Натуральный барин”, — подумал Плетнёв, глядя на холёное, чисто выбритое лицо профессора с крупным, чуть с горбинкой носом, на котором восседали очки в тёмной роговой оправе. Пыжиковая шапка и брововый воротник на дорогом драповом пальто довершали образ учёного мужа.

После того как они представились друг другу, Нижегородский сразу же спросил:

— Девушка пребывает в том же состоянии, что и прежде?

— В том же, — ответил Плетнёв.

— Это хорошо, — сказал профессор, при этом глаза его хищно блеснули.

“Что же в этом хорошего?” — неприязненно подумал Плетнёв.

Когда уже сели в служебную “Победу”, профессор вновь задал вопрос:

— А скажите мне, любезнейший Сергей Анатольевич, кто наблюдает за этим необычным явлением природы?

“Вот так! — развеселился про себя Плетнёв. — Кому — чудо, а кому — необычное явление”, — но вслух сухо ответил:

— В доме постоянно дежурит медсестра, а сам дом охраняется милицией.

Профессор как-то неопределённо хмыкнул, не то одобрительно, не то осуждающе, и до самой гостиницы вопросов больше не задавал.

Никифоров и Нижегородский встретились как старые добрые друзья. Долго трясали друг другу руки и шутили, вспоминая что-то своё. Затем выпили по рюмке коньяка за встречу и направились обедать в обкомовскую столовую. После обеда поехали на Чкаловскую.

Был полдень, но, несмотря на рабочий день, улица возле восьмидесят четвёртого дома была запружена людьми. Машину оставили на углу улицы Братьев Коростелёвых и пошли пешком. Медсестра сидела на кухне и о чём-то переговаривалась с сержантом милиции Котиным. Завидев начальство, оба вскочили. Плетнёв ещё в первый день добился того, чтобы внутрь дома было допущено ограниченное количество людей. В доме постоянно дежурил лишь сержант Котин посменно с другим сержантом, а остальные милиционеры были лишь в наружном охранении. Медсестёр Плетнёв подобрал из своих внештатных сотрудниц, чтоб было надёжней.

Нижегородский разделся, вынул из саквояжа белый халат с белым колпаком, надел всё это и стал тщательно мыть руки. Затем так же тщательно вытер руки поданным медсестрой полотенцем и прошёл с нею в горницу. Идти в комнату с окаменевшей Зоей Никифоров с Плетнёвым не пожелали. Оба уже успели там побывать, а Плетнёв так и не один раз, но оба чувствовали себя в той комнате очень неуютно. Сержант Котин, воспользовавшись ситуацией, вышел во двор дома подышать свежим воздухом.

Нижегородский почти с минуту стоял напротив Зои, слегка покачиваясь с пятки на носок и о чём-то сосредоточенно думая. Потом он взялся за икону

и потянул её из рук Зои. Вытянуть икону не получилось, хотя было заметно, что профессор напрягает для этого силы. Оставив эту попытку, он пощупал её запястье. Потом открыл свой саквояж, вынул оттуда обыкновенные медицинские ножницы и подал их медсестре.

— Разрезайте и снимайте.

— Что разрезать? — испуганно спросила сестра, чуть не выронив ножницы.

— Платье и бельё! Надо же пациента освободить от одежды. Как же я буду её осматривать?

— Всё? — переспросила медсестра.

— Конечно, всё. И нижнее бельё тоже. А после осмотра прикроете тело простынями.

Медсестра принялась за работу, а Нижегородский вышел из комнаты.

Никифоров с Плетнёвым посмотрели на него ожидающе. Профессор поднял руки:

— Ничего не скажу. Осмотр пока чисто визуальный и какие-либо выводы делать рано. Сейчас приступлю к основательному обследованию, тогда и можно будет высказывать какие-либо предположения.

— Да что нам от этих предположений, — досадливо поморщился Никифоров. — Ты, Игорь Львович, в первую очередь реши проблему, как нам её отсюда убрать, а уж потом и обследуй, сколько твой душе угодно.

— Тут, Илья Прокопьевич, спешить опасно. По всей видимости, мы столкнулись с неизвестной доселе формой диффузии.

— Что ещё за диффузия? Говори проще.

— Это, дорогой мой друг, процесс взаимного проникновения молекул или атомов одного вещества между молекулами или атомами другого. А проще сказать, тело девушки и пол, на котором она стоит, стали чем-то вроде единого организма.

— Да как такое возможно? — удивился Никифоров.

— Необъяснимых тайн у природы ещё много. Обычно перенос вещества происходит из области с высокой концентрацией в область более низкой концентрации, а здесь...

Никифоров замахал руками:

— Пожалей, Игорь Львович, у меня и так голова пухнет от проблем, а тут ещё диффузия эта... Ладно, оставайся, работай, мешать не будем, а машину за тобой пришлём, как закончишь.

— Мне бы сегодня сдать кое-какие анализы на обследование.

— Тогда сделаем так. Как всё закончишь, поезжай в наш медицинский институт, я их предупрежу. Тебя в лаборатории будет ждать доцент кафедры криминальной судмедэкспертизы Мышинская Элеонора Станиславовна.

— Алина здесь, — удивлённо вскинул брови Нижегородский.

— Здесь, — засмеялся довольный Никифоров. — Мужа три года, как схоронила, и до сей поры эффектная женщина.

— Да о чём ты говоришь, — смутился профессор, — при чём здесь это?

— Ни при чём, — продолжал веселиться Никифоров, — просто Алина помнит старую дружбу и готова содействовать всем, чем только может, — при этих словах уполномоченный подмигнул Нижегородскому.

К вечеру вторника 17 января пришлось отменить движение общественного транспорта по улице Чкалова. Народ стоял плотной массой от Арцыбушевской и до улицы Братьев Коростелёвых, а люди всё продолжали прибывать. В толпе было постоянное движение. Собирались группами и бурно обсуждали ходившие по городу слухи. Кто-то верил, кто-то нет, но тем и другим хотелось всё увидеть собственными глазами, а потому в стоящих в оцеплении милиционеров из толпы неслись обидные оскорбления.

Уставшие и злые милиционеры с неприязнью смотрели на толпу, но на провокации не отвечали. Среди народа шныряли карманники, радуясь неожиданно свалившемуся фарту. Здесь же, в толпе, не привлекая к себе особого внимания, курсировали сотрудники КГБ. Они останавливались возле какой-нибудь группы спорщиков и внимательно вслушивались в разговоры.

Если их что-то особо интересовало, то делали условный знак рукой, и из окна соседнего двухэтажного дома на группу людей направлялся мощнейший объектив фотоаппарата.

Среди народа было немало и внештатных сотрудников КГБ, которым Плетнёв поставил задачу сеять дезинформацию. Агенты Плетнёва громко рассказывали, что вчера, мол, уже побывали в том доме и ничего там не видели. Другие рассказывали, что в этом доме гуляла молодёжь, все перепились, и одной девушке стало плохо. Вызвали “скорую”. Врачи, мол, приехали, а она без чувств, словно окаменела, отсюда и пошли гулять нелепые слухи. На некоторых эти “откровения очевидцев” действовали, и они уходили, посмеиваясь над своей легковёрностью. Но народу не убавлялось, так как подходили другие, чтобы отстоять свою вахту в надежде увидеть чудо.

С утра среды 18 января к городским любопытным стали прибавляться жители окрестных сёл, слухи докатились уже и за пределы города. К вечеру по поводу опасного скопления народа в главке областного управления милиции собрали срочное совещание.

Заслушали доклад начальника Ленинского РОВД подполковника Тарасова Михаила Фёдоровича. Тот кратко доложил обстановку, а затем устало добавил:

— Одни мы, товарищ генерал, не справимся. Нужна помощь людьми из других райотделов милиции. Неплохо было бы задействовать и конную милицию.

Начальник Кировского РОВД полковник Криворучкин предложил подогнать к Чкаловской улице пару пожарных расчётов, чтобы, если ситуация выйдет из-под контроля, можно было бы горячие головы остудить холодной водой из шлангов.

— Ты что ж это, Василий Андреевич, предлагаешь воспользоваться опытом капиталистических стран, где демонстрации трудящихся, борющихся за свои права, из водомётов разгоняют? — с сарказмом заметил начальник областного управления генерал Плотников.

— Так там за свои права борются, а у нас толпа зевак. Можно сказать, человеческая стихия, она непредсказуема, — развёл руками полковник.

Всё же решили подогнать пару пожарных машин и держать их наготове недалеко от улицы Чкалова. И конное подразделение милиции генерал разрешил задействовать с утра 19 января.

Подполковник Тарасов встретил уполномоченного с хмурым видом. Никифорова он знал ещё по прежней его работе в органах. Пару раз встречались на праздничных застольях и несколько раз — на совместных заседаниях в управлении МВД области. Близкими друзьями не были, но и для неприязни поводов тоже не случалось. Однако за последние четыре дня Тарасов так вымотался, что его раздражали любые посторонние люди.

Молча пожали друг другу руки. Никифоров, не дожидаясь приглашения, сам пододвинул стул к столу и присел, одновременно расстёгивая своё кашемировое пальто и снимая шарф.

— Звёздочку обмыл уже? — неожиданно спросил Никифоров, глянув на погоны Тарасова.

— Намёк понял, — ухмыльнулся тот и достал из стола два стакана и початую бутылку водки. — Извини, Илья Прокопьевич, но вот с закуской у меня скудновато, — и, пошарив ещё раз в столе, вынул одно яблоко. Разломив его руками пополам, подполковник подал одну половинку Никифорову и разлил водку.

Никифоров, взяв стакан, встал.

— Бог любит Троицу, значит, выпивая за твою вторую звёздочку, желаю получить и третью.

— Тут бы вторую не потерять, — мрачно пошутил Тарасов.

Они выпили и сели.

— Вот скажи мне, Илья Прокопьевич, как же так получается, что в Бога мы не верим, а постоянно его поминаем. Вот и ты сейчас сказал про Троицу.

— Да это так, — махнул рукой Никифоров, — больше для красного словца. Как можно современному человеку в Него верить, коли всё наукой доказано.

— Какой наукой? — горько усмехнулся Тарасов. — Девка с иконой застыла, а мы прячем её! И где тут наука?

— Наука разберётся и с этим явлением. Погоди, дай срок.

— А если не разберётся?

— Постой, Михаил Фёдорович, неужели ты веришь, будто действительно произошло чудо?

— Да я уже не знаю, чему верить. Факт один: девчонка стоит с иконой, а мы её всей милицией охраняем. А всё почему? Да потому, что она с этой иконой стала танцевать.

— А Бог её наказал, — с ехидством в голосе подхватил Никифоров. — Так, что ли, выходит?

— Причинно-следственная связь говорит, что так оно и выходит, а наука пока ничего не говорит.

— Я тебе, Михаил Фёдорович, без всякой науки могу доказать, что икона здесь ни при чём. В тридцать девятом я служил здесь, в Куйбышевском НКВД. Петропавловская церковь к тому времени уже второй год не работала, вот и решили её окончательно ликвидировать как культовое учреждение. Прислали комиссию изъять из храма церковную утварь, а мы обеспечивали охрану этого мероприятия. Могли быть эксцессы. Стали выносить из храма иконы, подсвечники, ну, и другую церковную рухлядь. Прихожан понабежало много, так что наше охранение было как нельзя более кстати.

Была в Петропавловском храме икона Божией Матери, которую местные жители считали чудотворной. Вот они и стали эту икону просить, чтобы её не увозили, а передали хотя бы в Покровский собор, который к этому времени уже был открыт. Комиссии по изъятию церковной утвари помогали описывать имущество два диакона из Покровского собора. Оба из обновленческой церкви. Вели себя эти дьяконы ещё хуже, чем наши сотрудники. Ходили по храму с сигарками во рту, ругались и смеялись над Петропавловскими прихожанами. А когда те стали просить забрать чудотворную икону, хотя бы себе в Покровский храм, дьяконы им ответили: “У нас и самих столько икон, что девать некуда”.

Накануне прошёл дождь, вот у порога храма и образовалась лужа. Чтобы удобней было выносить из храма утварь, наш начальник велел положить мостки. Досок поблизости не нашлось, тогда взяли эту чудотворную икону Божией Матери и положили её прямо в грязь.

Признаюсь тебе, подполковник, честно: когда первый раз наступал на эту икону, то небольшой мандраж был. Думалось, а кто его знает, может, сойдёт огонь небесный да поразит нас, святотатцев. Не сошёл. Я и раньше в Бога не верил, а тут окончательно понял, что всё это выдумки поповские.

Ну, как тебе мой рассказ? Где, по-твоему, причинно-следственная связь сильней? Тогда, когда мы чудотворную икону втаптывали в грязь, или теперь, когда эта девка всего-то лишь с простой, домашней иконой танцевала?

— Ладно, оставим эти разговоры, — махнул устало рукой Тарасов, — меня убеждать не надо, я коммунист и в Бога не верю. Устал я. Веришь ли, Илья Прокопьевич, даже на фронте было легче. Там перед тобой враг, и всё ясно. Закон один: бей врага до смерти, и правда на твоей стороне. Кто их, фашистов, сюда звал, на нашу землю? Здесь же свои, пусть и неразумные, но не преступники же. Нет таких законов, чтобы запрещать гражданам приходить на ту или иную улицу. Сговора тоже нет. Нет зачинщиков. Просто услышали о чуде, вот и идут посмотреть. Что с этим народом прикажешь делать? Начальство требует разогнать, а вот ответственности на себя брать никто не желает. Всё с оглядкой: кабы чего не вышло. Со стороны руководства области нет никаких прямых указаний. Чего они там ждут? А народ, между прочим, всё прибывает. Сейчас уже до трёх тысяч насчитывается. При таком скоплении людей, сам знаешь, всё может произойти. Про Ходынку, надеюсь, в учебниках истории читал, и что было на похоронах товарища Сталина, знаешь. Вот я и думаю, случись что здесь, на Чкалова,

крайнего найдут быстро. Рикошетом всем прилетит, и генералу тоже, но крайним-то я окажусь. И на заслуги не посмотрят. Чует сердце, завтра, девятнадцатого, жаркий денёк будет.

Никифоров молча жевал яблоко и слушал Тарасова, а на душе было скверно. Верно говорит подполковник. Крайнего найдут, и он, уполномоченный по делам Русской Православной Церкви, тоже может оказаться крайним. Третьего секретаря обкома Темникова Захара Никитича, ответственного за идеологию, Никифоров поставил в известность об инциденте на Чкалова ещё в понедельник. Но что-то молчит третий. Наверняка первому не доложил, а всё спустил на заводделом религиозных культов ОК КПСС Алексина. Не до того сейчас в обкоме. Все силы брошены на подготовку к областной партконференции, пора слишком горячая, чтобы обращать внимание на какое-то там “чудо”. Но народ... Слишком много его на Чкалова, чтобы это можно было игнорировать там, наверху. Рано или поздно начнутся разборки, вот тогда и полетят головы. И не факт, что ему, Никифорову, удастся удержать своё тёплое местечко. Быть же простым отставником-пенсиейром — ох, как не улыбалось. Надо звонить епископу, его слову народ поверит. Пусть на деле докажет свою лояльность к советской власти. Это решение несколько успокоило уполномоченного.

К вечеру 18 января лейтенант милиции Пётр Мельников едва держался на ногах от усталости. Как только ему на смену пришёл капитан Ракитин, Мельников сразу отправился домой с одной мыслью: лечь в постель и хорошенько выспаться. Но пока шёл домой, его не оставляло ощущение, что кто-то идёт следом за ним. Пройдя два квартала, лейтенант не выдержал и обернулся. В сгустившихся вечерних сумерках он явно различил женский силуэт. Незнакомка тоже остановилась. Странно. А может быть, наоборот, ничего странного. Просто идёт женщина своей дорогой, а ему уже мерещится, что преследуют.

Отбросив всякие подозрения, лейтенант вновь пошёл, но уже быстрым шагом. Женщина побежала вслед за ним. Он повернулся к ней так неожиданно, что она чуть было не налетела на него.

Женщина была молодая, лет двадцати трёх — двадцати пяти. Миловидное личико с чуть курносом носом выражало явное смущение.

— Что случилось, гражданка? — строго спросил Мельников, удерживая даму под локоток.

— Ничего... просто хотела спросить... Там что, действительно девушка с иконой стоит?

Лейтенанту эта ситуация показалась до того комичной, что он невольно фыркнул.

— Да вам-то что от этого, стоит или не стоит?

— Я с мамой поссорилась из-за веры и крестик с себя сняла, — на глазах девушки выступили слёзы. — А если стоит, тогда я очень виновата перед мамой...

У самого Мельникова мама умерла два года назад. Умерла неожиданно, от сердечного приступа. Словно предчувствуя свою скорую кончину, она просила его в тот день не уходить из дома, а побыть с нею. Но Мельников спешил на стадион, ведь должна была состояться ответственная игра его любимой команды “Крылья Советов”. Ну, почему мама не может побыть без него один вечер? Тем более дома остаётся сестра. Уже уходя из дома, он обернулся к матери. Она лежала в постели и смотрела на сына полными любви и слёз глазами. Как бы он хотел повернуть это время вспять! О, тогда бы он не пошёл на стадион, а остался с матерью. Сидел бы рядом с нею, держал за руку и говорил бы, говорил о том, как он любит её, как она ему нужна и что значит в его жизни.

Он смотрел на девушку и понимал, что не может сказать ей правду, но и не может соврать. И тогда он снял перед ней шапку, обнажив свою поседевшую голову.

— Да, я был в том доме, но ничего вам сказать не могу, смотрите сами.

— Я все поняла, — ахнула девушка и перекрестилась. А потом вдруг неожиданно поцеловала в щёку совсем опешившего лейтенанта и побежала

по улице в обратную сторону. Мельников посмотрел вслед девушке, и ему тоже почему-то захотелось перекреститься. Но так и не перекрестившись, он вздохнул, надел шапку и пошёл дальше своей дорогой.

Когда вечером 19 января Мельников пришёл сменить капитана Ракитина, тот сидел на кухне в расстёгнутой шинели, а шапка валялась на полу. Ракитин был выпивши.

— Ты чего это, Паша? А если Плетнёв зайвится? Попрут со службы.

— Не попрут, Петя, я с Плетнёвым и выпивал. Он ничего мужик, хоть и гэбэшник. Мы с ним сегодня вместе стояли, так сказать, грудью против народных масс, — капитан пьяно засмеялся.

— Жарко было? — поинтересовался Мельников, присаживаясь к столу.

— Не то слово. Тут такое творилось, что просто охренеть и не встать. Народ словно с ума сошёл. Прут прямо на наших ребят, а как их остановишь? Хорошо, хоть конное подразделение было, а то бы вообще труба. Хотели уже пожарные расчёты вызывать, обошлось, правда. Сейчас Шура закусь принесёт, выпьешь с нами?

— Что за Шура?

— Да медичка, дежурит здесь.

— Понятно. Ты же меня знаешь, я не пью.

— Эх, Петя, не пойму я тебя. Парень вроде нормальный, а пить не пьёшь.

— Я же спортом занимаюсь. Кто на межрайонных соревнованиях будет за вас всех отдуваться?

— Слушай, Пётр, а тебе не страшно здесь находиться? — Капитан мотнул головой в сторону дверей, ведущих в горницу, где стояла Зоя.

— Да как сказать. Что это, страх или нет, но только мне здесь не по себе.

— А мне страшно. И ведь не трус вроде. Десять лет на оперативной работе. Всё приходилось, и под пули... А тут сижу ночью, а в голову разные мысли лезут. Что, если она оживёт и выйдет ко мне?

В это время пришла медсестра Шура. Положив на стол колбасу с хлебом, она ту же подключилась к разговору.

— Тебе, Павел Афанасьевич, чего? Тебе здесь сидеть, а мне каждые два часа осмотр проводить. В морге не так страшно, там все мертвяки, а здесь, почитай, живой мертвец стоит. Я, прежде чем туда заходить, крещусь и молитву читаю.

— Вот, пожалуйста, — усмехнулся капитан, наливая себе в стакан водки, — комсомолка, а крестится и молитвы читает, а я вот, беспартийный, водку пью, потому как молитв не знаю, да и креститься не умею. К чему мы придём? Может, мы, Петя, зря с религией боремся? А может, нам Боженька подсказку даёт, что неправильно мы живём, а? — капитан вновь кивнул в сторону двери в горницу.

Мельников в разговор не вступал, зная из опыта, что с пьяным разговор начать легко, а закончить трудно. Ракитин закусил водку бутербродом с колбасой и стал прощаться.

Подошла на смену и другая медсестра. Пришёл и сержант Котин.

— Ты вот что, Борис Семёнович, — отвёл в сторону сержанта Котина Мельников. — После двенадцати часов, как народу поубавится, подойдёт моя сестра с подругой, я их обещал в дом привести.

— Вы, товарищ лейтенант, начальник, сами и смотрите, кого пускать, кого нет. А моё дело выполнять ваши приказы и помалкивать, — при этих словах сержант подмигнул Мельникову.

Тот молча пожал руку Котину и пошёл делать обход наружного охранения дома.

Дуня и Маша пришли на Чкаловскую к половине первого ночи. Народу на улице уже не было. Мельников встретил их возле калитки и провёл в дом. Войдя в дом, девушки заробели. Но когда лейтенант прошёл мимо кухни к двери горницы, любопытство пересилило страх, и Дуня с Машей последовали за ним. Перед дверью Мельников остановился.

— Сейчас я открою дверь, смотрите, но в комнату не заходите.

Последнее он мог бы и не говорить. Объятые каким-то непонятным страхом, девушки вообще уже жалели, что пришли сюда. Лейтенант открыл створки дверей. Дуня и Маша увидели посреди комнаты что-то, покрытое белой простыней. Под простыней угадывался человеческий силуэт.

— Ну, всё, — сказал Мельников, закрывая дверь, — посмотрели и будет.

Так и не произнеся ни слова, девушки вышли из дома. До калитки их проводил сержант Котин. Они шли молча по улице Чкалова в сторону улицы Братьев Коростелёвых, потрясённые тем, что увидели. Маша заговорила первой.

— Дуня, ты слышала там какой-то непонятный звук? Что это?

— Слышала вроде, словно зудящее гудение какое-то.

— Вот-вот, и я слышала. Многие бы уверовали в Бога, коли такое увидели.

— Я не думаю, что многие, — возразила подруге Дуня. — Христа вон сколько людей видело и чудеса Его, а уверовали немногие. А мы с тобой и в храм ходим, и молимся, и причащаемся, а много ли чудес видели?

— Да какие там чудеса! Я и без чудес себе жизни без храма, без службы не представляю. Даже удивляюсь, как это другие живут без Церкви. Это же так скучно, так неинтересно. Жалко этих людей...

Котин, проводив девушек до калитки, постоял какое-то время на крыльце дома, подышал свежим воздухом, а когда повернулся, чтобы зайти в дом, то вздрогнул от неожиданности. Перед ним стоял статный старик с окладистой седой бородой.

— Дед, да ты как тут оказался? Не положено здесь. Уходи.

Старик улынулся какой-то обезоруживающе доброй улыбкой.

— Так-то другим не положено, а нам с тобою, Борис, сын Семёна, положено.

“Какой странный дед, — подумал Котин, — и имя моё знает, и отца моего тоже, как видно, знает. Уж не родня ли какая?” Что-то в этом старике было знакомо Котину, вроде он даже его видел ещё в детские годы.

— Ты, дедушка, не из Берестянки?

— Эта та Берестянка, в которой храм в честь Покрова Божией Матери? Бывал и там. Я, Борис, много где бывал. Так впустишь меня в дом?

“Может, он странник, ходит по деревням и сёлам. Хороший дед, почему бы не пустить? Вон товарищ лейтенант свою сестру с подругой провёл, и ничего. А я дедка пуцу, он никому не повредит”.

— Ладно, заходи, только недолго, а то подведёшь меня под служебное несоответствие.

— Спаси тебя Христос, Борис, сын Семёна.

Старик зашёл в дом, а следом за ним шёл сержант Котин, сам себе удивляясь, почему он пустил этого старика. А старик, между тем, уверенной походкой направился прямо к комнате, где стояла с иконой окаменевшая девушка. Сержант шёл за ним по пятам. Старик открыл дверь и вошёл. Котин хотел было тоже зайти, но старик обернулся к нему и приложил палец к губам:

— Ты, Борис, здесь постой, я ненадолго.

И опять удивился себе сержант: почему он послушался этого деда и остался за дверью? Вскоре он услышал ласковый голос старика:

— Ну, что, милая, устала стоять? Знаю, устала. Потерпи ещё немного. Милостив Господь...

Из кухни вышел, протирая глаза, лейтенант Мельников. Он только что дремал, сидя на стуле.

— Ты чего это, Котин?

— Тихо, товарищ лейтенант, там дед с нею разговаривает.

— Какой ещё дед? — удивился Мельников.

Он подошёл к двери, открыл её и заглянул в комнату.

— Никакого деда там нет. Тебе что, уже мерещиться начало?

— Да как же нет? — удивился Котин. — Куда же он мог деться?

— Да ты сам посмотри, — предложил лейтенант.

Когда сержант вышел из комнаты, удивление его было настолько искренним, что Мельников с подозрением посмотрел на него.

— Так ты что, действительно кого-то сюда впустил?

Все ещё пребывающий в растерянности сержант молча кивнул головой.

— А ты можешь его описать?

— А что описывать? Ну, старик, статный такой, борода седая.

— Да, описание хоть куда. А какие-нибудь особенности заметил? Во что он одет, например?

— Постойте, товарищ лейтенант, в этом и особенность. Не пальто на нем и не шуба, а какая-то одежда непонятная, как у попов.

— Так может, это поп и был?

— Нет, поповскую одежду я знаю. Может, это странник какой? Говорил мне, что во многих местах бывал.

— Слушай, Котин, тебе отдохнуть надо, а то ещё и не то привидеться может.

— Да не привиделось мне это, товарищ лейтенант, вот как вас сейчас вижу, так и старика того видел. А главное, мне показалось, что я его и раньше видел, а где, хоть убей, не припомню.

— Ладно, иди, подремли малость, а я подежурю. Ещё неизвестно, какой завтра день будет. Хорошего ничего не жду.

Утром 20 января делегаты тринадцатой областной партийной конференции наполняли Куйбышевский театр оперы и балета. Событие для всей номенклатурной верхушки области, несомненно, очень значимое. К нему шла подготовка весь 1955 год, в течение которого одна за другой проходили районные партийные конференции. Вся страна готовилась к Двенадцатому съезду КПСС. И вот теперь первые секретари райкомов чинно раздевались в гардеробе театра и шли прогуливаться по фойе с видом победителей. Они сделали своё дело и сделали хорошо, а сегодня их роль незамысловатая: слушать, рукоплескать и голосовать. Передовики производства и знатные хлеборобы жали другу руки и шутили с раскрасневшимися от смущения почётными доярками. Все понимали, что ничего сверхординарного произойти не должно. Всё будет согласно повестке: отчётный доклад обкома и выборы делегатов на XX съезд партии.

Такого благодушного настроения не разделял только один человек — первый секретарь Куйбышевского обкома КПСС Михаил Тимофеевич Ефремов. Он тоже считал, что сегодня всё будет согласно повестке, но, в отличие от простых делегатов, был в курсе, какие страсти разгораются там, на вершине власти в Москве.

Вопрос в ЦК поднимался серьёзный: о роли культа личности товарища Сталина в репрессиях 30-х годов. И зная об этом, Ефремов все последние дни мучительно размышлял, как ему быть? Кого поддержать? Ясно, что хотят свалить всё на покойного вождя. В роли осла, решившего лягнуть мёртвого льва, выступает сам первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущёв. Его поддерживают такие тяжеловесы, как Булганин, Микоян и Каганович. Но и противники не на слабых позициях: Молотов, Маленков, Ворошилов. Чья сторона возьмёт? Не ошибиться бы.

К трибуне, отбросив на время все свои тревоги и волнения, Ефремов вышел бодрым шагом под бурные аплодисменты депутатов. В перерыве, когда вся верхушка обкома собралась в кабинете директора театра на чай, Ефремов властно протянул руку к третьему секретарю, который собирал записки с вопросами из зала. Тот, словно нехотя, раскрыл папку и подал записки.

Ефремов читал записки и всё больше хмурился. Часть записок он откладывал в сторону. Потом подсчитал отложенные записки и поднял на третьего секретаря взгляд, не предвещавший ничего хорошего.

— Что это ещё за “чудо”? Почему половина записок о какой-то девушке, застывшей с иконой в руках? Почему на улице Чкаловской столпотворение накануне важнейшего государственного мероприятия в области? Это что, диверсия? Почему я узнаю об этом только сейчас и от делегатов, а не от вас,

своих помощников? Ладно, с этим будем разбираться потом и оргвыводы соответствующие сделаем. Сейчас ко мне в обком всех, кто может дать вразумительные разъяснения. Обед для делегатов прошу продлить.

В кабинете Ефремова собрались, кроме второго и третьего секретаря, ещё и заведующий отделом религиозных культов ОК КПСС Алексин, полковник КГБ Панин и генерал МВД Ермаков с начальником Ленинского райотдела милиции подполковником Тарасовым, а также уполномоченный Никифоров с профессором Нижегородским. Остальные чины поменьше остались ожидать в приёмной.

После подробных докладов, как и что случилось, уполномоченный подал Ефремову краткий отчёт профессора медицины Нижегородского. Ефремов быстро прочитал отчёт и фыркнул:

— Какая ещё, к лешему, диффузия? И это всё происходит накануне съезда партии? Я вам такую диффузию устрою, мало не покажется. Короче, чтобы мне сегодня, ещё до окончания заседания конференции, доложили, что на Чкаловской никого нет и посты милиции сняты. А завтра для всех желающих депутатов надо устроить экскурсию в тот дом. Ясно?

Когда все покинули кабинет, Ефремов продолжал задумчиво сидеть в своем кресле. Попробовали бы они товарищу Сталину оправдаться диффузией! Он бы им устроил не диффузию, а контузию, лет так этак на десять. Нет, надо всё же ставить на Никиту. Надо что-то менять.

От принятого решения Ефремову стало немного легче, но полностью тревога с души не ушла. Почему-то вспомнился декабрьский номер газеты “Волжская коммуна” с портретом Сталина на четверть страницы. “21 декабря у вождя день рождения, всё закономерно. И всё же надо главному редактору намекнуть, чтобы впредь от печатания портретов генералиссимуса воздержались”, — с этой мыслью он встал и решительно направился из кабинета.

Получив от первого нагоняй, все участники совещания перешли в кабинет третьего секретаря Темникова Захара Никитича, ответственного за идеологию, чтобы обсудить, как лучше выполнить приказ начальства.

— Ну, хорошо. Пусть не нравится вам вполне научное слово “диффузия”, — горячился профессор Нижегородский, — но как тогда увезти из дома эту девушку, если невозможно оторвать её от пола, ноги ей, что ли, прикажете рубить?

— Зачем ноги, — невозмутимо возразил хозяин кабинета Темников, — рубить надо пол.

Все ошарашенно уставились на третьего секретаря. В наступившей тишине торжественно прозвучал голос уполномоченного:

— Вот, товарищи, учитесь у Захара Никитича. Мы тут все ломаем голову над этой проблемой, а оказывается, что всё гениальное просто.

— Ну, а раз просто, — тут же подхватил его слова польщённый похвалой Темников, — то время терять не будем. Я, товарищи, — на заседание конференции, а вы — на Чкаловскую. И помните, на всё про всё у вас не более трёх часов.

После ухода Темникова стали разрабатывать план проведения всей операции. Наконец, распределили между собой роли и выехали на Чкаловскую.

В 15 часов 23 минуты в дом, где стояла Зоя, вошли уполномоченный Никифоров, капитан КГБ Плетнёв, его помощник, лейтенант КГБ Козырев и профессор медицины Нижегородский.

Когда вошли в горницу, Козырев сразу достал топор. По кивку Нижегородского он с размаху вонзил его в доски пола у ног стоящей Зои. После второго удара Козырев пробурчал:

— Чего это с досками, от воды, что ли, набухли?

— Что там у тебя? — спросил Плетнёв.

— Да тут, товарищ капитан, вода в полу какая-то. Весь топор залила, — он провёл рукой по топорщику и недоуменно уставился на свою ладонь.

— Что это? Боже мой, да это же кровь, — вдруг заорал он и в ужасе отбросил от себя топор.

— Ты чего? — возмутился Плетнёв. — Крови никогда не видал? Надо дальше рубить.

— Кого рубить? Я что, мясник, по-вашему? — чуть не плача, вскричал Козырев. — Вы же видите, я весь в крови!

При этом он кинулся было к двери, но Плетнёв успел его перехватить. Однако тот уже бился в истерике, повторяя одно и то же:

— Боже мой, я весь в крови, весь в крови...

Плетнёв закричал медсестре:

— Дура, чего стоишь, коли ему успокоительное! — и он потащил всё ещё вырывающегося из его рук Козырева на кухню. Медсестра трясущимися руками вскрыла ампулу. Глубоко вздохнула, успокаиваясь, и наполнила шприц.

В это время раздался протяжный стон. Нижегородский с Никифоровым вздрогнули и уставились на Зою. Стон исходил от неё.

— Что с ней? — хриплым до неузнаваемости голосом проговорил Никифоров, отступая к двери.

— Господи, да она же оживает! — прокричал Нижегородский и шагнул к Зое, чтобы подхватить выпадающую из её рук икону. Как только икона оказалась в руках Нижегородского, Зоя рухнула на пол.

— Валя, — крикнул Нижегородский медсестре, — давай сюда ребят с носилками.

Профессор быстро открыл свой саквояж и достал оттуда контейнер со шприцами.

Заседание партийной областной конференции подходило к концу, протокол был весь исполнен. К столу президиума буквально на цыпочках из глубины сцены пробрался заведующий отделом религиозных культов Алексин и стал шептать что-то на ухо Темникову. Третий секретарь выслушал его и покровительственно кивнул головой, отпуская Алексина. Затем он стал что-то строчить на бумаге. Исписанный листок Темников положил перед первым секретарём. Ефремов прочитал и одобрительно хмыкнул.

В завершении заседания Ефремов вышел к трибуне:

— Товарищи, есть и ещё один вопрос, который волнует некоторых делегатов нашей конференции. В городе Куйбышеве широко распространены слухи о происшедшем якобы чуде на Чкаловской улице. Записок по этому поводу штук двадцать. — Ефремов сделал внушительную паузу. — Да, произошло такое чудо, позорное для нас, коммунистов, руководителей партийных органов. — Первый секретарь строгим взглядом обвёл притихший зал и продолжил. — Какая-то старушка шла и сказала: “Вот в этом доме танцевала молодёжь. Одна охальница стала танцевать с иконой и окаменела”. После этого и стали говорить: “Окаменела, одеревенела...” И пошло... Начал собираться народ, потому что неумно поступили руководители милицеских органов. Видно, и ещё кто-то приложил к этому руку. Тут же выставили милицеский пост, а где милиция, туда и глаза. Мало оказалось милиции, так как народ всё прибывал, выставили конную милицию, а народ, раз так, — все туда. Некоторые даже додумались до того, что вносили предложение послать туда попов для ликвидации этого позорного явления. А по существу это самая настоящая глупость, никаких танцев, никаких вечеринок в этом доме не было, живёт там старуха... К сожалению, наши органы милиции здесь не сработали и не выяснили, кто распространил эти слухи. Бюро обкома рекомендовало виновников строго наказать, а товарищу Страхову, редактору “Волжской коммуны”, дать разъясняющий материал в газету в виде фельетона. Кстати, товарищи, бюро обкома уже дало указание снять все наряды и посты, убрать охрану — нечего там охранять! Как только убрали наряды и посты, так народ и стал рассеиваться. Сейчас, как мне докладывали, почти никого нет.

Элеонора Станиславовна Мышинская, доцент кафедры криминальной судмедэкспертизы Куйбышевского медицинского института, нервно ходила из угла в угол по своей просторной гостиной. Круглый стол, покрытый бело-

снежной скатертью, был сервирован на двоих. Она ждала в гости своего одноклассника по Московскому университету профессора Нижегородского. Тот опаздывал уже более чем на час.

— Это просто выходит из всех рамок приличия. — Мышинская остановилась перед зеркалом и нервно поправила причёску. — Всё, ждать больше не буду...” В это время в прихожей раздался звонок, и Мышинская тут же села в кресло, взяв в руки книгу. Раскрыв её наугад, она сделала вид, что углубилась в чтение, но сама с бьющимся сердцем прислушивалась к звукам из прихожей, где домработница Глаша встречала гостя.

Наконец, двойные двери гостиной распахнулись, и на пороге, смущённо улыбаясь, возник Нижегородский с букетом цветов в одной руке и бутылкой шампанского в другой. Мышинская, не вставая с кресла, демонстративно отвернулась и холодно проговорила:

— Это в Москве так принято опаздывать — аж на полтора часа?

— Алина, дорогая, ну, не сердись, пожалуйста. Уверен, что, когда услышишь объяснения причины моего опоздания, простишь сразу. Пока скажу коротко: наша пациентка вышла из состояния, если так можно выразиться, паралича, и я был вынужден срочно проводить реабилитацию всех функций жизнедеятельности её организма. Потому и опоздал.

Он поставил шампанское на стол, а Мышинская, отложив книгу, поднялась с кресла ему навстречу.

— Игорь, ты полностью оправдан, — взволнованно сказала она, принимая букет из рук Нижегородского. Демонстративно вдыхая аромат роз, она кокетливо проворковала:

— Оправдан, но ещё не прощён.

— Как это не прощён? — подхватил игру Нижегородский. — И чем же мне прикажете заслужить прощение?

— Целуй, — Мышинская коснулась указательным пальцем своей щеки.

Нижегородский не ограничился одной щекой, но поцеловал и вторую.

— Если таким образом заслуживают прощение, то я готов всегда быть пред тобою виноватым.

Оба довольно засмеялись.

— Присядем к столу, — предложила, всё ещё смеясь, хозяйка, — и я с нетерпением жду двух вещей: когда ты разольёшь по бокалам вино и когда подробно мне всё расскажешь.

— Ничего не утаю.

Отпив вина, они принялись за ужин. Мышинская почти ничего не ела, а, пригубивая маленькими глотками вино, с загадочной улыбкой смотрела на Нижегородского. Тот с удовольствием, не торопясь, ел и так же, не торопясь, рассказывал. Когда он дошёл до того момента, как стали рубить пол и пошла кровь, Мышинская не выдержала и удивлённо воскликнула:

— Этого же не может быть! Наверное, кровь текла с самой девушки и попадала на пол и топор.

— Нет, я всё проверил. Невероятно, но факт: кровь сочилась из пола.

— На анализ взяли?

— Обижаетесь, Алина! Всё собрал. Мы, кстати, даже доски выпилили, чтобы отвезти на экспертизу. Так что завтра у тебя в лаборатории работы будет много.

— А что с самой Зоей?

— Мы сделали всё, что могли, но ситуация остаётся тяжёлой. Сейчас она пребывает в коматозном состоянии. Инъекции глюкозы, искусственная вентиляция лёгких, — словом, мы сделали всё, что в этом случае полагается, но полной уверенности, что она доживёт до утра, у меня нет. Это прискорбно, ведь для моих научных исследований важно знать, что сама девушка ощущала во время этого так называемого “стояния”. Да, кстати, я принёс ту самую икону, что она держала в руках.

Нижегородский встал и, выйдя в прихожую, вскоре вернулся с завернутой в полотенце иконой. Он развернул полотенце и поставил икону на комод.

— Вот она, виновница всех этих удивительных метаморфоз, ещё неизвестных науке.

— Что я слышу! — засмеялась Мышинская. — Учёный человек, убеждённый атеист — и верит в чудеса! Это невероятно! Надеюсь, это просто шутка. И зачем ты принёс сюда эту икону?

— Убеждённым атеистом я быть не перестал. Но вот насчёт того, что я пошутил, тут ты, Алина, ошибаешься. Я действительно считаю, что икона сыграла определённую роль, но не мистическую, а вполне материалистическую.

— Что и говорить, — развела руками Мишинская, — умеешь ты, Игорь, заинтриговать. Давай, выкладывай, хватит испытывать женское любопытство.

Нижегородский встал с кресла и прошёлся по комнате.

— Не тебе мне объяснять, дорогая Алина, что для врача первостепенная задача — установление правильного диагноза, тогда можно приступать к лечению.

— Ты мне ещё, дорогой профессор, прочитай лекцию для первокурсников медицинского института.

— Прости, Алина, мне так проще подойти к самой сути. Поэтому я скажу ещё одну банальность. Для меня как врача не только важно правильно выявить диагноз, но и увидеть причины, которые привели к болезни. Как ты прекрасно знаешь, самое эффективное лечение — это устранение причин болезни. К чему я всё это говорю? А к тому, что для меня уже в первые дни моего исследования был ясен диагноз: общая спазма мышечных тканей, притом не всех. Например, внутренние мышечные ткани функционировали. Сердце работало, значит, шло кровообращение. Глаза видели, поскольку зрачки реагировали на свет. Слух также функционировал — я исследовал барабанные перепонки. Если в истории медицины не зафиксировано случая такого обширного спазма мышц, это совсем не значит, что подобного никогда не случалось в природе. Просто это очень редкое явление. Вот и всё.

Исходя из вышеизложенного, я поставил перед собою задачу: установить причину, приведшую к подобной спазме мышц. Согласно медицинской карте Зои Карнауховой, у неё не было серьёзных заболеваний, если не считать пневмонии в раннем младенчестве. Изучив досконально все самые незначительные детали случившегося в ту ночь, я выстроил следующую рабочую гипотезу. Первый фактор — это то, что девушка находилась в большом эмоциональном напряжении, так как на вечеринку не пришёл её любимый парень. Когда наступила кульминация этого психологического напряжения, она и схватила икону. Это было жест отчаяния. Но поскольку девушка росла в семье религиозной — её мать фанатично верующая, — то к её эмоциональному напряжению добавился страх перед высшими силами. Подсознательное ожидание наказания от потусторонних сил. Это второй фактор. Третий фактор — это икона. Надо заметить, что икона под стеклом, и на самой иконе — медная риза... Во время танца с иконой в руках в доме произошло короткое замыкание. Лампочка, вспыхнув необыкновенно ярко, погасла. Но эта вспышка отразилась от стекла и оклада, кстати, начищенного до блеска. Вспыхнувшая ярким светом икона сыграла роль детонатора для взрыва всех накопившихся эмоций. Подсознательный религиозный страх усилил этот эффект, вызвав фантастические галлюцинации в мозгу бедной девушки. Что представилось её воображению, пока можно только гадать. Но, по всей видимости, эта была очень страшная картина. Всё вместе это имело такое сильное воздействие на психику и весь организм девушки, что привело к общей спазме мышц. И вот тут наступает пока самое необъяснимое явление — диффузия. Ты помнишь нашумевшую статью австрийского врача Вильгельма Райха о биоэнергии человека, соединяющей его со всем природным миром?

— Да, что-то слышала. Западные исследователи говорят ещё и о биополе человека. Но это мне кажется мистификацией.

— Я тоже относился скептически к этому направлению в науке, но сейчас, под давлением фактов, готов поменять свои взгляды. Если девушка выживет, я хочу забрать её в Москву для исследования этого необычного феномена природы. Под это дело можно целый научно-исследовательский институт организовать.

— И, конечно, этот институт возглавишь ты, — засмеялась Мышинская, — а мы здесь, в провинции будем прозябать.

— Зачем прозябать? Если пожелаешь, то можешь тоже переехать в Москву.

— В качестве кого?

Нижегородский нервно откашлялся и, поправив галстук, чуть охрипшим голосом сказал:

— Алина, ты знаешь, что я испытывал к тебе в студенческие годы. Сейчас, когда прошло столько лет, эта неожиданная встреча словно воскресила во мне юношеские чувства. Нет, пожалуй, сейчас это глубже... Это как доброе вино, которое с годами становится ещё крепче, ещё ароматней... Не знаю, что ещё сказать, но если тебе не безразличны мои чувства, если ты сама... Ну, словом, ты меня понимаешь... Я не смею надеяться, но был бы рад... нет, был бы счастлив, чтобы ты поехала в Москву в качестве моей супруги.

— А ты, оказывается, романтик и, знаешь... — в глазах женщины блеснули слёзы. Чтобы не потекла тушь, она стала кончиком салфетки промокать глаза. Но слёзы продолжали струиться. — А, да всё равно! — Мышинская отбросила салфетку и взяла бокал с вином. — Давай выпьем и забудем всё, что было прежде... Пусть теперь всё будет по-другому. Мне хочется жить, мне хочется любить, даже несмотря на свои сорок пять...

— Сорок пять, сорок пять — баба ягодка опять, — Нижегородский озорно подмигнул, чокаясь своим бокалом с Мышинской.

— Фу, как грубо, — засмеялась Мышинская, отпивая вино из бокала. — Давай танцевать, сегодня наш праздник.

Она поставила на патефон пластинку. Нижегородский галантно взял её под руку и вывел на середину залы. После танца они снова выпили. Мышинская вновь поставила пластинку.

— Дамы приглашают кавалеров, — объявила она и, смеясь, протянула руки.

— Милая, пощади, я сегодня устал, — взмолился Нижегородский.

— Хорошо, хорошо, мой дорогой, сиди, набирайся сил, они тебе ещё пригодятся, — при этих словах Мышинская счастливо засмеялась и крутанулась на одном месте. Остановившись, пьяно качнулась, ухватившись руками за комод. Её взгляд упал на икону святителя Николая.

— А вот сейчас мы проведём научный эксперимент, — игриво сказала она, беря в руки икону. — Я буду танцевать с этой иконой, и ничего не случится, потому что Бога нет.

— Алина! — с нескрываемой тревогой в голосе произнёс Нижегородский. — Зачем это? Оставь, не надо.

Но Мышинская уже закружилась в вальсе с иконой. Она танцевала и смеялась. А когда музыка закончилась, поставила икону на комод и повернулась с победным взором к Нижегородскому.

— Ну что, товарищ профессор, теперь вы убедились, что икона здесь ни при чём? А теперь спать. Потом в Москву, где я буду тебя любить, где я буду о тебе заботиться. О, Игорь! Если бы ты знал, как женщине необходимо о ком-то заботиться, а иначе для чего всё... иначе тоска смертная...

Вечером 20 января Кузьма Петрович вновь заступил на дежурство в зеркальный цех. Выпив крепкого чая, он вышел покурить на крылечко у входа в цех. Сквозь скопившуюся на улице толпу медленно продвигалась машина “скорой помощи”. Милиция открыла ворота, и машина въехала задом во двор прямо к дому Болонкиных. “Что же там случилось? — взволнованно подумал Кузьма Петрович. — Что-нибудь с Зоей? А может, девушка наконец-то ожила? А если с нею что плохое случилось?” “Скорая помощь” простояла недолго, минут двадцать, а затем медленно выехала со двора, но как только миновала толпу, включила сирену и быстро умчалась.

Через некоторое время Кузьма Петрович угостил табачком одного милиционера из оцепления дома и, как бы между прочим, спросил:

— А чего “скорая” приезжала?

— Да говорят, вроде одному нашему сотруднику стало плохо, вот и увезли в больницу. Нам-то начальство ничего толком не сообщает. Даже не знаем, что мы тут охраняем, если в доме никакой девушки с иконой нет. Нам толкуют, что мы оберегаем покой живущих здесь граждан от несознательных элементов. Темнят, наверное. Ну, да это не нашего ума дело.

Разъяснения милиционера не очень успокоили Кузьму Петровича. На улицу он вновь вышел часа через полтора и удивился, что не обнаружил милицейского оцепления. Толпа народа сильно поредела. Петрович закрыл дверь в зеркальный цех и перешёл улицу. Заглянул во двор и увидел, как два парня заколачивают досками окна дома. Кузьма Петрович заковылял к ним. Парни хмуро на него покосились, продолжая работать молотками. Кузьма Петрович подождал, когда они доколотят гвозди, и спросил:

— А хозяева где?

— Сбежали хозяева, — ухмыльнулся один парней, — вот от таких, как ты, любопытных и сбежали, а окна велели заколотить, чтобы кто в дом не забрался.

В цех Кузьма Петрович вернулся ещё более встревоженным. Но не знал, что делать, — ночное дежурство не оставишь. Среди ночи раздался стук в дверь. Кузьма Петрович, сидевший всё время в напряжении, вздрогнул от неожиданности и поспешил к двери.

— Кто там? — срывающимся от волнения голосом спросил он.

— Это мы, Петрович, открывай, — раздался за дверью голос Вадима Болонкина.

Кузьма Петрович тут же распахнул дверь. Перед входом стояли Вадим, Лариса и ещё какой-то худенький мужичок.

— Это Филин, он с нами, — представил мужичка Вадим.

— Заходите, — пригласил Кузьма Петрович, даже и не думая о нарушении инструкции.

Вся троица быстро прошла в цех.

— Что с Зоей? — тут же в нетерпении задал вопрос Кузьма Петрович.

— Погоди, Петрович, мы сами ещё не до конца разобрались, — Вадим без приглашения присел на лавку, — тут непонятки одни. Дом закрыли и окна заколотили. Матери сегодня сказали, что дадут ей пока комнату в коммуналке, а потом квартиру выделят. Я Филина пригласил, они там свой замок повесили, а он мастер по замкам. Как стемнело, мы к дому пробрались, Филин замок открыл.

— Да чего там открывать, фуфло, а не замок, — самодовольно вставил свое слово Филин, — такой замок и ребёнок вскроет.

— Ты, Филин, погоди. Короче, прошли в дом, а там пусто. На месте, где Зоя стояла, доски новые настелены.

— Это что же получается, — охнул Кузьма Петрович, — они её вместе с досками увезли?

— Сегодня всё узнаем. В Пироговке есть больничный корпус с охраной для подследственных. Мы туда маляву отправили, ждём ответа.

В это время на улице кто-то свистнул.

— А вот и ответ, — обрадовался Вадим и кинулся к двери.

Вернулся он, читая на ходу клочок бумаги.

— Там Зоя, лежит в реанимационном отделении под охраной, но не на половине, где уголовники, а где расконвоированные. Это хорошо, там охраняют не сильно. Кстати, там и её мать, в отдельной палате. К дочери её допускают, но только ненадолго. — Вадим задумался. — Надо бы маляву отправить, чтобы Анастасия Егоровна поведала, что там и как. Короче, так, Петрович, если мы что-то узнаем, сразу сообщим. Ты до какого часа дежуришь?

— Утром в восемь, как смена рабочая придёт, я свободен.

— Если до утра не придём, то жди дома.

Вадим пришёл к зеркальному цеху утром, когда Кузьма Петрович уже сдавал ночное дежурство. Они вместе пошли к трамвайной остановке. Вадим был явно в возбуждённом состоянии.

— Так вот, Петрович, — говорил он на ходу. — Мать сообщает, что дочь очень слаба, но её собираются везти в Москву для научных опытов.

— Это что, как кролика какого? — возмутился Кузьма Петрович.

— Я не знаю, что там за опыты, но матери профессор сказал, что её тоже возьмут с собою, и будут они жить в санаторных условиях. Мать очень боится и считает, что, если Зою оттуда не забрать, она умрёт. Короче, Анастасия Егоровна умоляет вывезти их оттуда хоть как-нибудь. Вот мы и решили их оттуда выкрасть, чего бы это ни стоило. Ты как, Петрович, в деле с нами?

Кузьма Петрович остановился. Глаза его блестели от влаги, но смотрели уже с каким-то хищным прищуром.

— Я, сынок, бывший полковой разведчик. Пусть калека, но за такое дело готов душу положить. Предлагаю и моего друга, Михеича, подключить к проведению операции. Он сегодня на своей кляче молоко, сметану и прочую ерунду в город привозит. Кстати, и в Пироговку, в детское отделение тоже.

— Вот это здорово, транспорт нам будет очень кстати. Теперь надо решить, где Зою будем прятать.

— А чего тут решать? Лучше, чем в Рождествено у Михеича, места не найдёшь. Там у нас и фельдшер есть, его дочка. А потом, как утихнет всё, я их с матерью увезу к себе на родину в Алтайский край. Там у меня родная сестра живёт. Эх, знал бы ты, какая там красотища! Горы, озёра, леса. А рыбы-то, грибов, ягод — ну, всего в изобилии. Проживём.

— А можно нам с Лариской тоже к вам на Алтай? — тихо проговорил Вадим и опустил голову. — Я ведь того, решил с прошлым завязать окончательно. Так что на последнее дело иду. Может, оно мне как раз Богом за грехи-то и зачтётся, как мыслишь, Петрович?

— Не знаю, что там зачтётся, что не зачтётся, но грехи надо делами искупать, тут я согласен. А на Алтае места всем хватит, не сомневайся.

— Тогда мы с Филиным ждём вас здесь. Как прибудете, сани разгрузите, так и начнём действовать. Кое-какой план у меня у есть.

В четыре часа дня Кузьма Петрович вместе со своим товарищем Демьяном Михеичем были уже на территории городской больницы имени Пирогова. Только успели разгрузить сани у детского больничного корпуса, как к ним подошёл Вадим. Он был в строгом костюме и при галстукке, так что Кузьма Петрович его сразу и не признал.

— Ты чего так вырядился? — удивлённо спросил он.

— Вопросы здесь буду задавать я, гражданин Сапожников, — при этом Вадим сунул под нос совсем ошарашенному Кузьме Петровичу удостоверение. Тот успел прочесть: “Комитет Государственной Безопасности, лейтенант Козырев...” — дальше было закрыто пальцем Вадима.

— Это откуда?

— Ловкость рук и никакого мошенства, — сказал довольный произведённым эффектом Вадим и убрал удостоверение в карман.

В Пироговке профессора Нижегородского ждал неприятный сюрприз: бесследно исчезла его необычная пациентка. Расстроенный профессор тут же стал звонить капитану Плетнёву. Тот примчался через десять минут и начал расследование. Охранник не мог толком описать внешность лейтенанта госбезопасности и даже назвать его фамилию. На проходной обнаружили в журнале запись о проходе на режимный объект младшего лейтенанта Козырева. Тот был дома, на больничном, приходил в себя после стресса, полученного двадцатого января на Чкаловской.

Плетнёв срочно выехал к нему. Козырев клятвенно заверял, что никуда из дома не выходил, а когда капитан попросил показать удостоверение, то младший лейтенант так и не нашёл его, отчего впал в ещё большую депрессию.

Теперь всё для Плетнёва сложилось в логическую цепочку. У лейтенанта украли из кармана удостоверение и, воспользовавшись им, проникли

в больничный корпус, где находилась Карнаухова Зоя. Затем с помощью расконвоированного Каменева по кличке Валет и ещё одного неизвестного вынесли девушку через хозблок. Плетнёв был на сто процентов уверен, что всё это проделал Умник. “Вот ведь, шельма, ловок!” — ухмыльнулся капитан и пошёл на доклад к полковнику Панину.

Тот выслушал доклад спокойно и сказал, довольно потирая руки:

— Если бы знать, что так будет, надо было помочь твоему Умнику.

Плетнёв с удивлением посмотрел на своего начальника.

— Да, да, капитан, не удивляйся. В этом деле пострадал только профессор. Он лишился своей подопытной. А нам теперь легче. Не надо на совесть свою ничего брать, на ней и так всего много. Рассуди сам. Куда прикажешь девать эту Зою и её мамашу? Судить-то их по закону не за что. А теперь они сбежали и чувствуют себя преступниками, которые вынуждены скрываться. Значит, забьются в какую-нибудь норку и будут молчать. Опять же этот твой Умник в воровской компании появиться не может — там он сразу засветится. А ведь он один из главных свидетелей этого так называемого чуда, да ещё его подруга Лариса, которая исчезла вместе с ним. Они тоже будут скрываться и молчать. Нам того и надо. Пусть всю жизнь оберегаются и молчат. Сверху нам дано указание всё дело о “стоянии” ликвидировать, как будто его и не было вовсе. Так что давай свою папочку сюда.

Капитан всё ещё в растерянности подал Панину папку. Несмотря на центральное отопление, у начальника отдела была в кабинете печка-голландка. Он подошёл к ней, отодвинул заслонку дымохода и открыл старинную чугунную дверцу.

АЛЕКСАНДР ТИХОНОВ

НАД ГУСТЫМ ПЕСТРОТРАВЬЕМ...

* * *

Юрию, в Луганск, с пожеланием мира!

В огне войны, бессмысленной и жуткой,
Забыт на лавке плюшевый медведь.
Средь беженцев малыш вопит: “Мишутка!..”
Вернуться хочет, но кричат: “Не смей!”

Всё дальше цокот маленьких сандалий.
К машине, до границы, а потом...
Когда-то так же Припять покидали,
Чтоб не вернуться никогда в свой дом.

Прочь от войны, что вдалеке грохочет,
Сбивая с веток жухлых листьев ржу.
И кажется, медведь воскликнуть хочет:
“Бегите, люди! Я их задержу”.

ТИХОНОВ Александр Александрович родился в 1990 году в посёлке Большеречье Омской области. Стихи и проза публиковались в различных изданиях Москвы, Санкт-Петербурга, Самары и других городов. Лауреат Всероссийского литературного фестиваля-конкурса “Хрустальный родник” (Орёл, 2015). За дебютную книгу стихов “Облачный парус” (Омск, 2014) удостоен звания лауреата Всероссийской литературной премии имени М. Ю. Лермонтова (2015) и Региональной литературной премии имени Ф. М. Достоевского (Омск, 2015). Живёт в г. Тара.

А тот малыш спасён. На белом свете
Случаются порою чудеса.
Когда-нибудь он в рацию ответит:
“Внимание, гражданских не бросать...”

* * *

Дети возвращаются домой.
Повзрослев, набив немало шишек.
Тихий материнский шёпот слышен —
Их совсем немного по прямой...
Дети возвращаются домой.

Оставляют где-то за плечами
Горести былые и печали,
Братьев, что пока ещё в начале
Долгого и трудного пути.

Чтоб до дома óтчего дойти,
Нужно прежде к берегу причалить,
Где из мутной, межевой воды,
Копотью испачканы, разбиты,
Словно то старухино корыто,
Скалятся сожжённые мосты.

* * *

Люди без Родины. Куртки — с чужого плеча.
Преданы, проданы. Впору рыдать и кричать.
Можете тешиться мыслью, мол, “нам не грозит”.
Тысячи беженцев мрачно идут по Руси

От накрывающей “ридну Украину” тьмы.
Вздروгни же, знаючи: это могли быть и мы.
Тяжко и горестно песни казачьи поют.
Где с нашей гордостью нам бы нашёлся приют?

К детскому лагерю где-то в сибирской глуши
“Пазик” залатанный узкой грунтовой шуршит.
Плещет за окнами ясная звёздная высь.
Все разом вздрогнули...
— Здравствуйте! Как добрались?

* * *

Из густого тумана мечеть поднялась в полный рост,
В полумесяце шпиля затеплились блики рассвета.
Эти первые всполохи, словно ответ на вопрос,
Долго ль ночь коротать, долго ль слушать стенания ветра?

Вдалеке, на холме, белокаменный высится храм,
Устремивший кресты в небеса золотыми ключами.
Это он отмыкает над Тарой зарю по утрам.
Это в нём одиноко окошко мерцает ночами.

А меж ними мой город — обитель добра и греха,
Тьмы и света, легенд и холодных, бессмысленных будней.

Древний город, в котором так тесно мечтам и стихам,
Но усталым сердцам с каждым днём всё родней и уютней.

Отражение сущего, маленький ветхий мирок.
Тучи низко плывут, закричи — в небесах будет слышно!
Муэдзина с балкона мечети услышит пророк...
Колокольные звоны с рассветом услышит Всевышний...

Сколько вер и культур. Каждый житель находит своё
В этом малом мирке, что бывает то буен, то кроток.
Одинаково тёплое к каждому, солнце встаёт
Над густым пестротравьем из разных, но дружных народов.

АЛЕКСЕЙ ИВАНТЕР

ГОРИТ ПШЕНИЦА У СЕЛА...

* * *

Горит пшеница у села,
горит пшеница,
гудят, звонят колокола
вблизи границы.
Не девять жизней у бойца —
в крови тряпица,
и нет на матери лица...
Горит пшеница.
Пришла пехота до села
набрать водицы,
плохие, граждане, дела —
горит пшеница.
Тут кто за славу, кто за честь,
кто поневоле,
а колосков считать — не счесть
в горящем поле.
Луганский пепел и песок
застрял в зенице,
расчёты целятся в лесок,
но жгут пшеницу.
Из-под колёс, из-под копыт,

ИВАНТЕР Алексей Ильич родился в 1961 году в Москве. Учился в МГПИ им. В. И. Ленина. Работал в геологических экспедициях на Дальнем Востоке. Во второй половине 1980-х и первой половине 1990-х — директор издательства "Постскриптум". Дальнейшая судьба долгое время была связана с самолётостроением. Постоянный автор и член редколлегии журнала "Сибирские огни".

из тьмы троянской,
из века в век она горит
в груди крестьянской.
Крестьянам сеять и пахать,
растить, чтоб крепла,
солдатам жечь и отряхать
берцы от пепла.
Лежать нам вместе осередь,
где лес и реки...
А ей пылать, пылать-гореть —
веков во веки...

* * *

Встала из дубовой домовины —
Никому, старуха, не нужна...
Липовой ногой до Украины
Стучает гражданская война.
Хр́мая, а выкинет коленца,
Спляшет казакам и морякам,
Русским ополченцам и чеченцам,
Западэнцам, вдовам, старикам.
Сирая, идёт по полю боя —
Маловато полюшко по ней...
Стукнет деревянною ногою:
— Ну-ка, дать тачанку да коней!
Русская она наполовину,
На другую — липова она.
Покряхтит да ляжет в домовину
Старая гражданская война.
Крышку деревянную надвинет,
Снова одинёшенька-одна...
На войне ни крови, ни вины нет,
На войне какая уж вина...

* * *

Помню я: фуражные подводы, дебаркадер, праздничный народ,
Корчева, ушедшая под воду, смотрит на меня из чёрных вод...
Вязкий жар размякшего металла, напряженье самолётных крыл...
Лучше помню: бабочка летала, паучок свой невод мастерил.
А ещё я помню: у сарая однорукый Осип говорил,
что земля литовская сырая у лесных шевелится могил,
что едим мы хлеб на дармовщину, зажрались и потеряли страх,
одного оставили мужчину на пяти окрестных хуторах.
Ловко левой зашивая брюки, мокрым кашлем надрывал нутро,
и доил корову однорукый в жестяное мятое ведро.
Что-то жизни снится мне начало, во первых является строках.
Как страна великая звучала! Как качала шкета на руках!

* * *

Если долго ехать за грибами
через перелески-пустыри,
родина железными зубами
улыбнётся около Твери.
Старые вагоны прицепные

по моей мотаются земле —
зубы несносимые стальные,
в трещинах ладони на столе.
А на юге — зубы золотые,
а в столицах — белые, как мел.
Ближе мне железные, простые,
техник что поставил, как умел.
Маковки на храмах золотые,
голубые маковки взакрут...
Тут меня положат под святыми,
за меня кирнут, меня ругнут.
Жили здесь мы, сталкивались лбами...
Сетуя, любя или гнобя...
Родина железными зубами
держит, не пускает от себя.

* * *

Старуху с банками в кошёлках, дедка с ведёрком чеснока
и парня в лагерных наколках несёт великая река.
Дымит паром, дедок шуткует, мотает бакены волной,
“КамАЗ” на пристани паркуют напротив бочки нефтяной.
И пахнет дымом и солярккой, и рыбу чистит на лотке
по виду старая доярка в посадском хлопковом платке...
На чёрном фоне или белом, в любом проведанном краю
углём кузнецким, курским мелом рисую родину мою...
Но у дощатого причала в краю мочала и кайла
она сама меня стачала, сковала, в воске отлила.
Причал. Тут пьют и расстаются, сидят до вязкой темноты...
И всё никак не удаются неуловимые черты.

* * *

Ни отца не жалко, ни Россию —
батя мёртв, а родина жива,
и трава над тёщей Евдокией
зелена, душиста, тылова.
Через рвы на торфоразработках,
трудфронты, подёнщину, барак —
в подработках и переработках,
с меленькой картошки на бурак
жизнь прошла, как будто не бывало,
как по лугу чиркнула коса.
Над собою вижу покрывало —
Евдокия держит в небесах.

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ

ИБО НЕ ВЕДАЮТ, ЧТО ТВОРЯТ

РАССКАЗ

В Чистый четверг на Страстной неделе на деревне никто не работал, все прибирались по дому, топили бани, а в огородах мужики и бабы жгли ботву. Ребятишки весело ворошили костры длинными палками, из-за чего снопы искр, как фейерверк, взлетали в воздух и к великой радости детей кружили в сумерках.

Сергей Звягин, студент четвёртого курса исторического факультета Тюменского государственного университета, в хорошем настроении шёл привычной дорогой, вдоль ограждённых штaketником палисадников, жадно вдыхал свежий воздух, сладко пахнувший дымком и сыростью талого снега, думал о Христе, мысленно повторяя Его подвиг. “Вот в такой же весенний месяц в Иерусалиме было холодно, — думал он, — как и сейчас, люди грелись у костра. А где-то недалеко, в претории, пытали Христа, издевались над Ним, мучили, надевали терновый венец на голову. Все ученики, кроме Петра, разбежались и оставили на истязание властям Мессию. Какую жертвенную Любовь к людям должен был испытывать Сын Человеческий, добровольно отдавая себя на распятие?! Какая нравственная сила! Какая Любовь к Истине и ко всему живому?!” И от подобных мыслей на душе у Сергея устанавливалась та благодать Божья, какую обещал ученикам Христос.

“Нет выше подвига на земле, если кто положит душу свою за други своя”, — и он зримо видел подвиг Иисуса Христа, который ради него и ему подобных шёл на Голгофу.

ЩЕРБАКОВ Александр Александрович родился в Казахстане. После службы в армии уехал на Север. Двадцать лет работал в экспедициях — полевых геологических партиях сейсморазведки. Публиковался в периодических изданиях, журналах “Москва”, “Наши современники”. В 2002 году вышла книга “Короткие рассказы”.

Сумерки уже синели, и, проходя мимо изгороди дома Петра Слепченко, он услышал весёлые звуки гармони, под которые почти мужским, прокуреным басом Тамара Волобуева выкрикивала похабную частушку: “Ехал на ярмарку Ванька холуй...” Сергею стало неловко, что в такой день на Страстной неделе оскверняется воздух, и в деревенской жизни к грехам, совершённым отцами и дедами, добавляется это сквернословие. И как человек нравственный, сознательно принявший крещение, отчаянный и смелый, он, вежливо погучавшись, вошёл в избу.

— Здорово живёте, селяне! — произнёс он, закрывая за собой дверь.

Вместе с гармонью умолкли сидящие за столом гости и обернулись на голос Сергея с недовольным выражением лиц.

— Учёный пришёл! Вот те нате, а мы-то и не ждали, — сказал гармонист Гришка Ерохин.

— Ну, ждал ты меня или не ждал, об этом мы поговорим отдельно в другом месте, — жёстко одёрнул его Сергей. — А ты, Петро, не в тот день гульбу затеял. Слыханное ль дело, чтобы православный в Страстную неделю сквернословил и гульбища устраивал? Церковь вон стоит, — Сергей показал рукой в сторону недавно восстановленного храма. — Перед Великим постом всей деревней, всем миром приняли покаяние, чтобы очистить от скверны воздух греховный в нашем селе. А ты опять грехи собираешь...

— Ох-ох-ох, Иисусик Христосик ещё один выискался, — сказала бойкая Тамара и, жадно затянувшись сигаретой, выдохнула облако дыма в сторону неожиданного гостя. — Старухи сказывали, что прадед твой первым комиссаром на деревне был, церковь развалил и всех верующих на Соловки сослал. А попа с попадией в сани запряг и всю ночь на них ездил. А опосля, их, сердешных, донага раздел и ледяной водой поливал. Так они, горемычные, наутро и околели. Неча было прадеду твоему отымать у народа эту веру силой! Оно и, глядишь, праведного люда больше было бы, да и посовестливее нынешнего. Интересное дельце у вас, у Звягиных, получатся. Прадед за веру убивал, в тюрьмах народ гноил, учения антихристовы насаждал, а правнук веру теперь возрождает! Чё эт у вас, семейный подряд али как? — спросила она с ехидцей.

Послышался смех и пьяные одобряющие голоса гостей: “Молодец, отбрила”, “Правильно, Томка, так его”, “Ишь, праведник...”

Он слышал эти кривотолки о прадеде и прежде, но никогда они так больно и прямо не задевали его сердце.

— Врёшь ты всё! — выкрикнул он отчаянно.

— Это я-то вру!? — возмутилась Тамара. — Петро, скажи! Да скажи ты ему, не таись, — толкала она в плечо склонившего к столу голову хозяйина дома.

— А что и говорить? Кто прошлое помянет, тому глаз вон! — вдруг грозно обвёл взглядом Петро сидящих за столом. — Поизмывались над народом и красные, и белые, и Ленины, и Сталины, и Брежневы, и Ельцины! А Бог как был Един, так Единым и остался, милосердным и праведным. А что веру прогнали и дел антихристовых натворили, так за то и спросится с каждого на том свете! Ох, как спросится! Ты уж не сердчай на нас, учёная твоя голова. Правильно ты разумеешь. Негоже православному в Страстную неделю бражничать и песни похабные петь. Только ничто уж в строгости нами не соблюдается, и нет в сердцах прежней веры, какая у дедов и отцов наших была.

— Петро, ты слышал, что она о прадеде моём!.. Врёт иль нет? Говори, без утайки, как оно есть! — и на скулах студента заиграли желваки.

— Гневаться в Страстную неделю тоже грех великий, — заметил с укором Петро. — Мой прадед у твоего помощником был, так мой твоего и не лучше.

У Сергея забилось сердце, и всё перепуталось в голове. Он что-то хотел крикнуть, возразить, отстоять свою правоту, но только сказал тихо и виновато:

— И так довольно согрешений на деревне. Не прибавляйте грехов к делам отцов наших. Не то скоро дышать будет нечем, — куда ни повернись, везде скверна... — и он медленно вышел, не попрощавшись.

Уже стемнело. На небе ярко мерцали крупные звёзды. Весенний воздух был по-прежнему бодрящим и свежим, но в душе уже не было прежнего чувства умиления и благодати. Он шёл медленно, размышляя о жизни своих предков, которые натворили в мире столько зла! И, чтобы исправить их грехи, ему теперь надо будет сделать втрое больше доброго для людей. И от этих мыслей хотелось плакать: “Сколько в мире лживого, злого! — думал он, проходя мимо церковной ограды. — Не мог же мой прадед знать, что творит неправду, не мог!” — отчаянно оправдывал он своего предка. Но внутри у Сергея что-то протестовало, говорило о великом сотворённом зле и правоте слов Тамары Волобуевой. И он вспомнил, как в детстве любил издеваться над бабушкой, как с ватагой босоногих мальчуганов они смеялись над верующими и кривлялись им вслед, когда небольшая горстка старушек с хоругвями и иконами шла через всю деревню к роднику просить Бога о дожде и урожае в засушливый год. И проливной дождь, с громом и молниями, пришёл на следующий день утром и орошал окрестные поля до полудня. Потом бабушка долго благодарила Бога, стоя на коленях перед иконой в передней комнате.

— Бабушка, смотри, лоб не разбей, — сказал Сергей, забегаая в переднюю, чтобы взять модель аэроплана, которую он тогда склеил в школьном кружке “Юный авиатор”.

Но бабушка продолжала молиться, не обращая на него внимания. И у Сергея, неизвестно откуда, появилось неудержимое чувство злобы. Он взял в левую руку аэроплан, а правой рукой специально потянул с края комода нижний журнал, и огромная стопка толстых книг и журналов с грохотом полетела на пол. Но ни один мускул не дрогнул на лице бабушки, — она продолжала молиться. И от этого злость у Сергея только усилилась. Ему тогда хотелось изо всей силы толкнуть её, ударить, закричать, только бы помешать ей молиться. И он, не зная, что предпринять от злости, включил радиолу на полную громкость. Оглушительно зазвенела музыка, весело заорала певица песню про чёрного кота. И тут же Сергей получил подзатыльник от матери, которая подошла к нему незаметно и неожиданно сзади. Она выдернула шнур из розетки и, крепко схватив сына за ухо, увела его на кухню и поставила в угол. “Но как радовалась в злобе душа, когда падали книги и орала радиола! — вспоминал он. — Как ликовала и торжествовала злость в маленьком сердечке!” Он тогда не знал, откуда приходит чувство зла и как оно управляет человеком, затмевая рассудок. Должно быть, прадед испытывал те же чувства, когда разрушал храмы и ссылал верующих на Соловки, оправдывая себя учениями классово́й борьбы и революцией, а по существу — служением антихристу.

Он не осуждал прадеда, а только, смиренно вздохнув, перекрестился в потёмках, и мысли Сергея потекли во времена, когда, в Иерусалиме, толпа, управляемая злобой, требовала смерти Христа у Понтия Пилата...

Он не заметил, как дошёл до дома и, открыв двери, увидел на кухне сидящую за столом мать. Она склонила голову над раскрытой Библией, внимательно дочитывая предложение, и на стук хлопнувшей двери обернулась не сразу.

У Сергея уже выработалась привычка каждое утро и вечер наугад открывать Библию и читать первое предложение, на которое падал взгляд. И всегда эти прочитанные слова оказывались меткими и нужными в момент начавшегося или прошедшего дня. Но на этот раз он решил довериться матери.

— Мам, прочти мне, что сейчас читала, — попросил он.

— Это Евангелие от Луки, — ласково улыбнулась мать. — Пока ты гулял, сынок, я картошек отварила. Поешь.

— Я не хочу есть. Прочитай, мам.

Она посмотрела на сына с чувством умиления и медленно перевела взгляд на открытую страницу: “И когда пришли на место, называемое Лобное, — начала мать, но вдруг умолкла и, немного подумав, начала читать снова уже громко и с выражением. — И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону. Иисус же говорил: Отче! Не вмени им в вину, ибо не ведают, что творят...”

На последних словах голос матери задрожал, она всхлипнула и, устыдившись своих слёз, отвернула лицо к стене.

Сергею стало неловко, что мать стыдится своих чувств. Он тихо поднялся со стула и ушёл к себе в комнату. Долго в сумерках лежал на кровати, не раздеваясь. “Отче! Не вмени им в вину, ибо не ведают, что творят”, — повторились в мыслях слова из Евангелия. Он представил муки Христа, как ему вбивают гвозди в суставы рук и ног, а Он, от великой Любви к людям, просит Отца Небесного о прощении грехов своим палачам... Ибо не ведают, что творят...

— Учёный, выходи, падла! Ты мне при всех грозил отдельно поговорить! — раздался под окном голос Гришки Ерохина.

Сергей отдернул занавеску и в свете восходящей луны увидел группу толпившихся под окном подростков со штакетинами в руках, во главе с гармонистом.

— Не пуцу! — отчаянно встала мать на пороге с испуганными глазами, готовая заплакать, когда Сергей собрался выходить, надевая телогрейку на плечи. — Хошь что делаёшь, не пуцу!..

— Мам, ради Христа отойди. Не то дом подожгут, — спокойно и тихо сказал Сергей. Последние слова внушительно подействовали на мать, и она нехотя уступила сыну, но часто стала крестить правой рукой воздух, а левой держала его за рукав телогрейки и причитала:

— Серёженька! Сынок, я очень тебя прошу! Ради Бога...

— Мам, не ходи! Все будет хорошо! — успокоил он её и закрыл перед матерью двери, ведущие в сенцы.

На улице подмораживало. Воздух по-прежнему был бодрящим. Гришка Ерохин комиссарил над выпившими подростками, ободряя их, и обернулся на звук хлопнувшей двери.

— Вышла тварь учёная поест дерьмо толчёное, — запел Гришка, растягивая каждое слово на блатной манер, и, храбро занеся над собой штакетину, двинулся на Сергея.

— Не маловато ли народу собрал, воин? — произнёс Сергей сдержанно, с насмешкой.

— Мало не покажется! — злобно огрызнулся Гришка, идя вразвалку к порогу дома. Выпившие подростки стояли в стороне, опершись на штакетины, ожидая развязки.

“Господи! Прости им, ибо не ведают, что творят!” — мысленно произнёс Сергей и пошёл навстречу гармонисту. Как только они сблизились на расстояние метра, Сергей, не дожидаясь удара, резко присел на одну ногу, а вытянутой второй, как клюкой, подсёк гармониста. Гришка, теряя равновесие и падая, выронил штакетину, цепляясь руками за воздух. Сергей в прыжке перехватил штакетину на лету и бросился к подросткам, размахивая трофейным оружием. От неожиданности выпившая ватага тут же кинулась врассыпную, и только топот убегающих ног то здесь, то там подхватывало и разносило гулкое эхо над опустевшей улицей деревни. Сергей уже было повернул вполборота к дому, как жёсткий кулак гармониста ударил его в челюсть и сбил с ног. Гармонист накинудся на Сергея и, сидя на поверженной жертве верхом, дыша перегаром, стал наносить удары в лицо и голову. Но Сергей резким ударом кулака сбил его и, держа за кучерявые волосы голову гармониста, дважды ударил её о землю затылком. Гришка обмяк, Сергей поднял его как мешок с картошкой, перевалил через плечо и вошёл в дом.

— Господи! Господи! Убил! Убил! — голосила мать.

— Мам, не причитай, принеси полотенце, — попросил Сергей, укладывая пленного воина на половике в кухне. Он свернул телогрейку подушкой и подложил ему под голову. Гришка, чуть отлежавшись, открыл глаза и мутным, но уже протрезвевшим взглядом обвёл комнату.

— Это игде я? — спросил он, шевеля окровавленными губами.

— В плену! — жёстко сказал Сергей, не оборачиваясь от умывальника, смывая кровь с лица холодной водой и шмыгая носом. — Если дёрнешься, тварь, раздену догола, вымажу дёгтем и пуцу по деревне!

Гришка понял, что он у врага в доме, и напугался не на шутку. Он знал, что Звягин не только здоров, но что его слово никогда с делом не расходилось. Его с юности прозвали железным Сержем за то, что он колхозному бригадирю ещё в десятом классе ночью надел мешок на голову, туго затянул его шнурком, а потом бедолагу на крыльце собственного дома отходил черенком от лопаты так, что тот пять дён на работу не показывался. А всё из-за того, что бригадир в горячке мать его шлюхой обозвал. “Но тогда-то он неверующим был, — думал гармонист. — А теперь за веру Христову, как фанат, чего доброго и покалечить может! Смотри, как башкой о землю треснул, аж весь хмель из меня вон...”

— Серж, — сдавленно произнёс Гришка виноватым голосом.

— Что? — жёстко спросил Сергей.

— Может, это... я пойду?.. Ну, мало чё про меж мужиков-то, по пьянке, не заладится?

— Иди! Но только запомни, воин! Ещё раз малолеток соберёшь и напоишь — спуску не дам!

— Ишь, развоевался, горлан! Что тебе мой Серёжка сделал? — бойко ввязалась мать, держа полотенце в руке и радуясь в душе за победу сына. — Вот что он тебе сделал, я спрашиваю? — не унималась она.

— Мам, не встревай в мужские дела, — успокаивал её Сергей.

— Как это не встревай? Как не встревай? Он морду тебе расквасил, а я не встревай? Ишь какие синячища под глазами!

Гришка, кряхтя и ойкая, поднялся с полу, держась за разбитый затылок ладонью, и, не отвечая на слова матери Сергея, виновато пожаловался:

— Шибко больно. Болезнее, чем с похмелку, — и тихо направился к выходу.

На всенощную в церкви было много народа, и люди толпились за церковной оградой. Запах ладана, потрескивание горящих восковых свечей у иконостасов, дыхание прихожан должны были создать ту духоту, какая обычно бывает при скоплении народа в помещениях. Но душно не было. Церковь восстановили каменную, просторную и высокую, по образцу, какая была построена казаками ещё до революции на средства и пожертвования прихожан.

И потому церковь в деревне теперь стояла, как оплот, как вызов смутным временам атеизма, как возрождённая духовная крепость России, куда стекался народ на праздники не только со всей деревни, но даже из окрестных сёл и деревень.

“Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым”, — нараспев тянул басом дьяк. И Сергей чувствовал душой Единого Творца, Вседержителя, создавшего невидимой энергией Святого Духа всё живое на земле — от незримых атомов, тупфелек и инфузорий до творящегося в мире добра и зла человеческого.

По окончании службы, после крестного хода, освящения пасхальных куличей и яиц Сергей то ли волей случая, то ли промыслом Божиим столкнулся с Гришкой Ерохиным за церковной оградой, когда все прихожане ликовали, поздравляя друг друга с Воскресением. Гришка подошёл к Сергею первым и виновато сказал, склонив голову:

— Христос Воскрес, Сергей Данилович! Прости мне согрешения мои...

— Воистину Воскрес! — сказал Сергей, — Бог простит! — и как брата, по-христианскому обычаю трижды обнял и поцеловал гармониста...

Солнце пригревало, поднималось над горизонтом, и уже в свежем воздухе висело лёгкое марево над заливным лугом, над просторами вспаханных под зябь полей. А в школьном саду на тополиных ветках, подернутых лёгкой зеленоватой дымкой молодой листвы, весело распевали птицы. Тихий утренний ветерок пасхального Воскресения рябил озёрную гладь воды, приносил с берега крики гусей, крикаясь уток, запах зелёной травы и распутившихся подснежников. И в каждой травинке, в листочке, лепестке цветка, и в каждом дыхании жизни — везде и во всём Сергей чувствовал присутствие Силы, Вездесущей и Животворящей.

ВЛАДИМИР МАСАЛОВ

РОССИЯ — ВЕЧНАЯ СТРАНА...

МАЛАЯ РОДИНА

Из многих, многих тысяч мест
Есть лишь одно родное место,
Как для России крепость Брест,
Как для души — нательный крест, —
Твой край, где проходило детство.

Там для тебя всегда весна,
Там ярче солнце в поднебесье,
Ты там плывёшь по волнам сна,
Там дни ушли во времена,
В дремучий лес сквозь мелколесье.

Там воздух слаще и светлей,
Там радость с грустью вперемежку,
Там яблони из детских дней
Тебя встречают у дверей,
Где ты играл в орла и решку.

МАСАЛОВ Владимир Иванович — поэт, автор 23 сборников стихов, секретарь Правления Союза писателей России, лауреат многих российских и международных премий. Дипломат, Чрезвычайный и Полномочный посол России, работал на дипломатической работе в Бирме, Японии, Англии, Швеции, Уганде и Бангладеш. Один из немногих обладателей ордена Гавриила Державина за плодотворное служение отечественной литературе и творческие достижения. Его книги переведены на шведский, болгарский, испанский и английский языки.

Там руки бабушки твоей...
Она тебе погладит темя
Ладшкой ласковой своей.
Воспоминанья детских дней...
Они забылись лишь на время.
Ты там посеянное семя...

* * *

Старорусская равнина,
Новгородская земля...
То берёза, то осина
Метит ровные поля.

О тебе скажу без лести:
Ты душе моей — бальзам,
Колоколен дальних вести
Слышу сердцем здесь и там.

Богомольная Россия,
Не забыть тебя вовек,
Жизнь вливает в Ильмень синий
Пять десятков малых рек.

Пью тебя, как Ильмень реки,
И душою не напьюсь.
Не напьюсь тобой вовеки,
Очарованная Русь!

* * *

Всё в мире тлен, и кто об этом спорит?
Но есть Россия — вечная страна.
Чего в ней больше — счастья или горя, —
Не знаю, но не вычерпать до дна.

В ней столько тьмы и тихого терпенья,
В ней столько света льётся через край,
И красоты, и вечного горенья,
И чистоты лебяжьих в небе стай.

* * *

“Я так хочу”, — сказала темнота,
Закрыв глаза, и стало в мире тише.
Но почему она меня не слышит,
Но почему её душа пуста?

Она собой живое поглотила,
Обезобразила в саду цветы.
За что она закаты ослепила,
За что она развеяла мечты?

Но знаю: луч отчаянный прорвётся,
Чтоб осенить нас верой с высоты.
Не потому ль душа его смеётся,
Что этот лучик с Господом на “ты”?

РАЗГОВОР...

Где ты, родная? Не выпить ли чаю?
Чаю китайского, хочешь — налью?
И за тебя я себе отвечаю,
И наливаю в чашку твою.
И разговор в тишине потянулся.
Чай подливаю себе. Ты не пьёшь.
Вот уже месяц на небе проснулся,
Только ты чашку свою не берёшь.
В небе всё тихо, вокруг всё безмолвно.
Сверху звезда вдруг во тьму упадёт,
Фары скользят, словно жёлтые волны,
И обжигают смеющийся лёд.
Я рассказал тебе всё про Сегодня.
Что у тебя накопилось за день?
Слышу молчание, будто кто отнял
Голос знакомый, оставив лишь тень.

ВЕРА

Ну что ж, Россия вытянет весь воз,
Хоть ею правят головы лихие.
В конюшнях Авгия был смыт навоз
Одной волной, одной волной стихии.

Один герой, конечно, не народ.
И всё ж один бывает в поле воин.
Он за собой потянет нищий род,
И значит, он из чести с волей скроен.

Ему поверят ближние в тоске,
Им эта жизнь до смерти надоела.
Слова писали в школе на доске,
Что до России жулику нет дела.

А их у нас в болезной развелось,
Как той заразы на нечистом теле.
Застряла в горле у России кость —
Бесчестье с воровством дуэтом спелись.

Ну, где ж конец пирам и сладкой лжи?
Ну, где ж конец в стране головопьянству?
Иль русскому в России уж не жить?
Иль русского опять толкают к рабству?

Ну, нет, постой, заря всегда встаёт,
И в день ненастный прорываясь смело.
Наш кочет — слышишь? — он уже поёт,
Хоть ночь пока что петь и не велела.

Ну что ж, Россия вытянет весь воз,
Свой дух и стать к борьбе сосредоточив.
Она, по сути, — мировая ось
Для всей Планеты нашей, между прочим.

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

ЛЮБИТЬ И ВЕРИТЬ...

* * *

Я думал: умерла война
В том самом сорок пятом годе,
Когда полынь, пьяней вина,
В слезах качалась в огороде.

Я думал: умерла война,
Когда пришёл сосед безногий,
И плакала его жена,
Обняв солдата на пороге.

Я думал: умерла война...
Но вот, с гнилого встав матраса,
Она взглянула из окна
В упор глазами Донбасса.

Я думал: умерла война,
В крови солдатской утонула,
Зарылась в пепел... А она
Всего лишь только отдохнула.

РАЧКОВ Николай Борисович родился в Горьковской области. Там же начинал печататься как поэт. Автор более 10 стихотворных сборников. Ныне живёт в городе Тосно Ленинградской области. Член Союза писателей России.

ЧИТАЯ БИБЛИЮ

1

— Что в Вавилоне?..
— Торгуют, глумятся,
Пляшут, поют, в чужеземье стремятся,
Буйствует знать, торжествуют пороки,
Лживы вожди и продажны пророки,
Души открыты безверью и блуду...

— Я им потворствовать больше не буду.
Я утоплю их в крови и во пепле,
Сделаю так, чтоб оглохли, ослепли,
Чтоб до печёнок их всех прознобило!..

— Господи, это не раз уже было...

— К Небу приближу и храмы построю,
Новую, вечную жизнь им открою,
Дам я им Новое Слово Завета...

— Господи, разве поможет им это?..

2

Осенний ветер в роще колобродит.
Он золото разбрасывать горазд.
Любовь и дружба, жизнь и смерть проходит,
Проходит всё, сказал Экклезиаст.

Пройду, пройдут и радости, и муки,
И красота, и молодость, и труд.
И мы пройдем, не избежим разлуки,
Придут другие, и они пройдут...

* * *

Курган разрыли.
В глубине могильной
Лежит давно истлевшее копье.
Наверно, воин славный был и сильный,
Но вот и он ушёл в небытие.

Ни имени, ни звука...
У природы
Пропорция во всём соблюдена.
Так исчезают целые народы,
В безвестие нисходят племена.

И ныне друг на друга тем же скопом,
Тротил и атом — вот их реквизит...
Курган разроют, а на дне глубоком
Костей — и тех никто не разглядит.

* * *

В глубинах ночных океана
Есть тайный, есть внутренний свет.
В нём жизни, далёкой и странной,
Остался загадочный след.

Там доли и горные глыбы
На мрачном воздвигнуты дне.
Там ходят гигантские рыбы
В своей допотопной броне.

Там звёзды мерцают живые
В холодной, чудовищной мгле.
Там схватки свои, ножевые,
Такие же, как на земле.

Когда наверху урагана
Кипит боевая страда,
Не дрогнет в глуби океана
И не всколыхнётся вода.

В громадном и вечном покое
Подводных немислимых стран
Есть что-то издревле такое,
Чего не отдаст океан...

В АКСАКОВСКОЙ УСАДЬБЕ

Я вижу в днях осенних так много знаков ясных,
Куда б пути-дороги меня ни привели.
В Аксаковской усадьбе в кистях багряно-красных
Рябины, как знамёна, склонились до земли.

И воздух здесь особый, в нём даже привкус винный,
И слышатся иные сквозь время голоса
В Аксаковской усадьбе, в Башкирии былинной,
Где Салават Юлаев взлетел под небеса.

И вспоминаешь чудо простых нетленных строчек
В Аксаковской усадьбе, где капал воск свечей,
Где над рекою Белой, как аленький цветочек,
Цветёт, сияет город — не отвести очей.

В Аксаковской усадьбе под шелест листопада,
Где хороводят листья у барского крыльца,
Поймёшь, как жить в России светло и свято надо,
Чтоб и любить, и верить, как в сказке — до конца.

ВАДИМ ПАНЧЕНКО

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ВЕСНА

Крымская хроника*

7. Борьба за флот

2 марта в 9.30 утра мне позвонил командир первого взвода “Гвардии Севастополя” Стас Лавриненко и сообщил о том, что объявлен общий сбор возле КПП штаба ВМСУ (Военно-морских сил Украины), что расположен у Соловьёвских складов. К тому времени, когда я прибыл на место, здесь уже находились около сотни самооборонцев и обычных горожан. Добровольцы “Гвардии Севастополя” перегородили доступ к проходной. Бойцы “Севастополя без фашизма” выстроились цепью перед воротами штаба. То тут, то там мелькали представители местной и российской прессы. Среди них выделялась могучая фигура специального корреспондента канала “Россия” Аркадия Мамонтова.

– Вчера премьер Крыма объявил о переподчинении себе всех расположенных на территории полуострова силовых структур и воинских частей, – сообщил командир отряда Виктор Мельников. – Штаб ВМСУ воспротивился этому решению. Наша задача – блокирование ворот КПП до тех пор, пока украинские военнослужащие либо признают законную крымскую власть, либо покинут территорию части и отправятся восвояси. Повторяю чёрным по белому: всех выпускать и никого не впускать!

– Кто сейчас у них командующий? Тенюх? – поинтересовался Аркадий Байбуртский.

– Какой Тенюх? У них уже давно Ильин, его Янек назначил, – сообщил Анатолий Пироженко.

– Отнюдь, Ильин неделю назад ушёл на повышение, – веско пояснил Сергей Заградский. – И вообще у них там такая чехарда, что они сами не знают, кто у них командующий.

– Вчера командующим ВМСУ был назначен контр-адмирал Денис Березовский, – прервал спор Мельников. – Сейчас с ним ведутся переговоры.

– Что делать с ним, если обнаружим? И как он выглядит?

– Откуда я знаю? Аркадий, не задавай глупых вопросов! Сказано – ведутся переговоры...

Украинские военнослужащие основательно подготовились к блокаде. Они перегородили въезд в часть бетонными блоками, оборудовали пулемётное гнездо напротив ворот, вывели во двор БТР и установили несколько постов на

---

* Окончание. Начало в №3.

гаражах вдоль периметра. За воротами постоянно маячила пара облачённых в бронезилеты и каски автоматчиков.

В течение первой половины дня несколько украинских офицеров попытались проникнуть в штаб. Однако все их попытки разбились о непреклонность самообороны. В частности, когда капитан первого ранга ВМСУ уверенным шагом направился к проходной, гвардейцы цепью перегородили ему дорогу.

– Как вы смеете? На каком основании? – возмутился каперанг, отталкивая самооборонцев.

– Только не надо горячиться. Нервные клетки, как известно, не восстанавливаются, – миролюбиво заметил Аркадий.

– Пропустите меня немедленно! Я – старший офицер флота!

– Извините, конечно. Я в ваших погонах, ей-богу, ничего не понимаю, – невозмутимо пояснил Илья Шаповаленко, заботливо поправляя офицеру шинель. – Я – человек гражданский. Но вас, пан лейтенант, при всём уважении я в штаб не пропущу.

В полдень неожиданно запахло палёным. И не в фигуральном смысле. Мы огляделись – в воздухе плыли клочки сгоревшей бумаги. Украинские военнослужащие периодически выносили упакованную в мешки документацию и методично сжигали её в урнах.

– Готовятся капитулировать, – небеспочвенно констатировали мы.

Тем временем неизвестные люди в военной форме проникли в трансформаторный пункт, расположенный у КПП на улице Руднева, и обесточили штаб. Действовали “зелёные человечки” деловито, спокойно и быстро, как на занятиях. Сделали дело и исчезли. Через некоторое время приехали специалисты из “Севастопольэнерго”, чтобы вернуть энергоснабжение украинским морякам, но самооборонцы не подпустили их к трансформаторному пункту. Потом сотрудники милиции попытались разобраться в ситуации, но безуспешно.

После полудня появились первые иностранные журналисты. Я сразу обратил внимание на их ангажированность. В отличие от россиян, представителей западной прессы не интересовало мнение самооборонцев, им нужны были ответы, которые укладывались бы в заранее составленные схемы. Интервью они вели таким образом, чтобы обвинить самооборону в нарушении законов и в нападении на мирных украинских военнослужащих. Западные корреспонденты, словно стервятники, кружили вокруг нас и выискивали добычу. На первый взгляд, самый простой выход из ситуации состоял в том, чтобы отогнать назойливых иностранцев. Однако простой путь не всегда является оптимальным. С представителями одной из древнейших профессий лучше действовать хитро. Я решил вспомнить полученный во время стояния под стенами Верховной Рады Украины весной 2007 года опыт общения с прессой и заодно попрактиковать свой английский. Я завязал общение с корреспондентами телеканала *Sky News* и газеты *Toronto National Post*. Понаблюдав за моими действиями, Полковник назначил меня офицером роты по связям с прессой.

Стандартный диалог с представителями западных СМИ выглядел следующим образом:

– Что вы здесь делаете?

– Мы охраняем штаб ВМСУ.

– В штабе находятся военные. Они вооружены и способны сами себя защитить. От кого вы их охраняете?

– Да, в штабе находятся военные. Да, они вооружены. Но, как показали события на Западной Украине, они, к сожалению, не всегда способны себя защитить. За последний месяц мятежниками там были захвачены несколько воинских частей и оружейных складов. Расхищены тысячи единиц огнестрельного оружия. Вот мы и охраняем военнослужащих от провокаторов и бандитов.

Пока мы, лишённые новостей, стояли у ворот штаба, среди нас множились разнообразные слухи. Одни из них подтверждались, другие – нет. Например, поступила информация о том, что все воинские подразделения на территории Крыма приведены в состояние повышенной боевой готовности и военнослужащим роздано оружие. Другой слух свидетельствовал о том, что, наоборот, все воинские подразделения перешли на нашу сторону. Порадовал слух о том, что в Бахчисарай на днях прибыли три “КамАЗа” с чеченами. Мол, бородатые, увешанные оружием башибузуки выгрузились на мостовые города. Они мирно прогулялись по улицам, заглянули в лавки и кафе, доброже-

лательно пообщались с местным населением. После этого визита татары забыли о всяких попытках сопротивления крымчанам. Вообще поразительно, сколько слухов носилось в воздухе в те дни. Они подчас противоречили друг другу, возникали и лопались, словно мыльные пузыри.

Из вечерних выпусков новостей я узнал, как в течение последних суток развивались события вокруг Вооружённых Сил Украины. Хорошо вооружённые солдаты блокировали практически все воинские части на территории Крыма, а также взлётные полосы всех аэродромов. Украинские военнослужащие начали сдавать оружие и переходить на сторону крымчан. Ещё утром в штабе ЧФ состоялись переговоры между командующим ЧФ Александром Витко и командующим ВМСУ Денисом Березовским. Вскоре в воинских частях украинского флота приступили к сдаче оружия и боеприпасов в оружейные комнаты. В 36-й бригаде береговой обороны, наиболее боеспособном подразделении ВМСУ, размещённом в селе Перевальное Симферопольского района, была отменена полная боевая готовность.

Затем в штаб ЧФ прибыл председатель Совмина Крыма Сергей Аксёнов. Он вышел к прессе вместе с Березовским. Аксёнов зачитал приказ о том, что любые решения и распоряжения самопровозглашённых киевских властей не распространяются на военнослужащих ВМСУ. Денис Березовский принял присягу на верность жителям Крыма и Севастополя и тут же был назначен командующим Военно-морскими силами Республики Крым. Аксёнов торжественно объявил 2 марта днём рождения ВМС Крыма. Он также сообщил о том, что почти все воинские части и подразделения Вооружённых Сил Украины на полуострове перешли под контроль исполнительной власти Крыма.

Однако Военно-морские силы Украины во главе с Гайдуком, назначенным киевской хунтой на должность командующего, по-прежнему хранили верность вождям переворота. Штаб, которому подчинялись тысячи военнослужащих, являлся очагом угрозы не только для Севастополя, но и для всего Крыма. Следуя его примеру, отказались признать власть Республики воинские части в Феодосии, Перевальном, Новоозёрном, Бахчисарае и в ряде других населённых пунктах Крыма. Одной искры было достаточно, чтобы взорвать весь полуостров.

Степень угрозы продемонстрировали украинские лётчики, служившие на Бельбеке. Они с развёрнутыми “жовто-блакитными” знамёнами колонной двинулись на территорию аэродрома, охраняемого “вежливыми людьми”. Колонну сопровождали десятки западных журналистов. Расчёт провокаторов состоял в том, чтобы зафиксировать и распространить по всему миру “расстрел безоружных украинских военнослужащих” злодеями из крымской самообороны. С кличем “Америка с нами!” колонна вплотную приблизилась к оцеплению аэродрома. “Вежливые люди” ответили предупредительными выстрелами в воздух. В результате переговоров они допустили нескольких военнослужащих на аэродром. Провокация потерпела крах, и западная пресса осталась без ярких картинок.

Одновременно получила продолжение гонка вооружений в районе Перекопа, начатая с формирования первых ударных групп “правосеков” и их попыток прорыва. Вооружённые силы Украины принялись ускоренными темпами наращивать своё присутствие в Херсонской области. Украинские блокпосты были усилены десантниками, началась концентрация бронетранспортёров и “Градов”. Россия не оставила приготовления соседей без ответа. Вдоль Турецкого вала началось оборудование фортификационных сооружений и развёртывание ракетных систем залпового огня.

Президент России дал развёрнутое интервью в резиденции Ново-Огарёво.

Касаясь причин, которые привели к опасному развитию событий на Украине, президент России отметил чудовищные размеры обогащения и расслоения общества. Коррупция достигла немыслимых пределов. Уровень жизни населения резко снизился. Жители регионов не принимали никакого участия в формировании собственной региональной власти. Революционная ситуация начала складываться с первых дней независимости Украины. Народ хотел перемен, но нельзя поощрять незаконные перемены. На постсоветском пространстве, где до сих пор очень хрупкие политические конструкции и очень слабая экономика, нужно действовать исключительно конституционным путём.

Владимир Путин обратил внимание на погружение Украины в хаос, на разгул неонацистов, националистов и антисемитов. В этих условиях, как

чёрт из табакерки, может выскочить кто угодно. В своё время в условиях хаоса в Германии с помощью отрядов Рэма к власти пришёл Гитлер. Эти события вызывают беспокойство жителей восточных регионов страны. Президент отметил, что существует возможность введения российских войск на Украину, в том числе в связи с обращением Януковича. Владимир Путин пока не намерен этой возможностью пользоваться, но в случае поступления от жителей просьбы о помощи, Россия оставляет за собой право использовать средства по их защите.

Владимир Путин отметил, что крымские власти являются легитимными. Крымский парламент был сформирован в 2010 году, он состоит из 100 депутатов, там представлены 6 партий. После того как предыдущий премьер подал в отставку, Верховный Совет Крыма в соответствии с процедурами и законом на сессии избрал легитимного премьер-министра.

С минувшей ночи КПП штаба у Соловьёвских складов окончательно застолбили за собой “вежливые люди”. Соответственно наш отряд перебросили на КПП на улице Руднева. В качестве дополнительной нагрузки за “Гвардией Севастополя” осталась расположенная напротив здания ОАО “Севастопольгаз” калитка и прилегающий к ней забор. В 19.30 я прибыл на дежурство к калитке штаба. Здесь застал командира дозора Илью Шаповаленко.

– Что нового? – поинтересовался я.

– У нас всё спокойно. Зато через КПП пытались проникнуть внутрь несколько упакованных укровояк. Среди бела дня! В камуфляжах, с огромными рюкзаками. Прикинь, требовали пропустить их в штаб. Фантасты!

– А наши что?

– Естественно, отфутболили гостей.

Около двух часов ночи подъехал командир “Рубежа” Владимир Мельник. Он привёз новость о расформировании дружин самообороны:

– Вообще-то ещё в первые дни после своего избрания Чалый на совещании командиров дружин озвучил два возможных варианта развития событий. Вариант А – быстрый: приезд бандеровцев, кровавая баня на улицах города, вмешательство России и переход Севастополя в РФ. Вариант Б – медленный: без бандеровцев и кровавой бани, но и без прямого вмешательства России. Постепенный процесс отделения от Украины и интеграция в Россию, сроком до полугода, а то и более. Похоже, Чалый остановил выбор на варианте Б.

– Но это сдача позиций!

– Иногда, чтобы победить, надо отступить. Чалому наверно виднее. Но в любом случае, мы продолжим нашу борьбу.

Это известие, с одной стороны, несколько взбодрило нас, с другой стороны, повергло в уныние. Оно означало отступление с занятых позиций и прекращение поступательного движения вперёд. Время нашего дежурства давно истекло, сменщики не явились. Я доложил “вежливым людям”, что мы покидаем их.

– Жаль, вы хорошо стояли, – ответили на прощание “вежливые люди”.

5 марта в 13.00 у ТЦ “Апельсин” Стас Лавриненко собрал первый взвод, и мы направились к городскому военкомату, расположенному на улице Пролетарская. Здесь нас уже поджидали бойцы второго взвода, который с недавних пор возглавил Анатолий Пироженко. Мы окружили здание, заблокировали хозяйственные ворота, вывесили над входом российский триколор и вошли внутрь.

– Военком занят и никого не принимает... – сквозь окно регистрации казённым голосом произнёс дежурный офицер, но, увидев наши нарукавные повязки, осёкся.

– Спокойно, товарищ майор. Главное – не делайте лишних движений. Здание военкомата захвачено по приказу командира отряда самообороны “Гвардия Севастополя” Виктора Мельникова, – вежливо объяснил Лавриненко.

Заместитель командира отряда Сергей Заградский и Александр Каберник провели предварительные переговоры с военкомом, полковником Артуром Беспалым. По согласованию сторон, женщины, сотрудницы военкомата, покинули здание. Во избежание недоразумений в вестибюле была выставлена дежурная смена.

В ожидании Полковника мы травили анекдоты на злобу дня:

– Кумэ, а сколько дивизий у Путина на границы з Украиной?

- Пять чи шість.
- А скільки в рази чоґо дойдэ до Києва?
- Сорок чи пятьдесят плюс ополчение...

Вскоре появился Полковник. Первым делом он решительно отнёс все слухи о роспуске самообороны:

– Организация сил народной обороны до сих пор оставляет желать лучшего. При передаче информации случаются сбои. Подобный сбой, видимо, произошёл вчера. Ещё раз повторяю: перепроверяйте всякую информацию дважды, а то и трижды. В наше нескудное время верить нельзя никому. Мне, правда, верить можно. И нужно. Самооборона сейчас востребована, как никогда. Отряды смежников в данный момент блокируют прокуратуру и штаб ВМСУ. Блокпосты продолжают нести дежурство...

Вчерашние страхи, наваянные ночным дежурством и усугублённые непогодой, рассеялись, словно кошмарный сон.

В тот же день Председатель Совмина Республики Крым Сергей Аксёнов выступил с обращением к военнослужащим Украины. Он охарактеризовал произошедшие в Киеве события как вооружённое свержение законно избранной власти. В сложившейся обстановке только одна сила может гарантировать мир и стабильность в Крыму – это создаваемые регулярные вооружённые силы, которые будут сформированы по образцу армий развитых стран. Аксёнов призвал военнослужащих беспрекословно выполнять указания Совета министров АРК, приказы и распоряжения командиров. Вместе с тем, он напомнил, что у каждого из них есть право на досрочное увольнение из рядов вооружённых сил. Аксёнов, как Верховный главнокомандующий вооружёнными силами АРК, гарантировал всем военнослужащим вооружённых сил Крыма сохранение полного пакета социальных гарантий. Он пообещал, что с 1 мая 2014 года размеры денежного довольствия военнослужащих будут увеличены до уровня армий европейских государств.

Битва за умы и сердца украинских военнослужащих продолжалась.

8. Неожиданный поворот событий

Утром 6 марта я находился на работе в Херсонесском музее. Около 11.00 услышал гул моторов со стороны моря. Выйдя из кабинета, увидел два вертолётa, которые кружились в парном танце над бухтой Омега. Они, двигаясь огромными кругами, то сходились друг с другом, то расходились, то угрожающе приближались к земле, то взмывали в небо.

Как оказалось, утром в Севастополь прилетел вертолёт Ми-8, принадлежащий МЧС Украины, с группой корреспондентов киевских телеканалов на борту. Он приземлился на территории вертолётного завода в Омеге. Сотрудники СБУ встретили журналистов и вывели за пределы завода. Потом прилетели два российских вертолётa Ми-35 и стали кружить над Ми-8, блокируя его взлёт. Одновременно на завод проникли “вежливые люди”. Они задержали экипаж, доставили его в РОВД и выставили охрану у вертолётa. По итогам разбора полётов незадачливых лётчиков отпустили, журналистов погрузили обратно в Ми-8 и благополучно отправили на историческую Родину. Чтобы незваные гости ненароком не заблудились, российские вертолётa Ми-35 любезно проводили их домой.

Произошло обострение ситуации в бухте Донузлав в северо-западном Крыму, где на протяжении последних дней эскадрой ЧФ во главе с крейсером “Москва” была заблокирована военно-морская база Украины. На базе располагались большой десантный корабль “Константин Ольшанский”, корветы и тральщики ВМСУ. Ночью на выходе из Донузлава неизвестными людьми был затоплен большой противолодочный корабль Черноморского флота “Очаков”. Корабль длиной 120 метров лёг на борт аккурат поперёк выхода из бухты, возвышаясь на несколько метров над уровнем моря. Списанный БПК “Очаков” совершил переход к базе ВМСУ из Севастопольской бухты, где, начиная с 2008 года, он находился на отстое. Верный защитник рубежей России, он сослужил последнюю службу. Согласно неподтверждённым данным, рядом с “Очаковым” был затоплен спасательный буксир “Шахтёр” из состава ЧФ.

Днём состоялась сессия Верховного Совета Крыма. Парламент Республики совершенно справедливо перенёс сроки референдума с 30 на 16 марта.

В условиях нарастания давления со стороны непредсказуемых властей Украины назрела насущная необходимость ускорить процесс. ВС Крыма коренным образом изменил первоначальную формулировку вопроса референдума и в полном соответствии с принципами демократии добавил в него альтернативный пункт:

1) Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?

2) Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?

Наконец, депутаты приняли решение о вхождении Крыма в состав России. Все решения были приняты подавляющим большинством голосов.

Координационный Совет окончательно принял городской военкомат под свой контроль. “Гвардия Севастополя” сняла дежурство. Пустующее здание военкомата, расположенное на улице Маршала Крылова, было выделено Штабу народной обороны Севастополя.

– Спасибо за царский подарок, Виктор Григорыч! Выбирай любое помещение под свой отряд, – на радостях предложил начальник штаба Олег Росляков.

– Вынужден отказаться. Ты знаешь, Олег Юрьевич, старое солдатское правило: подалше от начальства, поближе к кухне, – ответил Мельников. – Так вот, я уже нашёл место для размещения отряда. . .

К 18.00 все тротуары в районе горсовета и горадминистрации были заполнены тысячами севастопольцев. Повсюду пестрели российские флаги. Горожане прибыли, чтобы помочь депутатам горсовета принять правильное решение на внеочередном заседании сессии. После сенсационных постановлений парламента Крыма догадаться о результатах голосования не составляло особого труда. Некоторую интригу в действие вносило сегодняшнее приостановление окружным административным судом Севастополя решения горсовета о референдуме от 1 марта.

Местом сбора “Гвардии Севастополя” была определена Аллея городов-героев. К началу сессии собралось более сорока гвардейцев. Настроение у всех было приподнятое. Некоторых новобранцев я видел впервые. Среди прочих я с радостью узнал шашлычника Варздата Аслаяна из “Зелёной пирамиды”:

– Привет, Варо! Тыщу лет тебя не видел!

– Здравствуй, дарагой!

– До сих пор не могу забыть вкус твоего шашлыка, Варо. Куда ты пропал?

– Я теперь – хазяин кафе-бара “Платан” на улице Хрусталёва. Хочешь вспомнить вкус моего шашлыка – заходи. Не клиентом, гостем будешь!

С началом сессии сотни севастопольцев сплотились у входа в горсовет. Остальные разместились на противоположной стороне улицы Ленина. Автомобили, сбавляя скорость, аккуратно просачивались между двух людских озёр. Горожане сопровождали заседание депутатов массовым скандированием:

– Ре-фе-рен-дум! Ре-фе-рен-дум!

– Рос-си-я! Рос-си-я!

– Севастополь-Крым-Россия! Севастополь-Крым-Россия!

Заседание сессии горсовета, в котором принимали участие 50 из 75 депутатов, длилось недолго. Повестка дня состояла из единственного вопроса – об участии в проведении общекрымского референдума. Все выступающие поддержали проект решения: Плотников, Пархоменко, Басов. Решение было принято единогласно. Дмитрий Белик предложил дополнить документ ещё одним пунктом – городу Севастополю войти в состав Российской Федерации в качестве субъекта Российской Федерации. Дополнение было принято без обсуждений и тоже единогласно. Алексей Чалый поблагодарил депутатов за принятое решение и предложил всем дружно выйти к народу.

– Дорогие севастопольцы! Сегодня горсоветом принято решение – Севастополь вошёл в состав Российской Федерации. . . – торжественно объявил в мегафон Дмитрий Белик на крыльце горсовета.

Его речь потонула в продолжительной буре восторга:

– Се-ва-сто-поль! Се-ва-сто-поль!

– . . . в качестве субъекта Российской Федерации, – завершил свою мысль Белик.

– Рос-си-я! Рос-си-я!

– Дорогие друзья! Для того чтобы нам с крымчанами подтвердить своё право быть в России, мы 16 марта должны прийти на общекрымский референдум!

– Мы ждали этого 23 года! – эмоционально провозгласил Алексей Чалый. – Все на референдум!

Возбуждённые принятым решением севастопольцы выплеснулись на проезжую часть, размахивая триколорами. Одинокие маршрутки обречённо застряли посередине улицы. Густой людской поток направился вниз по улице Ленина и растёкся по площади Нахимова и Приморскому бульвару. На лицах горожан сиял непередаваемый восторг. Кто-то запел гимн города, остальные подхватили.

– Ну, как вам такой поворот, друзья? Офигеть можно! Скажите, хоть кто-нибудь из вас рассчитывал на то, что мы войдём в состав России? Только честно, – Михель обвёл нас вопросительным взглядом.

– Я всегда верил, что Россия заберёт нас, – ответил командир третьего взвода Василий Кудланов.

9. Решающие дни марта

Ситуация у штаба ВМСУ достигла патового состояния. Военнослужащие осаждённого штаба начали прибегать к разного рода “военным хитростям” с целью дискредитировать силы самообороны. Как показали недавние события на Майдане, “правосеки” и их западные благодетели существенно расширили арсенал провокаций. Севастопольцы противопоставили доморощенным провокаторам бдительность, стойкость и адекватную реакцию.

В основном, организаторы провокаций давили на жалость. Например, к стенам штаба приходила группа офицерских жён и требовала передать их якобы голодающим мужьям пакеты с едой. Самооборонцы пакеты передавали до тех пор, пока в них не начали обнаруживать водку. Или начальник медицинской службы ВМСУ пытался проникнуть на территорию штаба “с целью оказания помощи военнослужащим”. Севастопольцы резонно отвечали, что больные военнослужащие могут беспрепятственно покинуть штаб. 5 марта в шоу даже приняли участие гастролёры из Евросоюза – послы Латвии и Литвы в Украине. Они, размахивая дипломатическими документами, пытались проехать через КПП. Самооборона умерила их пыл и учтиво завернула обратно. Обязательным элементом провокаций являлось присутствие большого количества украинских и иностранных журналистов.

Однажды к проходной приблизилась группа женщин с детьми. Иностранные журналисты заблаговременно выстроились у КПП. Один из украинских военнослужащих с видеокамерой в руках занял удобную позицию на крыше ближайшей казармы. Женщины представились жёнами офицеров штаба ВМСУ и потребовали пропустить их к мужьям. Получив отказ, они принялись слёзно причитать. Дети словно по команде поддержали причитания мамаш хорошо поставленным рёвом. Две дамочки, картинно взмахнув руками, грохнулись в обморок. Подъехала карета “скорой помощи”. Как рассказывали свидетели, “скорая помощь” свернула за угол, остановилась, и обе дамочки с довольным видом выскочили из машины. Они принялись с шутками и прибаутками обсуждать спектакль, который разыграли на камеру.

История с военкоматом, так своевременно перешедшим в руки властей Севастополя, получила продолжение. Председатель КС Алексей Чалый подписал распоряжение о создании на базе военкомата временного пункта воинского учёта и отправки. Для покидающих воинские части Украины военнослужащих были созданы комфортные условия. Военнослужащим по призыву, убывающим за пределы Севастополя, предоставлялся транспорт и компенсация на питание в размере 100 гривен в сутки. Военнослужащим по контракту и членам их семей, убывающим за пределы Севастополя, предоставлялся транспорт и единовременная компенсация в размере 4000 гривен. Для военнослужащих по контракту, проживающих на территории Севастополя и желающих остаться на территории Севастополя, обеспечивалась постановка на учёт и выплата в течение трёх месяцев пособия в размере 2000 гривен в месяц.

СБУ оперативно отреагировала на вчерашнее решение горсовета Севастополя о вхождении города в состав РФ и возбудила уголовное производство

за посягательство на территориальную целостность и неприкосновенность Украины. Центризбирком Украины, в свою очередь, заблокировал доступ к базам данных Государственного реестра избирателей. Это серьёзно затруднило работу Севастопольской городской комиссии по проведению референдума. В результате властями Севастополя было принято решение воспользоваться списками избирателей парламентских выборов 2012 года.

8 марта, по сложившейся традиции, природа встретила Международный женский день дождём и общим похолоданием. Праздничный митинг-концерт начался в 15.30. В отличие от предыдущих мероприятий, таких как концерт Вики Цыгановой или выступление Кубанского казачьего хора, когда в воздухе витало напряжение острой борьбы, на этот раз кругом царил атмосфера праздника. Лица севастопольцев светились неподдельной радостью. Российские триколоры и андреевские флаги перемежались с букетами цветов. Основным лейтмотивом акции было грядущее возвращение домой, в Россию.

— Я хотел бы вас, севастопольцы, сегодня попросить: поддержите наш город, поддержите себя, поддержите Россию! — обратился к собравшимся Дмитрий Белик. — Мы не имеем права не прийти 16 марта и не проголосовать! И с этой трибуны я не могу не поблагодарить Президента России, Государственную Думу, Совет Федерации, которые в это сложное для Севастополя и Крыма время протянули нам руку помощи и сказали: они готовы нас взять в состав Российской Федерации. Только скажите на референдуме “Да”, и мы будем в России! Все на референдум 16 марта!

— Рос-си-я! Рос-си-я! — слова оратора утонули в многотысячном скандировании.

Сопровождаемая ансамблем, на сцену вышла Надежда Бабкина.

— Я приехала, чтобы ещё раз продемонстрировать традиции великого русского народа, великой России, — сказала певица, открывая своё выступление. — Россия многонациональна, традиции самые разные. Русская культура давно интегрировала в себя всё то, что находится на территории России. Этим Россия сильна, сильна своим самосознанием, и поэтому я приехала сюда, чтобы укрепить вашу веру в справедливость. Мы вместе!..

“Гвардия Севастополя” в полном соответствии с уже многократно отработанной схемой выставила оцепление вокруг сцены и организовала охрану наружного периметра вплоть до Памятника затопленным кораблям и Графской пристани включительно. Отдельные патрули по два-три человека рассеялись среди севастопольцев. Небольшая мобильная группа быстрого реагирования расположилась за сценой, готовая по первому сигналу выдвинуться в нужную точку.

Прибывший в очередной раз за последний месяц в Севастополь директор Института стран СНГ Константин Затулин прокомментировал в эфире НТС последние события вокруг Крыма. Вначале выразил мнение, что принятый 27 февраля первоначальный вопрос общекрымского референдума звучал довольно скромно: согласны ли вы с государственной самостоятельностью Крыма в составе Украины на основе договоров и соглашений? Эта формулировка допускала двусмысленное толкование ответов. Люди могли ответить “Нет, не согласны” по разным причинам: потому что не хотят быть в составе Украины или, например, потому что считают, что прежняя жизнь в Крыму была верхом совершенства и никаких новых полномочий, никаких договоров с Украиной не нужно. В результате мотивы разные, а ответ один. Поэтому неизбежно вопрос должен был редактироваться.

Затулин отметил, что за последнюю неделю власти в Киеве проявили полную недоговороспособность: “Вместо того чтобы предложить какие-то реформы или политический диалог Юго-Востоку Украины, Крыму и Севастополю, присылают олигархов и “Правый сектор”. Вместо того чтобы подтвердить внеблочный статус Украины, вносят законопроект о вступлении в НАТО. Вместо того чтобы преодолеть всяческие сомнения в своих планах по отношению к русскому языку, создают комиссию по новой редакции языкового закона, куда входят пещерные русофобы”.

Российский политик признал, что в ответ неизбежно происходит радикализация взглядов в Севастополе и Крыму и понимание, что другим путём идти невозможно: “Если за отставку правительства Крыма проголосовали 50 с небольшим депутатов Республики, то последнее решение по референдуму поддержали 78 депутатов. В результате референдум передвинут на более ран-

ние сроки и установлены два вопроса. При этом первый пункт предлагает воссоединиться с Россией”.

“Самое главное – вы принимаете своё решение, и Россия последует за этим решением со всеми вытекающими для неё последствиями, хорошими и плохими. Если решение будет принято, то Россия всеми возможными силами придёт на помощь и Севастополю и Крыму”.

10. Разгром майдановцев

9 марта на Украине отмечался 200-летний юбилей Тараса Шевченко. Партия регионов, рискуя растерять авторитет среди местного населения, в первых рядах спешила засвидетельствовать своё почтение Кобзарю, чтобы её не заподозрили в антиукраинстве. На этот раз городское руководство, занятое подготовкой к историческому референдуму о воссоединении с Россией, оставило юбилей Шевченко без внимания. Оно ограничилось лишь тем, что согласовало проведение праздничного митинга. Деморализованные крушением властной вертикали остатки Партии регионов также забыли о своей горячей любви к поэту. Координационный Совет и вслед за ним силы самообороны не придали значения мероприятию.

Командир первого взвода и по совместительству командир мобильной группы Стас Лавриненко с утра томился от безделья в стенах штаба роты.

– Палыч, съезжу по району – осмотрюсь. Надоело без дела сидеть, – сообщил он Заградскому и, запрыгнув в дежурную машину, отправился на объезд.

Ещё на подъезде к зданию Гагаринской райгосадминистрации его внимание привлекла многолюдная толпа под украинскими флагами у подножия памятника Шевченко. Это была разношёрстная публика, большинство которой составляли пенсионеры и студенты. Многие из них были увешаны ленточками, некоторые держали в руках фарисейские плакаты “Миру мир”, “Едина країна”, “Крым-Украина”. Они исполнили гимн Украины, затем помянули “Небесную сотню”. В глазах рябило от обилия представителей украинской и иностранной прессы. Корреспондент Би-Би-Си вёл репортаж в прямом эфире.

Особняком держалась группа молодчиков – около двадцати человек, среди них известный севастопольский провокатор Дмитрий Белоцерковец. В отличие от основной массы демонстрантов, у молодчиков не было ни ленточек, ни плакатов. Их головы были покрыты капюшонами или низко надвинутыми шапками. Они нервно переминались с ноги на ногу и напряжённо озирались по сторонам. По площади ходил пузатый мужик в вышиванке и собирал деньги для украинских военнослужащих. При этом он заговорщицки приговаривал:

– Готовьтесь, добродии, щас вас будут бить. Готовьтесь, щас вас побьют!

Лавриненко позвонил в штаб “Гвардии Севастополя” и доложил Заградскому ситуацию:

– Палыч, здесь около двухсот человек с украинскими флагами и жёлто-голубыми лентами. Среди них группа молодчиков, есть местные, но большинство на местных не похоже. Копчёные какие-то, видать прямо с Майдана. Чую, дело пахнет грандиозным шухером.

Замкомроты поднял по тревоге дежурную группу. По прибытии он первым делом провёл тщательную разведку местности. Он выяснил, что, вопреки сообщению Лавриненко, на площади Неустроева и в её окрестностях находятся не одна, а шесть групп подозрительных молодых людей без опознавательных знаков. Группы располагались по периметру площади и вокруг здания райгосадминистрации на равных расстояниях друг от друга. Каждая группа действительно насчитывала около двадцати человек, итого – больше сотни бойцов. Часть из них являлись представителями севастопольских боксёрских клубов, которые чуть ли не в полном составе входили в промайданную партию Виталия Кличко “Удар”. Остальные, как выяснилось позже, – бойцы Житомирской сотни Майдана.

Заградский позвонил Полковнику и в подробностях описал ситуацию. Тот объявил общий сбор личного состава роты у памятника Шевченко.

Тем временем собрание “любителей поэзии” вопреки своему изначальному смыслу превратилось в полноценный политический митинг. Ораторы страстно призывали бойкотировать референдум, гневно осуждали “агрессию Рос-

сии против мирной Украины”, настойчиво требовали дать отпор “наглым агрессорам”. Собравшиеся перемежали выступления ораторов скандированием антивоенных лозунгов.

Дюжина гвардейцев под руководством Лавриненко развернула российский флаг и демонстративно выстроилась напротив расположенной слева от памятника Шевченко группы молодчиков. Появление гвардейцев с георгиевскими ленточками на нарукавных повязках не осталось без внимания сотрудников милиции. К Заградскому подошёл замначальника Гагаринского РОВД:

– Давайте без провокаций.

– Не вопрос. Если со стороны этой публики не будет провокаций, пусть себе празднуют. Только сдаётся мне, что они сюда съехались не ради того, чтобы стихи друг другу почитать. Особенно боксёры. Кстати, товарищ начальник, я бы на вашем месте усилил охрану райгосадминистрации. На всякий случай.

– Мы свою работу знаем, – самоуверенно отозвался офицер и с озабоченным видом отправился к группе подчинённых.

Словно в подтверждение слов Заградского, к микрофону неожиданно вышел депутат Верховной Рады Украины Олесь Доний, непримиримый русофоб. На протяжении последних двадцати лет он являлся закопёрщиком всех основных киевских майданов.

– Патриоты Украины! Вы не побоялись сегодня собраться у памятника национального героя Украины Тараса Шевченко. Честь вам и хвала! – на чистом русском языке провозгласил Доний. – Великий Кобзарь в своих виршах воспевал Украину и призывал бороться за неё. Мы помним наших славных героев, которые погибли за нашу Украину, – гетмана Мазепу, Симона Петлюру, героев УПА. Мы не допустим, чтобы москали шматовали нашу страну! Мы твёрдо ударим по рукам сепаратистам, которые хотят отколоть наш украинский Крым от единой Украины. При этом мы не имеем ничего против россиян. Если они любят Россию, то ради Бога – пусть собирают вещи и едут к себе на родину, в Россию. Долой сепаратизм! Бойкот референдуму! Слава Украине!

– Героям слава! – хором отозвался севастопольский майдан.

– Похоже, праздник перестает быть томным, – прокомментировал развитие событий Заградский.

– Угу, махача по-любому не миновать, – согласился Лавриненко, закатывая рукава.

Подъехал Полковник. Он мгновенно оценил обстановку, которая нагнеталась с каждой минутой. Видя, что многочисленные сотрудники милиции в ход событий не вмешиваются, он обратился к милиционерскому патрулю:

– Товарищи милиционеры, а вы не желаете проверить документы у этих подозрительных личностей? – Полковник показал на молодчиков в капюшонах.

– У нас нет оснований.

– Сейчас будут, – пообещал Полковник.

Дальнейшие события напомнили хорошо отрежиссированный спектакль. Пламенные речи ораторов и заунывные песнопения смолкли. На смену лицемерному лозунгу “Нет войне!” окончательно пришли бандеровские речёвки:

– Слава Бандере – смерть москалям!

– Бойкот референдуму!

Севастопольцы ответили им своим девизом:

– Севастополь-Крым-Россия!

Страсти накалялись. Умиленные лица “любителей поэзии” моментально превратились в перекошенные злобой физиономии. Молодчики угрожающе надвинулись на гвардейцев. Иностранные журналисты, как по команде, направили свои видеокамеры на зону конфликта.

– Эй, любезные! Уж больно вы не по-нашему чирикаете? Предъявите документы! – обратился к молодчикам Лавриненко.

Те ответили грязными оскорблениями. Из их рядов отделился местный боксёр Трофимов.

– Не надрывайтесь, уважаемые! Берегите нервы! – приблизившись к гвардейцам, произнёс он. – Всё уже решено – Кличко будет президентом. Майдан победит. И куда вы не денетесь, всех москалей пережем.

– Тебя, козла, забыли спросить! – прорычал Лавриненко.

Драка вспыхнула мгновенно. Двадцать майдановцев навалились на дюжину гвардейцев. Саня Каберник дрался, как лев, впереди строя. Стас Лав-

риненко, Влад Бондарцев и остальные ловко отбивали удары, которые сыпались со всех сторон. Однако численное превосходство нападавших давало о себе знать, и гвардейцы попятились.

Когда казалось, что дело проиграно, к гвардейцам подоспела подмога: вызванные Полковником бойцы, несколько добровольцев из “Русского блока” и “Рубежа”. Силы сторон сравнялись. Торжествовавшие было победу молодчики нерешительно остановились. Возникла напряженная пауза.

— За Севастополь! Бей майдановцев! — воскликнул Каберник и ринулся вперед.

За ним устремились остальные бойцы. Они наносили удары один за другим, молодчики остервенело отбивались. Двое из них достали газовые баллончики и направили струи газа в самооборонцев. Однако газ не остановил напор севастопольцев.

Лавриненко уложил одного из майдановцев на асфальт и продолжал утешить его, а тот в ответ лишь блаженно улыбался.

— Да они, как пить дать, обколотые! — определил Лавриненко. — Они, словно зомби, боли не чувствуют.

Дружинники “Рубежа” теснили майдановцев на правом фланге. Те достали биты и палки и отчаянно отбивались. Тем временем на площадь подтянулись бойцы “Бизона”, “Соболя” и других отрядов, просто неравнодушные севастопольцы, привлеченные шабашем в центре района. Они с ходу вступили в сражение. Теперь численный перевес оказался на стороне севастопольцев.

В разгар схватки группа майдановцев, отступив с поля боя, приблизилась к белому микроавтобусу, припаркованному напротив здания райгосадминистрации. Оттуда выглянул Олесь Доний.

— Картинка удалась. Сваливаем отсюда! — объявил он.

Подручные Дония запрыгнули в салон, и микроавтобус, расталкивая окривевших его самооборонцев, рванул с парковки.

Остальные майдановцы, брошенные вождями на произвол судьбы, устремились к правому крылу здания райгосадминистрации. Здесь они попытались организовать сопротивление. Некоторые из них предприняли попытку проникнуть внутрь здания. Однако сотрудники милиции пресекли их намерения. Тогда майдановцы, бросая биты, кинулись врассыпную через клумбы к соседним дворам. Самооборонцы принялись ловить и лупить беглецов.

Уже после схватки внимание Сани Каберника привлёк припаркованный на автостоянке джип. В его салоне находился заторможенный парень с окровавленной головой.

— Как тебя угораздило, дружище? — удивился Каберник. — Давай помогу.

Приглядевшись, он обнаружил, что у раненого нет ни единой царапины, а кровь — это краска, густо размазанная по затылку и шее. Подбежавшие пенсионерки в жёлто-голубых лентах принялись было причитать: “Рягуйте, люди добрые! Убивают!” Они явно играли на публику и надеялись привлечь внимание представителей прессы. Однако увидев, что обман открылся, поспешили ретироваться. Мнимого раненого гвардейцы аккуратно передали сотрудникам милиции.

Части зачинщиков беспорядков удалось бежать. Их потом кропотливо отлавливали бойцы “Гвардии Севастополя” и других отрядов самообороны по всему Гагаринскому району. В течение дня они сдали сотрудникам милиции до тридцати человек. Судя по паспортам, большинство задержанных оказались выходцами из западной Украины: Житомира, Винницы, Тернополя. Севастопольцы были представлены студентами и членами боксёрских клубов. Некоторые из задержанных оказались бойцами “Правого сектора”. Впоследствии милиция обнаружила у них несколько ножей и телефон с наклейкой “Сотник Майдана”.

11. Гвардейские будни

11 марта после полудня меня вызвал Полковник. По приезде в штаб роты я обратил внимание на элементы армейской организации. У входа дежурил дневальный с повязкой на рукаве. При появлении чужака он в обязательном порядке спрашивал пароль. На информационном стенде висели графики дежурств и последние приказы Штаба народной обороны. В комнате отдыха я застал мобильную группу во главе с Анатолием Пироженко. Некоторые бой-

цы, откинувшись на спинки, дремали на кроватях, другие, расположившись за длинным столом, неторопливо потягивали чай и жевали бутерброды. Телевизор глухо вещал о последних событиях вокруг Крыма. Начштаба Молодцов за канцелярским столом уткнулся в папку с документами.

– Угощайся, дарагой, – предложил Вараздат Асланян.

– Спасибо, Варо, я только из дома. Кучеряво живёте: консервы, колбаса, сыр, масло.

– Это что! У нас на обед горячее подают. От ресторана армянской кухни, между прочим! – произнёс Пироженко, кивая головой в сторону Вараздата.

Пока мы дежурили под стенами штаба ВМСУ, Молодцов умудрился выбить у городского руководства несколько пакетов с продуктами, потом слабый ручеек центрального снабжения иссяк. За снабжение и организацию питания взялся зампотыл Давид Арташесян. Он развил бурную деятельность и оперативно наладил питание роты с помощью своих приятелей – частных предпринимателей. Они предоставляли продукты, Давид доставлял продукты в кафе-бар “Платан”, Вараздат и его команда готовили из них горячие блюда – борщ, супы, кашу с тушёной. В штаб готовые обеды привозил на своём микроавтобусе Александр Щебельский.

Часть неизбежных расходов возмещали Вараздат и Давид из своих денег, часть покрывал Полковник из трёх тысяч долларов, высланных ему питерскими однокашниками по Симферопольскому военному училищу. Однако основные издержки несли остальные участники цепочки снабжения, предоставляя продукты и оказывая услуги безвозмездно, то есть даром. Собственно, так действовал практически весь город: кто не мог встать в строй, тот вносил свою лепту иным способом. Лекарства роте, например, были предоставлены аптечным пунктом частной поликлиники “Олнил”, что на площади Восставших.

– Вадим, ознакомься с нашими полномочиями, – Молодцов протянул мне положение о полномочиях сил самообороны.

Правовой основой деятельности сил народной самообороны являлись Конституция Украины, законы Украины “О местном самоуправлении в Украине” и “О милиции”, Кодекс гражданской защиты Украины, нормативные акты, издаваемые Севастопольским горсоветом и Координационным Советом, Положение о добровольном народном формировании по обеспечению общественного порядка на территории Севастополя.

– В принципе, всё это мы делали и до того, – прокомментировал я по окончании чтения.

– Теперь мы это делаем на законных основаниях, – поправил Молодцов.

В комнату вошёл Полковник.

– Вадим, ты, естественно, в курсе, что по приказу единого штаба мы создали несколько мобильных групп. На днях за нами закрепили круглосуточную охрану инфопоста, – хриплым голосом произнёс он. – Нагрузка на роту возросла двукратно, а обеспечение безопасности городских мероприятий с нас никто не снимал. Нам спустили сверху график мероприятий – расписан каждый день с утра до вечера. Вон на завтра запланированы: днём – приём гумконвоя, вечером – концерт. Поэтому народа не хватает катастрофически.

– Я понял, нужны люди. Но чем я могу помочь?

– Съезди в музей. Поговори с народом.

В Херсонесе кипела работа. Ибо к текущей работе добавились нюансы, связанные с возможной сменой юрисдикции музея. Одни сотрудники изучали уставы российских музеев, другие составляли заявки на финансирование и оборудование, третьи оформляли плановые отчёты. На события вокруг Крыма среагировало ЮНЕСКО. Организация прислала администрации музея грамоту “Голубой щит”, которая означала, что мы находимся под охраной международных конвенций. Интересно, каким образом грамота сможет защитить музей от набега бандитов? Полковник со своей стороны пообещал руководству Херсонеса без всяких конвенций предоставить мобильную группу в случае нападения.

Пока крутился в музее, зашёл в интернет, ознакомился с последними новостями.

Верховный совет АРК и горсовет Севастополя приняли декларацию о независимости Крыма и г. Севастополя. В преамбуле депутаты сослались на Косовский прецедент. Декларация заявляла, что в случае, если в результате предстоящего волеизъявления будет принято решение о вхождении Крыма

в состав России, Крым после референдума будет объявлен независимым и суверенным государством с республиканской формой правления. Затем Республика Крым уже как независимое и суверенное государство обратится к Российской Федерации с предложением о принятии Республики Крым в состав Российской Федерации.

Находящиеся в Севастополе корабли военно-морского флота Украины будут национализированы, заявил премьер Республики Крым Сергей Аксёнов. Он отметил: “Их корабли мы не собираемся выпускать, мы не только украинский флот там держим, мы и флоту “Черноморнефтегаза” закрыли выход”. Чувствовалось, что Аксёнов вцепился в ВМСУ мёртвой хваткой.

Киевский военный эксперт Дмитрий Тымчук констатировал ухудшение морально-психологического состояния личного состава по всем частям и подразделениям ВС Украины в Крыму. “Не видя действий со стороны Киева, наши ребята всё чаще задаются вопросом: зачем и кому нужна их стойкость?” Он рассказал, что командование требует от военнослужащих “любой ценой продержаться до референдума”. “Попытка наших войск сопротивляться с использованием оружия или любая попытка Киева провести войсковую операцию в Крыму будет немедленно использована для “защиты” Крыма Россией от “бандеровских войск”. И тогда Крым однозначно не наш”. Тымчук заметил, что после 16 марта ситуация может кардинальным образом измениться: “тогда Украина сможет апеллировать к международному сообществу, указывая на нелегитимность референдума в Крыму”.

Вечером на площади Нахимова состоялся концерт Юлии Чичериной. Чичерина добиралась до Севастополя своей машиной в составе организованной “Ночными волками” автоколонны с гуманитарной помощью. Дорога выдалась нелёгкой – шторм, снег, ветер. Чтобы успеть вовремя, Чичериной пришлось оторваться от автопоезда.

– В большой колонне было трудно переправиться, и пришлось чуть-чуть оторваться от груза. Но всё в порядке. Груз дойдёт. Он уже здесь, на полуострове. Идёт за нами вслед. Мы просто пошли вперёд. И ещё, нас уже на этой стороне подхватили байкеры. В общем, с ними доехали налегке, – рассказала Юлия Чичерина.

Чичерина открыла концерт знаменитой песней “Жара”, которую севастопольцы, за затяжную зиму истосковавшиеся по лету, встретили с особым воодушевлением.

Бойцы “Гвардии Севастополя” коротали время в оцеплении за обсуждением последних событий.

– Слышали новость? В Балаклавском районе самооборона вместе с милицией задержала посылку с Украины с бронезилями и щитами. Получатель – член партии “Удар” – тоже задержан. . .

– Опять бандерлоги готовят очередную провокацию. Видать, мало мы им накостиляли у памятника Шевченко.

– А может, они действительно эти щиты и броники для своих вояк завозят. Чтобы тем было чем защищаться от нас, и чтобы окончательно превратить собственных вояк в майдановцев. Заметьте: всё, чего эти упыри касаются, теряет свой первоначальный облик и превращается в гниль и мразь. Футбольным фанатам майдановцы промыли мозги и превратили их в штурмовиков. Центр Киева разгромили и превратили в разбойничий табор. Верховную Раду подмяли под себя и превратили из парламента в послушное орудие. Она теперь штампует людоедские законы: запретить, разогнать, подавить! У них просто талант царя Мидаса, только наоборот: тот обладал способностью при прикосновении превращать всё в золото, эти – в навоз. Теперь, вооружив вояк щитами, дубинками и коктейлями Молотова, майдановцы пытаются превратить их в себе подобных погромщиков. . .

На вечернем оцеплении речь зашла о новых провокациях свидомых.

– Теперь у свидомитов новое развлечение: они ходят по квартирам и рвут паспорта, чтобы севастопольцы не смогли проголосовать на референдуме, – рассказал Паша Усачёв. – Подобные случаи уже были замечены в Инкермане и в Гагаринском районе.

– Только непонятно, почему горожане открывают им двери, да ещё и предоставляют паспорта? – удивился Саня Каберник.

– Всё очень просто. Свидомиты представляются работниками избирательных комиссий и просят предоставить им паспорта якобы для уточнения

данных избирателей. Наши пенсионеры – народ доверчивый, вот и попадают на эту удочку, – пояснил Усачёв.

– Это уже не новость. В окрестностях Симферополя какие-то упыри уже давно орудуют по такой же схеме, – вставил я.

– Уже не орудуют. Вчера сообщили, что крымские дружинники задержали нескольких бандерлогов, которые уничтожали паспорта, – сказал Серега Барто. – Брали их жёстко. У задержанных морды были расквашены в кровь.

– Это наши киевляне их брали, – вмешался в разговор Игорь Друзь. – Пришлось применить оружие. Стреляли по машине, одного ранили. Когда поймали, сразу жёстко провели дознание. Задержанные оказались украинскими военнослужащими из воинской части, расквартированной в Перевальном. Хочу сказать, только не обижайтесь, – вы, крымчане, с бандеровцами миндальничаете. Дело в том, что вы с ними по-настоящему ещё не сталкивались.

Киевлянин Игорь Друзь знал, о чём говорит. В столице Украины он возглавлял православное русское движение “Народный собор Украины”, которое все последние годы активно боролось с националистами. “Народный собор” на протяжении Евромайдана поддерживал “Беркут”, проводил встречи с бойцами спецназа, оказывал им материальную помощь. С усугублением кризиса Игорь Друзь и его соратники осознали, что страна скатывается к гражданской войне, наняли опытных инструкторов и прошли военную подготовку. После прихода к власти штурмовики захватили офис “Народного собора”, выломали дверь. Но там уже было пусто. Игорь Друзь с семьёй и соратниками перебрался в Севастополь и уже 25 февраля вступил в “Гвардию Севастополя”. А часть его единомышленников из Киева переехала в Симферополь и вступила в отдельный отряд крымского ополчения под руководством Игоря Стрелкова. Отряд специализировался на выполнении особых заданий. Друзь, входя в состав “Гвардии Севастополя”, некоторые свои действия тоже согласовывал со Стрелковым.

– Уничтожение паспортов – это мелочь. Украина направила в Крым диверсантов. Они, переодевшись в российскую военную форму, должны нападать на украинские воинские части, – продолжил Друзь. – Цель провокации понятна – устроить кровопролитие и столкнуть военнослужащих Украины и России лбами.

– Испытанный бандеровский метод, – согласился я. – Переодетые в советскую форму бандеровцы после войны нападали на мирные села, чтобы напугать возмущение селян против советской власти.

– У этих упырей фантазия на подлости неистощима, – добавил Каберник. – Склонность к провокациям сидит у них в крови.

12. Здравствуй, оружие!

Несмотря на то, что основное внимание жителей города было приковано к общегородскому референдуму, штаб ВМСУ и его деятельность не выпали из поля зрения сил самообороны. Продолжалось блокирование ворот, осуществлялся контроль над периметром штаба.

В руки комроты “Гвардия Севастополя” попала записка руководства ВМСУ от 11 марта “О принятии решений относительно военнослужащих, которые самовольно оставляют части или отказываются от прохождения воинской службы”. Подписанный Гайдуком документ предполагал суровые меры к таким военнослужащим: привлечение к дисциплинарной ответственности, проведение служебных расследований с подключением военной прокуратуры и запрет на выдачу им на руки личных дел.

В ответ на это “Гвардия Севастополя” силами мобильной группы провела профилактическое блокирование военной прокуратуры. В акции участвовало около двадцати человек.

Я в блокировании военной прокуратуры не принимал участия, поскольку в первой половине дня руководил дежурной сменой по охране инфопоста. Мы рассредоточились по площади Нахимова таким образом, чтобы находиться в пределах взаимной видимости.

Около полудня у Графской пристани и катерных причалов внезапно появились “вежливые люди”. Они запретили швартовку катеров на причалах. Мы приняли действия “вежливых людей” за превентивное блокирование, на-

правленное против проникновения майдановцев с Северной стороны. Однако вскоре катера принялись швартоваться на Графской пристани.

— Что случилось? — поинтересовался я у кубанских казаков, которые дежурили у входа в Морской порт. — Что значат эти странные маневры?

— Поступил сигнал о заминировании причалов, водолазы проверяют дно, — пояснили они. — “Вежливые люди” в целях безопасности перенаправили катера.

Мы разговорились с кубанцами. Несмотря на воинственный вид, они оказались общительными собеседниками. Рассказали, что всего их прибыло с Кубани 900 человек, все — добровольцы. Сейчас казачьи подразделения раскиданы по Крыму: Севастополь, Симферополь, Перекоп.

— Откуда сами? — поинтересовался я. — Кубань велика.

— Из станицы Славянской.

— Вот это да! У меня мама оттуда родом. Какие задачи на вас возложены?

— Такие же, как и на вас, — обеспечение безопасности. В Севастополе охраняем морской порт, вокзал, склад ГСМ и прочие стратегические узлы.

— А где ваш бравый атаман, который здесь на площади руководил построением и разводом? Он так лихо командовал — любо-дорого смотреть. Но вид у него слишком суровый.

— Сергей Савотин? Батя у нас строгий, но справедливый, — уважительно отозвался один из казаков. — Он сейчас в Симферополе.

На вечернее построение на площади Нахимова некоторые из бойцов явились в камуфляжах. Мы рассматривали счастливых с плохо скрываемой завистью.

— Ни для кого не секрет, что мы неоднократно обращались в штаб с просьбой обеспечить нашу роту оружием, амуницией и обмундированием, — пояснил Полковник. — Наконец-то штаб расщедрился и выделил десять камуфляжей и десять бронежилетов. Ещё десять камуфляжей, балаклавы и перчатки мы приобрели на средства моих питерских друзей. Я понимаю, что на девяносто человек списочного состава роты этого слишком мало. Поэтому обмундирование, в первую очередь, было предоставлено бойцам мобильных групп...

— А что насчёт автоматов?

— Автоматы АК-47 мы получили. Правда, гораздо меньше, чем заказывали. Они складированы в оружейной комнате под надёжной охраной. А теперь объясняю для непонятливых. Оружие — это не наша прихоть. После того, как Гайдук отдал приказ стрелять на поражение, ситуация вокруг штаба существенно усложнилась. Украинские воинские части продолжают оказывать сопротивление. В отдельных частях вспыхивают опасные инциденты, например, на Бельбеке и в Феодосии...

Вечером 14 марта на площади Нахимова в рамках общероссийской благотворительной акции “Солдатское сердце” состоялся очередной концерт. Хор Сретенского московского монастыря исполнил а капелла ряд патристических песен. Севастопольцы с готовностью подпевали знакомые с детства песни. Следом выступил основатель группы “Ва-банкъ” Александр Скляр.

— В среде моих коллег-музыкантов сейчас появляется чувство подъёма, потому что мы всегда считали, что Севастополь — это город морской боевой доблести, русский город боевой славы, — сказал музыкант.

Мы обсудили последние задержания майдановских курьеров.

— И всё-таки я был прав. Спецсредства действительно предназначены для вояк ВМСУ, — заметил я. — Вожди переворота, видимо, решили их использовать в качестве ударной силы в борьбе с самообороной. Причём на первом этапе — без применения огнестрельного оружия.

— А у хунты другого варианта не осталось, кроме как опереться на военных моряков, — произнёс Игорь Друзь. — Обычно ударной силой хунты являются бевеки. Они при молчаливом согласии милиции затевают беспорядки и уничтожают несогласных. Однако с Крымом эта стратегия не сработала. Блокпосты на Перекопе и по периметру Севастополя в целом перекрыли пришлым бандерлогам доступ на полуостров и в город. 9 марта они, правда, попытались устроить бойню у памятника Шевченко. Возможно, даже планировали захватить райгосадминистрацию. Однако их вовремя остановили и задержали.

— Но я бы не расслаблялся. К сожалению, многим удалось уйти. Теперь они затаились до поры до времени, — заметил Саня Каберник. — Кстати,

городской штаб постоянно получает сигналы о проникновении в город подозрительных личностей, которые заселяются в частных квартирах.

– То, что в городе хватает бандеровской мрази, я не спору. Но в целом удалось уменьшить до минимума приток новых бандерлогов. Я, к примеру, через старые связи по общественной деятельности раздобыл список номеров автомобилей одесского Автомайдана и передал его Игорю Стрелкову. Одесский Автомайдан собирался вторгнуться в Крым и устроить массовые беспорядки и диверсии.

– Ну, и как?

– Многих гастролёров, благодаря этой информации, удалось схватить на границе с Крымом. Часть автомайдановцев была различными способами нейтрализована прямо в Одессе.

13. Референдум

15 марта, накануне Референдума о судьбе Крыма, вечером по всем городским СМИ прошло обращение Алексея Чалого:

“Уважаемые севастопольцы!

Без сомнения, завтрашний день станет для Севастополя историческим. Он либо умножит славу нашего Великого Города, либо станет днём его позора.

Я не буду говорить о сопоставлении уровней зарплат и пенсий, социальных пособий и других приятностей, вытекающих из предстоящих вариантов выбора. Про это и так в последние дни сказано предостаточно.

С моей точки зрения, выбор, который нам предстоит сделать, гораздо масштабнее и глубже. Мы либо настоим на своём праве называться потомками тех, кто упокоен на Братском кладбище, и тех, чьи имена вписаны в трагические списки последних защитников 35-й батареи, либо признаем себя стадом овец, которым необходим европастух, чтобы довести нас до обещанной кормушки.

Причём, заметьте, чтобы отстоять своё право на историю, нам не нужно совершать ночные вылазки во вражеские траншеи или умирать от жажды под скалами мыса Херсонес. Нам всего лишь достаточно вырвать своё драгоценное тело из повседневных забот, прийти на участок для голосования и поставить галку в правильном месте.

Нам всего лишь достаточно показать всем майданам мира, что 23 года безвременья не заставили нас забыть простое и ёмкое русское слово “честь”.

Честь имею.

Алексей Чалый”.

Утром 16 марта выглянул наружу и обомлел – за окном лил дождь... Небо до самого горизонта было плотно затянуто серыми тучами, что свидетельствовало о том, что дождь зарядил надолго. А значит, не видать нам высокой явки на референдуме, как своих ушей. Севастопольцы никогда не отличались политической активностью. Они находили тысячу отговорок, чтобы не ходить на избирательные участки. Средняя явка на выборах обычно составляла 55-60 процентов. А здесь сама природа предоставила такой прекрасный повод никуда не ходить.

Председатель городской избирательной комиссии Валерий Медведев общал в “Новостях”, что все 192 избирательных участка открылись вовремя, каких-либо нарушений не зафиксировано. Голосование проходит очень активно, на многих участках даже образовались очереди.

Я отправился на свой избирательный участок в 10.30. К тому времени, к моей вящей радости, дождь прекратился, и сквозь тучи выглянуло солнце. Солнце надежды на высокую явку. В ворота Севастопольского городского гуманитарного университета, где располагался мой избирательный участок, нескончаемой вереницей тянулись людей. В вестибюле у столов, за которыми восседали члены избирательной комиссии, извивались очереди за бюллетенями. Большинство в очередях составляли представители старшего поколения, которые всегда голосуют первыми. Некоторые из них с трудом держались на ногах, но не стали дожидаться выездной урны и явились лично принять участие в самом важном в их жизни голосовании. Один инвалид заехал в зал на инвалидной коляске. К моему удивлению, среди пенсионеров мелькало много

людей среднего возраста и даже молодёжи. Некоторые признавались, что десятки лет не посещали избирательные участки и сегодня пришли впервые. Никто не ворчал на неудобства, вызванные очередями. Напротив, в зале царил праздничная атмосфера. Лица сева­стопольцев светились радостью. Они шумно переговаривались, поздравляли друг друга с праздником. Никто не скрывал своего выбора, напротив, все подчёркивали, что они пришли на избирательный участок, чтобы вернуться в Россию.

Опустив бюллетень в урну, я вышел на крыльцо СГГУ. Помимо обязательного при каждом голосовании милицейского патруля, здесь находились четверо самооборонцев. Оружия у них не было, но зато они были экипированы рациями. На моих глазах к ним присоединились несколько казаков.

В 11.30 мы с Серёгой Шакуро прибыли на площадь Нахимова. Тучи расплзлись в стороны, освобождая простор для холодного мартовского солнца. У палаток с чаем и российской символикой толпились возбуждённые участники в референдуме горожане.

Наша рота по решению единого штаба народной обороны не участвовала в охране избиркомов. На роту была возложена традиционная задача обеспечения безопасности массовых мероприятий в центре города. Полковник распределил личный состав роты по отработанной схеме: оцепление вокруг сцены, патрули, мобильная группа.

В полдень начался концертный марафон, в котором принимали участие музыканты, поддерживавшие Севастополь на протяжении последних трёх недель. В течение дня перед жителями города выступили Ансамбль песни и пляски Черноморского флота, группы “Земляне” и “Русские”, Вика Цыганова. Севастопольцы встречали музыкантов, как старых друзей.

По площади Нахимова прошагала многочисленная колонна участников “Севастопольского ритуала”. Каждый из участников шествия нёс российский флаг. На протяжении семи лет каждое воскресенье они совершали обход городского центра и воздавали почести героям Севастополя у их памятников. Сегодня согласно решению, принятому большинством голосов, “Севастопольский ритуал” совершил последний обход памятников.

Дежуривший на Ракушке доложил о появлении на Приморском бульваре группы воинственно настроенной молодёжи с украинской символикой. Бойцы мобильной группы выдвинулись вглубь бульвара, но вскоре вернулись с озадаченными лицами.

— Это были какие-то майдановские придурки. Но, к сожалению, мы опоздали. Болельщики “Зенита” уже втолковали им, что такое хорошо и что такое плохо, — рассказал Сергей Заградский.

— Откуда в Севастополе взялись болельщики “Зенита”? Где мы и где Питер?

— Говорят, приехали с дружеским визитом, чтобы пообщаться с местными фанатами и предостеречь их от необдуманных действий. На вид очень позитивные ребята.

Около часа дня были обнародованы первые результаты по явке жителей Севастополя на избирательные участки. По состоянию на 12 часов явка составила 49 процентов от общего числа избирателей города. Отец по телефону сообщил о том, что к 13.30 на его участке проголосовало около 60 процентов. Я был вне себя от радости! Минимально необходимый порог явки в 50 процентов уже преодолён. По многолетнему опыту работы в избиркомах я знал, что далее должен последовать спад активности избирателей, но цифра в 70 и более процентов уже не казалась недостижимой.

— Не может быть! — удивился Петроковский. — Давайте посмотрим Крым.

Он зашёл в интернет. Данные по Крыму оказались близкими к севастопольским — там проголосовало около 45 процентов. Я тем временем позвонил Андрею Тарану, жителю Партенита. Он сообщил мне, что Партенит уже проголосовал почти полностью. Крым явно старался не отставать от Севастополя.

Во второй половине дня на Графской пристани произошла небольшая стычка. Двое майдановцев принялись демонстративно скандировать свой лозунг: “Слава Бандере — Героям слава!” Возмущённые горожане оттеснили их к краю причала. Разгневанная севастополька нанесла дамской сумочкой меткий удар по голове одного из почитателей Бандеры. Потеряв равновесие, бедолага бултыхнулся в море. Второго задержали подбежавшие по сигналу

общественности гвардейцы. Саня Каберник провёл с задержанным разъяснительную беседу, после чего, минуя сотрудников милиции, сдал его напрямую медикам “Скорой помощи”.

– Явно хлопцы приезжие. Местные в марте не купаются, – философски прокомментировал эпизод Сергей Заградский.

На 15.00 явка в Севастополе составила 61 процент официально зарегистрированных избирателей. Некоторый спад активности избирателей был связан с тем, что пенсионеры, относящиеся к наиболее дисциплинированной части электората, уже в основном проголосовали до полудня и теперь настал черед голосовать наименее политически активным слоям населения. Представители молодого и среднего поколения обычно игнорировали голосование. Те из них, кто посещал избирательные участки, как правило, голосовали во второй половине дня. Сегодня они вопреки обыкновению активно пошли на свои участки. В результате вторая волна избирателей, которая пришлась на промежуток времени между пятнадцатью и восемнадцатью часами, привела к увеличению явки до 83 процентов в 18.00!

По мере приближения времени объявления итогов голосования севастопольцы прибывали в центр города. К 21.00 площадь Нахимова до краёв была заполнена многими тысячами горожан, повсюду пестрели российские триколоры и андреевские стяги. Лица сияют торжеством. Севастопольцев распирает предвкушение безмерного праздника, и они щедро делятся своей радостью с музыкантами, которые выступают вслед за уже выступившей группой “Любэ”: Дмитрием Харатьяном, “Арабесками” и Рикардо Фолли.

В 22.15 под начальные аккорды гимна Севастополя на сцену поднялись представители Координационного Совета во главе с Алексеем Чалым и руководители города. Выстроившись в ряд, они хором подхватили слова песни. Одновременно запела вся площадь. Строки о легендарном Севастополе, неприступном для врагов, разнеслись над центром города. Если 23 февраля гимн Севастополя звучал, как суровый призыв к ожесточённой борьбе, то теперь – как торжественная победная ода. По завершении песни тысячи горожан устремились к сцене. Звенящая тишина на мгновение воцарилась над площадью. Томительное ожидание застыло на лицах севастопольцев.

К микрофону подошёл председатель городской избирательной комиссии Валерий Медведев:

– По предварительным итогам городская комиссия может доложить, что на избирательные участки прибыло 89 с половиной...

Слова Медведева утонули в многотысячном победном рёве севастопольцев.

– ...процентов избирателей. За Россию проголосовало 93 процента! – завершил Медведев.

– Ну что, ребята? Мы это сделали! Именно мы это сделали! – провозгласил Алексей Чалый, прорываясь сквозь непрекращающийся шум площади. – Теперь нам предстоит строить новый город. Ничто нам не мешает. Только надо быть настолько же последовательными, как мы были эти три недели. С праздником вас!

– Севастополь, мы в России! Спасибо вам, дорогие! – торжественно заявил Дмитрий Белик. – Ведь только вашими усилиями мы сегодня в России, и никто отсюда нас уже не выгонит. Мы вернулись домой!

– Се-ва-сто-поль! Се-ва-сто-поль! Се-ва-сто-поль! – бесконечным тысячегласым скандированием отозвались граждане города.

Площадь погрузилась в неистовую эйфорию сродни бушующему океану. Прорвалось напряжение последних трёх недель. Горожане плакали и смеялись, они вскидывали кулаки к небу и размахивали флагами. Незнакомые люди обнимали и благодарили друг друга. Они впитывали ощущение победы и одновременно делились им с окружающими. Уровень счастья явно зашкаливал на улицах и площадях города. Севастополь в мгновение ока превратился в город абсолютно счастливых людей. Словно Новый год, День Победы и День Флота слились воедино в этот вечер.

ВИКТОР ЛИХОНОСОВ

“ТОНКОЕ СЧАСТЬЕ СОПРОВОЖДАЕТСЯ ГРУСТЬЮ...”

Беседа с критиком Маргаритой Синкевич

Маргарита СИНКЕВИЧ: Прежде всего, хочу поблагодарить Вас за счастливое время, проведенное наедине с вашими книгами, а также за то, что согласились встретиться. Одна из моих любимых повестей — “На долгую память”. Расскажите об истории создания этого произведения.

Виктор ЛИХОНОСОВ: Меня удивляет, что “На долгую память” до сих пор упоминается как что-то значительное. Последние годы один раз в месяц я хожу в Пушкинскую библиотеку, куда впервые попал первокурсником в 1956 году. Тогда я искал статьи о Есенине, которого очень любил. Я взял какую-то старинную энциклопедию 20-х годов и увидел огромную цитату Бухарина — жуткую, уничтожающую. В этой же библиотеке я прочитал том дневников Пришвина, “На чужбине” Льва Дмитриевича Любимова.

Так вот. Не так давно я взял номер журнала “Знамя” с “Рабочими тетрадями” Твардовского за 68-й год. Он там пишет: встал в четыре с половиной часа утра и стал читать Лихоносова (то есть Твардовский читал повесть, уже опубликованную в “Новом мире” в сокращённом варианте, назвали её “На улице Широкой”). Меня удивил этот отзыв! “Стал читать Лихоносова и до конца не мог оторваться! Какой молодец! С любовью, с нежностью и болью пишет ту низовую окраинную жизнь, жизнь “с коровы”, с базара, с огорода, с пенсий, жизнь, которую не принято ни фотографировать, ни “отражать” в очерках, жизнь без “роли парторганизации”, без всего такого — саму по себе, со всеми отчаянными хлопотами, напряжением, муками, безысходностью — послевоенную жизнь миллионов”. Спустя 35 лет обнародовали его мнение, и я читал в пустом зале библиотеки притихши. За что так перехвалил Александр Трифонович?

Когда я бываю в Сибири, на родной улице Озёрной, от которой ничего уже не осталось (там когда-то в черемухе вились майские жуки, теперь нет ни травки, ни домов с палисадниками), то думаю, как средненько я обо всём написал. Как много трогательного, существенного, истинно народного я не сумел выразить так, как это делали писатели-почвенники XIX века, в том числе и Александр Иванович Эртель, и Василий Иванович Белов уже позднее, в XX веке. Я сожалею, что недостаточно хорошо (в силу, может быть, неопытности, скорее всего, несобранности) описал эту дорогую мне послевоенную народную жизнь — время такой простоты, такой горечи и веры в скорое улучшение.

Это был другой народ: более терпеливый, непритязательный, чему удивляются сейчас эти наши несчастные либералы. Они просто не понимают России.

Когда я уехал из Новосибирска на Кубань (в землю совершенно другую, сейчас говорят, с другим менталитетом), то затосковал. Я помнил и любил свою мамушку, всех соседей. Уличные мои герои, конечно, подлинные. Просто они недостаточно полно, по-толстовски глубоко изображены. Они гораздо интереснее и полноводнее в своём характере и в своей народной идее.

И сейчас мне хотелось бы дополнить повесть. Но я не посмею этого сделать... Это надо было сделать так, как поступил Астафьев со своим "Последним поклоном" вскоре после первой публикации: подправить, дописать. Но я не вернусь к этим образам. Я сейчас пишу "Одинокие вечера в Пересыпи". Первую часть я опубликовал в 98-м году в "Нашем современнике". Потом долго не писал, всё ждал чего-то, ждал, томился, перебирал в уме дни, месяцы с матерью, задерживал расставание, и нынче заканчиваю. В "Литературной газете" я напечатал главу "Плач у своего дома". О том, как я в третьем часу ночи пришёл на свою улицу к дому, в котором вырос. Жизнь прошла...

К старости тебе не хватает тех, с кем ты жил, не хватает родных, прежде всего тех, с кем ты жил в детстве. Пока ты молодой, ветренный, впечатлительный, романтичный, мечтающий, желающий вырваться из своего домашнего круга, ты стараешься оторваться от тех, с кем провёл всё своё раннее время. Они даже как-то тебе вроде надоели уже. Тебе хочется видеть других, каких-то изумительных людей, которыми многие, конечно, не являются.

Я, помню, ждал писем от матери. Иногда она передавала весточки от крёстной. И читал я это как-то бегло. Тут вот Юра Назаров прислал письмо из Щукинского театрального училища: театр, кино, умные лекции, Раджа Капура видел. А нынче все актёры мне скучны, дороже всего строки писем от матери. Я считаю (а так в жизни никогда не бывает), жить надо в родном, родственном по детскому твоему обитанию кругу. Ничего взамен равного ты не найдёшь, ничего... А что-то корневое, близкое нечаянно по молодости растерял, легко расстался с этим, увидел другое, неплохое, конечно, полезное для жизни, даже обогатившее тебя, но... но... Всё-таки самое близкое было там: крёстная, крёстный, мать, соседи... Я думаю, из этого чувства сожаления, из этих воспоминаний и выросла повесть "На долгую память".

М. С.: Духовная сила многих героев Ваших произведений вселяет гордость за наш народ, порождает желание хоть сколько-нибудь приблизиться к этой нравственной высоте, а иногда вызывает и стыд за собственную немощь. Особенно актуально звучат строки из романа "Наш маленький Париж": "Кому понять тоску старого казака, когда он видит на месте войскового храма гнилые чёрные доски?" Если бы сегодня России пришлось пройти испытания, подобные революции, коллективизации, голоду 30-х годов, Великой Отечественной войне, справились бы?

В. Л.: События 1991-1993-го годов показали, что в озлобленности своей, в ненависти друг к другу народ не меняется. Как и в семнадцатом году, народ озлобили, натравили друг на друга. Русский народ потерял очень много. Прежде всего, он потерял изумительно наивную, простодушную веру в царя, в Бога, в традиционный уклад жизни. Есть и то, что просто недоказуемо, о чём мне нельзя как-то убедительно сказать. Совершенно ясно, что люди могут быть разными: хорошими и плохими, великими и посредственными. Но какими были, допустим, донские казаки, которых застал Шолохов, когда работал над "Тихим Доном"? Какими были кубанцы до революции? Какими были офицеры? Какими пребывали казаки, которые служили государю, Отечеству? Попробуйте, ответьте на эти вопросы. О домовитости, о семьях рассказывала мне Гликерия Прокофьевна Таран, казачка из станицы Пашковской.

Черты жизни были иными. Даже в житейской суете, хозяйственной торопливости люди были степеннее, достойнее. Над всем был Господь. Утром встали, пошли в церковь, помолились, пришли, пообедали, перед обедом опять помолились. А сейчас и в русском кругу, среди тех, кто хочет верить в Россию, хочет, чтобы она вернулась, наши милые ребята-писатели не соблюдают этого. Они не знают, что такое помолиться. Когда В. Крупин молится, над ним смеются. Вот что изменилось. Когда молились государь с семьёй, великие князья, они становились на колени. Представьте себе нынешних губернаторов, падающих на колени... Разве в Пасхальное мгновение поцелуется губернатор со своим подчинённым? Начальники в церкви чувствуют себя всякий миг как-то неловко. Как будто они вынужденно уступают Богу в чём-то.

Изменилось и многое другое. Изменились лица. Посмотрите на старые фотографии. Изменилось чувство к своей земле. Мне трудно об этом говорить. Но я всё чувствую верно.

М. С.: По мнению Валентина Распутина, главный герой Вашего романа “Наш маленький Париж” – Память, по мнению Владимира Бондаренко – Любовь к людям. Как вы можете определить своего главного героя?

В. Л.: Они слишком обобщают. Главных героев я просто люблю и жалею. Я люблю Толстопята, Шкуропатскую, Попсуйшапку. Я потому и выбрал их и, представьте себе, не расстанусь с ними тридцать лет спустя. Попсуйшапку (в романе) я встретил в его древнюю пору – ему было за 90. Он очаровал меня Екатеринодаром, такой далёкой сказкой, чудесным призраком утерянного бытия.

После 1956 года русские казаки вернулись на Родину. Когда один из них принёс стихи, редактор журнала (знаменитый кубанский стихоплёт) провокационно, почти как работник КГБ, спросил: “Что? “Беленькое” нам принесли?” Казаки понимали, куда приехали. Они были совершенно не похожи на новых, незнакомых им жителей города. Меня, помню, поражали киоскёры: как они подавали газету, щепетильно клали сдачу, протяжно отвечали на вопросы. Казалось, что они откуда-то спустились к нам. Ну да! Они вернулись домой из Парижа, вернулись туда, где никого уже из заветных екатеринодарцев не было. Жили люди не лучше и, может, не хуже, но... другие. Старозаветная Кубань исчезла. О повседневной старой императорской России мало кто имел чёткое представление. В печати, в кино старая, великая, чудная Россия, где были понятия о добре, о честности, о порядочности, о благородстве, портилась всеми средствами.

Как-то мы поехали с Георгием Георгиевичем Степановым, который написал роман “Закат в крови” (роман, конечно, такой надёрганный раскавыченными ситуациями и чужими абзацами) в станицу Северскую, узнали, что там живёт старик, вернувшийся через полвека из Парижа, году в 72–73-м. Фока Савельевич Гетало, казак станицы Васюринской, был в Белой армии, жена осталась здесь, она отказалась от него. Он вернулся, нашёл её, она не захотела его видеть. И мы заявили к нему. Первое, что меня поразило, – его стол. Не знаю, это французский порядок или старомодный русский порядок, или это порядок человека, который должен был выживать в чужих условиях. И поразили его руки, ногти, лицо.

Совершенно почему-то холёная, белая-белая кожа. Это кубанец, который пережил не меньше, чем наши здесь. Всё было: гражданская война, голод, выживание в Париже и прочие тяжёлые условия, гитлеровская оккупация Франции, экономические трудности... И вот поздний казак перед нами, такой изумительный Фока Савельевич Гетало. Такая старая Россия. Залюбуешься им! Речь какая-то мягкая. Хочется пожить с ним рядом. Таким же был герой моего романа Толстопят. Вот почему я и написал роман. Я просто любил этих, как говорил Герцен, “благородных прошедших”. Я любил их руки, я любил их речь, интонацию.

В начале 60-х Юрий Павлович Казаков, великий писатель, мой учитель и друг, привёз из Парижа магнитофонные “колеса” с записями разговоров с писателями русского изгнания – Борисом Константиновичем Зайцевым и Георгием Викторовичем Адамовичем. Боже мой, как они говорили! Эта старая русская “допотопная” речь... Другая, напевная интонация. Особенно у Адамовича: петербургская. А мы уже не говорим, а гавкаем.

Изменилась не только Россия, весь мир изменился, даже внешне. В Англии был благородного вида Гарольд Макмиллан. И после этого какой-то Тони Блэр. В Америке был Ричард Никсон, и вспомните плейбоя Клинтонна. Очевидно, постепенно исчезала в мире порода. И остатки этой породы очаровывают. Когда я смотрел прощание с Чавесом, я влюбился в Мадуро. Как он прощался! Какой он красивый! Как он говорил! А он всего-навсего был шофёром, не с высшим образованием, не колумбийский университет заканчивал. Всё это имеет значение для народа. Дело в том, что писатель, вообще человек иногда восторгается не тем, чем надо. Но светлая душа всё равно грязью не восторгается.

Писателю полезна влюблённость. Без этого русский человек, русский писатель не может создавать вдохновенные поэтические произведения. Солженицын проложил тропу такой костяной ненависти. На самом деле, нужно на-

чинать с восторга. Влюблённость, очарование, сожаление побудили меня написать роман “Наш маленький Париж”.

М. С.: Юрий Селезнёв писал о повестях “Люблю тебя светло” и “Осень в Тамани”: “Перед нами встаёт Отечество в органическом единстве прошлого и настоящего”. Тема единства прошлого и настоящего – одна из ведущих и в романе “Наш маленький Париж”: каждое слово, каждый поступок, каждое событие герои оценивают в контексте родовой памяти, в контексте истории России. Слово “деды”, так часто звучащее на страницах произведения, концентрирует в себе эти смыслы. Но потом – пропасть. Почти у всех главных героев нет детей, нет прямых потомков, с родственниками они связи практически не поддерживают. Все их мысли обращены к прошлому, к собственным переживаниям. Получается, они-то теми самыми “дедами” ни для кого не стали?

В. Л.: Я не знаю, думал ли я об этом. Просто я чувствовал что-то. Я всё время горевал, когда писал, когда ходил по людям. Горевал, что исчезли целые роды кубанские, не мелькнут фамилии Толстопят, Поночёрный, Рашипиль, Свидин и др.

Когда я работал над романом, уже ничего не было. Какая-то, может быть, фамилия блеснёт, и та уже миллион раз переродилась. Как это случилось? Одни эмигрировали и умерли за границей. Или здесь окончили свою жизнь – в голодовку, были сосланы или убиты.

В Тамани иду по кладбищу, читаю: Лисевичские (однофамильцы жили и в Старотиторовской, в Ахтанизовской, в Брюховецкой). Род староказачий, офицерский. Всё искоренено. Потому, когда казачество стало возрождаться, то возрождаться оказалось не на чем. Даже милые чудесные казаки оказались плебеями, людьми, потерявшими или не осознающими своих корней. И поэтому они начали с поминования реликтовых героев, воевавших с горцами. Это всё хорошо: Кавказская война и прочее. Но надо было начинать с того, что ушли в 1920 году и не вернулись кровные казаки, бившиеся за Кубань не хуже прежних.

Атаману надо было позаботиться об этом. Ощущение русской родовитости – великое благо. В Калифорнии ко мне подошёл Тизенгаузен. Я аж встрепенулся! Тизенгаузены так связаны с Пушкинами с дочкой Кутузова.

Сейчас, когда я пишу про матушку (она у меня из Воронежской губернии, Россошанского уезда Бутурлиновской волости, села Елизаветино), то ради настроения лягу и почитаю в “Биографическом словаре” Половцова, в воспоминаниях потомка Бутурлиных, как любимец царицы Елизаветы граф Александр Бутурлин перевёз хохлов из Чернигова или из Черкасс в Воронежскую губернию, и основалась Бутурлиновка. И в 14 верстах от неё завелись все мои деды и бабушки, а потом родилась и моя матушка Татьяна Андреевна. Эта прославленная фамилия покоится лишь в литературе. Целое кружево старинных русских родов, которые должны были бы согреть, по крайней мере, душу писателя, распустила революция. И живём без родовитого слоя – огромного накопленного веками пласта родовитости самой России! А родовитость крестьянская, купеческая – всё кануло. Назаров мне говорит: “Что ты все плачешь по дворянам, ты же крестьянин?” Вырождение меня печалит. Посмотрите на Никиту Михалкова. Казалось бы, он и должен был снимать фильмы о русской породе, чтобы мы с вами вздыхали о вековой России. Зачем нам “Сибирский цирюльник”?

М. С.: В советское время поклонники “заваливали” Вас письмами. Чувствуете ли Вы сегодня связь со своими читателями?

В. Л.: Кто вам сказал, что меня “заваливали” письмами? Такого никогда не было. Просто у меня есть читатели. Я давно их знаю. Недавно мне написала одна поклонница, что до сих пор держит мою книгу на полке, периодически её снимает... Это очень важно. Таких читателей немного. Их не может быть миллионы, как у Анатолия Рыбакова после “Детей Арбата”. Его читатели побыли и ушли. Они уже забыли, что он им когда-то нравился.

Смысл самого существования литературы – в накоплении любимых читателей, которые все вместе поддерживают своим восторгом культуру слова, значимость литературы для души народной. Как я любил “Тихий Дон” Шолохова! Всё с Шолохова и началось. Как мы с Назаровым разговаривали о Шолохове – это только мы с ним знаем. Назаров ездил в Вёшенскую, а потом и я. Я был одарён признанием читателей, которые (так писали мне) меня перечитывали. Мне достаточно. Если кто-то в армии носил мою книжку

“Осень в Тамани” под пряжкой, спасибо ему. Засыпать с книгой, класть под подушку — такое влияние на читателя полезно. Но коварное соблазнение души привнесено в литературу в поздние советские годы. Задача была не воодушевить на доброе, а разложить.

М. С.: За свою жизнь вы общались с такими разными и выдающимися главными редакторами, как Александр Твардовский, Сергей Викулов, Станислав Куняев, Леонид Бородин. Кто из названных главных редакторов был наиболее созвучен вам как человек и профессионал?

В. Л.: Твардовский был слишком высок и далёк для меня. Я всё время вспоминаю себя студентом провинциального пединститута, караулившим раз в неделю “Литературную газету” и “Литературу и жизнь”. Как я читал “Литературную газету” и “Литературу и жизнь”! Там какие-то редкие люди, они пишут... А кто я? Это смущение осталось во мне до сих пор. Возле Пушкинской библиотеки на стенде крепилась свежая “Литературка”, иногда “Правда”. Прохожу мимо... Что там такое? “За далью — даль”. Новые главы Твардовского. Или В. Солоухин, статья об убийстве в Подмосковье поэта Дмитрия Кедрина. Его же “Письма из русского музея” в журнале. Даже художника Илью Глазунова читал и что-то выписывал — “Дорога к другу” в журнале “Молодая гвардия”. Какие поднебесные таланты! А я? Студент, будущий сельский учитель. Но чуток я был ко всему остро или таинственно русскому.

И вдруг я взлетаю в Москву. Вроде только что читал в “Литературе и жизни” статьи Сергея Антонова о мастерстве писателя, а он уже рядом, за столиком в ЦДЛ. Я до сих пор удивляюсь: как это Господь меня пожалел?! Или... Только что вышла моя вторая книжка в Москве с предисловием Юрия Казакова — “Голоса в тишине”. Еду из Новосибирска, захожу в ЦДЛ, в “предбаннике” сидит Казаков. “Ну, старичок! Ты скоро будешь, старик, знаменителе меня. Видел подвал в “Комсомолке”?” А Сергей Петрович Антонов, приглашая сестрь рядышком, говорит мне: “Спасибо, прочёл “Женские слёзы”. Вы прямо как Толстой пишете, поворачиваете характеры”. Ну, хоть стой, хоть падай! Уже думаешь: как бы дальше-то не опозориться. Уже вроде и писать не о чем. А похвалой душа поражена насквозь!

Или приезжаю в Москву в январе 1965 года, захожу в “Новый мир”, где я уже печатался. Спускается сверху заместитель Твардовского, автор учебника по литературе, Александр Григорьевич Дементьев. Я говорю: “Александра Трифоновича увидеть можно?” Он бурчит: “Ну, а чего ж... У нас же не контора. Конечно, поднимайтесь”. Я вскочил по ступенькам на второй этаж. Из кабинета выходит Борис Германович Закс, второй зам, он потом умер в Германии. За ним Твардовский, уже одетый. Я назвался. А мне тёща купила темно-зелёное пальто, китайское, непомерно большое. Да, представляюсь. И Твардовский разворачивается и приглашает войти в кабинет. Скидывает своё пальто на диван и по-свойски советует: “Снимайте и бросайте на моё”. Сразу стало так легко и хорошо! Второй раз я его видел на съезде писателей в Колонном зале Дома Союзов в 1970 году. Вот и всё общение. Я иногда думаю: “Да как это я напечатался в “Новом мире”?! Господь пожалел анапского учителя”...

Когда “Новый мир” (Ефим Дорош) отверг “Люблю тебя светло”, я ушёл к Викулову в “Наш современник”. Я, дурак, говорю: “Сергей Васильевич, ну, что-то интеллигентности в вашем журнале мало. Про интеллигенцию надо писать”. Для него это — нож в сердце (смеётся. — **М. С.**). И вот он не напечатал “Когда же мы встретимся”, как раз про интеллигенцию. Когда я получил Государственную премию за “Наш маленький Париж”, Викулов, который был в комиссии, меня поздравил. Он, наверное, пожалел, что не напечатал...

Станислав Куняев добрый, весь раскрытый человек. С ним легко. Мы вместе летали к Шукшину на Алтай. В Америке с ним был. Как-то мне с ним необычайно тепло и просто. Про него пишут не то. Он совершенно незлобный человек. Он пишет искренне. Я очень огорчён, что его именем хотят запугать. Да, он жёсткий в отстаивании своих позиций...

“Наш современник” — не хуже, чем при Викулове. Время, конечно, другое. Сегодня нет в журнале той прозы, которая писалась при Викулове. Но её нет и в литературном обиходе. А направление, идейная глубина сохраняются железно: русскость в самом хорошем смысле слова, верность своей почве. Народ это понимает. Народ столько лет держит журнал на своих плечах помощью и подпиской. Сорос ему не помогал. А среди журналов тираж самый большой.

М. С.: Виктор Иванович, одну из лучших статей о Вашем творчестве написал Юрий Селезнёв. Статья с названием, на мой взгляд, очень тонко и точно отразившим особенность вашего творчества, вашего мироощущения – “В одно сердце с людьми”. И Вы ему ответили добрым словом, но уже, к сожалению, посмертным. Расскажите о Ю. Селезнёве: что это был за человек, что вас связывало?

В. Л.: Очень хорошие статьи писал обо мне Олег Михайлов. Он очень тонкий человек, чувствовал художество очень хорошо. У Олега есть такие строки, абзацы, которые звучат просто как музыка, как проза. Хотя некоторые вещи, некоторые строки я бы не то, что оспорил, я бы вычеркнул, поскольку чувствуется легкомыслие человека, который был молод. Юра писал угрюмо-серьёзно. Он был серьёзнее, трудолюбивее, основательнее, нежели знакомые мне московские гении, которые допускали тогда такую лёгкость в оценке произведений, когда думали одно, а писали другое. Юра этого почти не допускал. Он был обуреваем страстью к литературе (не без тщеславия, может быть, порой, не без жажды самоутверждения). Его упорство превращалось, в конце концов, в плодотворное служение литературе.

Юра очень быстро рос, очень много работал. Он добровольно сгорал, хотя любил жизнь так же, как мои чудесные приятели-москвичи. Но Юра был гораздо жертвеннее. Эта жертвенность и привела его к ранней гибели. И мы часто думали с Шашей Федорченко, его кубанским другом: вот грянули после смерти Селезнёва такие исторические события, и он, если бы не погиб где-нибудь под Останкино или у “Белого дома”, играл бы одну из самых значительных ролей в патриотическом русском движении. Может быть, возглавил что-то общественное, какое-то издание, журнал... Такова была, очевидно, его природная миссия. Для этого, наверное, родился.

Селезнёв был настоящим, редкостью последователем в своём призвании, которое он почувствовал ещё в студенческие годы. Юра беспрерывно читал. Он старался везде успевать. Москва его немножко затянула в нехорошую сторону, в суету какую-то, но всё это постепенно преодолелось. И его смерть – потеря огромная! Можно сказать, что это потеря, равная потере Николая Рубцова, Василия Шукшина... Они бы развивались постоянно, росли, не останавливаясь на достигнутом... Что бы написал Шукшин?! Какой это был светлый, нежный, грустный гений! А Рубцов... Селезнёв в эти годы был весь в борьбе. Он написал бы, наверно, о Лермонтове.

Уже после интервью о смерти Юрия Селезнёва как о величайшей потере для России и русских говорили в разных контекстах критики, писатели, историки. Так, например, в газете “Завтра” один из лучших историков современности Андрей Фурсов написал: “При этом почвенников очень сильно давил КГБ. Те, кого Андропов называл русистами, получали значительно более длительные сроки, чем диссиденты, которых частенько просто гладили по голове. И целый ряд людей, которые могли бы стать лидерами патриотического поколения в Советском Союзе, странным образом погибали – это и Василий Шукшин, и Юрий Селезнёв, и Константин Васильев” (Завтра. – 2016. – № 8. – С. 6) – **М. С.**)

М. С.: По вашим словам, Вы стали редактором журнала, чтобы “воскресить для казаков их же жизнь, жизнь их предков”. А как сами казаки относятся к журналу и к Вам?

В. Л.: К сожалению, те, кто читает и подписывается, нам почти не известны. Известно только, что там где-то читают и плачут, как говорится. Все остальные казаки ничего не читают. Причём это не я теряю что-то, а они теряют. Если бы я говорил, что они не читают меня, – это одно. Но они не читают своих родичей. Такие были хорошие воспоминания! Даже я, сибиряк, и то не могу равнодушно всё это читать. И они многое потеряли. Атаманы историческому наследию не придали того значения, которое надо было придать. С воспоминаний надо было начать своё возрождение. И тогда бы им открылось всё: какая была жизнь, какие были офицеры, какие были полки, как вели себя люди, как вели себя казаки, как казак, возвращаясь с германского фронта после плена, подъезжая к станице, не знал, что делать. Ему было стыдно, что он был в плену. Как вёл себя офицер в театре. Как вёл себя Бурсак, предводитель дворянства. Возродиться невежественными нельзя. А вы вооружены только декоративным кинжалом.

Не так давно суд в городке Славянск-на-Кубани вынес постановление: снять мемориальную доску на доме, который 120 лет числится у краеведов как дом семьи генерала В. Г. Науменко. Вернувшиеся из Америки регалии сберёг именно Науменко. Во время войны постарался переправить их из Германии в Америку. Когда умерла его дочь, наши нынешние казаки не выразили соболезнования, не дали телеграмму, ни слова не сказали по телевизору и в кубанских газетах. Они, мол, предатели. Зачем же забрали регалии, которые “предатели” спасли? Дочь изо всех сил помогала возвращению регалий домой. А в 1996 году, когда крепили памятную доску к дому Науменко в станице Петровской, речь произносил атаман, который в комитете Законодательного собрания края ведёт дела казачества. Почему-то громкого слова не вымолвил.

М. С.: Сегодня многие говорят о ненужности Союза писателей России как творческой организации. Что вы думаете по этому поводу?

В. Л.: Москвичам, может, он и не нужен. У них есть куда пойти. А мы, когда приезжаем в Москву, прежде всего, идём в наш Союз писателей на Комсомольском проспекте.

М. С.: В декабре 2012 года ушёл из жизни Василий Иванович Белов. Вы – лауреат премии им. В. Белова “Всё впереди”. Вы не одно десятилетие знали Василия Ивановича. Как вы оцениваете место Белова в истории русской литературы XX века?

В. Л.: Это был человек крестьянского рода, который нёс в себе тысячелетнее русское чувство. Когда он умер, много всего говорилось. Я позвонил Крупину: “Ты чего говоришь-то?” А он в “Русском вестнике” напечатал: с одной стороны, мы горюем, что Белова нет, с другой стороны, мы радуемся: его творчество останется на века. Он имел в виду, конечно, то, что нужно радоваться за всех, кто уходит к Богу. Наверно, это правильно. Это так. Но даже плач вдовы Дмитрия Донского – это такая скорбь! Я думаю, что она веровала в Бога больше, чем Крупин. Тем не менее, так горевала, но не радовалась. Анечка, дочка Василия Ивановича, сказала лучше всех писателей: папа так и не смог уйти из мира деревни. Он там так и остался. Белов повидал Италию, Францию, Москву, Петербург, а весь-весь пребывал в своей деревне, со своими понятиями, любовью, привычками. Он нигде не хотел жить, кроме дома. Он даже Вологодой томился. Вот это тысячелетний русский человек! Вот таким его северная Русь создала, и таким он сберёгся в своем творчестве. Он великий гражданин России, такой, какими были Хомяков, Аксаков, Леонтьев, Розанов, Меньшиков. Василий Белов – патриот этого ряда.

Как он себя сохранил? Мы-то помним, как легко было поддаться (особенно часто посещая Москву и ЦДЛ) влиянию московской интеллигенции, как легко было забыть этих бабушек, эту простоту деревенскую... Ничто на него не действовало.

Был Шукшин. Его не объяснишь. Зайдёшь к нему в комнату, в которой он жил, приезжая к матери. Господи, это вот так вот я к своей матери приезжал: этот дом, эта изба – всё такое родное, знакомое. И только так познаётся Россия, познаётся наш мир. Познаётся чувством.

М. С.: Вы являетесь обладателем многих премий: Государственная премия РСФСР имени М. Горького (1988) – за роман “Наш маленький Париж”; литературная премия имени М. А. Шолохова; премия “Ясная Поляна” им. Л. Толстого (2003). Какая награда наиболее дорога Вам?

В. Л.: С точки зрения жизненной важности, Государственная. А для души – им. Шолохова, им. Толстого, им. Белова, конечно.

М. С.: Человек и писатель Виктор Иванович Лихоносов может назвать себя счастливым? Что такое, по-Вашему, счастье? Какие свои достижения, человеческие и творческие, Вы цените больше всего?

В. Л.: В старости понимаешь, что счастье – это быть с родными рядом. Когда оглянешься: того нет, того нет... Понимаешь, что счастье, когда рядом дорогие тебе люди.

Счастье такая простая мудрость. Мне не хватает тех близких, с кем я жил и думал, что так будет вечно. Частенько, как только тронется поезд, потом протянется верст сто, коснётся Средней России, вспоминаю писателя Евгения Ивановича Носова. В советские времена еду, бывало, через Курск, пишу что-нибудь игривое на открытке, во время стоянки перебегаю пути, бросаю в почтовый ящик – привет Носову. А его нет уже 15 лет. Нет Фёдора Абрамова. Счастье – когда нет потерь. Близкая душа, может, ещё и найдётся. Иногда грустно оттого, что душа эта где-то в Сибири, далеко. Вообще тонкое счастье сопровождается грустью...

ЖОРЕС АЛФЁРОВ

Академик РАН, лауреат Нобелевской премии

О ПРОШЛОМ ДЛЯ БУДУЩЕГО

Сегодня наступило необычайно чёрное время для всей нашей планеты. Сегодня на нашей планете, — к сожалению, об этом можно говорить с очень большой долей достоверности, — наступило время фашизма в самых разных формах. С моей точки зрения, это происходит потому, что нет такого могучего сдерживающего фактора, каким был Советский Союз.

Я неоднократно рассказывал об одном эпизоде на своих лекциях. Когда ваш покорный слуга получал в 2000 году Нобелевскую премию по физике, лауреат Нобелевской премии по экономике, американский профессор из Чикаго Дж. Хекман отметил, что научно-технический прогресс во второй половине XX века полностью определялся соревнованием СССР и США. И как он тогда сказал: “Очень жаль, что это соревнование закончилось”. Соревнование Советского Союза и Соединенных Штатов Америки играло огромную и благотворную роль не только в развитии науки и новых технологий, оно было огромным сдерживающим фактором в системе очень мощной эксплуатации трудящихся.

Недавно во Франции большую популярность получил экономист Т. Пикетти, который опубликовал книгу под названием “Капитал в начале XXI века”. Есть фотография, где он держит свою книгу, на которой слово “капитал” изображено очень крупными буквами, а “в начале XXI века” — значительно мельче, и поэтому толстый том “Капитала” выглядит так же, как первое издание “Капитала” К. Маркса. В своей книге французский экономист подчёркивает, что практически с рождения капитализма как такового происходило постоянное обнищание трудящихся и концентрация основных богатств во всё более узкой группе населения, группе капиталистов. Этот процесс замедлился в XX веке, когда существовал Советский Союз. При Советском Союзе процесс концентрации капитала и создания богатства в узкой группе замедлился, и эта концентрация упала по той простой причине — и Т. Пикетти это отмечает, — что Советский Союз был огромным сдерживающим фактором, и капиталисты понимали, что возможны социальные взрывы.

Мне часто вспоминается разговор с отцом моего старого друга, профессора Н. Холоньяка, который состоялся много лет назад, в 1971 году. Мы приехали к нему в небольшой, уже заброшенный шахтёрский городок с неработающей шахтой около Сент-Луиса в США. Основным населением этого городка были шахтёры, вышедшие на пенсию. Отец Ника Холоньяка приехал мальчишкой из Закарпатья, когда эта территория принадлежала Австро-Венгрии. И он подчёркивал, что он эмигрировал в США не из России, а из Австро-Венгрии. Я привёз с собой бутылку “Столичной”, мама Ника накрыла нам стол, мы сели, стали обсуждать разные проблемы, и он мне сказал: “Жорес Иванович,

если вы будете мне говорить, что русские рабочие живут лучше, чем американские, я вам не поверю”. Я ему сказал, что я не буду этого говорить. “Но я скажу вам, — продолжил он, — то, что вы редко сможете услышать в Соединенных Штатах. Когда я приехал сюда в начале XX века и начал работать на шахте, мы работали по 10–12 часов, мы жили в бараке, мы получали очень низкую зарплату, и жизнь была ужасной. Потом русские рабочие устроили революцию, и наши буржуи испугались и изменили свою социальную политику. Вот так, американские рабочие живут хорошо благодаря Великой Октябрьской социалистической революции”. И это известные факты, это признанные факты.

* * *

Сегодня история Второй мировой войны постоянно обсуждается, и многое искажается. Но по-честному нужно понимать: Красная армия не просто разбила немецкую армию. Когда началась наша Отечественная война, Германия практически покорила всю Европу, Германия практически использовала весь промышленный потенциал всех европейских стран. Страшным моментом была оккупация Чехословакии в 1939 году. Вот тогда предательство Англии и Франции поставило нашу страну, в том числе и руководство страны, перед необходимостью пересмотра внешней политики.

Я тогда был ещё мальчиком, но мы прекрасно понимали, что договор Риббентропа — Молотова был заключен для того, чтобы тянуть время, чтобы использовать его для лучшей подготовки к войне. Население нашей страны было уверено, что война с фашистской Германией неизбежна. И этот пакт — не изменение политики нашей страны по отношению к фашистской Германии, это тактический договор, который даёт нам возможность выиграть время. Это стало ясно после оккупации Чехословакии, потому что мы не смогли оказать ей помощь в соответствии с нашим договором, что было обусловлено одновременным участием в этом договоре Франции. Мы не смогли оказать реально никакой помощи, поскольку Польша отказалась пропускать наши войска, а мы не имели непосредственной границы с Чехословакией. Нужно сказать, что чешская компания “Шкода” и чешская промышленность с нашим договором работала на вооружение Красной армии, и когда Чехословакия была оккупирована, мы потеряли промышленный потенциал Чехословакии для вооружения, а фашистская Германия его приобрела.

На самом деле Красная армия в Великой Отечественной войне разбила не только немецко-фашистскую армию, она практически принесла свободу всем странам Европы и разбила объединённые вооружённые силы Европы. Часто у нас не задумываются, что у многих стран число участников вооружённых сил, воевавших против Красной армии, было больше, чем число тех, кто участвовал в сопротивлении против фашистов. У нас не было другого выхода, кроме как использовать все тактические методы, и сила советского, в том числе экономического, строя была продемонстрирована во время Второй мировой войны, когда, фактически потеряв большую часть европейской части Советского Союза, мы смогли наладить промышленное производство вооружений, так что в 1944 году по всем основным типам вооружений Советский Союз производил его больше, чем объединённая Европа во главе с фашистской Германией.

* * *

Если просто говорить о необходимости, например, коллективизации, то это совершенно очевидная вещь: иначе мы не смогли бы накормить свою страну во время Второй мировой войны. Можно спорить и говорить о том, какие методы были применены, это нужно было сделать другими средствами, скажем, на широкой основе добровольности. Но необходимость и коллективизации, и индустриализации была совершенно очевидна.

Если мы победили в Великой Октябрьской социалистической революции и решили строить новую систему социального равенства и государство социальной справедливости, мы прекрасно понимали, что на нас обрушится весь капиталистический мир, и прежде всего его лидер в Европе — фашистская Германия. Поэтому мы вынуждены были готовиться к войне.

Крупнейшие завоевания нашего социального строя – это, прежде всего, общенациональная собственность на землю, на орудия и средства производства и создание высокотехнологичных отраслей промышленности, которые вполне по тем временам конкурировали с созданной в течение столетия западной промышленностью.

Кроме того, это, конечно, наука и образование. Бесплатное образование, бесплатное здравоохранение, развитие научных исследований – это, безусловно, социальная база нашей страны. Не зря многими историками, в том числе и противниками СССР, отмечалось, что победу в Великой Отечественной войне нашей стране принёс наш школьный учитель, победу нашей стране принесли десятиклассники, те, кто окончил школу в 1937–1941 годах. Именно эти молодые ребята, бесконечно преданные своей стране, получившие образование у себя в стране, и стали костяком Красной армии, они вместе со всем народом победили в Великой Отечественной войне.

Когда после войны нам нужно было восстанавливать страну, а почти вся европейская часть лежала в руинах, нам одновременно нужно было решать и проблему создания атомного оружия. После бомбардировок Хиросимы и Нагасаки политическое руководство страны отчётливо понимало, что итоги Второй мировой войны, в результате которой Советский Союз вошёл в число великих держав мира и получил мировое признание, могут быть утеряны, поскольку появилось новое, невиданное до этого времени, ужасное оружие – атомная бомба, и появился монополист этого атомного оружия, который не постесняется и не побоится его применить, который продемонстрировал это, когда в этом уже не было военной необходимости, – в случае с бомбардировкой японских городов. И здесь, безусловно, наша наука и физическая школа, выращенная А. Ф. Иоффе, сыграла свою решающую роль. И именно советская атомная школа позволила ликвидировать в кратчайшие сроки атомную монополию США, и в это же время была восстановлена вся европейская часть страны и заново построены десятки и сотни городов.

* * *

Во время Великой Отечественной войны, особенно во второй половине, начиная с 1943 года, когда победа Красной армии становилась всё более очевидной для европейских стран, происходило мощное объединение славянских народов в борьбе с фашизмом. Основу его, конечно, составлял великий союз трёх славянских республик СССР – России, Украины и Белоруссии (в сущности, единого народа) – и самой крупной славянской страны на Балканах – Югославии. Всё чаще наши бойцы шли в атаку на фашистов с лозунгом “Вперёд, славяне!” При всём моём атеистическом воспитании, я с большим уважением относился к Русской Православной Церкви, прежде всего потому, что она служила объединению славянских народов.

В 90-е годы прошлого века произошёл разгром Югославии. Только слепая ненависть, умноженная на страх возрождения славянского единства (и, кто знает, не приведёт ли это к возрождению СССР?) могла толкнуть политическое руководство США на варварские обстрелы югославских городов, включая Белград, к созданию атмосферы вражды между дружными до этого народами Югославии и в результате привести к её развалу. В статье 1996 года Генри Киссинджер утверждает: “Ни в коем случае Россия, Украина и Белоруссия не должны быть вместе! Иначе возрождение СССР станет реальностью, а этого нельзя допустить!”

Украинские события последнего времени показали, что власти США на всё готовы пойти, чтобы только не допустить этого. Каким ханжеством звучит речь президента США Б. Обамы, когда он призывает оказывать военную помощь бандеровскому режиму Украины, утверждая, что несёт демократию украинскому народу... И какую роль США при этом сыграли в приходе этого режима к власти?..

В своё время В. И. Ленин, прекрасно понимая, что двигателем всегда является борьба и соревнование систем, в очень тяжёлых условиях по окончании гражданской войны поддержал создание и проведение новой экономической политики, допускавшей и частный капитал во владении орудиями и средствами производства, и аренду предприятий частником. В одном из последних своих выступлений он сказал, что мы перейдём от России нэповской к России социалистической. Ясное дело: создавая преимущества для государственного

и социалистического сектора, мы вместе с тем заставляем государственный и социалистический сектор соревноваться, бороться с частным сектором. Затем в силу, прежде всего, внешней обстановки и неизбежности войны мы отказались от новой экономической политики и перешли к политике государственной индустриализации и коллективизации, тем самым создав реальные предпосылки для победы в войне.

Я отношусь с огромным уважением к США, к этой передовой в экономическом отношении стране. Соревнование СССР и США играло огромную роль для развития всей планеты, соревнование и сотрудничество американских и советских, а ныне американских и российских научных работников играет стимулирующую роль. И талантливый предприимчивый американский народ у меня всегда вызывал и вызывает огромные симпатии, это была действительно передовая демократическая страна на протяжении многих десятилетий.

В значительной степени благодаря созданным в СССР и в США основным принципам информационных технологий, позволяющих электронными средствами молниеносно проводить финансовые операции, главным источником развития США стали финансово-денежные спекуляции. Вследствие этого США стали утрачивать технологическое, а в какой-то мере и научное лидерство.

* * *

У К. Маркса есть замечательное выражение, что насилие есть повивальная бабка истории. Этим выражением К. Маркс подчёркивает, что только политическая революция и насильственное свержение предыдущего правящего класса приводят к появлению нового социального строя. Так было во времена Великой французской революции, так было во время Великой Октябрьской социалистической революции.

Ведь что произошло с нашей страной за это время? Сам по себе развал СССР – это ужасная вещь, это подрыв всей экономической системы страны, независимо от её политической и социальной структуры. Мы уничтожили высокотехнологичные отрасли промышленности, страна развивается за счёт продажи естественных ресурсов, прежде всего нефти и газа. В каком-то отношении Россия стала страной рантье, когда миллионы людей живут за счёт того, что мы продаём наши естественные ресурсы, не внося никакого реального вклада в развитие, в том числе и этих отраслей промышленности.

От ликвидации высокотехнологичных отраслей промышленности жестоко пострадал многомиллионный рабочий и инженерный класс России. Достижением, внушающим надежду на возрождение страны, явилось создание Г. А. Зюгановым и его соратниками Коммунистической партии Российской Федерации, борющейся за интересы трудящихся. Рабочий класс был и всегда остаётся тем слоем населения, который готов идти на защиту своих интересов наиболее решительным образом. Согласно новым российским законам, любые призывы к революции являются преступлением, и меня за такие призывы можно было по определённой статье судить и вынести приговор. Но я бы хотел сказать следующее: даже если бы мы сегодня решили, что так нужно делать, это не имело бы шансов на успех. Успех новой пролетарской революции в стране возможен, только если есть пролетариат и сложилась революционная ситуация.

Но, безусловно, мы должны создавать новую экономику. Как-то, обсуждая эти проблемы с президентом В. В. Путиным, с которым иногда удаётся встретиться и поговорить, я сказал ему, что выдвинутый им лозунг создания к 2020 году 25 миллионов рабочих мест в высокотехнологичном секторе экономики является не только, как он определил, задачей бизнеса, это одновременно задача науки и образования, потому что реальное создание многомиллионных рабочих мест требует другого отношения к развитию науки и образования в нашей стране. Развитие мировой цивилизации происходило благодаря развитию научных исследований и созданию новых технологий.

* * *

Современные информационные технологии базируются на двух материальных компонентах – кремниевых чипах и полупроводниковых гетероструктурах. Именно гетероструктуры – “кристаллы, сделанные человеком”, по образ-

ному выражению японского физика Лео Эсаки, – определили возникновение и прогресс сотовой телефонии и спутниковой связи, оптоволоконной связи и светодиодного освещения. Вся современная фотоника, быстрая электроника, в значительной степени “солнечная энергетика” и эффективное энергосбережение основаны на их использовании. В отличие от чипов, в этой области пионерами и создателями научного фундамента и основ технологии были, прежде всего, мы, а не американцы. Первое опытное промышленное производство лазеров, светодиодов, солнечных батарей на гетероструктурах у нас было раньше, чем за рубежом.

Основа этого безусловного успеха лежала в традициях нашей академической науки, в том, что Академия наук СССР была мощной организацией с разветвлённой сетью собственных лабораторий, в которых учёные имели свободу выбора и возможность вести фундаментальные работы независимо от временной конъюнктуры.

Однако расцвет практического и широкомасштабного промышленного применения гетероструктур пришёл уже на годы “реформ”, то есть развала СССР и всех его высокотехнологических отраслей экономики.

В новых условиях образование, конечно, нуждается в серьёзных изменениях, и эти процессы идут в ведущих вузах страны, и задача бюрократов – вовремя их поддержать. Один из императивов современного образования состоит в том, что в своей учебной и научной деятельности университет должен ориентироваться на решение важнейших технологических задач и широко развивать междисциплинарные учебные и исследовательские программы. Для решения этих задач в мире возникли новые университеты, заметно изменились многие старые известные вузы. Первым в России стал Санкт-Петербургский академический университет Российской академии наук.

Успех может быть достигнут, если руководство страны осознает, что “наука необходима для страны. Каждая держава завоевывает свою независимость тем, что нового, своего приносит она в общую сокровищницу цивилизации. Если этого не происходит, она подвергается колонизации” – так сказал в своей юбилейной лекции в Коллеж де Франс 5 мая 1950 года великий учёный и гражданин, коммунист Фредерик Жолио-Кюри. Успех может быть достигнут в результате самого тесного и, наверное, вначале весьма болезненного симбиоза науки и рождающихся высокотехнологических бизнес-компаний. Современной научной молодёжи, и не только ей, я хотел бы напомнить сказанные в той же лекции слова Фредерика Жолио-Кюри: “Учёный должен из чувства патриотизма развивать свои идеи и просвещать сограждан в отношении роли науки, которая должна служить освобождению человека, а не накоплению личных прибылей”. Утрата этого великого принципа ведёт к деградации науки и общества.

Важнейшая задача, которая стоит перед нами, – сделать науку востребованной. Без этого её не вывести из нынешнего бедственного положения. Когда наука востребована, всегда появляются средства на реализацию научных разработок. Такие условия и нужно создать в нашей стране сегодня. Одним из реальных инструментов решения этой задачи должна была быть Российская академия наук, конечно, нуждавшаяся в реорганизации и возрождении многих утраченных ею за годы перестройки и “реформ” качеств. Этот процесс должны были осуществлять сами учёные при поддержке власти. Вместо этого в 2013 году был принят новый закон, практически уничтоживший Российскую академию наук, превратив её в клуб учёных. Настоящее возрождение Академии наук сегодня – очень сложная, почти невыполнимая задача, но мы должны это делать, и для этого требуется совсем другой подход и власти, и Академии.

* * *

Министр энергетики Саудовской Аравии недавно сказал такие слова: “Каменный век закончился не потому, что наступил дефицит камня, и нефтяной век закончится не потому, что наступит дефицит нефти”. Каменный век сменился бронзовым благодаря созданию новых технологий, и нефтяной век закончится – я в этом абсолютно уверен – благодаря развитию и успешному осуществлению новых технологий, в том числе фотоэлектрического метода преобразования солнечной энергии, который практически полностью решит все электроэнергетические проблемы человечества.

Мы на самом деле очень близки к решению этой проблемы, речь идет о 30-х годах нашего столетия, когда именно этот метод станет и экономически выгодным, и основным. Ведь он на многие столетия практически решает проблему электроэнергетики для всей нашей планеты. Если принять, что развитие человечества и развитие нашей цивилизации определяется, прежде всего, благодаря развитию науки и созданию новых технологий на основе научных исследований, то, я думаю, здесь появляется – можно меня упрекать в некоем политическом идеализме – мирный способ развития человечества и перехода к значительно более эффективному способу удовлетворения основных потребностей населения, которое живёт на нашей планете. И, прежде всего, я говорю о нашей стране, потому что в этом случае мы развиваем новые высокие технологии. Развитие новых высоких технологий может происходить только при реализации стратегического планирования по основным направлениям производства. При этом частный сектор весьма ограниченно может существовать, но в области высоких технологий он, в первую очередь, будет участвовать в рождении стартап-компаний, основанных на новых научных исследованиях. Эффективное развитие крупной промышленности невозможно на основе частного сектора, поэтому на самом деле будет происходить постепенное изменение социальной структуры общества, ведущее к рождению квалифицированного рабочего класса и научно-технической интеллигенции. Что чрезвычайно важно, для нашей страны только реализация этого способа производства может привести к тому, что миллионы людей будут заниматься не просто работой, а будут заниматься интересной работой, которая будет приносить им и хороший заработок, и удовлетворение самим процессом своей работы. Эту идеологию Коммунистическая партия Российской Федерации и её фракция в Государственной думе формулирует и развивает, основываясь все эти годы антисоветских “реформ” на формуле К. Маркса: “Наука – производительная сила общества”. Сегодня возрождение высокотехнологической промышленности необходимо для сохранения России, и это начинают понимать многие партии, но знамя и сила этого движения должны быть у КПРФ.

ВЯЧЕСЛАВ ШТЫРОВ

член Совета Федерации

ОТ ПРОГРАММЫ УПАДКА — К ПРОГРАММЕ РАЗВИТИЯ

“Сырьевая экспортно ориентированная структура экономики России исчерпала себя”. Это утверждение стало общим местом в выступлениях политиков и публицистов, учёных и предпринимателей, да и просто в размышлениях граждан — достаточно посмотреть газеты и интернет. Так думают и говорят люди самых разных, порой диаметрально противоположных политических убеждений и экономических воззрений. Тогда возникает вопрос: разве четверть века назад мы изначально собирались строить именно такую рыночную экономику, а она вот почему-то себя исчерпала? Ответ будет отрицательный: нет, не собирались. Ведь об этом не было сказано ни в одном из посланий всех трёх сменявших друг друга президентов России, не стояло это в программах ни одной партии, хоть оппозиционных, хоть правящих. Таких устремлений не провозглашалось ни в одной концепции или стратегии развития страны, которые принимались правительством. Наоборот, хотели построить экономику эффективную, многоотраслевую, находящуюся на передовых рубежах научно-технического прогресса, занимающую достойное место в мире. Тогда почему же всё выходит по-иному?

В тисках ложных рецептов

Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что капитализм как общественно-экономическая формация, имеющая строго определённые универсальные черты, является сугубо научной абстракцией и живёт только

ШТЫРОВ Вячеслав Анатольевич — член Совета Федерации, президент Республики Саха (Якутия) в 2002–2010 годах, до того — глава крупнейшей в мире алмазной компании “АЛРОСА”. В журнале “Наш современник” публикуется не впервые.

в головах и трудах политэкономов. В реальной жизни он имеет разные формы, которые складываются исторически под влиянием экономико-географических, природно-климатических, политических, ментальных и иных обстоятельств, характерных для той или иной группы стран. Ведь недаром говорят, что существуют англо-саксонская, европейская континентальная, азиатская (применительно к Японии и другим “азиатским тиграм”) модели капитализма. Они отличаются друг от друга хозяйственным механизмом, регулирующим внутреннюю экономическую жизнь и способ включения страны в мирохозяйственные связи.

А что же в России? Создали ли мы свою модель, соответствующую, хотя бы в принципе, одной из трёх названных? Ведь они признаны успешными, обеспечили устойчивое развитие и выход на передовые технологические рубежи целого ряда стран в разных частях света.

К сожалению, нет. За четверть века у нас создана модель, которая смело может быть названа компрадорской. Главными её чертами являются упор на торговлю сырьём, а не на создание каких-либо производств; приоритет экспортно-импортных операций над целенаправленным формированием внутреннего рынка; ориентация не на накопление капитала за счёт собственных источников, а проедание их и внешние заимствования. В результате происходит всё более прогрессирующая примитивизация экономики. Гипертрофированно увеличивается в её структуре значение нескольких сырьевых отраслей, продукцию которых можно куда-то пристроить на экспорт, а другие отрасли попросту исчезают. Ну, чем не компрадорский Китай XIX века?!

В основе любой модели капитализма лежит определённый хозяйственный механизм, который состоит из отдельных элементов: денежно-кредитной политики, структурной, антимонопольной, таможенной, ценовой, систем регулирования труда, доходов и расходов населения, аккумуляции сбережений и их трансформации в накопления, организации пенсионного и социального обеспечения и ряда других. Если судить по постоянным намерениям правительства России что-нибудь реформировать, можно подумать, что наш хозяйственный механизм всё ещё находится в стадии формирования. Однако это не так. Он уже сформирован, и его главные элементы приобрели вполне выраженные черты. Это и полная свобода трансграничного движения капиталов; и максимальная либерализация внешней торговли товарами и услугами на условиях ВТО; и привязка объёмов денежной эмиссии к золотовалютным резервам; и использование ставки рефинансирования исключительно в целях борьбы с инфляцией; и отказ от поддержки прорывных технологий; и постоянное изъятие денег из экономики в различные фонды; и ориентация на иностранный капитал и технологии; и поэтапное доведение цен на продукцию естественных монополий на внутреннем рынке до уровня мировых; и всё большая коммерциализация бюджетной сферы. Каждое по отдельности и совокупное действие всех этих элементов хозяйственного механизма служат и основанием, и инструментом автоматического воспроизводства нашей компрадорской модели капитализма. А сам он является продуктом особого типа макроэкономической политики, имя которой – Вашингтонский консенсус. В фантик с таким незамысловатым названием завёрнут набор псевдонаучных либеральных рецептов по выходу из кризисов для испытывающих финансовые или экономические затруднения развивающихся стран. Международный валютный фонд и Всемирный банк, находящиеся, как известно, под полным контролем Соединённых Штатов Америки, объявили, что любые формы взаимодействия с такими странами они будут осуществлять только на условиях полного соблюдения правил Вашингтонского консенсуса. А это, как следует из экономической теории и как показала практика, довольно быстро приводит развивающиеся государства к потере своей экономической и политической самостоятельности, фактически превращая их в своеобразные колонии.

В тиски упомянутого консенсуса попала и Россия. Но важно понимать, что действующий у нас хозяйственный механизм сложился не спонтанно под влиянием каких-то объективных обстоятельств. Он был сознательно и целенаправленно сконструирован за четверть века наших реформ. Его идейным основанием послужил неолиберализм, который был господствующим течением мировой научной мысли в годы старта российских реформ. Как и любая другая теоретическая конструкция, неолиберализм, безусловно, содержит в себе ряд позитивных идей, полезных к применению на практике.

Кто же, к примеру, будет оспаривать необходимость максимально возможного раскрепощения рыночных сил и развития конкуренции на внутреннем рынке? Но в то же время ряд его ошибочных положений был принят совершенно бездумно. Прежде всего, это касается порядка и условий нашего включения в мирохозяйственные связи.

Основанные на идеях либерализма экономические теории требуют ликвидации любых барьеров между странами на пути свободного движения товаров, услуг и капиталов. Их апологеты утверждают, что это должно привести не только к всеобщему процветанию, но и к выравниванию уровня развития различных государств за счёт их специализации на определённых эффективных видах деятельности, углубления международного разделения и кооперации труда. Однако во все времена, когда те или иные разновидности либерализма главенствовали в мировой экономической мысли, а самое главное – получали практическое воплощение в политике ведущих мировых держав или их союзов, происходило как раз обратное. Разрыв между богатыми индустриальными и бедными сырьевыми странами не сокращался, а только увеличивался, порой достигая размеров пропасти. Почему это так, давным-давно нашло своё объяснение в трудах учёных разных стран и поколений. Они убедительно показали, что по сути своей либерализм является не чем иным, как теорией чисто торговых отношений. Он попросту игнорирует главную часть экономики – труд и производство. А ведь труд может быть простым или сложным, создающим в единицу времени дополнительную добавленную стоимость. Производство может быть ручным или высокотехнологичным, порождающим интеллектуальную ренту. Разница в произведённой добавленной стоимости, наличие интеллектуальной ренты обуславливают так называемый “неэквивалентный обмен” в торговле между странами, что, в свою очередь, выступает причиной ускоренного развития одних из них и отсталости других. А свобода перемещения капиталов, товаров и услуг служит мощнейшим катализатором этого процесса, давая возможность беспрепятственно вытеснить внешними поставками внутреннее производство любых более или менее сложных товаров в отсталых странах. В наднациональных масштабах неумолимо начинает действовать известная функция ничем не ограниченной рыночной конкуренции – дифференциация товаропроизводителей. В замкнутых границах отдельных государств её результатом становятся изменения в положении предприятий: рост масштабов деятельности одних и ухудшение позиций, а то и разорение других. А вот в международных масштабах происходит накопление капитала, специализация на наукоёмких и высокотехнологичных производствах, рост благосостояния в одних странах и утечка капиталов, примитивизация структуры экономики, относительное или абсолютное снижение уровня жизни – в других.

Где место современной России в этой системе? Очевидно, что во втором эшелоне. Достаточно посмотреть, что происходит в стране в последние четверть века. С каждым новым экономическим циклом, как угодно его можно считать – по финансовым годам или от кризиса к кризису, – отраслевая структура нашего народного хозяйства всё более и более деградирует. Всё меньше остаётся не только высокотехнологичных, но и стандартизированных обрабатывающих производств. Могут возразить, что в последние годы созданы сотни новых современных предприятий. Но не надо забывать, что за это же время прекратили существовать тысячи. Всё правильно, всё идёт в строгом соответствии с теорией, которую мы взяли на вооружение и усердно реализуем на практике. Потому деградация и дальше будет продолжаться. Наша страна методично отдаляется на периферию от развитых и богатых мировых центров экономической жизни, одновременно становясь всё более зависимой от них.

Какие надо выучить уроки

Можно ли было предвидеть в начале наших реформ такой печальный исход радикально открытого вхождения страны в мировой рынок, безо всякой подготовки, как говорится, с места в карьер? Конечно, можно. Повторяю, всё, что происходит с нами – далеко не новость. Достаточно посмотреть на экономическую историю разных государств. Там найдутся полные аналоги нашей сегодняшней ситуации. Но найдётся и позитивный опыт включения в мирохозяйственные связи целого ряда стран. Он был успешен тогда, когда осу-

ществлялась всемерная поддержка экспорта продукции отраслей с высокой добавленной стоимостью, а поставки на мировой рынок сырья ограничивались, если не прямо, то косвенно, как это было в Южной Корее. Одновременно внутренний рынок защищался сознательно создаваемыми барьерами, которые иногда носили и неявный характер. Например, в Японии никогда официально не вводилось ограничений на импорт потребительских товаров длительного пользования, но в массе своей они не могли пробиться к покупателю сквозь традиционные многоступенчатые торговые сети этой страны. Снятие торговых барьеров и открытие внутренних рынков успешных стран проходило по мере выхода ключевых отраслей их хозяйства на конкурентный по международным меркам уровень. Следует заметить, что этот выход достигался в том числе и за счёт тщательно культивируемой конкуренции национальных производителей на внутренних рынках.

Кто-то может сказать, что для нас не было необходимости использовать подобный опыт, поскольку к началу рыночных реформ Россия располагала вполне конкурентоспособными производствами во многих отраслях, доставшихся в наследство от Советского Союза. Но надо вспомнить, что именно в это время развернулась массовая приватизация, в ходе которой подавляющее большинство лучших предприятий страны было буквально раздербанено на части. Разве могли теперь отдельные цеха или даже участки бывших производственных объединений законченного цикла обеспечить выпуск хоть какой-то высокотехнологичной продукции? В том-то и дело, что к полной либерализации внешнеэкономической деятельности мы подошли только с сырьевыми товарами. А разгромленная обрабатывающая промышленность даже на внутреннем рынке быстро была вытеснена иностранными товаропроизводителями. Началась нарастающая деиндустриализация страны.

А вот главный апологет современного либерализма – Соединённые Штаты Америки в своё время сполна использовали весь арсенал протекционистских мер для защиты от международной конкуренции своей развивающейся промышленности. Собственно говоря, глубинным содержанием не только экономической, но и политической истории первых полутора веков существования этой страны была борьба североамериканского протекционизма с английским либерализмом в мировой торговле. И велась она на всех фронтах: и на страницах учёных фолиантов, газет и журналов, и в правительственных решениях, и даже на полях кровопролитных сражений. Ведь сутью и войны с Англией за независимость в XVIII веке, и гражданской войны в Соединённых Штатах в XIX веке была вовсе не борьба за политическое самоопределение американских колонистов или гражданские права негров, а за возможность для Америки развивать под сенью протекций собственную промышленность и перестать быть британским сырьевым придатком. Эта линия выдерживалась на протяжении многих десятилетий в собственной экономической политике США, а по мере усиления их роли на международной арене стала трактоваться как носящая универсальный характер для мировой экономики. Так, в 1941 году Рузвельт обуславливал перед Черчиллем вступление Штатов во вторую мировую войну на стороне Англии демонтажом основанной на либеральной идеологии системы торговых отношений внутри Британской империи. В этой системе он видел причину углубляющегося разрыва в уровнях развития между промышленной метрополией империи и её сырьевыми сателлитами, которые, несмотря на все усилия, стремительно погружались в нищету. По его мнению, правильный путь лежит через индустриализацию развивающихся стран, создание в них многоотраслевой экономики. Только тогда возможен и нужен их открытый выход на мировые рынки в режиме свободной конкуренции на благо всеобщего процветания. Такой подход во многом был реализован на практике в знаменитом плане Маршалла для восстановления послевоенной Европы.

Но вот прошло несколько десятилетий, и Соединённые Штаты вместе со своими союзниками радикально поменяли курс. Что же для этого послужило причиной? Сработала старая, хорошо известная истина: бытие определяет сознание. Попав в жёсткие тиски мирового экономического кризиса 1970-х – начала 1980-х годов, промышленно развитые страны Запада нашли выход из него в глобализации мировой экономики. Для этого потребовалось взломать все экономические границы и барьеры и обеспечить свободное движение товаров и услуг западных компаний на внутренние рынки развивающихся стран,

одновременно получив доступ к их сырьевым ресурсам. Для идеологического обоснования стратегии экспансии была выбита пыль из старых теорий бывших оппонентов и сконструирован современный неолиберализм. В рамках свойственной Соединённым Штатам Америки – этой современной империи лжи – политики двойных стандартов неолиберальные догмы используются в двух форматах. В развитых странах они применяются прагматично и выборочно, с пользой для экономики страны. Для развивающихся же государств сформированы в виде обязательных к исполнению принципов Вашингтонского консенсуса. Понятно, что принятие этих принципов для многих стран – приговор к вечной отсталости и второсортности, но их обязательность обеспечивается политическим, а то и военным принуждением либо через деятельность международных финансовых организаций, таких как Международный валютный фонд и Всемирный банк. Теперь сравним дюжину пунктов Вашингтонского консенсуса и главные элементы нашего действующего хозяйственного механизма, о которых говорилось выше. Они находятся в полном соответствии друг с другом.

Конечно, возникает вопрос: есть страны, которые в силу тех или иных обстоятельств исторически были слаборазвитыми, но мы-то почему покорно приняли идеологию Вашингтонского консенсуса и прямо-таки по пунктам его принципов выстроили компрадорскую модель экономики? Мы же не находились под дулами английских, французских или американских канонеров, как Китай во время “опиумных” войн или Япония во времена бандитствующего янки, адмирала Перри, когда они силой заставили эти великие страны раскрыть свою экономику. Да, это так, но условия Вашингтонского консенсуса в начале 1990-х годов нам тоже были навязаны Западом. И навязаны благодаря слабой, непрофессиональной команде, оказавшейся тогда во главе страны. Главными причинами уступок, судя по всему, стали две. Во-первых, тогдашнее руководство страны готово было на всё ради признания его легитимности на международной арене после преступного и незаконного разрушения Советского Союза. Во-вторых, нужда во всё новых кредитах, как для расплаты по старым долгам, так и для проведения рыночных реформ.

Сегодня ситуация иная качественно. На основе новой формы своей государственности Россия приобрела внутреннюю устойчивость и весомый международный авторитет, легитимность всех ветвей её власти никем не оспаривается, снято тяжкое бремя государственных долгов. Пришло время освобождаться от пут навязанной нам извне модели экономики, конструировать новую, нацеленную на передовые мировые рубежи.

Но дело не только в объективно созревших для этого условиях. Просто время уже не ждёт: мы у края обрыва, на котором ещё можно немного постоять, но дальше пути не будет. Только падение. Это особенно ясно в условиях резкого снижения цен на сырьё, санкций и контрсанкций, беспрецедентного политического и идеологического давления на нашу страну со всех сторон. Союзников и бескорыстных подсказчиков, к сожалению, у нас нет. Самим надо всё решать. Наверное, осознание этого приходит ко всем. Вот почему появилось так много разных идей и концепций, что делать дальше.

Либеральный консерватизм

Как и должно ожидать, первую скрипку в дискуссиях задают “экономические гуру” последних лет. Как правило, это люди из властных или привластных, или, на худой конец, околоставных кругов. К примеру, Улюкаев, Греф и Кудрин. Их рекомендации на первый взгляд кажутся разными, но по сути дела дают одни и те же рецепты: приватизация, демонополизация, снятие административных барьеров, защита прав собственности, коммерциализация социальной сферы, реформа правоохранительной системы и прочая, прочая тотальная либерализация.

Конечно, сразу возникает вопрос: а чем же мы занимались четверть века? Разве не этим? Можно ведь даже ретроспективный график, когда и как всё делали, привести. Представить тонны исписанных “дорожных карт” и отчётов об их исполнении. А результат реализации идей двадцатипятилетней давности налицо: деградация экономики только продолжается.

Сами либеральные экономисты заявляют, что все наши проблемы якобы от незавершённости начатых реформ. Надо, мол, довести их до конца, до-

шлифовать до полного блеска все элементы созданного хозяйственного механизма. И он заработает надёжно, как швейцарские часы.

Да, заработает. Только будет в ещё более ускоренном темпе воспроизводить то, к чему уже привела политика Вашингтонского консенсуса. Это компрадорская модель капитализма, примитивизация структуры экономики с гипертрофированным развитием сырьевых отраслей. Можно дальше продолжить цепь причинно-следственных связей: сырьевая экономика – место в числе отсталых стран – второстепенная роль в мировой политике – угрозы национальной безопасности – частичная или полная потеря государственного суверенитета. Реально ли такое развитие событий? Вспомним собственную нашу историю. Конец XIX – начало XX веков, недовольство революционеров всех мастей незавершённостью реформ Александра II и их требование: надо больше буржуазной демократии, больше и больше! Конец XX века, недовольство Горбачёва и кучки окружающих его клеветов итогами семидесятилетнего государственного строительства в СССР и их требование: надо больше социализма, больше и больше! В обоих случаях радикализм привёл Россию к государственной катастрофе. А не путь ли к тому же – нынешняя ситуация, когда современные либеральные радикалы требуют: надо больше либерализма, больше и больше?!

Где исток этих идей? Он в том, что в начале 1990-х годов нам были навязаны к исполнению не только определённого сорта экономическая политика, основанная на принципах Вашингтонского консенсуса, но и команда проводников её в жизнь. Не думаю, что Ельцин был рад Гайдари во главе правительства России. У него были свои фавориты. Это решение, скорее, было вынужденным.

Гайдара уже нет, но его соратники, воспитанники, последователи и просто конъюнктурно примкнувшие к ним люди и сегодня остаются на вершинах властных, научных и идеологических структур. Им объективно трудно отказаться от своих идей и дел, даже если они осознают, что были проводниками чужих интересов и ложных концепций. Срабатывает и известный философский гносеологический закон: общественное бытие всегда опережает общественное сознание. Жизнь идёт вперёд, а люди, как правило, остаются в плену однажды сформировавшихся воззрений. Практика уже доказала, что неолиберализм, может быть, и был полезен Западу в определённый исторический период, но сегодня сам является источником многих глобальных мировых проблем. Потому уходит в прошлое и сама эта теория, и её практическое применение. Но отечественные либералы, взгляды которых сформировались три десятилетия назад, когда неолиберализм был господствующим течением мировой экономической мысли, до сих пор остаются в плену его иллюзий. В этом смысле их, в том числе самого Грефа, можно назвать его же термином – дауншифтерами.

Куда идти

Вместе с тем, помимо либеральных концепций выдвигаются и другие предложения по созданию новой модели экономики.

Во всём их разнообразии можно увидеть сходство точек зрения относительно ближайших стратегических экономических целей. Это, **во-первых**, замена в качестве основного источника самого существования и развития страны сырьевой ренты на интеллектуально-технологическую; **во-вторых**, снятие всех инфраструктурных ограничений для любых видов хозяйственной деятельности; **в-третьих**, оптимизация систем территориального размещения производительных сил и расселения. Казалось бы, эти цели слишком разновекторны, чтобы ставить задачу их одновременного достижения. Но на самом деле, они взаимообусловлены: одно невозможно без другого. А самое главное, именно в своей совокупности они обеспечивают и экономическое развитие, и политическое единство, и безопасность страны от внешних геополитических угроз.

Возможно, нам повезло, что, как говорят специалисты, мир переживает очередную смену глобального технологического уклада. Именно такие времена наиболее благоприятны для выхода на мировые рынки с новыми продуктами, материалами, оборудованием и технологиями. Это создаёт хорошие предпосылки для достижения первой стратегической цели. Тем более, что,

как считают учёные, по трети из 50 наиболее значимых мировых достижений в нано- и биотехнологиях, геномной инженерии, интегрированных информационных системах мы занимаем передовые позиции, а по ряду других сохраняем все возможности догнать лидеров. Но надо спешить: многие в этом мире при разработке новейших технологий двигаются быстрее нас. Вот почему **фундаментальные и прикладные исследования, отрасли и производства, находящиеся на острие научно-технического прогресса, должны сполна получить первоочередную государственную поддержку, не только финансовую, но и организационную.** Имеется в виду создание целого ряда специальных внедренческих структур, находящихся на стыке науки и прикладного использования её достижений.

Целый арсенал разнообразных форм государственной поддержки необходимо использовать и для стимулирования восстановления и развития высокотехнологических отраслей действующего уклада, в первую очередь, всех видов машиностроения, а также извечных базовых секторов народного хозяйства, таких как агропромышленный комплекс. А вот другие виды деятельности должны развиваться самостоятельно, ориентируясь исключительно на текущую и долгосрочную рыночную конъюнктуру, находясь в режиме жёсткой конкуренции не только с отечественными товаропроизводителями, но и с зарубежными. Их поддержка может иметь какой-то смысл только в рамках разумного импортозамещения. Необходима концентрация внимания и ресурсов на главных приоритетах, обеспечивающих и технологическую самодостаточность страны, и эффективный выход на мировые рынки. Только так можно остановить постоянный отток капитала, обусловленный “неэквивалентным” обменом при торговле сырьём и полуфабрикатами. Только так создаётся канал его притока и накопления.

Концентрация средств необходима и в ходе достижения второй стратегической цели – снятия всяких инфраструктурных ограничений для всех отраслей народного хозяйства. На первом этапе надо отодвинуть в сторону разного рода местечковые проекты – плоды всевозможных лоббистских усилий – и сосредоточиться на решении общенациональных вопросов, обеспечивающих экономическое, социальное, культурное, мобилизационное и, в конечном итоге, политическое единство страны. Речь идёт о завершении создания объединённой энергосистемы страны, единых общегосударственных систем магистральных нефте- и газопроводов, тотальной газификации населённых пунктов; окончании реконструкции БАМа и Транссиба; строительстве Северо-Сибирской, Трансуральской, Амурско-Якутской железных дорог, Белкомура и Северного широтного железнодорожного хода; прокладке автодорог на Чукотку и Камчатку; восстановлении Северного морского пути и меридиональных подходов к нему. Причём внимание должно быть уделено не только линейным сооружениям, но и крупным транспортным узлам, объектам логистики. В первостепенности этого вопроса можно убедиться на примере импортозамещения рыбной продукции. Предполагалось, что значительная часть её импорта из европейских стран будет заменена на нашем внутреннем рынке на отечественную дальневосточную. Но этого не произошло, хотя по ходу путины 2015 года такие возможности были. Причиной послужил крайний недостаток мощностей по приёму и переработке рыбы в российских портах Дальнего Востока. А вот у наших восточных соседей с этим всё в порядке. В одном только южнокорейском порту Пусан ёмкость рыбных холодильников почти в тридцать раз больше, чем на всём Тихоокеанском побережье России. Потому и уплыла наша рыба на чужие столы.

По третьему направлению **необходимо продолжить работу по созданию особых условий хозяйственной деятельности и организации социальной сферы в депрессивных макрорегионах, таких, как Дальний Восток, Северный Кавказ, Крайний Север востока страны.**

Это главные цели с позиций сегодняшнего дня, а завтра появятся новые.

Целеполагание: от имитации – к конструированию будущего

Задача определения и чёткого формулирования стратегических целей развития страны чрезвычайно сложна. Обусловлено это не линейным, а скорее скачкообразным, со множеством непредвиденных эффектов ходом научно-

технического прогресса. Сложности добавляет и то, что сами социально-экономические процессы носят вероятностный характер, поскольку в их основе лежат не только объективные закономерности общественного развития, но и субъективная человеческая деятельность. Тем не менее, во многих успешных государствах созданы системы стратегического прогнозирования, целеполагания и планирования. Пока писалась эта статья, индусы, китайцы и японцы выполняли свои очередные пятилетние индикативные планы, немцы были заняты практической реализацией долгосрочных федеральных программ выравнивания уровней развития земель, по заранее заданной траектории движется военно-промышленный комплекс США, увлекая за собой мощнейшую национальную науку и высокие технологии.

А куда движется Россия? Формальный ответ может быть таким: наши цели заданы разработанной ещё в 2008 году “Стратегией 2020”. Но над этим документом сейчас почти в открытую посмеиваются сами его разработчики. Да, дескать, был грех, творили что-то, не ведая ничего про будущие катаклизмы с нефтью и Крымом, а сейчас всё это устарело и не нужно. Но ведь даже и кризисные сценарии должны были быть учтены в главном стратегическом документе, подготовлены на этот случай планы действий. Сейчас бы они и пригодились. А может быть, дело не в непредвиденных катаклизмах, а в самом подходе к прогнозированию и целеполаганию?

Для того чтобы проверить это, вернёмся в 2008 год. Тогда кроме общегосударственной “Стратегии 2020” был принят и целый ряд других. К примеру, Энергетическая стратегия России до 2030 года. Даже если просто посмотреть на принятые в этих двух документах горизонты планирования, то можно сделать вывод, что энергетика первична. До 2020 года она ведёт за собой экономику страны, дальше отпускает её идти в каком хочешь направлении, а сама движется к собственным целям. Но ведь должно же быть равным счётом наоборот. И это не единичный случай. Это типичная ситуация: достаточно проанализировать все принятые к настоящему времени документы стратегического планирования. В них собственные цели развития отраслей и макрорегионов все не вытекают из общегосударственных.

“Ничего страшного нет, ведь всё это только бумажные планы”, — скажут некоторые. Это не так. Давайте заглянем в ту же Энергетическую стратегию России до 2030 года. В ней прямо декларируется идея, что топливно-энергетический комплекс — это самоценный “локомотив”, который ведёт страну в инновационное будущее. Именно в этой парадигме он и развивается до сих пор, всё более отрываясь от других отраслей и сфер деятельности, становясь “ведущей в себе” с замкнутым денежно-ресурсным оборотом: продажа сырья на экспорт — закупка импортных технологий и оборудования, и далее по этому же кругу. А в соответствии с законом убывающей производительности недр, ТЭК требует всё больше средств, ресурсов, льгот, преференций, внимания и всё меньше от него общая народнохозяйственная отдача. Пожалуй, не осталось на планете не то что страны, а даже маленького островка в океане, куда бы мы не попытались привести газовую трубу или пригнать танкер с нефтью. А в это же время 40 процентов территории России не имеет газа, жители тысяч населённых пунктов топят дома дровами и кизяком, как в XIX веке. При наличии пока ещё богатейших ресурсов и относительно низких затратах на добычу углеводородов цены на рынке первичных энергоносителей внутри страны подошли к пределу платежеспособного спроса со стороны промышленности и населения. В эмбриональном состоянии находится нефтегазохимия. А ведь эта отрасль могла бы во многом сдмпфировать негативные последствия падения мировых цен на углеводороды, как это происходит в тех же США и Катаре. В чём причина происходящего? В неверно сформулированных стратегических целях. Ни с точки зрения народнохозяйственных интересов, ни по природе своей не может быть топливно-энергетический комплекс “локомотивом” развития экономики. Эта важная, но обычная инфраструктурная отрасль, задача которой — обеспечить жизнедеятельность населения и бесперебойную работу других отраслей народного хозяйства. Всё остальное — по возможности и в крайнем случае. Так бы оно и было, если бы в стратегическом планировании, как говорится, телега не ставилась впереди лошади, и цели ТЭКа были бы определены из интересов всей страны, а не самого этого комплекса.

Казалось бы, ситуация должна была радикально поменяться с принятием в 2014 году федеральных законов о стратегическом планировании и о промыш-

шленной политике в Российской Федерации. Однако нет, ничуть не бывало. До настоящего времени правительством не разработаны нормативно-правовые акты, определяющие технологию и порядок выполнения положений этих законов. Более того, всю эту работу оно, по-видимому, намеревается и во все свернуть. А как же иначе понимать недавно принятое решение об упразднении департамента стратегического планирования в составе Министерства экономического развития России? Или прошлогоднюю ликвидацию Совета по изучению производительных сил – старейшего в стране института, занимавшегося вопросами программирования социально-экономического развития. Созданный ещё при императоре Николае II, он сто лет служил государству при самых разных властях и правителях, а вот теперь стал не нужен. Но **какие бы ни были причины упорного неприятия стратегического планирования – замкнутость ли на идеологических догмах либерализма или некомпетентность и неадекватность – жизнь всё равно заставит его налаживаться. Потому что будущее не приходит само, оно сознательно конструируется, пусть и со многими поправками и корректировками по мере развития событий. Если этим не заниматься, придёт пора стать в строй подчинённых в новой реальности, которую создадут наши конкуренты, а не мы.**

Как конкретно должна быть выстроена система стратегического прогнозирования, целеполагания и планирования – это предмет отдельных самостоятельных исследований и решений. Сегодня, опираясь на наш собственный богатейший опыт и практику успешных зарубежных государств, можно выделить только некоторые желательные её черты. Важно, чтобы органы стратегического целеполагания структурно были выведены за рамки правительства и подчинены непосредственно президенту России. Их состав необходимо формировать из числа руководителей и учёных РАН; ведущих конструкторов, инженеров и технологов разных отраслей народного хозяйства; представителей объединений работодателей и профсоюзов; известных в стране общественных деятелей, представляющих, прежде всего, субъекты федерации. Постоянно действующие исполнительные подразделения этих органов должны иметь право как привлекать для исследований и проектировок российские организации на основе специально разработанных долгосрочных контрактов, так и создавать собственные нужного профиля.

Планам и госпрограммам – инструментарий выполнения

Понятно, что сформулированные в самом общем виде стратегические цели разбиваются на отдельные задачи с поэтапным их решением. Эти задачи могут меняться во времени в зависимости от конкретных обстоятельств. В этой связи, направленная на их выполнение система государственных планов должна иметь долгосрочный и среднесрочный горизонты планирования с постоянной их корректировкой по результатам годовых или двухлетних периодов.

В условиях рыночной экономики никакой государственный план не может быть директивной. Для субъектов рынка он даёт только ориентиры на общественно важные цели и индикаторы их достижения. Вот почему важнейшим условием выполнения планов является их тщательное согласование со всеми заинтересованными сторонами уже в процессе разработки. Это хорошо видно на примере Японии. В ходе переговоров с участием правительства страны японские профсоюзы, как правило, соглашались умерить социальные требования в обмен на обязательства работодателей направлять всю заработанную прибыль на развитие производств в новых отраслях, названных приоритетными в государственных планах. Да и сами частные корпорации, даже флагманы мировой экономики, часто годами терпели низкую норму прибыли на капитал в высокотехнологичных отраслях, считая для себя важным действовать в русле национальных приоритетов. Позитивный опыт согласования интересов, целей и планов по горизонтали и по вертикали был накоплен и в нашей стране в советское время. Он должен быть переосмыслен с точки зрения новых реалий и найти применение в современной практике.

Достижение стратегических целей и индикаторов планов развития страны должно осуществляться правительством посредством долгосрочных и среднесрочных государственных программ. В последние полтора десятилетия подготовлена достаточно обширная методическая база их разработки. Но значимых результатов от исполнения утверждённых программ, в большинстве своём, нет.

Этому есть несколько причин. Во-первых, госпрограмм только на федеральном уровне принято сотни. Такое большое их число означает, что нечётко определены стратегические цели и нет выделенных приоритетов в развитии страны. Отсутствует и возможность сформулировать критерии оценки результативности госпрограмм. Всё это только подчёркивает то плачевное состояние стратегического прогнозирования и целеполагания в стране, о котором говорилось выше. Во-вторых, наметилась упрощенческая тенденция в самом подходе к формированию госпрограмм для отраслей бюджетной сферы. По сути своей это не программы, дающие новое качество развития той или иной отрасли, а поддержание их обычной жизнедеятельности. Такой подход не совершенствует программно-целевой метод управления, а только дискредитирует его. Но третий, самый главный недостаток действующей системы планирования, выявляется при подведении итогов исполнения госпрограмм. В подавляющем большинстве случаев та их часть, ответственность за которую возложена на государство, выполняется в значительно большей степени, чем другая, где предполагалось участие бизнеса. Это системный недостаток всех госпрограмм. Отсюда можно сделать вывод: **мало определить стратегические цели развития страны и разработать государственные планы и программы как средство их достижения. Необходимо сконструировать такой хозяйственный механизм, который содержал бы в себе набор экономических, финансовых, фискальных, организационных инструментов, побуждающих, направляющих, стимулирующих и заставляющих частный бизнес и каждого человека участвовать в их выполнении для достижения общенациональных целей.**

Средства для развития

Одним из ключевых элементов этого механизма должна быть система мобилизации средств и направления их в качестве инвестиций в предусмотренные госпрограммами проекты развития приоритетных отраслей и направлений. Прежде всего, встаёт вопрос: где брать деньги?

По некоторым подсчётам, более 15 трлн рублей может быть получено за счёт домонетизации экономики. Эта сумма исчисляется как разница между общей массой денег, необходимой для нормального функционирования экономики при сложившихся объёме ВВП и скорости оборота денег, и фактическим их наличием в обращении. Сейчас она составляет около 40 процентов от необходимого. Остальное теми или иными способами изъято из экономики по требованию Международного валютного фонда о привязке денежной эмиссии к золотовалютным резервам Центрального банка России. Требование это, как мы помним, является одним из условий Вашингтонского консенсуса, и наша страна продолжает его покорно исполнять. От такой привязки надо отказаться, тем более в условиях санкционного режима. Лучше это сделать сейчас и направить средства на инвестиции. При этом можно использовать целый арсенал движения этих средств: прямые государственные капитальные вложения, покупка казной ценных бумаг предприятий под их проекты, предоставление им инвестиционных кредитов по базовой ставке Центробанка, государственно-частное партнёрство. Надо апробировать и такой путь, когда проектирование и строительство новых производств ведётся за счёт государства, а потом они сдаются в аренду. Это особенно может быть полезным для практического воплощения совершенно новых идей и технологий, рождённых в лабораториях учёных.

Могут быть и другие формы, но всегда надо иметь в виду, что все они хороши, если ведут к достижению стратегических целей. Прямая государственная поддержка должна оказываться только таким проектам, которые стройнейшим образом соответствуют именно заранее выделенным приоритетам. Вынужден акцентировать на этом внимание потому, что сейчас сложилась иная практика. Под каким-либо лозунгом, к примеру, необходимости инноваций, создаётся специальный фонд, выступающий буквально зазывалой для каких угодно инициатив. После глубокомысленной и дорогостоящей их экспертизы начинается финансирование всякой всячины под видом новизны: от выращивания экзотических креветок для олигархов до двухоперационной сборки импортной рухляди. Всё это должно быть ликвидировано и забыто. Основной поток инвестиций необходимо направить исключительно на главные

приоритеты. Это высокие технологии пятого и шестого укладов, любая экспортная продукция, кроме сырья, разумное импортозамещение, инфраструктура, выравнивание уровней развития депрессивных регионов.

Некоторые финансисты категорически заявят, что домонетизация экономики недопустима, поскольку дополнительная эмиссия приведёт к всплеску инфляции. Тогда давайте вспомним, что во времена деятельности правительства Примакова менее, чем за год, монетизация экономики возросла в 10 раз, а инфляция одновременно снизилась вдвое. Необходимо лишь установить контроль за тем, чтобы дополнительные средства были строго направлены на инвестиционные цели, а не выброшены на денежный рынок через коммерческие банки. Можно ли это сделать? И наш, и зарубежный опыт свидетельствуют, что можно. Образцом, например, может быть работа Промстройбанка СССР, который доводил любую копейку до строго заданных адресатов и целей. В Японии в своё время были учреждены специализированные банки, которые кредитовали инвестиционную деятельность только избранных правительством предприятий приоритетных отраслей. Таких примеров можно привести множество. Да и в нашей современной практике скоро появится нужный опыт, поскольку вступил в действие федеральный закон о порядке финансирования оборонного заказа, предусматривающий жёсткий контроль за целевым использованием средств.

Таким образом, домонетизация – это первый путь получения денег для осуществления стратегических целей. Кроме того, **порядка 20 триллионов рублей находится на счетах населения в коммерческих банках, плюс иностранная валюта на руках, эквивалентная 30 млрд долларов.** Общая сумма больше доходной части годового федерального бюджета. Значит, **надо создать систему привлечения хотя бы части этих денег в инвестиции через ценные бумаги или гарантии государства.** Уж это-то явно не эмиссионный источник!

Особая задача – остановить отток средств за рубеж. Едва ли сбудутся сладкие мечты либерально мыслящих экономистов, что этот отток остановится сам собой в ходе шлифовки их реформ. Даже если мы гордо и с большим отрывом займём самое первое место в известном мировом рейтинге условий ведения бизнеса, он не остановится при наличии открытого валютного рынка. В доказательство достаточно спросить, куда подевалась значительная часть валютных резервов нашего Центрального банка после недавнего набега валютных спекулянтов? Не для того нас принуждали к принятию правил Вашингтонского консенсуса, чтобы доллары или евро скапливались в России. Плавающий курс рубля в чём-то поможет, но в критический час плотину на пути оттока капитала не создаст. Надо вводить жёсткий валютный контроль: продажу полного объёма валютной выручки экспортёров Центральному банку (вот и источник для домонетизации экономики), ограничение переводов средств из страны юридическими лицами только текущими торговыми и платёжными по возврату кредитов операциями. Все остальные их денежные трансферты должны облагаться весомым налогом. Что касается физических лиц, то их переводы средств за границу должны иметь разрешительный характер при наличии деклараций об источниках доходов.

Возможно, это и не чисто рыночный подход. Но давайте обратимся к практике других стран. В период послевоенной реиндустриализации в целом ряде европейских стран десятилетиями существовал запрет на вывоз валюты, но и на покупку иностранных потребительских товаров длительного пользования. В Южной Корее даже обучающимся за границей студентам родители могли перевести строго определённую сумму в год. Японцы строго придерживались стратегии: “Мы экспортируем товары и связанные с этим услуги, а не капиталы”. Это ли не примеры для нас? Разве это не рыночные страны, а мы разве не нуждаемся остро в реиндустриализации?

Вопрос об ограничении движения капитала из страны имеет и другой аспект. Это находящаяся у всех на слуху деофшоризация. Меры, предпринимаемые правительством в этом направлении, правильны, но явно не достаточны. К пряникам в виде амнистий возвращающихся капиталов надо добавить и кнут. Либо выход предприятия из офшоров, либо жёсткое ограничение его деятельности в России. Речь идёт о полном запрете на участие в государственных подрядах, покупках земельных участков, акций и других активов любых российских предприятий, лишении доступа к недрам. Понятно, что эти

меры затронут интересы многих влиятельных лиц. Но надо же на практике посмотреть, как будут действовать в России подходы знаменитого и широко ныне цитируемого нашими управленцами сингапурского лидера Ли Куан Ю, который, как известно, не жалел своих друзей-товарищей.

Тарифы развития вместо тарифов удушения

Накопление денежных средств, их трансформация в инвестиции обеспечивают будущее нашей страны. Но и сегодня, и завтра реальный сектор экономики должен работать в максимально комфортных условиях, не быть обременённым необоснованными затратами. В этой связи **особенно важны справедливые цены и тарифы на товары и услуги естественных монополий**. Прежде всего, это касается производителей первичных энергоносителей — нефти, газа и угля. Сегодня господствует подход, предусматривающий поэтапное доведение цен на них внутри страны до мирового уровня за минусом транспортных затрат на экспорт. Это так называемый принцип равнодоходности при работе на внешнем и внутреннем рынках. Но даже при том, что он освящён на самом высшем властном уровне, такой подход принципиально неверен. Его можно воспринимать только как апофеоз принципов Вашингтонского консенсуса, не соответствующий ни экономической теории, ни реальной практике других государств. Цены на первичные энергоносители должны быть максимально приближены к их действительной стоимости. Этого можно добиться либо тотальной демополизацией нефтяной и газовой промышленности, включая трубопроводные системы, и созданием на этой основе рынка с совершенной конкуренцией, либо государственным регулированием цен. Первый путь труднореализуем, да и не нужен, учитывая все негативные последствия для развития имеющего исключительно важное значение для нашей страны нефтегазового комплекса. На втором же пути надо жёстко придерживаться политэкономической формулы “цены производства”, которая требует учёта не индивидуальных, а общественно-необходимых затрат на производство продукции монополистов, не расчётной, а средней по народному хозяйству нормы прибыли. А это означает, что монополисты должны распрощаться с выходящими за все нормы приличия сверхвысокими окладами и бонусами управленческого персонала, футбольными и хоккейными клубами, персональными самолётами и прочими загульными корпоративами. Цены на первичные энергоносители на внутреннем рынке могут и должны быть существенно снижены.

Сейчас вошло в моду ссылаться на труды крупнейшего авторитета по принципам формирования железнодорожных тарифов графа Витте. Его книги издаются большими тиражами, цитируются к месту и не к месту. Причём особенно любит это делать наше высокое железнодорожное начальство. Не буду вдаваться в подробности сложнейшего тарифного дела, но отмечу, что в настоящее время осуществлены на практике именно те подходы, которые граф нещадно критиковал, отвергал и радикально перестроил. Если бы его принципы действительно были реализованы в наши дни, то не возникло бы проблемы пригородных электричек, не отступал бы железнодорожный транспорт в конкуренции с автомобильным на дальних грузовых перевозках, не уходили бы пассажиры с междугородних поездов на автобусы. Все эти на самом деле рукотворные проблемы настолько остры и для народного хозяйства, и для жизни людей, что требуют немедленных решений.

Но дело не только в этом. Важно, что Витте считал вопросы пространственного развития и системы тарифов железных дорог равнозначными с налоговой и таможенной политикой по своему влиянию на экономику страны. Потому он и соотносил интересы отрасли с общегосударственными. Отсюда и применяемые им методы: перекрёстное субсидирование перевозок одних грузов за счёт других; уменьшение удельных грузовых тарифов пропорционально расстояниям; их резкий перелом в отдельных узловых точках. За счёт одного из таких переломов, например, была ликвидирована конкуренция западных и восточных областей России на мировых рынках зерна, а Сибирь превратилась в одного из крупнейших на планете производителей животноводческой продукции. Скажи кто-нибудь сейчас о необходимости применения этих инструментов регулирования тарифов, и тут же будешь заклеен как антирыночник. Почему? Ведь Витте был рыночником покруче нынешних. По-

другому он видел и пути реформирования отрасли. Вместо разделения её по видам деятельности, предлагал из общей сети выделить в качестве самостоятельных рыночных единиц группы железных дорог по географическому принципу. В те уже далёкие времена железные дороги в России принадлежали и частному капиталу, и государству, но успешно управлялись, как единое целое. Сеть дорог была одной из лучших в мире в техническом, организационном и финансовом отношении. Почему же не был использован собственный позитивный опыт в ходе современных реформ в отрасли? Может быть, потому, что хвалебные предисловия к новым изданиям старых книг подписывались, но сами они не читались? А и в самом деле, зачем? Ведь есть готовые иностранные рецепты и чужой, якобы успешный опыт. Вот и получили мы 9 километров в час средней скорости движения грузов по железным дорогам России, их деградирующую сеть и неподъёмные тарифы. Надо возвращаться к самым истокам реформ отрасли и многое делать заново.

В последнее время несколько поutih накал споров вокруг принятой в середине 2000-х годов схемы реформирования электроэнергетики. Оно и понятно, первые итоги реформ принесли всё-таки некоторые положительные моменты. К их числу можно отнести возможность для крупных потребителей выбрать ценовые и технические условия поставок электроэнергии, несколько большую, чем раньше, гибкость и прозрачность ценообразования. Своевременны были ликвидированы и ошибки в структурном построении электросетевого хозяйства. Но в то же время не сбылись многие ожидания, прежде всего, в отношении тарифов на саму электроэнергию и услуги, связанные с её поставками.

Во многом это обусловлено техническим состоянием отрасли. По таким важнейшим показателям, как производительность труда, удельные расходы топлива на выработку полезной продукции, потери в сетях, электроэнергетика опустилась до уровня середины 1970-х годов. Крайне велика степень износа её основных фондов. Так, проведёнными после аварии на Саяно-Шушенской ГЭС обследованиями выявлено, что состояние паровых и газовых турбин электростанций удовлетворительно только в одном федеральном округе из семи, а гидротурбин – в двух из семи объединённых энергосистем. Техническая отсталость электроэнергетики сегодня служит причиной снижения её надёжности и высоких тарифов, а завтра будет лимитирующим фактором даже для умеренного роста экономики. Вот почему эта отрасль, пожалуй, как никакая другая, требует инвестиций в модернизацию действующих и создание новых мощностей. До сих пор механизмы их привлечения были рассчитаны в основном на аккумуляцию средств потребителей электроэнергии. В сетевом хозяйстве вводилась плата за присоединение к мощностям, долговременные тарифы на передачу электроэнергии с включённой в них инвестиционной надбавкой. Эти механизмы и в дальнейшем могут быть использованы. Необходимо только усовершенствовать их с точки зрения дополнительных стимулов для участия потребителей в развитии энергетики. Например, передавать им ценные бумаги энергокомпаний в объёмах, эквивалентных абсолютным величинам инвестиционных надбавок. Необходимо также встроить механизмы стимулирования инвестиций в хозяйственную деятельность предприятий, вырабатывающих электроэнергию. Это возможно сделать через нормирование их затрат. Сверхнормативные расходы на труд и топливо должны облагаться специальными налогами на превышение фонда потребления и дополнительное загрязнение окружающей среды. И, напротив, всякую экономию затрат, расходующую или накапливаемую на инвестиции, следует освободить от налогообложения.

Было бы целесообразным разработать и специальную систему рентных платежей в электроэнергетике. Речь идёт об изъятии части сверхприбыли некоторых генерирующих станций, если она не направляется на обновление или создание новых мощностей. Эта сверхприбыль образуется, как правило, за счёт не зависящих от работы предприятий факторов: либо за счёт более эффективного топлива, либо за счёт местоположения относительно его источников. Потому и она может быть безболезненно и справедливо изъята в случае использования не в целях развития производства. Помимо стимулов, направленных на аккумуляцию собственных средств для инвестиций в основные фонды, электроэнергетика нуждается и в различных формах государственно-частного партнёрства. Прежде всего, это касается гидростроительства. Развитые страны уже давно задействовали энергетический потенциал своих рек

практически полностью. В восточной же части России от Байкала до Чукотки действует или строится всего восемь гидроэлектростанций, хотя для сооружения новых выбрано ещё более трёх десятков створов. Гидроэнергетика заведомо более экологична и экономична, чем любая другая, включая солнечную и ветровую. Тем более на востоке страны, где нет угрозы затопления пахотных земель. Но слишком дорого строительство её станций для частных инвесторов. Привлечь их можно было бы, профинансировав часть затрат, допустим, на плотины и схемы выдачи мощности, за счёт государственных источников. Таким способом можно создать целые каскады гидроэлектростанций, решив параллельно множество общегосударственных задач: борьбы с паводками, накопления запасов пресных вод, выработки дешевой электроэнергии для собственных нужд и на экспорт.

Ценообразование на энергоносители и услуги всевозможных монополий имеют для нашей страны особое важное значение. Какие бы мы ни принимали меры по повышению энергоэффективности промышленности и сельского хозяйства, оптимизации маршрутов перевозок их продукции, сами климатические и географические условия Российской Федерации объективно определяют повышенный по сравнению с другими странами уровень затрат на них. Именно поэтому надо добиться их оптимального регулирования, чтобы снять хотя бы часть нагрузки на реальный сектор экономики.

Налог как инструмент достижения целей

Существует точка зрения, что действующая в Российской Федерации налоговая система чрезмерно обременительна для бизнеса. Однако объективные показатели свидетельствуют, что это не совсем верно. Удельный вес в валовом внутреннем продукте средств, распределяемых через налоговую систему, доля налогов в структуре выручки предприятий от реализации их продукции и услуг имеют в России умеренные значения относительно других стран. В то же время есть целый ряд вопросов, которые требуют новых решений.

Прежде всего, уже перезрел отказ от плоской шкалы налогообложения доходов физических лиц. Его дифференциация позволила бы и несколько снизить градус социальной напряжённости за счёт выравнивания уровня жизни разных категорий населения, и частично покрыть хронические дефициты местных бюджетов. Уже в ближайшее время надо заменить налог на добавленную стоимость налогом с оборота с его разбивкой по группам товаров. С одной стороны, это было бы определённым антиинфляционным мероприятием, а с другой – позволило бы снизить управленческие издержки для предприятий, поскольку расчёты по НДС очень трудоёмки. По некоторым данным, в целом по стране они составляет до 1 млн человеко-лет (!). Здесь огромный резерв для высвобождения рабочей силы, которую можно использовать в решении других производственных задач.

Требуется более тонкой настройки и система сбора природоресурсных налогов. Главное направление здесь – разделение дифференциальной и абсолютной рент, которые сейчас взимаются в рамках единого налога. Это способствовало бы более эффективному использованию бедных и труднодоступных месторождений полезных ископаемых.

Реализация этих и других предложений экономистов и производственников позволила бы облегчить и жизнь предприятий, и администрирование налогов. Но **ещё более важно сделать налоговую систему инструментом экономической политики. Имеется в виду создание режимов налоговой поддержки высокотехнологичных отраслей и полный отказ от каких-либо льгот и преференций предприятиям устаревших технологических укладов. Настоятельно необходима и дифференциация величины и порядка сбора налогов по макрорегионам страны.** Когда так ставится вопрос, то звучит стандартное возражение, что в этом случае разные отрасли и макрорегионы окажутся в неравных условиях. Да, с формальной точки зрения это так. Но ведь при действующих стандартах одни уже находятся в заведомо худших условиях, чем другие: новейшие отрасли – по причине высоких рисков и повышенных затрат на создание самой своей технологической основы, а некоторые макрорегионы – из-за присущих им сложных климатических, транспортных или демографических обстоятельств. Потому и будет способствовать

выравниванию стартовых условий для них нормативно установленное налоговое неравенство. Это диалектика, требующая детальных расчётов и взвешенных подходов. Но решения, какими бы они не были сложными, надо принимать. Иначе не создать нужного векторного поля для движения инвестиций.

Государственное управление: не числом, а умением

Уже на протяжении многих лет под общим лозунгом “Не надо кошмарить бизнес!” в стране пытаются убрать так называемые административные барьеры для предпринимательства. Это действительно важная работа, и много уже сделано. Но несмотря на кажущиеся успехи, проблема по-прежнему остаётся актуальной и острой. Во всяком случае, по мнению всех без исключения предпринимательских объединений и сообществ.

Одной из главных причин этого являются неудачно проведённые в середине 2000-х годов административная и муниципальная реформы. В ходе административной реформы на месте почти каждого федерального министерства возникло по три органа управления: собственно министерство, профильные агентство и служба. А в некоторых случаях число непосредственно подконтрольных министерствам структур стало больше, чем две. Каждая из них создала свои отделения в субъектах Федерации. А там и без того было достаточно собственных ведомств региональных властей. В результате число управленческих госструктур в стране возросло многократно. Увеличилось и количество органов местного самоуправления и их служб в ходе муниципальной реформы. В результате за первое десятилетие XXI века численность гражданских государственных и муниципальных служащих выросла в 1,9 раза и достигла рекордных величин за всю тысячелетнюю историю Российского государства.

Количество не могло не перейти в качество. Для бизнеса в данном случае – в отрицательное. Ведь надо же такому числу служб и служащих, чтобы оправдать своё существование, чем-то заниматься: запрашивать, согласовывать, разрешать, проверять, запрещать, требовать отчётности. Сократив их не на 5–10 процентов, как того требует ежегодно президент страны, а обдуманно и радикально, можно существенно снизить административный нажим на предпринимательство.

Начать эту работу необходимо с регионального уровня. Именно здесь наибольшее нагромождение всевозможных структур и средоточие чиновничьей власти: и местной, и центральной. Вот и следовало бы слить федеральные органы государственной власти регионального уровня с министерствами и ведомствами субъектов Федерации соответствующего профиля, а объединённые и существенно сокращённые новые управленческие структуры перевести в двойное федерально-региональное подчинение. Конституция Российской Федерации этого не запрещает, да и опыт подобный у нас есть. И не только советский, но уже и недавнего постсоветского времени.

Необходимо пересмотреть и систему построения муниципалитетов. Полная автономность их разных уровней должна быть заменена соподчинённостью поселенческих и районных звеньев. В её рамках возможно такое перераспределение полномочий, которое позволит и ресурсы рациональнее использовать, и численность служащих существенно сократить, и общественное самоуправление сделать более действенным.

Конечно, существенное сокращение числа управленческих структур и многочисленной армии чиновников сыграет свою позитивную роль в улучшении делового климата в стране. Но только одного этого недостаточно. Надо продолжить работу по упрощению самих административных процедур, по организации систем технической, имущественной и финансовой поддержки предпринимательства, по совершенствованию рынка государственных и муниципальных заказов, по ряду других направлений. Это особенно важно для малого и среднего бизнеса, который наиболее чувствителен ко всякого рода препятствиям на пути своего развития.

В то же время представляется, что **среди управленцев и экономистов, да и в широком общественном сознании, сформировались завышенные ожидания относительно роли малого предпринимательства в экономике страны.** В настоящее время его доля в валовом внутреннем продукте России составляет около 20 процентов. Считается, что при создании благоприятного делового климата она может быстро достигнуть 60 процентов. Основанием

для такого суждения служат примеры целого ряда развитых стран. Однако это неверные оценки. На самом деле, малый бизнес в нашей стране развит достаточно хорошо. Он уверенно занял все возможные ниши, где только есть платежеспособный спрос, даже в теневом секторе. Надо заниматься и дальше созданием для него максимально комфортных условий. Но дадут они, все вместе взятые, ещё не более 5–10 процентов прибавки в структуре ВВП. А почему не значительно больше, как в развитых странах? Потому что там малое предпринимательство работает не только на население и домохозяйства, но и на крупный и средний бизнес. Любую более или менее заметную западную или азиатскую компанию можно представить в виде кометы. В её ядре находятся собственные производства, а в шлейфе – тысячи мелких самостоятельных подрядчиков. В результате деградации нашей экономики в России такие компании остались только в топливно-энергетическом, горнодобывающем и химико-металлургическом комплексах. Но эти отрасли не требуют большого числа внешних контрагентов. Вот и **негде приложить усилия малому бизнесу. Отсюда вывод: он тогда будет быстро развиваться, когда в ходе новой индустриализации появятся крупные и средние предприятия в трудоёмких отраслях народного хозяйства. А это напрямую зависит от экономической стратегии и структурной политики государства, которых сейчас в нашей стране, к сожалению, просто нет.**

Уже почти двадцатилетняя постприватизационная история российской экономики не дала никаких доказательств более эффективной работы частных предприятий относительно государственных. Достоверно лишь то, что федеральное правительство самоустранилось от управления предприятиями, имеющими стратегическое значение для страны. Об этом свидетельствует отсутствие всякой системы целеполагания для них и отчётности об их деятельности. Особенно красноречив тот факт, что до недавнего времени в советы директоров подведомственных предприятий представители органов государственной власти вообще не направлялись. Вместо них туда вводились так называемые “независимые директора”, фактически случайные люди, не имеющие нужных знаний и профильного образования. Ну, они и “руководили”, как Бог на душу положит, ни от кого не завися. По сути дела, сегодня мало кто может судить достоверно о том, что происходит внутри крупных государственных компаний. Потому и возникают сомнения в эффективности их работы, потому и создаётся мнение, что необходима их приватизация. Может быть в исключительных случаях и необходима. Но в отношении большинства было бы правильным просто наладить систему управления и использовать их потенциал как раз для прорыва в новые технологии.

* * *

В одной журнальной публикации трудно охватить всю проблематику перестройки сложившегося у нас хозяйственного механизма, прямо ведущего страну к углублению, а не преодолению отсталости. Остались за кадром многие важнейшие вопросы: таможенная политика, конкретные формы поддержки бизнеса и государственно-частного партнёрства, организация работы отраслей бюджетной сферы и целый ряд других.

Но, думаю, и сказанного достаточно для того, чтобы понять, куда нас привели бездумно воспринятые в начале реформ и продолжающие действовать до сих пор идеи Вашингтонского консенсуса. На край пропасти. И если не принять самых срочных, откровенно говоря, радикальных мер для изменения действующей модели и курса, будущее великой России окажется совсем не великим.

В редакцию журнала не перестают приходиться письма читателей с откликами на книгу Станислава Юрьевича Куняева “Нет на свете печальной измены...” и на его статью “Скатертью дорога” (“НС”, № 9, 2014), посвящённые одной теме — событиям на Украине... Чудовищный разлом между двумя братскими славянскими народами принёс нам всем огромную душевную боль и посеял смуту в общественном сознании и русских, и украинцев. Потому и столь разноречивы отклики читателей на те кровоточащие, в полном смысле этого слова, факты, что приводятся на страницах обсуждаемых произведений. Читатели высказывают свои мнения по этому вопросу, а автор произведений отвечает им с большой заинтересованностью и вниманием к позиции своих оппонентов. Так рождается интереснейший диалог, достойный самого пристального внимания.

НАША ОБЩАЯ С УКРАИНОЙ БЕДА

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ И ФАНТОМНЫЕ БОЛИ

Так бы я охарактеризовал новую книгу Станислава Куняева

Книга небольшого формата, в ней чуть больше двухсот страниц. Но читаешь её, и кажется, что она разрастается в объёме, на глазах ширится, развивается, дополняется. И формат будто раздвигается, словно перед тобой возникает распахнутое на дальние дали окно. А всё почему? Да потому, что речь в ней идёт о родном, близком, а теперь — увь! — отрезанном. Очередной сюжет, поворот книги дополняется твоими собственными воспоминаниями, сердечными замечаниями или памятливыми наблюдениями, деталями. Эта переключка, это ауканье разрастаются в пространстве и во времени, возвращаясь эхом недавней и далёкой истории, будоража сердце и душу. И возникает диалог.

Я ведь тоже, Станислав Юрьевич, “любовался Киевской Софией, вглядывался в Оранту — Нерушимую стену, вчитывался в древнерусские священные тексты, выложенные золотой смальтой на стенах Владимирского собора, расписанного Васнецовым... А как не вспомнить постепенного погружения в полутьму, в прохладу подземелий Киево-Печерской лавры, где тускло мерцают свечи, освещающие стены и потолки, вырубленные в днепровском известняке руками нескольких поколений монастырской братии...” Не будь погружения в эти подземные чертоги, я едва ли “погрузился” бы в историю и судьбу князя Владимира — крестителя Руси — и написал бы повесть “Красно Солнышко”. Тут прямая связь.

Чернигов и мне запомнился “своими белокаменными храмами домонгольской архитектуры”. А в сельском храме на Черниговщине я впервые ощутил, что такое благодать, когда крестили моих маленьких детей, дочку и сына.

Ваши харьковские страницы унесли мою память аж на полвека назад. Тогда, в 1964 году я сдавал экзамены в Харьковский политех, где скромной лаборанткой работала моя тётя. На её помощь и уповали мои родители, когда направили меня туда. Экзамены я благополучно завалил, ибо моё гуманитарное начало перевешивало техническое. Но с благодарностью вспоминаю прогулки по Харькову, в которых вожатым был мой двоюродный брат и ровесник

Виктор, по отцу украинец. Те давние впечатления оживил памятник Богдану Хмельницкому на обложке книги – это ведь бронзовый гетман на пару с медным всадником мчат из истории в неведомое наше – русское и украинское – будущее.

Вы вспоминаете, что на военную переподготовку Вас дважды отправляли на Украину. А я с украинскими хлопцами служил на просторах России: сначала – в учебке, а потом – в боевой части. Жизнерадостные, общительные ребята, они ничем не выделялись и не отделялись от нас, русаков. Больше того, с одним из хохлов, Мишей Франчуком, мы подружились. По виду – де Голль, такой же голенастый и носатый, он состоял в нашей полуроте на должности фельдшера. В моей повести “Служивый” ему отведено немало страниц.

Ещё одно место, где довелось тесно общаться с украинцами, – Высшая комсомольская школа (ВКШ), куда на профессиональную переподготовку собрали ответственных секретарей молодёжных газет. Было это в начале 1980-х. Помню дружеские застолья, откровенные беседы, в которых мы, русские и украинцы, дружно ругали цензуру. Цензура у коллег-украинцев, в том числе “западэнцев”, была свирепее, судя по их суховатым газетам, они с явной завистью разглядывали наши издания. Может, потому десять лет спустя с особым ожесточением сбивали эти “колодки”, ругая при этом “москалей”, словно не свои же, “самостийные” цензоры зажимали их где надо и не надо.

Читаю страницы о Западной Украине. Вы, Станислав Юрьевич, добром вспоминаете поездку туда: *“Везде нас принимали радушно, нигде мы не чувствовали себя ни “москалями”, ни “оккупантами” – ни в городах, ни в горных сёлах, ни в карпатских гостиницах и турбазах, открывавших свои двери в любое время нашего долгого, утомительного, но прекрасного путешествия”*.

Мои впечатления не столь радужны, однако и не мрачны. 1984 год. Я – в Трускавце, снимаю комнату в частном секторе. Неприязни вроде нет, но натянутость в отношениях с хозяевами чувствуется. Карбованцы за постой они принимают охотно, однако предпочли бы при этом не видеть меня, хотя я и так не шибко докучаю. С утра ухажу пить целебную воду нафтусю, на процедуры в местную лечебницу, гуляю по городку. А потом сиюзу взаперти, работая над рукописью книжки о походах по местам боёв в Карелии, где, к слову сказать, плечом к плечу сражались русские и украинцы, да включаю тихо пластинку Аллы Баяновой, которую приобрёл в местном магазине грамзаписи. “Я тоскую по Родине, по родной стороне моей...” – задушевно выводит Алла, разделяя мою печаль. Алла ещё на чужбине, не в России, но пластинка румынского Electrecord с её записями уже пересекла границу СССР.

Читаю книгу, сопоставляю с собственными представлениями, размышляю. Нет, если взвешивать все за и против, не было меж русскими и украинцами непреодолимых противоречий. Недопонимание в чём-то – да, но принципиальных поводов, чтобы во имя них развалить великую державу, и в помине не было. Автор с разных сторон осмысливает нашу общую с Украиной беду. Какие напрашиваются выводы? Видимо, подвело благодушие русских и украинцев – это с одной стороны; а с другой – сказалося вероломство, коварство, нахрапистость, тотальная ложь наших недругов-разлучников, которые сговорились с тогдашними нашими руководителями-временщиками. Разве могли мы, русские и украинцы, представить, что так быстро пойдут трещины по зданию нашего общего дома! А теперь, спустя четверть века, кажется, и возврата нет к прежнему общежителю, а сейчас особенно скорбно и убого выглядит УкРуина...

Вспоминаются первые приметы беды. 1994 год. Глубинка Черниговщины. Заскорузлые от вечного копания в земле руки тёщи... Она как робила и десять, и сорок лет назад, так и робит, уходя на свекловичное поле на рассвете и возвращаясь на закате. В руках её обновка – красные наволочки, часть из них с серпом и молотом. Союзные флаги отменяются, по дешёвке распродаваясь в сельмаге, а на смену появляются тут и там жовто-блакитные. А на столике у тестя – толстенная книга о “героях УПА”, её привёз из Львова “продвинутый” родственник.

Обращаясь к детству, Вы, Станислав Юрьевич, говорите о Конотопе, где пришлось жить и учиться в школе. Вот уже лет пятнадцать в Конотопе стоит украинская таможня, на которой “свидомые хлопцы” внимательно пронизывают тебя взглядом, прикидывая, нельзя ли с этого “москаля” чего-нибудь содрать. А киевское радио на перроне всю трубит о некоей Конотопской

битве, где “великие укрыв” наголову разбили несметные полчища “клятых москалей”. Что тут скажешь?! “Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно...” Мир помнит Полтавскую битву, где хохлы и москали наголову разбили самую сильную по тем временам шведскую армию. Все знают о героической обороне Крыма в середине XIX века, когда русские и украинцы плечом к плечу отстаивали Севастополь от наседающих англичан и французов. Но Котопская битва — это плод больного воображения мифических укров. Она, естественно, не войдёт ни в европейскую, ни — тем более — в мировую историю. Зато навсегда останется в общей нашей памяти горе Чернобыля. Мой харьковский брат Виктор, будучи командиром взвода химзащиты, получил там запредельную дозу радиации. Рядом с ним боролись с ядерным пожаром спецбойцы из Архангельска и Северодвинска... Это была общая наша беда — беда русских, украинцев и белорусов.

Финал книги совсем неожиданный — диалог с Мариной Струковой. В юности ярая русская националистка, воспитанница “Нашего современника”, она спустя двадцать лет обратилась в защитницу украинской хунты. Произошло это не вдруг. Вы, Станислав Юрьевич, по-отечески остерегали Марину от крайностей. Я помню ту статью в журнале. Но кто бы мог подумать, что из одной крайности эта особа кинется в другую!

Человек пишущий вечно рефлексировать. И публицист, и прозаик, и особенно поэт. Думы о Родине, о государстве, о бедах народных, о своей собственной судьбе и творчестве — от этого никуда не деться. Но зачем при этом впадать в национальный мазохизм?! Ладно, если ты расковыриваешь свои собственные болячки, путаясь в комплексах, страстях и обидах, вместо того, чтобы кинуться в храм да помолиться, да покаяться в своих грехах. Но кто тебе дал право обвинять свой собственный народ, что он, видите ли, не так себя ведёт в окружающем мире? Русский народ перенёс столько страданий во имя человечества, что критиканам всех расцветок лучше бы помолчать. А уж доморощенным — тем более. От их смердяковщины душу воротит. Они, шельмецы и шельмователи, не заслужили такой Родины, которой гордится русский народ. Но горько, что в тот стан, где кучкуются Макаревич, Лия Моджахедовна, Альбац и прочая, перешла талантливый поэт Марина Струкова.

Это перерождение произошло не сразу. Динамику его можно отследить по её публицистике, многочисленным выступлениям на различных сайтах. Но итог — вот он: петлистая тропа Андрия...

Читаю эти страницы, Станислав Юрьевич, с болью и недоумением. А ещё, как ни странно, с профессиональным удовлетворением: это надо же какая концовка! Ведь судьба Марины, проецируясь на беду Украины, обнажает самую суть перерождения. Когда русский по природе человек (Марина — Украина) замыкается в маленьком мирке, волей или неволей отвергая большой русский мир, он обращается в инфантильного подростка, неспособного сфокусировать свой взгляд на предмете, и совершает нелепые поступки. И тут одно из двух: либо взрослей, обретай твёрдый взгляд на окружающий мир, в котором звучит голос бессмертного Тараса Бульбы: “Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей...” Либо сиди на задворках истории, где пребывают все отщепенцы, начиная с Мазепы. Третьего не дано.

Спасибо за книгу, Станислав Юрьевич! Прозорливости Вам не занимать, к ней бы ещё ясного зрения Вашим глазам и здоровью. Вот этого Вам и желаю.

Искренне Ваш
Михаил Попов
г. Архангельск

ДОЛОЙ КИТЕЖ, ДАЁШЬ НАБАТ!

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Ваша статья “Скатертью дорога” подтолкнула меня к размышлению о том, чем является современная патриотическая интеллигенция. Нельзя не заметить, что её показная “русскость” — всего лишь тога, прикрывающая истинно-го её бога — государство.

Писатели-патриоты пишут книги, издают сборники рассказов и стихов, чем удовлетворяют собственные амбиции, но глубинной связи с русским народом у них нет. Их мейнстрим – обслуживание государства, ибо только оно по-настоящему может их увидеть, приблизить, возвысить, но не народ.

Русская интеллигенция в своей трусливости даже сблизилась и в чём-то сроднилась с еврейской либеральной интеллигенцией, признав её если не правоту, то силу.

Где живёт эта русская интеллигенция? Она в Москве и Петербурге, но с границ Петергофа и МКАДа не слышно и не видно того ужаса, в который впал настоящий русский народ. Он мутировал под зомбированием Останкино, под его лучевым всепроникающим засильем. Это излучение сделало россиян практически копией так ненавидимых российско-патриотической тусовкой американцев.

Где национализм русской интеллигенции? Где это воплощение любви к своему народу?.. Где солидарность с его унижением, бедами, вымиранием, алкоголизацией и дебилизацией?.. **Где протест, набат русской интеллигенции?!**

Вся литературная блажь русских патриотов писателей и публицистов фокусируется около Китежа – мессианского города счастья и благоденствия. Вера в чудо и просветление масс без насилия, революций и потрясений – ещё один признак инфантилизма.

На страницах своей прессы писатели-патриоты горячо и нежно любили братскую Украину и украинский народ, но в хищнической войне Кремля против Украины в 2014 году мало того, что не осуждали, – стали первыми кликушами террора против “жовто-блакитных”..

Крым и Донбасс показали подлинное лицо русского народа, это отражение того воспитания, которое проводилось режимом Путина и его карманной оппозицией на протяжении последних пятнадцати лет. Это итоги. Так Вам ли и Вашим ли коллегам по перу, господин Куняев, претендовать на роль цензоров русской совести?!..

Григорий Кузнецов
(адрес не указан)

МОЙ ОТВЕТ ГОСПОДИНУ КУЗНЕЦОВУ

В отличие от Вас, я лично и наш журнал делаем всё возможное сегодня, чтобы “литературное пространство” России дышало и жило творческой жизнью, чтобы русские писатели “купались” в нём и слышали голоса своих соратников, живущих не “в границах МКАДа”, а по всей великой стране. Вы, как я понял из Вашего письма, наш журнал либо не знаете, либо ненавидите из идеологических соображений. А потому незаслуженно и высокомерно поучаете меня и моих друзей – известных писателей всей России. “Наш современник” был и остаётся журналом Валентина Распутина и Юрия Кузнецова, Николая Рубцова и Вадима Кожинова, Василия Белова и Георгия Свиридова, а также живущих пишущих ныне Андрея Убогого, Глеба Горбовского, Альберта Лиханова, Юрия Лощица, Виктора Лихоносова, Владимира Крупина и многих других выдающихся национальных писателей Всея Руси.

Езжайте же лучше на Украину к Саакашвили, который, глядишь, и подыщет Вам в Одессе какую-нибудь русофобскую должность. Вы этого будете достойны.

Станислав Куняев
г. Москва

НЕ ВМЕРЛА ЛИ УКРАИНА?

Здравствуйтесь, дорогой Станислав Юрьевич!

Большое спасибо за Вашу книгу “Нет на свете печальней измены...” или “Ще не вмерла Украина”. Я внимательно её прочитала. Что ж, попробую по-

размышлять. К сожалению, официальная информация, поступающая с той и с другой стороны, слишком тенденциозна, чтобы слепо ей доверять. Другое дело — письма очевидцев, положенные в основу Вашей книги: несомненно, они искренние и честные.

Согласна, что национализм на Украине приобрёл крайние, экстремистские формы, пагубные не только для русских, но и для этнических украинцев. Это огромная беда всего народа, населяющего Украину. Беда. Но чья вина? Вот здесь не хотелось бы рубить сплеча.

Я никогда не была на Украине и знатоком её быть не могу. Хотя в детстве очень мечтала там побывать и даже самостоятельно изучала украинский язык. Было мне лет десять, когда в нашу вятскую глушь откуда-то залетели три номера украинского детского журнала, и мы с младшей сестрой принялись читать их вдоль и поперёк, заучивая наизусть стихи и рассказы. Украинский язык нас очаровал, потому что мы уже читали “Вечером на хуторе близ Диканьки” и “Тараса Бульбы”. Роскошные гоголевские картины, как живые, стояли перед нашими глазами, и украинский язык был так органичен всему, что Гоголь передал по-русски!.. Это завораживало. Возможно, тут была просто детская наивность. Но впоследствии мне довелось познакомиться с одним русским поэтом, который выучил украинский только за то, что им разговаривал Бульба.

Вы вправе сказать: “Эх, Сырнева, жила бы ты на Украине, может, другому бы запела”. Как знать. Мне довелось выслушать немало рассказов о том, как украинский литературный язык “портил жизнь и аттестаты” тех, кто учился в школах на Украине. “Мы всем классом ненавидели украинский, — сорок лет назад признавалась студентка Кировского пединститута, приехавшая из Феодосии. — Мы отказывались его изучать, срывали уроки и пытались доказать учителям, что он нам совершенно не нужен”. Полагаю, что в этом бунтарском классе учились не только русские, но также и генетические украинцы.

Но принадлежность к этносу определяется не только генетическими признаками, а, в первую очередь, языком человека и его национальным самосознанием. Иными словами, если украинец (белорус, калмык и т. д.) говорит по-русски и ощущает себя русским, то он русский и есть. Это хорошо выразил Олесь Бузина, слова которого Вы цитируете в книге: “До 13 лет все меня уверяли в советской школе, что я — украинец, а я чувствовал какой-то подвох... Как только ты понимаешь, что украинец — это всего лишь такой русский, на тебя, не побоюсь этого слова, нисходит благодать”. Не ощущал себя Олесь Бузина украинцем, было у него русское самосознание. Перешёл в другой этнос, но сам себе в этом признаться не хотел, утешал себя и другим пытался доказать: “Украинец — это всего лишь такой русский”.

Но, по моему мнению, ошибался Олесь: украинцы и русские — два разных, хотя и очень близких этноса. Но в двадцатом веке от украинского этноса отпали и влились в русский этнос сотни тысяч, если не миллионы людей. И, кстати, они внесли немалый вклад в русскую культуру, русскую литературу и журналистику — посмотрите, сколько у нас знаменитостей с украинскими фамилиями!

Но есть ещё своеобразный “синдром новобранца”: переходя в другой этнос, многие люди усиленно, а то и ожесточённо отмежевываются от своих генетических корней. Вот один пример. Работая на Крайнем Севере, мой муж подружился с уроженцем Донецкой области (назовём его В.). В. родился и рос в греческом селе (сегодня оно на территории Украины), но по менталитету был русским. Позже с В. познакомилась и я — он заезжал к нам во время отпуска по дороге с Севера на родину. Это был во всём положительный советский парень: рассудительный, надёжный, верный друг на все времена. Украинцев он не любил и всегда подчёркивал, что он — грек. В начале 90-х годов В. явился к нам убеждённым демократом. Его кумирами стали Ельцин, Гайдар, Чубайс. Помню ожесточённые споры, в которых В. стремился и нас с мужем перековать в свою веру. Уехал он разочарованный и появился снова лишь в середине нулевых годов — убедиться, что мы так и “не перековались”. Дружба дала трещину. В. исчез и больше не давал о себе знать. “Где-то он сейчас? — гадали мы. — Наверняка топчется, шумит на Майдане”. Ничего подобного! В прошлом году получаем от него письмо: “Живу в России. В своё село вернусь только на русском танке”. Неужто поступил принципами демократии?! Стали выяснять — нет, не поступил. Всё тот же пантеон демокра-

тических богов. А на танк лезет из ненависти к украинцам: она оказалась сильнее политических пристрастий.

В свою очередь, многие этнические украинцы невольно воспринимают “русских украинцев” как предателей. Рост национализма в украинском этносе, начавшийся в конце 80-х годов, значительно усилился с возникновением украинской государственности и выплеснулся в ненависть к русским. Крым, Донецк и Луганск устроили эту ненависть.

Вмешательство Запада во внутренние дела Украины, о котором так много пишут Ваши корреспонденты, очевидно. Но справедливости ради надо сказать, что и Россия не сидела сложа руки. Таково уж геополитическое положение Украины – на стыке Востока и Запада, – что она и впредь будет претерпевать сильнейшие влияния с обеих сторон. Думаю, что “власть переменится” там ещё не раз.

В 2006 году лично знакомые мне журналисты, пиарщики и политологи из России работали в Харькове по продвижению группы “Добкин-Кернес”, и их усилия увенчались успехом: Добкин стал мэром Харькова, а впоследствии передал бразды правления Кернесу. Россия усиливала своё влияние на Украине, продвигая к власти “лояльных” людей. А чуть позже в поезде “Вятка” молодая украинка рассказывала на весь плацкартный вагон о том, как она целый месяц жила в палатке на Майдане, и за это ей платили по 10 долларов в сутки. По мнению простодушной женщины, это было очень удачное трудоустройство, “но доллары у них кончились”. И вот приходится ехать на заработки в Россию. Можно возмутиться беспринципностью дивчины, но наши журналисты тоже ведь трудились не бесплатно.

Теперь о Крыме. Ликование русских естественно: Крым – наша национальная гордость, он овеян русской славой. Правда, его пришлось присоединить к России в нарушение международных норм. Ну, а как быть?! Не оставлять же бандеровцам стратегически важную территорию с её базами флота – не только надводного, но и с уникальной базой для атомных подводных лодок в Балаклаве! Надо думать, именно это обстоятельство и явилось главной побудительной причиной присоединения Крыма. А вот “оккупированных русских”, которые пишут Вам горькие письма из Харькова, из Одессы и Полтавщины, “русские танки” освобождать не торопятся. Под жернова такой политики попали миллионы ни в чём не повинных русских и украинцев.

Пока Запад и Россия на территории Украины будут “гроссе политик махен”, письма тревоги и отчаяния в Ваш почтовый ящик обеспечены.

И в этом смысле совсем ли уж не права поэтесса Марина Струкова, которую Вы в порыве возмущения (так и напрашивается классическое: “Я тебя породил – я же тебя и убью!”) смешали с бандеровцами, с маргинальными макаревичами и машами гайдар? Струкова по-своему вступилась за Украину; может быть, сделала это не очень умело, но в её поведении нет никакого противоречия, я не вижу тут “измены себе самому”. Она много лет взывала к национальному самосознанию русских; но она же, как следует идейной националистке, приветствует и рост национального самосознания у других народов.

Всплеск национализма у украинцев очевиден. И ничто не способствует национальной сплочённости так, как война. Да, повторяю, украинский национализм принял опасный, антигуманный облик, под вопль: “Ще не вмерла Украина!” И крест на ней ставить рано.

Замечательные слова сказал Вам мудрый Василий Бабанский: “Украина всё же есть, и, как поётся в гимне, “Ще не вмерла”. Иное дело – какая она сегодня? На неё опустилась густая Вальпургиева ночь, готовая вот-вот перерасти в “ночь длинных ножей”. Надеюсь, Бог так управит, что этого не случится”. Выходит, есть в Украине настоящие патриоты своей страны, и таких, как Бабанский, много. Почему же и нам не верить в лучшее?..

Летом 2014 года в нашей дачной деревне работала бригада строителей, приехавших из-под Львова. Трое молодых ребят, все не старше 30 лет. Советского Союза они помнить не могли. По-русски более или менее сносно из них говорил только бригадир Иван. Про себя он рассказал, что на родине тоже строит дом для своей семьи (как раз в это время у него родился сын). “Чтобы свой дом построить, мне надо сначала денег заработать – построить много домов в России”. Сначала парни держались обособленно и замкнуто: ещё бы, ведь телевизор 24 часа в сутки твердил о бандеровцах. Однажды к ним подошёл сосед Сергей: “Слышу, ребята, вы не по-нашенски говорите;

откуда будете?” – “С Беларуси”, – осторожно ответили строители. – “Врите кому угодно, только не мне! Я везде бывал, и у вас на родине – тоже. Вы не с Беларуси, вы – западэнцы!.. Вечерком заходите ко мне в гости: бутылочку разопьём, потолкуем”. И вечером все трое потянулись во двор к Сергею.

Постепенно с ребятами познакомилась вся деревня. Работали они хорошо, на совесть, и к концу лета построили дом. А в самом начале, когда они ломали старый дом, нашли в нём пожелтевшую фотографию военного времени: советский лётчик на фоне своего штурмовика. Фотографию они могли порвать, выбросить – никто бы об этом не узнал. Но парни бережно завернули её в газетную бумагу и молча отдали хозяину.

Ведь где-то научили же их – или в украинской школе, или родители так воспитали: пусть для тебя это не ценность, зато для другого человека – святое; так ты ценности другого человека уважай, – хоть и думаешь иначе, чем он.

А в соседнем районе строители из западной Украины спасли от смерти местного мужика. Утром он ушёл из дома и не вернулся. Жена только к ночи спохватилась, побежала по деревне – не выпивает ли где. Не нашла. Пока деревенские мужики хихикали: мол, к утру явится; пока кумекали, где его искать, украинцы завели трактор с тележкой и поехали колесить по окрестным дорогам. И нашли бедолагу лежащим на земле. Пошёл он в соседнее село и в результате несчастного случая потерял сознание, упал. Мог бы замёрзнуть. Эту историю мне рассказал вятский писатель Олег Шатков, включивший её в одну из своих повестей.

Вот, пожалуй, и всё из моего личного опыта, что связано с Украиной. Сегодня Украина – полигон, где сталкиваются разнонаправленные корыстные интересы сильных мира сего, реализуются неумённые политические амбиции, зарабатываются звёзды на погоны и, может быть, даже катятся пробные шары на самонадеянном пути к мировому господству. Не буду называть фамилий – среди них есть и русские. Жаль, что в этой ситуации у Вас крайней оказалась Марина Струкова... С Вашим-то умищем, дорогой Станислав Юрьевич, с Вашими талантом и осведомлённостью можно бы стрелять и не по воробьям.

Через несколько дней от Светланы Сырневой (автора этого письма) пришло ещё одно коротенькое письмецо.

Дорогой Станислав Юрьевич! Уже после того, как я отправила Вам свой отклик, я более подробно познакомилась с нынешним мировоззрением Марины Струковой. Приношу Вам свои извинения! С Вашей точкой зрения нельзя не согласиться. Искренне жаль, что в сознании Марины произошёл такой печальный для всех нас переворот. Беру свои слова обратно.

Крепкого Вам здоровья, новых книг, верных друзей!

Всегда Ваша
Светлана Сырнева
г. Киров

“ЭХ, СЛАВЯНСКОЕ ЖИТЬЁ...”

Дорогой Станислав Юрьевич!

Благодарю за бесценный подарок – Вашу новую книгу “Нет на свете печальней измены...” или “Ще не вмерла Украина”. Читали и перечитывали её в Рождественские дни с мужем вместе, и сердца наши плакали.

Ещё бы нам не плакать! На Украине живут самые близкие, самые родные нам люди: внучка моя, единственная дочь погибшего сына моего, Николая, офицера Советской армии, два родных брата моего мужа: один – в Бердянске, другой – в Запорожье со своими детьми и внуками, в Харькове живёт моя двоюродная сестра, дочь пропавшего без вести на Великой Отечественной дяди моего Андриана, её дети и внуки, и ещё множество родни в Сумах, Ромнах, Донецке, Киеве и других малых и больших городах Украины. Мы как-то пытались всех пересчитать, сбивались, вспоминали, а потом поняли, что не перечесть всех, потому что всех уже и не знаем, так как многие внуки народились

уже в последние годы, когда связь из-за безумной своей дороговизны и разобщения наших государств стала непреодолимым препятствием для постоянного родственного общения.

Муж мой родом из старинного города Ромны Сумской области, это рядом с Путивлем и Конотопом, хорошо известным Вам городом, в котором прошли Ваши детские годы. Когда живы были его родители, мои свекор и свекровь, мы часто ездили в Ромны на машине через Конотоп и Путивль: на майские праздники, летом – обязательно в отпуск, и на ноябрьские праздники, уж так было заведено. Помимо этого, иногда вырывались на пару-тройку дней и в Рождество, на Пасху или Троицу.

Сидели в родном саду под раскидистыми грецкими орехами – три дерева посадил отец, когда рождались сыны, – такими огромными, что маленькая хатка, всегда у мамы, моей свекрови, выбеленная и чистенькая с красной, регулярно обновляемой, крашенной охрой крышей под этими орехами казалась сказочным белым боровиком. На Пасху в саду цвели вишни и тюльпаны, абрикосы и груши, сад утопал в цвету. И соседние сады кипели разноцветьем.

Мы богато привозили из Беларуси наши подарки и гостинцы, мать доставала разносолы домашние. За столом в саду собиралась большая семья. Приходили соседи, завязывались долгие дружеские разговоры.

“А как у вас? Хороший трикотаж в Белоруссии, нам нравится всё, что тут на рынок привозят от вас! Обувь белорусская хороша, “Белвест”, “Марко”, ловкая, добротная. Телевизоры “Горизонт”, “Витязь”, у нас за ними очередь. Лучше, чем наш “Львов”, надёжнее...”

“Да у вас тоже много чего хорошего. На рынок ходили. Богатый привоз. Всего вдоволь. Мёда выбор богатый, сала, орехов... Часы купили красивые...”

“Слава Богу! Теперь всё есть...”

Снова пили, угощались домашними пельменями, колбасками, потом заводили песню. С особой любовью пели украинские песни. Вы же помните, мы с мужем дуэтом давно поём и неплохо, я и теперь слышу, как льются-переливаются среди украинских домиков, утопающих в вишнёвом цвету, наши молодые и сильные голоса:

*Ніч яка місячна, Господі, зорена!
Видно, хоть голкі збирай,
Вийди, кохана, працю зморена,
Хоч на хвилиночку в гай.*

*Сядемо вкупочці тут під калиною.
І над панами я — пан,
Глянь, моя рибонько, срібною хвілею
Стелеться полем туман...*

Пели:

“Дивлюсь я на небо”, “Ой ві очи, волошкові...”, “Гой, дивчина, шумить гай...”

Потом мы заводили белорусские: “Касів Ясь канюшину...”, “Александрына”, “А у полі вярба...”, ритмичную и резвую песню “Цячэвада у Ярок...”

Потом всё застолье дружно переключалось на любимые всеми русские песни: “Катюшу”, “Подмосковные вечера”, и “Ой, мороз, мороз, не морозь меня...”, “Если б знали вы, как мне дороги Подмосковные вечера...”

Пение становилось мягче, душевнее, спокойнее, и никто даже думать тогда не мог, что слово “подмосковные” когда-нибудь станет ненавистным на “рідной Украине”...

А завершалось застолье под наш запев чудной белорусской песней:

*Дзе нідзем, дзе нйдзем,
Карчмы не мінаем.
Як на працы, то ні пьем,
А у гасьцях гуляем...*

*Эх, славянское жыццё,
Стрэчы ды раставні,
Пасля чаркі забыццё,
Потым — пакаяньне...*

Никто тогда и подумать не мог, что наступят такие горькие времена и нагрянут невыносимые морозы, которые остудят, выстудят всё тепло, всю любовь таких родных, близких кровно, душевно и духовно людей, многолетние родственные, дружеские и соседские связи. . .

Помню холодный декабрь, когда умерла любимая моя мудрая и многодетная, крепко державшая весь дом и весь род свекровь. Похороны были в солнечный, но холодный день – на Николу Зимнего, снег лежал до крыши. И уже после похорон, на девятый день, после поминок сидели за семейным столом, оставшись уже одни, только свои, три брата с жёнами. Беседовали о том, о сём.

Вдруг, казалось бы ни с того, ни с сего, невестка из Бердянска заметила, опять же, как бы между прочим: “Надоело кормить Москву. Украина – житница. Мы богаче жили бы, если бы не москали” . . .

Помню, как мы с мужем горячо отреагировали, возмутились, стали объяснять, доказывать ей, что глупость она сморозила, что, мол, откуда у тебя завелась гниль такая в башке. . . На что была реакция, неожиданно для нас, очень агрессивная, даже злобная, и расстались мы тогда, почти перессорившись, если не сказать больше. Так и уехали с горечью в душе. Это был 1994 год. . .

Нынче на дворе 2016-й. С тех пор мы с младшей нашей невесткой из Бердянска то мирились, то снова заводились, спорили горячо, до настоящей ссоры со слезами, упрёками, историческими доводами, а теперь уже, ни мало, ни много, а 15 лет как не разговариваем даже. Ни в какие праздничные даты. О встречах и речи нет. Не ездим. Общаемся только с братом. По телефону. В великие праздники и дни рождения. Вот так. . .

На примере одной только нашей семьи многое можно было бы рассказать. Но разве нынче расскажешь ярче и больше, чем то, что произошло уже на примере целого государства, и не одного, поскольку мы же теперь живём каждый в своей “незалежной” стране.

А ведь в сердечных песнях, любимых и певаемых нами не однажды, мы не замечали, что стояли рядом со строчками “*Я пригорну тебе до свого серденька, а воно палке, як жар*” такие строки “*і над панами – я пан. . .*”.

Желание и стремление “быть паном над панами” всегда подспудно жило в том герое старинной песни – украинском мужичке, так и не впитавшем в кровь евангельских заповедей кротости и, особенно, наиглавнейшей: “*Возлюби ближнего своего. . .*” И то сказать: а за что ему было любить пана? Он с детства был угнетаем паном и ненавидел его, мечтая стать паном над угнетателем. Но как случилось, что образ пана увидел вдруг обычный украинский мужик, трудяга, в своём таком же нищем труженике – русском крестьянине? Всяк русский стал – “москалём” . . .

В канун Нового года, 23 декабря, в Минске проходило расширенное заседание Правления Союза писателей Беларуси. Во время своего выступления я показала залу Вашу новую книгу со словами: “*Вот новая книга Станислава Юрьевича Куняева, нашего друга, участника съездов Союза писателей Беларуси и Союза писателей Союзного государства, лауреата премии Союзного государства, всем Вам хорошо известного и любимого нами поэта и публициста, главного редактора самого уважаемого, самого патриотичного и самого читаемого литературного журнала на постсоветском пространстве “Наш современник”, объединяющего нас, литераторов бывшей большой страны и по сей день. И в ней красной нитью идёт тема объединения, единства литератур славянских народов и их писателей во что бы то ни стало. Книга называется “Нет на свете печальней измены. . .” или “Ще не вмерла Украина”, но в ней есть страницы, посвящённые воспоминаниям о нашем Съезде Союза писателей Беларуси, на котором выступили со страстными горячими речами и Станислав Юрьевич, и солдат Великой Отечественной, украинский писатель Александр Сазоненко. Они оба восхищались дружеской обстановкой, торжественным и единством, царящими на нашем съезде Союза писателей Беларуси, и уже тем мы вошли в историю, что запомнились Союзом писателей, в котором*

нет войны, а есть взаимопонимание, взаимоуважение, независимо от того, на каком языке мы пишем”.

Далее я говорила о том, что накануне выступала на Международной конференции в Брянске, посвящённой теме “Русский язык как важнейшее средство межнационального общения народов” с докладом, о том, как отозвался зал на представленные мною переводы русской поэзии на белорусский язык, и наоборот, как вспыхнуло спонтанное чтение стихов Толстого и Тютчева, потом Купалы и Богдановича.

Говорила с трибуны Пленума о той любви, которой окружены белорусские люди, приезжающие в любой город России. О том, что нынче так важно беречь и восстанавливать то, что ещё не успели разрушить: наше единство, добромыслие, чистоту и любовь наших народов – не все ведь ещё отравлены телеящиком! Для того мы, писатели, и живём, и работаем, в общем-то, как правило, бесплатно, чтобы ещё постоять “за веру и Отечество” на том небольшом островке, окружённом отнюдь не любовью, помощью и дружелюбием, называемом литературой.

Что будет у нас в Беларуси? И может ли быть аналогичное тому, что происходит на Украине? Думаю, что нет. Нет, потому что белорусы – народ очень честный, очень мудрый, трудолюбивый, мягкий, добросердечный. Белорус всегда разделит боль и беду соседа, чужой беды для него не бывает. Но в Беларуси ведь живут разные люди. Много есть и таких людей, которые считают себя “литвинами” и категорически не хотят признавать ни белорусский герб, ни флаг, ни гимн, ни идентичность свою со славянскими корнями... Это долгий и сложный разговор. Да и на страницах “НН” этой сложнейшей теме уделяется достаточно внимания. Но, как сказал мой любимый поэт Александр Твардовский, “но – всё же, всё же, всё же...”.

Всё начинается с малого. Большое предательство – с малой усмешки, большая кровь и война – с единого выстрела... А главное – с непонимания. С нежелания понять друг друга. С убеждения, что ты – лучше, ты достойнее, что у тебя есть право, а у соседа *нэмае*...

Ваша новая книга, дорогой Станислав Юрьевич, – это ещё одна, очередная горячая попытка раскрыть глаза на происходящее, обратить внимание, разбудить, наконец, достучаться до сознания тех, кто считает, что он живёт далеко от войны, что его это не касается. Но не бывает чужой беды. И чужой боли...

С глубочайшим уважением

Тамара Краснова-Гусаченко,
Председатель Витебского областного отделения
Союза писателей Беларуси
г. Витебск, Беларусь

ВЛАДИМИР ОСИПОВ

АГОНИЯ ЗАПАДА

Была популярной некогда в уголовной среде песенка про “скорый поезд Воркута–Ленинград”, про дерзкий побег из зоны со светлой надеждой: “Мы добрались с тобой до норвежской границы, нам осталось последний рубеж перейти...” Вот уже брезжит свободная и сытая Норвегия... Когда-то и небезызвестного Солженицына тоже звали в Норвегию: “Живите у нас и ничего не бойтесь, а если рано утром услышите стук в дверь, не переживайте: это не КГБ, это пришла молочница со свежим молочком”.

Но вот кончилась прежняя Норвегия. Её больше нет. Есть чудовище, монстр, тоталитарный гомосексуальный режим, одобряемый испорченным или запуганным населением. Происходит, как и в ряде других стран Запада, стремительная суперреволюция, перед которой бледнеют все предыдущие перевороты. Незримая крепко сколоченная организация уничтожает человечество физически и духовно. Незримая власть уничтожает семью, материнство, отцовство, сердечные отношения родителей и детей, и даже пол. Это же надо додуматься: ликвидировать понятие пола, смыть из языка и сознания народа образы мужчины и женщины, заменив их абракадаброй – неким “гендером” в 6 или 7 разновидностях.

Представительство Русской Православной Церкви при Совете Европы сообщило о летней сессии Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) в Страсбурге, проходившей с 24 по 28 июня 2013 года: “В некоторых европейских странах активно развиваются новые подходы к пониманию половой идентичности человека. Их суть состоит в утверждении того, что человек свободен в выборе половой самоидентификации и половой ориентации. При этом отрицается наличие объективных физиологических и психологических различий между мужчинами и женщинами”. Против опасных тенденций ПАСЕ выступил депутат от Италии Лука Волонте, рассказавший о введении во французских школах, начиная с нового учебного года, обязательного сексуального образования, основанного на новой гендерной теории. Новые стандарты будут вводиться как в государственных, так и в частных школах, начиная с 6-летнего возраста. 4 января 2013 года министр образования Франции заявил, что цель школы состоит в том, чтобы “избавить учеников от всех форм детерминизма семейного, этнического, социального или интеллектуального”. При этом изгоняются из обращения слова “мальчик” и “девочка”, заменяемые – “друзья” и “дети”. А с 9 сентября 2013 года в школах Франции начинается гей-образование. Депутат Волонте считает, что подобные эксперименты нарушают права родителей и не соответствуют интересам детей. А сама по себе гендерная теория не находит бесспорного научного обоснования.

Особенно резко Ассамблея осудила единогласное одобрение Государственной Думой России закона о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. К сожалению, члены россий-

ской делегации (36 депутатов) вели себя пассивно, только трое из них участвовали в голосовании. Остальные уклонились от обсуждения. Их не волнует демонтаж традиционных ценностей? . Наши парламентарии, в том числе госпожа Борзова, не сознают величайшей опасности, исходящей от Запада, для нравственного суверенитета страны. Отечественные СМИ и руководство делегации России на летней сессии ПАСЕ проигнорировали проблему пресловутой “борьбы” ПАСЕ против дискриминации по признаку социальной ориентации и гендерной идентичности, никак не среагировав на факты наглого давления на нашу страну в связи с принятием оборонительного закона о запрете пропаганды содомии и иных извращений.

24 июня 2013 года совет министров иностранных дел ЕС принял директивы в защиту так называемого “ЛГБТ-сообщества”, определяющие извращенцев как “уязвимое меньшинство”. Совмин ЕС утверждает, что “культурные, традиционные или религиозные ценности не могут служить оправданием для любой формы дискриминации, включая дискриминацию в отношении ЛГБТ”. Как отмечает политолог Ольга Четверикова: “ЕС готовит институционализацию карательных мер против всех, кто выступает в защиту традиционных ценностей, которые, по планам содомитов, должны быть объявлены под запретом”.

С 4 сентября 2013 года слова “мать” и “отец” официально выводятся из употребления в Италии, так как они “полностью устарели” (!), по мнению министра Кьенге.

“Устаревшие” понятия заменяются на: “родитель 1” и “родитель 2”. Всё делается в интересах содомитов. Согласно старым энциклопедиям, число гомосексуалистов, больных от рождения, в мире составляло примерно 2% населения. Вот во имя этих двух процентов и разворачивается неслыханная су-перреволюция.

Германия с 9 сентября 2013 года запретила указывать пол в свидетельствах о рождении. Дескать, свой пол новорождённый ребёнок сам определит в 18 лет после того, как его обработают в духе почтения и преклонения перед извращенцами разных видов. Графа “пол” будет пустой. Австралия, Новая Зеландия, Непал, Таиланд уже отменили мальчиков и девочек. Детей сознательно толкают к тому, чтобы к 18 годам они определили себя “геями”, “лесбиянками”, “бисексуалами” или “транссексуалами”. Нормальных мужчин и женщин будет, по-видимому, меньшинство. И это будет травимое и репрессуемое меньшинство.

Бывший глава министерства по делам детей и равноправия Норвегии Эдун Лисбаккен основал фонд пропаганды сексуального разнообразия среди младенцев, который финансируется норвежским правительством.

Идёт тотальное целенаправленное разрушение обычной традиционной семьи. Под предлогом “защиты прав детей” и приоритета прав детей над правами родителей власти изымают малышей и подростков из семьи под любым предлогом. Например, отец прикрикнул на сына, или власти узнают, что родители “принуждают” ребёнка делать уроки, — этого достаточно, чтобы ювенальная служба совместно с обычной полицией явились в дом и отобрали ребёнка от родителей **навсегда**. Ребёнок поступает в государственный приют или на усыновление извращенцам. Даже если усыновители сами не извращенцы, всё равно они обязаны будут обучать захваченного малютку раннему сексу и сексуальному разнообразию. О религиозном воспитании тут уже вообще нет речи. **В Норвегии уже украдены у родителей 200 тысяч детей, или 1\5 всех несовершеннолетних. В Швеции отобрано у родителей 300 тысяч детей. В Финляндии – 250 тысяч, столько же в Германии и Израиле**, идущими в ногу с генеральной линией международного масонства. В детских садах изымаются обычные сказки типа “Золушки” или “Красной шапочки” и навязывается гомолитература с описанием содомитских и лесбиянских извращений. На Западе легализовано, как минимум, 30 видов нетрадиционного брака. Авангардисты-извращенцы в Швеции уже требуют права на венчание родителей с детьми! Канадский парламент 2 марта 2011 года почти единогласно проголосовал за педофилию как равноправную сексориентацию всего с одним голосом против.

С февраля 2011 года в документах Госдепартамента США выводятся из официального оборота слова “мама” и “папа”. При подаче заявлений на оформление официальных документов, в анкетах теперь значится “родитель номер 1” и “родитель номер 2”.

Есть такой документ – Европейская социальная Хартия, подписанная в Турине 18 октября 1961 года, вступившая в силу 26 февраля 1965 года и дополненная (уже после победоносной сексуальной революции) 3 мая 1996 года. Правительство Российской Федерации 14 сентября 2000 года подписало Хартию. Но её надо ещё ратифицировать. 24 февраля 2009 года правительство РФ одобрило Хартию и представило её Президенту, чтобы он внёс её на ратификацию в Госдуму. Россия является одной из 49 стран-участниц в Совете Европы, хотя в 2007 году членство обошлось России в 25 млн евро из 180 общего бюджета ЕС, то есть Россия заплатила **седьмую часть бюджета ЕС**. Часть положений Хартии, их содержание противоречат традиционной культуре народов России и религиозным установкам основных религиозных конфессий и не соответствуют Конституции РФ. Особенно это касается положений Хартии относительно социальных гарантий в области здоровья (ст. 11) и прав детей и молодёжи на социальную, юридическую и экономическую защиту (ст. 17), которые затрагивают преимущественное право родителей на воспитание своих детей в избранной ими системе нравственных и религиозных ценностей, путём введения **ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СЕКСУАЛЬНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ** в образовательных учреждениях (садах и школах) и **РЕАЛИЗАЦИЮ** в России системы **ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ**, которая направлена на **ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ РОДИТЕЛЕЙ** в отношении своих детей и ведёт к **РАСПАДУ СЕМЬИ**.

Наши либералы уже добились внедрения элементов полового просвещения в предметы: биология, основы безопасности жизнедеятельности и ряд других дисциплин и программ. Государственная Дума в 1997 году запретила реализацию программ полового просвещения в школе. Зато сексуальное просвещение в России реализуется через систему учреждений дополнительного образования и учреждений здравоохранения, таких как государственные службы планирования семьи. Различные неправительственные организации типа РАПС показывают мультфильмы и видеоролики, полученные из международных организаций, содержащие откровенно циничные физиологические сцены, пропагандирующие беспорядочные половые отношения под предлогом обучения детей “безопасному сексу”.

Ратификация Хартии придаст программам сексуального просвещения обязательный характер и лишит родителей возможности выбора системы воспитания, верующих родителей и детей лишит прав на свободу совести и вероисповедания. Само подписание представителями РФ 14 сентября 2000 года этой зловещей Хартии – это не просто ошибка. **Это – преступление перед русским народом, другими народами России, перед нашей цивилизацией.**

Система ювенальной юстиции, реализуемая в странах ЕС, противоречит российскому законодательству, противоречит укреплению семейных устоев, укреплению детско-родительских отношений, ведёт к разрушению традиционной для России системы воспитания, основанной на авторитете родителей. Ратификация Хартии приведёт к нарушению конституционных прав граждан России, разрушению традиционных нравственных устоев, вмешательству государства в дела семьи.

В интернете появилось исследование Катерины Беккер, переведённое с венгерского языка: “Гендер-фашизм – официальная идеология гомо-Европы для слома бинарного кода человечества”. Автор определяет слом бинарного кода человечества как Гендерный мейнстрим. “Это генеральная стратегия социального конструирования (социальной инженерии) нового человека ПУТЁМ СЛОМА БИНАРНОГО КОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МИРОВОМ МАСШТАБЕ”. Я лично не стал бы называть это явление фашизмом, ибо это ХУЖЕ фашизма. Фашизм всё-таки не замахивался на ликвидацию мужчин и женщин. Данное явление, инспирируемое мировым масонством, похлеще фашизма.

Первая мировая война привела к победе международного масонства и ликвидации трёх реальных монархий в Европе и – самое главное! – к ликвидации русской православной монархии, удерживавшей зло в мире. И зло хлынуло по всей планете. В XX веке свершилось несколько отнюдь не стихийных революций: сексуальная, наркотическая, революция в области морали. Чёрное стало белым и наоборот. Но всё равно христианство выжило, уцелело. И вот теперь на Западе реализуется гигантский план уничтожения бинарного кода человечества, план уничтожения мужского и женского пола и превращения бывших мужчин и женщин в “оно”, поистине – в животных.

Пресловутый Гендерный мейнстрим декларирует, что “женственность” и “мужественность” существуют якобы только благодаря структуризации общества. И “всё, что связано с различием полов, должно быть стёрто и уничтожено: родительство, семья, брак, деторождение, материнство, отцовство – абсолютно всё”. Тотальный нигилизм. Эта тоталитарная идеология и диктатура распространяются незаметно, исподволь, точно, квантово, но повсеместно и с огромной скоростью.

“Эта фантомная идеология Гендерного мейнстрима по сути пытается... создать человека нового типа, который сможет сам выбирать пол и сексуальную ориентацию (у извращенцев сейчас 6 или 7 ориентаций. – Авт.). То есть эта стратегия насаждает идею, что человек **рождается без какой бы то ни было идентичности, без принадлежности к какой бы то ни было НАЦИИ, РОДУ или СЕМЬЕ**”.

Этот фантомный гендерный тоталитарный подход к свободе и сексуальности с подачи ООН и Европейского Союза давит на правительства отдельных государств и ОБЯЗАН ВВОДИТЬСЯ, начиная с яслей, чтобы активно влиять на детей и быстро переделывать новое поколение из обычных мужчин и женщин в лишённых бинарного кода особей Нового мирового порядка.

Поворотным моментом явилась Всемирная конференция феминисток и лесбиянок в Пекине в 1995 году. Им удалось добиться, чтобы в официальных документах слово “пол” заменили на слово “гендер”. Слова и символы правят миром. Когда-то массовые преступные беспорядки нигилисты и радикалы называли словом “революция”, и этот ярлык как бы санкционировал и одобрил погромы и массовые убийства. Теперь “пол” заменяют “гендером” и дают добро на пороки, растление, злодеяния и войну с христианством. Новые супер-революционеры, уничтожая семью, брак, материнство, всячески поддерживая любые сексуальные извращения, вводят как норму ранний юношеский и детский секс.

16 апреля 2008 года Европейский Парламент решил, что все 47 государств должны принудительно обеспечить каждой женщине право на аборт (для увеличения числа абортов в разы). Тот же Европарламент зорко следит за отменой смертной казни, но массовое убийство младенцев во чреве матери считает нормой. Все государства обязывают вводить обязательное раннее сексуальное обучение детей. “Опыт Северной Европы по демонтажу бинарного кода у детей с рождения принудительно распространяется сегодня по детским и образовательным учреждениям других стран Европы и мира... Сегодня Гендерный мейнстрим – это основная линия и красная нить поведения большинства правительств”.

Главное кредо этой суперреволюции нацелено против религий, которые не хотят двигаться в указанном гендерном генеральном направлении, такие религии должны быть подвергнуты осмеянию и ЛИКВИДИРОВАНЫ. Ликвидация христианства запрограммирована под предлогом дискриминации содомии, скотоложества и иных извращений.

ВАЛЕРИЙ СКРИПКО

ПОСТИЖЕНИЕ ВЕРЫ

Путевые заметки о паломничестве в Иерусалим

Прибытие в Иерусалим – это вдох воздуха, в котором густо замешаны цветочные и пальмовые ароматы, это проникновенный голос гида: “Здравствуйте, православные, вот вы и на Святой земле!” Переносишься в новый для тебя, совершенно особый мир, которого ты не знал, но чувствовал, читая Евангелие. Вещественные принадлежности этого древнего, но всегда живого мира большей частью засыпаны, застроены, закрыты другими сооружениями. Но даже оставшийся уголок здания или каменной плиты времён первого века нашей эры излучает невидимую благодатную энергию. Идешь мимо многолюдных торговых лавок, и словно слышишь упрёк Спасителя: “Что же вы, земные братья мои – такие слабые? Ведь и чудеса вам являл, и мёртвых воскрешал. Отчего так мало почитаете Бога своего? Отчего так мало у вас добрых дел во имя Веры?”

Кажется, шум от лавок такой же, как и две тысячи лет тому назад: торговая жизнь по своей сути мало изменилась. Все двадцать веков после явления нашего Спасителя улицы меняли свои очертания, чаще всего их заваливало камнями от разрушенных строений в результате многочисленных войн. По этой причине улицы “подростали” вверх, а тем временем небольшой холм – место казни Иисуса Христа, – названный Голгофой (лобным местом), становился всё меньше, всё ниже, пока, наконец, его не закрыли своды храма. Это христиане разных стран по камешку, по отбитому осколку разбирали и увозили к себе домой память о Голгофе, чтобы сделать их предметами для поклонения. Христиане, задумав строительство храма на месте холма, стали продавать богатым паломникам камни Голгофы. Вес продаваемого камня полностью приравнялся к весу золота, который за него надо было заплатить. По сути, это была не покупка камня, а жертвование на строительство храма Гроба Господня.

Живое, одухотворённое лицо гида Михаила Николаевича сразу заставляет вспомнить облик наших замечательных философов прошлого: Ильина и Бердяева... Святая Земля напитала его Святым Духом намоленных храмов и монастырей. Он ощутил руками прохладу камней многих монашеских пещер, часовен... Исходил все известные пути святых отцов и великомучеников, пил воду из тех же родников, изучал, записывал, рассказывал паломникам...

Михаил Николаевич уже давно житель Иерусалима, свободно говорит на иврите и на арабском языке. У него квартира на Масличной горе. А всё за Россию переживает как за свою настоящую родину. В маленьком дворе монастыря подсаживается ко мне, отдыхающему на скамейке среди цветов и диких растений.

– Как там, в России? – спрашивает он.

— Да как вам сказать? — вздыхаю я. — В основном, все пользуются тем, что даёт нефтяная и газовая труба и другие полезные ископаемые. Думаю, многие не верят в прочность того общества, которое создали, соблаздившись речами западных “искусителей”. Да с чего бы и верить! Бывший советский человек в немца-коммерсанта не переродился, к нему другой подход нужен! Его натура никак в рыночную бессовестность не вписывается, плохо ей там, душно, оттого и в делах от малых неурядиц вспышки гнева, ссоры и отчуждение! Все самые тонкие струны его души может задеть только православная вера, справедливая власть, впечатляющие планы созидания!

— М-м-да! — вздыхает Михаил Николаевич. — Но, по вашему ощущению, — спрашивает он, — что-то исконно-русское в нынешних русских осталось?

— Да, конечно! Наша духовная основа неистребима, но пока она словно в спящем состоянии. В последнее время духовный голод в соотечественниках постепенно пробуждается. Кто-то поставит хороший спектакль, кто-то издаёт умную книгу! И, глядишь, зрители и читатели встрепенулись! Верующих стало заметно больше. В храмах появилась молодёжь...

— Слава Богу! — вздохнул Михаил Николаевич.

Нас сопровождает игумен Георгий — москвич. Ему чуть больше сорока. Духовная академия, где он учился, дала ему не только знания. Его отличает истинная благочестивость духовного наставника. Многие паломницы нашей группы сразу потянулись к нему. Если игумен начинал петь псалмы или слова молитвы, они тут же дружно подхватывали хором. Выходило всё очень красиво и слаженно. Игумен хорошо понимал, какое значение имеет для женской души образ Богородицы, и часто подолгу останавливался возле икон, запечатлевших её образ, и долго рассказывал о Ней!

Отец Георгий поведал паломникам историю из своей жизни. Это было вначале двухтысячных годов. Его молодая соседка по дому в Москве долго не могла родить и уже отчаялась. Игумен посоветовал ей посетить святые места в Израиле, помолиться иконам Божьей Матери. Она согласилась, и он взял её в очередную паломническую поездку. Долго молилась соседка, но по возвращении домой её ждала не беременность, а беда. Известный теракт в московском метро. Она ехала в поезде вместе с мужем. Их достала взрывная волна. Раненые, в изорванной одежде, вдвоём они кое-как добрались по тоннелю метро до ближайшей станции.

После этого случая, обидевшись на весь мир и на веру, соседка перестала здороваться с отцом Георгием. Уже лет через пять, случайно встретив его, соседка долго извинялась. Потом сообщила, что ждёт рождения уже третьего ребёнка, и они с мужем счастливы. Перекрестил её отец Георгий, простил и просил всегда и во всём доверять Богу, и свято верить в торжество его милости в любой беде. Значит, так угодно было Богородице и сыну ей Иисусу, чтобы прошла будущая мать через суровые испытания. Видимо, от пережитого стресса включились в работу все функции её организма... Паломницы в туго завязанных платках и сереньких кофтах, склонив головы, слушают рассказ священника, молятся и целуют икону за иконой. Они-то понимают, какую ответственность возложил на них Господь. Всё зависит от женщин: счастье детей, семьи, моральное состояние общества!

Мы подъезжаем на автобусе к воротам ещё одного монастыря, который принадлежит Русской Православной Церкви. Монастырь находится в городе Иерихоне. Немногочисленные торговцы-арабы с любопытством глядят на нас. Древний Иерихон удивил малым количеством прохожих и непривычной тишиной. Огороженные камнями участки земли где-то заросли травой, где-то завалены мусором. Палестинцы не слишком стремились изменить древний облик оград и стен.

Обитатели монастыря привыкли жить бдительно и осторожно в замкнутом, не совсем дружелюбном арабском окружении. Гид стучит в калитку крепких железных ворот, а потом обращается к нам и разводит руками: “Не открывают! Ну, что ж, православные, — говорит он, — обратимся с молитвой, глядишь, и откроют”.

Он начинает читать нараспев: “Отче наш, Иже еси на Небесех...” Вся группа подхватывает, и хор голосов заполняет всю улицу, весь город, и эхо летит дальше, ввысь. Кажется, хор слышно и на горе Искушения, очертания которой вырисовываются на западе. Там, на вершине горы Христос постился и молился сорок дней.

Как только хор умолкает, калитка тихо открывается, и монах выпускает нас. Какая это чудная картинка православного мира! Группа паломников представляет собой церковную общину, а в ней мы, как одно тело Христово, мгновенно подхватываем слова молитвы, и нам откликаются собратья!

Всё в нас и вокруг нас осмысленно, одухотворено и торжественно: камни под ногами, древние стены среди пальм! А вот и смоковница, на которую забрался человек маленького роста по имени Закхей, чтобы взглянуть на Иисуса, *“потому что Ему надлежало проходить мимо неё”*, как говорится в Евангелии от Луки. Смоковница выглядит древней только внизу, ближе к корням, а ветви этого древнего дерева зеленеют вечной зеленью.

Я в Вере, я погружён в неё всем своим существом, и жизнь странным образом устраивается вокруг меня, как чуткая медсестра перед постелью больного: всё доставит, всегда поможет, а то и чудом одарит. Собрался я посмотреть то место, куда Дева Мария семь дней носила воду, чтобы крестить мальчика, будущего Иоанна Крестителя. Спускаюсь по крутой лестнице, а навстречу мне идёт монахиня Горненского монастыря. И несёт большую икону Богоматери неопикуемой красоты. Поравнявшись со мной, приближает ко мне икону, чтобы я прикоснулся губами. Но я так рад и так благодарен, что не просто прикасаюсь, а целую икону несколько раз.

— О, как вам повезло, — говорит монахиня.

А я и не удивляюсь, я уверен, что так и должно быть. Вот только бы знать, за что мне, грешнику, Божья милость. Может, даёт мне знак Мать Божья, что одобряет моё паломничество.

После яркого солнечного дня, белого песка, сияющего розоватого камня церковей и часовен нам предстоит ночная служба в храме Гроба Господня. Полная луна висит прямо над храмом. Мы с гидом ждём, когда соберётся вся группа паломников. Здесь я случайно вспоминаю о великом Гоголе, который был в Иерусалиме ровно за сто лет до моего рождения.

— Да, представьте, что в 1848 году Гоголь прибыл сюда из Бейрута в качестве паломника. — оживился гид. — Ещё в молодости в одном из писем он написал: “Грешу я, право, перед Богом: нужно, давно б нужно съездить поклониться святым местам. Когда-нибудь уже под старость совсем пора туда”!

Ах, как был прав Николай Васильевич! В 60 лет в этом убеждаешься совершенно! Иерусалим. Неземная теплота и излучение Духа Святого действует здесь непосредственно и глубоко. В мирской жизни душу свою трудно открыть до конца и постичь самому. А здесь, под сводами храма Гроба Господня душа открыта настежь: вся жизнь стоит перед ней, как прекрасная панорама, и всё в ней важно, всё значительно, всё ценимо Богом и дано не зря!

Высоко вверху, под сводами храма, соседнего с кувуклией, есть слуховое окно или ниша, куда хочется забраться и жить там, не считая дней и лет, никуда не двигаясь, слушая голоса греческих монахов, поющих псалмы...

На ночное бдение прибыли польские католики и в полночь включили запись органной музыки. Мелодия очень красивая, но громкая и заглушает голоса греческих священников, начинающих Божественную Литургию. Католики верны себе. Знают, что православные ничего не скажут и не возразят. Только не понимаю, зачем музыкой подменять живой человеческий голос? Тихий шепот искренней молитвы долетит до высоких сводов и больше расскажет о каждом верующем, чем кем-то сочинённая музыка.

В кувуклии — в этом маленьком помещении, куда каждый год на Пасху сходит благодатный огонь, — царит метафизическая тишина. В ней нет времени, нет смерти. Все эти явления имеют место быть только за её стенами и то мыслятся, как отрывки дурного сна... Вход в кувуклию — это возвращение домой, в окончательную точку пребывания своей души! Отсюда уже никуда не хочется перемещаться в поисках счастья! Всё теперь здесь, и ничего искать больше не надо!

После Причащения святых Таин мы долго находимся в необычном состоянии, описать которое ближе всего можно словом “блаженство”! В автобусе я снова оказываюсь рядом с гидом. Михаил Николаевич опять вспоминает Гоголя: “Я перечитал все его письма о путешествии в Иерусалим, — говорит он. — На своё паломничество Гоголь смотрел как на важнейшее событие своей жизни. Надеялся здесь найти духовную опору для своих писаний. И вот Гоголь проходит по местам земной жизни Спасителя, говеет и общается Святых Таин в этом Храме, а также молится за всю Россию, подобно своему

далёкому предшественнику, игумену Даниилу, первому русскому паломнику, который в начале XII века принёс к Святому Гробу лампаду “от всей земли Русской”. Гоголевское описание Литургии у Гроба Господня исполнено высокого воодушевления и тёплого чувства: “Все это было так чудно! Я не помню, молился ли я. Мне кажется, я только радовался тому, что поместился на месте, так удобном для моления и так располагающем молиться. Молиться же собственно я не успел. Так мне кажется. Литургия неслась, мне казалось, так быстро, что самые крылатые моления не в силах бы угнаться за нею...”

“Была одна минута... но как сметь предаваться какой бы то ни было минуте, испытавши уже на деле, как близко от нас искуситель! Страшусь всего, видя ежеминутно, как хожу опасно. Блестит вдали какой-то луч спасенья: святое слово “любовь”. Мне кажется, как будто теперь становятся мне милее образы людей, чем когда-либо прежде, как будто я гораздо больше способен теперь любить, чем когда-либо прежде...” (из письма к Жуковскому из Бейрута от 6 апреля 1848 года).

Лучше не скажешь! Подобные чувства испытывал и я, простой паломник, во время всенощного бдения. Ноги мои после долгого стояния онемели, и пришлось сесть на стул, который я нашёл в углу за перегородкой между кувуклией и храмом Воскресения. Но примерно через час мимо меня сквозь толпу пронесла чашу причащения, и я поднялся и пошёл вслед за священником, не ощущая своего тела, не чувствуя ничего, кроме тихого восторга. С глотком вина и кусочком просфоры я принял в себя неведомое ранее умиротворение, не покидавшее меня все последующие дни пребывания в Иерусалиме. Во время проскомидии – поминания живых и мёртвых – все мои родные, ушедшие из жизни, представлялись мне незримо присутствующими в храме и слушающими молитвы. В эти редкие минуты между нами не было привычной глухой преграды материального мира!

А потом опять была поездка в горы. Пещера Иоанна Дамаскина. Грубое ложе из камня, высеченное в скале, рядом – углубление для того, чтобы поставить чашу с водой и свечу – вот и всё, что нужно было этому человеку для земной жизни в вере. Вспомнил я о явлении Богородицы в келье нашего русского святителя Серафима Саровского. По свидетельству монахини, которая была в это время рядом с отцом Серафимом, стены маленькой кельи при появлении Богородицы широко раздвинулись, и келья стала подобием храма. Не было ли здесь, в пещере Иоанна похожего явления? Скорее всего, что-то подобное испытал и святитель Дамаскин, мужественно прошедший все муки затворничества. Ещё вопрос: было ли это затворничество мукой, когда перед глазами исчез лёгкий флёр земного бытия и предстал перед святым отшельником мир неземной?! Может, жил он тогда одной душой и не замечал страданий... Как-то добывал хлеб и воду и не обращал внимания на остальное...

Кое-как пробрались мы сюда с паломником – грузным мужчиной, который стонал от боли в ногах. Пробрались и встали в молчании. Как-то стыдно стало нам за себя в намоленной пещере Иоанна! Удостоился чести великий мученик – видел то, о чём нам, грешным, и подумать нельзя. А мы! Так плохо и бездумно жили, так худо и безалаберно живём, что наш удел – в темноте биться головой о низкий потолок прохода, спускаясь в пещеру. Никогда эти камни перед нами не раздвинутся и не превратятся в небесный храм. Мечтаем о райских куцах, а в земной жизни ничем для этого жертвовать не хотим. В пещере, слева от ложа есть маленький уголок, и в нём висит икона. Я целовал её и просил: “Прости меня, Иоанн, за маловерие! За то, что так нерадив в вере!”

Намоленный дух пещеры долго не отпускал от себя и напоминал о себе даже в ясный солнечный день на берегу Генисаретского озера, где мы бродили по кромке воды, трогали камни древнего причала с углублением для швартовых столбиков. В своей книге “Жизнь Иисуса” Э. Ренан справедливо заметил, что север Израиля создал христианство. Север дал миру Деву Марию, Марию Магдалину, доброго воспитателя Иосифа. Описать красоту Галилеи с её горами и Генисаретским озером вряд ли возможно даже приблизительно, для этого нужно перо гоголевской силы.

Нас, паломников, Христос привязал к себе так, что мы ощущаем этот цветущий край как свою родную землю. И к камню, на котором трапезничали и вели беседы рыбаки со своим Учителем, прикасаемся, как к порогу родного дома. Веру нельзя выдумать, веру нельзя превратить в занимательную

историю. И напрасно “рационалист”, а по сути — атеист Эрнест Ренан пробовал описать жизнь Иисуса как деятельность гениального, но земного человека-проповедника. Для нас, христиан, самое главное в том, что через Иисуса как Своего Сына с нами говорил Сам Господь, и мы должны следовать всему, что передал нам Бог-Отец и чему учил Его Сын! Только это даёт возможность перейти в совершенно новое духовное состояние, где возможны чудеса и откровения. Только там и возможны. Попытки всё это объяснить с точки зрения здравого смысла заведомо обречены на провал. Маловеры и атеисты не учитывают главного: самые невероятные чудеса и явления становятся реальностью только в душах, которых коснулся своим неземным теплом Дух Святой. В таком состоянии могут стать видимыми и демоны, и дьявол, и вся “закулисная” сторона земной жизни.

Галилею заливают моря цветов и самой разнообразной ярко зелёной растительности. Сейчас март — самое время цветения! Здесь ещё раз убеждаешься, что своеобразие природы накладывает на каждый народ свой неизгладимый отпечаток, определяет стиль его жизни, даже образ мыслей. Наиболее живые начинания в вопросах веры шли всегда отсюда, из Галилеи.

Иерусалим скуп на растительность, хотя жители и стараются украсить его цветами и пальмами. Там строгие правила иудаизма, чёрные одеяния верующих. По вечерам, когда мало автомобилей, становится совсем тихо. Во дворах — слабый свет, а мимо, негромко переговариваясь, горожане идут в одном направлении — в Синагогу. Да и разве может быть иначе в местности с каменистыми холмами, редким кустарником, где воды единственной речки Кедрона спрятаны под землю, в трубу!

Здесь, в Галилее, озеро и горы устроили для людей настоящий праздник! Пробуждаясь ото сна, каждый житель видит мир красочный, даже торжествующий! Ни на что не похожая красота его была бы невозможна без вмешательства Высших Небесных Сил...

... Ясно как день, что я снова приеду сюда! Буду долго ходить по берегу озера, снова помолюсь в каждой храме, в каждом монастыре, который мне удастся посетить.

Я весь переполнен благодатью! Батюшка, который благословлял меня на паломничество, это почувствовал, когда я пришёл к нему после возвращения домой! Он тоже радуется и молится: “Дай Бог, чтобы эта благодать сохранилась в тебе до конца жизни!”

ВЛАДИСЛАВ ШВЕД

КТО ВЫ, mr. GORBACHEV?

Главы из книги*

Он ничего не знает, а думает, что знает всё: ему на роду написано быть политиком.

Бернард Шоу

Чем ночь темней, тем ярче звёзды

Известно выражение “Короля делает его свита”. Это ярко проявилось в ситуации с М. Горбачёвым. Не вызывает сомнений, что решающую роль в развале Союза сыграло окружение Генсека ЦК КПСС и президента СССР, одна часть которого активно претворяла в жизнь губительные решения Горбачёва, а другая — молча наблюдала, как предательство разъедает устои и единство страны.

В этой связи постараюсь показать, как кадровое окружение в течение шести с лишним лет создавало Михаилу Сергеевичу условия для его разрушительной деятельности. Самовлюблённые дилетанты вроде Горбачёва, прорвавшись во власть, заботятся только о своём имидже. Они обставляются не личностями, а удобными людьми, чтобы на их фоне выглядеть “гениями”.

Суть своей кадровой политики Михаил Сергеевич сформулировал ещё в бытность первым секретарём Ставропольского крайкома партии. Как-то в ответ на дружескую критику его кадровых подходов Горбачёв произнёс загадочную фразу: “Чем ночь темней, тем ярче звёзды”. Не вызывает сомнений, что себя на кадровом небосводе он видел звездой первой величины. Поэтому всегда без устали тасовал кадровую колоду, подбирая не просто удобных и услужливых, но “серых” исполнителей.

К моменту избрания Горбачёва Генсеком Егор Кузьмич Лигачёв, тогдашний заведующий Отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС, сумел заменить большинство секретарей крайкомов и обкомов партии, поставив “своих проверенных” людей, готовых выполнить любое его указание.

С приходом Михаила Сергеевича кадровые замены приобрели более широкий размах. За три года (1985–1988) состав ЦК КПСС был обновлён на 85%, что намного превышало показатели 1934–1939 годов. Тогда они составили около 77%. В 1988 году Горбачёв начал “омоложение” аппарата ЦК КПСС. На все ключевые посты были поставлены “горбачёвцы”.

Тем не менее, несмотря на бесконечную кадровую чехарду, Горбачёв до сих пор считает, что ЕГО ПЕРЕСТРОЙКУ торпедировал консервативный аппа-

* Продолжение. Начало в №3 за 2016 год.

рат. В мемуарах “Жизнь и реформы” он пишет, что “после XXVII съезда (1986) трижды сменился состав райкомов и горкомов, практически полностью обновилась советские органы. После январского Пленума ЦК 1987 года произошла смена первых секретарей на альтернативных выборах, многие “старожилы” ушли на пенсию. У руля становилась вторая, третья или даже четвёртая “команда”, а дело шло по старинке. Так сильна была закваска. Так прочно вбивались в головы догмы марксизма в упрощённой сталинской интерпретации”.

Трудно представить себе большего непонимания ситуации. Абсолютно ясно, что в 1988–1989 году к руководству большинства парторганизаций в КПСС пришли люди, **весьма далёкие и от марксизма, и от социализма**. В итоге перестройка социализма превратилась в уход от него. По этой же причине в августе 1991 года КПСС тихо скончалась, так как самостоятельно мыслящее политическое ядро в партии отсутствовало.

Кадровые тандемы Горбачёва

Основным кредо кадровой политики Горбачёва являлась расстановка на ключевых постах доверенных и управляемых сторонников, создавая своеобразные кадровые тандемы. Продавливая назначение своих людей, Михаил Сергеевич демонстрировал поистине “стальные зубы”, о которых как-то сказал патриарх Политбюро ЦК КПСС Андрей Андреевич Громыко.

Яркое свидетельство этому – ситуация с назначением министром иностранных дел СССР косноязычного и плохо говорящего по-русски Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе (1 июля 1985). Однако в мемуарах “Жизнь и реформы” Горбачёв без тени смущения утверждает, что “Эдуард Шеварднадзе – личность, несомненно, незаурядная, сформировавшийся политик, образован, эрудирован”.

Главное, что определило создание кадрового тандема Горбачёв–Шеварднадзе, была уверенность Михаила Сергеевича в том, что он и Эдуард Амвросиевич – “два сапога – пара”. Некоторые исследователи утверждают, что Горбачёва и Шеварднадзе ещё со ставропольского периода отличали неформальные отношения, касающиеся не совсем благовидных дел.

В этой связи заслуживает внимания версия, которую излагают в книге “Кремлёвские заговоры” известные “кремлеведы” Владимир Соловьёв и Елена Клепикова. Они утверждают, что Горбачёв и Шеварднадзе сблизились в 70-х годах после конфликта из-за грузинских цеховиков-теневиков, спасавшихся в Ставрополе от гонений Шеварднадзе.

Для Горбачёва как первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС грузинские цеховики были важным материальным ресурсом, обеспечивающим дорогие приёмы высоких столичных гостей. Определённые виды на них имел и первый секретарь ЦК КП Грузии Шеварднадзе. Но в Ставрополе его интересы столкнулись с горбачёвскими.

Известно, что бывший министр внутренних дел Грузии Э. Шеварднадзе в 1972 году по протекции всемогущего шефа КГБ Ю. Андропова занял пост первого секретаря ЦК Компартии Грузии. Кумовство, взяточничество, подкуп, “покупка” высоких должностей (включая министерские), теневая промышленность тогда в республике приняли фантастический размах. Грузинские воры в законе составляли треть всех советских воров в законе. Новый первый секретарь должен был покончить с этим.

В первые же дни Шеварднадзе объявил, что “прочистит капиталистический свинарник”, образовавшийся в Грузии, и сроеет Кавказские горы, если они будут мешать расцвету русско-грузинской дружбы. Не менее жёстко он взялся за теневую экономику. Хотя на самом деле, как затем выяснилось, вместо одних теневиков пришли другие, но “свои” для батона Шеварднадзе.

Многим преждем владельцам грузинских подпольных частных ювелирных мастерских, ресторанов и шашлычных, а также цехов по производству фруктовых соков пришлось в срочном порядке перебазироваться в соседний Ставропольский край. Там они успешно продолжали делать свой “бизнес”, помогая первому секретарю крайкома партии “достойно” принимать московских гостей.

“Рука” Шеварднадзе со временем попыталась дотянуться и до них. Но на защиту грузинских “цеховиков” встал Михаил Сергеевич. По утверждению В. Соловьёва и Е. Клепиковой, телефонный звонок Шеварднадзе Горбачёву проблему не решил. Последний стоял на своём. Горбачёва поддержал Андро-

пов, который предложил Шеварднадзе “дружить” с “первым” Ставрополя. Тот согласился и не прогадал.

Видимо, ситуация с “теневиками” позволила Михаилу и Эдуарду создать атмосферу сверхдоверительности в отношениях, хотя каждый из них стоил другого. Шеварднадзе за хитрость получил кличку “Белый лис”, а о двуличности и жадности Горбачёва ходили легенды. Горбачёв видел в Шеварднадзе человека, которому можно доверить выполнение любых его решений. Добавлю, что Шеварднадзе, став в постсоветский период президентом Грузии, превратил её в личную вотчину, в которой его семья “правила бал”. Горбачёв аналогичным образом вёл себя в годы перестройки. Одним словом, “такой нашёл такого”.

О том, какой урон нанёс кадровый тандем Горбачёв – Шеварднадзе Советскому Союзу и, соответственно, России, лучше всего свидетельствует цитата из воспоминаний бывшего президента США Дж. Буша-старшего: “Мы сами не понимали такой политики советского руководства. Мы готовы были дать гарантии, что страны Восточной Европы никогда не вступят в НАТО, и простить многие миллиарды долларов долгов, однако Шеварднадзе даже не торговался и со всем согласился без предварительных условий. То же по границе с Аляской (речь идёт о разграничении морских пространств в Беринговом и Чукотском морях), где мы ни на что не рассчитывали. Это был **дар Божий**”.

Особо следует сказать о кадровом тандеме Горбачёв–Яковлев. Его создал не Горбачёв, а Яковлев в период пребывания Михаила Сергеевича с официальным визитом в Канаде в 1983 году. В предыдущей части я рассказал, что важнейшие идеи гибельной перестройки Михаилу Сергеевичу внушил Александр Николаевич Яковлев. Не случайно его за глаза называли архитектором перестройки. Именно Яковлев сумел убедить Горбачёва, что социализм бесперспективен. Он также подкинул Горбачёву идею о приоритете так называемых общечеловеческих ценностей.

Именно Яковлев сумел обеспечить “нужную” антисоциалистическую тональность гласности и перестройки. 5 июля 1985 года он был назначен заведующим Отделом пропаганды ЦК КПСС, а в марте 1986 года Яковлев стал секретарём ЦК КПСС, курирующим идеологические вопросы.

По инициативе Александра Николаевича в том же году были заменены большинство руководителей центральных журналов и газет. Вместо них были назначены сторонники “десталинизации” страны. Так на базе советских периодических изданий были сформированы “перестроечные” газеты “Московские новости”, “Советская культура”, “Известия”; журналы “Огонёк”, “Знамя”, “Новый мир”...

Ослабление контроля партии за печатью получило название политики «гласности», и оно увенчалось к 1990 году принятием Закона о печати, по которому государственная цензура вообще упразднилась. Ну, а далее открылись “шлюзы”, из которых полились потоки лжи и измышлений о социализме. Это было не мудрено. Ведь главный идеолог КПСС был убеждённым антикоммунистом.

Но не только этим отличился Александр Николаевич. Не меньший ущерб Союзу он нанёс, помогая Михаилу Сергеевичу обставлять себя “нужными людьми”. Известно, что Яковлев был тем, кто настоял на назначении министром обороны СССР Дмитрия Тимофеевича Язова, а Председателем КГБ СССР – Владимира Александровича Крючкова. Яковлев был хорошим психологом и чувствовал, что, при всех положительных характеристиках, исполнимость этих двоих будет всегда преобладать над инициативностью и самостоятельностью. Это впоследствии сыграло для судьбы СССР роковую роль.

О реальном вкладе Яковлева в крушение СССР проговорилась в интервью “Независимой газете” (10.10.1998) бывший советник Р. Рейгана по обороне и внешней разведке Джинн Киркпатрик. Она на вопрос о роли личностей в истории и политике XX века наряду с такими фигурами, как Черчилль, Муссолини, Гитлер, Мао Цзэдун, Трумэн, Сталин, назвала Яковлева. Удивленный журналист спросил: “Почему Яковлев? Встречались ли вы с ним?” Последовал неоднозначный ответ: “Пару раз. Я думаю, что он очень интересный человек и сыграл огромную и важную роль. Я надеюсь, что он знает, что я так считаю”. Комментарий излишни для тех, кто знает биографию А. Яковлева.

Особо следует сказать о тандеме Горбачёв–Рыжков. Председатель Совмина СССР Николай Иванович Рыжков – опытный производственник и не ме-

нее опытный политик. При этом он человек с повышенным чувством порядочности и ответственности, что не позволяло ему должным образом противостоять Горбачёву. О Рыжкове как о политическом лидере заговорили в июле 1989 года, когда на совещании первых секретарей ЦК Компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии в Кремле он заявил: «Партия в опасности!» Поэтому, когда на внеочередном III Съезде народных депутатов СССР (март 1990) встал вопрос об избрании президента СССР, ряд депутатов обратились к Николаю Ивановичу с просьбой выдвинуть его кандидатуру.

Вот как эту ситуацию описывает председатель Совмина РСФСР Виталий Иванович Воротников: «Ситуация складывалась таким образом, что не сними премьер свою кандидатуру, Горбачёв при нормальном голосовании, несомненно, потерпел бы поражение. Однако, как известно, Николай Иванович так и не нашёл в себе мужества переступить невидимую черту, отделяющую самого высокопоставленного из чиновников от настоящего партийного лидера. Тем самым он подарил Горбачёву пост президента СССР».

Хочу уточнить. На мой взгляд, а я немало общался с Николаем Ивановичем, главную роль в отказе Рыжкова баллотироваться на пост президента сыграло не отсутствие мужества, а та порядочность, о которой я упоминал выше. Рыжков считал непорядочным подставлять ногу коллеге, который выдвинул его. Горбачёв на это и рассчитывал.

Но не только позиция Рыжкова подарила Горбачёву пост президента. Решающую роль здесь сыграл тандем Горбачёв—Лукьянов. Анатолий Иванович Лукьянов, друг Горбачёва по Московскому университету, вел заседание III Съезда народных депутатов СССР. На этом Съезде было принято дополнение в Конституцию СССР об учреждении поста президента СССР, который должен был избираться гражданами СССР путём прямого и тайного голосования. Но уже в тот период было ясно, что шансов у Горбачёва быть всенародно избранным крайне мало.

Лукьянов сумел добиться решения с ничтожным перевесом в 46 голосов о том, чтобы первые выборы президента СССР, в порядке исключения, были проведены не всенародно, а Съездом народных депутатов. Кандидатами были выдвинуты М. Горбачёв, Н. Рыжков и В. Бакатин. Однако последние два кандидата взяли самоотвод. В результате Горбачёв был избран первым президентом СССР. Вот что значит поставить на нужную должность нужного человека. Этого умения у Горбачёва нельзя было отнять. Тем не менее, подобное избрание его президентом СССР позволяет ставить вопрос о легитимности президентства Горбачёва.

Михаил Сергеевич отличался особым умением в подборе личностей, которые не могли составить ему конкуренцию на политическом поле. К числу таких относился Григорий Иванович Янаев, бывший Председатель ВЦСПС, а затем секретарь ЦК КПСС. Он не отличался впечатляющей внешностью и не был оратором. Но именно такой человек был нужен Горбачёву.

Посол США в СССР (1987—1991) Джек Мэтлок так охарактеризовал кадровую политику Горбачёва: «Горбачёв не желал делиться огнями рампы с талантливым коллегой. Он чувствовал себя уютно только рядом с молчаливыми или серыми помощниками, и это одно из обстоятельств, объясняющих горбачёвский подбор персонала вообще, как и его поражение в борьбе с Ельциным».

Именно это определило, что на IV съезде народных депутатов СССР (декабрь 1990) Горбачёв на пару с Лукьяновым сумели добиться избрания Янаева вице-президентом СССР. В итоге Михаил Сергеевич создал крайне нужный для себя кадровый тандем Горбачёв—Янаев. Он полагал, что с таким вице-президентом можно быть спокойным за своё кресло. Однако он просчитался. Но об этом позже.

Помимо вышеперечисленных, Михаил Сергеевич сумел создать важные для него кадровые тандемы: Горбачёв—Разумовский, Горбачёв—Бакатин, Горбачёв—Язов, Горбачёв—Крючков.

Несколько слов о Разумовском. Георгий Петрович в мае 1985 года возглавил Отдел организационно-партийной работы ЦК КПСС, сменив на этом посту Лигачёва. Через год он обрёл статус секретаря ЦК КПСС, курировавшего партийные дела. Регламентация и показушность в работе партийных организаций страны при Разумовском существенно возросла.

Именно он ответственен за сепаратистские настроения, которые появились в Литве в 1988 году. Дело в том, что накануне XIX Всесоюзной парткон-

ференции Горбачёв призывал развивать внутривнутрипартийную демократию и гласность. Но в это же время из орготдела ЦК КПСС, которым руководил Разумовский, ушла на места, в том числе и в Компартию Литвы, жёсткая разрядка, кто должен быть избран делегатом на XIX партконференцию согласно предложенному из Москвы качественному составу. Это вызвало волну возмущения не только в Компартии Литвы, но и в республике.

Протестные настроения коммунистов Литвы во многом способствовали созданию и становлению “Саюдиса” в рядах Компартии Литвы. В начале 1989 года ситуацию в Компартии Литвы обострило полное игнорирование Орготделом ЦК КПСС критических замечаний, высказанных литовскими коммунистами в ходе отчётно-выборной кампании 1988 года. В результате в январе 1989 года пленум Вильнюсского горкома партии был вынужден повторно обратиться к секретарю ЦК КПСС Разумовскому по поводу молчания в ответ на критические замечания коммунистов, направленные в ЦК КПСС. Однако ответа и на этот раз не последовало.

Тогда на повестку дня в литовских СМИ выдвинулась тема самостоятельности Компартии Литвы. В результате этой дискуссии, на которую ЦК КПСС также не отреагировал, XX съезд Компартии Литвы (декабрь 1989) объявил о выходе партии из КПСС. Ну, а 11 марта 1990 года Литва заявила о выходе из СССР.

В этой связи напомним о том, что Горбачёв постоянно твердил о старом партийном бюрократическом аппарате, который якобы, словно “плотина”, стоял на пути перестройки. Ясно, что это было словоблудие, потому что на самом деле такой “плотиной” в КПСС был тандем Горбачёв–Разумовский и их окружение.

Серьёзный урон стране нанесла связка Горбачёв–Бакатин. Вадим Викторович Бакатин, бывший первый секретарь Кемеровского обкома партии, был назначен министром внутренних дел СССР в октябре 1988 года. Казалось бы, перемена для МВД СССР была незначительной. Бывшего первого секретаря Ростовского обкома КПСС Власова на посту министра ВД СССР сменил первый секретарь другого обкома Бакатин. Но это только на первый взгляд.

Бакатина, как правило, связывают с разгромом КГБ СССР. Однако там его роль была невелика. КГБ в августе 1991 года был уже обречен, и Бакатин лишь выполнял указания по его “добиванию”. Единственное, что заслуживает упоминания, это сдача Бакатиным советских секретных электронных закладок в новом здании посольства США в Москве. Но Бакатин сделал это в одностороннем порядке. А это было уже явное предательство государственных интересов СССР.

Значительно больший интерес представляет роль Вадима Викторовича в развале МВД СССР. Предлагая Бакатину пост министра внутренних дел, Горбачёв подчеркнул: “Мне не нужны министры-милиционеры. Мне нужны политики”. Бакатин “блестяще” справился с ролью политика от милиции. За два года работы он нанёс советской милиции непоправимый ущерб.

Министр издал приказ, по которому сотрудники милиции получили право работать по совместительству в других организациях. В итоге это привело не только к коррупции и сращиванию правоохранительных органов с криминальным контингентом, но и к уходу основного профессионального ядра МВД в коммерческие структуры. Это стало началом развала советской правоохранительной системы.

Не менее болезненный удар этой системе нанёс и другой приказ Бакатина – о ликвидации агентурного милицейского аппарата. Полицейские всего мира считали и считают агентуру своими глазами и ушами в криминальном мире. Это известно даже дилетантам. Последствия вышеназванных приказов Бакатина Россия переживает до сих пор. Под занавес своего правления Вадим Викторович нанёс советской правоохранительной системе ещё один смертельный удар. Он подготовил её фактическое расчленение на пятнадцать национальных республиканских ведомств.

Что же касается тандема Горбачёв–Язов, то он позволил Михаилу Сергеевичу беспрепятственно пойти на односторонние и болезненные для обороноспособности Союза уступки в стратегическом военном потенциале. На любые предложения Горбачёва в этом плане Дмитрий Тимофеевич, как верный слуга, лишь брал под козырёк.

Тандем Горбачёв–Крючков оказался не менее важным, чем тандем Горбачёв–Яковлев. Первую проверку Владимир Александрович прошёл в мае

1987 года, будучи начальником Первого Главного управления КГБ СССР (внешняя разведка). Тогда он по указанию Генсека ЦК КПСС обеспечил пролёт над территорией СССР немца Матиаса Руста. Подробнее об этом ниже.

Известно также, что КГБ СССР по указанию Горбачёва и Яковлева в 1988 году организовал на территории СССР народные движения в поддержку перестройки, которые вскоре приобрели националистический и сепаратистский характер. В частности, группу “Саюдис” (в переводе “Движение”) в Литве организовывали сотрудники КГБ. В этих целях для курирования “Саюдиса” в аппарате КГБ Литовской ССР был создан специальный отдел под руководством подполковника Пятраса Вожбутаса (P. Vožbutas) в составе 5-го управления (по борьбе с идеологическими диверсиями).

Сегодня известны факты предательской деятельности КГБ СССР, когда он совместно с ЦК КПСС прикрывал сепаратистов, запрещая республиканским КГБ реагировать на их преступные действия. Так было в Литве и в Грузии.

Также выяснилось, что Комитет госбезопасности принимал активное участие в подготовке кадров, которые должны были обеспечивать в СССР внедрение капиталистической экономики. В телепрограмме “Момент истины”, показанной по 5-му российскому каналу 05 октября 2015 года, прозвучало сенсационное заявление Михаила Полторанина, бывшего министра печати и заместителя Председателя Правительства России при Б. Ельцине.

Полторанин сообщил, что главные реформаторы России Анатолий Чубайс и Егор Гайдар в советский период были направлены в Венскую школу экономики 5-м управлением КГБ СССР, занимавшимся борьбой с идеологическими диверсиями. Они должны были освоить технологии перевода СССР на капиталистические рельсы, а точнее – технологии уничтожения советской державы.

А как расценивать, что КГБ СССР допустил массовое предательство людей, входивших в высшие эшелоны власти СССР? Об этом свидетельствует так называемый “Список Крючкова”, насчитывавший 2200 советских общественно-политических деятелей, являвшихся агентами влияния Запада.

Но главную услугу Горбачёву глава КГБ оказал тем, что не предал гласности факты его предательского поведения на встречах с президентами США Р. Рейганом в Рейкьявике (октябрь 1986) и Дж. Бушем-старшим на Мальте (декабрь 1989). Только в 2001 году Владимир Александрович в интервью корреспонденту “Литературной газеты” Дм. Беловецкому заявил, что Горбачёв на этих встречах обсуждал вопросы изменения политического строя в СССР, пересмотра отношений СССР с западными странами, включения ГДР в состав ФРГ и выхода Советской Прибалтики из Союза (см. “Десять лет, которые потрясли...” М., “Вагриус”, 2002. С. 36). Как известно, Горбачёв не только обсуждал, но и реализовывал достигнутые договорённости.

Всё это было известно главе КГБ СССР ещё в 1989–1990 годах. Достаточно было Крючкову озвучить эту информацию в декабре 1990 года на IV съезде народных депутатов СССР, поддержав тем самым предложение С. Умалатовой об отрешении Горбачёва от должности президента СССР, и мы сегодня жили бы в обновленном СССР. Но...

Кремлёвские встречи

Волею судеб мне пришлось беседовать с некоторыми персонажами, упомянутыми в предыдущей главе. Прежде всего, расскажу о беседе с секретарём ЦК КПСС А. Яковлевым.

В декабре 1989 года, феврале и марте 1990 года на Пленумах ЦК КПСС обсуждались вопросы судьбы литовских коммунистов и Литвы как союзной республики в целом. Мне как второму секретарю ЦК Компартии Литвы/КПСС и депутату Верховного Совета Литвы приходилось выступать на всех этих Пленумах ЦК КПСС, чтобы довести до сведения членов Пленума истинную ситуацию, сложившуюся в республике.

На февральском (1990 года) Пленуме ЦК КПСС я заявил, что А. Яковлев сыграл неблагоприятную роль в развитии ситуации в Прибалтике. Он, будучи в августе 1988 года в Литве на совещании партийного актива республики и активистов “Саюдиса”, заявил, что “в СССР не было социализма, не было и советской власти. Тот в партии, кто не поддерживает горбачёвские перемены, должен уйти”. Тем самым Яковлев как секретарь и член Политбюро ЦК КПСС

дал идейно-теоретическое обоснование отрицанию советской власти. Литовские сепаратисты получили право, ссылаясь на Яковлева, огульно чернить советское прошлое и занимать ключевые позиции в партийном и советском аппаратах, а также в СМИ.

На XXVIII съезде (июль–август 1990) я планировал ещё раз поставить вопрос о “странной” позиции главного идеолога КПСС, секретаря и члена Политбюро ЦК КПСС А. Яковлева, своими заявлениями внесшего раскол и дезорганизацию в ряды Компартии Литвы. Но не прост был Александр Николаевич. Видимо, в Колумбийском университете американские советологи вооружили его не только методологией и тактикой дезорганизации КПСС и советского государства, но и нейтрализации политических оппонентов.

Не случайно кремлёвский биограф Фёдор Бурлацкий в своей книге “Русские государи” так охарактеризовал Александра Николаевича: “Яковлев – самая сложная из всех политических фигур эпохи перестройки. Выглядит просто-вато, а умудрён, как библейский змей, соблазнивший Еву...” Нейтрализовал он меня простым, но эффективным способом.

В один из первых дней съезда Яковлев подошёл ко мне в обеденный перерыв и сумел добиться, чтобы я лично ему высказал все претензии. Только потом я понял, насколько это был умный тактический ход, рассчитанный на мою политическую наивность. Яковлев выслушал мои замечания в свой адрес и адрес Секретариата ЦК. В основном согласился, но очень аргументировано (так мне тогда показалось, информацией Крючкова о нём я тогда не располагал) объяснил свою позицию и позицию Горбачёва. Я, конечно, поверил.

В итоге мне пришлось в срочном порядке исключить почти половину моего выступления на съезде, так как она касалась Яковлева. Неудобно как-то с трибуны повторно критиковать человека, особенно после “доброго, конструктивного” разговора. Только потом я выяснил, что подобные беседы Александр Николаевич провёл со многими из тех, кто мог бы критиковать его на съезде.

После этого мне стало понятно внимание Горбачёва, которое он уделял мне на Пленумах ЦК КПСС. В перерывах Генсек всегда подходил ко мне и расспрашивал о ситуации в Литве. Тем самым Михаил Сергеевич давал мне возможность высказать ему лично то, что он не хотел бы услышать с трибуны Пленума. Так сказать, выпускал из меня пар. Просто и эффективно.

А теперь расскажу о других моих встречах с “сильными мира сего”. Первой была встреча Г. Разумовским. Она состоялась в декабре 1989 года. Тогда на Пленум ЦК КПСС, обсуждавший решение XX съезда Компартии Литвы о выходе из КПСС, пригласили секретарей Временного ЦК Компартии Литвы/КПСС, в том числе и меня. Я привёз с собой 260-страничный сборник материалов из литовской прессы, который я назвал “Литва 1988–1989 гг.”. Обзорный материал сборника свидетельствовал, что основной целью “Саюдиса” является вывод Литвы из Советского Союза.

Этот материал я готовил в течение двух лет в связи с тем, что в союзной прессе события в Литве преподносились не как сепаратистские, а как демократические. Да и в ЦК КПСС, как мне казалось, недооценивали возможность выхода Литвы из СССР. Ведь тогда я не знал, что 3 декабря 1989 года Горбачёв на Мальте, встречаясь с Дж. Бушем-старшим, согласился на выход Прибалтики, в том числе и Литвы, из СССР.

Я наивно полагал, что материал будет полезен членам Политбюро ЦК КПСС и Генеральному секретарю, и с этой целью направился в кабинет Разумовского. Георгий Петрович встретил меня, внимательно рассматривая свои полированные ногти. Он производил странное впечатление. Человека, сидящего напротив, Разумовский вроде бы слушал, а вроде бы и нет. Особо-го интереса к представленному мною обзору он не проявил. Я уверен, что материал Разумовский передал в архив и больше его никто не увидел.

Но не ко всему Георгий Петрович относился так равнодушно. По утверждению российской журналистки Евгении Альбац, бывший кандидат в члены ПБ ЦК КПСС Разумовский как минимум до 2001 года получал от структур Михаила Ходорковского ежемесячную зарплату. Видимо, было за что.

Встречался я и с министром внутренних дел СССР Вадимом Викторовичем Бакатиным (по его инициативе) в здании МВД на Октябрьской площади. Встреча состоялась вечером 12 марта 1990 года. Прошли сутки после объявления Литвой независимости. Беседовали мы часа два. Бакатина интересо-

вали перспективы развития ситуации в республике. Я высказал мнение, что Центр упустил время и ситуация в Литве практически необратима.

Однако ещё существовала возможность заставить Верховный Совет Литвы действовать в рамках Конституции СССР и придать процессу выхода Литвы из Союза цивилизованный характер, обеспечивая права граждан СССР в республике. Для этого было достаточно правовых мер, предусмотренных советским законодательством, хотя бы в плане уголовного преследования сепаратистов.

Однако Бакатина интересовало только моё отношение к национальной милиции. Он считал, что ничего страшного не произойдёт, если таковая будет создана в Литве. Министр в тот далёкий мартовский вечер 1990 года долго и нудно убеждал меня, что сейчас не 1941 год, когда в Литве вооружённые отряды националистов истребляли иноязычных, и что именно национальная милиция будет гарантом безопасности русскоязычного населения. Он утверждал, что не следует мешать её становлению.

Тогда я не знал, что этот вопрос Бакатин для себя давно решил. И, вероятно, не без согласия Горбачёва. Любую самодеятельность подчинённых Михаил Сергеевич пресекал **“на корню”**. Все его заявления, что многое в Союзе делалось помимо воли Генсека и президента, не более чем **камуфляж с целью уйти от ответственности**.

Наивность и инфантильность (так мне тогда казалось) министра Бакатина меня поразили. С Бакатиным мы расстались каждый при своём мнении, но он успешно реализовал свои планы. Известно, что после объявления Литвой независимости республиканское МВД не только не подчинялось союзному министерству, но и занимало враждебные позиции при разрешении спорных вопросов.

Тем не менее, Бакатин дал личное указание о том, чтобы МВД СССР финансировало МВД независимой Литвы, снабжало его современной техникой и помогло создать в Вильнюсе полицейскую академию, которая, кстати, воспитывала кадры в антисоветском и антирусском духе. Это Бакатин считал **“конструктивным шагом”** в отношениях СССР и независимой Литвы.

Благодаря поддержке Бакатина литовские военизированные формирования, по данным союзного **“Правительственного вестника”** от 18 апреля 1991 года, насчитывали около 20 тысяч человек. Они располагали 78 тысячами единиц огнестрельного оружия. У них было изъято более 10 тысяч единиц оружия и 4 миллиона штук боеприпасов. Такой арсенал не мог быть накоплен, если бы Бакатин как министр МВД СССР должным образом выполнял свои служебные обязанности.

Попутно замечу, что, общаясь с приезжавшими в Литву представителями Центра, я поражался их невежеству в вопросах межнациональных отношений. У большинства московских гостей было убеждение: **если мы уважаем и любим литовцев, то они просто обязаны платить русским той же монетой**.

Особо следует рассказать о моих встречах с Председателем Совета Министров СССР Николаем Ивановичем Рыжковым. Они происходили после объявления Литвой независимости. В отличие от многих в Москве, Рыжков пытался понять глубинные причины конфликта между союзным правительством и Верховным Советом Литвы, провозгласившим независимость. Его поражала наглость В. Ландсбергиса, требовавшего от Совмина Союза продолжать обеспечивать Литву сырьём и материалами на условиях союзной республики.

Рыжков не мог понять, чем она была обусловлена. И он, и я тогда не знали, что Горбачёв в декабре 1989 года на Мальте пообещал Дж. Бушу-старшему отпустить Прибалтику из Союза. Ландсбергис об этом знал и вёл себя соответственно. Я в силу своих знаний и возможностей старался помочь Николаю Ивановичу уяснить специфику Литвы. Он тогда сидел на втором этаже здания Совмина в Кремле, в бывшем кабинете Сталина.

Представьте волнение, с которым я входил в этот кабинет. В годы войны в нём вершилась судьба человечества. Как я понял, Николай Иванович в этом кабинете ничего не менял. Его стол находился в дальнем правом углу. Слева – длинный стол под зелёным сукном для заседаний.

Обычно Николай Иванович беседовал со мной, сидя за длинным столом. Там у него были телефонные аппараты, чтобы, не прерывая встречи, отвечать на звонки. При мне Рыжкову два раза звонил Горбачёв. Меня поразили

их диалог. На многословие Михаила Сергеевича Николай Иванович отвечал однозначно:

- Да, Михаил Сергеевич!
- Хорошо!
- Подумаем!
- Сделаем!

На этом разговор кончился. После второго такого разговора я не выдержал и попытался поговорить с Рыжковым по поводу процессов, происходящих в Союзе, и о том, что в КПСС возлагают большие надежды на Николая Ивановича. Однако он замял этот разговор.

Весной 1990 года, решая вопросы закрепления позиций ЦК Компартии Литвы/КПСС в ЦК КПСС, мне довелось встретиться с рядом членов Политбюро. В этих встречах меня поразило одно. В ответ на многие поставленные мною вопросы, как правило, звучал один ответ: “Мы не против, но главное – как решит Генеральный”.

Что же было основой такого всевластия Генерального секретаря ЦК КПСС, а затем и президента СССР? Тайну приоткрыл В. Болдин в книге “Крушение пьедестала...”. Он описал систему привилегий, которыми пользовались представители высшего эшелона власти в СССР. Речь шла о зарплатах, бесплатном питании и таких же продуктах для дома, приобретении дефицитных импортных товаров, медицинском обслуживании, автотранспорте и транспорте вообще и, конечно, о жилье и дачах.

Это был мощнейший рычаг воздействия Генсека на своё окружение. Человек, пошедший против его воли, мог в одночасье лишиться всех этих благ. А у него семья, которая быстро привыкает к хорошему. Не случайно Ю. Андропов, попав осенью 1983 года в больницу, из которой он уже не вышел, позвонил Н. Рыжкову, тогда секретарю ЦК КПСС, и спросил: “Николай Иванович, если я уйду на пенсию, какое материальное обеспечение вы мне сохраните?” (Зенкович. Самые закрытые люди). Вот так!

В этой связи отмечу, что позиция Рыжкова в отношении Горбачёва не была обусловлена боязнью потерять привилегии Председателя Совмина. Насколько мне известно, Рыжков ими пользовался минимально. Он даже дачу не поменял, став премьером. Мне в 1994 году довелось побывать там. Это было обычное деревянное здание ещё сталинского периода. Обставлена дача была скромно, но со вкусом. Меня поразило обилие книг и радушие жены Николая Ивановича, Людмилы Сергеевны. Это при том, что в горбачёвский период некоторые члены Политбюро сумели “отовариться по полной”.

Не могу не вспомнить встречи с Григорием Ивановичем Янаевым. Он как-то по-особому относился ко мне и, когда я бывал у Николая Ивановича, всегда приглашал к себе. Янаев как вице-президент СССР занимал кабинет в здании Совмина, рядом с кабинетом Рыжкова. В этом кабинете когда-то сидел всесильный нарком НКВД Лаврентий Берия. Меня поразила красота резных дубовых панелей, украшавших стены.

У Григория Ивановича была деликатная проблема: постоянно дрожали руки. Я сразу обратил внимание на то, как он дрожащими руками брал со стола сигареты и закуривал. В кабинете мы были одни, и волноваться у Янаева не было оснований. Так что дрожащие якобы от страха руки вице-президента на пресс-конференции 19 августа 1991 года – миф журналистов. В разговоре Григорий Иванович демонстрировал недюжинный ум политика и здравые оценки происходящего в Союзе. Помимо этого, он был порядочным и добрым человеком, напроць лишённым кремлёвской чиновничьей фанаберии, но, к сожалению, не вице-президентом, что подтвердили события августа 1991 года.

Мне запомнилась одна наша беседа. Она проходила в начале лета 1991 года после известного апрельского (1991) Пленума ЦК КПСС, на котором Горбачёв заявил о своей отставке. Поэтому разговор с Григорием Ивановичем затронул президента СССР. Я спросил, сколько будет продолжаться политика сдачи позиций СССР в Литве? Ответ Янаева был неожиданным. Он сказал, что скоро “это” закончится, и добавил, что ещё в апреле 1991 года планировалось “отодвинуть” Горбачёва, когда тот летал с официальным визитом в Японию, но пришлось отложить. Встав на прощание из-за стола, Григорий Иванович пожал мне руку и сказал, что ждать осталось недолго. Ну, а в августе 1991 года случился так называемый путч.

Политбюро по-горбачёвски

Особо следует сказать о роли Политбюро ЦК КПСС (ПБ) при Горбачёве. Оно было призвано обеспечить коллективное руководство партией и страной, однако превратилось в подручный инструмент для благословления губительных решений нового Генсека.

Решая эту задачу, Михаил Сергеевич уже в апреле 1985 года начал менять соотношение сил в ПБ. Прежде всего, из Политбюро были удалены все оппоненты Горбачёва: Г. Романов, Н. Тихонов, В. Щербицкий, В. Гришин, А. Кунаев, Г. Алиев. На их место первыми пришли те, кто принял активное участие в операции по избранию его Генсеком: Е. Лигачёв, В. Чебриков.

Всего же за время своего властвования Горбачёв сменил три состава ПБ, причём каждый был гораздо слабее предыдущего. В ПБ Горбачёв, по словам Валерия Болдина, сразу же почувствовал себя хозяином, директивы которого должны безропотно приниматься членами Политбюро.

Первым ПБ, на котором новый Генсек апробировал тактику директивной поддержки своих решений, явилось заседание, принявшее 7 мая 1985 года постановление “О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения”. И хотя принятие постановления было продиктовано самой жизнью, его реализация показала, что все перестроечные начинания Горбачёва соответствовали старой народной мудрости “Заставь дурака Богу молиться, он лоб расшибёт!”

Прежде всего, не был учтён мировой опыт введения “сухого закона” и не просчитаны последствия его введения в СССР. Контроль за исполнением постановления был поручен секретарю ЦК КПСС Егору Кузьмичу Лигачёву и председателю Комитета партийного контроля Михаилу Сергеевичу Соломенцеву. Они в своей обычной манере взялись за дело с неуёмным рвением и, как впоследствии выразился Горбачёв, “довели всё до абсурда”. В итоге огульное внедрение лозунга “Трезвость – норма жизни”, обеспечив некоторые положительные результаты в области сокращения смертности населения и увеличения рождаемости, породило ряд новых проблем. Горбачёв молча наблюдал за всем этим безобразием.

Прежде всего, урон для бюджета СССР от антиалкогольной кампании оказался неожиданно велик. За 1985–1986 годы он, по официальным подсчётам, составил около 50 млрд рублей, что привело к фактическому обрушению бюджета в конце 1986 года. Помимо этого, был нанесён невосполнимый ущерб посадкам элитных сортов винограда, а также производственной базе винодельческой и спиртоводочной промышленности.

Решение “отрезвить” страну, принятое без должной исторической и экономической проработки, без учёта психологии советского потребителя, вызвало недовольство широких слоёв населения. Казалось бы, Генсек должен был, учитывая ход антиалкогольной кампании, незамедлительно принять меры по возвращению доверия людей. Но не тут-то было. 24 декабря 1987 года на Политбюро обсуждалась записка Председателя Совмина РСФСР В. Воронникова “О последствиях антиалкогольной кампании в РСФСР”. Факты в ней приводились убийственные. Но Горбачёв даже не пытался принять меры по исправлению ситуации. Он заявлял: “Решение было правильное. Принципиальную позицию менять не будем”.

Николай Рыжков пытался переубедить Генсека в отношении антиалкогольной кампании, но, как он пишет: “Мои многократные устные обращения к Горбачёву... оставались без внимания. Он соглашался со мной, что надо вносить коррективы, обещал собрать Политбюро, но проходило время – и всё оставалось по-старому. Я чувствовал, что с ним кто-то серьёзно “работал””. Известно, что Горбачёв неоднократно усугублял ситуацию, сложившуюся по тем или иным вопросам перестройки в Союзе. Почему?

Секрет раскрыл другой бывший премьер-министр СССР – Валентин Павлов. Он усмотрел в действиях Горбачёва скрытый умысел. “Удар был рассчитан точно. Мировой опыт попыток ввести “сухой закон” учит, что запреты для прививки трезвости населению бесполезны, но зато исключительно благоприятны для создания мафиозных структур и их обогащения. Результаты кампании в СССР не заставили себя ждать в точном соответствии с мировым опытом. Горбачёв и Яковлев не могли не знать об этом опыте, но решали другую задачу и за её успешное решение готовы были, видимо, заплатить любую цену”.

Не вызывает сомнения, что “отцы перестройки” спешили создать в СССР социальную базу для реставрации капитализма. Этой базой стал теневой мафиозно-криминальный бизнес, который неизбежно возникает при введении в стране “сухого закона”. По разным подсчётам, советское государство в ходе борьбы с алкоголизмом потеряло до 200 миллиардов рублей. Львиную долю этой суммы “теневики” положили себе в карман. А с “теневиками” Михаил Сергеевич дружил ещё со ставропольских времён.

Но Горбачёв не был бы Горбачёвым, если не пытался возложить ответственность за содеянное на других. В мемуарах “Жизнь и реформы” одну главу он назвал “Антиалкогольная кампания: благородный замысел, плачевный итог”. В ней стрелки ответственности за провал антиалкогольной кампании Михаил Сергеевич перевёл на ранее упомянутых Е. Лигачёва и М. Соломенцева.

Особо следует рассказать о заседании ПБ, на котором Горбачёв расправился с советским генералитетом. К 1987 году Горбачёв понял, что его односторонней “миротворческой” политике мешают военные во главе с неуступчивым министром обороны, кандидатом в члены ПБ Маршалом Советского Союза Сергеем Леонидовичем Соколовым. Известно, что министр и его окружение были противниками планов Горбачёва по ликвидации Организации Варшавского Договора, поспешному выводу советских войск из стран Восточной Европы, одностороннему сокращению стратегического военного потенциала СССР и подписанию Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД).

Тогда и была задумана грандиозная акция по обновлению советского генералитета. В качестве примера был использован инцидент, произошедший в мае 1941 года. Тогда германский военно-транспортный самолёт “Юнкерс-52”, проверяя советскую систему ПВО, беспрепятственно пролетел свыше 1200 километров, приземлился на Тушинском аэродроме в Москве. В итоге советское военное командование и, прежде всего, военно-воздушные силы накрыла волна репрессий, и оно было практически всё заменено.

28 мая 1987 года на Васильевском спуске Красной площади приземлился спортивный самолёт, за штурвалом которого сидел немецкий лётчик Матиас Руст. 30 мая в Кремле состоялось заседание ПБ по поводу пролёта Руста, на котором была предпринята тотальная чистка советского генералитета. Вооружённые силы СССР были фактически обезглавлены. Но главное – Горбачёв убрал неугодного министра обороны СССР С. Соколова.

В нашем случае интерес представляет не столько полёт Руста, сколько события, предшествовавшие этому полёту. Генерал-полковник Леонид Ивашов 8 января 2009 года сообщил мне, что в феврале 1987 года министр обороны Сергей Соколов был вызван к Горбачёву с двумя картами противовоздушной обороны северо-западного направления СССР. После встречи Генсек ЦК КПСС попросил оставить ему эти карты.

После истечения разумных сроков хранения Генсеком карт, как рассказывал Л. Ивашов, ответственный в 1987 году за сохранность секретных документов, в том числе и карт, в Генштабе МО СССР пришлось создать специальную комиссию, официально подтвердившую факт передачи сверхсекретных карт М. С. Горбачёву. Акт этой комиссии должен храниться в архиве МО РФ. Второй экземпляр должен был находиться в бывшем архиве ЦК КПСС, а ныне Архиве президента РФ.

Об этом можно было бы не вспоминать, если бы не выяснилось, что Руст летел так, будто ему было досконально известно расположение советских станций радиолокационного слежения на северо-западе СССР. Но на ПБ об этом никто даже не заикнулся.

Странно, что на заседании ПБ по пролету Руста, состоявшемся 30 мая 1987 года, никто также не вспомнил о том, что после скандальной ситуации в сентябре 1983 году с гибелью южнокорейского “Боинга” СССР подписание к Конвенции о международной гражданской авиации, категорически запрещавшее сбивать гражданские самолёты.

На заседании Политбюро все послушно озвучили лишь то, что было нужно Генсеку Горбачёву. Так, член ПБ, Председатель КГБ СССР В. Чебриков на заседании ни словом не обмолвился о том, что перед посадкой Руста на Большом Москворецком мосту по неустановленной причине были срезаны троллейбусные провода, а на Красной площади КГБ установило профессиональные телевизионные камеры!

Никто из членов ПБ также не поинтересовался, почему при полёте Руста к столице на командный пункт Московского округа ПВО вдруг поступило указание о внеплановом отключении АСУ РЛС для проведения профилактических работ.

Не было выяснено, почему самолёт Руста после пересечения границы СССР на 3 часа 20 минут пропал с экранов радиолокаторов и приземлился с достаточно полными баками, чего не могло быть в случае беспосадочного перелёта. Впоследствии утверждалось, что Руст совершал посадку в районе Старой Руссы, где его ожидали сотрудники Первого Главного управления КГБ СССР (внешняя разведка, начальник В. А. Крючков), обеспечившие заправку топливом самолёта.

Генерал-майор Сергей Мельников, дежуривший в день полёта Руста на Центральном командном пункте ПВО, давая интервью тележурналисту Андрею Караулову (“Момент истины”, 15.08.2011), утверждал, что В. Крючков в доверительном разговоре сообщил, что он по указанию Горбачёва обеспечивал операцию полёта Руста.

Через полгода после заседания ПБ по Русту, 8 декабря 1987 года, как говорилось, М. Горбачёв и Р. Рейган в Вашингтоне подписали Договор РСМД, который сегодня считается фактической капитуляцией СССР перед США. Члены Политбюро это восприняли как должное.

Особого рассказа заслуживает заседание ПБ, на котором обсуждалось письмо преподавателя Ленинградского технологического института Нины Андреевой “Не могу поступиться принципами”. Оно было опубликовано 13 марта 1988 года в газете “Советская Россия”. Сегодня, с высоты прошедших лет ясно, что Андреева правильно ставила вопрос о том, что перестройка превращалась в “катастрофу”.

У членов ПБ в ходе обсуждения этой статьи была возможность поставить на место потерявшего чувство реальности Генсека. Ведь первоначально значительная часть членов ПБ была склонна поддержать письмо Андреевой. Но Горбачёв, почувствовав неладное, решил дать бой несогласным с его линией и внёс письмо Андреевой на рассмотрение ПБ.

Обсуждение продолжалось два дня, 24 и 25 марта. Это заседание вновь продемонстрировало конформистскую позицию членов ПБ. В первый день Лигачёв хоть и поддержал письмо, но виновато отметил, что он к нему не имеет никакого отношения. Громыко озвучил что-то невнятное, “ни нашим, ни вашим”. Воронников стал оправдываться за то, что поначалу поддержал статью. А. Яковлев на фоне этого смятения высказался однозначно – письмо Андреевой является “манифестом антиперестройки”.

На следующий день первым выступил Председатель ЦМ СССР Н. Рыжков. Он, видимо, по просьбе Горбачёва, резко осудил письмо. Его поддержали министр иностранных дел Э. Шеварднадзе и секретари ЦК КПСС В. Медведев, Н. Слюньков, Г. Разумовский, а также председатель Госплана Ю. Маслюков. К ним присоединился министр обороны Д. Язов. В защиту письма и позиции Лигачёва выступили только М. Соломенцев, В. Никонов и А. Лукьянов.

Но в итоге ПБ принял единодушное решение: **осудить письмо Андреевой**. Вот так высший партийный орган КПСС дал зелёный свет предательским действиям Горбачёва по дальнейшему навязыванию стране его перестройки. Это при том, что СССР действительно нуждался в Перестройке, но подлинной.

Окончательно члены Политбюро ЦК КПСС капитулировали перед Генсеком ЦК КПСС на заседании, посвящённом итогам поездки Горбачёва в Нью-Йорк и его заявлению в ООН, состоявшемся 27–28 декабря 1988 года. Напомню, что 7 декабря 1988 года на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Горбачёв **без согласования с Политбюро, Министерством обороны и КГБ СССР** заявил, что в “рамках политики нового мышления” СССР пойдёт на одностороннее сокращение стратегических вооружений на 50% и армии – на 500 тысяч человек и 10.000 танков.

Начиная обсуждение на Политбюро своих международных “инициатив”, Горбачёв как бы между прочим упомянул о рекомендациях, подготовленных экспертами американского исследовательского центра “Heritage Foundation” (“Фонд наследия”) для вновь избранного президента США Дж. Буша-старшего, называемых “Мандат на руководство-3”. В этой связи Генсек задал вопрос недавно назначенному Председателем КГБ СССР В. Крючкову о том, сколько

времени, по мнению западных СМИ, продержится нынешнее советское руководство и, прежде всего, он сам?

Крючков ответил уклончиво: “Говорят по-разному”, — хотя был информирован о содержании “Мандата” для Буша. В этой связи следует рассказать об этом документе. Он предписывал Бушу и его Администрации “разработку долгосрочной стратегии относительно деколонизации советских национальных республик”, то есть **стратегию развала СССР**.

Эта стратегия должна была продолжать реализацию целей, поставленных в трёх директивах по национальной безопасности (National Security Decision Directive) — “NSDD-32”, “NSDD-66” и “NSDD-75”, — подписанных Рейганом в марте—мае 1982-го и январе 1983 года соответственно. В них заявлялось, что целями политики США в отношении СССР является “нейтрализация” советского влияния в Восточной Европе, подрыв советской экономики методом атаки на её “стратегическую триаду”, то есть на базовые отрасли советского народного хозяйства и достижение “фундаментальных изменений советской системы”, то есть отказ СССР от социализма.

Но Горбачёв счёл лишним обременять членов ПБ обсуждением американских планов, которые представляли реальную угрозу для СССР. Он предпочёл, чтобы ПБ оценило его “прорывное” заявление в Нью-Йорке. Члены ПБ не возражали и высоко “оценили” вклад Генсека в дело мира.

Секретарь ЦК КПСС В. Медведев заявил, что “выступление Михаила Сергеевича на Генеральной Ассамблее — это крупнейший акт в области внешней политики”. Идеолог А. Яковлев утверждал, что теперь “Буш в основном и главным пойдёт по линии перемен, деваться ему, собственно, некуда”. Он также отметил, что главное достижение Горбачёва — “это исчезновение у американцев образа врага” в отношении СССР. Министр обороны СССР Д. Язов, опережая вопрос Горбачёва, бодро доложил, что “уже разработаны планы вывода войск из ГДР, ЧССР, ВНР и ПНР”. Он также сообщил, что в группе советских войск, дислоцированных на территории стран Варшавского Договора, все с одобрением отнеслись к этому. Язов при этом умолчал, что вывод 6 тысяч танков полностью менял структуру вооружения всей группировки советских войск в Восточной Европе, и СССР лишался своего основного преимущества. Министра также не беспокоило, куда будут выводиться войска из Восточной Европы.

Сегодня известно, что уже в конце 1991 года, то есть на три года раньше срока, из ГДР **была выведена треть советского воинского контингента**, который был выброшен в палаточные городки, наспех развёрнутые в полях. Те, кто пережил это предательство, рассказывали, что если бы собрать слёзы жён и детей офицеров, замерзавших в палатках, то их хватило бы для того, чтобы утопить Горбачёва и Язова. Кстати, никто на Западе не настаивал на мгновенном выводе советских войск. **Этот процесс мог длиться и 20 лет.**

Вероятно, в администрации президента Буша от души порадовались, читая протокол заседания Политбюро от 27—28 декабря 1988 года. Насущные политические вопросы, а точнее — вопросы выживания СССР, членов ПБ интересовали значительно меньше, нежели желание понравиться Генсеку. Буш мог надеяться на беспрепятственную реализацию “Мандата на руководство-3”.

Вот так решались судьбоносные для СССР вопросы на ПБ. В дальнейшем члены ПБ без особых возражений поддержали решения Генсека о сдаче ГДР, о роспуске Варшавского блока, о согласии на вступление Объединённой ФРГ в НАТО, о поспешном выводе советских войск из стран Восточной Европы, о развале социалистического содружества и т. д. и т. п.

При такой ситуации Генсек счёл возможным вообще не советоваться с членами ПБ. Известно, что весной 1991 года Политбюро не собиралось три месяца. В 1991 году Горбачёв обладал поистине диктаторскими полномочиями, которыми его наделил IV Съезд народных депутатов СССР в декабре 1990 года и в рамках которых места для Политбюро не предусматривалось. Подробнее об этом рассказу позже.

От латентного агента Запада до антикоммуниста

Возникает вопрос: почему Генсек ЦК КПСС доводил все свои перестроечные начинания до краха и шёл на безоглядную сдачу позиций СССР? Ведь не был же он настолько глуп? Дело в том, что Горбачёв к приходу в ЦК КПСС уже

являлся **латентным** (на подсознательном уровне) **агентом** Запада, точнее западного образа жизни. Напомню страстное желание Горбачёвых устроить так, чтобы в СССР жили, как во Франции, о котором я писал.

После общения Горбачёва с А. Яковлевым и Э. Трюдо в Канаде (1983), с М. Тэтчер в Англии (1984), с Р. Рейганом в Женеве (1985) и Рейкьявике (1986), Михаил Сергеевич стал убеждённым сторонником капиталистического ведения хозяйства. Сам он это скрывал, но духовный наставник Горбачёва А. Яковлев в постсоветский период рассказал об этом.

При этом Александр Николаевич сослался на свою записку Горбачёву, написанную в декабре 1985 года, то есть накануне перестройки (интервью “Независимой газете”, 02.12.2003): “В ней всё было расписано: альтернативные выборы, гласность, независимое судопроизводство, права человека, плюрализм форм собственности, интеграция со странами Запада... Михаил Сергеевич прочитал и сказал: рано. Мне кажется, он не думал, что с советским строем пора кончать, и удовлетворился бы ликвидацией наиболее очевидных несуразностей. Не знаю. Но факт, что, в конце концов, нам пришлось выполнить практически всё, что было в той записке”.

Следует признать, что, критикуя советский социализм, Яковлев, как умный враг, во многом был прав. Замечу лишь, что следует иметь в виду и то, что социализм в СССР строился в условиях враждебного окружения. Поэтому он существенно отличался от социализма, о котором писали и мечтали К. Маркс и Ф. Энгельс. Помимо этого, абсолютизация и догматизация основных марксистских постулатов, произошедшая в СССР, привела к извращению их сути. Например, диктатура пролетариата выродилась в диктатуру партийного аппарата, равенство превратилось в уравниловку и т. д.

Поэтому Яковлеву трудно возражать, когда он в том же интервью вспоминал: “В Канаде, например, я по-настоящему узнал, что такое фермерская система. Мне стало ясно, что фермер работает больше и лучше, чем наш колхозник. И живёт тоже лучше. Я с удовольствием изучал, как работает канадская судебная система, и, естественно, сравнивал с нашей. Более всего меня поразила там степень защищённости человека. Я вырос в государстве, где гражданин был априори виновен во всём и перед всеми – перед милиционером, перед домоуправом, перед партийным бюро...”

Единственное, о чём Яковлев предпочёл забыть в своём интервью, это то, что суть капитализма не только во власти капитала и частной собственности, но, прежде всего, в получении прибыли любым путём и любыми средствами. За постсоветские 25 лет россияне убедились в этом на собственном опыте.

Можно привести грубый пример. Известно, что для получения дорогого и прибыльного мраморного мяса, откармливаемых бычков поят пивом и ежедневно делают им массаж. Но, в конечном итоге, бычок всё равно оказывается на бойне. Так и капитализм. Он стремится создать нормальные условия для воспроизводства рабочей силы, так как средства, затраченные на это, возвращаются к нему через товары и услуги.

Однако стоит начать кризису или возникнуть угрозе потерять прибыль, капитализм без колебаний жертвует миллионами людей. Их выбрасывают на улицу. Весной 2009 года в прессе появилось сообщение, что в Калифорнии, одном из самых благополучных штатов Америки, за неуплату кредита ежедневно на улицу из своих домов выгоняли по 500 человек. Многие из них на последние деньги сумели купить себе лишь одноместные палатки. От всего, что было нажито за долгую жизнь, пришлось избавиться, что-то было продано, часть вещей просто раздавалась всем желающим.

Между тем социализм предполагает народовластие и равенство людей в полном смысле этих понятий. Ведь по Марксу и Энгельсу коммунизм – это “ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития ВСЕХ”. Другое дело, что в СССР при наличии элементов социально-политического равенства социализм оставлял желать лучшего. И в этом нет ничего удивительного. Ведь не случайно в Библии говорится: “Благими намерениями дорога в ад вымощена”. И так бывало не только с социализмом.

Но вернусь к Горбачёву. Ему для перевода СССР на капиталистические рельсы требовалось доказать неэффективность социалистического способа хозяйствования. Поэтому все горбачёвские попытки “реформирования” социалистической экономики и системы управления были направлены на то, чтобы

потерпеть крах. В результате многие советские люди пришли к выводу: **советская система себя изжила, и от неё надо отказаться**. Этим впоследствии воспользовались Ельцин, Чубайс и Гайдар, внедрив в России бандитский капитализм.

Что же касается односторонних уступок Горбачёва Западу, то это было обусловлено следующим. В ходе активного общения Михаила Сергеевича с лидерами капиталистических держав ему сумели внушить идею-фикс о возможности вхождения **обновлённого, мирного и капитализированного Советского Союза в Общий Европейский дом**. Фактически это стало для Горбачёва своего рода “морковкой”. Известно, что упрямый осёл хорошо бежит за подвешенной к его морде морковкой. Вот за такой “морковкой” и бежал Горбачёв, сдавая позиции СССР.

Обновлённый Союз понимался Горбачёвым как Союз, избавившийся от дотационных и обременительных для союзного бюджета прибалтийских и закавказских республик. Известно свидетельство Георгия Корнеевича Крючкова, первого секретаря Одесского обкома КПУ, которому Генсек ЦК КПСС осенью 1988 года заявил, что Россия, Украина и Белоруссия должны быть вместе, а “без этих прибалтов, закавказцев мы обойдёмся...” Я могу засвидетельствовать, что в аппарате ЦК КПСС сторонников этой идеи было немало.

Горбачёв ожидал, что разоружившийся и капитализированный Советский Союз будет с распростёртыми объятиями принят в Евросоюз. Но не тут-то было. В июле 1991 года, когда СССР отчаянно нуждался в 15 млрд долларов кредита, президент СССР направился в Лондон на встречу с главами стран, входящих в “Большую семерку”. Однако те ограничились лишь дежурными заявлениями о поддержке курса Горбачёва. Запад тогда уже сделал ставку на Ельцина.

Хорошо известно, чем закончился курс президента РФ Б. Ельцина на улагодворение западных “партнёров”. Они лишь высасывали из России ресурсы и финансы, взамен отделяясь малозначащими обещаниями. Напомню знаменитую “атомную сделку” Гора—Черномырдина 1993 года. По ней Россия “продала” Соединённым Штатам Америки 500 тонн оружейного урана за смехотворную цену в 11,9 млрд долл. США. **По нефтяному эквиваленту эти 500 тонн стоили 8 триллионов долларов, то есть в 670 раз дороже**. Такую прибыль получали лишь средневековые торговцы, выменивая у туземцев золотые изделия за грошовые побрякушки и зеркала.

Вся многовековая история взаимоотношений России (царской и советской) с Западом свидетельствует лишь об одном: **Западу доверять и верить на слово нельзя**. Он считается только с сильными партнёрами.

В этой связи следует сделать ещё один вывод. Историю взаимоотношений России и Запада надо изучать и делать правильные выводы. Горбачёвский и ельцинский периоды в этом плане заслуживает особого внимания, так как тогда Россия едва не утратила свою государственность.

“Горбачёва из членов КПСС исключить”

Я уже говорил о роли Политбюро в организации и проведении Горбачёвской перестройки. Но в КПСС был ещё и Центральный Комитет, насчитывавший четыре сотни членов, который в ходе перестройки имел полное право в любой момент заменить правящую партийную верхушку во главе с Генсеком. К сожалению, мне известен лишь один член ЦК, первым посмевшийся на Пленуме ЦК дать заслуженную оценку политике Генсека и Политбюро. Это был посол СССР в Народной Польше Владимир Игнатьевич Бровиков.

Он был одним из когорты партийных работников, выпестованных первым секретарём ЦК Компартии Белоруссии Петром Мироновичем Машеровым. По его рекомендации Бровиков был избран вторым секретарём ЦК КП Белоруссии. В 1983 году он стал Председателем СМ БССР.

Именно Владимир Игнатьевич претворял в жизнь озвученные Машеровым **принципы социалистической инициативы и предприимчивости**. Социально-экономические достижения Белоруссии в этот период были впечатляющим. Но в 1986 году Горбачёв, спеша избавиться от “машеровца” Бровикова, направил его послом в Польшу, оставив, правда, членом ЦК КПСС.

К 1990 году Бровиков хорошо осознал значение движения “Солидарность”, которая командовала антисоветским и русофобским парадом в Польше. Страшным для него оказался вывод, что польская ситуация стала один

в один повторяться в СССР. Поэтому 5 февраля 1990 года Владимир Игнатьевич решил выступить на Пленуме ЦК КПСС, обсуждавшем платформу партии “К гуманному, демократическому социализму”.

В своём выступлении Бровиков поставил вопрос о перестройке, “которая за неполных пять лет ввергла страну в пучину кризиса, подвела к черте, у которой мы лицом к лицу встретились с разгулом анархии, деградацией экономики, grimасой всеобщей разрухи и падением нравов”. При этом Владимир Игнатьевич прямо назвал виновников – это руководители партии и государства и их личные ошибки.

Бровиков в своём выступлении заявил, что большинство принятых в период перестройки законов дали противоположный эффект. В качестве примера он привёл антиалкогольное законодательство, законы о кооперации, о госпредприятии, об индивидуальной трудовой деятельности.

С горечью Владимир Игнатьевич констатировал: “Мы все мечемся и ищем панацею от всех бед, надеясь, что возведённая в абсолюте демократия всё расставит по своим местам в политической сфере, а рынок – в экономике... Но в итоге страну из державы, которой восхищались в мире, превратили в государство с ошибочным прошлым, безрадостным настоящим и неопределённым будущим. И всё это на потеху Западу, который, славословя в наш адрес, умилённо улюлюкает по поводу краха “колосса на глиняных ногах”, гибели коммунизма и мирового социализма”.

В заключение Бровиков предложил убрать из обсуждаемой Платформы “предложения о президенте страны, председателе и заместителях в партии, так как не в этих должностях суть дела”, а в том, как будет действовать партия.

Выступление Бровикова членами Пленума было встречено одобрительно, но и только. Выступивший на следующий день Председатель КГБ СССР В. Крючков о нём даже не обмолвился. Он лишь посетовал на то, что в стране ведётся “целенаправленная дискредитация партии, органов власти, вооружённых сил, правоохранительных органов”. Однако о главном виновнике подобного положения – Горбачёве – Крючков промолчал. Вот так работал тандем Горбачёв–Крючков.

На мартовском 1990 года Пленуме ЦК КПСС Бровиков выступил ещё более резко и аргументированно. Говоря о предложениях Пленума по статьям 6 и 7 Конституции СССР (о роли партии в советском обществе) для внесения на внеочередной третий Съезд народных депутатов СССР, Владимир Игнатьевич отметил: “Вместо ускорения социально-экономического развития (а именно в этом состояла квинтэссенция XXVII съезда) идёт его замедление. Вместо повышения уровня жизни людей труда наблюдается его снижение. Вместо реформирования системы государственного и хозяйственного управления во многом происходит её деформирование. ... Словом, весь наш реформаторский пар уходит в гудок, в лозунги и бесконечные дебаты в этом зале и в смежных с ним.

В крайне тяжёлом положении оказалась сама партия, и мы это все понимаем. Её поносят самыми последними словами... Создаётся впечатление, что наши руководители спешат поставить крест на партии, как ведущей силе общества, а функции ликвидируемого Политбюро передать президенту. Но надо ли так спешить? ... Но где, товарищи, гарантия, что президентская власть спасёт от свалившихся на нашу голову бед?

... Считаю, что за кризис в стране и партии обязаны лично отвечать не только товарищ **Лигачёв**, которого здесь называли, но и товарищи **Горбачёв**, **Медведев**, **Слюньков**, **Яковлев**, **Лукьянов**. Они, мне кажется, не совсем оправдали оказанное им доверие и не полностью справились с порученными участками работы”.

После выступления в ходе обмена репликами с Горбачёвым стоящий на трибуне Бровиков добавил, что “было бы излишне, если бы члены Политбюро, каждый по своей компетенции, отчитались за те провалы, которые допущены после XXVI съезда”.

Горбачёв крайне болезненно воспринял выступление Владимира Игнатьевича. Но он негодовал бы ещё больше, если бы знал, что концовка того выступления должна была быть следующей: “Во имя спасения Родины предлагаю: **за измену интересам советского народа и предательство партии Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачёва М. С. из членов КПСС исключить**. Партийной группе КПСС на Съезде народных депутатов СССР

солидарно выступить за освобождение Горбачёва М. С. от должности президента СССР. Политбюро ЦК КПСС в нынешнем его составе распустить”.

Но перед своим выступлением Бровиков прозондировал настроение членов Пленума и понял, что его поддержит максимум треть, а то и меньше. Так впоследствии и произошло на апрельском (1991) Пленуме ЦК КПСС, когда рассматривался вопрос отставки Горбачёва. И свою концовку Владимир Игнатьевич не озвучил.

Но даже в усечённом виде выступление Бровикова было впечатляющим. Оно произвело эффект разорвавшейся бомбы и было одобрено шквалом аплодисментов. Как писал советский классик Максим Горький: “Безумству храбрых поём мы песню...” Но тогда большинство в ЦК КПСС предпочли *отсидеться в окопах*. К сожалению, тогда промолчал и я. Политически был ещё молод (высокой политикой занимался лишь три года, до этого основной сферой моего внимания была экономика) и не сумел до конца осознать правоту Владимира Игнатьевича.

Горбачёв весьма оперативно решил вопрос с Бровиковым. Его в том же 1990 году отправили на пенсию и вывели из состава ЦК КПСС.

Генсек кровавый

Горбачёва “Генсеком кровавым” первым назвал В. Легостаев, бывший помощник секретаря ЦК КПСС Е. Лигачёва. Он в 2001 году опубликовал в газете **“Завтра”** статью под таким названием. Я продолжу тему Легостаева, так как трагические кровавые события, которые произошли в период правления Горбачёва, наиболее ярко показали предательскую и подстрекательскую суть его политики в национальных регионах и её способствование нарастанию сепаратистских настроений.

Михаил Сергеевич упорно отрицает свою причастность к этим событиям. Однако к настоящему времени выявлено достаточно доказательств, что это не так. Более того, выясняется, что именно его позиция как главы государства и партии во многом обуславливала трагическое развитие ряда ситуаций.

Одними из первых массовые публичные волнения в СССР на национальной почве произошли в декабре 1986 года в Алма-Ате. Тогда по официальным данным погибли три человека, десятки были ранены, а 99 человек были осуждены и приговорены к различным срокам заключения. Эти волнения были вызваны назначением первым секретарём ЦК Компартии Казахстана русского Геннадия Васильевича Колбина вместо отправленного в отставку казаха Динмухамеда Ахмедовича Кунаева. Якобы Колбин приобрёл опыт руководства национальной республикой, проработав несколько лет “вторым” в Грузии.

Эта ситуация ярчайшим образом показала никчёмность кадровой политики Горбачёва. Как можно было навязывать в национальной республике “первого” секретаря русского! Это был дилетантизм, граничащий с провокацией. Да, такие случаи были в сталинский период. Но тогда это было совершенно другое время. А в период перестройки это привело к массовым волнениям.

О том, что национальные отношения для Горбачёва были “терра инкогнита”, писал бывший посол США в СССР Дж. Мэтлок: “Горбачёв казался почти слепым в отношении реальных сил, стоявших за этнической и национальной агитацией... Либо он не знал, либо не хотел знать о проявлениях национальных чувств – русских и нерусских”. А может быть, Михаил Сергеевич и его советчики хорошо знали, как инспирировать националистические волнения? Возможно и то, **что тогда кто-то с помощью Горбачёва пытался создать на территории СССР ситуацию “управляемого хаоса”**.

Сумгаит–1988

Крупные массовые беспорядки на национальной почве с человеческими жертвами произошли 27–29 февраля 1988 года в городе Сумгаит Азербайджанской ССР (25 км от Баку). Фактически это было массовое избиение армян. Поводом для него послужило обращение армянских депутатов Нагорно-Карабахской автономной области к Верховным Советам Азербайджанской и Армянской ССР о выходе из состава Азербайджана и присоединении к Армении, принятое 20 февраля 1988 года.

Обращение породило в Азербайджане слухи о том, что в Нагорном Карабахе армяне массово убивают и изгоняют азербайджанцев. Распространением этих слухов, как потом было установлено, занимались провокаторы. Но Горбачёв в этой взрывоопасной ситуации ограничился лишь дежурным Обращением к народам Азербайджана и Армении, озвученным 26 февраля 1988 года.

В ответ на это обращение в Сумгаите начался митинг азербайджанцев, на котором звучали призывы отомстить армянам. К вечеру 27 февраля выступления переросли в действия. Сотни митингующих, подогретые митинговыми призывами и спиртными напитками, раздаваемыми бесплатно с грузовиков, начали громить квартиры армян и убивать их хозяев, адресами которых они странным образом располагали.

Москва хранила молчание. Более того, вечером 28 февраля, то есть через сутки после начала погрома программа новостей “Время” сообщила, что армянские рабочие в Сумгаите якобы решили сверхурочно поработать, чтобы компенсировать производственные потери за время забастовки на предыдущей неделе.

Только 29 февраля полк внутренних войск МВД СССР и курсанты Бакинского общевойскового училища сумели приостановить вакханалию убийств в Сумгаите. Однако полностью ситуацию в городе удалось взять под контроль лишь после введения туда морских пехотинцев и десантников. О серьёзности ситуации свидетельствует то, что в ходе наведения порядка в Сумгаите ранения получили 270 военнослужащих.

Всего же за три дня беспорядков в Сумгаите было разгромлено свыше двухсот квартир армян, десятки человек были убиты, значительная часть из которых были заживо сожжены после избиений и пыток, сотни ранены (реальные цифры жертв неизвестны до сих пор).

29 февраля 1988 года Политбюро ЦК КПСС признало, что массовые погромы и убийства в Сумгаите осуществлялись по национальному признаку. Но 18 июля того же года на заседании Президиума Верховного Совета СССР Горбачёв предпочёл обойти тему межнациональной розни. Попутно он снял с себя ответственность за сумгаитскую трагедию, заявив, что её не было бы, если бы войска не опоздали на три часа. Одним словом, виновата армия, а не **Горбачёв, который почти двое суток предпочитал не замечать развитие ситуации в Сумгаите.** Вот так!

Соответственно, объединённая следственная группа прокуратуры СССР основными мотивами преступлений в Сумгаите назвала не межнациональную рознь, а “хулиганские побуждения”. Сумгаитские события были представлены советской общественности как некие нарушения общественного порядка. Не вызывает сомнений, что изменение оценки сумгаитской трагедии, первоначально данной на заседании Политбюро, прокуроры могли осуществить только по согласованию с Горбачёвым.

Такой подход следствия исключил возможность выявления подлинных организаторов сумгаитской трагедии. Единого общего судебного процесса по этим событиям не проводилось. Дело было разбито на 80 эпизодов и рассматривалось в судах различных городов Союза. Настоящие виновники кровавых событий так и остались не наказанными.

Это породило у националистов разных мастей уверенность в том, что насилие является эффективным средством решения межнациональных вопросов, что и показало дальнейшее развитие ситуации в Союзе. Ответственность за это лежит на Михаиле Сергеевиче.

Известно, что за погромом в Сумгаите уже в ноябре 1988 года последовали погромы в Кировабаде и Баку. А в январе 1990 года погромы начались в Баку и других частях Азербайджана. Все они проходили по той же схеме, что и в Сумгаите. Это заставляет предположить, что эти акты насилия были организованными, а не спонтанными проявлениями межнациональной розни. Но этот аспект тогда замалчивался.

Тбилиси–1989

Спустя год после Сумгаита критическая ситуация назрела в Грузии. Известно, что история грузинского антисоветского национализма восходит к 25 февраля 1921 года, когда Грузия якобы была “оккупирована большевистскими силами России”. В 1988–1989 годах грузинские сепаратисты активизи-

ровались. В феврале 1989 года ряд из них был арестован. Но **из Москвы пришло указание освободить “борцов за независимость”**. Получив такой карт-бланш, сепаратисты перешли к публичным акциям.

5 апреля 1989 года они организовали митинг у Дома правительства в Тбилиси. Через сутки там митинговало уже свыше 5 тысяч человек. На митинге было принято обращение к президенту и Конгрессу США, к странам НАТО, в котором предлагалось рассмотреть вопрос Грузии в ООН, признать советскую оккупацию Грузии и оказать ей помощь в выходе из СССР. Митингующие сформировали отряды из бывших воинов-“афганцев”, спортсменов и физически крепких мужчин, которые вооружились металлическими прутьями и цепями.

Создалась реальная угроза захвата митингующими Дома правительства и власти в республике. 7 апреля руководство ЦК Компартии Грузии обратилось в ЦК КПСС с просьбой направить в Тбилиси дополнительные силы МВД и Минобороны СССР. Прилетевший поздно вечером 7 апреля из зарубежной поездки Генсек Горбачёв прямо в аэропорту Внуково дал поручение бывшему первому секретарю ЦК КП Грузии, а в то время – министру иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе и секретарю ЦК КПСС Г. Разумовскому немедленно вылететь в Тбилиси.

Между тем ситуация в Тбилиси продолжала накаляться. Вечером 8 апреля к митингующим обратился патриарх Грузии Илия с просьбой: “Братья и сестры, покиньте площадь, не доводите дело до применения силы”. Но будущий президент независимой Грузии Звиад Гамсахурдия вырвал у него из рук микрофон и закричал: “Пусть прольется кровь!” Толпа в ответ заревела: “Пусть прольётся кровь!”

Вечером 8 апреля командующий войсками Закавказского военного округа Игорь Николаевич Родионов получил письменный приказ от министра обороны Дмитрия Тимофеевича Язова к утру 9 апреля очистить от митингующих проспект Руставели и взять под охрану государственные объекты.

После событий Горбачёв утверждал, что Язов отдал приказ на применение военной силы в Тбилиси по собственной инициативе. Но в 1999 году незадолго до своей смерти бывший глава КГБ СССР, а позднее секретарь ЦК КПСС, курировавший силовые структуры, В. Чебриков раскрыл тайну. В своём последнем интервью корреспонденту Евгению Жирнову Виктор Михайлович рассказал, что он лично “докладывал Горбачёву обстановку и запрашивал санкцию на применение войск в Тбилиси” (“Трибуна”, 27.07.2001). Горбачёв дал “добро”, а потом разыграл святое неведение.

В Тбилиси к вечеру 8 апреля ситуация стала взрывоопасной. Причём руководители митинга постоянно получали секретную информацию о том, какие меры в отношении них планирует предпринять Москва. Узнав, что готовится силовая акция, они заблокировали все подходы и подъезды к проспекту Руставели “КамаЗами”, гружёнными щебнем, со спущенными шинами.

В результате, когда в 4 часа утра 9 апреля 1989 года войска попытались вытеснить митингующих с проспекта Руставели, возникла страшная давка, в которой от механической асфиксии (вывод судебно-медицинской экспертизы) погибли 18 человек, из них 16 женщин. Ситуацию усугубили боевики Гамсахурдии, вооружённые дубинками и арматурой, которые повсеместно устраивали рукопашные схватки с солдатами.

Однако виновными за гибель людей сделали советских десантников, которые сапёрными лопатками якобы рубили женщин и душили народ газами. С этим “диагнозом” в 10 часов утра 9 апреля в Тбилиси появились упомянутые ранее Шеварднадзе и Разумовский. Где они были до той поры почти 1,5 суток, так и осталось тайной.

Первый заместитель председателя КГБ СССР Филипп Денисович Бобков возразил против утверждения Шеварднадзе, сославшись на кинофильм, снятый операторами КГБ на площади у Дома правительства. Кинофильм свидетельствовал, что сапёрными лопатками солдаты лишь защищали головы от летящих из толпы камней и бутылок.

Однако на заседании ВС Союза ССР тема сапёрных лопаток прозвучала, как истина. Советской Армии, КГБ и советской власти был нанесён первый удар. Без сомнения, правда о тбилисских событиях была известна Горбачёву. Как тогда расценивать его молчание на Политбюро и Верховном Совете СССР, когда шельмовали армию и КГБ?

Ясно одно: Горбачёв сознательно шёл на действия, подрывавшие авторитет советской власти, армии и КГБ. А в его окружении не нашлось тех, кто обнародовал бы предательскую позицию главы партии. Ну, а то, что гибель людей в Тбилиси во многом была следствием выжидательной позиции Горбачёва, не вызывает сомнений.

Отмечу лишь, что при рассмотрении на Политбюро ЦК КПСС тбилисских событий (20.04.1989) Горбачёв заявил Крючкову и Язову: “Я на тебя смотрю, Владимир Александрович! (Крючков)... Дмитрий Тимофеевич (Язов)! Запомни навсегда и сегодня же отдай приказ: отныне без решения Политбюро армии в гражданских делах запрещая участвовать”.

Баку–1990

После сумгаитского погрома отношения между азербайджанцами и армянами стали крайне напряжёнными. К началу 1990 года в Баку осталось всего около 30–40 тысяч армян, в основном, женщины и пенсионеры. В это время на границе между Армянской и Азербайджанской ССР начались бои с применением артиллерии. Масла в огонь подлило заявление представителей Народного фронта Азербайджана, сделанное по бакинскому телевидению 12 января 1990 года о том, что Баку заполнен бездомными азербайджанскими беженцами из Карабаха, а тысячи армян живут в комфортных квартирах.

На следующий день в Баку на площади Ленина Народный фронт Азербайджана собрал многотысячный митинг. На нём звучали лозунги “Слава героям Сумгаита!”, “Да здравствует Баку без армян!” К вечеру часть митингующих начала семидневный антиармянский погром. Как и в Сумгаите, погромщики целенаправленно шли по городу, прекрасно ориентируясь, в каких квартирах проживали армяне.

Действия погромщиков, как и в Сумгаите, отличались изощрённой жестокостью. Однако расквартированные в городе войска МВД СССР и части Советской Армии получили указание из Москвы не вмешиваться в происходящее, ограничиваясь только охраной правительственных объектов.

17 января сторонники Народного фронта Азербайджана начали непрерывный митинг перед зданием ЦК, перекрыв к нему все подходы. Опасаясь силовой акции Центра, активисты Народного фронта начали блокаду военных казарм, находящихся в Баку. К этому времени Народный фронт де-факто контролировал ряд регионов Азербайджана. **Фактически в Азербайджане шло антисоветское восстание.**

19 января 1990 года Указом Президиума ВС СССР в Баку было введено чрезвычайное положение. В ночь с 19 на 20 января Москва дала согласие на ввод в Баку частей СА и КГБ СССР. В ходе уличных боёв военнослужащих с боевиками Народного фронта погибло 134 и было ранено более 700 жителей Баку.

Несколько слов по поводу заявлений о несоразмерности силовых действий советских военнослужащих в Баку. Хорошо рассуждать на эту тему, сидя в кабинете. А теперь представьте себе молодых ребят, по приказу ночью вступающих в незнакомый город, в котором у них пытаются отнять оружие или поджечь бронетранспортёр?! Их реакция вполне предсказуема.

Силовая операция стала трагедией для русских, живших в Азербайджане. Баку в январе 1990 году кипел ненавистью к “русским оккупантам”. На многих домах появились надписи: “Русские – оккупанты!”, “Русские – свиньи!” В течение 1990 года русских стали повально выселять из квартир. Суды на их обращения не реагировали.

А что же наш Генсек? Он вновь остался в стороне, заявив, что войска в Баку вошли по приказу Язова и Крюčkова, как бы забыв при этом, что **Указ о введении чрезвычайного положения в Баку подписывал он сам.**

Тем не менее, после Баку никаких оргвыводов в отношении повторных “самовольщиков” не последовало. Более того, через три месяца, 28 апреля 1990 года президент Горбачёв своим Указом присвоил Язову звание **Маршала Советского Союза!** Абсолютно ясно, что Язов и Крючков в Баку выполняли указания Горбачёва.

Далее кровавое колесо межнационального насилия покатило по Союзу. Но по указанию Горбачёва правда о межнациональных разборках скрывалась. Они не стали предметом серьёзного разговора и на XVIII съезде КПСС, состоявшемся в июне-июле 1990 года. Уголовные дела на эту тему, как правило,

“спускали на тормозах”. В результате националисты уверовали в свою безнаказанность. Это особенно ярко проявилось в Литовской ССР.

Вильнюс–1991

Создав в июне 1988 года с подачи Кремля и КГБ СССР Литовское Движение за перестройку (“Саюдис”), литовские сепаратисты буквально в течение нескольких месяцев подмяли под себя все властные структуры республики. Отчётно-выборную осеннюю кампанию 1988 года в первичных, городских и районных партийных организациях также выиграла представители “Саюдиса”.

После этого Компартия стала инструментом сепаратистов в решении вопросов обретения Литвой независимости. Уже с октября 1988 года на 90% коммунистический Верховный Совет Литовской ССР стал послушно принимать декларации и законы, формировавшие правовое поле для выхода Литвы из СССР.

ЦК КПСС и Горбачёв бесстрастно наблюдали за процессами укрепления позиций сепаратистов в Литве. Налицо явная аналогия с развитием ситуации в Грузии и Азербайджане, что свидетельствует об осознанной тактике Горбачёва и его окружения. Победив в феврале-марте 1989 года на выборах в Верховный Совет Литовской ССР, саюдисты на первом же заседании провозгласили восстановление независимого Литовского государства. Хорошо изучив за годы перестройки соглашательскую тактику Горбачёва, глава Верховного Совета Литвы Витаутас Ландсбергис в отношениях с Кремлём занял твердокаменную позицию: “Переговоры только при условии признания независимости Литвы”.

Помимо противостояния с Центром, новые власти сделали ставку на разжигание межнациональной розни в республике, так как это способствовало сплочению литовской нации. К январю 1991 года межнациональная ситуация в многонациональном Вильнюсе стала критической. Тогда в Москве решили взять под контроль Дом печати, материально обеспечивающий деятельность республиканских печатных изданий, а также республиканское радио и телевидение, разжигающие межнациональную рознь.

Планы Москвы так же, как это было в Грузии и Азербайджане, моментально становились известны литовским сепаратистам. И в Литве Центр, а точнее – Горбачёв вновь допустил доведение ситуации до критической. Только в ночь с 12 на 13 января 1991 года, когда стратегические объекты в Вильнюсе были окружены многотысячными толпами митингующих, из Москвы последовал приказ на силовую акцию.

И, что характерно, в Тбилиси уже после событий, с 1,5-суточным опозданием прилетели представители президента СССР Шеварднадзе и Разумовский. В Вильнюс комиссия ВС СССР, возглавляемая заместителем Председателя Верховного Совета СССР Николаем Ивановичем Дементеем, “летела” 20 часов, хотя лёту было 1 час 20 минут. Странное повторение, наводящее на грустные размышления.

Причину странной задержки делегации мне рассказал В. Севрук. Он сообщил, что Н. Дементей перед вылетом в Вильнюс Горбачёв неожиданно задержал в своём кабинете. Уже в московском аэропорту Дементей вдруг убедил членов делегации Олейника и Тер-Петросяна в том, что надо сделать посадку в Минске. Якобы ему было необходимо передать какие-то документы в канцелярию ВС Белоруссии. Ну, а утром, по его словам, делегация через 15 минут будет в Вильнюсе.

Не вызывает сомнений, что Дементей посадил самолёт в Минске по просьбе Горбачёва. Возможно, Михаил Сергеевич даже вручил ему какие-то документы для Белоруссии. Всё это позволяет утверждать, что **Горбачёв был инициатором задержки в Минске делегации Верховного Совета СССР**. Президент СССР плотно контролировал и направлял развитие ситуации в Литве в нужном для него направлении.

Провал силовой акции в Вильнюсе нужен был Горбачёву для нанесения завершающего удара по авторитету КГБ и СА и по сторонникам единого Союза в Литве. В этом случае в КГБ и армии никто не рискнул бы выступить против выхода из СССР республик Прибалтики и Закавказья.

Изначально провальная силовая акция состоялась в Вильнюсе в ночь на 13 января 1991 года. Делегация Совета Федерации СССР, которая могла бы предотвратить эту акцию, прилетела в Вильнюс лишь утром 13 января. К этому времени Ландсбергис и его команда сделали своё кровавое дело, переве-

для стрелки ответственности на КГБ и СА. Но Михаил Сергеевич в очередной раз разыграл неведение.

Для тех, кто яро утверждает, что литовские сепаратисты не могли пойти на жертвы среди литовцев, сообщу следующее. Как известно, у телебашни и зданий Литовского радио и телевидение погибло 14 человек. Но при этом главные организаторы и виновники январских кровавых событий – глава Верховного Совета Литвы В. Ландсбергис и глава Департамента охраны края А. Буткявичюс – были готовы принести в жертву не десяток, а тысячи жизней для того, чтобы “доказать зверства советских оккупантов”.

Известно, что В. Ландсбергис дал согласие на акцию “Сожжём Верховный Совет, но защитим независимость.” Реализовывал эту акцию А. Буткявичюс. В этих целях здание ВС было подготовлено к грандиозному пожару. Помимо массы горючих жидкостей, налитых в различные ёмкости, в здание из Литовской киностудии было доставлено специальное пиротехническое оборудование, которое должно было усугубить этот апокалипсис.

Впервые о том, что Верховный Совет должен был гореть, Буткявичюс сообщил в 1999 году на суде по делу литовских коммунистов М. Бурокаявичюса, Ю. Ермолавичюса. Но о главных подробностях пожара он проболтался в интервью газете *Lietuvos rytas* (“Утро Литвы”. 13.01.2014). Буткявичюс в этом интервью заявил, что “нам нужна была эта красивая картина: горит демократия Литвы! Только так мы могли убедить иностранных политиков поддержать нас”.

Помимо этого, провокатор Буткявичюс сообщил, что в ночь на 13 января в здании ВС находилось около 3,5 тысячи человек. Последний раз перед январскими событиями я как депутат ВС был там 10 января 1991 года. Уже тогда выходы, а их было всего четыре, были прикрыты мешками с песком, что мешало проходу людей. Туалеты ВС были набиты ёмкостями с бензином. Добавлю, что ряд помещений ВС связан сравнительно узкими переходами. Большинство лестниц позволяли разойтись лишь двоим.

А теперь представьте, что произошло бы во время штурма Верховного Совета. Никто не стал ожидать организованной эвакуации людей. Стрельба, настоящие и бутафорские взрывы, горящие “коктейли Молотова”, дым... Ситуация, которую усугубила бы пиротехника с киностудии. Весь персонал и защитники ВС рванулись бы к выходам и заблокировали их массой тел. В считанные минуты здание ВС превратилось бы в огромную братскую могилу. Счёт жертв пошёл бы на тысячи.

В. Ландсбергис планировал покинуть здание на плечах спортсменов, через секретный подземный туннель. С ним ушло бы только его ближайшее окружение, в том числе и А. Буткявичюс. А тысячи людей так и остались бы в огненном пекле. Мир содрогнулся бы от “зверств безжалостных советских убийц”, которые были бы засняты многочисленными видеокамерами, подготовленными организаторами пожара заранее. К счастью, штурм Верховного Совета так и не случился. Однако о преступных намерениях Ландсбергиса и Буткявичюса в Литве предпочитают умалчивать.

Кстати, при проведении силовой акции в Вильнюсе, в отличие от Тбилиси, КГБ не обеспечил её видеосъёмку. Также не была уточнена реальная ситуация возле объектов, которые следовало взять под охрану.

Литовские сепаратисты в Вильнюсе подготовились отменно. Стрелки, размещённые на крышах домов, окружающих телебашню и на самой телебашне, после появления военной колонны с десантниками открыли огонь по толпе митингующих и военнослужащим. Жертвами наездов танков были представлены люди, погибшие в городских автокатастрофах, или участники постановочных наездов танков, которые обеспечивали специальные бригады боевиков Буткявичюса.

В итоге военнослужащие Советской армии и спецгруппы КГБ СССР “А” уже рано утром 13 января 1991 года были обвинены в гибели 14 и ранении 48 жителей республики. Вскоре стало ясно, что вильнюсская трагедия нанесла сокрушительный удар по авторитету Советской армии и КГБ. Серьёзно был поколеблен и авторитет Горбачёва.

Не виноватый он?

Литовское “правосудие” 25 лет вело “расследование”, а точнее – формировало “нужные” доказательства вины военнослужащих СА и КГБ СССР в январских событиях в Вильнюсе. В 2010 году события у вильнюсской телебаш-

ни литовская Фемида переквалифицировала в военные преступления, не имеющие срока давности.

В настоящее время в Литве с 27 января 2016 года идёт заочный судебный процесс по делу о трагических событиях у вильнюсской телебашни в январе 1991 года. Обвиняемыми по этому делу числятся 60 граждан России, якобы совершившие военные преступления на территории Литвы. Всем им грозит пожизненное заключение, что подтверждает абсурдное обвинение против российского полковника Ю. Меля. Его “военное преступление”, по мнению литовских прокуроров, состоит в том, что он, будучи 22-летним лейтенантом и командиром танка, произвёл три холостых выстрела из танковой пушки в воздух у вильнюсской телебашни.

Заочный процесс в Вильнюсе должен стать “Нюрнбергом-2” в деле признания СССР “агрессором, совершившим в январе 1991 года нападение на независимую Литву”. Расплачиваться за это преступление, в том числе и финансово, предстоит России как правопреемнику СССР.

Особо отмечу, что основные данные об участниках силовой акции и их действиях в Вильнюсе в январе 1991 года Генпрокуратура Литвы почерпнула из 37 томов уголовного дела № 18/5918-91 о событиях, имевших место в Вильнюсе, следствие по которому провела Прокуратура СССР. 26 сентября 1991 года все 37 томов (оригиналы!) **Прокуратура СССР передала Генпрокуратуре Литвы**. Без сомнения, Генпрокурор СССР Трубин мог осуществить такое только по указанию президента СССР. Оценку степени подлости и предательства Горбачёва в этой ситуации я затрудняюсь дать.

Отмечу, что бывший президент СССР М. Горбачёв, давший указание о проведении силовой операции в Литве, в числе обвиняемых не числится. Видимо, это плата за его содействие выходу Литвы из СССР и за передачу вышеназванных 37 томов уголовного дела о вильнюсских событиях.

Произвольно трактуя переданные Генпрокуратурой СССР материалы, литовские прокуроры сформулировали версию, согласно которой возвратить Литву в состав СССР **самовольно решила группа**, якобы организованная бывшим министром обороны СССР Д. Язовым в составе В. Крючкова, Б. Пуго и О. Шенина. И это в тоталитарном, как считают в Литве, Союзе ССР?

Между тем, имеется достаточно свидетельств, подтверждающих, что Горбачёв не только знал о силовой операции в Вильнюсе, но и контролировал её ход. Первым публично об этом заявил бывший заместитель министра обороны СССР, ныне покойный Владислав Алексеевич Ачалов, руководившей силовой операцией в Вильнюсе.

Об указаниях Горбачёва применить силу в Литве для наведения конституционного порядка писал в своей книге “Личное дело” бывший председатель КГБ СССР В. Крючков (т. 2. С. 30–31). В феврале 2012 года в интервью “Комсомольской правде” это же подтвердил бывший министр обороны СССР Д. Язов.

Дмитрий Тимофеевич, в течение 21 года не упоминавший Горбачёва, даже в ситуации, когда тот его и Крючкова назвал “сволотой”, сообщил корреспондентам “КП” Г. Сапожниковой и В. Баранцу: “Без Горбачёва никто ничего сделать не мог. И насчёт Тбилиси он лично мне ставил задачу, и насчёт Баку, и насчёт Вильнюса. Мы ничего без ведома Верховного главнокомандующего делать не могли” (“КП”, 23.02.2012).

Заявление о том, что штаб силовой операции в Вильнюсе в ночь с 12 на 13 января 1991 года регулярно докладывал в Москву о ситуации и получал оттуда указания, сделал в интервью корреспонденту газеты “Комсомольская правда” (“КП”, 13.01.2012) полковник КГБ СССР Михаил Васильевич Головатов, руководивший бойцами “Альфы” в Вильнюсе. Это же подтвердил и Язов в вышеуказанном интервью.

Заслуживает внимания свидетельство бывшего главы ВС Литвы Витаутаса Ландсбергиса. В 2011 году он, поддерживая требование бывшего советского диссидента Владимира Буковского о привлечении Горбачёва к уголовной ответственности за гибель людей в Тбилиси, Баку и Вильнюсе, направил в Вестминстерский суд Лондона заявление.

В нём Ландсбергис сообщил, что в январскую ночь 1991 года, не сумев дозвониться Горбачёву, он позвонил тогдашнему президенту России Борису Ельцину. Тому удалось связаться с Горбачёвым, который, по словам Ельцина, в ночь на 13 января 1991 года бодрствовал и весьма внимательно следил

за событиями в Вильнюсе. Эту информацию Ельцин передал Ландсбергису непосредственно после январских событий, а потом повторил её во время личной встречи с Ландсбергисом в Риге в 2006 году.

Добавлю своё свидетельство и я. 10 января 1991 года по ВЧ мне в Вильнюс позвонил секретарь ЦК КПСС Олег Семёнович Шенин и сказал, что сейчас со мной будут разговаривать. С удивлением (почему надо было звонить через Шенина) я услышал в трубке голос Горбачёва, который поинтересовался, пойду ли я на заседание Верховного Совета Литвы (я был единственным депутатом, избранным от Компартии Литвы на платформе КПСС). Я ответил утвердительно. Тогда Михаил Сергеевич сказал, что я должен передать ВС Литвы требование руководства СССР о немедленном возвращении в Литве действия Конституции СССР и добавил, что **в противном случае** “мы пойдём в отношении Литвы на самые жёсткие меры”.

Я подумал, что Горбачёв имеет в виду или арест сепаратистов, или переход в экономических отношениях с Литвой на мировые цены, так как бряцание оружием, как это было в Тбилиси и Баку, дало обратный эффект. Но всё оказалось гораздо хуже...

О том, что Горбачёву было известно о предстоящей силовой акции в Вильнюсе, заявила в мае 2011 года бывший премьер-министр Литвы Казимира Прунскене. Она в телепередаче в рамках проекта “НТВшники” рассказала о последних минутах своего разговора, состоявшегося с Горбачёвым в Кремле 8 января 1991 года. Уходя, Прунскене спросила президента СССР, будет ли в отношении Литвы применено насилие? Горбачёв предложил ей обратиться за ответом к министру обороны СССР Д. Язову.

Не секрет, что, когда лукавый руководитель планирует переложить ответственность за возможный или запланированный провал своей акции, он изначально подставляет подчинённого, который затем должен стать “козлом отпущения”. Этот подход известен со времён Римской империи.

Вышеизложенное неопровержимо свидетельствует, что трагическое развитие событий, имевших место в СССР в период “перестройки”, во многом **было обусловлено позицией и действиями президента СССР и Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачёва и его окружения**. Именно это обусловило распад Союза ССР. Об этом поговорим в следующей части.

(Окончание следует)

НА ВОЛНЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ЛЮБВИ

Журналу писателей России “Наш современник” — 60! Но ещё в апреле 1836 года, 180 лет назад, Александр Сергеевич Пушкин выпустил первый номер литературного журнала “Современник”, который и стал предтечей нашего журнала. Наибольшую славу журнал “Современник” обрёл в середине XIX века, когда его издателем и главным редактором был великий наш народный поэт Николай Алексеевич Некрасов. С тех пор всё в отечественной литературе, что связано, как сейчас принято говорить, с брендом “Современник”, отличалось высочайшей пробой художественного вкуса и неподкупным словом правды и любви народной. Эту эстафету времён принял и нынешний “Наш современник”, чему свидетельством являются многочисленные письма читателей, обращённые к главному редактору нашего журнала Станиславу Юрьевичу Куняеву, бесценно стоящему во главе издания вот уже более четверти века.

“ИСКРЕННЕ ПОЗДРАВЛЯЕМ!..”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Искренне поздравляем в Вашем лице весь коллектив журнала “Наш современник” с наступающим 60-летием со дня рождения журнала! 60 лет — срок немалый. Немалый, но и небольшой. Впереди ещё много свершений. Огромное Вам спасибо за многолетнюю спонсорскую помощь в виде поставки журнала. Рассматривали разные литературные издания, но мнение читателей непреклонно — ваш лучший. Зачитывается до дыр, педагоги периодически рекомендуют учащимся читать произведения из “Нашего современника”. Он был и остаётся самым читаемым литературно-художественным журналом в нашей библиотеке. Надеемся, что и в век интернета “Наш современник” выстоит и дальше будет радовать своего преданного читателя.

Желаем всему коллективу журнала здоровья, процветания, новых творческих свершений и роста благодарной аудитории читателей и подписчиков!

С уважением
Ирина Анатольевна Петрина,
заведующая городской библиотекой
г. Петров Вал Камышинского р-на Волгоградской обл.

“ЛЮДИ ХОТЯТ ЗНАТЬ ПРАВДУ...”

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

На одном дыхании и с большим интересом я прочла Вашу книгу “Шляхта и мы”. С каждой новой страницей передо мной открывалась некая “тайна за семью печатями”, которая была недоступна для широких масс русского народа. Никогда я не думала, что у России с Польшей такие напряжённые отношения. Ведь со школьных времён нам внушали, что мы находимся в окружении соцлагеря, вокруг нас на Западной границе — дружественные страны, также

строившие социализм. Помню, даже в классе на стене висела карта мира, на которой красным цветом были покрашены страны социалистического лагеря, и нам, школьникам, искренне хотелось, чтобы красного цвета было больше. И как симпатизировали маленькой точке на карте Америки Кубе, которая тоже построила социализм!

А Польшу, Чехословакию, Венгрию и другие рядом расположенные страны уверенно считали младшими сёстрами СССР, а мы им помогали, поскольку рядом с их границей — враги, которые “точат на них зубы”. Наши учителя не лукавили, они также искренне считали, что это так и есть.

Оказывается, что отношения с Польшей всегда были напряжёнными, жаль, что об этом не говорили ни в школе, ни в вузе. Я восхищаюсь Вашей эрудицией: какие у Вас обширные знания! Восхищаюсь Вашей смелостью и свободой выражения мысли, Вашим стремлением донести эту информацию до людей, которые хотят знать правду, да не знают, где её почерпнуть.

Время от времени я перечитываю эту книгу, и каждый раз нахожу для себя ещё какую-то ценную для меня новость, которая открывает мне глаза на другие проблемы, касающиеся меня. В Год литературы мы с группой активистов пытались увековечить имя нашего земляка — А. Передреева, собирали всевозможные документы, но знали бы Вы, какие нам строят преграды нерусские люди, которые его не любят и не считают великим.

Ваши книги помогают осмысливать и время, стоящее на дворе, и “тайные” помыслы русофобов, которых в Саратове, кажется, больше, чем где-либо, их “палки в колёса” встречаются на каждом шагу.

Но есть в Саратове люди, которые знают и любят Вас, читают Ваши книги как Откровения.

Здоровья Вам, радости, новых книг!

С уважением к Вам
Любовь Чиркова
г. Саратов

ЖУРНАЛ — НАРАСХВАТ!

Уважаемый главный редактор журнала “Наш современник”
Станислав Юрьевич Куняев!

Регулярно и внимательно читаю журнал “Наш современник” и считаю, что он отражает интересы истинных патриотов России. Не случайно на полках библиотеки все толстые журналы — “Знамя”, “Октябрь”, “Новый мир”, “Москва”, “Дружба народов” и другие — не пользуются авторитетом среди читателей, а вот журнал “Наш современник” — нарасхват!

Особенно интересным мне показался 9-й номер журнала за 2015 год, в котором все без исключения материалы заслуживают внимания вдумчивых читателей. Из прозы номера мне особенно понравился рассказ Александра Мосиенко “О той распроклятой войне”. Вызывают неподдельный интерес статьи Михаила Чванова “Атомный город на страже мира”, Александра Смолко “Кадры решают всё”, “Возвращённые письма” Валентины Сидоренко о Н. В. Гоголе, Бориса Ключникова “Халифат и закат Европы”, Владимира Скифа о Валентине Распутине, Станислава Зотова “Ради процветания родной Земли”, Владимира Бондаренко “Славянский витязь из Сёмжи” и материалы других замечательных авторов.

Одним словом, что ни страничка — всё познавательное.

Ну, а Ваш ответ Марине Струковой — “Скатертью дорога...” — свидетельствует о том, какой Вы настоящий патриот своего Отечества, как Вам неприятна фальшь двурушников, которым безразлична Родина.

Спасибо Вам огромное за Вашу важную работу и заботу о русских душах, за Ваш писательский интересный труд, вызывающий восхищение у истинных ценителей литературного творчества.

С искренним уважением

Николай Алексеевич Чернышев,
ветеран Великой Отечественной войны
г. Серпухов Московской области

“ВАШИ МЫСЛИ БЛИЗКИ МНЕ...”

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Василий Струж, который безгранично уважает Вас, посоветовал мне отослать мою книгу именно Вам, потом порекомендовал завязать с Вами переписку, чтобы привлечь Ваше внимание к моей скромной персоне. Он свято верит в то, что это поможет мне как рекомендация для вступления в Союз писателей. Без этого, как уверен наш общий друг, я никак не состоюсь окончательно как писатель. Мне ничего не оставалось, как согласиться с ним. Но прочитав Вашу книгу и получив Ваше письмо, я начал понимать, что мой интерес к Вам обусловлен не тем, что я могу обрести билет члена Союза писателей, а тем, что Ваши мысли близки мне. И я, с Вашего позволения, продолжу наш разговор.

Могу заверить, Ваш “выстрел” попал в цель. Хотя подобные цели – сионизм, национализм, фанатизм и так далее, – есть такое подозрение, что бесмертны. Их можно ранить, иногда весьма больно, но они, зализав свои раны, снова и снова становятся на ноги и готовят “ответ” всему миру, пытаясь достать главного своего оппонента – Творца мироздания. Откровенная схватка, а Вы именно так и боретесь, ныне для меня вторична. Хотя я хорошо понимаю, что нельзя попустительствовать этим “измам” своей пассивностью.

Мои предки жили на берегах реки Енисей, но несколько веков тому назад по каким-то причинам переселились в предгорье Тянь-Шаня, сейчас это северо-запад Киргизии, где находится Таласская долина. Наш род присягал царю Руси и верно служил Отечеству. С тех пор русский язык является нашим родным языком. Тем не менее, сути самого языка я так и не постиг. Потому многое ещё предстоит познавать.

В Средней Азии, а конкретно – в Киргизии в середине 30-х годов прошлого века деда моего взяли под ручки вместе с моим отцом и допытывали, где добро бая. Отец выжил, дед – нет. Потом родились мы. Его сыновья. И лично меня то не принимали в пионеры, то в комсомол, ограничивая мои попытки куда-то выехать. Но уже тогда, будучи ещё совсем юным, я понимал, что русские здесь ни при чём, понимал всегда, даже после того, как пытались вне Киргизии меня “ущемить”. Также в армии, в институте, в Камышине – здесь это происходит до сих пор. Но моё отношение к России, к русскости, к славянству, к Православию не изменилось, оно остаётся постоянно пиететным. Так складывается, полагаю, от того, что я верую во Всевышнего. Пути Его неисповедимы. При всей своей активности отстаивать всё русское, всё человеческое я доверяю промыслу Божьему и особо не ропщу, если вижу, ощущаю, что происходит многое не так, как я себе это представляю или как мне того хотелось бы. Это моя “осторожная оценка” жизни.

А по поводу совести скажу так: она есть только у человека. А человека найти в современном российском обществе с каждым годом становится всё сложнее и сложнее, не говоря уже о мире в целом. То, что Вы человек, я верю! А те, кто меня окружает, не вызывают доверия.

Вы уж простите меня, Станислав Юрьевич, за мои откровения! Дух эпистолярности истинной требует откровенности. Я стараюсь этому следовать.

С уважением
Усман Алимбеков
г. Камышин Волгоградской области

ЧЕЛОВЕК ЧИТАЮЩИЙ – ЧЕЛОВЕК РАЗУМНЫЙ

Уважаемый Станислав Юрьевич, здравствуйте!

В этом году у меня состоялось шестнадцать встреч с читателями. Одна – в Крыму, пять – в Свердловской области, остальные – в нашем Пермском крае.

Пригласили меня и в Берёзовскую центральную межпоселенческую библиотеку им. Ф. Ф. Павленкова, которая в сентябре отметила своё семьдесятлетие. Инициатором встречи стала Субботина Людмила Павловна – глав-

ный библиотечарь методического отдела. Директор – Рязанова Ирина Александровна.

От этой встречи я не ждал чего-то особенного, но был приятно удивлён. Из всех библиотек, в которых побывал, пожалуй, только эта, да ещё районная библиотека в посёлке Белоярском Свердловской области наглядно демонстрируют, какой должна быть современная библиотека и каково должно быть отношение местного руководства к Храму книги.

Как и положено учреждению культуры, расположена библиотека в центре села, перед красивым сквером, который лет десять назад закладывался по инициативе коллектива библиотеки и за который этот коллектив несёт ответственность по сей день. Совсем не так, как, к примеру, в городе Чайковском, где межпоселенческую Чайковскую библиотеку имени Николая Бурашникова из центра перевели на задворки, причём в такое помещение, где и книги-то поставить некуда...

В Берёзовке библиотека – в добротном доме с необходимым количеством помещений и кабинетов для сотрудников. Все помещения отремонтированы. Библиотека полностью укомплектована по штату. В штате (с методическим отделом) – 24 человека на полной ставке.

Удивила и насыщенность читального зала свежей периодикой. Почти повсеместно работники библиотек жалуются на отсутствие денег для подписки на серьёзные литературные журналы. Например, практически никто не выписывает основной журнал Союза писателей России “Наш современник”. При этом библиотекари сетуют: не поступают централизованно книги современных талантливых авторов, и читатели этих авторов совершенно не знают. У большинства писателей нет доступа к “всероссийскому” читателю и, тем более, нет доступа к СМИ. И только “Наш современник” в какой-то степени знакомит читателей с некоторыми из современных авторов.

Кое-где в библиотеках читатели, объединённые в кружки по интересам, сами скидываются на подписку. На гляцевые журналы, в первую очередь. Но всё это из той же области “о поборах”, про которую в городе гуляет вопрос: “Может, лучше деньги большим детям выделять от государства, а на иностранных тренеров и игроков скидываться всем миром?”

В Берёзовке всё так, как должно быть. Руководство района выделяет деньги, и “Наш современник” приходит по подписке, как и множество других газет и журналов. Сам коллектив работает слаженно, и это приносит свои плоды. Не только в том смысле, что библиотека получает гранты. Здесь высокая посещаемость, и люди реально **читают**, в том числе и молодёжь, о бездуховности и нелюбви к чтению которой кто только не пишет.

На нашей встрече присутствовали учащиеся 10-11 классов. Им предложили прийти не в обязательном порядке под присмотром учителя, а по желанию. Пришли те, кто читает. Об этом говорили не только честные, искренние эмоции ребят, когда я читал юмористические рассказы, но и вопросы, которые они задавали, и их ответы на мои вопросы. Вопросы не только по литературе. В конце встречи многие из ребят написали искренние доброжелательные отзывы о встрече. Я смотрел на этих активных, полных юного задора ребят и девушек и понимал: в Берёзовке к воспитанию молодого поколения относятся правильно. И в этом просматривается заслуга не только учителей, коллектива библиотеки, но и руководства района.

Учёные доказали: без чтения современного ЧЕЛОВЕКА РАЗУМНОГО не вырастишь. При чтении головной мозг активно работает. Работают воображение, фантазия и мысли читающего (здесь нет ограничения на спецэффекты). В мозгу устанавливаются новые связи, человек учится предметно мыслить, правильно писать и говорить. Вместе с тем, в отличие от телевидения и кино, при чтении есть возможность на время отложить книгу, осмыслить информацию, которую получил, закрепить её в мозгу. Не зря говорят: “Чтение для ума – то же, что физическое упражнение для тела”. Человек, который не читает в детстве, отстаёт от сверстников навсегда.

Подтверждает пользу чтения и сама история человечества. Как только людей поголовно научили читать и писать (это видно и по Европе, и по России), так последовал гигантский скачок технического прогресса, и цивилизация вылезла из средневековой нищеты. Вылезла и из дикого бескультурия, хотя сегодня (с самого верха) запущен обратный процесс. Делается всё (особенно в духовном плане), чтобы загнать человека в средневековые стандарты. Под-

тверждение тому действия экс-министра Фурсенко (и компании), который заложил в России систему западного образования. Этот деятель считал главным “пороком” советской школы то, что она готовила “человека-творца”, тогда как “задача нынешней школы – вырастить квалифицированного потребителя”. По сути, это программа **дебилизации** новых поколений. И чтобы добиться этой дебилизации, главную ставку “реформаторы” сделали на отлучение людей от чтения.

Отлучая человека от чтения, общество выращивает безграмотных и бездуховных покемонов. Без покемонов не обойтись, если идти по пути, указанному Западом. Но если у России свой выбор, и мы не хотим быть биороботами глобальной системы, среди прочих неотложных дел нужно **поднять роль библиотеки в жизни людей**. Библиотека, как когда-то при Советской власти, должна стать “Избой-читальней”. **Основным центром культуры каждого населённого пункта**. А это напрямую зависит не только от политики, проводимой государством, но и от того, кто конкретно находится у власти в этом населённом пункте – ЧЕЛОВЕК РАЗУМНЫЙ или бездуховный чинуша, вылезший в “князи” из грязи за счёт коррупции и подхалимажа. Что греха таить, рассуждения об устранении библиотек “за ненадобностью” в среде чиновников нередки. Я часто привожу в пример руководство города Чайковского за лояльное отношение к литераторам и помощь местным поэтам и писателям. Но никак не могу понять: почему в Центральной библиотеке уже несколько десятилетий не было капитального ремонта, а некоторые городские филиалы этой библиотеки вообще закрываются?.. И такое творится во многих районах.

Здесь прослеживается прямая связь. Руководитель, который согласен с программой дебилизации народа, никогда не станет заботиться о развитии библиотечной системы. И наоборот.

В этом плане Берёзовский район Пермского края может служить положительным примером. И отговорка: “Да им нефтяники помогают!” – неубедительна. Нефтяники помогают многим, но вот деньги эти расходуются отнюдь не на библиотеки. В библиотеке Берёзовки человека приобщают к чтению, или, говоря высоким слогом, несут людям свет, наперекор тем, кто хочет погрузить их во тьму невежества и бескультурия. Остаётся только пожелать, чтобы примеров таких стало больше.

Николай Башмаков,
Пермский край

“ВЫ НЕ ПРИМИРАЕТЕСЬ С ЖИЗНЬЮ...”

Станислав Юрьевич, здравствуйте!

Вы – совестливо обязательный, внимательный человек, я искренне сердечно благодарю Вас за Ваш ответ. В начале своего письма я задал Вам вопрос: “Как Вы пришли к вере в Бога?”, и Вы ответили мне: **“Вы хотите, чтобы я ответил Вам на вопрос, на который у меня нет ответа. Да как и у Вас...”**

На мгновение, я поразился Вашему признанию в отсутствии ответа на вечный вопрос: “Как пришли к вере?..” Но, поразмыслив, вспомнил, что я писал Вам о более общих проблемах, и понял: Вы – не из “многих”, Вы слишком заняты, опытни и способны отвечать кратко, обобщённо, по сути. Конкретный вопрос о Вашем пути к Богу мне интересен, важен, и Вы, конечно, знаете Ваш путь, но рассказ о нём непросто осуществить. Поэтому Вы так и ответили на мой вопрос о Боге, о смысле жизни... И такой ответ для меня ценен. В Вашем ответе мне высветилась, замаячила более глобальная проблема непостижимости некоторых тайн Вселенной. В этом признании Вы оказали не ожидаемое мной, но весьма необходимое мне доверие и поддержку. Я понял, что я не одинок в своих сомнениях о непостижимости истины, даже простейшей.

Спасибо от души!

Я не буду желать Вам “примирения с жизнью, какая бы она ни была”. Надеюсь, почти уверен, что Вы сами-то не примиряетесь с жизнью *любой*. Вы ведь только принимаете, вынуждены принимать такие проявления жизни Вашей и общества, с которыми ни бороться, ни исправить их Вам уже не по силам.

Желаю Вам сохранить и исполнять Ваши праведные желания, принципы, Идеалы, волю. И пусть будут у Вас на всю Вашу оставшуюся жизнь друзья-единомышленники.

И, конечно, желаю Вам и Вашей семье доброго здоровья и оптимизма.

Ваш **А. В. Ушаков**
г. Челябинск

“НАШ СОВРЕМЕННОК” В ВОРОНЕЖЕ “НАШ”!

Здравствуйге, Станислав Юрьевич!

Вчера получила Ваши книги. Благодарю за подарок, книги замечательные! Не только я, но и многие мои друзья прочитают с большим интересом и Ваше Прощание с серебряным веком, и Размышления о судьбе и творчестве Юрия Кузнецова. Собственно, книги уже пошли по кругу.

Наш Поэтоград – Воронежский городской клуб поэтов – это общая сцена, а поэтических клубов, как и хороших поэтов, в Воронеже немало. Я хочу выслать Вам два сборника интересных воронежских авторов, чьи “сольники” состоялись в этом сезоне. У них нет членства в Союзах писателей, но подборки стихов уже были в “Подъёме” (это единственный литературно-художественный журнал Черноземья, который в последнее время ожил под руководством нового главного редактора Ивана Щёлокова).

Оба автора – Сергей Чижик-Полейко и Сергей Соколов – пишут о России, о её исторической судьбе, о её людях, живущих в глубинке.

Поэму “Финно-угорское” Чижика-Полейко я возила в Санкт-Петербург друзьям-издателям. Понравилось, но не взяли: говорят, мы “западники”, а он, его поэзия – это другое, державное. Не могу согласиться с таким делением. Он русский поэт, любящий свою Родину со всеми её проблемами. Поэтому выношу на Ваш суд.

Что касается творчества Сергея Соколова, то здесь удивительная история. Он, бывший подводник, вернувшись на малую родину, начал писать очень поздно и сразу покорила избалованную хорошей поэзией воронежскую публику.

Жаль, Станислав Юрьевич, что Вы не смогли быть в Воронеже на вечере памяти Алексея Прасолова. Был полный аншлаг. Это радует. Значит, помнят. А некоторые зрители после вечера благодарили за то, что они открыли для себя большого поэта. Были выступления тех, кто “видел и знал”. Пришли воронежские писатели: Виктор Будаков, Евгений Новичихин, Владимир Елецких... Как всегда, живо и интересно выступал Иван Щёлоков, главный редактор журнала “Подъём” и теперь председатель регионального Союза писателей России. Студенты института искусств и старшеклассники блестяще читали избранные стихи поэта. Воронежские барды и музыканты подготовили песни на стихи Прасолова. Был прочитан Ваш отзыв о нём и его стихотворении “Ещё метёт во мне метель...” Кстати, это стихотворение читал мастер декламации – заслуженный артист России и преподаватель ВГИКа Е. Ф. Слепых. В целом, вечер получился большой (2,5 часа), но никто не заскучал, не ушёл раньше времени. Поэзия Алексея Прасолова захватила и зацепила зрителей и слушателей. В финале вечера выступала вдова поэта – Раиса Васильевна Андреева-Прасолова.

Спасибо, Станислав Юрьевич, за участие (пусть и заочное) в нашем вечере. Желаю Вам здоровых глаз и новых творческих взлётов журналу “НАШ современник”!

Лариса Ивановна Зимина
г. Воронеж

“ПЕСНИ НА ВАШИ СТИХИ...”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Ценю Вас как русского интеллигента, защитника русской чести. В Ваших стихах и публицистике звучит спокойная уверенность в правоте русского дела, в мессианском призвании нашего народа. Спасибо Вам за то, что победи-

тельно отстаиваете правду и тем самым воодушевляете тех многих, чья ноша скромнее Вашей. Сделанное Вами – навсегда. А мы будем учиться ценить своих гениев.

Я сочиняю песни на Ваши стихи. На музыкальных инструментах играть не умею, голос у меня посредственный, слух не абсолютный, но душа поёт и запоминает. А Ваши стихи мне подсказывают мелодию и исполнение: без форсажа и надрыва, с почти олимпийским спокойствием, однако далеко от грани, за которой ржавится равнодушие. Классический Куняев, одним словом.

Александр Юрьевич Горбачёв,
старший преподаватель кафедры русской литературы
Белорусского государственного университета
г. Минск

“БЕРУ ВАШИ КНИГИ В ДОРОГУ...”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Чем дальше уходит время, тем больше вырастает и крепнет значение всего совершенного Вами и на поэтическом поприще, и на многотрудном посту главного редактора литературного журнала, по праву занимающего первое, приоритетное место и определяющего направление русской литературы в столь сложное время, равног которому ещё не знала Русская земля, возрождение которой всегда было одним из главных направлений Вашей личной и редакционной деятельности.

Ещё с благодарным чувством хочу сказать о всей Вашей прозе: как-то уже само собой сложилось, что я обычно беру некоторые Ваши книги с собой в дорогу, потому что именно в пути над ними очень и очень хорошо думается, и они особенно хороши тем, что их можно начинать и читать с любой страницы, сразу ощущая дыхание времени, особые ароматы эпохи, напоминающие многое из прожитой жизни.

Со всеми добрыми чувствами
Владислав Максимович Ковалёв,
заслуженный врач России,
полковник внутренней службы в отставке
г. Пермь

“СТИХИ, ПОСВЯЩЁННЫЕ ВАМ...”

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Здоровья Вам и Вашей семье, вдохновения и творческих сил! Благодарю Вас за присланные мне книги – это бесценный подарок. “И бездны мрачной на краю...” прочитана мною уже не раз – замечательный труд о могучем и сложном поэтическом даре Юрия Кузнецова, о русской судьбе и русской духовности. Как всегда, выложились на полную мощь ума и сердца. Радуюсь неиссякаемости Вашего таланта!

И ещё одна благодарность – за публикацию моего конкурсного рассказа (имею в виду конкурс молодых литераторов Союзного государства “Мост дружбы”) в июльском номере “Нашего современника”. Большая честь – видеть своё произведение на страницах любимого журнала.

В качестве приложения к своему поздравлению отправляю стихи, посвящённые Вам. Небольшое предуведомление к ним: мой прадед, Шарин Фёдор Игнатьевич, погиб в блокадном Ленинграде в марте 1942 года, а его сын, мой дедушка, к счастью, выжил.

Станиславу Юрьевичу Куняеву

*В моей крови блокадный хлеб
И ночь поморская,
Тревога кочевых судеб
И холмогорская
Слепая, стылая заря,*

*И ленинградская
Сорок второго января
Страда ребятская.
Я малым хлебом тем жива,
Мне пискарёвская трава —
Сестра и горе.
За ним мой пращур приходил
На невский плёс, как Михаил —
В Москву, с Поморья.*

С уважением и признательностью

Виктория Александровна Синюк,
преподаватель русского языка и литературы
Республика Беларусь, г. Минск

ЭТО НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Вот и опять затянул я с хорошими словами. Но не потому, что такая скотина неблагодарная, а оттого, что долго носил их в себе, грел у сердца, лелеял и оберегал, как предвесенние ростки рассады на подоконнике, чтоб не отмахнуться от сделанного Вами для меня большого добра маленьким банальным “спасибо”.

Встречал Новый год с самыми дорогими подарками: через третьи руки (я ведь невыходной — сижу дома с костылями) Светлана Сырнева передала мне сентябрьский номер “Нашего современника” с моей подборкой и Вашу книгу “И бездны мрачной на краю” с такими важными для меня Вашими словами о том, что я “многому научился у Юрия Кузнецова”.

Я читал журнальный вариант этой книги по планшету на койке в травматологической больнице после отбоя, когда все в палате спали. Прикрывал слезящиеся от мерцающего компьютерного света глаза, вытирал выступившие слёзы. Это были и слёзы памяти о моём Учителе: слёзы печали от того, что всё прошло, и слёзы радости от того, что всё было. Пробирал до костей (до искалеченных, с трудом и болью срастающихся костей!) странный холодок: виртуальное и реальное сплеталось воедино, как в стихах Юрия Поликарповича.

Вот так же в Вашей книге сливаются воедино в неразрывной гармонии мемуары и литературоведение, публицистика и философия, а бытовые зарисовки и диалоги, как в самом начале книги — в разговоре с сыном Сергеем, естественно поднимаются до исторических параллелей и обобщений. И в то же время это книга не стороннего наблюдателя-исследователя, а книга настоящего друга, имеющего выстраданное в совместной борьбе право на своё отношение ко всему излагаемому и даже на несогласие в чём-то со своим героем. Что не умаляет ни таланта, ни жизненной позиции, единой в главном, того и другого. Ощущение живого дыхания, прерванного, но не законченного дружеского разговора на равных — главное, что отличает Вашу книгу от большинства прочих воспоминаний о великом русском поэте современности.

Очень верно Вы выразили то, что я тоже интуитивно чувствовал в творчестве Кузнецова: “Это не просто стихи. А может быть, и вообще не стихи в обычном смысле слова. Это скорее “откровения”, как называется Апокалипсис, открывшийся отшельнику на острове Патмос. Их можно назвать “прозрениями”, “озарениями”, “затмениями”, “ясновидениями”, “наваждениями”, “предвидениями” и даже “галлюцинациями”...” Мне довелось (почему-то остерегаюсь употребить выражение “посчастливилось”, наверное, не очень подходящее к попытке заглянуть в бездну даже с безопасного расстояния) несколько раз видеть своего наставника в такие минуты. Например, когда изредка удавалось уговорить Юрия Поликарповича после очередного семинарского занятия на ВПК пойти узким кругом, в котором чаще всего среди нескольких человек был и Игорь Тюленев, в маленький зал ЦДЛ. Среди общего разговора, в котором мы, конечно же, ловили каждое слово Кузнецова, он вдруг неожиданно замолкал и замирал, словно уносился в некие неведо-

мые нам миры. И мы все, не сговариваясь, тоже невольно замолкали и замирали на эти мгновения. Не знаю, как другие, но я и сейчас, вспоминая те моменты, уверен в том, что, как сказано об этом в книге, “многие его “наваждения”... рождались, скорее всего, мгновенно, в результате метафизического усилия...”

Хотя, конечно же, и работать над облечением мысли и чувства в слово он умел. И учил нас. Порой с трудом сдерживаясь от выплеска бурных эмоций из-за нашей непонятливости и неумелости. Резкий в оценках всеми признанных поэтических авторитетов, он не позволял даже малейшего высокомерия и уж тем более оскорбительного тона при разборе наших творений. Юрий Поликарпович, каким бы странным ни казалось это тем, кто не имел чести быть его учеником, – превосходный педагог. Могу утверждать это как педагог с высшим образованием, из-за чего меня по условиям приёма нельзя было даже зачислять на Высшие литературные курсы, но, как мне позднее по секрету сказали, “Поликарпыч настоял”. А для меня попасть в семинар Мастера было тогда главной целью и смыслом жизни. Без этих двух лет его творческих и жизненных уроков я просто-напросто был бы другим поэтом, да и человеком.

Вот что, Станислав Юрьевич, всколыхнула во мне подаренная Вами книга! И напомнила (впрочем, такое и не забывается!) счастливые дни общения с Вами и с Юрием Поликарповичем во время Дней журнала “Наш современник” в Кировской области в 1997 году. Ведь эта дата для меня – время нового отсчёта: начиная с этого года, в журнале были опубликованы восемь моих больших отдельных стихотворных подборок, первые три из которых готовил к печати сам Кузнецов – мой пожизненный Учитель. Но, разумеется, не только “по личным мотивам” я сказал в январском интервью нашей областной газете “Вятский край” о “Нашем современнике”: “Это самый тиражный из толстых журналов – самый русский, самый писательский, настоящий и честный”. Не случайно же Юрий Поликарпович именно здесь работал заведующим отделом поэзии в последние свои годы. И уже свыше четверти века название самого русского писательского журнала и Ваше имя неразрывны. Потому так органична в книге ставшая своеобразным послесловием (или, скорее, продолжением разговора-размышления) статья Владимира Бондаренко, посвящённая Вам – Вашему творчеству, редакторству и общественной деятельности, которые тоже неотделимы друг от друга. Как и имя Вашего друга и моего Учителя – гения русской и мировой поэзии Юрия Поликарповича Кузнецова.

P.S. С радостью узнал о недавнем Вашем страстном выступлении на большом вечере памяти Юрия Кузнецова. Значит, Вы по-прежнему в отличной спортивной и творческой форме. Этого – вдохновения, новых сил, безотказного здоровья – я Вам от чистого сердца и желаю на долгие годы! Пусть моё “маленькое спасибо” в Ваш адрес превратится в “Спаси, Бог!” Всего самого-самого доброго!!!

Валерий Фокин,
Вятка

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

ПРОГРАММА БУДУЩЕГО

Над книгами Станислава Куняева

*Действие человека мгновенно и одно,
действие книги множественно и по-
всеместно.*

Александр Пушкин

Книга сегодня в России, как и все безусловные духовные ценности, унижена рынком и скомпрометирована антикультурной политикой, но она остаётся последним нашим оружием в беспрестанной борьбе за правду и душу человека. Среди разногласия эфира, мусора интернета и газетной болтовни даже малотиражная книга выступает сгустком авторской мысли и души, плодом долгого и невидимого труда. Будет ли он востребован в потоке времени? Не автору судить. Как писал Александр Герцен: “Опыт, написанный и брошенный в общее употребление, есть книга. Книга — это духовное завещание одного поколения другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить; приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему на его место... Она — программа будущего”. Кроме последнего образного выражения, взятого в заголовок, мне более всего по сердцу определение: приказ, передаваемый часовым. Да, Станислав Куняев как автор многих книг, щедро брошенных в общее употребление, отдал бессчётное количество приказов сменщикам на самом ответственном посту русской словесности, но его — мэтра и главного редактора “Нашего современника” — можно ещё назвать, продолжая параллель, разводящим караула. Наш караул не устал, и Куняев сам знает, куда направить очередную смену, какой пароль-название будет злободневен. В статье к 75-летию Юрия Кузнецова я упоминал недавнюю его книгу “...И бездны мрачной на краю” — лучшее, что написано о великом поэте (а я кое-что знаю — и на чтениях Кузнецовских бывал, и автору диссертации о творчестве поэта оппонировал в Литинституте), с которым Куняев много лет проработал в одном журнале и сражался на передовой. Потом появилась вызывающая книга о Серебряном веке — “Любовь, исполненная зла”. Станислав Юрьевич надписал мне её так: “Прими на память второе издание моей книги, где я распрощался с Серебряным веком...” Мне с ним трудно распрощаться столь же решительно хотя бы из-за любви к Блоку, которого, впрочем, можно отнести к Золотому веку русской поэзии, начатому кудрявым Александром и Александром же с тяжёлыми кудрями завершённо-му. Я сам недавно издал книгу “Серебряный век Подмосковья”, где пытался рассмотреть творчество славной плеяды под своеобразным углом поисков

Родины и подчёркнутого любования ею через постижение души и путей России, через скитания и природу, пуская подмосковную, дачную. Тоже многое понял и отрезвел, хотя Шахматово Блока снова могу сравнить только с Михайловским Пушкина. Но тут со страниц куняевской книги — ледяной ливень резких суждений и обнажающих наблюдений. Автор сам передал её главную суть в интервью газете “Культура”, признавшись в прежней любви к поэтам: “Серебряный век считается высочайшим достижением, близким к вершинам Золотого пушкинского века. Но я внимательно изучал поэзию Ахматовой, Цветаевой, Ходасевича, Иванова, Кузмина, Сологуба, Брюсова и прочих идолов русского декадентства и пришёл к выводу, что их творчество — во многом антипушкинское по духу. Я не отказываю им в таланте, но меня интересует их моральный облик. Пушкин тоже в молодости писал богохульные стихи, но в зрелости очень сожалел об этом. А поэты Серебряного века хотели жить в Содоме. Помните, что такое “Бродячая собака”. А как они жили втроем-вчетвером, меняли жен, мужей. Все, что им мешало, — церковь, аскетизм, патриархальный уклад жизни простого народа, — они хотели скинуть. Именно в этот период в обществе возникли бациллы растления и воинствующего антихристианства. Талантливые поэты и писатели ждали и жаждали всевозможных революций: политических, экономических, религиозных, сексуальных. А когда начала литься кровь, они только руками развели. Духовными потомками Серебряного века я называю шестидесятников и современных либералов — они всегда хотят радикальных перемен и потрясений. И этот урок нам нужно хорошо затвердить”. Конечно, многие критики такой позиции примутся объяснять это возрастом писавшего и притуплением чувств, но я, не разочаровавшись столь решительно в кумирах поэтической молодости, всё-таки задумался о главном предупреждении: поэты Серебряного века в своём сиреневом тумане дошли до какой-то нравственной и эстетической черты в творчестве на переломе эпох. Да, они все были дерзостны в вопросах пола и в поисках новой формы, в низвержении замшелых традиций и в левизне взглядов, но это был последний край. Дальше — пропасть. Сила блестящего дарования задерживала их на головокружительной черте, зачаровывала поклонников и мнимых продолжателей. Но любой шаг в том же направлении чреват срывом, деградацией и пошлостью. Они подсказали соблазнительный путь, — хоть Ахматова, научившая говорить женщин, хоть Пастернак со свечой, горевшей на столе, — да не предупредили о главной опасности запредельности. А кровавый и великий XX век разверз и высветил сполохами пожаров этот губительный для подражателей путь. Куняев цитирует Ахматову:

*Я давно не верю в телефоны,
В радио не верю, в телеграф.
У меня на всё свои законы
И, быть может, одичалый нрав.*

Поэтическая поза, конечно, хоть и привлекательная. Последователям надо знать, что Ахматова очень любила говорить по телефону и предупреждать обо всём именно телеграммой — коротко, без лишних объяснений и сантиментов. Думаю, что и интернет она бы освоила, но “одичалый нрав” завораживает и зовёт к чрезмерным дикостям, невиданным тогда...

Откладывая две замечательные книги о поэзии, обращаюсь к третьей, долгожданной и кровотокающей — “Нет на свете печальной измены...” или “Ще не вмерла Украина”. Был уверен, судя по злободневным статьям, что такая книга вот-вот выйдет из-под пера поэта-публициста и станет весомым вкладом в самую болезненную тему Русского мира. Сразу хочу сказать, поскольку работаю над второй книгой про Украину — “От Волыни и до полыни”, посвящённой 100-летию Брусиловского прорыва (с участием моего отца, поручика Александра Боброва), — высказать убеждённости, что каждый русский писатель должен обобщить свой опыт, собрать всё, связанное с Украиной, и опубликовать если не книгу, то подборку стихов или цикл статей, чтобы запечатлеть этот морок, трагедию славянского мира, плод многолетних трудов по созданию антирусского “проекта Украина”, губительного для страны, для всех нас. Как оно отзовется, удастся ли издать — это второй вопрос, но надо запечатлеть в Слове, не отдавать на откуп наглавейшую проблему современности трепачам со всяких “Воскресных вечеров” вроде сына юриста из Казахстана

Жириновского или записных либералов с “Эха Москвы” вроде Моти Моргулиса (Ганапольского) из Львова. В издательстве “Алгоритм” мне рассказали, что пришлось закрыть украинскую серию, потому что книги уже не покупаются: “Украина с вечными ток-шоу уже надоела”. Да, усилиями В. Соловьёва, П. Толстого, и Д. Куликова, Р. Бабаяна эту тему дискредитировали, замызгали, запачкали словесными поносом “украинских гостей”, которые ведут себя, как тупые и базарные пропагандисты, к радости организаторов этих пародий на аналитические программы. Тем веселее выстраданное слово писателей, их не политизированный, а пронизательный взгляд.

Книга Куняева состоялась и зажила благодаря трём столпам – ипостасям Стасика. Первая основа – в ней царит глубоко личный подход, который с первых же строк вызывает доверие к автору и рождает собственные воспоминания. “Львов, где в 60-е годы я дважды побывал на военной переподготовке, был прекрасен. Я жил в казармах Стрыйского парка. Каштаны шумели ясными тёплыми осенними днями. Листва жёлтыми реками колыхалась и плыла по аллеям. Бронзовый Адам Мицкевич глядел свысока на площадь, на знаменитый оперный театр, на футбольную биржу, где разбитной львовский народ делал свои ставки, бил по рукам, обмывал выигрыши...” Господи, вспоминаю я: а ведь в 1966 году командование батальона спецназа, где я стал асом эфира, настойчиво принялось отправлять меня во Львовское политическое училище, к тем же каштанам Стрыйского парка, и только Литинститут, куда я поступил до армии, спас меня. Сколько раз я приезжал потом в любимый Лемберг – совершенно не украинский, хоть и националистический город, пел песни, влюблялся, писал стихи, репортажи и гневную публицистику. Там, где базарили невинные болельщики, сегодня собираются лютые незалежники, и висит безумный баннер-волапук: “Фанзона украинской мовы”. А как описана дорога с женой Галиной по всей Украине! Вот этим доскональным, любовным знанием Украины, её поэзии, ментальности, красочности и дурости пронизана вся книга.

Вторая основа – демократически-редакторская. Ведь большинству СМИ совершенно наплевать на своего читателя и зрителя, главное – рейтинг, место под солнцем, а следовательно, бешеные “бабки”. Но Куняев как руководитель ведущего русского журнала сказал так: “Мы сделали ставку на драгоценные отношения с читателями. Во многих журналах, если возьмём титульную страничку, то увидим: “Рукописи не возвращаются, редакция с читателями в переписку не вступает”. Когда я это прочитал, то понял: нужно занять совсем другую позицию. И мы написали: “Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие и наиболее интересные из них в обширных подборках. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть ему возвращена редакцией”. У нас постоянный круг читателей сложился. Я их узнаю по почерку. Они даже звонят мне домой. Я не жалею на это времени. Всё это в комплексе даёт и внимание к журналу, и тираж...” Отобранные письма с Украины дали картину удивительной подлинности и надежды, что не все ж свихнулись от этой тотальной пропаганды. Она началась давно, и теперь пожинаяются самые ядовитые плоды. Вообще только две больших и развитых страны, два многоэтничных народа подверглись столь безжалостной идеологической обработке: фашистская Германия и необандеровская Украина. Как это могло произойти? Куняев показывает и корни, и вехи губительного пути, начиная с писем 1991–1992 годов: “Если бы Вы слушали республиканское радио, то ужаснулись бы – всё об отделении нас от России! Ни одного журналиста нет, который сказал бы, что это противоестественно – резать наши души на части. Ведь был же наш референдум, но им наплевать! Где, в какой стране могло такое случиться? Все объединяются, а мы – врозь!.. Я и мои близкие пережили голод, войну, два брата погибли, защищая всю нашу державу, а теперь один живёт в Курске, а другие родственники – в Западной Сибири, значит, за границей! Что это такое? За что на старости лет? По какому праву? Только и слышишь по радио эмиссаров из США и Канады, как лучше и скорее отойти от России. Куда же нам обращаться? Может, это покажется Вам смешным, но надежда какая-то есть на Вас, Станислав Юрьевич, на Распутина, на Шафаревича. Что-то предпринять Вы должны, не молчите! Вы лучше всех понимаете, насколько это страшно – отделить нас от всего родного, заветного. Такая обида берёт за русских, украинцев, белорусов, что они не понимают всего ужаса так назы-

ваемого “суверенитета”! От кого отделяться?! Пусть антихристы отделяются! Если возможно, ответьте мне, поддержите морально... Искренне уважающая Вас Изотова Екатерина Евгеньевна и многие другие”.

А страшный маховик уже был запущен, и он перемальвает наше славянское единство до сих пор. Во многом, конечно, виновата четвертьвековая преступная политика самой России на украинском направлении. Чего ждать, если её осуществляла советник Ельцина по национальным вопросам Галина Старовойтова, а сегодня – самый бездарный министр и никакой не дипломат Михаил Зурабов? Даже законченный либерал – бывший депутат-яблочник и основатель “Мемориала” Игрунов – теперь возмущается бездарной политикой Суркова и К⁰, особенно после визита президента Путина к лукавому другу Кучме: “Тогда в Администрации президента решили: если у нас на уровне первых лиц прекрасные отношения, то зачем тратить деньги на всё остальное? Когда я говорил, что нам нужно иметь сеть культурных представительств по всей Украине, то мне отвечали: “Замечательно, но пусть это оплачивают сами украинцы”. То есть украинцы должны оплатить нашу культурную экспансию? Это же абсурд”. Этот абсурд стоил и продолжает стоить России десятков миллиардов долларов кредитов, гуманитарной помощи, военных расходов – никаким США с их фондами и печеньями от Нуланд близко не сравниться! И про эту вопиющую недалёковидность, откровенное предательство элит и в то же время необъяснимую верность Русскому миру простых людей – кричат письма корреспондентов Куняева. Но их, конечно, заглушает телепропаганда и кипящий ненавистью интернет.

Свидомый украинец, воспитанный на книгах псевдоисторика и священника (!) Юрия Мацыка из Могилянської академії (тот считает, что Юрий Долгорукий сам с собой воевал: Москва с Киевом), пыжится: “Я прямиий потомок Київської Русі, до якої ти не маєш жодного відношення. А німецька повія Катяка 2 своїм указом заборонила використовувати назву Московія і московіти, а замість неї вживати назву “руськіє” і це для угро-фінської чухонсько-мордовської орди”. Типичная антиисторическая мантра, не имеющая ни малейшего отношения к реальным геополитическим и этно-историческим процессам древности. “Прямой потомок” Киевской Руси (обычно таковые почему-то не походят на славян!) мог бы прочитать хотя бы Льва Гумилёва. Он писал в труде “От Руси к России”: “Государственный распад Руси отражал происходивший распад этнической системы: хотя во всех княжествах жили по-прежнему русские и все они оставались православными, чувство этнического единства между ними разрушалось. Ярким примером утраты этнической комплиментарности стал поступок князя Андрея Боголюбского. В 1169 г<оду>, захватив Киев, Андрей отдал город на трёхдневное разграбление своим ратникам. До того момента на Руси было принято поступать подобным образом лишь с чужеземными городами. На русские города ни при каких междоусобицах подобная практика никогда не распространялась. Приказ Андрея Боголюбского показывает, что для него и его дружины в 1169 г<оду> Киев был столь же чужим, как какой-нибудь немецкий или польский замок. Следовательно, в конце XII в<ека> Древняя Русь вступила в новую фазу этногенеза – обскурацию. Пассионарность Руси неуклонно снижалась... Такой она и вступила в тринадцатое столетие – век своей трагической гибели”. А уж после татаро-монгольского нашествия от прежней Киевской Руси, по сути, вообще ничего не осталось, татарской и прочей крови столько в неё было влито, что какой-нибудь пскович или потомок новгородских ушкуйников, сам Куняев с татарской фамилией – в сто раз больше наследник славян, чем нынешние украинцы, представленные... Да вы посмотрите на “элиту” Украины, на олигархов и орду письменников, на Гройсмана во главе Рады, на её медийные личности! Это что, славяне, русичи? Не смешите, громадяне! Но не осталось пророссийских сил на Украине, чтобы противостоять этому бреду. Дойдёт ли туда книга Куняева, вступит ли в мировоззренческий спор? Не загадываю, но мысли её, пристрастия и гнев нужны самой России.

Третьей сильнейшей стороной книги “Ще не вмерла...” является не только исповедь русского поэта, любящего Украину, но и хлесткая отповедь тем, кто предал в жесточайшей мировоззренческой схватке русскую идею. Особенно горько Куняеву осознавать, что в стан врагов перекинулись те, кого он поддерживал словом и делом. Например, Марина Струкова – многолетний автор, лауреат и баловень (как в женском роде?) “Нашего современника”. Письмо ей,

считаю, входит в ряд выдающихся открытых писем русской литературы – перлов этого жанра. Дело не в том, что Струкова не Гоголь, который ответил на запрещённую цензурой письмо Белинского (кстати, в литературном дарё Гоголя неистовый Виссарион и не сомневался, как и самый знаменитый украинец в таланте великоросса), а в том, что бескомпромиссная речь шла о гражданской позиции, о вере и понимании блага своего народа. Каждому времени – свои беды, объяснения и внушения: “Дело в том, что 25 лет тому назад я получил из далёкого тамбовского села письмо и школьную тетрадочку со стихами от молоденькой учительницы начальной школы. Стихи были свежие, искренние, талантливые, патриотические, и мы, конечно, сразу опубликовали их. Марина Струкова в то страшное время после первой же публикации проснулась, как говорится, “знаменитой”. Последующие публикации её стихов были только в нашем журнале, с помощью которого вскоре вышла первая книга Марины “Солнце войны” с предисловием Вадима Кожина (1998) и “Серебряная пуля” (2003) с моим послесловием. Вадим Кожин, прочитав рукопись книги, вручённую ему мной, восхитился именно Мариной “русскостью”. Вскоре после выхода книги “Солнце войны” мне позвонил Александр Проханов и попросил, чтобы я познакомил его с Мариной. Так она стала постоянным автором газеты “Завтра”, а после октября 1993 года – любимицей молодёжи, сплотившейся вокруг Баркашова в “Русское национальное единство”, известное в истории под аббревиатурой РНЕ. Именно поэтому в 2007 году, когда на Украине стало разгораться пламя оранжевого майдана, я послал Марину в “незалежную”, чтобы она поглядела русскими глазами на всё, что там происходит, и рассказала нашим читателям об украинской драме честно и правдиво. Что она и сделала. Свой очерк “Над Днестром и Смотричем” Марина завершила словами: *“До встречи, Украина! Десять антирусски настроенных субъектов в толпе и пять у власти не заставят меня относиться хуже к твоему народу и песням, полям и храмам, великой истории и славянскому братству...”* И вдруг в июле 2015 года Куняев получил от неё письмо после публикации пронзительного обзора упомянутых русских писем с Украины. Редактор не выдержал, ответил: “Послание Марины ко мне начинается так: *“Люди, написавшие Вам письма, по менталитету – советские, ностальгируя по своей молодости (так в оригинале. – Ст. К.), они хотели бы вернуться в те дни, от которых в памяти осталось только хорошее, а плохое забылось. Их мечта – восстановленный Советский Союз. Они запомнили репрессии, нищету, вынужденное молчание. Такие говорят, что несмотря на то, что их предки погибли или отсидели в ГУЛаге, нужно простить Сталина. Я не прощу, не предаю память предков – это они, русские, казаки, гибли “от пуль, голода и холода” в советской стране, скрывались или сидели по лагерям. Для меня сегодня вернулась та гражданская война, те 20–30-е годы. Не могу быть на стороне новых большевиков”*. Твой детский политический лепет, Марина, твоя мировоззренческая инфантильность поразили меня. По-моему, ты до сих пор не прочитала “Тихий Дон” Шолохова, не прочитала его переписку со Сталиным и мыслишь, как гимназистка-эмигрантка первого поколения, сбежавшая в 1920 году из Крыма в Турцию. Но ведь даже люди той эпохи прозревали – жизнь заставляла их это сделать. вспомни, что Деникин отказался от предложения Гитлера сотрудничать с ним, потому что его русское сердце не пошло на эту сделку. вспомни, что Бунин, написавший в запальчивости “Окаянные дни”, в 1943 году молил Господа, чтобы со Сталиным, отправившимся в Тегеран на встречу с Черчиллем и Рузвельтом, ничего не случилось в пути. вспомни, в конце концов, героическую судьбу генерала Карбышева, вспомни, что в гражданской войне почти половина бывших офицеров царской армии воевала на стороне красных, чтобы спасти Россию от мировой Антанты. А теперь о другом. Ты пишешь, что мои украинские корреспонденты **“ностальгируют по своей молодости”**. Но многие авторы этих писем не какие-то советские старики, а твои ровесники. Таковы молодые поэты из Новороссии – Максим Газизов, Артём Маслов, Игорь Галкин. Такова моя корреспондентка из Харькова. Таковы журналисты Василий Бабанский из Киева и Сергей Кривонос из города Свитово. Таков, в конце концов, твой ровесник Олесь Бузина, убиенный твоими майдановскими отморозками. Шельмуя советскую эпоху и не понимая Сталина, ты уподобляешься и западным русофобам, и нашей “пятой колонне”.

Дальше у Струковой пошёл лепет и о слезинке донбасского ребёнка с противопоставлением слезинке чеченского ребёнка, и набор пропагандистских

штампов о Крыме, и весь либеральный мусор вроде “за украинской правдой стоит прогресс”. Стыдно цитировать и страшно осознавать: вот так дурной характер и душевный вывих перетекают в газетный стиль и побеждают поэтический дар... Впрочем, в отличие от Куняева с Прохановым, я и тогда не восхищался стихами “русской амазонки”, которые автор цитирует, упрекая в измене себе самой:

*Демократия сдохла, сорваны маски,
Диктатура спецслужб — рукой на горле.
Либерал по инерции мямлит сказки,
И Россию на Западе с карты стёрли.*

Так видно же, что это — плакат, дерзкая поза. Надо было выделиться тогда: “Наша классика — Пушкин и АКМ”, — будет политиканствовать и теперь, на поляне “украинской демократии”. В каких степях и на майданах она её разглядела? Но давший путёвку в литературную жизнь прямо признаётся в недалёковидности и спрашивает: “А может, тебе действительно, подобно Ксюше и Маше, “свалить из рашки”, встроиться в украинскую жизнь, попросив у Саакашвили работу?” Нет, не примут — за русскую бунтующую кровь и прошлые стихи...

О многом и главном можно вспомнить и подумать над страницами новых книг Куняева, который не просто издаёт типографски всё написанное и опубликованное в периодике, а именно создаёт Книгу — продуманное, выстроенное явление текущего литературного процесса. И если он не впадёт в Лету, не кончится вместе с Россией, то снова и снова автор будет подтверждать пушкинские слова: “*Действие человека мгновенно и одно, действие книги множественно и повсеместно*”.

СЕРГЕЙ МАКСИМОВ

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ, ИЛИ О ЧЁМ БЫ ПРОЧИТАЛ...

Так уж заведено, что, говоря о литературе, излагают свои о ней представления. И, как любые представления, они могут быть спорными, могут быть ложными, крайне редко — истинными, потому как всегда субъективны. Вспомнился давний разговор с поэтом Владимиром Костровым... “Владимир Андреевич, а что сейчас читаете?” Ответил: “Когда хочу что-нибудь почитать — сажусь и пишу”.

Кризис

Шутки шутками, но сам с интересом прочёл бы о разразившемся не так давно кризисе в издательском бизнесе (не путать с экономическим). Всё ждал, может быть, кто-то напишет несколько внятных строк... Не дождался... А как это было бы интересно и литераторам, и читателям! Хотя, может быть, только в сибирской провинции бросалось в глаза... В областном центре ликвидируется книжная сеть. Резко уценяется наличная продукция. Приятно, когда альбом живописи (отличная полиграфия, великолепная цветопередача), стоивший десять тысяч рублей, продаётся за две. Сразу же забирают. “Отлетает” уценённая отечественная и зарубежная классика. Но вот черед казусов... Книжицы раскрученных, брендовых, культовых, номинированных и прочих, много чем отмеченных, чаще не Богом, а лукавым, авторов не берут ни за полцены, ни за треть оной. Уважаемая писательница, изданная многомиллионными тиражами, вдруг жутко не востребована по сто рублей за том. Объяснение простое: четыре миллиона тиража (что действительно достойно уважения) разлетелись, как горячие пирожки, а полтора с лишним десятков миллионов оказались явным перебором... Не такой он тупой, наш читатель, как принято о нём говорить и думать. Всё нереализованное грузится на машины и вывозится. Налицо пресловутый кризис перепроизводства, о котором плешь проехали советским студентам на семинарах по марксизму-ленинизму. Вот он, непостижимый прежде катаклизм, во время которого американские фермеры, а теперь их современные литовские и польские коллеги выливали и опять выливают молоко в канавы... Сверху засыпая испорченный продукт яблоками нового урожая... “Куда везёте ассортимент?” — спрашиваю у директора закрывающегося книжного сетевика. “В Новосибирск”, — отвечает протяжно. Что-то подсказывает мне, что машины с “продукцией” могут тормознуть где-нибудь по дороге между Томском и сибирским мегаполисом и, как молоко в канаву, в придорожный овраг “слить” всё то, чему Максим Горький был обязан “всем в себе лучшим”... Хотя, скорее всего, где-нибудь втихую пустили под нож... Чтобы выручить хоть что-то за макулатуру. Может быть, я ошибаюсь... Тогда куда пропало такое количество? Проглотили и переварили в столицах? Не то качество... В канаве — я вас уверяю... В ка-на-ве...

Издатели

То, что печатать книги то же, что печатать деньги, по-прежнему справедливо. Особенно, когда известный станок ещё и деньги печатает, цена которых обеспечена военно-экономической дубиной известного государства. Помнится, очень сильно недоумевало крупное издательство, когда не менее крупное и конкурентное учреждение выплатило авторше несколько десятков миллионов “уе” за право её печатать. Интересно, как узнали о сумме? В договоре обычно прописывается, что автор не имеет права разглашать условия сделки. Посчитали они, посчитали и пришли к выводу, что для того, чтоб “отбить такое бабло”, надо этого автора издавать миллионными тиражами лет тридцать-сорок. Кстати, этого автора за сто рублей во время кризиса не выставляли. Тут уж совсем себя не уважать... Всё же крупный российский писатель... Лицо современной русской литературы. Со скидкой и в пятьдесят процентов, однако, “не шла”... Погодите, так почему тогда такие деньжищи за права? Быть того не может! Может... Примерно так может быть: приходит некто, вываливает на издательский стол несколько десятков миллионов и говорит: “Тридцать, будьте любезны, заплатите автору N, с оставшейся суммой делайте, что хотите, но не наглейте – автора N регулярно печатайте и допечатывайте”. “Клевета!” – уже слышу. Конечно, клевета. Просто автор настолько крупный, что на него издательству не жалко никаких своих средств. Тем более что где-то кто-то может сколько угодно этих средств ещё напечатать. А если ещё не доплачивать тем, кто мордой не вышел, чтоб стать лицом русской литературы, и тех, что согласен быть просто напечатанным в крупном издательстве почти бесплатно, то всё может быть. Не будем забывать и о грантоедах-западниках, для которых авторское, издательское вознаграждение не является принципиальным. Они свои деньги не там получают. И не верьте издателям, что электронные книги им жить мешают. Права на электронные книги издатели оставляют себе, как и права на всё остальное. Включая перевод и экранизацию. Ими же и торгуют. С интернет-ресурсами они партнёры, а не конкуренты. Знаю, что говорю...

Авторы

Политическим трендом прошлого и наступившего нынешнего года можно смело считать легализацию тайной политики и дипломатии. Тайное стало столь явным, что как-то самой собой стали исчезать снисходительно-ироничные улыбки телеведущих при упоминании конспирологии. И уже самый внушаемый читатель и зритель докумекал, что его попросту ограждают от простой истины: в современном мире работает не мифическая теория заговоров, а суровая и кровавая практика двух-трёхсторонних сговоров. Политико-экономическая жизнь забавно спроецировалась на сферу культурно-художественную. И в пору вспомнить горьковское: “С кем вы, мастера культуры?” “Мастера культуры”, в принципе, сами и отвечают. Известный автор едет в занятый карателями Славянск. И это совсем не значит, что он не порядочный человек. Просто поехал человек в творческую командировку... Может быть, иностранный агент? Если до этого он единственный из поп-музыкальной интеллигенции ездил на юбилей первого и последнего президента СССР в Лондон, то всё может быть. Хотя хватит связки с отечественными финансовыми и промышленными группами, которые, несомненно, у него водятся и, вероятно, оплачивают командировочные расходы... Хотя в данном конкретном случае – не в себе автор... Но он не виноват, что его, может быть, и помимо его воли, назначили “властителем дум”. Два других “властителя” и “инженера человеческих душ”, члены международного писательского ПЕН-клуба, до сих пор регулярно ходили на “творческие встречи” со своей читательской аудиторией на Болотную площадь. Причём один из авторов только заканчивал “Историю Государства Российского” в пику “неактуальному” Карамзину. И это не есть плохо. Наконец-то очерчен и круг читателей... А если вы не попали в круг избранных, то так тому и быть. Мне же приходят на ум ленинские строки о декабристах из статьи “Памяти Герцена”: “Узок круг революционеров. Страшно далеки они от народа”. Что там ещё у Ленина? “Дворянские революционеры разбудили Герцена, который своим “Колоколом” разбудил народовольцев”. Но обольщаться флэшмоберам не стоит. Тот же Герцен, в конце концов, признал: “Россия без любого из нас обойдётся. Нам без России – беда”. Да и правда, времена не те. Даже в Лондоне отщепенцев стали потихоньку душить на их собственных шарфах. Бе-

да им без России, беда... Но и нам не сладко. Уверяю вас, без всякой конспирологии: если бюджет международной писательской общественной организации превышает или равен бюджету министерства обороны одной или нескольких стран (не будем даже вспоминать о бюджете министерства культуры), то эта общественная организация, при нынешнем градусе противостояния, способна вести военные действия... И она их ведёт. Так сказать, нелетальным вооружением – словом. Ну, и раз к слову пришлось, ещё раз о конспирологии... Если общественная организация богаче иного суверенного государства, то будет это сообщество заниматься политикой? В том числе и тайной? Думается, глупый вопрос... Забавно другое... Если для экспансионистской политики США кончилась планета, то для некоторых наших писателей заканчивается отечественный читатель. Вернее сказать, он локализовался до процента сторонников бывшего СПС. Сколько там процентов было по результатам последних выборов? Вот-вот... Не более того... Ну, может быть, пока чуть больше...

Туземизация

Почитал бы о туземизации... Изначально думалось, что этот процесс носит анекдотический характер. Казалось, что в России дальше африканских дредов и пирсинга, в лучших африканских и папуасских традициях, никак дело не пойдёт. Добровольная вшивость не прививается, а опасность отморозить нос, украшенный металлической бородавкой, просто страшит. Татуировки из юго-восточной Азии – не в счёт. Отечественные тюремные и армейские традиции в этом деле берут верх. Но проект туземизации, стартовавший на постсоветском пространстве, оглушительно прокатился по Украине. В исступлении скакали вокруг костров, озорно и радостно уничтожали ненавистные тотемы прошлой эпохи. В деле обмена земель на стекляшки и “огненную воду” превзошли всех доисторических предшественников: как дрессированные зверьки, повелись на печенки. Да и новые родоплеменные вожди ещё те... Не говоря о “национальных героях” – вырождах, скажем прямо. Ох, уж эти расовонеоценённые... И не смущает их даже то, что большой белый вождь в Вашингтоне не совсем белый. Но это ничего. Главное до бандеровского актива обандеренного населения уже доходит: жизнь по туземным законам исключает государственность как таковую. А выживание нации без государства всегда под вопросом... Как там у Бердяева? “Государство – не рай. Оно нужно для того, чтобы не было ада”. Так, кажется... Украинский нацизм вскрыл вопиющий для нацизма факт: нации нет! Значит, и не было... Значит, и государства не будет. Что до поднятой темы, то туземцы книжки не читают. Зато в них нуждается туземная элита. Её создание – истинная цель туземизации.

Элита

Очарованное классовым подходом к истории, общество упустило из вида очевидную, казалось бы, вещь: все революции – это не столько смена политической формации, сколько замещение элит. Как правило, национальной на интернациональную, если невозможно заместить на вовсе чужеземную. Гарри Поттер – побочный продукт процесса формирования мировой элиты. Жизнь избранных детей увлекательна и полна приключений. Самое главное – с гарантированным, прекрасным, волшебным будущим. Мальчик-волшебник – это вам не хухры-мухры... Он элита по определению. И это, опять же неплохо, только отечественному племени, “молодому, незнакомому”, эту деталь нужно пояснять... Это “племя” сколько угодно может стремиться стать волшебниками и магами, но в истории семейных разборок Гарри и Волан-де-Морта ванькам и петькам места нет. И не будет. Зато, если они проникнутся духом избранности, будет позволено считаться креативным классом. А лучше креативной нацией. Как пробует часть населения на территориях, сопредельных с Россией. Читайте креативную литературу. Дочитаетесь на свою голову. Это чтиво для мальчишек по имени Гарри. Если ваша фамилия не Каспаров, тогда извините – это не про вас...

Мифотворчество

Спорим с кинопродюсером. Говорит: “Нужен миф!” Понимаю, что речь не о мифе как таковом, и делаю неожиданное открытие: мифотворчество заканчивается анекдотом... Прав продюсер: для искусства это не есть плохо. Вме-

сте и хохочем, точно подтверждая, что общественное сознание именно анекдотом отвечает на попытку мифотворчества. Так, вероятно, во всём, от межнациональных отношений до политической жизни. Переберите в памяти, для интереса, национальные анекдоты и анекдоты про вождей... Анекдот – приговор мифу. Это, вероятно, закон – не иначе. Был “киномиф” о самородках-военачальниках – получите анекдоты про Чапая с Петькой. Был в фашистском логове наш человек – вот вам анекдоты про Штирлица... Стоит только произнести: “Встречаются как-то раз Штирлиц с Мюллером”... Уже смешно. О мифотворчестве в политике, которое заканчивается геополитическими катастрофами, придётся говорить всем миром. Пока о чистом творчестве... В искусстве мифотворчества что-то пошло не так... Как-то не заладилось и не катит даже в киносериалах... Хотя смешно всё же бывает. Например: “Приходит Давид Маркович Гоцман к маршалу Жукову и говорит...” Что до нынешнего литературного процесса, самый главный анекдот – это размещение книг в современном книжном магазине. Если в советские времена при входе, под вывеской “Ленинским курсом” нас встречали “Малая земля”, “Возрождение” и “Целина” Л. И. Брежнева (как бы то ни было – творца истории), то теперь встретит Б. Акунин с истинно постмодернистской “Историей государства российского” в соседстве с “Пятьюдесятью оттенками серого” Джеймса. Какой уж тут постмодернизм! Символизм... Полки, прежде ангажированные классиками марксизма-ленинизма, а также разнообразными суловыми, кириленками и щёлоковыми, заполнены (как говорят телеведущие, не хочется никого обижать) познерами, сванидзе и млечинными. Прямо троцкизм какой-то... Особенно знаменательно, что в преддверии 70-летия Победы на высокое место солдата Тёркина, под логотипом с голубем, явно из наследия Пабло Пикассо, впихнули зачуханца-призывника с политрукской фамилией Чонкин. А ещё туда же – Суворова (не полководца) и Калашникова (не конструктора и даже не купца из “Песни про купца Калашникова”). Но есть любопытные перемены. Бойкие тома Н. Старикова, по мере превращения автора из публициста в общественного и политического деятеля, растолкали не широкими, но крепкими плечиками книжки С. Кургиняна и М. Веллера и перекочевали с места за спиной телеведущего В. Соловьёва вперёд. И вот уже перед самим В. Познером стоит стариковская “От декабристов до моджахедов”. Вглубь магазина не пойдём. Художественная литература – отдельная тема.

Читатель

Говорить о своём читателе – нескромно. Судить о читателях, которых не знаешь (не о своих), – и грешно, и зазорно. Хотел бы почитать о том читателе, который вопреки всему есть. Пишу о нём с искренней благодарностью за само его существование. В старшей возрастной категории он начитан. Знает не только отечественную, но и зарубежную классику куда глубже большинства современных западных авторов. Да что говорить, когда Фенимор Купер, Майн Рид, Марк Твен и О. Генри – писатели его детства... Поэтому, с одной стороны, он не подвержен туземизации, с другой стороны – до зрелых лет сохранил чувство юмора. Отдельное слово о читателе молодом. С начитанностью, в большинстве своём, проблемы. Но поскольку чтение формирует мышление, он быстро понимает, говоря его языком, где ему “втюхивают” и кто на чём его “разводит”. Читающий человек всё же менее внушаем, чем слушающий и смотрящий. Молодёжь об этом часто и не знает, но интуитивно чувствует. Путём простого сравнения они находят полезного им автора. Из этой среды писатель может услышать неожиданный для него вопрос: “Почему вы не занимаетесь политикой?” Они уверены, что если ты (антиконституционно) заговорил об идеологии, то твоё место в политике. Но не это главное... В переписке и на встречах с читателями стал звучать почти забытый вопрос и сетование, из далёких теперь времён: “Что посоветуете почитать? Читать нечего”... Вот как хочешь, так и понимай...

Прежде чем поставить точку... Свойства цельности своей личности продемонстрировал президент. Не сказать, что опять удивил и поразил. Скорее, вразумил. Спросили: “Владимир Владимирович, вы Суворова читали?” Речь, понятно, не о полководце... Сказал, как отрубил: “Я предателей не читаю”. А вот граждане, похоже, увлеклись... Но увлечение, кажется, проходит...

г. Томск

АЛЕКСЕЙ КАСМИНИН

КОГДА ЗАКОНЧИТСЯ ПОСТМОДЕРН?

Лет десять назад в интернете непрестанно цитировалась мантра-пугалка, гласившая: “Пластиковый мир победил!” Имелось в виду, что когда-то мир обладал иными свойствами, например, метафорически состоял исключительно из естественных природных элементов, был насыщен вкраплениями драгоценных камней и вообще представлял собой сложнейшую структуру, способную удовлетворить вкусы любого индивида. Будь ты хоть первооткрывателем, хоть учёным, готовым совершить пробный шаг в неизведанное. Конечно, подобного рода слова — это очередное возвращение легенды о золотом веке, которая в течение тысячелетий проявилась во множестве религий и мифологических систем. Её суть в том, что некогда мир был идеален, но со временем он деградировал, и теперь все мы находимся в упадочной его версии, лишённой чудесных свойств, которые когда-то, в незапамятную пору, были обыденностью. К примеру, жители золотой эпохи были мудры, добры, существовали сотни лет и постоянно пребывали в изобилии, а природа, окружавшая их, походила на райский сад. Услышав подобную историю, человек осматривался, оценивал свою реальность, сравнивал и понимал, что его век вовсе не золотой, а какой-то бронзовый, если вовсе не железный.

В середине 2000-х годов (которые теперь тоже стали историей) для многих совсем ещё недавно ушедшее столетие вдруг показалось золотым веком. На то было множество причин. Например, автомобили, сходявшие с конвейеров, не имели указанного производителем срока годности, фильмы снимались на целлулоидную плёнку и были фактическим свидетельством воздействия света на химические реагенты. В начале столетия Нобелевская премия по литературе ещё не стала политическим инструментом, да и само печатное слово, казалось, было куда более значимым. Многие жители нулевых были уверены, что оно мощно и глубоко влияло на человеческие массы и действительно могло изменить мироустройство. Чего, правда, не произошло. Музыка из XX века казалась божественной. Старые фотоснимки полнились настоящей, неподдельной жизнью и выглядели более реальными, чем вид из окна. Складывалось впечатление, что сто или даже пятьдесят лет назад мир был ещё не до конца познан, а значит, смелые и решительные ещё могли попасть на страницы печатных энциклопедий (с непременно портретом рядом с небольшой статьёй). Тем временем вокруг шёл процесс массовой компьютеризации и кибернетизации реального земного пространства, очередной его скачок совпал с появлением смартфонов, а позже планшетов.

Естественно, в 2000-х годах все представления о прошлом формировались артефактами. А так как ни один здравомыслящий человек не хранит бесполезный хлам, путёвку в будущее заслужили лишь лучшие образцы XX века,

который, исходя из логики вышеупомянутого высказывания, был временем, когда “мир ещё не стал пластиковым”. Технические устройства, книги, произведения искусства и тысячи иных форм, в которые воплотилась человеческая деятельность, продолжали и продолжают будоражить умы наших современников, живущих в эпоху постмодерна.

В сторону постмодернизма было высказано немало гадостей. Одно из изречений гласит, что под действием данного культурного явления современный мир оказался размонтирован до состояния кладбища, где нет ничего живого, но любая вещь или идея издаёт запах тлена. Когда же он завершится? Когда на смену ему придёт иная всеобъемлющая социокультурная парадигма? Точной даты нет, но ощущение того, что это произойдёт весьма скоро, уже присутствует.

На сегодняшний день постмодернизм распространился куда шире и глубже, чем все предшествовавшие ему культурные парадигмы. Факты свидетельствуют о том, что он вышел за рамки культуры и искусства, которые прежде никогда столь сильно не перемешивались с повседневностью, и стал определять всеобщее мировоззрение, в том числе под его действие попали обыкновенные обыватели, казалось бы, традиционно крайне далёкие от высокого. Сейчас постмодернизм – это ещё и состояние общества.

В массовое сознание проникла изрядная доля иронии, причём это произошло естественным образом, то есть никто не заметил резких перемен и никого не насильно не принуждали к глумлению. Продолжает растворяться понятие истины, которая превратилась в точку зрения. Этот процесс протекает в согласии с законом формирования локального нарратива (повествовательности), являющимся едва ли не главным фундаментом постмодернизма. Причины и следствия каждого явления, каждого действия предлагается искать на локальном уровне, не обобщая и не сравнивая.

Модернизм предлагал фактически уничтожить прошлое. Не только “сбросить классиков с корабля современности”, но и физически устранить весь культурный багаж, накопленный в течение тысячелетий. Постмодернизм не призывает к разрушению. В некотором роде, одной из его основ является приятие, порождённое бессилием. Возможно, в начале XX века представители креативного класса каким-то образом осознали, что им не переплюнуть гениев прошлого, и поначалу выражали по этому поводу яростный протест, вылившийся, к примеру, в зарождение отечественного авангарда, а затем, поумерив пыл, перешли к политике мирного сосуществования. По словам Умберто Эко, “постмодернизм – это ответ модернизму: раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведёт к немоте, его нужно переосмыслить, иронично, без наивности”.

Сейчас прошлое сделалось доступным, как никогда. Раньше чтобы послушать музыку пятидесятых годов XX столетия, заинтересовавшийся человек должен был пускаться в непростые, а подчас мучительные искания. Первоначально он отправлялся, например, в фонотеку (где, естественно, не находил того, что ему было так необходимо), потом пытался как-то проникнуть в довольно замкнутые сообщества меломанов, что так же не всегда удавалось. Теперь же ему достаточно пару раз щёлкнуть мышью, и на него выльется целый океан аудиоинформации, в том числе искомой. Хотите послушать Шаляпина? Добро пожаловать на Youtube, где вам будут предложены все сохранившиеся записи великого исполнителя. Хотите приобщиться к истории раннего джаза и исследовать творчество, к примеру, Original Dixieland Jazz Band? Вам снова необходимо всего лишь зайти на всемирно известный сайт. Ничего даже не нужно скачивать.

В современном интернете содержатся не только широко известные записи, но и самые редчайшие, за которые коллекционеры ещё двадцать-тридцать лет назад готовы были заплатить огромные деньги. Впрочем, культура коллекционирования никуда не исчезла, просто эксклюзивное право на пользование прошлым перестало быть прерогативой посвящённых, став достоянием масс. Это ещё сильнее усугубило ситуацию, когда современным творцам приходится бороться не только с ныне живущими конкурентами, но и со всей мировой культурой прошлого, которая приблизилась к настоящему вплоть до полного слияния с ним.

Когда говорят об “Интернете 2.0”, то имеют в виду, что контент, то есть содержимое всемирной сети генерируется не специализированными крупны-

ми компаниями или сетевыми центрами под управлением профессионалов, а рядовыми пользователями Сети. Этот термин входил в обиход во времена расцвета персональных блогов (дневников). Генерируемый людьми контент в основном представлял собой текстовую информацию, изредка разбавленную статичными картинками. Сейчас “Интернет 2.0” начинает показывать свои истинные возможности. Например, любой человек, имеющий доступ к Сети, может при желании создать некое подобие собственного телеканала и выкладывать новые ролики хоть каждый день (или каждый час). Причём, количество просмотров учитывается и, например, на Youtub’e указано внизу под каждым видео. Те, кто смог привлечь больше всего зрителей, начинают получать реальные денежные суммы. Самые успешные видеоблогеры (ведущие интернет-каналов) за последние пять лет превратились в долларовых миллионеров. Естественно, это привело к появлению новых профессий. А старые формы медиа, то же классическое телевидение, ищут способы интегрироваться в новую информационную среду.

Традиционно постмодернизм ассоциировался, в первую очередь, с текстом. Жан Бодрийяр даже охарактеризовал его как “всемирный вербальный блуд”, одинаково значимый в Ванкувере и Занзибаре, в Чикаго и Будапеште. А потом добавил: “Постмодернизм, как мне кажется, в изрядной степени отдаёт унынием, а то и регрессией. Это возможность мыслить все эти формы через своеобразное смешение всего со всем”. Ему же принадлежит слова о гиперреальности: “Основа гиперреальности – симуляция, её единицами являются симулякры – знаки или несамостоятельные феномены, отсылающие к чему-то другому, а потому симулятивные. Существует учение о трёх порядках симулякров: копии, функциональные аналоги и собственно симулякры. К третьему порядку симулякров относятся все современные феномены, включая деньги, общественное мнение и моду. Они функционируют по принципу символического обмена. Современную эпоху характеризует чувство утраты реальности”.

В каком-то смысле постмодернизм опередил своё время практически на целый век. Появилось множество идей и даже методов, например, метод деконструкции, но не было реальной медийной формы, способа подачи информации, который мог бы в полном масштабе транслировать это течение в реальную жизнь. Концепция гиперреальности находила подтверждение в частностях, но всё равно оставалась весьма далёкой от физического мира. Например, одно из проявлений гиперреальности, которое непосредственно влияет на наш быт, это всемирные биржевые торги, где абсолютно все величины являются симулятивными, начиная от условных единиц, встроенных в международные валютные системы, заканчивая истинными симулякрами, к примеру, акциями крупных компаний. Из-за этих несуществующих в реальности феноменов случаются кризисы и развязываются войны. Другим частным проявлением постмодернизма стал сектор гуманитарных наук, в сфере которых в XX веке развернулась натуральная *игра в бисер*, описанная в романе Германа Гессе. Кстати, сама игра внутри системы романа также является симулякром: в довольно масштабной книге вы не найдёте ни одного её точного описания, лишь детальную расшифровку идей, стоящих за ней.

Вплоть до недавнего времени явления, характерные для гиперреальности, встречались в виде локальных проявлений специфических систем. Теперь же у постмодернизма появилась главная медиа, имеющая характер симулякра. Речь идёт об интернете, который представляет собой информацию в чистейшем виде, но при этом сам по себе не имеет никакой физической формы, а точнее – этих форм слишком много, чтобы из них можно было выбрать самую главную. Его появление и развитие вплотную приблизило гиперреальность к материальному миру. Любой, у кого есть в кармане смартфон, в принципе, может в любую секунду обратиться к большей части знаний, накопленных человечеством, а также соприкоснуться с формами проявления человеческой деятельности, сформировавшимися внутри системы интернета.

Каждая культурно-историческая парадигма имела определённые и довольно ограниченные способы взаимодействия с человеческим сознанием. Например, до изобретения звукозаписи, чтобы послушать оркестровую музыку, люди собирались в концертных залах, чтобы увидеть картины – шли на выставки. Для расширения кругозора и пополнения багажа идей читали книги, которые были полностью материальными объектами, предназначенными

для хранения и передачи информации. Постмодернизм отличается от всех предыдущих эпох тем, что сейчас новые методы воздействия на человеческое сознание и подсознание возникают едва ли не ежемесячно. Получается, что границы этого воздействия не могут быть определены. Из этого следует, что под действие данной культурно-исторической парадигмы так или иначе попадает большая часть населения Земли.

Кстати, после становления “Интернета 2.0” слова о пластиковом мире перестали цитировать. Люди, тосковавшие по прошедшей эпохе, похоже, оказались внезапно слишком заняты. Кто-то производит контент (и таких, как водится, оказалось меньшинство), кто-то его потребляет. Информации так много, что дневное предложение многократно превосходит дневной спрос. Причём, перегруженными оказались все медийные формы. В “Интернете 2.0” пользователь волен выбирать, на что обращать или не обращать собственное внимание. Это привело к снижению роли структур, некогда задававших всеобщую моду. Например, музыкальных телеканалов, решавших, какие именно группы брать в ротацию. Сейчас стоящая музыка, вероятно, так или иначе найдёт своего слушателя.

Складывается ощущение, что многие форматы подачи информации оказались на втором плане. Например, непрерывно слышатся возгласы, пророчащие смерть литературе. Да, книгам теперь приходится сражаться за внимание читателя не только с телевидением, но и с социальными сетями, которые стали новой Меккой для всех любителей бездумного времяпрепровождения и опустошающего эскапизма. На этом фоне выделяется Стивен Кинг, который во время интервью не раз повторял, что, конечно, книгам теперь нелегко, а потом добавлял: “Но это смотря каким...” Действительно, если выбор огромен, то человек, у которого теперь фактически появился доступ к неограниченной информации, может выбрать самое лучшее. Ещё Стивен Кинг говорил: “Кино не победит книги. Все эти ребята, вроде Кингсли Эмиса, постоянно твердят: “Книга мертва, общество сползает в трясины, культура уничтожена, кругом идиоты, имбецилы, телевидение, поп-музыка, разложение, дегенерация и всё такое”. И тут вдруг появляется Гарри Поттер – фиגня на 734 страницы, которая расходится пятиmillionным тиражом за двенадцать часов. Про себя я промолчу...”

Можно сказать, что кино является порождением постмодернизма, возникшим ещё до формирования этой парадигмы. Кино – продукт герменевтического слияния медий, дошедших до нас из тьмы веков. По всем законам герменевтики, результат оказался чем-то большим, нежели сумма входящих в него компонентов. Изображение, музыка, сценарий (по сути, являющийся видоизменившимся паттерном – схемой-образом, действующей как посредствующее представление ритуала) – все эти художественные формы обладали и продолжают обладать сакральным значением. Но назовите хоть один фильм, непосредственно являющийся частью некоей традиционной религии. Таковых нет. При этом многие фильмы формируют вокруг себя подобие культа с весьма фанатичными приверженцами. Отсюда и выражение: культовая классика, впервые применённое именно к кинематографу. Но такого рода культы – это, опять же, частные проявления гиперреальности.

Кино успешно конкурирует с остальными видами искусства и получает значительную долю людского внимания. Это происходит по нескольким причинам. Во-первых, чтобы погрузиться в мир фильма, как правило, достаточно всего около двух часов. За это время вам не только расскажут историю, но и, вероятно, заставят пережить новые эмоции. Во-вторых, кино демонстрирует поразительную пластичность. Фильмам удавалось не только успешно подстраиваться под технологические изменения, но и раз за разом отыскивать новые способы воздействия на зрителя. Кино прекрасно влилось в эпоху развитого интернета, при этом сохранив основные структурные признаки своего формата. Фильмы находят своего зрителя. Человек может не читать книги, не разбираться в музыке, но у него наверняка есть любимая кинолента. Зритель, как правило, играет пассивную роль. Чтобы насладиться фильмом, достаточно просто смотреть на экран. Информация подаётся сравнительно доступно и структурированно. В современности эти качества являются едва ли не самыми важными, когда дело касается вопроса выживаемости той или иной формы искусства.

Индустрия кино разделена на множество секторов. Большие деньги крутятся в зоне, предназначенной для самых простых и самых быстрокупаемых фильмов, так называемых блокбастеров. Причём, когда речь заходит о них, киношники даже не пытаются делать умные лица и выдавать данную продукцию за высокое искусство. Это фастфуд для массового зрителя, и производится он фактически на кинозаводе. Но мир кино достаточно развит для того, чтобы в нём нашлось место для лент более глубоких, предназначенных для киногогурманов.

Как правило, чем лучше фильм, то есть чем сильнее он нравится критикам и киноманам, тем больше в нём можно отыскать элементов постмодерна. Особенно заметно это свойство стало проявляться в лентах, вышедших после 50-х годов XX столетия. До этого в истории кино найдутся вневременные фильмы, которые, при всём своём значении и влиянии, которое они оказали как на современников, так и на потомков, остаются как бы замкнутыми сами на себе. То есть они будут являться произведениями искусства даже в том случае, если всё остальное искусство внезапно исчезнет. Среди них «Броненосец «Потёмкин» Сергея Эйзенштейна с его сценами, повлиявшими не на одно поколение режиссёров и художников, среди них «Гражданин Кейн» Орсона Уэллса, который оказал огромное влияние не столько даже на кино, сколько на литературу. Эти фильмы вышли в то время, когда основная масса кинолент чем-то напоминала театральные постановки с сильными акцентами на каждой фразе и жесте, чтобы быть понятными для любого зрителя. Такое кино относилось само к себе слишком серьёзно и будто бы боялось нарушить некие неписанные правила. Оно было излишне формалистичным. И вот в такой среде выходили, к примеру, вышеупомянутые фильмы, которые разрушали сложившиеся стереотипы, не делая акцентов на самом процессе разрушения. У них это получалось естественно, само собой, таково было их глубинное свойство. В определённый момент зритель стал ожидать от каждого нового фильма хотя бы небольшого прорыва.

В 50-х годах золотая эпоха Голливуда с её салонными комедиями (не обязательно плохими) и законченными жанровыми стереотипами привела индустрию к тупику. На выручку кино пришла плеяда итальянских режиссёров в лице великой троицы – Феллини, Пазолини и Антониони, а чуть позже киноэкраны захлестнула волна кинематографистов-реалистов, на гребне которой оказались, к примеру, Фрэнсис Форд Коппола и Мартин Скорсезе. Одними из ярчайших проявлений кинореализма в Советском Союзе были такие фильмы Марлена Хуциева, как «Июльский дождь» и «Застава Ильича». Кинореализм привёл к появлению таких режиссёров, как Андрей Тарковский и Стенли Кубрик, чьи фильмы, правда, нельзя отнести к данной волне.

Почему в статье о постмодернизме особое место уделено реалистической волне в кинематографе? Возможно, это прозвучит странно, но во многом постмодерн продолжает традиции реализма. А уж какова реальность, такова и её интерпретация в искусстве. На формирование постмодернизма повлияло две мировые войны, после которых все позитивистские идеи, господствовавшие в эпоху модерна, потерпели окончательный крах. Постмодерн носит характер переходного периода, но при этом он действительно затянулся. Рано или поздно количество начинает потихоньку переходить в качество. Какая парадигма формируется взамен постмодерна?

У неё ещё нет определённого названия, но, наблюдая за проявлениями искусства, можно уловить некоторые её признаки. Новое течение будет связано с эмпатией, то есть с осознанным сопереживанием текущего эмоционального состояния другого человека без потери ощущения внешнего происхождения этого переживания. Как такое может быть в эпоху, казалось бы, бесповоротно победившего эгоизма? Естественно, эмпатия в чистом виде не станет новой парадигмой, но её элементы войдут в основу грядущих изменений. По сути, сто лет побродив по пустышам постмодерна, мы вновь натываемся на идеи о некоем общемировом процессе развития. Только теперь нам предстоит взглянуть на него с другой стороны. Если в конце XIX столетия этот процесс рассматривали как внешнюю и необратимую силу, то теперь изменения ожидают изнутри – от каждого индивида, обособленного и довольно эгоистичного.

Откуда вдруг возникла эта идея о новой парадигме с элементами эмпатии? На это указывает множество новейших проявлений искусства. Например,

сбылась мечта режиссёра Алехандро Ходоровского, и на свет стали появляться фильмы, намеренно созданные в жанре психоделического реализма. Зрителю предлагается воспринимать увиденное не умом, не анализируя каждую реплику и сюжетный поворот, а как бы следовать за течением фильма, концентрируясь на собственных переживаниях и получаемом в процессе просмотра опыте. В качестве примеров таких лент стоит привести довольно известный фильм “Драйв” и так и не вышедший в российский кинопрокат “Беллфлауэр, Калифорния”. Экзальтированные кинокритики, следуя за новейшими трендами, уже вовсю используют эпитеты “психоделический” и “галлюцинаторный”, причём эти слова летят в адрес даже самых консервативных лент.

Но самые значительные признаки усиления роли эмпатии в повседневности, как и следует ожидать, встречаются в интернете. Люди, занимаясь созданием уникального контента, исследуют такие темы, о которых ещё пятьдесят лет назад не принято было не то, что говорить, но, похоже, даже думать. И это происходит массово. А значит, потребители нового контента осознают, что эти темы касаются их лично. Общие темы для шуток – одна из первых ступеней формирования эмпатии.

ВЛАДИМИР КАРПЕЦ

ОПЕРЕДИВШИЙ ВЕК...

К 175-летию кончины Александра Семёновича Шишкова

“...Оставался Гермоген. Надлежало принудить его дать благословение польскому королю и разослать по земле российской грамоты. <...> Гермоген отвергает прошение. “Тело моё вы можете убить, но душа моя не у вас в руках”. На нём рвут золотые ризы, повергают его в темницу, а он сожалеет только, что отнят из правой руки его крест, которым благословлял он народ стоять за веру и Отечество. Его заковывают в цепи, морят голодом. Он умирает, и последний вздох его была молитва о спасении России. Весть о смерти его течёт из града в град, из веси в весь. Всё больше и больше утверждается в народе согласие, умножается ревность и усердие... И уже не польский царевич возводится малым числом утраченных бояр на престол, но избирается устами и сердцем всея России младый Михаил, благословенная ветвь от благословенного русского корени...”

Так звучали слова “Рассуждения о любви к Отечеству”, читанного в Петербурге в зале Российской Академии наук ея президентом, адмиралом Александром Семёновичем Шишковым в самом конце зимы 1812 года. Вскоре именно Шишкову предстояло стать автором Высочайших манифестов военного времени. Он возвращался из опалы, вызванной кознями скрытых революционеров и противников династии, сумевших на несколько лет овладеть сознанием молодого императора.

* * *

Таких “взлётов” в судьбе адмирала Александра Семёновича Шишкова (1754–1841), мыслителя, учёного, писателя, военного, было несколько. Жил он долго и пережил несколько поколений. “Оценка этой личности, — писал автор книги о Шишкове, изданной в Санкт-Петербурге в 1880 году, В. Стоюнин, — не сделана беспристрастно ни его современниками, ни потомством. Суждения о нём тех и других довольно разноречивы, хотя почти никто не отказывал ему ни в честности, ни в прямоте”.

* * *

Шишков родился в 1754 году. О детских его годах известно немного. По воспоминаниям его самого, из них вынес он глубокое почитание старины, деяний предков, любовь к природе. Читать он учился, как и все русские дети того времени, по-церковнославянски.

В ранней юности его привезли в северную столицу и отдали в Морской кадетский корпус. В 1771 году гардемарин Александр Шишков был отправлен

в Архангельск. Первым путешествием его было плавание по Белому морю к берегам Лапландии. Особенно поразило юношу северное солнце – огромный шар, восходящий надо всем столь же огромным миром. “Мне казалось, – вспоминал Шишков, – что я смотрю на него глазами Ломоносова и плыву с Петром Великим”.

А далее – путешествие вдоль норвежских берегов... По возвращении в Петербург, уже в водах Балтики, путешествующих постигло кораблекрушение. Множество моряков погибло, погиб и корабль, но сам Шишков вместе с несколькими гардемаринами спасся на обломках, и балтийская волна пригнала их к шведским берегам...

В возрасте восемнадцати лет Александру Шишкову было присвоено звание мичмана, приписан он был к знаменитому “Северному Орлу”... В 1776 году высочайшим приказом велено было провести три тридцатипушечных фрегата – “Павел”, “Григорий” и “Наталья” – из Кронштадта вокруг Европы, по Средиземному морю и затем через Дарданеллы в Чёрное море. И снова – чудесное спасение. У берегов Сицилии ночью фрегат чуть не попал в катастрофу: ещё минута, и он разбился бы о скалы. Удержало его лёгкое движение ветра.

По возвращении в Россию мичман Шишков произведён был в лейтенанты и преподавал морскую тактику в Санкт-Петербургском Морском кадетском корпусе. Именно тогда пристрастился он к сочинительству и, помимо перевода с французского “Морского искусства” и составления трехязычного морского словаря, занялся составлением “Детской библиотеки”, куда вошли отчасти переводы с немецкого, а отчасти – стихи и рассказы самого Шишкова. “Детская библиотека” получила в своё время самое высокое признание, какое могут получить стихи, – многие его стихотворения стали безымянны, их переписывали, заучивали наизусть.

Но началась война со Швецией. Русский флот под командованием адмирала Чичагова, выдвинутый на Балтике, взял на себя защиту северной столицы. В числе русских кораблей находился и фрегат “Святой Николай” под командованием капитана второго ранга Шишкова, разработавшего план удержания неприятеля взаперти в Выборгской губе.

После коронации императора Павла I Александр Семёнович Шишков был произведён в эскадр-майоры, а затем в генерал-адъютанты. Во время военных действий он непосредственно сопровождал императора. А вскоре он сблизился с Александром Васильевичем Суворовым, который, однако, стоял уже у края жизни и смерти. На границе веков, с которою совпало убийство Павла I и восшествие на престол его сына Александра Павловича, адмиралу Шишкову было уже под пятьдесят.

* * *

В неопределённости и неуверенности началось новое царствование. Вокруг молодого императора оказались три группы людей. Хотя такие государственники, как Шишков или Гаврила Романович Державин, и сохраняли при дворе своё влияние, всё больший вес обретали так называемые “теоретики”, образовавшие “негласный” или, как его ещё называли, “интимный комитет”: М. М. Сперанский, В. П. Кочубей, А. Чарторыйский. Член тайного комитета, который занимался разработкой проведения реформ в стране, “теоретик” граф А. П. Строганов (1772–1817), участник французской революции и даже якобинского клуба, был соратником императора Александра в начале его царствования. Самого же Александра воспитывал швейцарец Лагарп (1754–1838), убеждённый республиканец.

Царь и сам мечтал “довести дело” до собственного отказа от престола и перехода к республиканской форме правления. “Свою задачу он видел в том, чтобы привести государство к идеальному порядку силой законной власти и затем от этой власти отказаться добровольно”, – писал Борис Башилов в книге “Александр Первый и его время. Массонство в Царствование Александра I”.

Участвовал ли Александр в заговоре против отца или только знал о нём? В любом случае, это наложило несмываемую печать на него: монарх-антимонархист в первое десятилетие своего царствования, “царственный мистик” (по выражению князя В. В. Барятинского), во второе – умирающий от скорби и (или) уходящий в святое странничество...

“Тайна неба, тайна этих недр” – такими словами заканчивается поэма Натальи Ганиной “Феодор Кузьмич”. Этой тайне, несомненно, оказался причастен и Александр Семёнович Шишков.

“Теоретики” были только внешним слоем “грибницы”. После гибели императора Павла вновь обрели легальный образ масонские ложи, которые прежде успели распространиться по всей России. В Петербурге их возглавляли А. Ф. Лабзин, И. В. Лопухин, князь А. Н. Голицын. Сразу в несколько лож входил М. М. Сперанский, почти все “теоретики”. Потянулась и часть духовенства – та, что более радела о “единстве всех христиан” (предшественники современного экуменизма), нежели о отеческом Предании. . .

Своего рода “мостом” между духовенством и масонами был именно Сперанский, сам выходец из духовного сословия, сын священника.

Князь-анархист П. А. Кропоткин позже писал, что царствование Александра I – золотой век русского масонства. А Б. Башилов рассказывает, что уже в 1800 году была открыта в Санкт-Петербурге ложа “Умиравший Сфинкс”. Вся работа проводилась в глубокой тайне. Высшие руководители ордена членам ложи были неизвестны. Исполнителем их воли считался А. Ф. Лабзин, который объединил особо увлекавшихся масонской мистикой членов ложи для изучения “теоретической степени Соломоновых наук”. В 1804 году начал издаваться масонский журнал “Сионский вестник”.

В 1805 году “осмотрительный, благоразумный и великомудрый” масон И. В. Вебер создал ложу “Александр. Благодетельность к коронованному Великану”. Масон А. А. Сергеев в июне 1809 года создал ложу “Елизаветы к добродетели”.

В 1809 году “по инициативе Сперанского” состоялся вызов в Петербургскую Духовную Академию известного И. А. Фесслера. Приезд его отмечен был “как начало господства мистицизма в России”, – указывает П. Знаменский в “Руководстве к русской церковной истории” (Казань, 1886 год).

Масонами французского направления в марте 1809 года была открыта ложа “Палестина” (граф М. Ю. Вильегорский).

Развивали свою деятельность и представители наиболее революционного масонского ордена иллюминатов. С 1807 до 1810 года в Петербурге существовала ложа иллюминатов, по некоторым сведениям называвшаяся “Полярная звезда”. Во главе её стоял Фесслер, его заместителем стал сам Сперанский.

Масонское движение само по себе изначально неоднородно. “Вольные каменщики” и “гульярды” Средневековья, в основном, во Франции – это носители языческих дохристианских традиций, принявшие политическую и идеологическую власть Римской Церкви и, в свою очередь, терпимые ею. Они занимались строительством соборов, в основном готических. Чуть позже в Англии возникает “хирамическое масонство”, основанное уже на библейской традиции, толкуемой, однако, в конечном счёте, антихристиански (собственно евангельская история подменена историей убийства и *не воскресения* мастера Хирама). Окончательно хирамическое масонство оформляется с появлением Конституций Андерсона 1723 года. Разумеется, это внешне-официальное толкование, и мы понимаем, что данитские (из колена Данова) династии Британии и Северной Европы боролись за интересы своих кланов всегда. В XVIII веке французское масонство становится на решительно антимонархические позиции, а британское вполне сливается с Ганноверским Домом (будущие Виндзоры). Но в отношении монархии в остальном мире “два масонства” едины, и они действуют вместе. В таком виде они приходят и в Россию.

Шишков уже тогда при встречах с государем говорил ему о вреде масонства, но. . . В 1802 году знаменитый адмирал, ставший уже членом Российской Академии, подал в отставку. С этого времени и вплоть до войны 1812 года он целиком отдается занятиям русской словесностью.

* * *

В 1803 году появляется книга Шишкова “Рассуждение о старом и новом слоге российского языка”. Он говорил, что эта книга была продолжением широко известного в то время сочинения Ломоносова “Предисловие о пользе книг церковных в российском языке”, написанного ещё в 1758 году.

Язык, – утверждает Шишков, – основа жизни народа. Ломка языка – это ломка и быта, и устоев, и государственности. “Кому, – писал Шишков, – приходило в голову с плодородной земли благоустроенный дом свой переносить?”

сильно бесплодную болотистую почву?” А язык россиян весь пронизан заимствованиями. Например, мы говорим: *влияние на умы* – простое переложение с французского *influence sur*... А тем не менее в языке славянском есть ведь слова *наитие, наитствование*. Да ведь и в просторечии часто говорят: на него дурь *находит*...

Словно незримая пелена легла на глаза “образованного слоя”, словно ожесточение против самих себя и своего прошедшего. Шишков рассказывает, что как-то раз он говорил с одним молодым человеком о словах *влияние и наитие*, и тот раздраженно ответил: “Я лучше дам себя высечь, нежели когда-нибудь соглашусь это слово употребить”... Почему мы вместо жалкое зрелище говорим *трогательная сцена*; вместо *перемена правления* – *переворот*?.. Должны ли слуху нашему быть дики прямые и коренные наши названия, такие, как: *любомудрие, умоделие, багряница, вожделение, велелепие* и прочее? “Чем меньше мы их употреблять станем, тем беднее будет становиться язык наш и тем более возрастет невежество наше”.

Десятилетием позже в примечаниях к своим заметкам по “корнесловию” Александр Семёнович Шишков напишет и строки в защиту славянской азбуки: “Азбука наша (по другим наречиям – *буквица*) письменами или буквами своими, по порядку читаемыми, составляет некоторый полный смысл, содержащий в себе наставление тому, кто начинает их произносить, напоминающая и твердя юному ученику о важности своей и пользе обучаться языку; она говорит: *аз, буки, веди, глаголь, добро, есть, живете, земля, иже, како, люди, мыслете, наш, он, покой, рцы, слово, твердо* и прочее, то есть: *я есмь нечто великое, ведай, глаголение добро есть, живете на земли и мыслите, наш это покой, рцы слово твердо*, и прочее. Мы ныне вместо того, чтобы при начале обучения юношей толковать и вперять в них сие полезное наставление, приневоливаем их, отводя от начал своего языка, произносить имена букв наших по-иностранию: *а, бэ, вэ, гэ, дэ* и прочее... После сего остаётся только нам принять латинские письмены, и тогда, выкинув свои *ж, ц, ч, ш, щ, ю, я* (в их азбуках недостающие), превратим мы древнейший и богатейший язык свой (могу смело сказать, праотец всех языков) в новое скудное наречие. Тогда-то будем на нём славные писатели и знатоки своего языка!”

Что означают слова Шишкова о славянском языке как “праотце всех языков”? Надо ли понимать это буквально? В 2004 году вышла книга О. Т. Виноградова “Ведическая Русь”, содержащая ряд очевидных “перехлёстов”, но вместе с ними и ряд совершенно верных и бесспорных положений, многие из которых основаны как раз на исследованиях А. С. Шишкова. Книга была неожиданно запрещена, и нам остаётся лишь изложить то верное, что в ней есть, соответственно по интернет-изложению <http://cont.ws/post/100422/>. Автор констатирует: “Нашу историю много раз искажали; события заменяли другими, которых не было. Так поступили, захватывая власть при князе Владимире Мономахе, Петре I, при узурпации власти в 1917 г <оду> и, наконец, после криминального переворота 1991–1993 г <одов>. Но язык нельзя подделывать или изменить его данные. <...> В русском языке сохранилось множество ведических слов: *вдова, деверь, зять, тесть, брат, дочь, дед, сын, быть, бить, варить, край, кров, пить, дом, дверь, свет, дура* и др. Ведический язык или язык Риг-веды оставил в нашем языке более глубокий след, чем в других арийских языках. Наличие в языке множества ведических слов указывает на его древность. Ведический язык, в отличие от санскрита, является более древним. Санскрит же является средневековым языком Индии, который произошёл от ведического языка и языков других народов, живших в Средневековье. Санскрит – это рафинированный или, говоря по-современному, “литературный” язык. Ведический же язык есть язык простого народа и назван *пракритом*. Слово “пракрит” от слова “практи”, то есть натура, природа. Санскрит от “сан” – вместе, “крит” – хорошо сделанный. Слова *бес, тиун, рот* (уста) из нашего языка, но эти слова встречаются и среди демотических (демотическое письмо – скоростная форма египетского письма с лигатурами, возникшая в VIII–VII вв. до н. э.) и иероглифических записей египтян. Эти слова встречаются и у нас, и у исчезнувших египтян потому, что в глубокой древности праегиптяне отпочковались от наших предков. Это лишь малая часть из многочисленных слов, унаследованных древними народами от наших предков”.

Тесная связь русского языка с санскритом доказана. Например, слово “*вякать*” – бытовое “говорить”. Но на санскрите “*вяк*” – говорить. Санскрит – это язык жрецов Древней Индии, которому не менее 3–5 тысяч лет. Специалисты

знают, что санскрит и русский лингвистически более схожи и близки, чем некоторые родственные славянские языки, например, “когда вас разбудить?” – “када вас будх?”; “дома были свёкр и дядя” – “дама бху свакр и дада”.

Известный индийский санскритолог Дурга Прасад Шастри писал: “Если бы меня спросили, какие бы два языка мира более всего похожи друг на друга, я ответил бы без всяких колебаний: русский и санскрит. Удивляет то, что в двух наших языках схожи структуры слова, стиль и синтаксис, добавим ещё большую схожесть правил грамматики” (<http://mc-e.ru/Nash-moguchiy-russkiy-yazik-ili-isporchenniy-sanskrit-1673.html>).

Согласно преданиям, собранным П. М. Строевым, Н. Ткани, А. С. Фаминциным, Д. О. Шеплингом, Ю. П. Миролюбовым, прарусы в глубокой древности пришли с крайнего севера, из Арктиды (Гипербореи) в VII тысячелетии до Рождества Христова. Они принесли с собой Веды в их архаическом виде. В современном языке сохранились слова древних Вед почти без изменения формы, значения и произношения. Эти слова до сих пор употребляются в быту, особенно в языке простого народа. В 1767 году в Индии была найдена санскритская рукопись. Это открытие навело на мысль о родстве славянского языка с латинским, греческим, персидским и санскритом. П. Х. Левек, И. Леванда, Х. Аделунг и другие высказали догадки о происхождении латинян, греков, германцев и славян от единого, древнего народа и возникновении их языков из единого праязыка. А. В. Джонс в 1786 году выявил родство санскрита не только с латинским и греческим, но и с готским, кельтским, древнеперсидским языками. А само название языка санскрит – с-ан-скрит то есть “(с) этим скрыт” поясняется только по-русски. Профессор восточных языков в Берлине Г. Петрашевский перевёл пять книг Зенд-Авесты и доказал, что так называемый зендский язык является исходным для санскрита и славянского.

“Говорим “славяне”, разумею “слава”, – цитирует Т. О. Виноградов Шишкова. – Говорим “слава”, разумею “слово”. Имя славян славилось за несколько веков до существования Рима, и прежде, нежели греки сделались известны между людьми <...> Русское наречие – общее, ближе всех других подходит к нему. Наречие сербское – второе между наречиями славянскими по своей чистоте”.

Впервые древнеславянский язык в качестве ключа для расшифровки древнейших надписей в 1847 году использовал польский учёный Фаддей Воланский. Его данные приводит Егор Классен в книге “Новые материалы для древнейшей истории славян дорюрикова времени” (1854). Воланский перевёл надгробную надпись из сочинения Теодора Моммзена (1817–1909) “Наречие нижней Италии”. Это надгробный памятник царю Трои Энею, чьи странствия описаны Вергилием. Вот эта надпись, сделанная почти 3000 лет назад на общем коренном славянском языке, из которого выделились польский, чешский, иллирийский и венецианский (пранусский).

Среди богов, спасённых от пожара в Трое и принесённых Энеем в Лациум, находился бог Эсмун, или Эсмений (он назывался также Ясень, Ясмень, Яшмун, Шмун).

Вим есть производное от индийского Шивы, а Дим – обоготворённый сын древнего троянского героя Дардана. Оба божества подчинены Эсменю. Лад – бог войны древних славян. Перевод по-современному будет звучать так:

*Райский всех Боже, выше Вима и Дима, Езмень ты Россия!
Возьми в опеку мой дом и детей, наилучший Езмень.
Гекаты царство далече: до долу земли выезжаю
Точно, ей, ей, так есть! Как я Еней царь родом!
Сидя с Ладом в Елисе, Леты черннёшь и забудешь.
О! Дорогой, хороший!*

В надписи на могильной плите Энея буквы славянские, без примеси финикийских форм. Алфавит славянский.

Полное подтверждение и развитие “теории” Шишкова находим в исследованиях выдающегося учёного, знатока славянорусских языковых древностей и истории славянства вообще, недавно странно ушедшей Светланы Васильевны Жарниковой (1945–2015).

Вопрос о соотношении ведического “Богомировоззрения” и Православно-христианского Богооткровения — тема отдельная, и мы не можем здесь и сейчас раскрывать её подробно, достаточно лишь на неё указать. Но здесь нам важно, что Шишков прямо говорит о таинственном происхождении “первозыка”. “Поистине язык наш есть некая чудная загадка, поныне ещё тёмная и не разрешённая. В каком состоянии был он до введения в Россию православной Христианской веры, мы не имеем ни малейшего о том понятия, точно как бы его не было. Ни одна книга не показывает нам онаго”.

Несомненно, что для А. С. Шишкова как для православного христианина “древний славенский” язык — это язык текстов Священного Писания безотнositельно ко времени и месту создания конкретной книги или рукописи. Термин “наречие” применяется А. С. Шишковым и к так называемым “не первичным” языкам, следовательно, речь идёт о церковных языках других славянских народов (изводах старославянского языка). “Российский язык” — это современное А. С. Шишкову состояние русского языка (по собственной терминологии А. С. Шишкова, здесь был бы более уместен термин “наречие”. См.: Захарова М. В. Языковые взгляды А. С. Шишкова и их отражение в его речевой практике. Автореферат. М., 2004).

Легко видеть, что в своём понимании Священного Писания Шишков куда ближе к толкованиям “александрийской школы” и её последователей — каппадокийцев, святых Василия Великого, Григория Богослова и Григория Нисского с их “Вечным Евангелием”, чем к “антиохийско-августинову” направлению с буквальной верой в “историю еврейского народа” и его исторических судеб, пусть даже и перешедших в церковную историю. Как мы увидим дальше, именно эти различия в двадцатые годы ещё определяют судьбу Шишкова, и не только его...

Вера в единство мира, и именно она вдохновляла Александра Семёновича Шишкова. Постичь его можно лишь через символ. Такими символами и являются шишковские “даль око”, “близь око”... Можно задавать вопрос: считал ли Шишков язык (и какой) непосредственной принадлежностью Бога, Его творением или делом имянаречения тварного мира человеком. У него встречаются замечания и первого рода, и второго, и третьего. Третьего, разумеется — как царское искусство не падшего, *райского человека* Адама. По-видимому, в любом случае, отвергая “просвещенческие” идеи о сугубой функциональности и случайности слов, он не был готов к окончательному выводу. Ну, а мы готовы к нему? И есть ли он вообще? Или ответ здесь возможен лишь на путях апофатического богословия?

Во всяком случае, в начале позапрошлого столетия Александр Семёнович Шишков начал разговор о том, о чём в столетии прошедшем со всею мощью заговорил Мартин Хайдеггер: о языке как Доме Бытия.

* * *

Лишь немногие встретили “Рассуждение о старом и новом слогe” с одобрением. В числе этих немногих был Гаврила Романович Державин, однако мало кто слушал его. К этому времени он тоже был в опале, от дел отошёл. Едва ли не единственным писателем того времени, понявшим и принявшим взгляды Шишкова, был молодой Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859). Так начиналось литературное направление, позже не вполне удачно названное славянофильством.

“Своекоштный студент Казанского университета”, Сергей Аксаков познакомился с опальным Шишковым в 1806 году в Петербурге, а много позже, уже став известным писателем, оставил о нём воспоминания. Сохранилось и описание внешности и житейских привычек старого адмирала, сделанное Аксаковым: “Он имел средний рост, сухощавое сложение, волосы седые с желтиной; лицо у него было поразительно бледное, тёмно-карие небольшие глаза, очень живые, пронизательные, воспаляющиеся мгновенно, выглядывали из-под нависших бровей; общее выражение физиономии казалось сухо, холодно и серьёзно, когда не было одушевлено улыбкой — самой приятной и добродушной”.

Аксаков оставил и рассказы о некоторых сторонах частной жизни адмирала. Говорили, что он иногда не узнавал собственной жены, а чужих жен принимал за свою Дарью Алексеевну. С. Т. Аксаков утверждал, что такие случаи действительно были. “Он умел жить в себе”.

Шишкову приходилось выслушивать много резкого и несправедливого. В связи с его взглядами в области языка это продолжалось даже и после его военного триумфа 1812–1813 годов. Его суждения о языке, особенно чётко выраженные в книге “Рассуждение о старом и новом слоге российского языка”, не совпадали с суждениями Карамзина и господствовавшей тогда “карамзинской школы”. Это привело к жёстким спорам двух литературных объединений: шишковской “Беседы любителей русского слова” (1811–1816) и “Арзамасским обществом безвестных людей” (“Арзамасом”, 1815–1818), в который входили В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, Д. В. Дашков, А. И. и Н. И. Тургеневы, М. Ф. Орлов, К. Н. Батюшков, А. Ф. Воейков, В. Л. Пушкин, Д. Н. Блудов, С. С. Уваров, то есть те, кто задавал тон, и не только в литературных салонах. “Арзамасцем” числился и А. С. Пушкин.

“Арзамас” начался с того, что ещё в начале 1800-х годов Карамзин написал несколько статей, к примеру, “Отчего в России мало авторских талантов” (1802), где утверждал, что русские не умеют изложить психологические и философские тонкости в разговоре, не могут точно и ясно выразить свои переживания, тогда как на французском языке те же самые переживания они передают легко. Это частное замечание гораздо более разностороннего Николая Михайловича объединило тогда очень многих...

Характерно: “шишковистов” интересовала онтология – ведение бытия и устройства мира, “карамзинистов” – психология, “межличностные” отношения, “устройство” в мире. “Бытоустроительная партия”, как уже тогда и именно об этом слое общества говорил преподобный Серафим Саровский...

Дальше – больше. “Арзамасцы” заговорили, что обрели новую религию, узнали и уверовали в своего неземного бога – бога Вкуса. Вкусу нельзя научить – он не достаётся трудом. Человек получает вкус как небесный дар, как благодать, вкус подлежит ведению веры. Бог Вкуса действует тайно, поселяясь, как дух, в каждом “арзамасце”. Одновременно его тайное присутствие обретает плоть – *арзамасского гуся* (*goute* – ‘вкус’ и ‘гусь’; это приём “фонетической кабалы”). Бог Вкуса предлагает им отведать свою плоть. Вкусив божественной плоти, они таинственным образом избегают чар “Беседы” и спасаются. Гусиная плоть вкусна и чудодейственна. Культ бога Вкуса, как говорили сами “арзамасцы”, был поддержан Церковью, что, конечно, было фантазией.

Но об образе “гуся” надо сказать особо. Гусь – Меркурий – алхимический символ первоматерии философского камня, “то, из чего”, а также “то, что есть у каждого”, и при этом обретается только преступно, но с полной верой в бессмертие. Русские масоны ещё XVIII века (а связь “Арзамаса” с масонством была очевидна и не скрывалась) увлекались алхимией, ничего в ней не поняв. Иван Перфильевич Елагин (1725–1794) потратил на “науку камня” восемь лет жизни и, потерпев провал, от неё отказался, благоразумно обратившись под старость к Отцам Церкви. Ну, а масоны “александровские” уже интересовались более реформами – государственными и церковными. И далеко не очевидно, что Иван Перфильевич их бы одобрил.

“Причастившись плоти гуся”, можно было выступать против литературного противника. Вот тут-то они и “ошиблись адресом”! “Криптоевхаристия” Жреца и Жертвы, “трансгрессия”, если употреблять выражение Жоржа Батая (1897–1962), предстала перед “арзамасцами” в виде литературной игры. К их счастью...

На самом деле “арзамасцы” играли с очень опасной реальностью и “вышли сухими из воды” только потому, что играли с нею бессознательно...

“Собеседники” же из этой воды не выходили, потому что в нее не входили.

* * *

Но “Беседа” была достаточно влиятельна, не менее, чем “Арзамас”. Гаврила Романович Державин, известный поэт Иван Иванович Дмитриев, баснописец Иван Андреевич Крылов. Были и поэты круга Шишкова, в частности, известный в то время князь А. А. Шаховской, князь С. С. Ширинский-Шихматов, граф Д. И. Хвостов, знаменитый переводчик “Илиады” Н. И. Гнедич...

* * *

Александр Семёнович Шишков был одним из первых русских писателей, обратившихся к народному творчеству. В своём произведении “Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки”, где он изобразил беседы с молодым С. Т. Аксаковым, он называл три пути “в хранилище стихотворства и красноречия”: “священные или духовные книги”; летописи и “народный язык”. Шишков собирал народные песни, и в этом опередил своё время, по крайней мере, на двадцать лет.

О наших предках, сложивших эти песни, он писал: “Они не говорили своим любовницам я заразился к тебе страстию, я пленил себя твоим взором, я поражён страстию твоих прелестей, ты предмет моей горячности, я тебя обожаю и прочее. Они для выражения своих чувствований не искали кудрявых слов и хитрых мыслей, но довольствовались самыми простыми и ближайшими к истине умствованиями, как например:

*Ты не вейся, не вейся, трава со раkitой,
Не свыкайся, не свыкайся, молодец с девицей,
Хорошо было свыкаться, тошно расставаться.*

И дальше:

*Красна девица промолвила:
— Ты прости, прости, мой милый друг,
Ты прости, душа, отецкий сын:
Вечеру меня помолвили,
Завтра будут поезжалые,
Повезут меня в церковь Божию:
И достануся иному, друг,
И верна буду по смерть мою.*

“Мы по нынешним временам скажем, — растолковывает Шишков, — какой холодный конец! Так, но поставим себя в те времена, когда брак для целомудренной женщины был гробом всех её сердечных наклонностей. Она жила одному только мужу, всему прочему умирала”.

* * *

Но дело шло к войне.

Ранней весной двенадцатого года император Александр Первый совершенно неожиданно призвал Александра Семёновича Шихова и, по прибытии адмирала во дворец, сказал ему:

— Я читал твоё “Рассуждение о любви к Отечеству”. Имея таковые чувства, ты можешь быть ему полезен. Кажется, у нас не обойдётся без войны с французами; нужно сделать рекрутский набор. Я бы желал, чтобы ты написал о том манифест.

Но главным оказалось даже не это. Речь шла о назначении на освобождённый после ухода Сперанского пост государственного секретаря... И произошло это в одно из самых трудных для России времён.

* * *

Отечественную войну 1812 года справедливо принято считать национально-освободительной борьбой против иноземных завоевателей. В советское время её изображали как борьбу со становящимся в Европе капитализмом. Когда в конце 80-х годов прошлого столетия советская цензура ослабла, вспомнили (совершенно справедливо!) о разрушительных в отношении Церкви, религии, нравственности идеях Французской революции, наследником которых выступал сам не всегда того желавший Наполеон Бонапарт, бывший Первый консул Республики. Всё это так. Но это не всё...

Сегодня мы всё больше узнаём о более чем тысячелетнем противостоянии Короны Российской и Короны Британской, за которой всё это время сто-

яли и стоят могучие исторические силы, связанные с ветхозаветным коленом Дановым, из коего, по суждениям большинства Отцов Церкви, произойдёт в последние времена “беззаконный”, антихрист. Автору этих строк довелось подробно изучать эти вопросы, результатом чего стало исследование “Виндзоры против Рюриковичей” (в сб. De Aenigmatе, сост. А. И. Фурсов. М., 2014), к которому и отсылаю. Мистико-династическое противостояние двух “метародов” наложилось и на геополитическое противостояние “Суши и Моря”. Франция, в том числе наполеоновская, играла в этом противостоянии далеко не однозначную роль – и при “старом режиме”, и при Наполеоне... Да и сегодня...

Борис Башилов писал: “Александр всегда помнил об участии Англии, истратившей миллион рублей на организацию заговора против его отца. Во время встречи с Наполеоном в Тильзите Александр сказал Наполеону: “Я ненавижу Англию не меньше Вас и готов Вас поддержать во всём, что Вы предпримете против неё”. “Если так, – ответил Наполеон, – то всё может быть улажено и мир упрочен”. Но вернувшись в Россию, Александр I встретил ожесточённое сопротивление со стороны широких кругов дворянства. Произошло объединение масонов английской ориентации и англофильствующей аристократии с консервативными кругами дворянства, которые были настроены против Наполеона, потому что в их глазах он продолжал быть французским якобинцем, и потому, что прекращение торговли с Англией больно било их по карману” (Башилов. С. 37).

К этому времени Британский Королевский Дом, банкирский клан Ротшильдов и Гессенский Княжеский Дом в Германии уже фактически сплотились в единый финансово-политический союз, с одной стороны, поддерживавший в России революционные силы (в том числе и идеологически “французского” происхождения), с другой – принявший твёрдое решение “закрепиться” в Петербурге через последовательное осуществление династических браков. Этот союз окончательно утвердился битвой при Ватерлоо, почти целиком профинансированной Ротшильдами и Гессенским Домом. Что касается Франции, то она в точности, как спустя более столетия Россия – СССР, “пошла поперёк” многовековых исторических начертаний: революция породила “имперскую псевдоморфозу” (если пользоваться выражением О. Шпенглера). Да, псевдоморфозы никогда не воссоздают первоначальное, да, “французская” вообще не была прочна, но она всё же вызвала мощное противодействие сил, вызвавших революцию. Этим силам нужно было столкнуть две империи.

На них (хотя и не только) лежит ответственность за цареубийства 1881-го и 1918 годов. Во многом – и за происходящее ныне.

А пока...

За каждые 100 000 солдат континентальных войск Великобритания платила России огромную сумму в 1 250 000 фунтов стерлингов, или 8 000 000 рублей. Она же, в свою очередь, вела активную войну против Франции и на суше, и на море, и агентами-провокаторами в Испании. Великобритания не только платила России за гибель её сынов, но и отправила по ленд-лизу (считай – даром) 150 000 ружей и военных специалистов. Англия списала все российские кредиты, в том числе огромный голландский займ в 87 000 000 гульденов! Россия импортировала из Англии: порох – за 1811–1813 годы его было ввезено 1100 тонн, свинец – только летом 1811 года англичане по особому секретному договору поставили в Россию 1000 тонн свинца после длительного перерыва подобного рода поставок из-за континентальной блокады. Этого свинца должно было хватить для ведения боевых действий шестью русскими корпусами в течение нескольких месяцев. В 1812–1814 годах Англия предоставила России субсидии на общую сумму 165 000 000 рублей, что с лихвой покрыло все военные расходы. Так, согласно отчёту министра финансов графа Канкрин, российская казна в 1812–1814 годах потратила на войну 157 000 000 рублей. Отсюда чистый “доход” 8 000 000 рублей! (<http://obozrevatel.com/blogs/69783-mifyi-rossii-otechestvennaya-vojna-1812-goda.htm>)

Многовековой враг – союзник?

И то же самое дважды было в следующем, двадцатом, веке. Не логичнее ли и естественнее был бы союз с континентальной, авторитарной Германией, чем с олигархо-демократическими англосаксонскими государствами?

Но разве, когда война уже началась, имеет значение, кто и почему союзник?

И – кто мог бы таковым быть, если бы...

И нужна ли война и, если нужна, то кому?

Когда она начинается, всё это уже не имеет значения, а если для кого-то имеет, этот кто-то, хочет он сам того или нет, становится врагом своего Отечества.

* * *

Что касается уже почти всесильного в то время русского масонства, то оно как бы разделилось. Те, кто ориентировался на Англию, всячески старались толкнуть Александра I на войну с Наполеоном... План английского масонства заключался в следующем: сначала столкнуть Наполеона с Россией и добиться поражения или ослабления Наполеона, а затем обратить усилия на уничтожение монархии в России. Для части же русских масонов и революционно настроенной части русского дворянства Наполеон оставался носителем “прогрессивных идей” французской революции, и они хотели, чтобы Наполеон освободил Россию от “ига монархической власти”.

С самого начала войны – и ещё до неё – много для разоблачения тогдашней “пятой колонны”, кроме Шишкова и вместе с ним, сделал московский генерал-губернатор граф Фёдор Васильевич Ростопчин (1763–1826). Он писал: “Московские и петербургские масоны поставили себе целью произвести революцию, чтобы играть в ней видную роль, подобно негодьям, которые погубили Францию и заплатились собственной жизнью за возбуждение ими смуты”. “Я не знаю, – пишет Ростопчин, – какие сношения они могут иметь с другими странами, но я уверен, что Наполеон, который всё направляет к достижению своих целей, покровительствует им и как-нибудь найдёт сильную опору в этом обществе, столь же достойном презрения, сколько опасном”.

“Граф Ростопчин, губернатор Москвы, – рассказывает Борис Башилов, – так же несправедливо оклеветанный историками, как и граф Аракчеев, совершенно верно охарактеризовал создавшуюся политическую ситуацию, когда писал: “Трудно найти в России половину Пожарского, но целые сотни есть готовых идти по стопам Робеспьера и Сантера”. “Их подозревают, но боятся ещё называть”, – писала вдова князя Н. П. Голенищева-Кутузова, писательница Варвара Ивановна Бакунина.

Старая болезнь, прорвавшаяся затем в феврале 1917-го, августе 1991-го... В чём причина её? Смотреть придётся в глубину столетий, а возможно, и тысячелетий.

Так или иначе: “Русские якобинцы ждали Наполеона как силу, которая сломит остатки самодержавной власти Александра I и утвердит конституционный образ правления, о котором русская аристократия не переставала мечтать со времени смерти Петра I. Русские масоны и “прогрессивно” мыслящие военные ещё во время нашествия Наполеона готовы были изменить Русскому Царю, как это они сделали спустя сто лет в 1917 году во время войны с Германией” (Б. Башилов).

И всё же мы должны помнить: помимо “английской” и “французской” “партий” при дворе, да и вообще внутри правящего слоя, была и “русская партия. При Александре I “душой русской партии” был граф Алексей Андреевич Аракчеев (1769–1834). В депеше французского посла графа Лаферроне от 1 октября 1823 года рассказывалось о том, что император Александр I мало верил окружавшим его людям, как и его отец. Полностью он доверял одному только Аракчееву. Он знал, что тот не предаст его в трудную минуту. На гербе графа Аракчеева было начертано: “Без лести предан”. Борис Башилов продолжает: “Всё его мирозозерцание, все черты его характера – всё было чуждо представителям русской интеллигенции. <...> Преданность Аракчеева Александру I вызвала бешенство в “прогрессивно” настроенных кругах дворянства. Аракчеев мешал и масонам, и дворянам в их работе по развалу монархического строя”.

А чем дальше, тем больше к “русской партии” примыкают уже многие – и, конечно, Пушкин, и – пусть с оговорками – сам Николай Михайлович Карамзин...

Но это ещё только будет.

* * *

Вернувшись домой от государя, Александр Семёнович затеплил лампу и сел писать:

“...видя его никакими средствами не преклонным к миру, не остаётся Нам ничего иного, как, призвав на помощь Свидетеля и Защитника правды, Всемогущего Творца небес, поставить силы Наши противу сил неприятельских. Не нужно Мне напоминать вождям, полководцам и воинам нашим об их долге и храбрости. В них издревле течёт громкая победами кровь Славян. Воины! Вы защищаете Веру, Отечество и свободу. Я с вами. На зачинающего Бог.

В Вильне. Июня 13. 1812

на подлиннике написано: Александр”.

* * *

Всё пошло так, как оно должно было пойти... 30 июня, преследуемые силами всей Европы, достигли русские части Двины. Это было началом отступления.

Одним из самых важных государственных решений, принятых под влиянием государственного секретаря Шишкова, стало решение о возвращении ставки в столицу.

При этом надо сказать, что в беседах с императором Шишков вообще возражал против плана отступления. В своих “Домашних записках” он обосновывал своё мнение так: “Наполеон собрал свою армию на границу уже в апреле, а напал только в июне, видя, сколь подготовлены были русские войска на границе. Но мы стремительно отступали к Смоленску, пытаясь соединиться с армией Багратиона и не имея возможности это сделать — французские армии, вклинившись посредине, рвались вперёд. Уже где-то на западе, под Вильной, надо было давать сражение”.

Было, правда, и иное мнение. Ещё в 1807 году Барклай-де-Толли говорил известному историку Нибуру, что, если бы ему пришлось быть во время русско-французской войны главнокомандующим, он бы завлёл французскую армию к Волге и только там дал генеральное сражение. Когда Барклай-де-Толли оказался главнокомандующим, он так и решил поступать: дождавшись соединения русских армий, повёл их к Москве.

Несмотря на это, лицам “французской ориентации” необходимо было во что бы то ни стало удалить Барклая. Дело было в том, что “немец” (на самом деле — шотландец) Барклай примыкал к... “русской партии”, возглавляемой Аракчеевым. Барклая необходимо было оклеветать и добиться его удаления с поста главнокомандующего, и поставить “своего”. Этого удалось добиться. Барклай был смещён, и на его место назначен Кутузов (масон высоких степеней, участник заговора против императора Павла). Единственного целесобразного плана ведения войны с Наполеоном, то есть заманивания армии Наполеона вглубь России, сохранения боевой силы русской армии и энергичного преследования разложившейся армии Наполеона сохранённой русской армией, Кутузов не выполнил. Ни первую часть плана — отступление с целью сохранения боевой силы, ни вторую часть — активное преследование Наполеона. Увы, это так.

“Бородинское сражение, — утверждает А. А. Керсновский в “Истории русской армии” (Белград, 1933–1939), — оказалось преждевременным. С ним поторопились на два месяца. Его следовало дать не в конце августа, а в конце октября, когда французская армия была бы в достаточной степени подточена изнутри. Имей Кутузов тогда в строю те десятки тысяч, что погибли бесцельно в Бородинском бою, будь жив Багратион, генеральное сражение было бы дано где-нибудь под Вязьмой, и тогда не ушёл бы ни один француз, а Наполеон отдал бы свою шпагу Платову...” (Ч. I. С. 233).

Не будучи специалистом в области сухопутной войны, Шишков мог в ряде вопросов и ошибаться. Но в главном — победу он вменял не человекам, но Богу — он был прав. “Может быть, некоторые читатели, извиняя тогдашние чувства мои, — писал он позже, в 1828 году, — скажут, однако ж, что я с излишеством вооружался против плана отступления, что следовавшие события оправдали опыт. <...> Нет! не человеческий ум предузнал и расчислил сии последствия, но десница Божия и гордые врагов наших мечты и наши более для них, нежели

для нас, выгодные предначертания, превратила им в пагубу, а нам во спасение. Но всю сию войну она многократно являлась, творя сии чудеса, и надпись на медали справедливо гласит: “Не нам, не нам, но Имени Твоему”.

Ну что же, оставим этот спор звучащим на единственно верной ноте.

В Москве оставался граф Ростопчин. Человек, какому только охаиванию не подвергавшийся “передовой общественностью”, а затем и “русской литературой”. Осмеивали его так называемые “афишки” – листовки, – порицали сначала за “утопическую идею” создать из жителей Москвы ополчение, а затем – за “решение сжечь Москву” (было ли это “решением”, неизвестно до сих пор).

“Но никто из современников, – пишет Б. Башилов, – не желает установить связь между “непоследовательностью” Ростопчина и последовательностью Кутузова. Что должен был делать Ростопчин, если Кутузов сообщил ему, что он будет защищать Москву? Как главнокомандующий Москвы, он должен был помочь Кутузову в этом намерении даже в том случае, если бы считал это решение и ошибочным. Так Ростопчин и поступил. Он довёл до сведения населения намерение Кутузова защищать Москву и призывал его создать народное ополчение”.

А из самой оставленной Москвы приходили вести разноречивые. Пешком и на подводках добрался до Петербурга за несколько дней из горящей первопрестольной столицы тамошний житель. Военный губернатор Санкт-Петербурга генерал С. К. Вязмитинов задержал его и отдал под стражу, чтобы не было тревожащих население слухов. О рассказах беглого был поставлен в известность государственный секретарь, который написал обо всем подробную записку Александру Первому.

О московском пожаре, погроме Кремля и кремлевских святынь Шишков пишет, что неприятель “предаётся всей своей ярости и в последний раз силится излить оную подорванием Кремля и храмов Божиих. Кто после этого усумнится, чтоб он, если бы то в возможности его состояло, не подорвал бы всю Россию и, может быть, всю землю, не исключая и самой Франции”.

Что же делать теперь российскому дворянству и всему народу русскому? Шишков считает, что первое, пусть малое дело, от которого и дальше пойдёт возрождение народного духа, – это ограничить мнимые потребности. Идея вольности, овладевшая французами, делает людей необузданными в стяжании и разврате, научает не ставить человеческую жизнь ни во что. Сколько россиян уже стали рабами этой идеи? Начало выздоровления – самоограничение. Так считает Шишков, ведь “лишение богатств поправится умеренностью роскоши, вознаградится трудолюбием и сторицею со временем умножится; но повреждение нравов, зараза неверия и злочестия погубили бы нас невозвратно”.

А годом позже, в 1813 году, Шишков написал своему другу Я. И. Бардовскому: “Я почти стал в 1804 году о сём говорить смело, и Вы помните, как господа “Вестники” и “Меркурии” против меня восстали <...> Они упрекали меня, что я хочу ниспровергнуть просвещение и всех обратить в невежество, что я иду против Петра, Екатерины, Александра и проч.; тогда могли они так влиять, надеясь на великое число заражённых сим духом, и тогда должен я был поневоле воздерживаться; но теперь я бы ткнул их носом в пепел Москвы и громко им сказал: “Вот чего вы хотели!”.

* * *

В декабре в Вильну прибыл император Александр I, который после совещаний с генералами принял решение двигаться дальше до полного освобождения Европы от наполеоновского ига. Сразу же было объявлено о том, что цель европейского похода – не завоевание для России новых земель, но лишь поражение Наполеона Бонапарта и возвращение Европы в прежнее состояние, “достижение желанной и прочной тишины”.

Цели взятия Парижа были объявлены в “Приказе по Российским войскам”, составленном и написанном Шишковым. Не разрушать шла русская армия и не мстить, но лишь избавить Европу от поработителя. Избавить и уйти обратно, в русские границы, не захватив ни пяди чужой земли. Об этом прямо говорилось в “Приказе”: “Да водворится на всём шаре земном спокойствие и тиши-

на! Да будет каждое царство под единою собственному правительству своего властью и законами благополучно! Да процветают в каждой земле, ко всеобщему благоденствию народов, вера, язык, науки, художества и торговля! Сие есть намерение наше, а не продолжение брани и разорения...”

Именно в свете этих представлений должно понимать “Послание к Французам”, написанное Шишковым при входе русских войск в Париж. Простые французы — такова мысль послания — нисколько не виноваты во всём, что произошло. Они сами жертвы тех хозяев, которые по своей воле распорядились их судьбами. Виновники случившегося, по словам Шишкова, “отпавшие от веры и благочестия остроумные, но злочестивые писатели”. Наполеон Бонапарт также называется в “Послании” чужеземцем, пришельцем, корсиканским гражданином.

К удивлению Шишкова, да и не только его, послание это опубликовано не было, но Александр Семёнович был убеждён, что, если бы его решились напечатать, оно произвело бы действие на армию Наполеона и, возможно, не было бы тогда ни успеха корсиканца при бегстве с острова Эльба, ни Ватерлоо. Почему так часто происходит подобное? Слова в защиту Отечества, его устоев, государственности не находят поддержки у тех, кто, кажется, обязан её оказывать, а вот всевозможное “чужебесие” под видом “просвещения” имеет шумный успех и поддержку? Кто делает всё это?

А самое главное: всё это происходит стихийно или вызвано к жизни и устроено заранее? Почему власть так часто возносит тех, кто её разрушает, и низводит тех, кто защищает? Ещё не раз придётся Александру Семёновичу искать ответ на этот вопрос, находить и снова терять.

И нам сегодня тоже.

* * *

А пока шёл 1816 год. Русские солдаты, офицеры и генералы возвращались на родину из освобождённого Парижа, из восстановленной в прежних границах Европы. Среди них был и Александр Семёнович Шишков, думы которого, как теперь казалось ему, найдут отзвук. Но всё снова оказалось не так просто. Между императором и государственным секретарём вновь вспыхнули разногласия. На этот раз — когда в Государственном совете обсуждался проект Гражданского уложения, к которому император был в то время очень привязан. Большинство глав этого проекта было написано Сперанским. В целом проект почти дословно повторял “Кодекс Наполеона”.

Шишков считал, что выражение *гражданские права* неточно. Французское слово *civil*, от которого мы взяли слово *гражданский*, произошло от латинского слова *civitas*, которое имеет два значения — *город* и *общество*, *сообщество*. Для обозначения города в латинском языке имелось слово *urbs*. Поэтому *jus civile* — это право *сообщества*. Возвращая словам их первоначальный смысл, мы видим, что выражение *гражданские права* относится лишь к жителям городов. Получается, что лишь *горожанин* (по-французски — *bourgeois* — буржуа) обладает правами, остальные люди — нет. “Слово *civitas*”, — отмечал Шишков в своей записке Александру, — влечёт мысль свою от понятия *жить вместе*, а не от понятия *городить*, а потому для выражения его надлежит и в своём языке от подобного же понятия оное произвести. Наши слова, означающие всю вообще российскую область, суть: *Россия, государство, отечество, общество, народ, держава* и прочие. Итак, от сих или подобных слов (а не от слова *город*) должно произвестись то, что соответствовало бы иностранному слову *civil*. Скажем, *государственные* или *общественные*, или *народные права*. Всякое из сих слов будет приличнее и сходственнее с разумом, нежели *гражданские права*”.

На самом деле легко видеть, что предмет спора не исчез и сегодня. Над нами до сих пор довлеют “юридические миражи современности”, как называл их позже К. П. Победоносцев, — “гражданское общество”, “права человека и гражданина”. На этих миражах и мнимостях основаны все “правовые реформы” последних десятилетий. И где мы с ними?

Шишков был уволен с поста государственного секретаря и стал рядовым членом Государственного совета. Но он упрямо держался своего. Вопреки господствующим правилам работы Государственного совета, Шишков часто распространял своё “особое мнение” в рукописи.

После ухода от дел Александр Семёнович снова обратился к научным занятиям. Избранный президентом Российской академии в 1813 году за труды в области языка, он, как это ни странно для некоторых, стал одним из самых последовательных в нашей истории поборников того, что сегодня называют “академическими свободами”.

Независимость Российской академии – вот к чему стремился Шишков. Поэтому в штат Академии (так называлось тогда её руководство) он не включил Разумовского – тогдашнего министра просвещения. Опекун над отечественной наукой быть не должно, к ней нужно относиться так же, как к вольному художеству, – так считал бывший государственный секретарь, адмирал, царедворец. Не должно в ней быть места и личным обидам, счётам.

Все помнили разногласия между Шишковым и Карамзиным. Но начала выходить “История государства Российского” Карамзина, и она стала... любимой книгой Александра Семёновича Шишкова. В 1816 году Шишков и Карамзин встретились в приёмной великой княгини Екатерины Павловны. “Я беседовал с Шишковым около часа весьма искренне, чистосердечно”, – писал Карамзин жене. Шишков тоже почувствовал к Карамзину доверие. А потом всю жизнь Карамзин говорил о “голубином незлобии” “добротного Шишкова”, о том, что неприязнь последнего относится лишь к идеям и делам, но никогда – к людям.

10 июля 1818 года сам Шишков предложил избрать Николая Михайловича Карамзина членом Российской академии. Избрание прошло единогласно. “Благодаря “Истории” Карамзина, – писал В. Стоюнин, – состоялось публичное примирение двух противников”.

На переломе десятых и двадцатых годов Шишкову было уже за шестьдесят. Но именно теперь начинается для него ещё один и, быть может, самый серьёзный этап противостояния всё тем же силам, против которых он оказался поставленным судьбой.

Речь идёт о многоэтапной и многосложной истории так называемого Российского Библейского общества. Известный историк А. Н. Пыпин писал: “Русское Библейское общество, по своей основной мысли, нисколько не было русское и даже своим первым учреждением на нашей почве не было обязано русской инициативе. Но эта чужая инициатива нашла, однако, себе опору в условиях русской жизни... Вступивши в эту сферу, оно имело потом обширный успех, в короткое время раскинулось по всей России, европейской и азиатской, имело множество членов и филиальных учреждений, собирало большие пожертвования, делало массу изданий... Кончилось оно так же нежданно, как и началось”.

Российское Библейское общество организационно возникло как часть Британского Библейского общества, образованного в 1804 году, вслед за которым Библейские общества “вспыхнули” по всей Европе. Задачей их был объявлен перевод Священного Писания на современные языки и его распространение. В России ещё до войны особую активность в этой области проявлял М. М. Сперанский, который рассматривал это как часть “масонских работ”. Известны записки Гауеншильда, служившего при нём в Комиссии законов. “Предполагалось, – пишет он, – основать масонскую ложу с филиальными ложами по всей Российской империи, в которую были *обязаны* (выделено мною. – **В. К.**) поступать наиболее способные из духовных лиц всех состояний”. Гауеншильд вспоминал и о том, что Сперанский при первом же свидании с ним заговорил о “преобразовании русского духовенства”.

Всякому православному человеку хорошо известно, что Писание может выступать как вероучительный источник только вместе со Священным Преданием, и само, в соответствии со святоотеческим учением, прежде всего, “каппадокийской школы” свв. Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского имеет три уровня истолкования: исторический, нравственный и “анагогический”, или символический, при котором события Священной истории уже не имеют отношения к бывшей (или не бывшей) истории еврейского народа. Поэтому духовная жизнь есть также и “обрезание писаний”. В осо-

бенности это касается Ветхого Завета, где православно осмыслять историческую сторону можно лишь как предуготовление к пришествию Иисуса Христа, а аскетически – как историю падений и взлётов грешной души. Канон покаянный святого Андрея Критского, читаемый на первой седмице Великого поста, в данном случае наилучший пример.

* * *

Русское масонство на какое-то время чуть было не встало вообще на место Церкви, по крайней мере, для высших слоёв общества. Это было следствием прошлых событий. История России конца XVII–XVIII столетий – это история соединения политических успехов и духовного падения, вызванного произволом Патриарха Никона и царя Алексея Михайловича в отношении Православной традиции. Русский народ, по сути, оказался разделённым на две части, а лучшие люди уходили в леса и скиты, на дальние “украины” Русской земли. Старообрядчество начинает свою самостоятельную историю. Внутри же господствующей Греко-Российской Церкви постепенное возрождение Православной традиции начинается только в конце восемнадцатого столетия – ну, и далее, весь век девятнадцатый. Получает распространение старчество, народ стекается к кельям преподобного Серафима Саровского, Оптинских старцев, развивается творчество (на основе святоотеческой традиции) таких церковных писателей, как епископы Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник. Никакие “переводы Библии” здесь помочь не могли, они только уводили в сторону. Об этом честно и ясно написал один из первых “славянофилов” – И. В. Киреевский – в “Записке о направлении первоначального образования народа в России”: “Наше богослужение включает в себе полное и подробное изложение не только тех догматов, которые преподаются в школе, но даже почти всех тех вопросов, которые вообще могут тревожить любознательность ума просвещённого. Следовательно, если бы народ наш, ходя в церкви, понимал службу, то ему не нужно бы было учение катехизиса; напротив, он знал бы несравненно более, чем сколько можно узнать из катехизиса, и каждую истину веры узнавал бы не памятно, но молитвою, просвещая вместе и разум, и сердце. Но для этого недостаёт нашему народу одного: познания словенского языка. <...> Само собою разумеется, что с изучением словенского языка должно соединиться изустное толкование молитв, Нового Завета, Псалтири и, возможно, краткое объяснение литургии. Ибо не незнание веры желательно для народа; напротив, желательно только, чтобы способ узнавания развивал в нём чувство вместе с понятием. Школа должна быть не заменю, но необходимым преддверием Церкви”.

Ну, а Библейское общество – если называть вещи своими именами – подменяло православную литургию историей “избранного народа” – бывшей или не бывшей.

Состав руководства Обществом, как мы бы сегодня сказали, был “экуменическим”. Со стороны духовенства в него входили митрополиты Филарет, Серафим, Михаил, а также представители католического духовенства и протестантские пастыри, с другой – известные государственные деятели внешне самых разных направлений. Президентом его был назначен князь А. Н. Голицын, который вскоре стал министром просвещения и духовных дел.

Да, нужно признать: знаменитый Митрополит Московский Филарет (Дроздов, 1782–1783), один из известнейших подвижников благочестия XIX столетия, был сторонником “Библейского проекта” и оставался им всю жизнь. Именно его собственный труд лежит в основе Синодального перевода Библии, используемого до сих пор. И – да, надо признать: в десятилетия он принимал активное участие в “масонских работах”, состоял членом, по крайней мере, двух (или трёх) лож, в частности, ложи “Умирающего Сфинкса”. В списке членов ложи его фамилия стоит под № 32 (ОР ОГБ, ф. 439, карт. 24, ед. хр. 5, л. 13. Подробнее см.: Сушков, “Записки о жизни Филарета”, М., 1868; П. Бартенев. “Русский архив”, 1906. Т. 9. С. 93).

Значительно позже, в 1856 году Митрополит Филарет вынесет масонству свой пастырский приговор и в одной из своих речей скажет: “Чтобы уяснить истину, – не вдадимся в область умозрений и состязаний, в которой некоторые люди, не зная, более ли других обладающие мудростью, но, конечно, более других доверяющие своей мудрости, работают над изображением и по-

становлением лучших, по их мнению, начал для образования и преобразования человеческих обществ. Уже более полувека образованнейшая часть рода человеческого по летам, по временам видит их преобразовательные усилия в самом действии; но ещё нигде, никогда не создавали они “тихого и безмолвного жития”. Они умеют потрясать древние здания государств, но не умеют создавать ничего твёрдого. Внезапно по их чертежам строятся новые правительства и так же внезапно рушатся. Они тяготея отеческою и разумною властью царя и сводят слепую и жестокою властью людей, уверяя, будто ведут их к свободе, а в самом деле ведут их от законной свободы к своеволию, чтобы потом низвергнуть в угнетение”.

Впрочем, будем помнить: бывших масонов, как и бывших разведчиков, не бывает.

Как относиться к масонской стороне жизни Святителя с учётом его прославления Русской Православной Церковью? Что же, среди прославленных святых есть и такие, чья политическая и историческая позиция была далеко не всегда полезна государству Российскому. Например, преподобный Максим Грек с его не разорванными связями с Венецией, бескомпромиссным отношением к Царскому браку и престолонаследию, он же – на самом деле это и было причиной его заточения – сознательно переводил в книгах глаголы из церковно-славянского аориста в латинизированный перфект ради “синхронизации” Русского времени и времени Запада – то же, что потом делал Никон. Вообще здесь много содержится тайн. Святость – не политическая, даже не историческая категория, а *энергичная*. Мы порой не знаем, почему некто *свят у Бога*.

Ну, а рассматривая исторический эпизод под названием “Филарет и масонство”, будем исходить из итоговой позиции Святителя, выраженной в его речи 1856 года. Это его официальная позиция. Это официальная позиция Русской Церкви.

Но вернёмся к Библейскому обществу. По уставу оно должно было быть всеконфессиональным, чтобы все “конфессии” были в нём представлены как “равно владеющие” святыней Слова Божия. Веротерпимость и всеконфессиональность, однако, чаще всего оборачивались антиправославием. Во многих книгах можно было прочитать и о “тьме нелепостей и суеверий, называемых Греко-Кафолическим Восточным исповеданием”, которую подобает разогнать “светом Божественной книги”.

Сперанский в своей статье, напечатанной в сборнике “Христианское чтение”, утверждал, что должен вновь прийти иудейский Мессия, что ветхозаветные пророчества говорят о ещё не наступивших временах и об этом Мессии (“Машиахе”), а Христос якобы “унизил” эти пророчества. Тем самым средоточием Писания оказывалось не Евангелие, а именно Ветхий Завет, а миссия Христа тем самым сводилась на нет. “Читающий да уразумеет” – так оканчивалась статья.

Тот же Сперанский добился того, что Синод стал лишь частью так называемого Департамента духовных дел на правах “департамента греко-русского исповедания” наряду с департаментами по делам католиков, лютеран, магометан и иудеев. Во главе департамента был поставлен А. Н. Голицын.

Человек, бесспорно, лично одарённый, князь А. Н. Голицын (1773–1844) был, по выражению отца Георгия Флоровского, “самый характерный человек эпохи, самый отзывчивый и выразительный, во всяком случае... Человек доверчивого и впечатлительного сердца, Голицын умел и хотел быть диктатором”. Как министр духовных дел и народного просвещения, он установил жесточайшую цензуру. Несомненно было одно: прежние либеральные проекты “негласного комитета” и Сперанского, с одной стороны, и деятельность Голицына – с другой, направлялись одними и теми же силами.

Александр Семёнович Шишков, будучи президентом Российской академии, внимательно и пристально наблюдал за деятельностью Библейского общества. Особенно раздражало его, как и многих, двуличие Голицына, Магницкого, Лабзина и других масонских деятелей. Одной рукой они насаждали в России самые бредовые иноземные идеи, а другой душили русскую науку, университеты, словесность. “Главнейшие деятели, дававшие тон и направление в министерстве и цензуре, – кн. Голицын, Магницкий, Рунич, Лабзин и проч., – писал А. Н. Пыпин, – были именно таковы... Время с 1819 года (или ещё раньше) и до 1824 года – высший пункт развития Библейских обществ, было и временем несноснейшей цензуры в царствование императора Александра. Не только Пушкин приходил от неё в отчаяние, но и совсем уме-

ренные писатели, как Жуковский, кн. Вяземский, Дмитриев, Карамзин, сам А. И. Тургенев (масон и сам деятельный член Библейского общества. — В. К.), находили, что литература становится невозможна". Казалось, кто-то нарочно делает "чем хуже, тем лучше".

В противостояние вступает Шишков. Смущала его и сама по себе мысль о переводе Священного Писания на современный язык. По выражению Свербеева, идея Библейского общества была для Шишкова, кроме всего прочего, ещё и "литературной ересью", поскольку главной его идеей всегда было то, что славянский язык и есть русский. Об отношении Шишкова к славянскому языку Священного Писания мы уже говорили. Кроме того, его пугало то, что сперва было издано Пятикнижие "отдельно от книг пророческих". Издание последних было обещано на более позднее время, и Пятикнижие быстро распространилось в народе. "Шишков догадывался, — пишет по этому поводу А. Н. Пыпин, — не с тем ли это задумано и сделано, чтобы подтолкнуть простой народ к соращению в ересь молоканскую или просто в иудейство". В пользу такого суждения явно говорит следующее. Славянский перевод Ветхого Завета был выполнен с греческого перевода семидесяти толковников (Септуагинты), сделанного ещё до Рождества Христова в Александрии. Кроме этого, наиболее древнего текста, существует ещё так называемый масоретский текст, обработанный уже раввинами в III–VII веках. Экземпляры же древнего текста, с которого была сделана Септуагинта, не сохранились ("разброс гипотез" здесь весьма широк — от уничтожения до того, что прежде не было вообще ничего, и первым текстом была именно Септуагинта). В масоретском тексте оказались "подправлены" все те места, в которых прообразовательно говорится об Иисусе Христе и Божией Матери. Под видом приближения к подлиннику переводы Библейского общества делались по еврейскому, то есть именно по масоретскому тексту.

Довольно часто Шишков выражается так, точно именно славянский язык был оригинальным языком Священного Писания: "Как же дерзнуть на перемену слов, почитаемых исшедшими из уст Божиих..." С точки зрения "школьного богословия" это, конечно, не так. Но вспомним: Шишков был своего рода "протосимволистом". А выводы делал, строго соответствующие учению Церкви: "При сём необузданном и, можно сказать, всеобщем наводнении книгами Священного Писания где найдут место правила апостольские, творения святых отцов, деяния святых соборов, — одним словом, всё, что служило оплотом Православию? Всякий делается сам себе толкователем Библии и, образовав веру свою по собственным понятиям и страстям, отторгнется от союза с Церковью". И далее — совершенно прямо: "Чтение Священных книг состоит в том, чтобы истребить Православие!" (Записки адмирала Шишкова. "Чтение общества истории и древностей Российских при Московском университете". М., 1868. Кн. 3. С. 65).

Конечно, не он один думал так. После смерти митрополита Михаила в 1821 году Петербургским митрополитом был назначен митрополит московский Серафим (Глаголевский, 1757–1843). Неожиданно он начинает борьбу против "Библейского общества", а его помощником становится известный архимандрит Фотий (Спасский, 1792–1838), один из самых ярких (и, естественно, оклеветанных) ревнителей чистоты Православной веры в России. Чего только не понаписали о нём... И всё оказалось клеветой. Сам князь А. И. Голицын в письме к княгине Орловой называет Фотия "человеком необычайным", но когда попытка Голицына приручить Фотия не удалась, он "изменяет" о нём своё мнение: Фотий "становится" "чёрной силой".

Неоднократно Фотий пытался вразумить Голицына лично. И вот чем это часто кончалось. Однажды, когда Фотий пришёл к Голицыну, он заперся с ним в своём кабинете. Через некоторое время князь, выскочив с искажённым судорогами лицом и бегая по лестницам, кричал: "Оставь меня, не хочу твоей правды!"

"Восстание" вспыхнуло в 1824 году. Предлогом и поводом к решительным действиям был взят русский перевод книги Госнера "О Евангелии от Матфея". Под давлением Серафима, Фотия и других представителей духовенства книга была передана на рассмотрение Шишкову как президенту Российской академии. Шишков знал, что рисковал всем, — масоны мстили жестоко и наверняка, и немало людей, столкнувшихся с ними, погибало загадочною смертью, — но остался верен своему обычаю: говорить только то, что думал. 20 мая 1824 года он читал свой отзыв о книге Госнера в кабинете министров.

Решение императора было принято. В этот же день был дан рескрипт о высылке Госнера за границу и о сожжении русского перевода его книги рукою палача, с тем чтобы переводчики и цензоры были преданы суду. 15 мая 1824 года Голицын был уволен, а “сугубое министерство” упразднено. Несколько ранее, впрочем, уже были запрещены все масонские ложи и тайные общества на территории Российской империи.

В 1824 году Шишков был назначен министром просвещения и духовных дел. Низложение Голицына стало началом конца Библейского общества. А Шишкова совершенно неожиданно приветствовало молодое литературное поколение. А. Н. Пыпин писал: “Те, кто когда-то насмехался над Шишковым, — молодая литература “Арзамаса”, “Полярной звезды”, пушкинского круга, — вздохнули свободно. Пушкин писал из Одессы:

*Обдумав, наконец, намеренья благие,
Министра честного наш добрый царь избрал...*

И в черновике он сделал примечание: “Так арзамасец говорит ныне о дяде Шишкове”.

* * *

25 ноября 1825 года было объявлено о кончине в Таганроге императора Александра I, а 14 декабря вспыхнуло восстание на Сенатской площади. Александр Семёнович Шишков, не разделявший идей декабристов, в отличие от многих царедворцев, не обвинял лично их. Он просил об их помиловании. Почему? Возможно, потому, что знал о том, кто на самом деле безнаказанно стоит за происходящим разрушением.

В 1828 году он уходит в отставку. К тому времени здоровье его ослабло и, прежде всего, это касалось зрения. Шишков остался президентом Российской академии и членом Государственного совета, но уже не мог даже научным своим занятиям отдавать всё время.

К тому времени скончалась жена его Дарья Алексеевна, и старик Шишков, сам говоря, что нуждается в няньке, женился вторично. Несколько раз в тридцатые годы приезжал он в Москву лечиться минеральными водами. В Москве в 1833 году С. Т. Аксаков представил Шишкову Юрия Ивановича Венелина, автора книги “Древние и нынешние болгаре”. Карпатский русин по происхождению (его подлинная фамилия Гуца), Венелин был одним из первых противников “норманнской теории” происхождения Русского государства, поборником общеславянского единства и одарённым учёным, которого высоко ценил А. С. Пушкин. Одной из поразительных для того времени догадок Венелина была идея о том, что изначальные для Европы, а затем свергнутые королевские династии, начиная с Меровингов, имели славянское происхождение. Шишков восторженно встретил многие идеи Венелина. По его предложению Российская академия направила молодого учёного в Болгарию и выделила ему три тысячи рублей на путевые расходы.

Но даже поездки Шишкова в Москву были очень редки. Тридцатые годы он провёл, в основном, в Петербурге, окружённый членами Академии и семьёй, и почти не выходил из дома. К 1839 году старик уже совсем ослеп. Любимым его занятием было по-прежнему кормление птиц, которым он выставлял корм на тарелке через форточку, которую открывал на ощупь.

По воспоминаниям С. Т. Аксакова, как-то на исходе 1840 года коляска государя Николая I проезжала мимо дома Александра Семёновича, находившегося уже “в летаргическом сне”. Вбежал камердинер и сказал довольно тихо, что государь остановился у ворот и прислал спросить о здоровье хозяина. К общему изумлению, почти испугу, в ту же минуту Шишков открыл глаза и довольно твёрдым голосом сказал: “Благодарю государя! Скажи ему, что мне лучше”, — и впал в прежнее бесчувствие, продолжавшееся две недели. Прожил он 86 лет.

В последние годы своей жизни Шишков приводил в порядок свои записи разных лет. Аксаков свидетельствует, что среди них были целые рукописные книги, и в них содержались какие-то предсказания о будущих неурядицах и о “безвыходной” судьбе Европы. Что именно содержалось в записях Шишкова, он не говорит, но лишь добавляет: “Увы! Все исполнилось и исполняется с поразительной верностью”.

И мы это сегодня видим воочию.

БОРИС КУРКИН

ЭТЮДЫ О ДУШАХ ЖИВЫХ И МЁРТВЫХ

Где находится город NN?

Вы никогда не задумывались над тем, где примерно расположен губернский город NN, в котором начинается действие “Мёртвых душ”? И можно ли определить его примерное месторасположение?

Можно!

И ключом к расшифровке стал разговор двух русских мужиков.

“Вишь ты, — сказал один другому, — вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?” — “Доедет”, — отвечал другой. “А в Казань-то, я думаю, не доедет?” — “В Казань не доедет”, — отвечал другой. Этим разговор и кончился.

1. Итак, город NN расположен в великорусском “регионе”.

2. Точка, в которой находится город NN, обретается ближе к Москве, нежели к Казани.

3. Соединяем прямой линией Москву и Казань и делим эту прямую пополам.

4. Затем восстанавливаем перпендикуляр из центра линии Москва — Казань. Таким образом, всё, что находится на западе от восстановленного перпендикуляра, будет ближе к Москве, а всё, что восточнее, — ближе к Казани.

Напомним, это пространство есть пространство великорусское. Уже что-то!

5. Однако у Гоголя есть и ещё одна подсказка. И даёт он её, описывая пейзаж, открывшийся глазам Чичикова на пути к имению Манилова — “Маниловке”: “Едва только ушёл назад город, как уже пошли писать, по нашему обычаю, чушь и дичь по обеим сторонам дороги: кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен, обгорелые стволы старых, дикий вереск и тому подобный вздор”.

Узнаёте? Это северный пейзаж, знакомый всякому, едущему из Москвы в Питер. Скорее всего, в Тверской губернии. Тем более что сам Гоголь отмечает в главе 10-й, “что **город был не в глуши, а, напротив, недалеко от обеих столиц**”. Может быть, это даже город Весьегонск с его просторной тюрьмой, который приходит на ум Чичикову, составляющему список купленных им мёртвых душ.

Когда происходит действие “Мёртвых душ”?

Может быть, ваш покорный слуга судит исключительно по себе, расписываясь в собственной невнимательности и механическом усвоении текстов, однако всегда казалось, что действие “Мёртвых душ” происходит в эпоху Нико-

лая Павловича. Да и то: первый том поэмы вышел-то в 1842 году. Однако при внимательном чтении, которого нам чаще всего так недостаёт, выясняется, что афера Чичикова может быть и должна быть датирована значительно ранее. И ответ на вопрос, когда именно, можно найти частично в 8-й и, главным образом, в 10-й главах.

Начнём издалека. Вот рассуждения чиновников города NN относительно будущего новоявленных и воскресших чичиковских мужиков.

“Многие предложили свои мнения насчёт того, как искоренить буйный дух, обуревавший крестьян Чичикова. Мнения были всякого рода: были такие, которые уже чересчур отзывались военною жестокостью и строгостию, едва ли не излишнею; были, однако же, и такие, которые дышали кротостию. Почтмейстер заметил, что Чичикову предстоит священная обязанность, что он может сделаться среди своих крестьян некоторого рода отцом, по его выражению, ввести даже благодетельное просвещение, и при этом случае отозвался с большою похвалою об Ланкастеровой школе взаимного обучения”.

Насчёт “военной жестокости” — это явный намёк на военные поселения графа А. А. Аракчеева. Проект, прямо скажем, грубо оболганный, однако получивший “дурную прессу” на все последующие века. А это — александровские времена. Да и мода на Ланкастерову систему также приходится на это время.

Однако читаем далее. “Повесть о капитане Копейкине”. “Под Красным ли, или под Лейпцигом, только, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу”. Судя по рассказу почтмейстера, с момента получения тяжёлых увечий до приезда капитана в Петербург прошло совсем немного времени, а после очередного и безуспешного визита в высокие кабинеты капитан был свежён с фельдъегерем к себе домой. Однако “не прошло, можете представить себе, двух месяцев, как появилась в рязанских лесах шайка разбойников, и атаман-то этой шайки был, судырь мой, не кто другой...”

Возникает вопрос: “А сколь долго мог партизанить в рязанских лесах капитан Копейкин?” Явно не двадцать лет! Так что опять речь идёт об александровских временах.

Но кажется, Гоголю этого мало, и он даёт нам ещё одно указание-метку: “Наполеон”. Как известно, померло корсиканское чудовище 5 мая 1821 года. И факт его смерти был официально обнародован.

Однако чиновники задумались, не есть ли Чичиков Наполеон, “снова выпущенный с острова Елены”?

Конечно, англичанка могла распускать заведомо ложные слухи о смерти Бонапарта, дабы создать информационное прикрытие для отправки его под видом Чичикова в Россию. Однако читаем далее: “...город был не в глуши, а, напротив, недалеко от обеих столиц. Впрочем, нужно помнить, что **всё это происходило вскоре после достославного изгнания французов**. В это время все наши помещики, чиновники, купцы, сидельцы и всякий грамотный и даже неграмотный народ сделались по крайней мере на целые **восемь лет** заклятыми политиками. “Московские Ведомости” и “Сын Отечества” зачитывались немилосердно и доходили к последнему чтцу в кусочках, не годных ни на какое употребление. Вместо вопросов: “Почём, батюшка, продали меру овса? как воспользовались вчерашней порошей?” — говорили: “А что пишут в газетах, не выпустили ли опять Наполеона из острова?” Купцы этого сильно опасались, ибо совершенно верили предсказанию одного пророка, уже три года сидевшего в остроге; пророк пришёл неизвестно откуда в лаптях и нагольном тулупе, страшно отзывавшемся тухлой рыбой, и возвестил, что Наполеон есть антихрист и держится на каменной цепи, за шестью стенами и семью морями, но после разорвёт цепь и овладеет всем миром”.

Так что получается, что действие “Мёртвых душ” происходит именно в начале 20-х годов XIX века. Вот они, парадоксы гоголевской оптики!

Но тогда получается, что Чичиков родился в екатерининскую эпоху и является СТАРШИМ современником Онегина и Чацкого.

Кто бы мог подумать!

Хотя по-житейски всё понятно: писалось в одну эпоху, а действие сознательно переносилось в другую. Однако версия о парадоксах оптики Гоголя интереснее.

Незабвенный Михаил Семёнович (Опыт распознавания образа)

Все мы мним себя человековедами, особенно после прочтения “Мёртвых душ”. И все мы полагаем, что видим героев этой поэмы “насквозь”.

Хе-хе!..

В таком случае позвольте предложить вам один маленький психологический тест.

Вы познакомились с человеком, и он приглашает вас к себе в гости. Как вы полагаете, скажут ли вам что-нибудь о хозяине дома портреты, развешанные на стенах его апартаментов?

Полагаю, ответ будет утвердительным.

А теперь внимание: чьи портреты были развешаны в кабинете незабвенного Михаила Семёновича Собакевича помимо портрета князя П. И. Багратиона? Только не князя Багратиона из “Войны и мира”, а натурального, ходившего с Суворовым через Альпы и писавшего в великой досаде и гневе, что РУССКОМУ человеку и житья в Штабе нету – кругом засилье немецкое (это в самом-то начале Отечественной войны 12-го года!)?

Итак, послунявим палец и найдём нужное нам место в главе V.

Странно: на стенах кабинета Собакевича – сплошь герои Греческой войны за независимость 1821–1829 годов: А. Маврокордато (1791–1865), на момент встречи Собакевича и Чичикова – ещё здравствующий, равно как К. Канари (1790–1877); “Миаули отважный, известный греков командир” (как писал о нём Н. А. Некрасов), отважный спецназовец–диверсант, жегший турецкие военные суда; Бобелина (“Героиня Греции, нашего времени”, известная русскому читателю в том числе и по сочинению Ринальдо-Ринальдини).

“Все эти герои были с такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по телу!” Случайно ли они были “тоже похожи на Собакевича?” Вряд ли! Скорее, Собакевич прикупил эти популярные в те времена в России портреты (себе под статью).

Ух ты...

Первая мысль: Собакевич и в зрелые годы оставался верен РЕВОЛЮЦИОННЫМ ИДЕАЛАМ своих молодых лет. Жил бы в те времена Че Гевара, он бы, может, и портрет Че Гевары в кабинете повесил. И тоже с толстыми ляжками. Об этом, кстати, до меня уже кто-то, как на грех, успел написать. Но я бы насчёт “революционных идеалов” выводы делать поостерёгся. Ибо хоть и называли те давние события “революцией”, а была это всё же война за НЕЗАВИСИМОСТЬ Греции. Но не в том суть. Потянем ниточку дальше: а что же это за “Греция” такая без православного креста над Царьградом?

А с чего бы это государь наследник–цесаревич был наречён Константином?

И как быть с вечной российской имперской мыслию о Босфоре и Дарданеллах?

А если потянуть логическую цепочку ещё дальше, то вот вам и готовый лозунг: “Россия от Владивостока до Православного Иерусалима!” Это вам почисте лозунга “Европа от Атлантики до Урала!” будет.

Чувствуете ВСЕЛЕНСКИЙ ЗАМАХ и ДЕРЗНОВЕНИЕ этого крепкого русского помещика?! А ведь это КРЕМЕНЬ, а не человек!

Ай да Михал Семёныч! А мы-то всё про “Елизавету Воробей” да “шкаф, говорящий “Я тоже похож на Собакевича”, да лягушку, “сахаром облепленную”, да “бараний бок с гречневой кашей” талдычим!

Так что никакой Собакевич не революционер, хотя отчасти и революционер. Но революционер–ИМПЕРЕЦ. Такой, что самому Николаю Павловичу под статью!

Все уже давным-давно про Царьград забыли, если когда и думали, а он ПОМНИТ.

И ждёт.

И верит. Иначе бы давно портреты сих славных греков со стены поснимал.

Ну, и консерватор по складу ума и характера (“Толкуют: просвещение, просвещение, а это просвещение – фук!” Ну, а о том, что персона сия умна и видит людей насквозь, уж и говорить не приходится.

Так-то вот.

Могут, конечно, припомнить мне знаменитое: "...или грабил бы ты казну!" Только я в ответ возражу: слова эти произносил про себя Чичиков, меривший людей, в том числе и Собакевича, на свой аршин. И слова его суть слова пройдохи и жулика, то есть ДЕМОКРАТА в высшем смысле и значении этого слова. Чичикова, а не Гоголя!

Вернёмся теперь к ВЕЛИКОМУ ТЕКСТУ. И что же мы в нём в итоге находим-видим?

А видим мы крепкого русского ХОЗЯИНА, сидящего на своём крепком ХОЗЯЙСТВЕ где-нибудь между Вышним Волочком и Весьегонском, человека одинокого, лелеющего в душе своей ВЕЛИКУЮ МЕЧТУ о ВЕЛИКОЙ ИМПЕРИИ.

Позвольте, Михал Семёныч, я вас расцелую! Дорогой вы мой человек!

Р. С. Кстати, по известному пророчеству, случится ещё Великая Война, в которой Русская Армия одержит много славных побед и войдёт в Царьград.

Так и видится уже угрюмый танк, на башне которого выведено аршинными буквами: "Борец за ПРАВОСЛАВНУЮ ИМПЕРИЮ Михаил Собакевич!"

ПТИЦА-ТРОЙКА

(ТРИ ЭТЮДА)

I

Две "птицы-тройки"

Кто не помнит гоголевскую "птицу-тройку" – символ Руси!

На теме этой птице-тройки "забуксовал" однажды герой В. Шукшина: "Мчится, вдохновенная Богом! – а везёт шулера. Это что же выходит? – не так ли и ты, Русь?.. Тьфу!.. Мчимся-то мчимся, ёлки зелёные, а кого мчим?"

Возникает и иная ассоциация: Вакула летит на чёрте, чёрт (по некоторым версиям) – Чичиков – на Птице-тройке.

"...Остановился поражённый Божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях?"

И есть ли что-либо на свете, что способно затмить и оставить на обочине "птицу-тройку"?

Есть. Другая "птица-тройка" – символ Власти.

"Вот я тебя палашом! – кричал скакавший навстречу фельдъегерь с усами в аршин. – Не видишь, леший дери твою душу: казённый экипаж! – И, как призрак, исчезнула с громом и пылью тройка".

"И, как **призрак**, **исчезнула с громом и пылью** тройка".

"**Призрак**" (синонимы: "тьма", "привидение") – штука нехорошая. Помнится, призрак отца Гамлета – "неуязвим, как воздух", – был приговорён по ночам скитаться, а днём томиться в мучительном серном пламени ("пока грехи земной природы не выжгутся дотла").

"Птица-тройка", в которой скачет Чичиков, – "**молния**".

Казённая тройка, исчезающая, словно **призрак**, – "**гром с пылью**".

И несутся обе тройки в противоположные стороны.

Жутковатый образ.

II

Птица-тройка: тройственная оптика

Образ птицы-тройки у Гоголя, по существу, троичен: она и конкретна – Чубарый, Пристяжной, Заседатель, – и в то же время она Символ Руси. Она и от мира сего, и от мира вышнего, и летит, потому что откликается на зов глаза горнего.

Полёт птицы-тройки начинается более чем прозаически: Чичиков спешно покидает город, боясь быть узнанным и задержанным. "Бричка между тем поворотила в более пустынные улицы; скоро потянулись одни длинные деревян-

ные заборы, предвещавшие конец города. Вот уже и мостовая кончилась, и слагбаум, и город назад, и ничего нет, и опять в дороге. И опять по обеим сторонам столбового пути пошли вновь писать вёрсты, станционные смотрители, колодцы, обозы, серые деревни с самоварами, бабами и бойким бородатым хозяином, бегущим из постоянного двора с овсом в руке; пешеход в протёртых лаптях, плетущийся за восемьсот верст; городишки, выстроенные живьём, с деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой; рябые слагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядные и по ту сторону, и по другую, помещичьи рыдваны; солдат верхом на лошади, везущий зелёный ящик с свинцовым горохом и подписью: такой-то артиллерийской батарее; зелёные, жёлтые и свежеразрытые чёрные полосы, мелькающие по степям; затянутая вдаль песня, сосновые верхушки в тумане, пропадающий далече колокольный звон, вороны, как мухи, и горизонт без конца...

“Скучно на этом свете, господи!”

И вдруг... Внешний толчок в виде летящего навстречу царёва слуги. Случайный, но и закономерный: “Какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: “Чёрт поberi всё!” – его ли душе не любить её? Её ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чуждое?”

“Чуждое” – значит чудесное, возникающее и проявляющееся вопреки обыденному взгляду на вещи и их привычному ходу. Но и душа должна быть готова к встрече с миром иным, чудесным, иначе останется она целиком и полностью “в мире сем” и чуда не узрит.

Но чтобы открылась иная, “прикровенная”, как сказал бы философ, реальность, нужно одно условие:

“Не бойся!”

И вот, “кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и всё летит... знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить”.

Да, на Руси всё всерьёз.

“...и что-то страшное заключено в сём быстром мельканье, где не успеваешь означиться пропадающий предмет, – только небо над головою, да лёгкие тучи, да продирающийся месяц одни кажутся недвижны”.

Всё пришло в движение, и движение это стремительно и страшно; предметы даже “не успевают означиться и тут же пропадают”; оно наводит ужас: “Только небо над головою, да лёгкие тучи, да продирающийся месяц одни кажутся недвижны”, а страна, проносющаяся мимо, “ровнем-гладнем разметнулась на полсвета”, и зовут её Русью.

“Что значит это наводящее ужас движение?”

Это не бег, если “предметы даже не успевают означиться и тут же пропадают”. Это полёт!

Летит гоголевская птица-тройка, “и грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!...”

“...и онемела мысль пред твоим пространством”.

Что пророчит необъятный простор, пред которым немеет мысль?

Вот как! Эти пространства не только пугают своей необъятностью, наводят священный ужас; они ещё и пророчествуют!

Мистическое пространство.

Вот и осветились неестественной властью очи лирического героя, втянутого в него наводящим ужас движением.

Страшно? Страшно! Но “боящийся несовершенен в любви”, а “совершенная любовь изгоняет страх”.

Но то не привычный человеческий страх, а страх какой-то иной природы.

Может быть, страх Божий?

“Со страхом Божиим и верой Христу Богу предадимся”.

Но это же необозримое пространство есть в то же время чудная, незнакомая земле даль.

Даль “чудная”.

Даль, “незнакомая земле”.

Что же это за даль? Быть может, “Новый Иерусалим”?

“Что зовет и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзуют и стремятся в душу, и выются около моего сердца? **Русь! Чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами?** Что глядишь ты так, и зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные **ожидания** очи?..”

Несётся, летит по Руси птица-тройка. Но что это за тройка?

“Чубарый – Пристяжной – Заседатель как символ Руси”, если повторять некогда бездумно заученное?

Вслушаемся заново, вчитаемся, вчувствуемся, наконец, в зазубренный некогда текст: “...что за **неведомая сила** заключена в сих **неведомых свете** конях?”

Неведомая сила неведомых свету (миру) коней.

Ну, уж наверняка это не какая-то особая, выведенная на Руси порода лошадей! Да и “**неведомая сила**” их явно не “лошадиная”.

“...**Заслышали с вышины знакомую песню**, дружно и разом напрягли **медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богом!.. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земли**”.

“...**Заслышали с вышины знакомую песню**”.

Уж не ангельское ли пение?

“...и, почти не тронув копытами земли, превратились в **одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богом!..**”

Ба! Да кони-то эти **небесные!**

Небесная птица-тройка летит над Русью.

“**Медные груди коней**”.

“**Медный всадник**” у Пушкина... “**Медные груди**” небесных коней у Гоголя...

А в тройке – да, подлец Чичиков.

Но и его ждёт раскаянье: “Сатана проклятый обольстил, вывел из пределов разума и благоразумия человеческого. Преступил, преступил! – рыдает он в отчаянье. – Искусил, шельма, сатана, изверг человеческого рода!”

Но и Чичиков тоже вместе с лирическим героем Гоголя летит над Океаном и уже по одному тому не может оставаться прежним. Как и всякий русский, подлец Чичиков не может не испытывать в этом полёте страх и трепет, ошеломление и восторг. Поток захватывает его, и всё меньше места в душе остаётся мелкому и суетному.

И становится понятным, отчего “**Мёртвые души**” Гоголь назвал поэмой.

III

Мистика Русского Бытия

“Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу”.

Но где же то “чудное, прекрасное далеко”, из которого виделась Гоголю “бедная и неприютная” Русь?

Где оно? В какой земле?

Или то “чудное, прекрасное далеко” есть **время**, по необходимости поэтическое? Вневременной “золотой век”, в коем несть ни печали, ни вздыхания?

И видится Италия, в которой писаны “**Мёртвые души**”. Однако вчитаемся и посмотрим, **верно** ли первое, приходящее нам в голову суждение?

Где эти “дерзкие дива природы, венчанные дерзкими дивами искусства, города с многооконными высокими дворцами, вросшими в утёсы, картинные деревья и плющи, вросшие в дома, в шуме и в вечной пыли водопадов”?

Где опрокидывается назад голова “посмотреть на гроззящиеся без конца над нею и в вышине каменные глыбы”?

Где блестят “сквозь наброшенные одна на другую тёмные арки, опутанные виноградными сучьями, плющами и несметными миллионами диких роз”?

Где блестят сквозь них вдаль “вечные линии сияющих гор, несущихся в серебряные ясные небеса”?

Да. Это – Европа: Германия, Швейцария и возлюбленная Гоголем Италия, в которой так легко и вольно писалась поэма в прозе. И показалось поэту при первой же встрече с Римом, будто приехал он на свою родину. “Ро-

дину души своей я увидел, где душа моя жила ещё прежде меня, прежде, чем я родился на свет”.

“О России я могу писать только в Риме. Только там она предстоит мне вся, во всей своей громаде”.

А что же Русь?

Всё “бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни...”

“Открыто-пустынно и ровно всё в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечёт к тебе? Почему слышится и раздаётся немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовёт и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзуют и стремятся в душу, и выются около моего сердца?”

Но несётся Русь, охваченная страшным движением, неведомым миру мистическим потоком.

“Куда несёшься ты?”

Уж точно не по дороге “общественного прогресса”!

“И косясь, посторониваются и дают русской птице-тройке дорогу другие народы и государства”.

Напуганы русской бесшабашной удалью, именуемой “непредсказуемостью”, “угрозой европам”?

“Чур меня! Чур!”

Нет, право, без гоголевской “метафизики России” с мистикой её бытия не обойтись.

“...какая же **непостижимая, тайная сила** влечёт к тебе? Почему слышится и раздаётся немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовёт и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзуют и стремятся в душу, и выются около моего сердца?”

“Непостижимая, тайная сила”.

Ничто сверхрациональное, чему нет слов в человеческом языке, а вольное или невольное вторжение в духовные пределы России становится беспощадным экзаменом на подлинность.

И какое дело той волшебной и потайной силе, что властвует над Россией, до “технического прогресса” или “успехов бытоустройства”?

Чуждость России миру – вот что пугает её “партнёров”.

Чувствовал неуют на чужбине и русский человек: “...видишь – и там люди! Также Божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдёт до того, чтобы поведать сердечное слово, – видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, – любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе...”

“Экзистенциальная” чуждость, как сказали бы философы.

“Беззаконная комета в кругу расчисленного светил”.

Исключительно милостию Божией существующая. И не объяснить невысказанное её существование никак иначе. Русский немец Миних понимал это лучше многих природных русаков и нерусских немцев: “Русское государство имеет то преимущество перед другими, что оно управляется непосредственно Самим Господом Богом. Иначе невозможно объяснить, как оно существует...”

Не сподобились объяснить существование Русской земли и сами русские, не раз задумывавшие “обнять всю Россию со всех точек – с гражданской, политической, религиозной, философической, разрешить затруднительные задачи и вопросы, заданные ей временем, и определить ясно её великую будущность, словом, всё так и в том виде, как любит задавать себе современный человек”.

А когда принимались за дело всерьёз, то ничего, кроме введения, не выходило, а если и выходило нечто, то сплошь обрывки.

И, быть может, правильно делали учёные люди, что бросали своё занятие, чуя нутром бесплодность своих попыток.

“Мудрость мира сего есть безумие перед Богом”.

Оттого и не удавалась никакая русская философия, ибо сказано: “Погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну”.

Зато родилась кажется, из ниоткуда, Литература, и понеслась по свету тройка: “Пушкин–Гоголь–Достоевский”.

*И ахнул мир.
И насторожился.
И “пришипился”.*

Почуял, что погружается в некий неведомый и полный тайн мистический мир, лишь внешне напоминающий мир привычный и освоенный, в котором не действуют давно открытые и кажущиеся незыблемыми законы. И страшно стало ему от этой великой тайны.

“Небесные силы! какая ночь совершается в вышине! А воздух, а небо, далёкое, высокое, там, в недоступной глубине своей, так необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!..”

“Но и друг наш Чичиков чувствовал в это время не вовсе прозаические грёзы”. Умеют чувствовать даже русские подлецы, живую душу в себе убивающие: и Карамазовы, и Свидригайловы.

“...и уже опять перед тобою поля и степи, нигде ничего – везде пустырь, всё открыто. Верста с цифрой летит тебе в очи; занимается утро; на побелевшем холодном небосклоне золотая бледная полоса; свежее и жёстче становится ветер: покрепче в тёплую шинель!.. какой славный холод!”

“...Подымутся русские движения... и увидят, как глубоко заронилось в славянскую природу то, что скользнуло только по природе других народов...”

“И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух”.

Всё будет. Будут и “богоносцы Достоевские”, и содрогнётся мир от великих и малых инквизиторов.

Но... “видел я нечестивого, превозносящегося и возвышающегося, как кедры ливанские; и мимо прошёл, и вот, нет его, и поискал его, и не нашлось места его”.

“Русь, куда ж несёшься ты? Дай ответ. Не даёт ответа”.

Не вместить его в себя человеческому уму.

ВИКТОР ГУМИНСКИЙ

доктор филологических наук, профессор

РУССКОЕ МОРЕ: СВОБОДА И НЕОБХОДИМОСТЬ

(к проблеме изображения национального ландшафта)*

В. А. Котельников как-то заметил: “Хотя Россия к XIX в. давно освоила обширные открытые акватории (черноморскую, балтийскую, северную, тихоокеанскую), море не входило в пространство её политической и культурной компетенции – в отличие от значения моря в общенациональной (а не только прибрежной) жизни Великобритании, скандинавских и средиземноморских стран. Для русских море долго оставалось областью чуждой, с неопределённо далёким, неясным геокультурным горизонтом. Оно не только было резко ограничено от *своей*, родной земли (“матери-земли”), но и отнесено на периферию русской картины мира. <...> Для русского обыденного сознания морское пространство было столь отдалённо и часто столь противопоставлено хтоническому пространству, что сливалось с пространством мифическим (традиционное указание в сказке: “на море-окияне, на острове Буяне”), становилось образом края света вообще, приобретало черты условности. Преобладающее ощущение русского континентально-центростремительное, при всех частных отклонениях от него”. И далее следует ссылка на свидетельство Гончарова (а тот, в свою очередь, ссылался на мнение моряков) об отсутствии “в нашей публике любознательности ко всему, что касается моря и флота”. По мнению В. А. Котельникова, ещё для Афанасия Никитина в “Хождении за три моря” мореплавание, пересечение морского пространства определялось только *необходимостью* (а не свободой, как во время его пребывания на континентальном Востоке). Русский путешественник “пассивно претерпевает эти месяцы плавания и исключает этот отрицательный опыт из памяти и из своих записок”. Вывод: “Немногочисленные рассказы моряков об их путешествиях (наиболее замечательны среди них очерки Николая Бестужева) и единичные описания поморской жизни составляли до 1830-х годов почти всю прозаическую маринистику”.

В принципе, такие обобщения всегда рискованны. Но действительно, многие примеры из истории русской культуры как будто говорят именно об отсутствии “любознательности ко всему, что касается моря”. Вот один из таких выразительных, на наш взгляд, фактов. Начало XIX в. – время интенсивного

---

* Статья выполнена в рамках работы над проектом “Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте” при финансовой поддержке РГНФ (15-34-11069).

строительства в прибрежной зоне Крымского полуострова, присоединённого к России в 1783 году. Некоторые виллы, построенные тогда (например, дом герцога А. Э. Ришелье в Гурзуфе, в котором останавливались во время своего путешествия по Крыму в 1820 году Пушкин и Раевские), буквально “отворачивались” от моря, располагаясь фасадами к горам. Правда, впоследствии большинство из них было перестроено. Таким образом, русский романтизм порой парадоксально, с современной точки зрения, “предпочитал” вид на горы морскому пейзажу (горный ландшафт в русской литературе – особая “романтическая” тема, и о ней необходимо говорить особо).

Однако вначале, вероятно, следует обратиться к древнейшим представлениям о море, сохранившимся, в частности, в дуалистических космогониях различных народов. Проанализировавший эту традицию, как всегда, на огромном историко-культурном материале, включающем в том числе и древнерусскую отречённую литературу, русские духовные стихи и т. д., А. Н. Веселовский пришёл к выводу: “Везде сцена миротворения перенесена к морю и на нём совершается”. В качестве одного из примеров такого первозданного морского пейзажа исследователь привёл хорошо известный на Руси апокриф “Сказание о Тивериадском море”: “Егда не бысть неба ни земли, и тогда бысть одно море тивериадское, а берегов у него не было...”¹ Ф. И. Буслаев, в свою очередь, обратил внимание на диалог “Спор моря и земли” (в рукописи: “Пря. А се пренье земли с морем”) в составе рукописного “Цветника” XVI века. В этом диалоге земля и море выступают в качестве олицетворённых персонажей, дискутирующих о собственном значении в истории мироздания: “Земля говорила: я мать всем человекам, и Богородице, и апостолам, и пророкам, и святым мужам, и раю, плодющему цвет и овощ; а ты море волнуемое – мать пресмыкающимся гадам и лукавому змию, который ругается животным и скотам, и нестройным ветрам. А Море говорило Земле: я же мать тебе: если не будешь напоена мною, то не сможешь дать себе никакого плода, ни раю овоща сотворити, ни сама лица своего умыти”². М. П. Алексеев, вновь обратившийся к этому памятнику, справедливо писал: “Из текста не вполне ясно, чьи доводы оказываются более убедительными – земли или моря, какой стороне обеспечена конечная победа, если спор будет продолжаться; да, в сущности, текст “Прения” в том виде, в каком оно инкорпорировано в “Цветник”, не исключает возможности разрешения спора в пользу Моря и, скорее, это даже предполагает”. Современные компаративисты считают (в отличие от В. А. Котельникова), что представление о “матери-земле” присуще не только русскому язычеству, но и многим другим народным религиям и официальным культам (в том числе и “морским” народам Средиземноморья и т. п.). Море же выступает здесь как, по крайней мере, равноценное, а иногда и доминирующее начало. Истоки подобного отношения к миру следует искать “в древних космогонических сказаниях Индии и Греции, отзвуки которых столь явственно прослеживаются в дуалистических повериях о мироздании, распространённых и в Византии, и в славянском мире”.

Замечание В. А. Котельникова относительно мифологизации морского пространства “в обыденном русском сознании” во многом справедливо. Другое дело, что, скажем, в фольклоре не существует немифологизированного пространства. Главный “морской” герой русского эпоса – Садко (которому посвящена, например, содержательная работа итальянской исследовательницы Дж. Ревелли). Едва ли море в цикле былин о Садко можно назвать чуждым. В одной из былин (из “Сборника Кириши Данилова” – “Садко богатой гость”) выстраивается целая родственная система взаимоотношений между водными пространствами. Сам Садко, отгуляв двенадцать лет “по славной матушке Волге-реке”, решил “во Новгород побывать” и получил от Волги наказ “поклониться” её брату – “славному озеру Ильмену”. В ответ озеро награждает его несметным богатством, а Садко строит “Божьи храмы” во имя Стефана-архидьякона, Софии Премудрости Божьей и Николая Можайского. Культ св. Николая Мирликийского (Никола Чудотворца) на Руси как бы раздробился: “неуместный”, по определению фольклористов, в былине Николай Можайский (как “охранитель града”) явно замещает здесь Николу Зарайского (Николу Мокрого) как “спасателя на водах”. И в былине “Садко и морской царь” именно св. Николай даёт Садко советы, как ему вести себя с морским царём, чтобы остаться в живых и вернуться в Новгород. В ряде вариантов былины морской царь появляется уже в Ильмень-озере, где он и подслушивает

игру Садко на гусях. Иначе говоря, морской царь является властителем всех водных пространств (так же, как и Николай Чудотворец спасает на всех водах). Немаловажна и обратная связь. Игра Садко на гусях для морского царя вызывает его танец и бурю на море (в одном из вариантов былины встречается замечательное отождествление шубы морского царя с морем, а рукавов — с берегами), терпящие кораблекрушение обращаются с молитвой к свт. Николаю, и тот является (иногда во сне) Садко.

Море для Садко, конечно, *иной* мир (неслучайно рефреном в былине идут слова Садко: “У меня воля не своя во синем море”), но мир, вполне доступный, и граница его с земным миром вполне прозрачна:

*Проснулся Садке во синем море,
Во синем море на самом дне.
Сквозь воду увидел пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.*

Благополучное пребывание на море и в его глубине обусловлено соблюдением ряда условий: “дань морскому царю”, указание “не творить с женой блуда во синем море” и т. д. Эта линия — соблюдение нравственных правил на море — получает развитие во многих вариантах былины и выходит за её пределы. Садко кается в грехах во время шторма или во время волшебной остановки корабля, в украинской думе про Алексея Поповича сам грешный герой требует, чтобы его с завязанными глазами и камнем на шее кинули в море, дабы оно утихомирилось. В некоторых вариантах для этого оказывается достаточно отрубленного мизинца: “пожрав христианскую кровь”, море успокаивается. Здесь присутствует явная переключка с широко известным по средиземноморским фольклорным произведениям христианизированным сюжетом “Умиротворение моря”. Исследователи установили целый ряд типологических параллелей к сюжету “Садко в бурю на море”: от библейского рассказа об Ионе, сброшенном в бурю с корабля и попавшем во чрево кита, до буддийских повестей Индии, Тибета и Монголии. Особое место здесь занимают книжные рассказы о чудесах Николая Чудотворца, ростовского юродивого Исидора, св. Михаила Клопского и т. п.

Агиографический ряд с мотивом морского путешествия можно значительно расширить как за счёт переводных, так и оригинальных произведений (Жития Евстафия Плакиды, Марии Египетской, Николая Сионского, Антония Римского, “морские” чудеса из жития Зосимы и Савватия Соловецких и т. д.), весьма популярных у древнерусских читателей. Сюда же можно было бы добавить и мотив морского странствия в произведениях других жанров древнерусской литературы (видениях, рассказах о явленных иконах и т. п.). Некоторые из этих произведений были проанализированы О. В. Гладковой. Вывод, сделанный исследовательницей, по существу совпал с наблюдением В. А. Котельникова: “Морское путешествие как таковое <...> не интересовало авторов <...> житий”. Неверно только противопоставлять здесь житиям хождения, как сделала О. В. Гладкова. Авторы хождений (начиная с “Хождения игумена Даниила” и до “Хождения за три моря” Афанасия Никитина) также не интересовало “морское путешествие как таковое” (и здесь опять прав В. А. Котельников). Но их мало интересовало вообще “путешествие как таковое” в современном понимании жанрового термина, то есть описание значительных перемещений в пространстве, приключений, впечатлений во время таких перемещений и т. п. В этом смысле самым выразительным является путешествие Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим (XV в.), когда бес доставил святителя “во единой нощи” к церкви Гроба Господня и обратно, так что тот естественно и не заметил ничего в дороге. Проблема “утраченного”, “пропущенного”, “съеденного” пространства характерна и для других жанров древнерусской литературы (например, тот же Антоний Римский, путешествующий по морям на камне, сразу же из Средиземного тёплого моря попадает в Неву и т. д.).

Показательна история самой жанровой терминологии. Древнерусские паломники, конечно, неслучайно называли свои произведения “хождениями”. Это и были, прежде всего, именно “хождения” — хождения паломника шаг за шагом (естественно, по суше) от одной святыни, реликвии к другой, причём количество сделанных шагов порой точно запоминалось. Обязательное пешее

странствие паломника подразумевалось, но, конечно, далеко не всегда могло осуществиться, так сказать, в полном объёме (игумен Даниил плыл по морю на каком-то судне до Иерусалима; сойдя на берег в Палестине, он, скорее всего, продолжил свой путь на коне, в Галилею отправился “наях под ся” какое-то животное, чтобы ехать верхом, но характерно, что даже не назвал его: конь ли это, осёл или кто другой). И архиепископ Новгородский Антоний (в миру – Добрыня Ядрейкович) в качестве примечательного факта упоминает в “Книге Паломник” о погребении “на уболь³ святого Георгия” некоего св. Леонтия, “попа русина”, и добавляет: “Великъ человек той бо Леонтии 3-жь во Иеросалимъ пьшь ходиль”. Во второй половине XII века можно было действительно пройти из Царьграда в Иерусалим пешком по побережью, очищенному от турок-сельджуков и арабов, а для Леонтия паломничества стали, судя по всему, своего рода образом жизни. Характерно также, что первое издание паломнических странствий В. Г. Григоровича-Барского, явно продолжавшего традицию “хожений”, так и называлось: “Пешеходец Василия Григоровича-Барского Плаки Албова...” (СПб, 1778).

Но с течением времени на смену (пешим) “хожениям” (слово “ход” родственно греч. *ὁδός* – путь, *ὀδίτης* – странник, *ὀδεύω* – странствую) пришли “путешествия по Святой Земле” (А. Н. Муравьёва, А. С. Норова и др.), а в самом термине “путешествие” явно присутствует “морской” элемент, ведущий своё происхождение от греч. *πόντος* – “море, путь по морю”. С другой стороны, обычное для ранних греческих текстов название паломничества *πορεία* – “путешествие” сменяется многозначительным *εὐχή, προσεὐχή* (букв. “молитва”), а паломник начинает именоваться *προσκυνητής* – “поклонник”.

Но и с морем у игумена Даниила не всё так просто, ведь оно тоже может иметь прямое отношение к Священной истории. Например, рассказывая “о пути в Иерусалим”, Даниил упоминает “град Ираклия Великаа” (Гераклею) и продолжает: “И противу тому граду святое миро выходит из глубины морьския: ту святы мученици погружении суть мнози от мучителей”. Не может он пропустить, описывая “Ефес град”, “пристанище <...> идеже Иоанна Богословца море изверже” и т. д. Не говоря уже о внутренних морях самой Святой земли. Вот, скажем, описание Мёртвого моря, которое изображается как морская дорога в ад, не захлопнувшиеся до конца врата в геену огненную. Оно “не имать в себе никакоже животна, ни рыбы, ни рака, ни сколии <...> изходит бо из дна моря того смола черемная веру воды тоя <...> и смрад исходит из моря того, яко от серы горяща; ту бо есть мука под морем тем”. При столкновении с сакральным реальное водное пространство может менять свою конфигурацию, перемещаться – “побежать”. При этом оно начинает испытывать явно человеческие чувства, становится вполне антропоморфным. Подобным метаморфозам посвящён целый картинный рассказ со ссылкой на Псалтирь (Пс 113: 5) о месте, где Иоанн Предтеча крестил Иисуса Христа, или, по Даниилу, “О месте, идеже море виде, побеже, и Ердан взратися вспять”: “До того бо места изиде Иордан от ложа своего, возвратився, видев Творца своего, пришедша крестися, и убоався, възвратися вспять и прииде то того места. И ту есть море Содомское близь купели тоя было, ныне же есть далее от Крещения, яко 4 версты вдалье отбегло. Тогда убо узрев море наго Божество, стояще в водах Иорданьских и, убоався, и побеже; Иордан възратися вспять, якоже пророкъ глаголет о том: “Что ти есть, море, да побеже, и ты, Иордане, възратися вспять?”.

В этом смысле морское (водное) пространство для Даниила мало чем отличается от земного – суши. “Виденное” “очима своима грешными” для игумена Даниила означает, помимо всего прочего, указание на невидимое, включающее в себя зримые напоминания о давно прошедших событиях Священной истории. И не только напоминания о прошлом, но и указания на его пребывание в настоящем и в будущем, иначе говоря, в вечности.

Образ моря проникал в древнерусскую литературу и из Священного Писания. Спаситель, ходящий по морю, “аки посуху”, далеко не единственный пример. Особенно ярко представлена морская метафорика в апостольских посланиях: лжеучителя есть “волны свирепыя моря, воспняюща своя стыдения” (Иуд 1, 13), усомнившийся в вере “уподобися волниному морскому, ветры возметаема и развеваему” (Иак 1, 5-6) и т. п. В гимнографии морю уподобляются абстрактные понятия: “море безбожное иссушил еси”, “море страстей”, “премудрости пучину прешед” и т. п. Повсеместно распространя-

ется сравнение жизни с морем, бедствий, волнений с бурями и волнами, судьбы человеческой с кораблём, управляемым кормчим — самим человеком, и т. д. “Живущие в велицей бури мира сего” (Измарагд); “в волнах ли еси житейских” (Златая Цепь) и т. д. Митрополит Иларион расширяет этот образ: “Въ мире и въ съдравии пучину житиа преплутити и въ пристанищи небеснааго заветриа пристати, невредно корабль душевны и веру съхранышу, и съ богатством добрыми делы, безъ блазна же Богомъ даныа ему люди управивышу”. Замечательно и изображение авторского труда в виде “корабля”. Русский хронограф завершается такой выразительной картиной: “Достоин же убо дозде корабль разума управити к пристанищу безмолвия и словес весла свесити”. Не обойтись и без классического примера из Жития протоппа Аввакума с двумя “кораблями златыми” — судьбами его “скончавшихся богоугodne” духовных детей — и с его собственной судьбой — кораблём, не златом украшенным, “но разными пестротами, — красно и бело, и сине, и черно, и пепелесо (полосато. — В. Г.)... И я вскричал: чей корабль? И сидяи на нем отвещал: твой корабль, на, плавай на нем з женоу и детьми, коли докучаешь! И я вострепетах и седше рассуждаю: что се видимое? И что будет плавание?”.

Однако нельзя не учитывать и следующего: “В Новгородской области и на русском Севере традиционные стилистические формулы, связанные с морем, претерпели наиболее заметные изменения под воздействием вполне реальных представлений о морской стихии. <...> В севернорусской письменности “море” <...> не расплывчатое, обобщённое, народнопоэтическое понятие “окиян-моря”, но вполне конкретное обозначение специфического водного простора. <...> В севернорусских житиях можно встретить даже морские пейзажи, сравнительно редкие и в западноевропейских литературах этого времени; в одном из таких житий, например, неизвестный русский писатель с видимым увлечением и подлинным артистизмом описывал бурное море, которое, как “дивий зверь”, разгорается студёным разгорением, пробивается к земле бесчисленными волнами, ярится и пену точит, и горький рассол из глубины отрыгает, и множеством пьянства мутится”. М. П. Алексеев, опубликовавший в своём исследовании диалог “Прение Моря с Землею” из новгородского сборника XVII в. и развивающий традицию “Прения” из “Цветника”, дополнил свои наблюдения поэтическими примерами из этого памятника: “Подобна этой и картина моря в “Прении”, по крайней мере, некоторые её детали: “горько шумящее”, “посинелое” во время бури, ветрам содружное, с глубинами (“ядрами”) солёной влаги”.

Примером морской пейзажной лирики, причём водная стихия здесь изображается в прямо противоположном — спокойном, даже, хочется сказать, радостно-спокойном состоянии — является рассказ о перенесении мощей св. Логгина в Яренгу из “Сказания о Иоанне и Логгине Яренгских” (сер. XVII в.), принадлежащий перу Сергия (по прозвищу Шелонин): “Сладко бо тогда видети позор: море бо тихостию плещи подвижа, багрянными волнами играя, и к суседе земли пририща, и яко мирными руками объемля ту целует. Они же вседают в ладийцу, окриляют ту ядрилы, и теми многотечными ядры корабль воскриляем, от пристанища с песнию на вышшее возводят”.

Очевидно влияние различных традиций при описаниях реального моря в русской паломнической литературе. Здесь встречается и остановка волшебной силой корабля на море, и принесение жертвы (сюжет, известный нам и по фольклорным произведениям), например, в “Хожении Трифона Коробейникова (конец XVI в.). Паломник рассказал о похитителях святых мощей праведных странников из открытых могил (“костниц”) в селе Скудельниче. “Аще который человек возмет в тай от мощей тех, и егда приидет корабль на море, тогда корабль на море не может идти, и учнут турки обыскивати христиан, и аще что найдут от тех костей, и ввергнут того человека в море совсем, а корабль пойдет своим путем”.

Подобная “жертва”, “дань” и т. п. морю (исключая, конечно, человеческие жертвоприношения) станет устойчивой традицией, войдёт в международный комплекс морских суеверий, и будет фиксироваться в русской литературе путешествий вплоть до нашего времени. И. А. Гончаров, например, заметил во “Фрегате “Паллада””: “Мы прошли Готланд. Тут я услышал морское поверье, что, поравнявшись с этим островом, суда бросали, бывало, медную монету духу, охраняющему остров, чтобы он пропустил мимо без бурь. Готланд — камень с крутыми ровными боками, к которым нет никакого приступу

кораблям. Не раз они делались добычей бурного духа, и свирепое море высоко подбрасывало обломки их, а иногда и трупы, на крутые бока негостеприимного острова”.

Но вернёмся к Трифону Коробейникову, который, наконец, увидел Черное (Красное) море, “то место, где Моисей провел израилтеския люди <...> а Фараона погрузи в море со всеми вои его. Верху ж воды через все море 12 пути знати по морю. Море ж бе сине, а дороги по морю белы лежат – издали видети”. И далее следует объяснение количеству дорог, ведь Моисей, прежде всего, разделил народ Израиля на 12 колен, для каждого определил особый путь по морю, ударив по нему 12 раз жезлом: детали, отсутствующие в Ветхом Завете (см.: Исх: 14). Точно так же Трифон Коробейников знает, что случилось с войском фараоновым после “утопления”. Воины “обратишась рыбами; а те рыбы – главы человеческие у них, а тулова у них нет, токмо едины главы; а зубы и нос человеческия; а где уши, тут перье; а где потылица, тут хвост; и не едят их никтож. А кони и оружия обратишась рыбами; а на конских рыбах конская шерсть, а кожа на них толста на перст, а ловят их и кожи с них снимают, а тело мечют; а в кожах переды и подошвы подшивают; а воды те кожи не терпят, а в сухо на год встанут”. Ср. с “реалистическим” описанием Босфора в Проскинитарии Арсения Суханова (XVII в.): “Тут много было видеть в море и в протоке зверей морских дельфин; а идут головами в Чёрное море из Белого (Мраморного. – В. Г.); а под самым Цареградом тажко много. А как идут, выныряют из воды, только мало голову являют, да перья на спине высоки, а зовут их дельфинь”. Василий Гагара в своём хождении (XVII в.) уже сравнивает пустыню с морем: “А идучи ко Египту путь истомлён, сиречь нужен, возле моря, как есть море пещаное, на лошадах и пешему человеку пройти нельзя тем путём, а ходят на тот путь на верблюдах”.

Преисполнено драматизма отношение к морю Василия Григоровича-Барского (“Странствования по Святым местам Востока с 1723 по 1747 г.”). Всё началось с того, что спутник Василия, благочестивый иеромонах-странник Рувим (Гурский), носивший на теле железные вериги весом в пятнадцать фунтов (свыше 6 кг), оступился, поднимаясь на корабль, и “въпаде в глубину морскую, яко на пять сажней” (больше 10 м), “азъ же вскричавъ, мня его погибшего бити”. Но тот “вънутрь моря” взмолился “умом” к Пресвятой Богородице и к Николаю Чудотворцу и был поднят, “аки руками и вознесён бисть верху води”, где Василий, схватив его за рукав, и “извлекохъ в целосты”. Словом, “Бог чудна дела творить”.

Плавание также выдалось “испытательным”: странники попали в шторм, и Василий, впервые покинувший сушу, испытал все тяготы морской болезни. Но при этом он успевал видеть всё вокруг и обратил внимание на птицу (“синицу”), которая “не можаше прелетети широти морской” села на мачту корабля – “яко и птицы знают свою смерть и боятся” (этот образ птицы, отдыхающей на корабле во время перелёта в открытом море, также станет традиционным для литературы путешественников). Мореплаватели снова попали в шторм, и вода стала заливаться “внутрь корабля”. “Ми же с инокомъ, малодушны будуще, плакахомъ, воздыхахомъ, ожидающе смерти, возивахомъ же къ самому Христу Господу, да спасеть ни, паки Святителя Христова Николая и многих святыхъ угодниковъ Божиихъ, да освободят ни от потопления морского”. Утопающие вспомнили и слова Царствующего пророка: “Нисходящие на море в корабляхъ и творящие делание в водахъ многих видят дела Господни и чудеса Его в глубине” (ср.: Пс 106: 23-24).

Вывод Василия также весьма знаменателен: “Паки море не любит грешна человека, наипаче в грехахъ смертельныхъ сущего; того ради все христиане, имущи плисти морем, аще не причащаются, то поне исповедуют грехи свои”. Вспомнил он на латыни “и оное присловья простое: qui nescit orare, ascendat ad mare, то есть: кто не умеет молиться Богу, нехай [не] шествуетъ чрезъ морску дорогу”. Объяснение этому также весьма простое: мало кто так истово и искренне молится, как утопающий, и эта молитва быстрее доходит до Бога – “видимая бо смерть страшна есть, якоже и нам бысть”.

А. Зерченинов полагал, что буря на море неизбежно должна привести мореплавателя к мысли о Боге⁴. Об этом же писал святогорец схимонах Селевкий: “Правда говорят, что кто на море не бывал, тот усердно Богу не малялся⁵” и многие другие русские паломники. Но не только паломники. Герои “Морехода Никитина” А. А. Бестужева-Марлинского говорят: “Старики неда-

ром сложили пословицу: “Кто на море не бывал, до сыта Богу не маливался”. Или И. А. Гончаров во “Фрегате “Паллада” вспоминал: “Наконец, начало бить фрегат, по причине переменной прибыли и убыли воды об дно, о свои якоря и класть то на один, то на другой бок. И когда во второй раз положило — он оставался в этом положении с минуту. . . И страх, и опасность, и гибель — все уложилось в эту минуту. Все уцепились: кто за что мог. Всё оцепенело в молчании. Потом раздалось слова молитвы: все молились, кто словами, и все, конечно, внутренно, так усердно, как, по пословице, только молятся на море! Бог услышал молитвы моряков, и “Провидению, — говорит рапорт адмирала, — угодно было спасти нас от гибели”.

Итак, русская маринистика не так уж скудна и образ моря в фольклоре и паломнической литературе порой далёк от условности и весьма выразителен. В былинах о Садко разворачивается целый иной (по отношению к земному) мир со своим властителем — морским царём, со своим хранителем — Николаем Чудотворцем, наконец, со своим героем — новгородским купцом-гусляром. Садко, подобно Орфею, может посетить иной мир и, выполнив определённые условия (они, как правило, укладываются в христианские поведенческие нормы), вернуться обратно на землю. С другой стороны, в древнерусскую литературу очень рано начинают проникать библейские образы моря и целый метафорический ряд, связанный с этими образами. Однако примерно до XV века реальное море, по которому плавают русские паломники и путешественники, с фольклорным и библейским образами моря соотносится лишь спорадически и особого интереса у них не вызывает. Это просто пространство, которое нужно пересечь и которое недостойно описания в одном ряду с сакральным пространством Святой земли. С XVI в. картина начинает существенно меняться. Для Трифона Коробейникова реальное море уже неразрывно связывается со Священной историей, более того, оно помнит о ней и сохраняет её следы, которые становятся как бы расширенным современным мифологизированным комментарием к сакральному тексту. Знает море и о грехах человеческих, не забыло и фольклорного сюжета “морской жертвы”. Праведник по молитве может быть исторгнут из морской пучины, грешник погрузится в неё навсегда. Да и сама молитва в “пограничной ситуации” на море становится более действенной, а суд Божий более наглядным.

* * *

Однако вернёмся к мнению В. А. Котельникова о скудости “прозаической маринистики” в русской литературе до 1830-х годов. Здесь с мнением исследователя также нужно в целом согласиться. Скажем, русская литература путешествий XVIII века (может быть, за исключением паломнических маршрутов) явно избегает морской проблематики и не пытается понять море как особую, вечно подвижную часть мироздания со своей поэзией и аксиологией.

Однако уже в “Письмах русского путешественника” Н. М. Карамзина, в рассказе о возвращении на родину даётся ряд пейзажей, представляющих собой своего рода прорыв в новое, явно литературное осмысление морского пространства. Вот одно из первых в русской прозе послепетровской эпохи “художественное” описание штиля. В определённом смысле оно парадоксально: Карамзин со всей своей предромантической тягой к “готическим” пейзажам (что в полной мере реализуется в “Острове Борнгольме”) здесь, избавившись от морской болезни, уступает реальности, подавая её в оптимистическом и “классицистическом”, с упоминанием Феба, духе. В этом он кардинально отличается от моряков, озабоченных остановкой парусного корабля, штилем, безветрием. “Я выбежал на палубу: прекрасное зрелище! Море стояло, как неподвижное стекло, великолепно освещаемое солнцем; парусы висели без действия, корабль не шевелился, матросы сидели, повеся голову. Все было печальны, кроме меня; я веселился, как ребёнок, и здоровьем своим, и картиною морской, почти невероятной тишины. Вообразите бесконечное гладкое пространство вод и бесконечное, во все стороны, отражение лучей яркого света!.. Вот зеркало, достойное бога Феба! — Казалось, что в мире не было ничего, кроме воды, неба, солнца и корабля нашего”.

Эта “зеркальность” моря по отношению к небу станет основной темой шедра В. А. Жуковского — элегии “Море” (1821). С “Моря” Жуковского в рус-

ской поэзии наряду с “описательной” утвердится традиция обращения к водной стихии как к живому существу: “К морю” (1824) Пушкина, “Завыла буря...” (1824) Боратынского и т. д. вплоть до “Моря” (1832) А. И. Полежаева. “Безмолвное море” у Жуковского отвечает на вопросы лирического героя элегии самым фактом своего существования, точнее, жизненными проявлениями, так похожими на человеческие. Об этом прямо не говорится, но явно подразумевается: ритм волн соответствует ритму человеческого сердца, человеческого дыхания, а также ритму стихотворной строки, вечная изменчивость морской стихии откликается в непостоянстве человека и т. п. Одухотворенное море дышит “напряжённой грудью”, движет своим “необъятным лоном”. Поэт отбрасывает байроническую апологию моря как абсолютно свободной стихии (ей останется верен Пушкин: “Прощай, свободная стихия!” – “К морю”), не зависящей ни от кого, не укротимой ничем. Море для Жуковского, по существу, не самостоятельное и не самоценно, а вполне зависимо. Мало того, что оно находится в “земной неволе”. Море охвачено “смятенной любовью”, наполнено “тревожною думой” и уже поэтому несвободно. Но главное – море живёт отражением неба как высшей по отношению к себе инстанции. Когда “тёмные тучи” пытаются закрыть “ясное небо”, море стремится отогнать мрачную преграду, восстановить прерванную связь:

*Ты бьёшься, ты воешь, ты волны подъемишь
Ты рвёшь и терзаешь враждебную мглу...*

Но и после победы над зловещими силами море не может успокоиться, видимое равновесие в любой момент вновь может быть нарушено. Собственно говоря, такая катастрофическая перспектива предопределена самим течением жизни. Пассивное, неподвижное небо, даже “возвращённое” морю, требует постоянной любовной защиты.

Разумеется, поэт оставляет читателю возможность интерпретации элегии и в неоплатоническом духе взаимоотношений человека с высшими, “небесными” ценностями. “Оживотворение” природы, стремление “окружить ограниченную природу бесконечной идеей”, выявить процесс её “вечного очеловечивания” и другие идеи немецкой романтической эстетики, в первую очередь, “Пропедевтики”, “Приготовительной школы эстетики” Жан-Поля стали к этому времени для Жуковского органической частью мировосприятия.

Здесь уместно отступление, касающееся общего осмысления реального географического пространства в русской литературе, начиная с предромантической и романтической эпохи. Мы уже упоминали о горах и море, когда речь шла о строительстве в Крыму. “Горы высокие” и “окиан-море” встречаются в русском фольклоре, в сказках и былинах гораздо чаще, чем можно было бы предположить, исходя из реального русского ландшафта. “В горах – кругом одни горы, а равнина приучает ценить гору, любить и замечать всякую возвышенность”. Пейзажи романтических баллад Жуковского, то есть едва ли не первые лирические пейзажи в новой русской литературе, отличались, по мнению исследователей, явно повышенной гористостью. Русский литературный пейзаж начинался как раз с пейзажа экзотического, что было вполне закономерно. Крутизна, картинность шотландских и рейнских скал особенно эффектно должна была вписываться в сознании читателей в ландшафт средне-русской возвышенности.

Пушкин писал в “Путешествии в Арзрум”: “В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры ровно за девять лет. Они были всё те же, всё на том же месте. Это – снежные вершины Кавказской цепи”. Кавказские горы увидены здесь издалека, с равнины: они неподвижны, незыблемы, но всё равно составляют часть небесной сферы, являясь как бы неизменным основанием воздушного океана. Знаменательно, что Гоголь, описывая в “Страшной мести” (1831) фантастические Карпаты, прибегнет к похожему образу, но добавит в него живописной экспрессии: “Не оборвались ли с неба тяжёлые тучи и загромоздили собою землю? ибо и на них такой же серый цвет, а белая верхушка блестит и искрится при солнце”.

“Синие горы Кавказа, приветствую вас!” Синие они потому, что на горизонте, – это опять взгляд, скользкий по поверхности земли вдаль, к окоёму. Сравните с впечатлениями В. П. Боткина от испанского ландшафта: “От Бургоса до Мадрита те же пустынные поля. Сколько раз говорил я про

себя: да это наши бесконечные равнины России! – только дальняя, синяя полоса гор разрушала сходство”.

Боткин словно забыл: реальные горы Кавказа, не менее экзотические, чем любые другие “южные горы”, к этому времени почти уже стали частью России. Кавказ был просто необходим русской литературе. Политические устремления российского государства совпали с задачами, стоявшими перед нею. Немалую роль сыграл и биографический фактор (ссылка провинившихся в чём-либо на Кавказ в действующую армию).

Приведём только один, но, на наш взгляд, весьма характерный пример. Попробуйте представить себе лермонтовского Демона, летящего над средне-русской возвышенностью... Никакого эффекта. Большое крылатое существо (птица?) почти потерялось в безграничном, плоском пространстве между небом и землёй. Совсем иначе в горах, вертикаль которых задаёт другой масштаб восприятия: на их фоне грандиозность фигуры лермонтовского героя становится намного заметнее. Характерна здесь эволюция (от ранних редакций к поздним) образа пространства в поэме. Демон поначалу всё время “блуждал” *под* чем-либо: под “голубым сводом” небесной сферы; под “угрюмым сводом” монашеской кельи, где впервые увидел героиню; в “ледяном гроте”, куда удалился после первого посещения обители и т. п. “Всё изменилось с появлением в поэме Кавказа, – отмечают исследователи. – Полёт Демона в буквальном смысле слова стал выше – теперь это не полёт *под* чем-либо, но всегда полёт *над*: “над грешною землёю”, “над вершинами Кавказа”; своды разрушились, песня монахини, раздававшаяся у монастырского окна, сменилась танцем Тамары на кровле дома Гудала, в окружении гор и в освещении солнечного заката; место пустынных равнин заняли долины “роскошной Грузии”, словом, художественный мир поэмы беспредельно расширился и расцвёл “красами живыми”.

Довольно рано образ гор стал осложняться в русской литературе морской метафорикой. Такие уподобления встречаются уже в гоголевской “Страшной мести” (1831) при описании “высоковерхих” Карпат: “Нет таких гор в нашей стороне. Глаз не смеет оглянуть их; а на вершину иных не заходила и нога человека. Чуден и вид их: не зазорное ли море выбежало в бурю из широких берегов, вскинуло вихрем безобразные волны, и они, окаменев, остались недвижимы в воздухе?”

В стихотворении В. Г. Бенедиктова “И. А. Гончарову” (1858) введение экспрессивных “морских образов” в описание Альпийских гор мотивируется тем, что произведение адресовано писателю-мореплавателю – тому, “кто бурями носим, ходил в морях от края к краю”. Но, в сущности, поэт развивает, уточняет и насыщает новыми метафорами старый гоголевский “морской образ”, развёртывая его в грандиозную панораму, сохранившую память о первых днях творения:

*Гора с горой в размерах споря
И снежной пенясь белизной,
Вдали являлась предо мной
В твердыню сжавшегося моря
Окаменелою волной,
Как будто, ярой мощи полны,
Всплеснулись к небу эти волны...*

Бенедиктов под свежим впечатлением от горных обвалов в Крыму в цикле “Путевых заметок и впечатлений (в Крыму)” (1839) решил придать старому мотиву “прения” моря и суши, воды и земли эсхатологическую перспективу. У него как будто не вызывает сомнений “крепость постройки” горных массивов. Однако “всё грызут завистливые воды”, и закономерно встаёт вопрос: “Кто скажет мне, что времени рука // Не посягнет на зодчество природы?” В таком случае человечество ждёт буквально вселенское опустошение, готовящееся исподволь уже сегодня:

*Стираются и низятся хребты,
И рушатся дряхлеющие горы.
Быть может, здесь раскинутся поля,
Развеется и самый прах обломков,*

*И черепом ободанным земля
Останется донашивать потомков.
Мир будет — степь, народы обоймут
Грудь плоскую тоскующей природы...*

И т. д.

Заметим, что критика (Белинский и др.) недаром обвиняла Бенедиктова в неточном словоупотреблении. Раскинувшиеся “поля” так же, как и “степь”, явно диссонируют с апокалиптическим содержанием стихотворения и с его общим образным строем. Несмотря на все старания поэта, эти пространственные образы никак не хотят становиться “безжизненной пустыней”.

У равнины, степи уже начинала складываться к этому времени совсем другая литературная репутация. Степь, можно сказать, ворвалась в русскую литературу поначалу в самом экзотическом (по общеевропейским литературным меркам), экстремальном виде зимнего степного “Бурана” — очерк С. Т. Аксакова был впервые опубликован в альманахе М. А. Максимовича “Денница” на 1834 год. Аксаковское “необозримое пространство снеговых полей” отозвалось в “снежном море”, смешавшимся с “тёмным небом”, в “Капитанской дочке” (1836)⁶. У Пушкина “необозримая степь”, покрытая “ослепительной пеленою” снега, вызывает уже прочные “морские” ассоциации: “Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю” (см. также выше “морской” образ степных “эволюций” в “Путешествии в Арзрум”).

Попутно образ экстремальной, зимней степи закрепляется в русской поэзии, песне. “Степь да степь кругом...” является, наверное, самым типичным примером. Текст этой песни, как известно, представляет собой не что иное, как “переработанный” вариант стихотворения И. З. Сурикова (со строчками: “Снег да снег кругом...”). А оно, в свою очередь, навеяно народной ямщицкой песней о степи Моздокской.

Почти сразу же выяснилось, что в образе степи, необозримых русских пространств заключается огромный художественный потенциал, в том числе реализуемый по линии “степного океана”, “русского моря”. К тому же этот глобальный образ стал осмысляться как едва ли не главная национальная ландшафтная идеологема, определяющая историческую судьбу России не только в прошлом, но и в будущем. О нём стали много и с разной степенью убедительности писать как в России, так и за её пределами. Начиная с Пушкина, упомянувшего в ответном (по получении первого “Философического письма”) послании Чаадаеву от 19 октября 1836 года о “необъятных пространствах” (“immense étendue”) России, поглотивших монгольское нашествие, и, заканчивая историко-геополитическими построениями П. Н. Савицкого (“Континент Евразия”) и Л. Н. Гумилёва.

Д. С. Лихачёв в “Заметках о русском” посвятил национальным “просторам и пространству” отдельную главку. Он привёл яркие примеры “восторга перед пространством” в былинах, в древнерусской литературе (“Слово о полку Игореве”, “Слово о погибели русской земли” и т. д.) и, обобщая, констатировал: “Широкое пространство всегда владело сердцами русских. <...> Воля вольная — это свобода, соединённая с простором, с ничем не преграждённым пространством. А понятие тоски, напротив, соединено с понятием тесноты, лишением человека пространства”. И тут же заметил о “русской лирической протяжной песне”, в которой “есть тоска по простору”, о колокольном звоне, о движении: “Быстрая езда — это тоже стремление к простору”.

Последние замечания, включая “пропадающий далече колокольный звон”, “тоскливую, несущуюся по всей длине твоей, от моря до моря, песню”, неизбежно заставляют вспомнить знаменитые гоголевские размышления о “могучем пространстве” России (“Здесь ли не быть богатую, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?”). А также, разумеется, лирико-патетическое отступление в конце первого тома “Мёртвых душ”, открывающееся восклицанием “И какой же русский не любит быстрой езды?” и завершающееся образом птицы-тройки, мчащейся по просторам русского мироздания в будущее, в вечность.

Во второй главе “Тараса Бульбы” (1842) Гоголь предложил и свой живописный вариант образа экзотического “жёлто-золотого океана”, “бесконеч-

ной, вольной, прекрасной степи”. Эти образы прямо соотносятся с гоголевским особым пониманием пространства, при котором “география сливается и составляет одно тело с историей”: “От вида земли зависит образ жизни и даже характер народа. Многое в истории разрешает география”. Отметим в скобках, что в русской литературе путешествий эта мысль будет интерпретирована и на “морской” счёт. Так, анализируя различные влияния на оригинальный характер жителей испанского Кадиса, В. П. Боткин заметил: “Может быть, и особенно действует ещё и величавый вид океана, со всех сторон облегающего город”.

Гоголевский образ эпической, но и декоративной, экзотической степи из “Тараса Бульбы” надолго станет художественным образцом для русского литературного пейзажа, с которым будут сверяться все последующие попытки её изображения. “В нашей литературе он степной царь”, – признал Чехов в письме Д. В. Григоровичу от 5 февраля 1888 года. Но чуть раньше он же заметил: “Я знаю, Гоголь на том свете на меня рассердится. <...> Я залез в его владения с добрыми намерениями, но наерундил немало”.

Чехов в “Степи” действительно стремился совсем к другому. Для него, в первую очередь, важен не поэтически возвышенный, патетический, а “объективный” образ обыденной человеческой жизни в мире обыкновенной природы. “В повести нет ничего чрезвычайного, бьющего на эффе́кт”, – справедливо указывает М. П. Громов. Современная Чехову критика (Л. Е. Оболенский, А. А. Измайлов и др.) не случайно обвиняла писателя, прежде всего, в “бледности”, “бесколоритности”, однообразии степного пейзажа. Обративший на это особое внимание П. М. Бицилли называл “единственным предшественником” Чехова в подобном “прозаическом” изображении степи Е. Э. Дриянского в “Записках мелкотравчатого”. “Сколько написано стихов, – писал этот “забытый, никогда не оценённый по заслугам, умнейший и высокодаровитый” (Бицилли) писатель, – сколько пропето песен про эту степь! Так и думается, что это та обетованная страна, где и светло, и тепло, и просторно человеку. <...> Вот мы едем в степь: направо ветла, налево ветла, опять ветла за ветлой, а за ними всё такие ветлы да ветлы. <...> Бледно, жёлто, бугристо, и грязь, и гряда... скирды с сеном, стога с хлебом, какие-то подобия человеческих жилищ под грубой настилкой соломы, полусгнившей от течи, полуистлевшей от копоти, да кой-где куща горького осинника, утыканного сплошь вороньими гнездами...”.

Но П. М. Бицилли сосредоточился на тонком и точном анализе авторского “я” в чеховской повести и поэтому не стал говорить, наверное, о главной её особенности. А именно о том, как по мере движения “ошарпаной брички”, в которой сидят “двое N-ских обывателей” и мальчик Егорушка, степь преобразуется: из обыкновенной, знакомой и прозаической она становится незнакомой и поэтической, населяется сказочными и былинными образами, превращается в “заповедник полуразрушенной поэтической родины, древней русской земли”. Это понял М. П. Громов, посвятивший рассмотрению “контрастного сопоставления обыденного и вечного, быта и бытия” в чеховской повести много страниц исследования, выявляя её архетипическую подоснову.

П. М. Бицилли “забыл”, что “прозаическая” степь в “Записках мелкотравчатого” (надо заметить, что в приведённой цитате из произведения Дриянского речь идёт не о какой-нибудь далёкой, экзотической, а о близкой, “затамбовской” степи) также меняется по ходу повествования. В конце движения охотничьего поезда над миром “мелкотравчатых” охотников поднимается в своей вневременной и внепространственной сущности величественный образ охотничьего “рая” – степь графини Отакойто. Впрочем, оба исследователя не обратили внимания на то, что Чехов в “Степи” “отталкивался” не столько от образа степи в “Тарасе Бульбе”, сколько от гоголевских описаний “необъятного простора” Руси, пространства, перед которым “немеет” мысль, описанного в финале первого тома “Мёртвых душ”. Отсюда в чеховской “Степи” те же боги, что и у Гоголя.

К тому же Гоголь в лирическом и патетическом отступлении отталкивался как раз от “прозаической” картины “обыденной”, бедной, пустынной Руси: “Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросанно и неприятно в тебе. <...> Открыто-пустынно и ровно всё в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора”. Так что чеховская степь,

как и степь Дриянского, как и многое другое в русской литературе, тоже *вышли из Гоголя*.

Чеховская “Степь” – это бессюжетное повествование, описательная проза. Повесть имеет подзаголовок “Из истории одной поездки”, который даже формально отсылает нас к другой древней традиции русской литературы – путешествиям, хождениям. Не случайно М. П. Громов то и дело вспоминает о “хождениях”, но почему-то придаёт им значение только “медлительного, неторопливого” рассказа о путешествии. Между тем Чехов, который, по мнению того же М. П. Громова, достаточно основательно знал древнерусскую литературу, летописи и т. д., мог найти в хождениях то, чего так не хватало современной литературе. Прежде всего, – особое осмысление реального географического пространства. Древнерусский паломник отправлялся на Святую Землю, чтобы за временным, земным выявить сакральное, непреходящее и открыть его как в окружающем мире, так и в себе самом.

Вместе с тем М. П. Громову удалось разглядеть у Чехова за пресловутым пантеизмом именно этот смысл: “За всеми персонажами повести, – указывал литературовед, – стоит вечность в образе степи”.

Остаётся добавить, что в литературе путешествий нового времени, в маринистике за всеми экзотическими описаниями, географическими, этнографическими и прочими деталями явно или подспудно стоит другой образ вечности – Океан. Он, конечно, принадлежит к стихиям, к первоэлементам древней натурфилософии и не неподвижен, а пребывает в непрестанных волнениях, но в своей сущности остаётся неизменным. Другое дело, что не каждый путешественник-мореплаватель прямо рассказывает об этом. Но именно такое *sub specie aeternitatis* осмысление морского пространства начинает активно заявлять о себе в литературе именно в предромантическую и романтическую эпоху.

Таким образом, так или иначе, в большей или меньшей степени, весь традиционный “с библейских времён” ряд уподоблений наполняется новым, конкретным содержанием и закрепляется в русской литературе: море в штиль при ясной погоде = равнина и т. п.; бурное, штормовое море = горы, горные гряды и т. п.; небо = воздушный океан и т. п.

Кстати сказать, знаменитый “эротический” полуденный степной пейзаж, которым открывается гоголевская “Сорочинская ярмарка” (1831), отзовется в морском пейзаже в главе “Плавание в атлантических тропиках” из “Фрегата “Паллады””. У Гоголя: “Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землёю, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих!” Ср. у Гончарова изображение открытого моря, выдержанное в том же духе смутного натурфилософского воспоминания о геогоническом мифе, когда главные стихии космоса слились в общем порыве творческого созидания: “Покой неба и моря – не мёртвый и сонный покой: это покой как будто удовлетворённой страсти, в котором небо и море, отдыхая от её сладостных мучений, любят друг друга в объятиях друг друга. Солнце уходит, как ошастливленный любовник, оставивший долгий, задумчивый след счастья на любимом лице”⁸. Впрочем, как мы уже знаем, ещё в XVII веке архимандрит Сергей (Шелонин) рассказывал о том, как тихое Белое море ласково целует землю, обнимая её (“море бо тихостию плещи подвижа, багрянными волнами играя, и к суседе земли пририща, и яко мирными руками объемля ту целует”).

Свой экспрессивно-агрессивный вариант проблемы взаимоотношений моря и земли, напоминающий древнерусское “прение” между ними и являющийся своеобразной “живой картиной” – комментарием к нему – предложил в “Прощании с Каспием” (1834) романтический А. А. Бестужев-Марлинский. В этом стремительном, безудержно страстном монологе, перенасыщенном метафорами и аллюзиями, автобиографическими признаниями и размышлениями о тайнах вселенной, почти обязательными для любого романтика-путешественника отсылками к Оссиану, к Байрону (“*Childe Harold’s pilgrimage*”) и неожиданным соединением естественнонаучных понятий с патетической лирикой, главным героем является море. В нём автор по-байроновски видит сходство со своею судьбою, к нему постоянно обращается и ему “поэтапно” признаётся в любви: “Люблю... зыбь. <...> Люблю... туманы. <...> Люблю... в час дня. <...> Люблю... в час ночи” и т. п.

Таким образом, доходит очередь и до “воспоминания” о сотворении мира и о будущем его существовании в постоянной борьбе стихий, конец которой должен положить человек (в этом смысле Марлинский разделяет просветительский оптимизм брата Н. А. Бестужева). “Люблю видеть бессильный гнев твой, море, на каменные берега, не пускающие тебя залить землю”. Далее следует излюбленная Марлинским вереница уподоблений: от зоометафор (змея, тигр) до сравнения моря с “хитрым человеком, подрывающимся” под берега. Борьба моря с землёй, оказывается, не просто бессмысленная, ни на чём не основанная вражда: корни её уходят в далёкое, мифологическое прошлое и затрагивают метафизические основы мироздания и бытия: “Ты хочешь поглотить, затопить по-прежнему землю, когда-то в тебе зачатую и потом не раз тобой покрытую. Прочь, второй Сатурн! Тебе не пожрать своего дитя! Ты дал ему лишь тело, но Бог вдохнул в него душу – человека. Ей ли, ему ли быть жертвою стихий?..”

В “Прощании с Каспием” Марлинский развернул в “живую картину” и метафору море = степь, поставив в её центр олицетворение скорости и красоты – коня, вынесшего своего ездока в прибрежные волны и как бы задавшего тон очередному метафорическому ряду. Отметим, что к этому времени уподобление морских волн коням становилось достаточно распространённым – см., например, стихотворение Ф. И. Тютчева “Конь морской” (1830). Но вот “Прощание с Каспием”: “Один миг – и конь мой стал среди валов, изумлённый их рёвом и плеском. Как дикие степные кони, разметав гриву на ветер, стадами рыскали, прядали они кругом, набегали, отбегали вдаль; и он строптиво, недоверчиво поводил своими раскалёнными и чёрными, как уголь, глазами, вздувал дымные ноздри, обнюхивал незнакомых ему товарищей, и каждый раз, когда всплески расшибались в пену о грудь его, он злобно отряхал брызги с ушей, бил копытом песок и, оскалив зубы, готовился грызнуть неуловимых зачинщиков”.

И, конечно, совсем не случайно во время плавания фрегата “Паллада” в Атлантическом океане писателю-путешественнику приходит на ум такое неожиданное, на первый взгляд, сопоставление: “В этом спокойствии, уединении от целого мира, в тепле и сиянии фрегат принимает вид какой-то отдалённой степной русской деревни”. И далее автор развёртывает этот образ в жанровую картинку параллельного существования безграничных морских пространств и бескрайней степи, с одной стороны, и русского человека, занимающегося своими повседневными делами одновременно в “двух мирах”, – с другой. “Встанешь утром, никуда не спеша, с полным равновесием в силах души, с отличным здоровьем, с свежей головой и аппетитом, выльешь на себя несколько ведер воды прямо из океана и гуляешь, пьешь чай, потом сядешь за работу. Солнце уж высоко; жар палит: в деревне вы не пойдёте в этот час ни рожь посмотреть, ни на гумно. Вы сидите под защитой маркизы на балконе, и всё прячется под кров, даже птицы, только стрекозы отважно реют над колосьями. И мы прячемся под растянутым тентом, отворив настезь окна и двери кают...”⁹.

Однако для того, чтобы морские волны легко могли превращаться в табун диких степных лошадей, а корабль в открытом океане – в степную деревню, должно было пройти время, и “образ моря” необходимо должен был вобрать в себя как реальные морские впечатления русских путешественников, так и множество литературных ассоциаций, в том числе заимствованных из мировой “морской” классики.

Море свободно стало располагаться в русской литературе, по крайней мере, с “Острова Борнгольм” Н. М. Карамзина (1794). В. Э. Вацуро справедливо заметил, что образ рассказчика в этой повести “очень приближен к автору “Писем русского путешественника”. К тому же повесть и оформлена как отрывок из путевых записок. В ней упоминается о реальном пребывании рассказчика в Англии (“крайнем пределе” его путешествия), названо имя корабля, на котором путешественник возвращается в Россию (“Британия”) по вполне достоверному маршруту: из Лондона по Темзе до местечка Гревзэнд, затем через Зунд к Борнгольму.

Конечно, море в “Борнгольме” не самостоятельно, а представляет своего рода обрамление, декорацию для загадочно-недоговоренного повествования о связи между “молодым человеком, худым, бледным, томным, – более привидением, нежели человеком”, – и девушкой Лилой, заточенной в темни-

це. Насильственная разлука влюблённых, о которой рассказывается в песне, услышанной рассказчиком в Гревзенде от молодого незнакомца, закреплена географически: певец упоминает о Борнгольме, и именно на этот остров высаживается заинтригованный путешественник, где и находит в подземелье девушку.

Образ моря в “Острове Борнгольм” является, в первую очередь, важным элементом готического антуража повести и в этом качестве усиливает её таинственно-гнетущую атмосферу. Это — неодолимая преграда между влюблёнными, вполне соответствующая состоянию их внутреннего мира. Незнакомец с гитарой смотрит “на синее море неподвижными чёрными глазами своими, в которых сиял последний луч угасающей жизни”. Вот путешественники покидают Гревзенд, а тот же “молодой человек, бросив гитару и сложив руки, смотрел вслед за нами — смотрел на синее море...” “Волны пенились под рулём корабля нашего, — продолжает рассказчик, — берег гревзендский кручился в отдалении, северные провинции Англии чернелись на другом краю горизонта, наконец, всё исчезло, и птицы, которые долго вились над нами, полетели назад к берегу, как будто устрешённые необозримостью моря. Волнение шумных вод и туманное небо остались единственным предметом глаз наших, предметом величественным и страшным”.

Однако, несмотря на “страшный” колорит, в этом описании присутствуют вполне реалистические детали, которые впоследствии станут необходимыми атрибутами литературной маринистики: птицы, провожающие до поры до времени отплывающий корабль (вариант: птицы, отдыхающие на мачтах корабля во время утомительного перелёта через открытое море, — ср. выше у Трифона Коробейникова) и т. д. Сюда же можно отнести рассказ о “жестокое припадке морской болезни”, лишившей рассказчика “чувства”: “Шесть дней глаза мои не открывались, и томное сердце, орошаемое пеною бурных волн, едва билось в груди моей”. К этому месту Карамзин сделал весьма характерное примечание, возвращающее читателя к “прозе” мореплавания: “В самом деле, пена волн часто орошала меня, лежащего почти без памяти на палубе”¹⁰.

Литература мощно вторгалась в реальные впечатления от морских просторов ещё в “Письмах русского путешественника”, соединяясь с ними и подкрепляя своим авторитетом. Карамзин пишет: “Слушаю шум моря; смотрю, как быстрый корабль наш чёрною своею грудью рассекает волны; читаю Оссиана и перевожу его “Картон”. “Мрачный” Оссиан-Макферсон насыщен морской образностью, и “малая” поэма “Картон” не составляет здесь исключения. Вот, например, как переводил в “Московском журнале” Карамзин “морские” пассажи шотландского барда: “Кто идёт так страшно от шумного моря? Подобен он облаку осени мрачной. Трепещет смерть в его руке: как огонь, как пламя взор его!” Или при описании битвы: “Они бились, подобно двум борющимся ветрам, вдруг стремящимся волновать море”. Описание самого острова Борнгольма выдержано именно в таких “оссиановских” тонах: бурное море и неподвижные скалы создают готический образ “хладной, безмолвной вечности”.

Эволюция подобной и, казалось бы, подчёркнуто литературной детали, данной у Карамзина в “Острове Борнгольме” со ссылкой на Виланда, весьма характерна. Речь идёт об “одной тонкой дощечке”, отделяющей мореплавателя “от влажной смерти”. Эта деталь — символ бренности человеческой жизни на море — перейдёт, правда, в упрощённо-прозаическом виде, в последующую литературу морских путешествий в качестве достоверной подробности, сохраняя своё значение ненадёжной границы между жизнью и смертью. Ср. в очерке Н. А. Бестужева “Об удовольствиях на море” рассказ о “мореходцах, разлучных со светом, с его обольщениями и весёlostями, на краю гибели каждую минуту, отделёнными от смерти одною доскою...”

* * *

Этот очерк, впервые опубликованный в “Полярной звезде... на 1824 год” и принадлежащий перу профессионального моряка, стал своего рода программой для последующего развития русской маринистики. Он весь проникнут пафосом открытия нового, неизвестного, экзотического пространства,

столь необходимого бурно развивающейся русской литературе. “Послужит ли нам счастье обрести неизвестные страны? Как изъяснить прелесть нового, неиспытанного чувствования при виде особенной земли, при вдохновении неведомого бальзамического воздуха, при виде незнаемых трав, необыкновенных цветов и плодов, которых краски вовсе незнакомы нашим взорам, вкус не может быть выражен никакими словами и сравнениями? Сколько новых истин открывается, какие наблюдения пополнят познания наши о человеке и природе?..”.

Упоминание о “вдохновении неведомого бальзамического воздуха” очень знаменательно. Запах, а тем более непривычный запах является важной составляющей образа чужой, незнакомой страны (ср. со свидетельствами Петра I, Д. И. Фонвизина и др. о том, что Франция и, особенно Париж, “воняет”). Заодно, разумеется, со зрительными, вкусовыми, слуховыми, осязательными впечатлениями. Но для “вдохновения” воздуха вовсе необязательно непосредственно посещать страну и видеть все её достопримечательности *de visu*. Достаточно приблизиться к её берегам. Сам чувствительный Н. А. Бестужев убедился в этом на практике во время плавания на фрегате “Проворный” летом 1824 года. Он писал в начале очерка “Гибралтар”: “Чувствуешь приближение к испанским и португальским берегам: в 20 милях от земли утренний ветер наносит уже благоволие померанцевых и апельсиновых деревьев. Неизъяснимо чувствование, пробуждаемое вдохновением этих ароматов, зрелищем безоблачного неба и ощущением живительной теплоты...” И тут же для контраста добавил: “. . . после туманов Англии, запаху каменного угля и беспрерывных непогод, царствующих около Англинского канала”. То, что именно запах неведомых стран едва ли не первым обращал на себя внимание путешественников-мореплавателей, подтверждает “Журнал кругосветного плавания на шлюпе “Камчатка” под командою капитана Головнина” Ф. Ф. Матюшкина. В нём недавний выпускник Царскосельского лицея и товарищ Пушкина¹¹ отметил при приближении к берегам Бразилии: “Лёгкий зефир веет с берега, и мы плаваем в ароматическом воздухе, чувствительном лишь для того, кто 2 месяца дышал свежим морским воздухом”.

Но, конечно, ничто не может сравниться с тем же испанским благоуханием, когда оказываешься, можно сказать, в его средоточии, у самого первоисточника. Как никто другой знал это Ф. В. Булгарин, воевавший в Испании на стороне наполеоновских войск. Поэтому его свидетельство приобретает особую ценность, тем более что Испания писатель посвятил едва ли не самые поэтические строки в своём литературном наследии. “Климат сей благословенной страны, — вспоминал он, — есть, по моему мнению, совершенство природы, а утро — её улыбка. Северный житель, по самому красноречивому её описанию, не будет иметь о нём слабого даже понятия. Выйдите утром в поле — с чем сравнить этот темнолазоревый, безоблачный цвет неба, которым глаза не могут довольно насладиться? Миртовые, померанцевые и лимонные рощи, тысячи разнопородных трав и цветов наполняют воздух сладостным благоуханием. Нельзя довольно насытить дыхание, кажется, будто пьёшь радость и здоровье”¹².

Запах Испании стал одной из главных примет этой страны наряду с другими экзотическими деталями. В русской литературе успел сформироваться целый набор таковых, включая севильские атрибуты, предложенные Пушкиным в стихотворении “Я здесь, Инезилья...”. Оно стало необыкновенно популярным ещё до своего опубликования благодаря романсу М. И. Глинки. Сюда же можно отнести серенаду В. А. Соллогуба “Закинув плащ, с гитарой под рукою...”, ставшую своеобразным гимном студентов Дерптского университета, и мн. др.

Во время путешествия на фрегате “Паллада” И. А. Гончаров оказался примерно в таком же положении странника, проплывающего мимо заманчивых берегов, что и Н. А. Бестужев. “Мы <...> и не заметили, — писал он, — как миновали Францию, а теперь огибали Испанию и Португалию. Я от нечего делать любил уноситься мысленно на берега, мимо которых мы шли и которых не видали”. Такое путешествие “воображения” составляется как раз из вполне сформировавшегося в литературе экзотического стереотипа. Гончаров, разумеется, предлагает его именно как стереотип, то есть иронически. Отсюда “знаковое” цитирование на языке оригинала в намеренно “оборванном” виде чрезвычайно популярного в русской поэзии рефрена в песне Миньоны из

гётевских “Годов учения Вильгельма Мейстера (“Туда! Туда!”) и упоминание также на языке оригинала испанских кавалеров. Писатель добавил сюда не без доли иронии и апологетическую характеристику В. П. Боткина – главного испанского путешественника в русской литературе той эпохи¹³.

“А вот Испания с своей цветущей Андалузией, – уныло думал я, глядя в ту сторону, где дед (опытный моряк, “морской” учитель Гончарова А. А. Халезов. – В. Г.) указал быть испанскому берегу. – Севилья, caballeros с гитарами и шпагами, женщины, балконы, лимоны и померанцы. Dahin бы, в Гренаду куда-нибудь, где так умно и изящно путешествовал Боткин, умевший вытянуть до капли всю сладость испанского неба и воздуха, женщин и апельсинов, – пожить бы там, полежать под олеандрами, тополями, сочетать русскую лень с испанскою и посмотреть, что из этого выйдет”.

Гончаров почти дословно цитирует здесь “Письма об Испании”. Фраза об умении русского путешественника “вытянуть до капли всю сладость испанского неба и воздуха” отсылает к боткинскому письму IV из Кадикса, в котором тот восхищается “сверкающей синевой здешнего неба и удивительною прозрачностью атмосферы” и добавляет уже о себе с вкусовыми подробностями: “От одного этого мои северные органы ощущают здесь какое-то нервическое наслаждение. Для жителей Севера путешествовать по этим странам – всё равно, что пить самое раздражающее, огненное вино”. Ср. выше в воспоминаниях Булгарина также упоминание о “вкусе” испанского благоухания.

Эпикуреизм, гедонизм, эстетизм и т. п. Боткина стал для современников его главной отличительной чертой, своего рода жизненной и литературной позицией, которую тот демонстрировал при каждом удобном случае. В эпикуреизме нередко обвиняли и самого Гончарова. Вот что писал о нём, например, в мемуарах спутник писателя по плаванию на “Палладе” В. А. Римский-Корсаков: “Это просто ленивейший из эпикурейцев, расплывшийся от сытных обедов и послеобеденной высыпки, человек, приятный в беседе, но в обществе часто тягостный по своему слабонервному, бабьему темпераменту, который мучит его разными страхами, заставляющими его охать и наводить на всех тоску”.

К тому же следует учитывать, что эпикурейский тип поведения становился в это время как в Европе (А. Дюма и др.), так и в России весьма популярным, особенно в литературных и околосредовых кругах. До этого в России, по крайней мере, он был скорее исключением. Ср. с тем, что писал Гончаров во “Фрегате “Паллада” чуть выше: “В Париж бы! <...> Пожить бы там, в этом омуте новостей, искусств, мод, политики, ума и глупостей. <...> Пожить бы эпикурейцем, насмешливым наблюдателем всех этих проказ!” К тому же и путешествие Боткина, конечно, совсем не сводится к изображению всех перечисленных Гончаровым “испанских” особенностей. Совсем наоборот.

Первые впечатления Боткина от испанской природы были далеки от восхищения. “Красота Испании давно вошла в пословицу, – писал он о дороге из Виттории в Мадрид, – с давних пор поэты воспевают её апельсиновые и лимонные рощи... увы! Это также одно из заблуждений, существующих насчёт Испании”. И далее о пустынности северной Испании, отсутствии здесь деревьев и т. д. “Вероятно, на этой почве, – продолжает Боткин, – могли бы расти и дуб, и липа, и каштан; в Испании богатство лежит у ног человека – стоит только наклониться за ним; но испанцы ещё не любят наклоняться”.

Последнее замечание возвращает нас к пассажиру Гончарова о русской и испанской лени и к несколько неожиданному упоминанию “русских” тополей в одном ряду с экзотическими олеандрами. Автор “Фрегата “Паллады”, конечно, здесь непосредственно следует за автором “Писем об Испании”, а именно за его описанием роскошных садов Альамбры (Альгамбры). В. П. Боткин с восторгом выстроил в этой живописной картине дендрологический ряд, продемонстрировав свои познания в области ботаники: “Никогда я не видал такого разнообразия, такой свежести зелени! Дикая виноград обвивался около дубов, олеандр сплетался с северным серебристым тополем, из плакучей ивы весело торчали ветви душистого лавра, гранаты возле вязов, алоэ возле лип и каштанов – всюду смешивалась растительность Юга и Севера”. Однако на дело можно взглянуть и с другой стороны, что, конечно, не отменяет реминисценции о тополях и олеандрах из “Писем об Испании” во “Фрегате “Паллада”.

Тополя в Испании растут преимущественно, конечно, не в Гранаде, а в лесах так называемой “влажной”, то есть северной и северо-западной

части страны, где, по мнению Боткина, могут расти “и дуб, и липа, и каштан”. (Согласно современным справочникам, все эти деревья там распространены достаточно широко, то есть испанцы со времён Боткина научились “наклоняться”.) Но не эти редкие представители испанской флоры определяют её национальный колорит и литературный образ. Скорее, они все-таки свойственны России (ср. с приведёнными выше примерами из “Писем об Испании” о сходстве её равнинной части с Россией). Таким образом, получается, что Испания как бы разделяется на две части. Условно говоря, “русскую” и собственно испанскую. А так как Боткин пересекал Испанию с севера на прибрежный юг (через Виторию, Бургос, Мадрид и т. д.), то и выходило, что он добирался до “настоящей”, “поэтической” Испании через “Россию”. А в Гранаде, как мы уже знаем, растительность Севера и Юга объединилась. Кажется, внимательный Гончаров это заметил и намекнул на сей примечательный факт во “Фрегате “Паллада” (ср. также с приведённым выше мнением боткинских недоброжелателей: он описывал Испанию, не выезжая из России, а используя различные книжные источники).

Только в Севилье Боткин полностью погрузился в мир испанской экзотики, начинавшийся с боя быков и завершавшийся уже знакомым нам по очерку Н. А. Бестужева “национальным” благоуханием: “Когда я вышел из цирка (где проходила коррида. — В. Г.), солнце закатывалось, в воздухе разливался чудный золотистый пар, вечерний, прохладный ветерок напоен был запахом апельсиновых деревьев”.

Впрочем, весь этот “благовоновый”, “благоуханный” ряд завершается у Боткина жутковатым, “декадентским” описанием атмосферы Гибралтара. С другой стороны, перед нами явная интерпретация старого, “готического” мотива “удовольствия от ужаса” или наоборот — “ужаса от удовольствия” (см. ниже). “Странное свойство имеет здешний воздух, — отмечает русский путешественник, — это тонкий, сокровенный яд, от которого, говорят, можно умереть, не чувствуя его действия. <...> И, однако ж, воздух которым дышишь здесь, исполнен мягкости, благоухания, неги, а организм разрушается, испытывая самые сладостные ощущения. <...> И этот-то экстаз, это блаженство тела есть признак близкой смерти — смерти от невыносимой полноты жизни: грудь становится тесна, организм не в силах переносить своей неги...”.

Всё читавший и всё замечающий Гончаров также не удержался, чтобы не посвятить запахам на море целое рассуждение с историческими ссылками. “Я, бывало, — указывает он во “Фрегате “Паллада”, описывая прибытие корабля к о. Мадера, — с большой недоверчивостью читал в путешествиях о каких-то необыкновенных запахах, которые доносятся с берега за версту до носов мореплавателей. Я думал, что эти запахи присутствовали в носовых платках путешественников, франтов эпохи Людовиков XIV и XV, когда прыскались духами до обморока. Но вот в самом деле мы ещё далеко были от берега, а на нас повеяло тёплым, пахучим воздухом, смесью ананасов, гвоздики, как мне казалось, и ещё чего-то. Кто-то из нас, опытный в деле запахов, решил, что пахнет гелиотропом”.

Собственные ощущения от “благорастворённых воздушей” острова при прогулке по нему заставляют писателя, прежде всего, вспомнить “дым отечества”, юность на приволжских берегах, но восхищение Мадерой, кажется, заставляют отступить воспоминания. Однако упоминание о смешении “северных деревьев и цветов” с тропическими растениями на Мадере, о вкусовых “винных” ощущениях как будто возвращает его к “Письмам об Испании” и к описанию садов Гранады. К тому же, судя по всему, Гончаров не забыл и боткинской характеристики коварной атмосферы Гибралтара. “Можно снять посредством дагерротипа, — размышляет путешественник, — пожалуй, и море, и небо, и гору с садами, но не нарисуешь этого воздуха, которым дышит грудь, не передашь его лёгкости и сладости. Много рассказывают о целительности воздуха Мадеры: может быть, действие этого воздуха на здоровье заметно по последствиям; но сладостью, которой он налит, упиваешься, лишь только ступишь на берег. Я дышал, бывало, воздухом нагорного берега Волги и думал, что нигде лучшего не может быть. Откроешь утром в летний день окно, и в лицо дунет такая свежая, здоровая прохлада. На Мадере я чувствовал ту же свежесть и прохладу волжского воздуха, который пьёшь, как чистой ключевую воду, да, сверх того, он будто растворён... мадерой, скажите вы? Нет, тонкими ароматами этой удивительной почвы, питаю-

щей северные деревья и цветы рядом с тропическими на каждой клочке земли в несколько сажен и не отравляющей воздуха никаким ядовитым дыханием жаркого пояса. В этом состоит особенность и знаменитость острова”.

Однако смерть настигает человека и в этом райском уголке. В отличие от Боткина трезвый Гончаров не склонен напрямую соединять “прекрасное и ужасное”, поэтому объясняет смерть вполне естественными причинами, а не боткинской “негой”. “Кажется, ни за что не умрёшь в этом целебном, полном неги воздухе, то есть не умрёшь от болезни, а от старости разве, и то когда заживёшь чужой век. Однако здесь оканчивает жизнь дочь бразильской императрицы, сестра царствующего императора. Но она прибегла к целительности здешнего воздуха уже в последней крайности...”.

Разумеется, этот краткий обзор ранней истории русской маринистики не претендует на полноту. Но и он, как кажется, позволяет понять значение, которое начинала приобретать морская тема в развитии всей русской литературы, в частности, в осмыслении ею проблемы свободы и необходимости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Веселовский А. Н. Дуалистические поверья о мироздании // Веселовский Александр. Избранное: традиционная духовная культура. М., 2009. С. 311, 293. См. также: Кузнецова В. С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск, 1998. В этой работе текстологическому, типологическому и т. д. анализу апокрифа о Тивериадском море посвящена глава I “Сюжет о дуалистическом миротворении в русской и южнославянской книжности”. С. 29–54.

² Цит. по: Буслаев Ф. И. О народной поэзии в древнерусской литературе // Буслаев Ф. О литературе: Исследования; Статьи. М., 1990. С. 46. Буслаев цитировал “Прение” в упрощённом, адаптированном виде, по сути дела, пересказывал. Научную публикацию текста см.: Перетц В. Н. Новые труды по источниковедению древнерусской литературы и палеографии // Университетские известия. Киев, 1907, № 10. С. 120.

³ Уболь (амболь) — “проход под сводами, аркада”. См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 (А–Б), М., 1975. С. 35 со ссылкой на “Хожение” Антония Новгородского. Так что А. В. Назаренко ошибся, указав в качестве места погребения “русского священника Леонтия” “один из приделов константинопольской Софии”, а не церковь св. Георгия. См.: Назаренко А. В. У истоков русского паломничества (исторические, богословские, дисциплинарные и правовые аспекты) // Православное паломничество: традиции и современность. Сборник материалов конференции. М., 2005. С. 71. Ср.: Гардзанини М. У истоков паломнической литературы Древней Руси // “Хожение” игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. М., 2007. С. 272.

⁴ См.: [Зерченинов А.] Рассуждение о важности христианских путешествий ко святым местам, сочинённое студентом Алексеем Зерчениновым. М., 1840.

⁵ [Селевкий] Рассказ святогорца схимонаха Селевкия о своей жизни и о странствовании по святым местам: русским, палестинским и афонским, с присовокуплением подробного описания службы на 1-е октября в Руссике и краткого сказания о некоторых старцах а) усопших и б) ныне подвигающихся с Божией помощью в русском монастыре на св. Афонской горе. СПб, 1860. С. 97.

⁶ На это указывал ещё А. Поляков в статье “Картина бурана у Пушкина и С. Т. Аксакова” // Пушкин в мировой литературе. Сб. статей. Л., 1926. С. 287–288.

⁷ Белинский в статье “О русской повести и повестях г. Гоголя”, как известно, не удержался от восклицания: “Чёрт вас возьми, степи, как вы хороши у г. Гоголя!...” (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13 тт. М. 1955. Т. I. С. 307).

⁸ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем в 20 тт. СПб, 1997. Т. 2. С. 121. Во “Фрегате “Паллада” представлен целый пласт гоголевских аллюзий и реминисценций. Так, рассуждение о равнодушии денщика Фаддеева (“а этих Фаддеевых легион”) явно продолжает размышления Павла Ивановича Чичикова над списком “мёртвых душ” из седьмой главы поэмы. У Гоголя: “А! Вот он, Степан Пробка <...> Взмогнулся ли ты для большего прибутку под церковный купол, а может быть, и на крест потащился...”. (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем в 17 тт. Т. V. С. 132). Ср. у Гончарова: “Это равнодушие — родня тому спокойствию или той беспечности, с которой другой Фаддеев где-нибудь на берегу по верёвке с топором взбирается на колокольню и чинит спиц или сидит с кис-

тью на дощечке и болтается в воздухе на верху четырёхэтажного дома...” (Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем... Т. 2. С. 78).

⁹ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем... Т. 2. С. 118. Надо заметить, что образ русской степной деревни прямо-таки преследовал Гончарова во время плавания. Вот как, например, он подвёл итог своим впечатлениям от городка Фунчал на о. Мадера: “По климату — это столица мира; по тишине, малолюдству и образу жизни — степная деревня” (там же. С. 91).

¹⁰ Ср. в “Письмах русского путешественника”, где тот же эпизод с “пенной” излагается в таком же “прозаическом” стиле: “Как мучительна, ужасна морская болезнь! Кажется, что душа хочет выпрыгнуть из груди; слёзы льются градом, тоска несносная... Не зная, что делать, я сто раз ложился на постелю, сто раз садился на палубе, где морская пена окропляла меня. Не подумайте, что это риторическая фигура; нет, волны были в самом деле так велики, что иногда переливались через корабль” (Карамзин Н. М. Сочинения в 2 тт. Л., 1984. Т. 1. С. 500).

¹¹ М. А. Цявловский даже предположил, что Пушкин мог провожать Матюшкина до Кронштадта в августе 1817 года В “19 октября” (1825) Пушкин так обращался к Матюшкину:

*Счастливым путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя!*

¹² Даже В. Г. Белинский в “одиннадцатой и последней” статье “Сочинения Александра Пушкина”, восхищаясь “перлом создания” поэта — “Каменным гостем”, — не мог не упомянуть о запахе “места действия” *маленькой трагедии*, процитировав Пушкина: “Какие роскошные картины волшебной страны, где ночь лимоном и лавром пахнет!..” — Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. VII. М., 1955. С. 569.

¹³ Для многих современников, особенно тех, кто был хорошо знаком с Боткиным, представление об Испании было неотделимо от персоны “маросейского андалузца”, как его называл А. И. Герцен, подразумевая московский адрес писателя. См. об этом в статье Александра Звигильского — Боткин В. П. Письма об Испании. Л., 1976. С. 297.

ЛЕВ КОТЮКОВ

В ПРЕДДВЕРИИ ИНОГО

Вступительная статья к книге Сергея Антипова “Стихи не для всех” Коломна, “Серебро слов”, 2015.

Поэзия нынче, как когда-то церковь, отделена от государства. И если кому-то кажется обратное, то остаётся о сём скорбеть. Кто на слуху из настоящих поэтов в Год литературы?! Увы, имена, в подавляющем большинстве к русской поэзии не имеющие никакого отношения, да и к поэзии вообще. Кто получает госпремии, награды, гранты и прочее от нашего смутного государства во времена последние? Те же самые, что на слуху и на телеэкране, кормящиеся от власти и одновременно показывающие ей, многострадальной, кукиш, причём открыто, а не в кармане, как во времена стародавние.

И государство мило делает вид, что не видит эти кукиши, а заодно и не замечает истинных поэтов и не слышит музыку отчего слова. Дикой капиталистической действительности оказались не нужны ни физики, ни лирики. В чёте дистрибьютеры, брокеры, провайдеры и этот – в рот ему дышло, язык ломаешь! – марк-к-кетинг!

*Что-то физики в почёте,
Что-то лирики в загоне...*

Категорично сказал в середине 60-х годов прошлого века негибаемый поэт Борис Абрамович Слуцкий. А сказано это было по поводу бессмысленного идеологического спора тех времён: кто нужнее стране – физики или лирики? Нынче очень смутно вспоминаются спорящие по сему пустому поводу вольнодумцы 60-х, многие из которых из безобидных вольнодумцев обратились в подписантов расстрельных писем в лихие девяностые. А вообще-то, какие они лихие, эти девяностые?! Отвратные годы и безумные, когда вдруг почти в одночасье оказались не нужны России ни физики, ни лирики, когда и лирики, и физики оказались практически в одном скотозагоне мирового правительства.

К чему я об этом говорю, предваряя публикацию молодого русского поэта Сергея Антипова? Да потому, что он профессиональный физик, выпускник легендарного МИФИ, по воле судьбы обратился в лирика, ибо после повсеместного погрома фундаментальной науки оказался невостребованным в оной, несмотря на свою природную одарённость. Но лирика нашла его, и он нашёл себя в лирике. Но сначала почти безнадежно искал:

*И многомудрые друзья
Гурьбой, от времени сутулясь,
Меж фонарей, аптек и улиц
Чего-то ищут, как и я...*

Да уж, волей-неволей вспоминаются страшные строки Блока: “Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. Бессмысленный и тусклый свет...”

Но Божий Свет остаётся светом, и не в силах объять его никакая “вечная” тьма. И стремится душа к свету неприступному, ибо бессмертие Божие она обретает здесь, на грешной земле. И не об этом ли вечном стремлении человеческой самости прямым текстом говорит Сергей Антипов:

*Небо прозрачно — бездонной лазурью
Манит назад своего беглеца,
Что огрубел в человеческой шкуре,
Сник под пятой золотого тельца...*

И возвращается душа к Богу, и человек в самости своей возвращается к Богу, и нет последних времён для поэзии русской.

Отрадно, что Сергей Антипов из когорты стихотворцев, умеющих слушать. К сожалению, из немногочисленной когорты, ибо подавляющее большинство, увы, не умеют слушать, начисто лишены сего таланта, но страшно жаждут, чтобы их слушали и слышали. Стихотворец этого ряда порой весьма невыносим. Его не только слушать опасно, но читать вдвойне опасно, да и вредно.

В ответ на это очевидное заключение один из неутомимых чтецов-декламаторов картова возразил:

— Вы не правы! Истина лежит где-то посередине!

Я вежливо не согласился:

— Истина не может ни стоять, ни сидеть, ни тем более лежать. Истина всегда выше нас.

Сергей Антипов в лучших своих стихотворениях стремится к постижению Истины, но понимает, что Истина, как горизонт, всегда непостижима. Истина — это вечный Крестный путь от горизонта одного человека к горизонту всего человечества. Ненавязчиво, со здоровой дозой самоиронии он стремится поведать в стихах своих о времени и о себе:

*Не дочитан, потрёпан, с загнутыми наспех углами,
У тебя я валяюсь на полке меж гениев в книжной пыли
И о вечности грежу непонятными многим стихами,
Потому что понятные к кузькиной матери, хрюкнув, ушли.*

*Помолчим? Тут вокруг средостенье пустых фанфаронов,
Шума много, а цимес — наплакал картоваый кошак.
Посмотрел я вчера по ТВ, как живут городские вороны,
Стало стыдно и тошно, как будто тайком покурил натоцак.*

*Эти птицы умнее, вернее, пронырливей многих...
Умолкаю, а то царь природы запишет на собственный счёт.
Я и сам, если честно, смотрю ещё вслед длинноногим,
И куда-то порой расшалившийся ветер влечёт.*

*Дочитай, может, станет с тобою тогда нам немножечко легче,
На страницах разглядятся сетки душевных морщин.
Всё равно для меня ты навеки останешься лучшей из женщин...
Ну, а я?.. Ты шепни мне на ушко по правде, каким из мужчин?..*

Нет, не победил физик лирика в душе Сергея Антипова, даже в препохабной капиталистической действительности новой России — не победил. И, как ни крути, как ни передёргивай, но очень точно давным-давно сказал о сей действительности Владимир Ильич Ленин: “Его препохабие — господин капи-

тал!” И был тысячу раз прав, “ибо социализм победит не от того, что он прав, но от того, что не правы его противники”.

А это уже не Ленин сказал, а первый русский диссидент Чаадаев. Глыба по сравнению с диссидентами советской и новейшей эпохи, которые способны лишь обращаться из политических козявок в политнасекомых. На большее их не хватает, но и слава Богу! И не об этих ли лжебунтарях строки Сергея Антипова:

*Псевдособытия псевдоэпохи:
Всюду большие и грузные лица,
Возле которых гуляют пройдохи,
Чтоб коготком за кого зацепиться...*

Поэт Сергей Антипов не цепляется ни за кого в жизни сей, ибо, как истинно верующий человек, живёт по принципу: перед Богом все равны!

И напоследок, в связи с творчеством Сергея Антипова, да и не только в связи с его творчеством, вспоминается начисто нынче забытый сборник статей “Иного не дано”, составленный в конце 80-х годов ретивыми литкритиканами и публицистами под присмотром грозного серого кардинала перестройки, члена Политбюро ЦК КПСС Александра Яковлева. Краткий смысл этого вредоносного издания: ничего не дано России, кроме дикого капитализма и лакейства перед Западом. Кстати, многие из авторов той писанины неплохо здравствуют и поныне, но досадливо морщатся, когда им напоминают об их разрушительном вкладе в дело развала нашего Отечества. Мало того, некоторые из них круто изменили свои взгляды и даже осмеливаются утверждать, вопреки самим себе, что иное было дано, но просмотрели они это иное. Бог им судья!

Да, пока наяву нынче властвует “его препохабие господин капитал”. Но иное дано Отечеству нашему. И это иное медленно, но верно зреет в русском самосознании, пробивается в строчках стихов новых поэтов, и это Иное несокрушимо по воле Божьей.

Малая искра божественного Иного светится в стихах Сергея Антипова, а из искры, как известно, возгорается пламя.

ВАЛЕНТИН НЕПОМНЯЩИЙ

КУЛЬТУРА И АНТИКУЛЬТУРА

Так называется новая книга известного московского проповедника, автора многих талантливых ярких книг, протоиерея Александра Шаргунова, вышедшая в издательстве Сретенского монастыря. Сразу же хочется сказать: как мал тираж – всего три тысячи экземпляров! Но так, к сожалению, и должно быть в рассматриваемой автором культурной ситуации.

Первый раздел книги посвящен основным лжеучениям двадцатого века и их представителям. Это Маркс, обещавший материальное равенство и справедливость в распределении государственных доходов, – воинствующий атеист, идеи которого превратились в России в лозунг “грабь награбленное”, поддержанный тысячами маргиналов. И в реки крови лучших представителей русских людей, начиная с царственных мучеников. Это Фрейд, вызвавший эйфорию у самой безнравственной части западного общества, которое объявило законным и естественным всевозможный разврат, подводя под это так называемую “науку о природе человека”. На этой почве пышно расцвел психоанализ, часто групповой, упразднивший стыд и понятия об интимной и сокровенной жизни человека. Отсюда идет “сексуальная революция” на Западе, которая после “перестройки” пришла и к нам. Это Ницше, идею которого о приходе “сверхчеловека”, призванного управлять презренной человеческой массой, подняли на щит нацисты. И это Дарвин, за гипотезу которого долго цеплялись атеисты, решив, что теперь они навсегда освободились от всякой ответственности перед Творцом. Вокруг этих идей роились толпы всех национальностей, даже толком не читавшие своих кумиров, но поддавшиеся общему гипнозу.

Чтобы писать о современной жизни (ей посвящена вторая часть книги), нужно обладать большим мужеством. Может быть, порой уже не меньшим, чем в годы гонений. Автор смело указывает на ключевые моменты драматических судеб культуры и на опасности, таящиеся в ее современных мутациях. Оценки и диагнозы точны, равнодушие автора вызывает сердечный отклик и ощущение большой правды. Мы видим, как в последние десятилетия антикультура все агрессивней вытесняет культуру. И надо обладать настоящей отвагой, чтобы открыто сказать, что “король голый”. Это так называемая новая культура построена на эпатаже: кто откровеннее объявит о своих пороках, кто наглее осмелится на открытое кощунство (“Осторожно, религия!”). Культура, лишенная и намек на гуманизм, на сострадание к человеку, – вне всяких традиций русской классики. Откровенно русофобская и часто просто сатанинская. Начиналось с прославления и навязывания “Чёрного квадрата”, а закончилось так называемым “панк-молебном” в Храме Христа Спасителя. Так антикультура, утверждает автор, может дойти до рекламы публичного каннибализма и найти своих поклонников. И всё это под знаменем “свободы”.

Большое достоинство книги в том, что духовное отпадение от источника жизни показано подробно и поэтапно. Предельно обнажена современная антикультура, в которой человек не найдёт ответа на свои мысли, страдания и чаяния, а только погрузится в полную бессмыслицу атеистического бытия.

Диалог с читателем, перемежающийся со статьями, – яркий и информативный. Взять хотя бы размышления об Александре Солженицыне. Это можно назвать не ответом на вопрос, а небольшим очерком. Или об Андрее Платонове – написано глубоко, свежо, с тонким проникновением в самобытный дар истинно русского писателя.

Хотя книга “Культура и антикультура” по объёму небольшая, но вмещает в себя огромное количество информации. Знания автора поражают. И все так называемые “кумиры” философии, политики, искусства разбираются с христианских позиций, что является самой сутью книги. Прекрасны статьи о представителях современной христианской культуры: об Анастасии Цветаевой, Людмиле Крюковой, Викторе Николаеве, поэте Сергее Бехтееве, Валентине Распутине.

Без всякого преувеличения, очень многое из этой книги хотелось бы включить в учебники старших классов, хотя бы в православных гимназиях. И распространить в высших учебных заведениях как необходимое и смелое для зомбированной молодёжи слово правды. Книга чётко расставляет акценты и приоритеты и служит отважным противовесом пропаганде антикультуры. Это своего рода подвиг, когда с огромным знанием дела говорится об одной из главных проблем нашей жизни, и не только нашей, – о том, от чего напрямую зависят судьбы человечества.

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

ПЕНА

Честно говоря, у нас в России давно уже ПЕН-клуб политизировался до предела, вернее, до беспредела. И никто его уже нейтральной организацией, защищающей права обиженных писателей, не считает. Но опубликованное письмо в защиту украинского добровольца из батальона “Айдар” Надежды Савченко, организованное отнюдь не писателем, а разнузданным либеральным журналистом Сергеем Пархоменко, лишь недавно с трудом принятого в ПЕН-центр, возмутило даже многих ветеранов этого самого Пена. Ведь по всей российской и мировой прессе разнеслось: “Цвет российской нации подписывается под письмом ПЕН-клуба в защиту Савченко...” Его так и называют: открытым письмом российского ПЕН-клуба. Якобы так называемая “Неправительственная, негосударственная общественная организация Российское отделение Международного ПЕН-клуба, объединяющее мастеров слова, ищущих на русском языке, обнародовала открытое коллективное письмо в поддержку гражданки Украины, депутата Верховной Рады Украины, депутата ПАСЕ Надежды Савченко, которая в знак протеста против российского “правосудия” проводит сухую голодовку...”

Во-первых, нет никакого российского отделения ПЕН-клуба, а есть “Русский ПЕН-центр”, названный так на заре перестройки, когда слово *русский* не было ещё бранным словом, и писатели любых взглядов и убеждений называли себя не российскими, а русскими писателями.

Во-вторых, “Русский ПЕН-центр” никаких писем в защиту неистовой украинской воительницы из прославившегося зверствами батальона “Айдар” не писал, а было лишь довольно сдержанное заявление, в котором правозащитная писательская организация призывала суд “проявить максимальную честность и максимальный профессионализм. А власть — не забывать о добрых традициях русской литературы, всегда взывавшей к милосердию. Проведение (Исполком) Русского ПЕН-центра”.

А разнузданное русофобское письмо появилось лишь как частное мнение нескольких рядовых членов ПЕН-центра, куда была добавлена уйма подписей лиц, не имеющих никакого отношения к литературе. Начнём с того, что самая главная подписантка, которой ныне хвалятся, — Светлана Алексиевич, — не русская, а белорусская писательница, и к России и русской литературе никакого отношения не имеет. Впрочем, и среди остальных подписантов масса граждан Израиля, Германии и других стран. Вот бы они и выступали от имени своих стран. Уехали из России, а всё Россией озабочены, как в Вильнюсе крикуны из некоей “Свободной России”, от Гарри Каспарова до Ильи Пономарева. Расползлись по всему миру, как тараканы, но кормятся по-прежнему только руганью в адрес России.

Член “Русского ПЕН-центра” Дмитрий Новгородов возмущён: “Кто вообще пишет все эти тексты заявлений от имени членов Русского ПЕНА? Исполнительный комитет не должен иметь полномочия высказываться от имени всех членов Рус<ского> ПЕН-центра и особенно не должен иметь доступа к использованию ПЕНовского сайта как постоянного места для самопиара, как это делают некоторые сомнительные личности, внедрившиеся в Исполнительный комитет...”

Да и сам Исполком Русского ПЕНА не раз напоминал, что “самовольное использование отдельными лицами бренда “Русский ПЕН-центр”, подтасовки, клевета, ложь, оскорбления коллег недопустимы, противоречат самой сути нашей организации и пребыванию в ней”.

О недопустимой политизации ПЕН-центра писали и президент ПЕНА Андрей Битов, и вице-президент Евгений Попов, который прямо утверждал: “Нам неизвестны имена тех, кто снова использует бренд Русского ПЕН-центра, создав таинственный сайт <https://russianpenmembers.wordpress.com/>, кто собирает подписи с неизвестно чьего адреса my_pen@mail.ru – заметьте, какое дивное совпадение, опять используется слово “PEN”! И требует от лица всех подписавших немедленно опубликовать всё это на официальном сайте ПЕНА...” Далее мой давний приятель Евгений Попов вполне справедливо замечает: “По какому праву группа членов ПЕНА берёт себе право выступать от имени ВСЕХ членов ПЕНА? Кто и зачем втягивает писателей в политику?.. Дело ли ПИСАТЕЛЕЙ играть В ОДНИ ВОРОТА, те или иные?.. Единственный способ добиться согласия в Русском ПЕНе и вернуть ему уважение к себе – это перестать политиканствовать и делать “резкие заявления по Украине” (Чечне, Гренландии, Новой Гвинее etc.). Нужно с писательской мудростью жалеть всех, всё неразумное человечество, вернуться к принципам “абстрактного гуманизма”, прописанным в Хартии ПЕНА и столь ненавистным большевикам любого окраса, действовать “поверх барьеров”, а не брать сторону того или иного политика, государства, правительства...”

Ещё один известный писатель – Станислав Минаков – после публикации этой фальшивки якобы от имени ПЕН-клуба гневно обратился ко всем членам русского ПЕНА: “Хочу обратить внимание на несколько аспектов этого акта. Непонятно кем созданный, неизвестно откуда возникший сайт <https://russianpenmembers.wordpress.com/> и столь остроумное самоименование “группы лиц” по сути осуществляют подмену нашей организации, поскольку постороннему человеку крайне затруднительно, а точнее – ни за что не понять, это “заявление всего Русского ПЕН-центра” или “Заявление отдельных членов Русского ПЕН-центра” и к ним присоединившихся граждан.

Фактически речь идёт об уже не первой попытке “группы членов”, заплевать общественности мозги, то ли информационно подменять собой весь Русский ПЕН, его действующий Исполком, то ли осуществить ползучий рейдерский захват организации, о чём предупреждал ещё полтора года назад её президент А. Битов. Я спрашиваю: на каком основании и доколе правозащитную организацию писателей будут превращать в политическую партию?

Но по сути “темы”, связанной с Н. Савченко, судьбой коей столь озабочены господа “подписанты”, приведу ещё одно свидетельство: “Арестованный в мае 2014 г<ода> в Харькове и прошедший все круги ада застенков СБУ настоятель Свято-Никольского храма на Луганщине Владимир Марецкий, – пишет журналист Е. Корнилов, – с подорванным здоровьем, но живой был обменен на украинских пленных вскоре после перемирия 5 сентября того же года. Этот мужественный человек – один из тех, кто свидетельствует против садистки Савченко: <https://www.youtube.com/watch?v=TSih3SV-w3c>”. Даю свою расшифровку видеосвидетельства о. Владимира: “Сказать, что нас били, – это ничего не сказать! Нас убивали, нас расстреливали, нам ломали кости... Нас били не только руками и ногами, но и прикладами, и другими подручными средствами. Особенно проявила себя хорошо Надежда Савченко... Лично она предлагала всю нашу группу сдать на органы, чтобы заработать денег, лично она предлагала расстрелять нас, когда они не согласились сдавать нас на органы, чтобы не тратиться на нашу доставку в СБУ, лично она всячески пыталась нас уничтожить и лично принимала участие в садистских выходах и избивала нас, била с разными присказками и приговорами...”

Игнорирование судеб тысяч людей, подвергнутых репрессиям, и наряду с этим избирательная обеспокоенность судьбой профессиональной воитель-

ницы из печально известного батальона “Айдар”, многие члены которого придерживаются праворадикальных взглядов и используют нацистскую символику, остаются на совести господ “добрых подписантов”, которые, получается, в этой ситуации сами выступают (воюют) на стороне зла, и я не только не желаю участвовать в их “работе”, но и выражаю решительный протест их деятельности.

Убеждён, что Исполком Русского ПЕНа, вся организация должны принципиально разобратся в ситуации, принять соответствующие меры противодействия, а также публично высказаться по вышеозначенным проблемам.

Станислав Минаков, член PEN-клуба с 2003 года (билет № 276)
9 марта 2016 г<ода>.”

Так что, видите, и среди наших либеральных писателей не так много откровенных русофобов.

Я внимательно прочитал и это фальшивое письмо, и список подписантов, кроме нескольких широко известных ультра-либералов, мало кому известных. Составляли его по тому же принципу, что письма в советскую прессу против Солженицына и других диссидентов. Иные старики, типа парткомовского драматурга Александра Гельмана или Войновича, или бывшего министра культуры Евгения Сидорова хотели напомнить о своём существовании. Именитых писателей с трудом уговаривали, а мелочь охотно подписывалась, лишь бы прославиться. Другие, вроде Шендеровича, Рубинштейна, Сорокина или Людмилы Улицкой, вели свою игру с западными фондами и грантами, а третьих допускали как бы из милости.

Не понимаю, зачем в защиту бандеровки, не скрывающей, что она убивала людей на Донбассе, выступает неплохой русский поэт Геннадий Калашников? Он что, тоже мечтает людей убивать в батальоне “Айдар”? И какое дело до украинской воительницы моему израильскому приятелю Мише Сиперу? Или он думает, что арабские снайперши другого замеса, чем защищаемая им Надежда Савченко? Впрочем, может быть, кого-то и обманули, поставили имя без спроса, как, например, Александра Боброва.

Не понимаю и таких телеведущих и издателей, как Александр Архангельский. Если ты отрицаешь нынешний режим во всех его проявлениях, то уходи из государственного телеканала “Культура”, будь последовательным, не бери деньги из рук столь грязного государства.

Захотели организаторы этой гнусной акции сделать вид, что весь “цвет русской интеллигенции” с ними, но ничего у них не получилось. Вот и приходится прикрываться такими мерзкими фигурами, как Александр Невзоров, который по “Эху Москвы” уже и власовцев реабилитирует, и героев Отечественной войны грязью марает. Для него нынче и на самом деле убийца русских людей Надежда Савченко – национальный герой. Только какой страны и за какое геройство?

Если руководство ПЕН-центра не отмежуетя от подобных акций, цена ему будет в народе, и в писательском мире, и у властей наших самая ничтожная. Я понимаю одного из ведущих лидеров русского ПЕНа Владимира Сергиенко, который тоже жёстко высказал свою позицию: “Мне кажется, что руководство Русского ПЕН-центра просто обязано ещё раз обратиться к организаторам сбора подписей под различными петициями, не отражающими официальную точку зрения нашей организации. Обратиться с настоятельным требованием прекратить использование аббревиатуры Русского ПЕН-центра в подобных целях. Вот примеры использования в СМИ таких недобросовестных технологий: <http://www.colta.ru/news/10323> Информационная шапка: “Заявление членов Русского ПЕН-центра в поддержку Надежды Савченко” или <http://schwingen.net/archives/11481> “Члены Русского ПЕН-центра: справедливости для Надежды Савченко!”, “Члены Российского ПЕН-клуба выступили в поддержку Савченко”.

Всё это является свидетельством того, как с помощью массированного распространения специально подготовленной по форме и содержанию информации происходит манипуляция общественным сознанием, то есть перенос частного факта в сферу общего, в систему.

Свидетельством того, как нашу писательскую правозащитную организацию снова втягивают в политические игры”.

И не лучше ли, пока не поздно, удалить из этой писательской организации таких политиканов, как злобное ничтожество Сергей Пархоменко и ему

подобных, к русской литературе никакого отношения не имеющих? О нём давно уже высказался критик Игорь Золотусский : “Я член ПЕНА с апреля 1989 года. Меня принимали туда ещё в Париже. Я помню, как создавался русский ПЕН-центр, какие замечательные писатели вошли в него. Не было при приёме никаких отклонений от Устава, не было в наших рядах посторонних для литературы лиц. Сейчас в ПЕН рвутся именно такие лица. Их поведение, их агрессия говорят о том, что их намерения разрушительны. Одна из заглавных фигур в этой компании – Сергей Пархоменко. Этого господина я как-то слушал по “Эху Москвы”. Его выступление было наполнено ненавистью к России. Зачем ПЕНу такие члены?”.

Вот и надо самим пеновцам собраться и почистить основательно свои помещения от грязной пены. Тем более, в самой литературе русской нынешней столько проблем, столько страждущих и горящих, что всегда будет кого защитить, кого поддержать.

Да и надо ли, если откровенно, писателям любого толка влезать в крутую политическую международную борьбу? Умирать эта воинствующая наводчица и убийца русских журналистов не собирается, уверен, рано или поздно в результате каких-то обменов окажется у себя на Украине, вот там-то она и разоблачит себя. Мало не покажется. Все Тягнибоки и Яроши невинными козочками рядом с ней будут. Такие когда-то и расстреливали с наслаждением сотнями евреев в Бабьем Яру. Накличут на себя когда-нибудь наши либералы новый Бабий Яр. Вспомнят все свои фальшивые письма от ПЕН-центра, да поздно будет.

В конце марта в московском музее А. С. Пушкина прошло награждение лауреатов премии “Золотой Дельвиг”, учреждённой “Литературной газетой”. В номинации “Молодой Дельвиг” награду получил постоянный автор нашего журнала прозаик Андрей Антипин.

Торжество совпало с неблагоприятной кампанией по очернению писателей нового поколения, молодых традиционалистов, чьё творчество широко представлено на страницах “Нашего современника”. Застрельщиком выступил голубой листок, исполнитель — некий Сергей Морозов. Мишенью для забрызгивания грязью стал лидер поколения Андрей Антипин. Престижная премия, полученная им в разгар поношений, — лучший ответ клеветникам.

Наш журнал высоко ценит молодого автора, земляка Валентина Распутина. Его основные произведения (так же, как в своё время повести Валентина Григорьевича) опубликованы на наших страницах. Мы сразу встали на его защиту, напечатав в мартовской книжке “НС” статью заместителя главного редактора журнала А. Казинцева “Смердяков поучает. С. Морозов как лицо “Лит. России”. Сотрудники редакции рады, что теперь высокую оценку творчества А. Антипина дало и авторитетное жюри премии “Золотой Дельвиг”.

Редакция поздравляет Андрея с наградой. И в продолжение разговора, начатого А. Казинцевым, публикует письмо молодой журналистки из Краснодара, вступившей за сверстников-традиционалистов. Нашим молодым прозаикам посчастливилось найти своего читателя, прежде всего, в собственном поколении. А это ещё одна награда, пожалуй, даже более весомая, чем престижная премия.

“НЕ ЛУЧШЕ ЛЬ НА СЕБЯ ОБОРОТИТЬСЯ?”

Заметки по поводу статей Сергея Морозова “Дедушкина литература” и “Девичьи игрушки”

Реалистическое направление продолжает развиваться в современной прозе. На литературную сцену выходят молодые авторы, наследующие традиции таких мастеров слова, как Распутин, Белов, Казаков, Лихоносов. И это не может не радовать! Андрей Антипин, Андрей Тимофеев, Елена Тулушева, Платон Беседин — на мой взгляд, наиболее яркие имена, представляющие на сегодняшний день прозу молодых. Список этот, конечно же, можно продолжить — Анастасия Чернова, Антон Шушарин, Наталья Мелёхина...

Новое поколение уверенно занимает своё место в литературном процессе. Это подтверждают и получение прозаиками наград на фестивале “Золотой Витязь”, и победы на представительном литературном конкурсе “Справедливая Россия”, и приглашение на Форум писателей в Шанхае.

Получили молодые авторы и первые критические отклики. Для начинающих такие оценки особенно ценны. И поэтому критик должен, подобно врачу, помнить правило: “Не навреди!”.

В связи с этой “первой заповедью” и хотелось бы сказать несколько слов о публикациях Сергея Морозова в “Литературной России” (“Дедушкина литература”, № 5, 2016, “Девичьи игрушки”, № 8, 2016).

К сожалению, С. Морозов не попытался разобраться в творчестве молодых авторов и уж точно не захотел помочь в этом читателю. Единственная его цель — уничтожить новое поколение русских реалистов. Отсюда и желчь, которой пропитаны обе статьи.

В статье “Дедушкина литература” Сергей Морозов выдвигает тезис о том, что молодые реалисты пишут о “прошлом” — деревне и вере. Пристрастно и,

приходится отметить, неумело разбирает он творчество двух Андреев — Антипина и Тимофеева. Но даже в убогую схему, предлагаемую критиком, не вписываются их сверстники и коллеги — Платон Беседин, который в “Дневнике русского украинца” сверхсовременен, Елена Тулушева, рассматривающая в своём творчестве истории трудных подростков с депрессивных окраин столицы.

Обрушивая на авторов шквал обвинений, Сергей Морозов не подкрепляет их аргументами: “Главная особенность Антипина состоит в том, что он писатель безмысленный, безыдейный, а вдобавок к этому ещё и бесконфликтный. Страсть к описательству у него, как и многих теперь, господствует над мыслью. За картинками деревенской жизни не прячется никакой глубокой идеи. Да и боли, острой, искренней, выходящей за рамки избитых формул о гибели деревни, не ощущается”. На чём, собственно, основаны эти обвинения?

“Пока же Антипин — чистый бытописатель, не размышляющий над нравственными и социальными вопросами, в том смысле, что не пропускающий их через себя, а просто работающий по готовым шаблонам и утвердившимся стереотипам”. О каких шаблонах и стереотипах идёт речь? Поясните, Сергей Борисович! А заодно, чтобы не быть голословным, продемонстрируйте профессионализм: оцените стиль, рассмотрите средства выразительности, образную систему — всё то, что призван делать критик.

Творчество женщин-прозаиков Морозов отделяет от мужского, хотя сам же и говорит о том, что не видит в этом необходимости: “Деление на мужское и женское не всегда имеет существенное основание. Пороку к нему приходится прибегать по причинам чисто технического характера. Произведения Анастасии Черновой, Натальи Мелёхиной, Елены Тулушевой вряд ли можно обозначить как “женскую прозу”... Разброс между ними и Андреем Антипиным, Андреем Тимофеевым не так велик”.

Тогда зачем деление по гендерному признаку? А вот зачем. С помощью такого нехитрого приёма Морозов хочет изначально унижить женщин-писателей: “К женщине у нас традиционно более снисходительны. Женщине не обязательно быть пророком, воином или монахом. Поэтому и литература для неё имеет несколько иное назначение. Так, девичья игрушка. Вещать не обязательно, можно просто потешить себя, отвести душу”.

Должна разочаровать Сергея Борисовича: так к авторам-женщинам относятся самые примитивные читатели — сроднясь тем обалдуям, которые стоят группками на углах улиц с бутылками пива в руках и глупо гыкают вслед каждой юбке. Хочется пожелать газете “Литературная Россия”, где опубликованы писания Морозова, тщательнее подходить к выбору рецензентов, отсеивая чересчур оскандалившихся.

Аргументы и анализ критик подменяет бесчисленными упрёками. Первой жертвой становится Анастасия Чернова: “Ни чётких акцентов, ни стройной мысли. Ничего нельзя вычленить из невыразительного, нарочито правильного и лишённого яркости изложения. Подарки, ништяки, снежинки — всё на один фасон и лад. Ни искренности, ни боли, ни счастья, ни радости”.

Абсолютно голословные обвинения. Анализ художественного текста требует конкретики: здесь плохо, а где хорошо? Назовите имена, представьте, процитируйте! Глядишь, и писатели-патриоты, застрявшие в прошлом неумехи, как их изображает Морозов, научатся приёмам современной прозы, позаимствуют её идеи и методы. Ни одного имени, ни одного образца! Если не считать отсылки к прозе западных постмодернистов — Джойса, Барта, Пинчона и Роб-Грийе, которых Морозов противопоставляет Анастасии Черновой.

Уел, так уел! Все названные выше считаются классиками постмодернизма. Достоинства их произведений, если не считать творчества Джойса, сомнительны, но в любом случае категорически недопустимо обвинять молодого автора, выпустившего первую книгу, в том, что она не дотягивает до уровня мэтров, о которых написаны целые библиотеки исследований.

Переходя к Наталье Мелёхиной, критик неожиданно меняет гнев на милость. Отчего бы? И тут выясняется постыдный секрет “беспощадного критика”, каким хочет представить себя Сергей Борисович. Он хвалит два рассказа молодой писательницы, опубликованные в либеральных журналах. Перед либералами Морозов робеет! Критиковать не решается. Приходится менять тон: “В них [рассказах] есть всё, что должно быть в настоящей литературе — сюжет, идея, соответствующая замыслу форма”.

Отдав должное публикациям в непатриотических изданиях, критик отыгрывается на других рассказах Мелёхиной: “Но два рассказа — это едва ли не всё заслуживающее внимания, из того, что ею написано. Остальное, рас-

киданное по изданным малым тиражом сборникам – уже этнографическая проза, проходняк, пустая порода, традиционное повествование о простых людях нашего края, которое, в силу отсутствия высокого полёта авторского голоса, интересно, наверное, только её землякам. В этих незначительных произведениях, похороненных на сайте “Проза.ру”, опять, как и в бесчисленных рассказах и повестях многих других авторов, слышится порядком поднадоевшее уже “мы жили когда-то” и даются избитые картины гордой, не сдающейся, как “Варяг”, но далеко не процветающей деревни как бы в противопоставление развращённому городу (см., например, рассказ “Другие цены”)...”. Собственно, как и Антипин, Наталья Мелёхина пострадала за тяготение к деревенской прозе и к самой русской деревне.

Перечислю тезисно и ещё некоторые абсурдные обвинения критика: отсутствие зла в “почвеннической” литературе (казалось бы, радоваться надо!), наличие стереотипа памяти, “музейное сохранение традиций”, уход “из творчества в культурную работу – сохранить, не забыть”. “Это тупик, дурная бесконечность памяти. Надо выбираться из него, пока архивное отношение к истории не подменило собой энергию созидания, пока любовь к родной земле не переросла в панический страх от неё оторваться”, – констатирует Сергей Морозов. – “Времена изменились, пора бы и нам создать нечто равновеликое, потрудиться ради развития, а не в пользу музейного сохранения традиции”.

Касается в статье “Девичьи игрушки” Морозов и творчества Елены Тулушевой. Первое же замечание выдаёт озлобленность и тенденциозность: “Скажем сразу, рассказы её изрядно переხвалены. Отсутствие крупных изъянов ещё не повод для восторгов и осыпания дипломами и разного рода берестянными медалями”.

Если считать, что задача критика – объективная оценка литературы, то данный пассаж – образец, как не должен писать критик. “Отсутствие крупных изъянов” почему-то вызывает у Морозова неприкрытое раздражение. Он намекает на чьи-то “восторги”. Какие? Чьи? Кому адресован упрёк в “осыпание дипломами и... берестянными медалями”? Из интернета узнаю, что Елена – победитель нескольких литературных конкурсов, в жюри которых входят десятки известных писателей и критиков. Что же, они все ошибаются, и лишь Морозов знает истину?

Судите сами, можно ли назвать “берестяной медалью” премию Славянского литературного форума “Золотой Витязь”? Его лауреатами, наряду с молодыми писателями, стали классики славянской литературы: Добрица Чосич (Сербия), Виктор Лихоносов, Борис Олейник (Украина). Высокие критерии в течение многих лет утверждал Валентин Распутин, председатель жюри Форума. Только далёкий от литературы человек может позволить себе зубоскальство по поводу “Витязя”.

Между прочим, так оно и есть: Морозов – общественвед, кандидат философских наук. Обратившись к современной литературе, он взялся не за своё дело. Поэтом и допускает ляпы на каждом шагу.

Взять хотя бы его основной упрёк в адрес Тулушевой: “Так бывает” – вот, собственно, и всё, что хочется сказать по прочтении её рассказов... А что дальше?”. Но этак можно любого писателя перечеркнуть! Так и представляю, как пересказывает Морозов чеховскую “Даму с собачкой”. Ну приехали они на курорт – он и она. Так бывает. Влюбились. Случается. Разъехались, а потом он её нашёл. А что дальше?

Ну нельзя с таким примитивным “инструментарием” подходить к рассмотрению литературных произведений. Людей насмешишь! “Вот это “что дальше?” – вопрос ко всей новой прозе, – патетически возглашает Морозов. – Зачем вы нам это поведали? Что хотели сказать? Что жизнь грустна? Это общее место. Все об этом знают. Вы скажите это так, чтоб мы поняли, что она невыносима в своей грусти”.

Что за инфантилизм, Сергей Борисович? Почему жизнь непременно “невыносима”? Она разная. Так же, как произведения, о которых вы столь опрометчиво взяли рассуждать. Тут нужны не абстрактные лозунги и уж, конечно, не брань, а вдумчивый профессиональный анализ. Которого, увы, не хватает в ваших статьях.

“Не лучше ль на себя... оборотиться?” – советовал злословящим великий баснописец. Два века прошло, но совет не утратил актуальности. Прежде чем судить чужое творчество, иным критикам не помешало бы освоить основы своей профессии.

Ирина Шейко